«АКАДЕМИК Е.А. БӨКЕТОВ АТЫНДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ ҰЛТТЫҚ ЗЕРТТЕУ УНИВЕРСИТЕТІ» КеАҚ

НАО «КАРАГАНДИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА Е.А. БУКЕТОВА»

ҚҰНДЫЛЫҚТАР ӘЛЕМІ – ӘЛЕМНІҢ ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландыратын «Қазақстандағы жоғары білім берудің гуманитарлық қырлары: реформалау перспективалары» гранттық жобасын іске асыру шеңберінде гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелеріне арналған студенттердің республикалық ғылыми жұмыстар байқауының

МАТЕРИАЛДАРЫ

2026 жылғы 30 қазан

Ғылыми электрондық басылым

*****

ЦЕННОСТИ МИРА – МИР ЦЕННОСТЕЙ

МАТЕРИАЛЫ

Республиканского конкурса научных студенческих работ по проблемам гуманитаристики, проводимого в рамках реализации грантового проекта «Гуманитарные ракурсы высшего образования в Казахстане: перспективы реформирования», финансируемого Комитетом Науки МНВО РК

30 октября 2026 г.

Научное электронное издание

Қарағанды
2026

Ғылыми электрондық басылым

«Құндылықтар әлемі - әлемнің құндылықтары» Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландыратын «Қазақстандағы жоғары білім берудің гуманитарлық қырлары: реформалау перспективалары» гранттық жобасын іске асыру шеңберінде гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелеріне арналған студенттердің республикалық ғылыми жұмыстар байқауының материалары (2026 ж. 30 қазан) / Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу ун-і; [ұйымд. комитеті: Е.М. Тажбаев т.б.]. — Қарағанды: «Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті», 2026. — Қазақша – орысша.

Ұйымдастыру комитеті – Организационный комитет

Тажбаев Е.М. (төраға – председатель),
Карипбаев Б.И., Манасова М.М., Жумасултанова Г.А., Сейфулина Г.Р., Жакин С.М

Құндылықтар әлемі - әлемнің құндылықтары = Ценности мира-мир ценностей: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландыратын «Қазақстандағы жоғары білім берудің гуманитарлық қырлары: реформалау перспективалары» гранттық жобасын іске асыру шеңберінде гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелеріне арналған студенттердің республикалық ғылыми жұмыстар байқауының материалары (2026 ж. 30 қазан) / Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу ун-і; [ұйымд. комитеті: Е.М. Тажбаев т.б.]. — Қарағанды: «Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті», 2026. — PDF-файл. — Қазақша – орысша

Жинақта Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруымен жүзеге асырылған «Жоғары білім берудің гуманитарлық қырлары: реформалау перспективалары» атты гранттық жоба аясында 2026 жылдың қыркүйек–қазан айларында өткізілген «Әлем құндылықтары – құндылықтар әлемі» атты студенттердің республикалық ғылыми жұмыстары конкурсының материалдары жарияланған (ЖТН AP26100873).

Студенттердің ғылыми жұмыстары қазіргі Қазақстан жағдайында мемлекеттік, қоғамдық және білім беру саясатын әлеуметтік-гуманитарлық тұрғыдан сүйемелдеу мәселелеріне қатысушылардың қызығушылығын көрсетеді. Конкурсқа еліміздің 30-дан астам жоғары оқу орнынан 69 студент қатысты.

В сборнике опубликованы материалы республиканского конкурса студенческих научных работ «Ценности мира - мир ценностей», проведенного в рамках реализации грантового проекта «Гуманитарные ракурсы высшего образования: перспективы реформирования», финансируемого Комитетом Науки МНВО РК (ИРН AP26100873) в сентябре-октябре 2026 года. Работы студентов свидетельствуют об интересе участников к вопросам социогуманитарного сопровождения государственной, общественной, образовательной политики в современном Казахстане. В конкурсе приняли участие 69 студентов из более чем 30 ВУЗов страны.

Материалдар жинағы авторлық нұсқада жарияланған.
Редакция алқасы ұсынылған мақалалардың мазмұнына жауап бермейді.

Сборник материалов издается в авторской редакции.
Редакционная коллегия не несет ответственность за содержание статей.

©Академик Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды ұлттық зерттеу университеті, 2026

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Авакри Э.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (Алматы, Казахстан)	6
Аймурзаев Руслан ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ПАРТИЯЛАРДЫҢ ҚОҒАММЕН БАЙЛАНЫС ОРНАТУ ТЕТІКТЕРІ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ЖӘНЕ КОММУНИКАТИВТІК ТАЛДАУ (Астана, Казахстан)	10
Акбасова Д.Б. ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (Павлодар, Казахстан)	17
Алтынбекова А.Р.. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСЧЕЗАЮЩИХ СЛОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА (. Караганда, Қазақстан)	24
Амангелды А.Ж.ЧУЖАЯ ВИТРИНА: КАК FOMO И СОЦСЕТИ ПОДМЕНЯЮТ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА (Кокшетау, Казахстан)	29
Аманова А.М.ТАРИХИ ЖАД ЖӘНЕ ЖАСТАРДЫҢ ҚҰНДЫЛЫҚТЫҚ БАҒДАРЛАРЫ: ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗДЕРДІ ТАЛДАУДЫҢ БІЛІМ БЕРУ МҮМКІНДІКТЕРІ (Ақтөбе қ, Қазақстан)	34
Ахмет Меруерт ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА: ВОСПРИЯТИЕ НЕСТАБИЛЬНОЙ РАБОТЫ И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ (Алматы, Казахстан)	43
Багысбекова Д.С. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАЛАЛАРДЫҢ СПОРТ ТҮРІН ТАҢДАУЫНА ОТБАСЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫНЫҢ ӘСЕРІ. (Алматы, Казахстан)	48
Бакирова А.Е. СТУДЕНТТЕРДІҢ ОҚУ ПРОКРАСТИНАЦИЯСЫН ЕҢСЕРУДЕГІ ТҰЛҒАЛЫҚ ЖАУАПКЕРШІЛІКТІҢ РӨЛІ (Қарағанды қаласы, Қазақстан)	53
Баянова Н.А ЯЗЫКОВОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА: ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР ИЛИ ПРИВЫЧКА? (Караганда Республики Казахстана)	59
Бердыкенова Е. А. СОЦИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОЙ РОЛИ: ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ НОРМ НА ЖИЗНЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ (Алматы, Казахстан)	62
Берікбай А.А., Джолшора Е.С. НАЁМНИЧЕСТВО И МОЛОДЁЖЬ КАЗАХСТАНА: ЦЕННОСТНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА (Алматы, Қазақстан)	66
Вайдурова В.В. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ДИЛЕММЫ (Павлодар, Казахстан)	72
Газизова А.Б. ТАРИХИ ЖАДЫ ЖӘНЕ АДАМ ТАҒДЫРЫ: ПАВЛОДАР ӨҢІРІНЕ ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР (Павлодар, Қазақстан)	78
Гузев В. Д. ГРАНИЦЫ МОРАЛЬНОГО РЕЛЯТИВИЗМА И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ (Костанай, Казахстан)	84
Дикусар Л.В., Дмитриева В.Е РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ФЕМИНИЗМА И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОК ПОКОЛЕНИЯ Z (Кокшетау, Казахстан)	90
Жақсылық И.Қ. ЦЕННОСТЬ РЕБЁНКА В РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПРИЯТИИ: ОБРАЗ РЕБЁНКА У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ (Караганда, Казахстан,)	98
Жансеит Р.С МИР КАК ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ВОЙНЫ, МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И СОХРАНЕНИЕ МИРА (Кокшетау, Казахстан)	103
Жұбатқанова С.Е. ИНКЛЮЗИВТІ СПОРТ МҮГЕДЕКТІГІ БАР АДАМДАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК БЕЙІМДЕЛУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ (Алматы, Қазақстан)	107
Жумадаулетова А.Ж. МІРЖАҚЫП ДУЛАТҰЛЫНЫҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ МЕН АЗАПТЫ ТАҒДЫРЫ (Қостанай, Казахстан)	113
Алибаева Ж. А., Ильгундинова А.Н. АСТАНА ЖАСТАРЫ АРАСЫНДАҒЫ БАС ТАРТУ МӘДЕНИЕТІ: ҚОҒАМДЫҚ АЙЫПТАУДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК КӨРІНІСІ (Астана, Казахстан)	118

Қазбек А.Ғ. Омарова М. ГЛОКАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ГИБРИД ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ С СОВРЕМЕННЫМИ ТРЕНДАМИ (Алматы, Қазақстан)	125
Камбардинова М.У., Рахимжанова С.А., ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК И ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (Шымкент, Қазақстан)	131
Кереева Б.А ЗА РАМКАМИ ЮЖНОГО ОАЗИСА: ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРИУРАЛЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (Уральск, Казахстан)	136
Керей Ә. Қ. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И УВАЖЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ (Алматы, Казахстан)	142
Кәдірхан Ф. М. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА: ОТ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ К 3D-АРХИВАЦИИ (г. Алматы, Казахстан)	149
Вагнер В.В. АНТИЯДЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ «НЕВАДА- СЕМИПАЛАТИНСК И УТВЕРЖДЕНИЕ ЦЕННОСТИ МИРА» (Павлодар, Қазақстан)	155
Қайратқызы А. ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУ ЦИФРОВОЙ ЭКСПРЕССИЕЙ И СНИЖЕНИЕМ ГРАМОТНОСТИ (Караганда, Қазақстан)	159
Қанатқызы Ақерке «ЖАСТАРДЫҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ МЕН МІНЕЗ-ҚҰЛҚЫ: ӘЛЕУМЕТТІК ЗЕРТТЕУЛЕР НЕГІЗІНДЕ ТАЛДАУ» (г. Алматы, Казахстан)	162
Қорғанбек Медина Қазақ ұжымдық жадындағы дәстүрлі өмір әлемінің жоғалуы: жер, экологиялық өзгерістер және әлеуметтік трансформация (Астана, Казахстан)	168
Ли В.В. ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ: ТАТАРСКИЕ И БАШКИРСКИЕ СЛУЖАЩИЕ В ИМПЕРСКОМ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПЬЮ (XVIII–XIX вв.) (г. Актобе, Казахстан)	172
Мейіркұл А. Д. Қазақстанның жоғары білім беру саясаты және білім жүйесін модернизациялау үдерістері (Астана қ., Қазақстан)	179
Молдахметов Р.Е. ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ IQANAT HIGH SCHOOL OF BUROBAY) (Алматы, Казахстан)	185
Мурат Сабина ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (Уральск, Казахстан)	190
Мусаева Р.Т КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ПИЩЕВЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ АСПЕКТЫ (Шымкент, Казахстан	195
Муханова А.Т. JINA — ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫМ БЮДЖЕТОМ (Алматы, Казахстан)	202
Мұқатай Мейірлан ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ МОДЕРНИЗАЦИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢІ: ИНСТИТУТТАР МЕН ҚОҒАМДЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР Астана, Қазақстан	205
Диханбек Шұғыла Абайқызы МЫСЛИ ЕСТЬ, А СЛОВ НЕ ХВАТАЕТ: РЕЧЕВЫЕ ТРУДНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ (Қарағанды, Қазақстан)	211
Нусс И.С., Амангельдинов А.Б. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЦИФРОВЫЕ АРХИВЫ, VR-МУЗЕИ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ (г. Костанай, Казахстан)	217
Попова Е.А. НЕДОВЕРИЕ К МИРУ И ЦЕННОСТНЫЙ СТРОЙ МОДЕРНА: ЗАПАД, РОССИЯ, КАЗАХСТАН ПО ШЕЛЕРУ г. Алматы, Казахстан	224
Пятко М.Р ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА «БАТА БЕРУ»: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ САКРАЛЬНОСТИ К ЦЕННОСТЯМ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА (Уральск, Казахстан)	231
Сайдазова С.Р. МОЛОДЕЖЬ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ (Шымкент, Казахстан)	234
Муксанова Д.Д., Сайнова Н.М. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОЛОДЁЖЬ: ЭТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС УДОБСТВА(г. Уральск, Казахстан)	241

Сатыбаев А.Б. ЗАПРОС НА РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ В КАЗАХСТАНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ (Алматы, Казахстан)	249
Серік Н.М ЖАЛПЫАДАМЗАТТЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ӘСЕРІ (Алматы, Қазақстан)	255
Темиртасова Д. К., Солотина В. Д., Копбаев А. К УСТОЙЧИВЫЙ ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК ЦЕННОСТНЫЙ МАРКЕР ИМИДЖА АСТАНЫ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ) (Астана, Казахстан)	261
Серик Т. М Таджибаева А. К Политические ценности и электоральное поведение современной молодежи: отношение студентов ЮКУ им. М. Ауэзова к выборам депутатов Курултая 2026 года (Шымкент, Казахстан)	267
Турганбаева А.Ж, Қаби Ф.М, Ғаділбек Н «ҚАЗАҚ ЖАСТАРЫНЫҢ СӨЙЛЕУ ТІЛІНДЕГІ КӨПТІЛДІЛІК ҚҰБЫЛЫСЫ: БІР СӨЙЛЕМДЕ БІРНЕШЕ ТІЛДІ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕСІ» (Қарағанды. Қазақстан)	269
Шәйділдә В.В ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕТИЦИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ЧТО И КАК ТРЕБУЕТ ОБЩЕСТВО? (Алматы, Казахстан)	277
Шипунова А. И. Новикова М. А. МЕЖДУ ВЕРОЙ И СЕКУЛЯРНОСТЬЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ В XXI ВЕКЕ(Караганда, Казахстан)	284
Шукаева А.М. ВОСПРИЯТИЕ ФЕМИНИЗМА И КУЛЬТУРЫ НЕНАСИЛИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ (Алматы, Казахстан)	291
Кабдулла Н.Б. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И ОБРАЗ «УСПЕШНОЙ ЖИЗНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (Алматы, Казахстан)	294
Калыкова С.Б. ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (Алматы, Казахстан)	301
Қадыр А.Ғ., Дулат Н.Қ. ДІНГЕ ҚАРСЫ КЕҢЕСТІК САЯСАТ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИСЛАМ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: САБАҚТАСТЫҚ ПЕН ПОСТКЕҢЕСТІК МӘСЕЛЕЛЕР (Көкшетау, Қазақстан)	305
Мустафаева С.М., Мухамеджанова К.Т. ЦЕННОСТИ МИРА - МИР ЦЕННОСТЕЙ: РОЛЬ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНОГО ОБЩЕСТВА (Кокшетау, Казахстан)	309
Орынбасарова Сымбат «ЖАСТАРДЫҢ ТАМАҚТАНУ ТӘРТІБІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ: ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙ, ӘЛЕУМЕТТІК ОРТА ЖӘНЕ ЖЕКЕ ТАҢДАУ»(Г. Алматы, Казахстан)	314
Өмірзақ А.Б., Бек Д.В., Жумагалиева С.Ш «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА: ОТ ОСОЗНАННОСТИ К ПРАКТИКЕ РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА ОТХОДОВ» (Астана, Казахстан)	322
Равиль М.Қ. «ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950 гг.)» (г. Актобе, Казахстан)	329
Сабиржан З.С «ЗЕЛЁНЫЙ ПОЯС И ПУТЬ» И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРТАЛ» В КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ КНР И ЕС К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ(Алматы, Казахстан)	336
Семенова Ю. Е. МЕЖДУ ДОСТОИНСТВОМ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ: ЦЕННОСТНЫЕ РАМКИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В КАЗАХСТАНСКОМ МЕДИА(Астана, Казахстан)	340
Сайфулла М.М ҰЛЫ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ АШЫЛУЛАРДЫҢ ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ: ЕУРОПАНЫҢ ҚҰЛДЫРАУЫНЫҢ ЭКСПАНСИЯЛЫҚ ПРОЦЕССТЕРГЕ ӘСЕРІ (XIV-XV ғғ.) (Ақтөбе қ., Қазақстан)	347
Тян Д.Д. Центральная Азия и новый суверенитет в эпоху ИИ (на примере Казахстана и Туркменистана) (Алматы, Казахстан)	352

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Авакри Э.А.
Студентка 2-го курса ОП 6В03105 – Политические и Массовые Коммуникации,
Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан
e-mail: av.elnara.disk@gmail.com
Научный руководитель: ассоциированный профессор Школы права и государственного управления Ивашов А.А.

Введение

Что значит быть счастливым? На первый взгляд, это довольно простой вопрос, но единого ответа на него не существует. Для одного счастье заключается в семье и отношениях, для другого – в свободе, любимой работе, путешествиях. Некоторым ощущение счастья приносит присутствие близких рядом, а другим – процесс самореализации в достижении личных целей. В этом смысле счастье кажется индивидуальным понятием. Однако, рассматривая вопрос более широко, становится очевидно, что представление о счастливой жизни никогда не формировалось исключительно в сознании отдельного человека. На это оказывали влияние культура, исторические периоды, социальные нормы и окружение.

В XXI веке к этим факторам присоединилось влияние цифровой среды. Социальные сети стали частью повседневной жизни миллионов людей и превратились в пространство, где человек не только получает информацию, но и наблюдает за жизнью других, демонстрирует собственную. Они формируют наше понимание того, каким должен быть «счастливый» и «успешный» человек.

Актуальность данной темы связана с тем, что цифровая среда не обязательно создает новое понимание счастья, но способна менять его восприятие и оценку. Если ранее представления о счастливой жизни в основном формировались через семью, образование, культуру и личный опыт, то сегодня все большую роль играют визуальные образы, распространенные в социальных сетях.

Цель данной статьи – рассмотреть, как цифровая эпоха изменяет восприятие счастья. Для достижения этой цели необходимо анализировать исторические подходы к пониманию счастья, его значение как социальной и политической ценности, а также исследовать влияние социальных сетей и практик социального сравнения на формирование современных представлений о счастье. Кроме того, исследуются представления современной молодежи через небольшое эмпирические исследование.

Ключевой исследовательский вопрос: как цифровая среда изменяет способы определения, восприятия и демонстрации счастья современным человеком?

Теоретические подходы к понятию счастья

Понятие счастья один из наиболее трудных вопросов в философии и социальных науках. Этот термин относится и к внутреннему состоянию человека, и к его общей оценке своей жизни. Счастье нельзя свести исключительно к положительным эмоциям. Человек может испытывать радость в конкретный момент, но при этом оставаться неудовлетворенным своей жизнью в целом.

По этой причине в современных исследованиях часто используется термин субъективного благополучия. Э. Динер рассматривает его как более обширную концепцию, которая охватывает удовлетворение жизнью, наличие положительных эмоций и отсутствие чрезмерно выраженных эмоций [1, 63].

Тем не менее даже такое определение не делает понятие счастья универсальным. Люди могут по-разному воспринимать то, что делает жизнь хорошей. Для одних на первом месте свобода и независимость, для других – стабильность и безопасность. Важными аспектами также могут быть отношения с окружающими, материальный достаток, здоровье, образование и возможность реализовать свои цели.

Таким образом, счастье может восприниматься как индивидуальная ценность, так и социальное явление. Именно по этой причине представление о счастье трансформируется в

зависимости от исторических и культурных контекстов.

Историческая трансформация представлений о счастье

Представления о счастье менялись в различнных исторических контекстах. В античной философиии это понятие не ограничивалось удовольствием или мгновенными радостями. Например, Аристотель считал счастье высшим благом для человека, связывая его с полноценной и добродетельной жизнью.

В «Никомаховой этике» Аристотель писал, что счастливый человек должен не просто испытывать приятные чувства, но и развивать свои способности, живя в соответствии с добродетелью: «Так, дело кифариста – играть на кифаре, а дело изрядного кифариста – хорошо играть...» [2, 9-15]. Поэтому, счастье имело тесную связь с образом жизни и стремлением к человеческому совершенству.

В философии Абу Насра Аль-Фараби можно обнаружить интересный подход. В своей работе «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» он описывает счастье не только как личное состояние, но и как высшую цель всего человеческого общества. Философ размышляет о городах, где жители взаимно поддерживают друг друга в стремлении к истинному счастью [3, 125-130]. Так, для Аль-Фараби достижение счастья тесно связанно с организацией общества и взаимодействием между людьми.

Такие подходы подчеркивают важный аспект: счастье на протяжении истории воспринималось не просто как эмоциональное состояние. Оно ассоциировалось с размышлениями о том, как следует жить человеку, каким образом должно быть организовано общество и какие ценности нужно считать главными.

Счастье как общественная и политическая ценность

Со временем понятие счастья стало переплетаться не только с философскими, но и политическими идеями. Ярким примером этого является американская политическая мысль XVIII века. В Декларации независимости США 1776 года среди естественных прав человека упоминается жизнь, свобода и стремление к счастью.

Важно подчеркнуть, что речь идет именно о стремлении к счастью, а не о гарантированном уровне счастья. Здесь счастье становится неотъемлемой частью понимания прав человека и целеустремленности политических структур.

Экономист Р. Лэйард доказывает, что основная задача государственной политики должна заключаться в обеспечении уровня счастья и удовлетворенности жизнью, а не в увеличении ВВП. Общество не сможет двигаться вперед, пока прогресс в области национального счастья не будет измеряться так же внимательно, как экономические показатели [4, 2].

Современное общество сохраняет некоторые идеи прошлого, но дополняет их новыми критериями. Сегодня счастье часто ассоциируется с личными достижениями, свободой выбора, путешествиями, карьерным ростом и материальным благополучием. В эпоху цифровых технологий эти критерии приобретают еще одну особенность: они становятся видимыми для широкой аудитории.

Переход к цифровой эпохе

Важное изменение цифровой эпохи не в том, что люди впервые начали сравнивать себя с другими или стремиться к успеху – эти чувства существуют уже давно. Изменился масштаб и скорость, из-за которых человек часто сталкивается с чужим опытом.

Социальные сети позволяют ежедневно видеть большое количество людей, которые делятся разными сторонами своей жизни. Путешествия, покупки, отношения, внешний вид, отдых и повседневные моменты становятся частью публичного пространства. В результате человек получает значительно больше примеров того, как может выглядеть «счастливая жизнь».

При этом чаще всего пользователь видит лишь отдельные фрагменты жизни другого, которые тот сам отобрал для показа. Публикации демонстрируют то, что человек хочет представить окружающим, и поэтому цифровое представление счастья может не совпадать с реальностью.

И здесь встает важный вопрос: если счастье все больше выражается через изображения и короткие посты, не склонен ли человек оценивать свою жизнь по ее

внешней привлекательности?

Социальные сети и новый образ счастья

Социальные сети превратили счастье в нечто более визуальное и публичное. Успешную карьеру можно продемонстрировать через фотографии рабочего пространства, отдых – через снимки из путешествий, отношения – через совместные публикации, а материальное благополучие – через показ покупок и образа жизни.

В результате формируется определенный визуальный стандарт счастливой жизни. Этот стандарт не носит официального характера и не является единым, однако повторяющиеся изображения способны создать впечатление, что именно так должна выглядеть успешная жизнь.

Теория социального сравнения Л. Фестингера приобретает особое значение в этом контексте. Согласно этой теории, люди часто оценивают свои способности и статус, сравнивая себя с другими [5, 2-5].

Работа Фогель и ее команды выявила связь между использованием Facebook, процессами восходящего социального сравнения и уровнем самооценки. В ходе эксперимента участники, которые просматривали профили людей, казавшихся более успешными, демонстрировали снижение уровня самооценки [6, 207-215].

Тем не менее, не следует автоматически заключать то, что социальные сети неизбежно делают людей несчастными. Современные исследования предоставляют более сложную картину. Одно из таких исследований, проведенное О. Ахмедом и его коллегами, анализировало влияние социальных сетей на молодежь. В него вошли 182 исследования с более чем 1,1 миллиона участников, а метаанализ включал данные 98 исследований с более чем 102 тысячами человек. Ученые пришли к выводу, что обычное использование социальных сетей почти не имело статистически значимой связи с уровнем благополучия. В то же время, проблематичное использование показало наибольшую, но статистически значимую отрицательную связь с благополучием [7, 703-710].

Таким образом, важен не только сам факт использования социальных сетей, но и то, как именно они используются. Общение, обучение или поиск информации могут иметь другие последствия по сравнению с постоянным сравнением себя с другими или формированием проблемных моделей цифрового поведения.

Трансформация критериев счастья

На основе рассмотренных подходов можно выделить несколько изменений в представлениях о счастье, особенно заметных в цифровой среде.

Первое изменение касается смещения от внутреннего ощущения к публичной демонстрации. Если раньше человек мог чувствовать себя счастливым, не зависимо от окружающих, то сейчас элементы счастливой жизни часто выставляются на всеобщее обозрение. Количество публикаций и реакций не определяет истинное счастье, но влияет на его внешнее восприятие.

Второе изменение связано с переходом от достижения к сравнению. Люди оценивают свою жизнь не только по личным достижениям, но и сравнивая с жизнью окружающих. Это иногда превращает личные цели в относительные: важно не только добиться успеха, но и выглядеть более успешным по отношению к другим.

Третье изменение отличается переходом от стабильного восприятия к постоянно обновляющемуся. В традиционном обществе представления о хорошей жизни формировались долгими годами и передавались через семью и культуру. В цифровом мире новые тренды распространяются гораздо быстрее, и сегодняшние символы успеха вскоре могут утратить свое значение.

Итак, цифровая эпоха не стирает привычные представления о счастье, а дополняет их новыми аспектами. Такие ценности как свобода, отношения, безопасность, достижения и материальный достаток остаются ключевыми, но их восприятие становится более публичным, визуальным и сравнительным. Социальные сети помогают делиться успехами, находить поддержку и связи. Однако постоянное сравнение с идеализированными изображениями может вызвать ощущение недостаточности собственной жизни. Трансформацию взглядов на счастье

нельзя однозначно назвать положительной или отрицательной; ее влияние зависит от критичности восприятия пользователя.

Эмпирическое исследование: что современная молодежь считает счастьем?

В рамках проверки теоретических выводов был проведен анонимный опрос среди молодежи. Его цель – выявление факторов, которые молодые люди считают наиважнейшими для достижения счастья, и определение связи между их представлением о счастье и содержанием социальных сетей.

Опрос содержал вопросы о личных представлениях о счастье, роли отношений, финансовой стабильности, свободы, образования, карьеры и самореализации. Также была затронута тема социальных сетей: насколько часто они используются, как сравнивается собственная жизнь с жизнями других, и как воспринимаются образы успешной жизни в интернете.

Особое внимание уделяется вопросу о том, считают ли участники публикации в социальных сетях реальным отражением жизни. Это позволило сопоставить цифровое восприятие счастья с понимаем того, что публикация зачастую показывает лишь избранные фрагменты реальности.

Цель опроса не в том, чтобы представить мнение небольшой группы как общее для всей молодежи. Полученные данные стали локальным эмпирическим материалом, который помог соотнести теоретические предположения с ответами конкретных участников.

Анализ результатов исследования

В анонимном онлайн-опросе среди студентов университета Нархоз было 50 респондентов от 18 до 21 года. Из них было 37 девушек и 13 парней, все со статусом студентов. Опрос проводился в сентябре 2026 года с использованием Google Forms. Респонденты были отобраны методом доступной выборки: ссылка на анкету распространялась среди студентов через личные и групповые чаты. Хотя такая выборка не может считаться репрезентативной для всей молодежи Казахстана, она позволяет изучить особенности восприятия счастья в небольшой группе молодых людей и сопоставить полученные ответы с теоретическими аспектами исследования.

Итоги проведенного опроса в основном подтверждают, что современная молодежь по-прежнему связывает понятие счастья с личными и социальными ценностями. Среди ключевых факторов респонденты выделяют крепкие отношения, семью, свободу, финансовую стабильность и возможность заниматься любимым делом. Это демонстрирует, что традиционные представления о счастье не исчезли под влиянием цифрового мира.

Однако, ответы участников также указывают на заметную связь между восприятием счастья и социальными сетями. Большинство опрошенных регулярно сталкиваются с публикациями, демонстрирующими успешную и насыщенную жизнь. При этом они в целом полностью осознают, что социальные сети не полностью отражают реальную жизнь человека и чаще показывают лишь ее самые привлекательные моменты.

В то же время, понимание этого факта не всегда предотвращает социальное сравнение. Некоторая часть участников признает, что наблюдение за чужими достижениями, внешностью, путешествиями или образом жизни заставляет их сопоставлять свою жизнь с чужой. Поэтому, цифровая среда способна влиять на восприятие счастья, даже когда люди осознают недостоверность увиденного образа.

Таким образом, проведенный опрос подтверждает главный вывод исследования: цифровая эпоха не формирует совершенно новое понимание счастья, а влияет на способы его восприятия, сравнения и публичного представления. Вместе с тем стоит учитывать, что результаты имеют ограниченный характер: исследование проводилось среди студентов одного университета. Поэтому полученные данные не могут быть экстраполированы на всю молодежь. Важность этих данных заключается не в их статистическом обобщении, а в выявлении конкретных тенденций, которые соответствуют ранее рассмотренным теоретическим аспектам.

Заключение

История представлений о счастье показывает, что это понятие всегда зависело от того, как общество воспринимало человека и достойную жизнь. Аристотель связывал счастье с

добродетелью и самосовершенствованием, Аль-Фараби говорил о достижении истинного счастья как человеком, так и обществом в целом. В эпоху Нового времени, счастье соотнесли также с личной свободой и правом каждого стремиться к собственной счастливой жизни.

В эпоху цифровой технологии базовая потребность человека в счастье осталась неизменной, но изменилась среда формирования представлений о нем. Социальные сети позволяют постоянно наблюдать и сравнивать чужую жизнь, и делать личные достижения более публичными.

Современное понятие счастья часто проявляется в двух обличиях: как реальное личное, внутреннее состояние и как образ для демонстрации окружающим. Эти формы могут не совпадать. Человек может испытывать удовлетворение своей жизнью, даже если она не кажется зрелищной в социальных сетях, и наоборот, привлекательный цифровой образ не всегда свидетельствует о внутреннем благополучии.

Таким образом, поставленная цель исследования была достигнута: основное изменение во взглядах на счастье в цифровую эпоху заключается не в самом поиске счастливой жизни, а в способах ее определения, демонстрации, сравнения и оценки. В связи с этим важным навыком современного человека становится умение отличать свои собственные ценности и реальное удовлетворение жизнью от тех стандартов, которые формируются и поддерживаются в цифровом мире.

Вместе с тем результаты исследования позволяют поставить новые вопросы, которые требуют дальнейшего исследования. Одним из таких вопросов остается фундаментальная проблема понимания самого счастья: что делает человеческую жизнь действительно хорошей? В цифровую эпоху этот вопрос приобретает новое измерение: насколько счастье, демонстрируемое в цифровом пространстве, совпадает со счастьем, которое человек действительно переживает? И, возможно, моим личным счастьем станет продолжение научного поиска, направленного на поиск ответов на эти вопросы.

Список литературы

1. Diener E., Lucas R., Oishi S. Subjective Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. - №47. – С. 580-592.
2. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (Дата обращения 28.09.2026).
3. Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города / Под ред. М. Аусадыкова.
4. Лэйард Р. Онлайн книга «Счастье. Уроки новой науки» [Электронный ресурс] URL: https://loveread.ec/read_book.php?id=48080&p=2 (Дата обращения 29.09.2026).
5. Festinger L. a Theory of Social Comparison Processes // Human relations. – 1954. №2. – С. 117-140.
6. Vogel A., Jason P., Roberts L.R., Eckle K. Social Comparison, Social Media, and Self-Esteem // Psychology of Popular Media Culture. – 2014. – №4 – С. 206-222.
7. Ahmed O., Walsh E. I., Dawel A., Alateeq K., Oyarce D. A., Cherbuin N. Social Media Use, Mental Health and Sleep: A Systematic Review with Meta-Analyses // Journal of Affective Disorders. – 2024. - № 367. С. 701-712.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ПАРТИЯЛАРДЫҢ ҚОҒАММЕН БАЙЛАНЫС ОРНАТУ ТЕТІКТЕРІ: ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ ЖӘНЕ КОММУНИКАТИВТІК ТАЛДАУ

Аймурзаев Руслан

ruslan04062007@gmail.com

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Халықаралық қатынастар факультеті, Саясаттану кафедрасының бакалавры, Астана, Қазақстан

Ғылыми жетекшісі – Д.Е. Копежанова, PhD

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы саяси партиялардың қоғаммен байланыс орнату тетіктері институционалдық және коммуникативтік тұрғыдан талданады. 2026 жылғы конституциялық реформа және Құрылтай депутаттарын сайлау жағдайында партиялардың азаматтармен өзара іс-қимылының құқықтық негіздері, ұйымдық-аумақтық құрылымы, сайлау науқаны, медиа және цифрлық коммуникация, азаматтық қоғам институттарымен және жастармен жұмыс бағыттары қарастырылады. Зерттеу нәтижесінде партиялардың қоғаммен байланысындағы негізгі проблемалар (маусымдық сипат, орталықтандырылған коммуникация, кері байланыс тетіктерінің әлсіздігі) айқындалып, оларды жетілдіру жолдары ұсынылады.

Түйін сөздер: саяси партия, қоғаммен байланыс, партиялық жүйе, саяси коммуникация, Құрылтай, сайлау, азаматтық қоғам, цифрлық саясат.

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы выстраивания связей политических партий Казахстана с обществом в институциональном и коммуникативном измерениях. На материале конституционной реформы и выборов депутатов Курултая 2026 года анализируются правовые основы, территориальная организация партий, избирательные кампании, медийная и цифровая коммуникация, взаимодействие с институтами гражданского общества и молодёжью. Выявлены ключевые проблемы (сезонность, централизованность коммуникации, слабость обратной связи) и предложены направления их преодоления.

Ключевые слова: политическая партия, связи с общественностью, партийная система, политическая коммуникация, Курултай, выборы, гражданское общество, цифровая политика.

Abstract. The article examines the mechanisms through which political parties in Kazakhstan build relations with society from institutional and communicative perspectives. Drawing on the 2026 constitutional reform and the elections to the Kurultai, it analyses the legal framework, parties' territorial organisation, election campaigning, media and digital communication, and engagement with civil society and youth. The study identifies key shortcomings (campaign-driven activity, centralised communication, weak feedback channels) and proposes ways to address them.

Keywords: political party, public relations, party system, political communication, Kurultai, elections, civil society, digital politics.

Кіріспе

Саяси партиялар қазіргі саяси жүйелердің барлығында мемлекет пен қоғамды байланыстыратын басты институттардың бірі болып саналады. Олар азаматтардың әртүрлі мүдделерін жинақтап, саяси бағдарламаға айналдырады, сайлау арқылы өкілді билік органдарын қалыптастырады және азаматтарды саяси өмірге тартады. Партияның қоғаммен байланысының сапасы оның әлеуметтік базасын, легитимділігін және ұзақ мерзімді тұрақтылығын айқындайтын шешуші факторға айналады.

Зерттеу тақырыбының өзектілігі Қазақстандағы саяси жүйенің елеулі институционалдық өзгерістерден өтіп жатқанымен байланысты. 2026 жылғы 15 наурызда өткен республикалық референдумда жаңа Конституция қабылданды, ол Сенатты таратып, бір палаталы Құрылтайға көшуді көздейді [1]. Құрылтайдың бірінші шақырылымына депутаттар сайлауы 2026 жылғы 23 тамызда өтіп, 5 пайыздық межеден бес партия өтті [2]. Мұндай жағдайда партиялардың азаматтармен тұрақты, екіжақты және нәтижеге бағытталған байланыс орнату мәселесі ғылыми да, практикалық та тұрғыдан ерекше маңызға ие болады.

Зерттеудің мақсаты – Қазақстандағы саяси партиялардың қоғаммен байланыс орнату тетіктерін жүйелеп, олардың тиімділігін бағалау және жетілдіру бағыттарын айқындау. Мақсатқа жету үшін мынадай міндеттер қойылды: партиялардың қоғаммен байланысының теориялық негіздерін қарастыру; құқықтық және институционалдық шарттарды талдау; байланыс тетіктерінің негізгі түрлерін сипаттау; 2026 жылғы сайлау нәтижелерін коммуникативтік тұрғыдан түсіндіру; өзекті проблемаларды анықтап, ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеудің әдістемелік негізін институционалдық және құрылымдық-функционалдық тәсілдер, салыстырмалы талдау, нормативтік-құқықтық актілер мен ресми сайлау статистикасын контент-талдау, сондай-ақ тарихи-логикалық әдіс құрайды. Дерек көздері ретінде заңнамалық актілер, Орталық сайлау комиссиясының ресми мәліметтері, халықаралық байқау миссияларының есептері және отандық бұқаралық ақпарат құралдарының материалдары пайдаланылды.

1 Партиялардың қоғаммен байланысының теориялық негіздері

Саяси партиялардың қоғамдағы рөлі туралы ғылыми зерттеулерде бірнеше ірі бағыт қалыптасқан. М. Дюверженің классикалық еңбегінде партия ұйымдық құрылымы мен мүшелік базасы арқылы әлеуметтік топтарды саяси өмірге жұмылдыратын институт ретінде сипатталады [3]. О. Кирххаймер «бәрін қамтитын партия» (catch-all party) ұғымын енгізіп, партиялардың тар идеологиялық қауымнан кең сайлаушы қауымына бет бұруын көрсетті [4]. Дж. Сартори партиялық жүйелердің типологиясын жасап, бәсекелестік дәрежесі мен партиялардың саны олардың қоғаммен өзара іс-қимыл сипатына әсер ететінін дәлелдеді [5].

Р. Кац пен П. Мэйр «картель партиясы» моделін ұсынып, партиялардың қоғамнан алшақтап, мемлекеттік ресурстарға тәуелді бола түсетін үрдісін талдады [6]. А. Панебьянконың «сайлаушылық-кәсіби партия» тұжырымдамасы партия аппаратындағы мамандандырылған коммуникациялық құрылымдардың рөлін атап көрсетеді [7]. Осы тәсілдерді жинақтағанда партияның қоғаммен байланысын үш өлшем бойынша қарастыруға болады: 1) өкілдік (азаматтардың мүдделерін айқындау және жеткізу); 2) жұмылдыру (мүшелікке, қатысуға, дауыс беруге тарту); 3) есеп беру және кері байланыс (қабылданған шешімдерді түсіндіру, сын мен ұсыныстарды ескеру).

Осы мақалада «қоғаммен байланыс орнату тетігі» ұғымы партия мен азаматтар арасындағы тұрақты өзара іс-қимылды қамтамасыз ететін ұйымдық құрылымдардың, құқықтық рәсімдердің және коммуникация арналарының жиынтығы ретінде түсініледі. Бұл анықтама тетіктерді үш топқа бөлуге мүмкіндік береді: институционалдық (құқықтық база, аумақтық құрылым, мүшелік), сайлаулық (бағдарлама, науқан, кандидаттар тізімі) және коммуникативтік (бұқаралық ақпарат құралдары, әлеуметтік желілер, тікелей кездесулер).

2 Қазақстандағы партиялардың қызметінің құқықтық және институционалдық шарттары

Қазақстандағы партиялардың құқықтық мәртебесі «Саяси партиялар туралы» 2002 жылғы 15 шілдедегі Заңмен және «Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» Конституциялық заңмен реттеледі [8]. Партияны мемлекеттік тіркеу үшін белгіленген мүшелер санына және өңірлік құрылымдардың болуына қатысты талаптар соңғы онжылдықта біртіндеп жеңілдетілді: 2020 жылғы өзгерістермен мүшелердің ең төмен саны 40 мың адамнан 20 мыңға дейін төмендетілді, өңірлік құрылымдағы мүшелер саны да азайтылды [9]. Сайлау заңнамасында партиялық тізімдерде әйелдердің, жастардың және мүгедектігі бар адамдардың міндетті өкілдігі көзделген; Орталық сайлау комиссиясының мәліметінше, 2026 жылғы науқанда барлық партия бұл талаптарды сақтады.

Қазақстандағы партиялық жүйенің дамуы бірнеше кезеңнен өтті. 1990-жылдардағы көппартиялықтың қалыптасуы, 2000-жылдардағы үстем партиялық құрылымның нығаюы, 2020-жылдардағы бәсекелестік элементтерінің артуы – бұл кезеңдердің әрқайсысы партиялардың қоғаммен байланыс стратегиясына өз ықпалын тигізді. Р. Айзекс үстем партия жағдайында партиялық байланыстың басым бөлігі халықты жұмылдыру мен әкімшілік ресурс арқылы жүзеге асатынын көрсетсе [10], П. Люонг Орталық Азия жағдайындағы институционалдық бәсекенің шектеулі сипатын атап өтті [11].

2023 жылғы мәжіліс сайлауы аралас жүйемен өтіп, партиялық тізімдермен қатар бір мандатты округтер енгізілді. ЕҚЫҰ/ДИАҚБ байқау миссиясы науқанның бәсекелестік дәрежесі артқанын, сонымен бірге ресурстарға қолжетімділік пен ақпараттық орта саласында проблемалар сақталғанын атап өтті [12]. 2026 жылғы конституциялық өзгерістерден кейін сайлау толықтай партиялық тізімдер бойынша өтті: Құрылтай 145 депутаттан тұрады, өкілеттік мерзімі - 5 жыл. Мұндай жүйеде азаматтардың дауысы тікелей партияға беріледі, яғни партияның жеке бренді, бағдарламасы және қоғамдағы беделі бұрынғыдан да жоғары мәнге ие болады. Бұл партиялардың қоғаммен байланыс тетіктерін жүйелі дамытуына объективті түрткі болады.

Партиялардың қоғаммен байланыс мүмкіндігіне ресурстық база да тікелей әсер етеді. Сайлау заңнамасы партиялық тізімдерді тіркеу кезінде сайлау жарнасын енгізуді көздейді, ал алдыңғы сайлауда белгіленген межеден кем емес дауыс жинаған партиялар жарнадан босатылады. Бұл тетік бір жағынан сайлауға қатысуды тәртіпке келтірсе, екінші жағынан ірі

партиялардың бастапқы артықшылығын күшейтіп, шағын және жаңа партиялардың қоғаммен байланыс құралдарын (үгіт материалдары, өңірлік іс-шаралар, медиажоспар) қаржыландыру мүмкіндігін шектейді. Сондықтан қаржыландырудың ашықтығы мен теңдігі партиялық бәсекелестіктің сапасына ғана емес, азаматтардың партияларға сенім деңгейіне де ықпал етеді.

3 Партиялардың қоғаммен байланыс орнатудың негізгі тетіктері

3.1 Ұйымдық-аумақтық және мүшелік тетіктер

Партияның қоғаммен байланысының негізгі арнасы – оның өңірлік филиалдары мен бастапқы ұйымдары. Заң бойынша партия барлық облыстарда, республикалық маңызы бар қалаларда және астанада құрылымдарының болуын қамтамасыз етуі тиіс. Тәжірибеде бұл құрылымдар үш функция атқарады: мүшелік базаны қалыптастыру; жергілікті мәселелерді жинақтау; орталық пен өңірлер арасындағы ақпарат айналымын қамтамасыз ету. Партиялық съездер, конференциялар, жергілікті жиналыстар бағдарламалық құжаттарды талқылаудың формальды рәсімі болып табылады.

Дегенмен, бұл тетіктердің тиімділігі біркелкі емес. Үстем партия мен ірі партиялардың құрылымдары кең және қаржылық тұрғыдан қамтамасыз етілген болса, шағын партиялардың өңірлік желілері көбіне сайлау кезеңінде ғана белсенділік танытады. Мүшелік саны ресми статистикада жоғары болғанымен, оның нақты белсенділікке айналу дәрежесі - ашық тексерілмейтін көрсеткіш. Сондықтан мүшелік институтының «саяси қатысу мектебі» ретіндегі қызметін күшейту қажет.

Мүшелікпен жұмыстың маңызды құрамдас бөлігі - партияішілік демократия. Кандидаттарды ұсыну, бағдарламаны қалыптастыру және басшы органдарды сайлау рәсімдеріне мүшелердің нақты қатысуы партияның азаматтар алдындағы сенімін арттырады. Керісінше, шешімдердің тар топта қабылданып, съездерде тек бекітілуі партияны қоғамнан ажыратады. Сондықтан партияішілік рәсімдердің ашықтығы - сыртқы коммуникацияның басты алғышарты. Мысалы, 2026 жылы бірнеше партияда съездер арқылы басшылықтың жаңаруы мен кезектен тыс съездер өткізілуі партиялардың өз құрылымын сайлау науқанына бейімдеуге тырысқанын көрсетеді [13].

3.2 Сайлаулық тетіктер

Сайлау науқаны – партия мен сайлаушылардың өзара байланысы ең қарқынды кезең. 2026 жылғы науқанда жеті партияның тізіміне барлығы 545 кандидат енгізілді, партиялардың бюллетеньдегі орналасу реті жеребе арқылы анықталды, ал өңірлерді аралап, сайлауалды бағдарламаларын таныстыру науқанның негізгі бөлігі болды [14]. Сайлаулық тетіктерге мыналар жатады: сайлауалды бағдарлама; кандидаттар тізімінің құрамы мен әлеуметтік бейнесі; сайлаушылармен кездесулер; үгіт материалдары; теледебаттар және БАҚ-тағы тікелей эфирлер.

Кандидаттар тізімінің құрылуы да қоғаммен байланыстың маңызды құралы болып табылады. Партиялар өз тізімдеріне танымал қоғам қайраткерлерін, кәсіби мамандарды, жастар мен әйелдер өкілдерін қосу арқылы әртүрлі әлеуметтік топтарға сигнал жібереді. Сонымен бірге бұл тәжірибе кейде партияның нақты идеологиялық бағытынан гөрі, жеке тұлғалардың танымалдығына сүйенетінін де көрсетеді. Мысалы, сайлау алдында бұрынғы депутаттардың бір партиядан екіншісіне ауысуы немесе партиялардың бірігуі (2026 жылғы маусымда AMANAT партиясының «Әділет» партиясына қосылуы) сайлаушылардың партиялық сәйкестікті қабылдауына әсер етеді [15].

3.3 Медиа және цифрлық коммуникация тетіктері

Соңғы жылдары партиялар коммуникациясының ауырлық орталығы дәстүрлі БАҚ-тан цифрлық кеңістікке ауысты. Қазақстандағы партиялардың көпшілігінің ресми сайттары, Telegram-арналары, Instagram, Facebook, TikTok және YouTube платформаларындағы аккаунттары бар. Сайлау науқаны кезінде қысқа бейнероликтер, инфографика, тікелей эфирлер, онлайн-сауалнамалар кеңінен қолданылады. Саяси коммуникация зерттеушілері партиялардың интернет-сайттарының қызметін ақпараттандыру, жұмылдыру, диалог және кері байланыс деңгейлері бойынша бағалауды ұсынады [16].

Цифрлық тетіктердің басты артықшылығы – арзандығы, жылдамдығы және нысаналы аудиторияға тікелей шығуға мүмкіндік беруі. Алайда Л. Беннетт пен А. Сегерберг сипаттаған

«байланыстырушы әрекет логикасы» жағдайында азаматтар партия жариялаған хабарламаны жай қабылдаушы емес, оны өз желілерінде өңдеп, таратушы да болады [17]. Қазақстандық партиялардың ресми арналарында бір бағытты ақпарат тарату басым, ал комментарийлерге жауап беру, онлайн-бастамаларды қолдау, электрондық петициялар мен ашық талқылаулар сияқты екіжақты тетіктер әлі де жеткілікті дамымаған деп бағалауға болады. Бұл тұжырым партиялық аккаунттардың ашық контентіне жүргізілген бақылауға негізделген және арнайы эмпирикалық зерттеу арқылы нақтылануы тиіс.

3.4 Азаматтық қоғаммен, жастармен және депутаттық жұмыс арқылы байланыс

Партиялардың қоғаммен байланысының келесі маңызды арнасы – азаматтық қоғам институттарымен (үкіметтік емес ұйымдар, кәсіподақтар, кәсіби қауымдастықтар, ардагерлер мен жастар бірлестіктері) ынтымақтастық. Мұндай байланыс партияға мүдделерді жинақтау үшін сараптамалық және әлеуметтік ресурс береді. Жастар қанаттары, студенттік клубтар, волонтерлік бастамалар жастар аудиториясымен жұмыстың негізгі формаларына айналды, ал жастар үшін партиялық тізімдердегі міндетті үлестің болуы бұл бағыттың маңызын арттырады.

Партия депутаттарының жұмысы қоғаммен байланыстың тұрақты тетігі болуға тиіс. Сайлаушылармен кездесу, азаматтарды қабылдау, депутаттық сауалдар, заң жобаларын талқылау және шешімдер туралы есеп беру – партияның сайлаудан кейінгі «қоғамдық жауапкершілігінің» көрінісі. Құрылтай жұмысын бастаған жағдайда бұл тетіктердің қаншалықты жүйелі іске асырылатыны партиялардың келесі сайлаудағы нәтижесіне әсер ететін фактор болады.

3.5 Қоғамдық пікірді зерттеу және кері байланыс тетіктері

Партияның қоғаммен байланысының тиімділігін бағалау үшін кері байланыс арналары қажет. Оларға әлеуметтанулық сауалнамалар, фокус-топтар, қоғамдық кеңестер, «ыстық желілер», әлеуметтік желілердегі пікірлерді мониторингілеу және азаматтардан келіп түскен өтініштерді талдау жатады. Дамыған партиялық жүйелерде мұндай деректер бағдарламалық шешімдер мен үгіт стратегиясын түзетудің негізі ретінде қолданылады. Қазақстандағы партиялардың басым бөлігінде бұл бағыт әзірше жүйелі институттанған жоқ: зерттеулер көбіне сайлау алдындағы кезеңде тапсырыспен жүргізіледі, ал нәтижелері ашық жарияланбайды.

Сонымен қатар өңірлік ерекшеліктерді ескеру ерекше маңызды. Қазақстанның аумағы кең, халық құрамы мен әлеуметтік-экономикалық жағдайы әртүрлі: ірі қалалар мен ауылдық елді мекендердегі сайлаушылардың күтулері, ақпарат алу арналары мен қатысу мәдениеті бірдей емес. Сондықтан ауылдық аудиторияға бағытталған коммуникация (жергілікті БАҚ, тікелей кездесулер) мен қалалық, жастар аудиториясына бағытталған цифрлық коммуникацияны ұштастыру партиялардың қолдау базасын кеңейтудің шарты болып табылады.

4 2026 жылғы Құрылтай сайлауы: нәтижелер және олардың коммуникативтік мәні

2026 жылғы 23 тамыздағы сайлауда жеті партия бақ сынады, оның бесеуі 5 пайыздық межеден өтті. Орталық сайлау комиссиясының мәліметтері бойынша дауыс беру қорытындысы 1-кестеде көрсетілген. Ресми деректерге сәйкес «Әділет» партиясы Құрылтайдан 110 мандат алды, қалған 35 мандатты «Ауыл», Respublica, ЖСДП және «Ақ жол» партиялары бөлісті [18]. Межеден өте алмаған екі партия – «Байтақ» және Қазақстан Халық партиясы.

1-кесте – 2026 жылғы Құрылтай сайлауының қорытындысы (ОСК мәліметтері)

	Саяси партия	Дауыс саны	Дауыс үлесі, %
	«Әділет» партиясы	6 528 948	71,17
	«Ауыл» партиясы	574 621	6,26
	Respublica партиясы	509 631	5,56
	«Ақ жол» Қазақстан демократиялық партиясы	478 083	5,21
	Жалпыұлттық социал-демократиялық партия	469 058	5,11

Ескерту: дерек көзі негізінде құрастырылған [19].

Нәтижелерді коммуникативтік тұрғыдан түсіндіргенде бірнеше жайт назар аудартады. Бірінші, дауыстың басым бөлігі жеңген партияға шоғырланды: бұл ірі партияның ұйымдық желісі мен ресурстық артықшылығымен, сондай-ақ үстем партияның ауысуына қарамастан сайлаушылар алдындағы танымалдығының сақталуымен түсіндірілуі мүмкін. Екінші, төрт партияның нәтижесі 5,11–6,26 пайыз аралығында болды, яғни олардың бәрі межеден аз ғана айырмамен өтті. Бұл – шағын партиялардың тұрақты сайлаушы қауымын әлі толық қалыптастыра алмағанының белгісі. Үшіншіден, 2023 жылы Respublica партиясы 8,59 пайыз дауыс алған еді; 2026 жылы оның үлесі 5,56 пайызға дейін төмендеді. Мұндай серпін сайлаушылар қолдауының тұрақсыздығын және партиялардың қоғаммен байланысы маусымдық екенін көрсетуі мүмкін, бірақ бұл болжамды растау үшін сайлаушылар сауалнамалары қажет.

Сайлау процесінің ашықтығы да партиялар мен қоғам арасындағы сенімді қалыптастыратын коммуникативтік фактор. Ресми мәліметтерге сәйкес, науқан барысында Сыртқы істер министрлігі арқылы бірнеше шет мемлекеттен халықаралық байқаушылар ұсынылды, ал сайлау нәтижелері ресми түрде жарияланды. Партиялар үшін бұл – сайлау нәтижесін қоғам алдында мойындату ғана емес, сонымен бірге сайлаудан кейінгі кезеңде өз бағдарламалық міндеттемелерін орындау арқылы сенімді нығайту мүмкіндігі. Құрылтай жұмысының алғашқы сессиясы 2026 жылғы тамыздың соңына белгіленгендіктен, партиялардың депутаттық жұмыс арқылы сайлаушылармен байланысы алдағы жылдары жүйелі тексеріліп отырады.

Партиялардың қоғаммен байланысының тиімділігін бағалау үшін мынадай көрсеткіштер жүйесін қолдануға болады: 1) мүшелік көрсеткіштері (мүшелер саны, олардың іс жүзіндегі белсенділігі, жастар мен әйелдер үлесі); 2) өңірлік қамту (белсенді жұмыс істейтін филиалдар мен қоғамдық қабылдау орындарының саны); 3) цифрлық қатысу (аудиторияның өсуі, өзара әрекеттестік деңгейі, пікірлерге жауап беру жылдамдығы); 4) қоғамдық сенім (сауалнамалар бойынша партияға сенім және оның бағдарламасын тану деңгейі); 5) есеп беру (орындалған уәделер үлесі, жарияланған есептер саны). Мұндай индикаторлар партиялардың қоғаммен байланысын сайлау нәтижесінен бөлек, үздіксіз процесс ретінде өлшеуге мүмкіндік береді.

5 Негізгі проблемалар және жетілдіру бағыттары

Жүргізілген талдау партиялардың қоғаммен байланысында бірқатар жүйелі проблемалар барын көрсетеді. Біріншіден, байланыс көбіне сайлау циклімен шектеледі: науқан аралығындағы коммуникация әлсіз, партиялық кеңселердің белсенділігі төмендейді. Екіншіден, коммуникация жоғарыдан төмен қарай бағытталған, яғни партия шешімдерін таратуға басымдық беріліп, азаматтардан келетін ұсыныстарды жинақтау мен өңдеудің ашық рәсімдері жеткіліксіз дамыған. Үшіншіден, партиялардың идеологиялық ерекшеліктері сайлаушыға анық жетпейді: бағдарламалар көбіне ұқсас әлеуметтік-экономикалық уәделерден тұрады. Төртіншіден, қаржылық және кадрлық ресурстардың теңсіздігі шағын партиялардың өңірлерде тұрақты өкілдік қамтамасыз етуіне кедергі келтіреді. Бесіншіден, цифрлық кеңістікте дезинформация, жасанды белсенділік және сенімнің төмендеуі сияқты тәуекелдер сақталады.

Аталған проблемаларды шешу үшін мынадай бағыттарды ұсынуға болады:

1) Тұрақты қоғамдық қабылдау жүйесін құру: өңірлік кеңселерде жыл бойы азаматтарды қабылдауды, онлайн-өтініштер мен олардың орындалу барысын көрсететін ашық тіркеуді енгізу.

2) Партияішілік демократияны күшейту: кандидаттарды ұсыну мен бағдарламаны қалыптастыруда мүшелердің нақты қатысуын қамтамасыз ету, праймериз және онлайн-дауыс беру рәсімдерін кеңейту.

3) Екіжақты цифрлық коммуникацияны дамыту: сайт пен әлеуметтік желілерде сұрақ-жауап, ашық эфирлер, электрондық петициялар және бағдарламаны онлайн талқылау форматтарын тұрақты қолдану.

4) Партиялардың есеп беру практикасын жетілдіру: депутаттық топтардың жылдық есептерін, дауыс беру нәтижелерін және орындалған бағдарламалық уәделерді ашық жариялау.

5) Азаматтық қоғам мен ғылыми қауымдастықпен серіктестік: сараптамалық платформалар құру, мониторинг пен әлеуметтік зерттеулер жүргізу, сайлаушылар қолдауының

динамикасын тұрақты өлшеу.

6) Саяси мәдениет пен медиасауаттылықты арттыру: жастар арасында білім беру бағдарламаларын, дебат клубтарын және партияаралық диалог алаңдарын ұйымдастыру.

Халықаралық тәжірибеде партиялар «цифрлық мүшелік», онлайн-платформалар арқылы бағдарламаны бірлесіп әзірлеу, азаматтар ассамблеялары мен ашық праймеризді қолдану арқылы қоғаммен байланысын жаңартып жатыр. Бұл тәжірибені Қазақстан жағдайына тікелей көшіру қиын, себебі оның нәтижесі саяси мәдениетке, қолданыстағы құқықтық ортаға және партиялық жүйенің құрылымына тәуелді. Дегенмен жекелеген элементтерін (онлайн-қабылдау, ашық есептер, мүшелермен электрондық сауалнама) ұлттық ерекшеліктерді ескере отырып, пилоттық режимде енгізуге болады.

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері бойынша Қазақстандағы саяси партиялардың қоғаммен байланыс орнату тетіктері институционалдық (құқықтық база, аумақтық құрылым, мүшелік), сайлаулық (бағдарлама, кандидаттар тізімі, науқан) және коммуникативтік (БАҚ, цифрлық платформалар, тікелей қарым-қатынас) топтарға жүйеленеді. 2026 жылғы конституциялық реформа мен Құрылтайға өткен алғашқы сайлау бұл тетіктердің маңызын арттырды, өйткені депутаттық мандаттардың бәрі партиялық тізімдер бойынша бөлінетін жүйеде партияның қоғамдағы беделі мен сенімі саяси табыстың басты шарты болып отыр.

Сонымен қатар партиялардың қоғаммен байланысы әлі де маусымдық, бір бағытты және ұйымдық ресурстарға тәуелді сипатын сақтап отыр. Тұрақты қабылдау жүйесін, партияішілік демократияны, екіжақты цифрлық коммуникацияны және есеп беру тетіктерін дамыту партиялардың өкілдік қызметін күшейтіп, олардың азаматтар алдындағы жауапкершілігін арттыруы мүмкін. Болашақ зерттеулерде сайлаушылар сауалнамалары мен партиялық аккаунттардың сандық контент-талдауы арқылы осы тұжырымдарды эмпирикалық тұрғыдан тереңдету орынды.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы (2026 жылғы 15 наурыздағы республикалық референдумда қабылданған). – Астана, 2026.

2. Қазақстан Республикасы Құрылтайының өткен сайлауы туралы [Электрондық ресурс] // ҚР Сыртқы істер министрлігі, gov.kz. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-geneva/press/news/details/1279867 (қаралған күні: 02.10.2026).

3. Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. – London: Methuen, 1954. – 439 p.

4. Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party Systems // Political Parties and Political Development / ed. by J. LaPalombara, M. Weiner. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 177–200.

5. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 370 p.

6. Katz R. S., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. – 1995. – Vol. 1, No. 1. – P. 5–28.

7. Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 330 p.

8. Қазақстан Республикасының «Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы» Конституциялық заңы. 1995 жылғы 28 қыркүйектегі № 2464. – Өзгерістер мен толықтырулармен.

9. Қазақстан Республикасының «Саяси партиялар туралы» Заңы. 2002 жылғы 15 шілдедегі № 344-II. – Өзгерістер мен толықтырулармен.

10. Isaacs R. Party System Formation in Kazakhstan: Between Disorder and Consolidation. – London: Routledge, 2011. – 192 p.

11. Luong P. J. (ed.) The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. – Ithaca: Cornell University Press, 2004. – 392 p.

12. OSCE/ODIHR. Republic of Kazakhstan, Early Parliamentary Elections, 19 March 2023: Final Report of the Election Observation Mission. – Warsaw: ODIHR, 2023.

13. Қай экс-депутаттар Құрылтайға үміткер, ал кімдер өзге жұмыс қарайды: партиялық тізімдерге сол [Электрондық ресурс] // Informburo.kz. – URL: https://informburo.kz/kaz/kogam/qai-eks-deputattar-quryltaiga-umitker-al-kimder-ozge-zumys-qaraidy-partiialyq-tizimderge-solu (қаралған күні: 02.10.2026).
14. «Әділет» партиясы Құрылтайдан 110 орын алды [Электрондық ресурс] // Kapital.kz. – URL: https://kapital.kz/kk/gosudarstvo/152086/aedilet-partiyasy-khuryltajdan-110-oryn-aldy.html (қаралған күні: 02.10.2026).
15. Қай экс-депутаттар Құрылтайға үміткер, ал кімдер өзге жұмыс қарайды: партиялық тізімдерге сол [Электрондық ресурс] // Informburo.kz. – URL: https://informburo.kz/kaz/kogam/qai-eks-deputattar-quryltaiga-umitker-al-kimder-ozge-zumys-qaraidy-partiialyq-tizimderge-solu (қаралған күні: 02.10.2026).
16. Gibson R., Ward S. A Proposed Methodology for Studying the Function and Effectiveness of Party and Candidate Web Sites // Social Science Computer Review. – 2000. – Vol. 18, No. 3. – P. 301–319.
17. Bennett W. L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. – 2012. – Vol. 15, No. 5. – P. 739–768.
18. «Әділет» партиясы Құрылтайдан 110 орын алды [Электрондық ресурс] // Kapital.kz. – URL: https://kapital.kz/kk/gosudarstvo/152086/aedilet-partiyasy-khuryltajdan-110-oryn-aldy.html (қаралған күні: 02.10.2026).
19. Қазақстан Республикасы Құрылтайының өткен сайлауы туралы [Электрондық ресурс] // ҚР Сыртқы істер министрлігі, gov.kz. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-geneva/press/news/details/1279867 (қаралған күні: 02.10.2026).

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Акбасова Д.Б.
Студентка 3-го курса ОП 6В03102 – Политология,
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Казахстан
e-mail: akbasovadilnaz@gmail.com
Научный руководитель: к.п.н., профессор Алтыбасарова М.А.

Введение

Искусственный интеллект всё глубже входит в повседневную жизнь молодёжи: его используют для поиска информации, подготовки учебных заданий, общения и создания текстов. Эти технологии упрощают получение знаний и открывают новые возможности для саморазвития, но вместе с тем возникает вопрос, как ИИ влияет на взгляды молодых людей, их самостоятельность и жизненные приоритеты.

Актуальность темы связана с быстрым распространением ИИ и его растущей ролью в жизни молодого поколения. В период становления личности важно понимать, как цифровые технологии влияют на убеждения, привычки и ценности. ИИ может помогать в учёбе и расширять кругозор, однако чрезмерная опора на готовые ответы снижает стремление самостоятельно анализировать информацию. Поэтому необходимо выяснить, как сама молодёжь воспринимает эту технологию и замечает ли её влияние на свои взгляды.

Цель проекта - выявить особенности влияния искусственного интеллекта на ценностные ориентиры современной молодёжи на основе теоретических материалов и результатов анкетирования.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- изучить теоретические основы влияния ИИ на ценностные ориентиры молодёжи.
- проанализировать результаты анкетирования и определить, как респонденты оценивают влияние ИИ на свои взгляды, поведение и жизненные приоритеты.

Объект исследования - ценностные ориентиры современной молодёжи.

Предмет - особенности влияния ИИ на формирование ценностей, убеждений и поведенческих установок молодых людей.

Методы: анализ источников, анкетирование в Google Forms, количественная обработка ответов, сравнение и обобщение результатов.

Новизна проекта состоит в том, что влияние ИИ на ценности молодёжи рассматривается с опорой на мнения самих респондентов. Практическая значимость заключается в том, что результаты помогают лучше понять отношение молодёжи к ИИ и его роль в обучении, общении и принятии решений.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и приложений: в первой главе изложены теоретические основы, во второй проанализированы результаты анкетирования.

1. Теоретические основы влияния искусственного интеллекта на ценностные ориентиры молодёжи

1.1 Понятие искусственного интеллекта и его роль в жизни современной молодёжи

Искусственный интеллект прочно вошёл в повседневную жизнь молодёжи: его используют для учёбы, поиска информации, перевода текстов, создания изображений и решения бытовых задач. Технологии, которые раньше требовали специальных знаний, теперь доступны через обычные приложения и онлайн-сервисы. Это меняет привычные способы получения знаний, общения и выполнения повседневных дел.

Таким образом, распространение искусственного интеллекта среди молодёжи связано не только с упрощением повседневных задач, но и с изменением подходов к обучению, получению знаний и самостоятельному принятию решений. В руководстве UNESCO подчёркивается необходимость сохранения ведущей роли человека при использовании новых технологий. Авторы документа отмечают: «Искусственный интеллект не должен подменять человеческий интеллект» (перевод с английского) [1, с. 2]. Данное положение подчёркивает, что цифровые инструменты должны дополнять интеллектуальные возможности человека, а не заменять его способность самостоятельно анализировать информацию, оценивать её достоверность и формировать собственное мнение.

Доступность генеративного искусственного интеллекта делает его не только инструментом для решения повседневных задач, но и средством получения и обработки знаний. При этом значение технологии определяется тем, какие задачи человек ей поручает и как использует полученные результаты. С. Рассел и П. Норвиг рассматривают искусственный интеллект через призму создания систем, способных воспринимать информацию и выполнять определённые действия [2, с. 36-37]. Такой подход позволяет понять, почему ИИ находит широкое применение в образовательной среде: он помогает работать с информацией, объяснять сложные вопросы и выполнять учебные задания. Поэтому особенно важно рассмотреть, как именно молодёжь использует эти возможности в процессе обучения.

Заметное место искусственный интеллект занимает и в информационной среде. Алгоритмы социальных сетей и видеоплатформ подбирают публикации с учётом предполагаемых интересов пользователя. Благодаря этому молодые люди быстрее находят интересный контент, музыку, обучающие материалы и новости. Вместе с тем подобные рекомендации могут ограничивать разнообразие получаемой информации. Когда человеку постоянно показывают похожие материалы, у него может складываться впечатление, что определённые мнения или модели поведения распространены гораздо шире, чем на самом деле.

ИИ всё чаще становится помощником в общении и творчестве: с его помощью редактируют тексты, формулируют сообщения и создают идеи для публикаций. Но если постоянно полагаться на готовые фразы, становится сложнее выражать собственные мысли и сохранять индивидуальный стиль. Шерри Тёркл обращает внимание на то, что современные средства коммуникации позволяют редактировать сообщения и формировать желаемый образ себя: «We can edit our messages until they project the self we want to be» («Мы можем редактировать свои сообщения до тех пор, пока они не будут отражать тот образ себя, который мы хотим представить») [3, с. 13]. Эта мысль позволяет увидеть двойственный характер

цифровых инструментов: с одной стороны, они помогают точнее выражать намерения, а с другой - могут усиливать зависимость от заранее подготовленных формулировок. Поэтому важно учитывать не только удобство использования искусственного интеллекта, но и степень самостоятельности человека при работе с ним.Влияние этой технологии зависит от того, как её используют. Она приносит пользу, когда помогает решать задачи, а не думает вместо человека. Для этого важно проверять информацию, беречь личные данные и самостоятельно принимать решения

1.2. Ценностные ориентиры молодёжи и особенности их формирования в условиях цифровой среды

Жизненные приоритеты отражают то, что человек считает важным и на что опирается при принятии решений. Для молодёжи это могут быть близкие люди, образование, здоровье, финансовая независимость, свобода выбора и возможность реализовать себя.

Жизненные приоритеты не являются неизменными: они формируются под влиянием окружающих людей, жизненных обстоятельств и представлений человека о собственном будущем. Д. А. Леонтьев рассматривает личностные ценности как «неизменный и устойчивый в масштабе жизни субъекта источник смыслообразования» [4, с. 320].

Цифровая среда становится одним из факторов, влияющих на формирование жизненных ориентиров молодёжи, поскольку расширяет круг доступных представлений о мире и возможностях самореализации. Как отмечает Д. А. Леонтьев, «Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину мира, стиль жизни и образ своего Я» [5, с. 3–4]. Данное положение подчёркивает значение личностного осмысления окружающей действительности в процессе становления мировоззрения.

Цифровая среда влияет не только на формирование взглядов молодых людей, но и на способы их взаимодействия с окружающими. Онлайн-платформы создают условия для обмена мнениями и участия в сообществах по интересам, однако виртуальное взаимодействие не всегда сопровождается реальным включением в общественную жизнь. О. В. Асеева отмечает, что общение в социальных сетях может приводить к «разрыву с практикой решения социальных проблем» [6, с. 184]. Это позволяет предположить, что активность в интернете не всегда означает развитие навыков непосредственного общения и взаимодействия. Поэтому при оценке влияния цифровых технологий важно учитывать не только их информационные возможности, но и то, как они изменяют повседневные отношения между людьми.

Меняются и привычки общения. Цифровые инструменты помогают оставаться на связи, однако не могут полностью заменить живой контакт, в котором важны внимание и сопереживание. То же относится к искусственному интеллекту: его влияние зависит от того, становится ли он удобным помощником или постепенно подменяет самостоятельное мышление и взаимодействие с людьми. Б. А. Ильясова и А. М. Жусупова подчёркивают, что «погружение в виртуальную среду для молодого человека проходит не бесследно» [7, с. 46]. Это замечание обращает внимание на последствия цифрового взаимодействия, которые выходят за пределы простого обмена информацией. Важно, чтобы использование технологий не вытесняло личные контакты и не ограничивало возможность непосредственного общения. Сохранение равновесия между виртуальной и реальной жизнью приобретает особое значение в молодом возрасте, когда формируются устойчивые взгляды, привычки и представления о будущем.

Таким образом, ценности современной молодёжи формируются под действием многих факторов, среди которых цифровая среда и искусственный интеллект играют всё более заметную роль. Новые технологии дают возможности для учёбы, творчества и общения, но требуют ответственности, критического мышления и осознанного отношения к информации.

2. Влияние искусственного интеллекта на ценностные ориентиры современной молодёжи: результаты опроса и их анализ

2.1. Анализ результатов опроса о влиянии искусственного интеллекта на ценностные ориентиры современной молодёжи

В рамках проекта был проведён онлайн-социологический опрос, посвященный влиянию искусственного интеллекта на ценностные ориентиры современной молодёжи. Для углублённого рассмотрения темы из 14 вопросов анкеты были выбраны 9, наиболее полно

отражающих связь использования искусственного интеллекта с ценностными установками современной молодёжи. Анкета была создана с помощью Google Forms и включала 14 вопросов. В опросе приняли участие 50 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет. Наибольшую долю респондентов составили молодые люди в возрасте 18–21 года (56%), а 22% участников относились к возрастной группе 22–25 лет. По социальному статусу преобладали студенты (60%) и работающие респонденты (36%). Это позволило рассмотреть отношение к искусственному интеллекту с учетом опыта молодых людей, находящихся на разных этапах обучения и профессиональной деятельности. Вопросы касались частоты использования ИИ, его применения в учебе и повседневной жизни, а также отношения к его влиянию на самостоятельность мышления, общения и жизненные ценности. Полученные ответы позволили определить, как молодые люди воспринимают искусственный интеллект и какое место он занимает в их жизни.

Вопрос 1 - Как часто вы используете искусственный интеллект (ChatGPT, Gemini, Copilot и др.)?

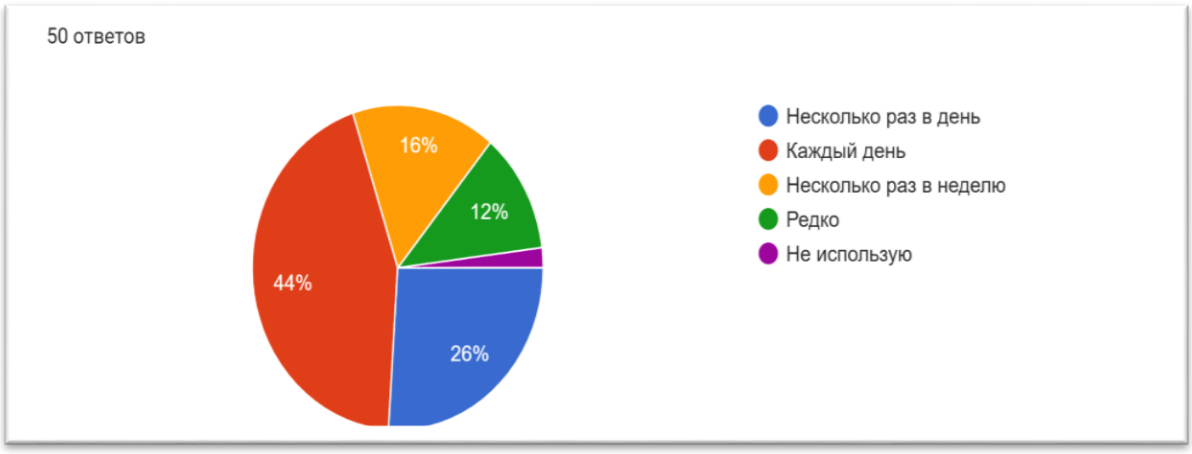

Диаграмма 1 - Распределение респондентов по частоте использования инструментов искусственного интеллекта.

Большинство респондентов регулярно пользуются ИИ: 44% - каждый день, 26% - несколько раз в день, 16% - несколько раз в неделю, а 12% - редко. Это говорит о высокой распространённости ИИ среди участников опроса, что может быть связано с доступностью цифровых технологий и их активным применением в учёбе и работе, а значит, потенциально влияет на ценностные ориентиры молодёжи.

Вопрос 2 - Считаете ли вы, что использование ИИ влияет на ваши собственные взгляды и ценности?

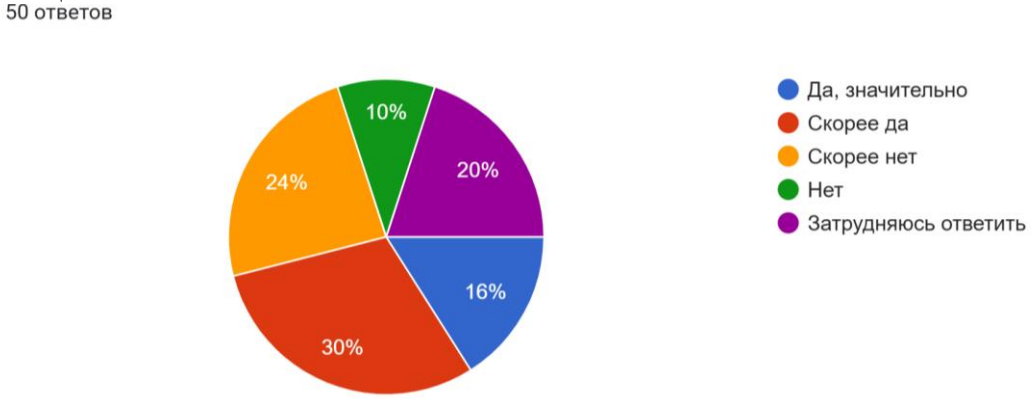

Диаграмма 2 - Распределение респондентов по оценке влияния искусственного интеллекта на личные взгляды и ценности

Результаты опроса показали, что 30% респондентов считают, что искусственный интеллект, скорее всего, влияет на их взгляды и ценности, а 16% отмечают значительное влияние. При этом 34% не замечают такого влияния, а 20% затрудняются ответить. Данная тенденция отражает неоднозначность восприятия ИИ и может рассматриваться через понятие

цифрового влияния на ценностные установки. Регулярное взаимодействие с ИИ способно влиять на формирование мнений и принятие решений, однако степень этого влияния зависит от индивидуального опыта и критического отношения к получаемой информации.

Вопрос 3 - Согласны ли вы, что чрезмерное использование ИИ снижает способность самостоятельно мыслить и учиться?

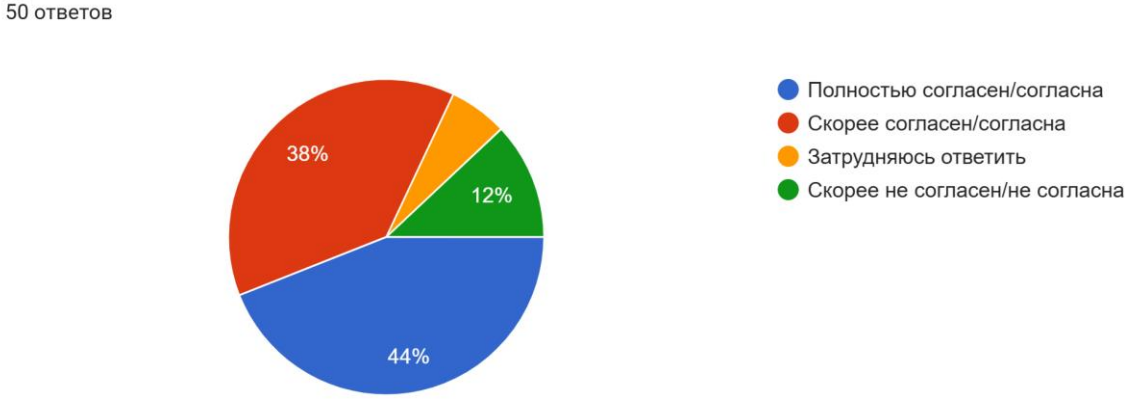

Диаграмма 3 - Распределение мнений респондентов о влиянии чрезмерного использования ИИ на самостоятельное мышление и обучение

Результаты опроса показали, что 44% респондентов полностью согласны, а 38% скорее согласны с тем, что чрезмерное использование ИИ снижает способность самостоятельно мыслить и учиться. При этом 12% скорее не согласны, остальные затрудняются ответить. Это свидетельствует об осознании возможных рисков чрезмерного использования ИИ и подчёркивает важность сохранения самостоятельного мышления и критического подхода к цифровым технологиям.

Вопрос 4 - Считаете ли вы, что распространение ИИ может снизить ценность человеческого труда?

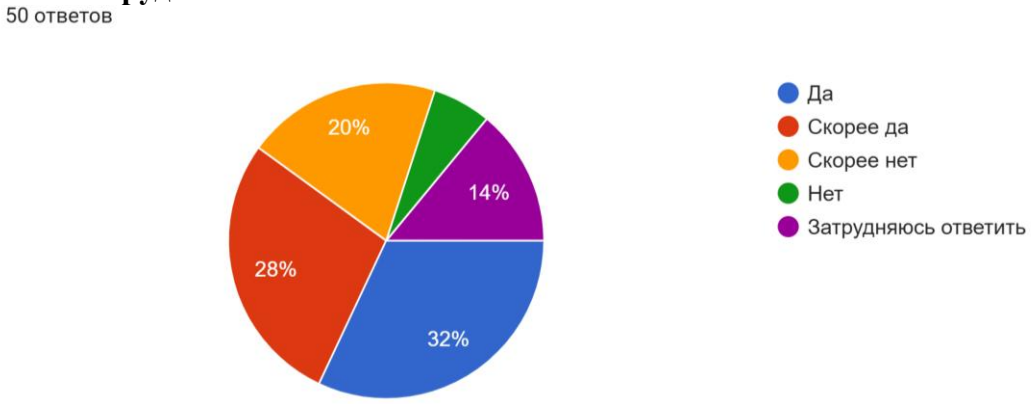

Диаграмма 4 - Распределение мнений респондентов о влиянии искусственного интеллекта на ценность человеческого труда

Большинство респондентов считают, что распространение ИИ может снизить ценность человеческого труда: 32% ответили «да», 28% - «скорее да». Противоположного мнения придерживаются 20%, не согласны 6%, затрудняются ответить 14%. Это говорит о преобладании опасений за профессиональную деятельность. Распространение ИИ вызывает неоднозначную реакцию: наряду с признанием его возможностей сохраняется обеспокоенность снижением востребованности человеческих навыков и изменением роли человека в сфере труда.

Вопрос 5 - Согласны ли вы с утверждением: «Использование ИИ не освобождает человека от личной ответственности за конечный результат»?

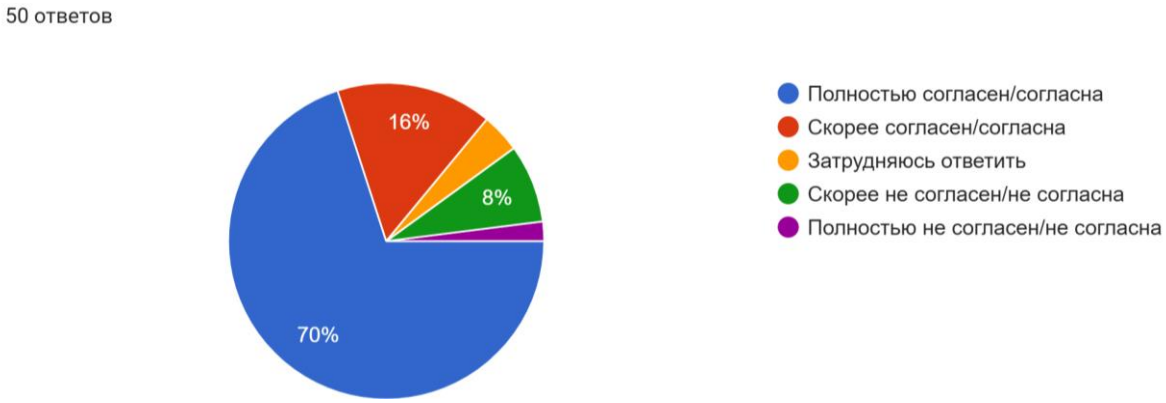

Диаграмма 6 - Распределение мнений респондентов о личной ответственности при использовании ИИ

Большинство респондентов (70%) полностью согласны с тем, что использование ИИ не освобождает человека от личной ответственности за конечный результат, ещё 16% скорее согласны. Лишь 8% скорее не согласны. Это отражает преобладание позиции личной ответственности и осознание того, что искусственный интеллект является инструментом, а окончательная оценка и принятие результата остаются за человеком.

Вопрос 7 - Как в целом вы оцениваете влияние ИИ на ценностные ориентиры молодежи?

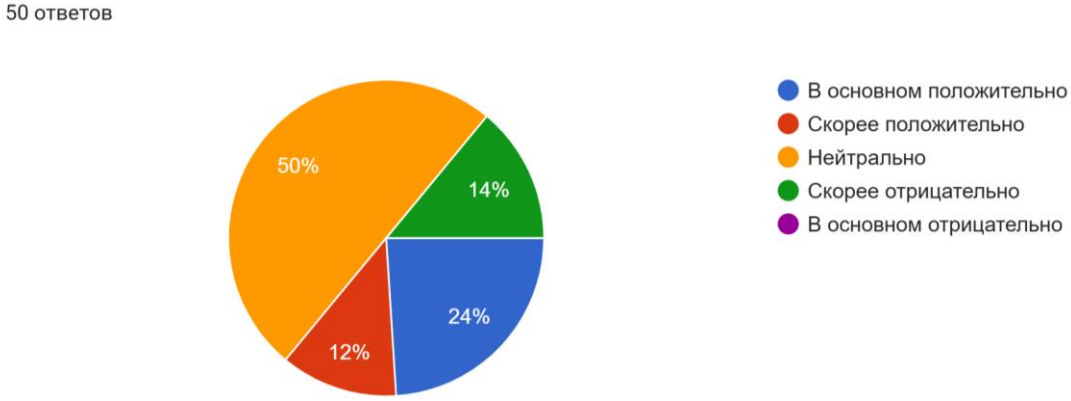

Диаграмма 7 - Общее восприятие влияния искусственного интеллекта на ценностные ориентиры молодежи

Половина респондентов (50%) нейтрально оценивают влияние ИИ на ценностные ориентиры молодёжи. Положительно его воспринимают 36% (24% - в основном положительно, 12% - скорее положительно), скорее отрицательно - 14%. Таким образом, несмотря на преобладание нейтральной позиции, положительное отношение встречается чаще отрицательного, что говорит о неоднозначном восприятии влияния цифровых технологий на ценности молодёжи.

Вопрос 8 - Какую ценность, на ваш взгляд, особенно важно сохранить человеку в эпоху искусственного интеллекта?

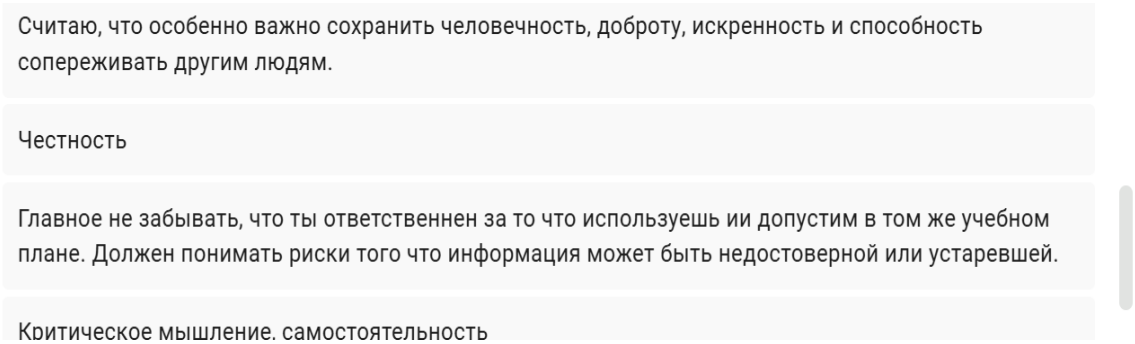

Диаграмма 8 - Ценности, которые важно сохранить человеку в эпоху искусственного интеллекта

Ответы на открытый вопрос показали, что респонденты выделяют несколько ключевых ценностей, которые важно сохранить в эпоху ИИ:
- критическое мышление и умение самостоятельно размышлять;
- честность и ответственность;
- духовность и самостоятельность.

Наиболее заметное внимание уделяется самостоятельному мышлению и критическому осмыслению информации. Это отражает стремление сохранить способность человека принимать собственные решения и не полагаться полностью на искусственный интеллект. Важно не только получать готовые ответы, но и уметь оценивать их достоверность, сопоставлять разные точки зрения и формировать собственное мнение.

Заключение

Опрос позволил выяснить, как молодые люди используют искусственный интеллект и оценивают его влияние на собственные взгляды и жизненные ориентиры. Большинство воспринимает интеллектуальные сервисы как удобный инструмент для учёбы, работы и решения повседневных задач, однако признаёт и связанные с ними риски.

Особую значимость приобретает способность человека самостоятельно оценивать полученные ответы. Как подчёркивается в рекомендациях ЮНЕСКО, «ИИ не должен подменять человеческий интеллект» [8, с. 3]. Эта позиция отражается и в ответах участников: они считают необходимым проверять информацию, критически относиться к готовым решениям и сохранять независимость суждений. Среди качеств, которые не теряют ценности в цифровой среде, респонденты выделяют ответственность, творческое мышление и профессиональную компетентность. Опасения вызывает также возможность обесценивания человеческого труда по мере развития автоматизации.

Влияние ИИ на жизненные установки молодёжи оценивается преимущественно нейтрально, хотя положительные мнения встречаются чаще отрицательных. В открытых ответах участники подчёркивали важность честности, самостоятельности и личной ответственности. Это позволяет предположить, что практическая польза технологий не исключает стремления сохранить индивидуальность и право самостоятельно принимать решения.

Ответы 50 респондентов показывают, что отношение к искусственному интеллекту определяется не только его функциональностью, но и представлениями о границах допустимой технологической помощи. Важно не отказываться от новых возможностей, а использовать их без утраты критического мышления и личной ответственности. При этом полученные данные характеризуют мнения опрошенных, но не доказывают, что применение ИИ непосредственно изменяет ценности молодёжи.

Список литературы

1. UNESCO. Guidance for Generative AI in Education and Research [Электронный ресурс]. – Paris: UNESCO, 2023. – 48 p. – ISBN 978-92-3-100612-8. – DOI: https://doi.org/10.54675/EWZM9535.

2. Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – 4th ed. – Hoboken: Pearson, 2021. – 1115 p. – ISBN 978-0-13-461099-3.

3. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – New York: Basic Books, 2011. – 384 p. – ISBN 978-0-465-01021-9.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М.: Смысл, 2003. – 487 с. – ISBN 5-89357-082-0.

5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2019. – 584 с. – ISBN 978-5-89357-385-5.

6. Асеева О. В. Влияние социальной сети Интернет на развитие социальной активности молодёжи // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 2 (121),

вып. 19. – С. 181–184. – [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnoy-seti-internet-na-razvitie-sotsialnoy-aktivnosti-molodezhi (Дата обращения: 13.10.2026).

7. Ильясова Б. А., Жусупова А. М. Влияние социальных сетей на формирование духовных ценностей у подростков // Herald of Journalism. – 2021. – Т. 62, № 4. – С. 46–54. – DOI: 10.26577/HJ.2021.v62.i4.05. – [Электронный ресурс] URL: https://bulletin-journalism.kaznu.kz/index.php/1-journal/article/download/1492/1257/3431 (Дата обращения: 13.10.2026).

8. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research [Электронный ресурс]. – Paris: UNESCO, 2023. – 44 p. – DOI: 10.54675/EWZM9535. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693 (Дата обращения: 13.10.2026).

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСЧЕЗАЮЩИХ СЛОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Алтынбекова А.Р.

Студент 1-го курса ОП 6В01705 – Иностранный язык: два иностранных языка, Факультет иностранных языков, Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

email: aminaaltynbekova604@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры русского языка и литературы им. Г. А. Мейрамова Жаманова Ж.Ж.

Караганда, КарНИУ

Аннотация

Статья посвящена изучению устаревших слов современного казахского языка и причин, по которым они выходят из употребления. В работе различаются историзмы и архаизмы, а устаревшая лексика разделена на тематические группы: термины родства, названия времени суток, предметы быта, нравственные понятия и старые меры измерения. Рассмотрены исторические, социальные и языковые причины, по которым эти слова уходят из активного словаря. Опираясь на результаты пилотного опроса 35 респондентов, автор показывает, что изменение словарного состава – естественный процесс, однако слова, в которых выражено национальное своеобразие, важно сохранять, так как они поддерживают идентичность. В заключении предложены практические способы возвращения уходящих слов в живую речь.

Ключевые слова: *казахский язык, опрос, лексика, устаревшие слова, историзмы, архаизмы, пассивный словарь, термины родства, национальная культура.*

Введение

Язык – не только средство общения, но и сокровищница, в которой народ веками хранит свой опыт и своё понимание мира. За каждым словом стоят определённый образ жизни, эпоха и взгляд на вещи. Поэтому, когда слово выходит из употребления, вместе с ним постепенно тускнеет и культурная память о том, что это слово обозначало.

В речи современной молодёжи часто звучат русские слова «шкаф», «ковёр», «свояк». Наши бабушки называли эти предметы и людей иначе: «кебеже», «тұскиіз», «бажа». Многие из нас не знают значения этих слов и, возможно, никогда их не слышали. Возникают естественные вопросы: куда эти слова делись? Почему они вышли из употребления? Считать ли это обеднением языка или его естественным развитием?

Цель статьи – рассмотреть слова казахского языка, которые раньше были в активном употреблении, а теперь ушли или уходят из речи, разделить их на тематические группы, выявить причины забвения и предложить способы возвращения слов в обиход. Для достижения цели поставлены следующие задачи: различить виды устаревшей лексики; сопоставить примеры со словарными определениями; проанализировать причины выхода слов из

употребления; выяснить с помощью опроса, насколько молодёжь знает такие слова. В работе использованы методы описания, сопоставления, анализа словарных статей и анкетирования.

Виды устаревших слов

Язык – явление постоянно меняющееся: одни слова появляются, другие уходят. Описывая эти изменения словарного состава, лингвисты различают активную и пассивную лексику. Активная лексика – слова, которые мы ежедневно произносим в речи. Пассивная – слова, значение которых человек понимает или встречает в книгах, но сам не употребляет. Исчезновение слова чаще всего начинается именно с перехода во вторую группу: сначала слово перемещается из активного запаса в пассивный, и только потом полностью стирается из памяти говорящих.

Устаревшие слова, в свою очередь, делятся на два вида. Историзмы – слова, обозначающие предметы и явления, которых больше нет в жизни, поэтому они употребляются только в разговоре об истории. Например, слова «жасауыл» (стражник при хане или султане, страж порядка) и «шабарман» (конный гонец, доставлявший вести и письма) сегодня встречаются в основном в исторических произведениях. Архаизмы – слова, обозначающие существующие предметы, но вытесненные другими словами. Так, вместо «тілмаш» сегодня говорят «аудармашы» (переводчик). Значение большинства таких слов можно найти в «Словаре казахского литературного языка» [1].

Выход слов из употребления – не новое явление. В XI веке Махмуд Кашгари собрал слова тюркских племён и составил словарь «Диуани лугат ат-турк»; многих его слов в современном казахском языке уже нет, а у части изменилось значение [2]. В начале XX века Ахмет Байтурсынулы выступал за чистоту языка и поиск казахских названий для новых понятий, предложив ряд терминов [3]. Таким образом, обновление словарного запаса – закономерная часть жизни языка. Тревожит скорее скорость и направление этого процесса.

Какие слова уходят из языка?

Словарные определения и собственные наблюдения показывают, что чаще всего выходят из употребления термины родства, названия времени суток, мебель и предметы быта, нравственные понятия и старые меры измерения. Примеры приведены в таблице 1. Значения в таблице даны по словарным определениям в сокращённом виде [1; 4; 5].

Таблица 1. Тематические группы выходящих из употребления слов

Слово	Значение	Чем заменено сегодня
бажа	мужья родных сестёр по отношению друг к другу	«свояк», «родственник»
балдыз	младшая сестра жены	«свояченица», «сестра жены»
жекжат	родственники по браку, свойственники	«родственники»
таңсәрі	время перед самым рассветом	«рано утром»
екінті	время между полуднем и закатом	«после обеда»
кебеже	большой деревянный ларь для хранения зерна, муки, одежды	«шкаф», «комод», «сундук»
жүкаяқ	деревянная мебель для хранения постельных принадлежностей	«шкаф», «тумба»
тұскиіз	узорчатая кошма, которую вешали на стену юрты	«ковёр»
келсап	деревянный пестик для ступы келі	«ступка», «блендер»

Слово	Значение	Чем заменено сегодня
иба	сдержанность, скромность, умение вести себя достойно	«скромность», «стыдливость»
ізет	почтение, уважение	«уважение»
ынсап	совесть, умеренность, довольство малым	«совесть»
кез, қадақ	старые меры длины и веса	«метр», «килограмм»
тілмаш	устный переводчик	«переводчик»

В таблице прослеживается закономерность. В группе терминов родства казахский язык различает очень точно: по самому слову ясно, идёт ли родство со стороны жены или мужа. Когда такие слова уходят, их место занимает общее слово «родственник» или русский эквивалент, и тонкий оттенок отношений исчезает из речи.

К этому же ряду относятся названия времени суток. Слова «таңсәрі» и «екінті» точно передают течение времени, а их вытесняют общие «утром» и «после обеда». Старые меры («кез», «қадақ») вышли из быта с введением метрической системы; этот случай ближе к историзмам.

Особый интерес представляет группа нравственных понятий. «Иба», «ізет», «ынсап» обозначают не предметы, а качества и нормы поведения. Их чаще всего заменяют словами «скромность», «уважение», «совесть» или «ұят». Однако такие замены не передают все оттенки смысла: например, «иба» включает не только стыдливость, но и культуру умения держать себя.

Результаты опроса

Для проверки выводов в 2026 году был проведён анонимный онлайн-опрос в Google Forms. В нём приняли участие 35 респондентов: 71,4% (25 человек) в возрасте 17–22 лет, 17,1% (6 человек) – 23–35 лет и 11,4% (4 человека) – 36–50 лет. В ауле или небольшом городе выросли 68,6% опрошенных, в городе – 31,4%. Дома на казахском языке говорят 57,1%, на двух языках – 31,4%, на русском – 11,4%. Участники оценивали знание одиннадцати слов (бажа, балдыз, жекжат, таңсәрі, екінті, кебеже, жүкаяқ, тұскиіз, иба, ізет, ынсап), проверяли значение трёх из них, называли источники, причины ухода слов и своё отношение к их возвращению.

По самооценке, 42,9% респондентов знают слова и используют их, 37,1% знают, но не используют, 11,4% слышали, но не знают значения, 8,6% увидели их впервые. Таким образом, о знании слов заявили 80%, но используют их менее половины опрошенных. Каждый пятый респондент (20%) значения слов не знает.

Результаты проверки значения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты проверки значения слов (n = 35)

Слово	Правильных ответов	Доля
бажа	29 из 35	82,9%
таңсәрі	22 из 35	62,9%
кебеже	19 из 35	54,3%

Лучше всего сохранилось слово «бажа» (82,9%), затем «таңсәрі» (62,9%), хуже всего – «кебеже» (54,3%). Термин родства известен лучше всего, название времени суток – хуже, а название предмета быта, которого нет в городской квартире, – ещё хуже. Это подтверждает мысль о том, что слова уходят вместе с предметами. Кроме того, при проверке по трём словам в среднем правильно ответили около 67% респондентов, тогда как знание слов заявили 80%: самооценка несколько завышена. Это лишь ориентировочное сравнение, так как проверялись

три слова из одиннадцати.

Чаще всего респонденты слышали такие слова от бабушек и дедушек (54,3%), на втором месте оказались родители (45,7%), затем книги и фильмы (37,1%), интернет (17,1%) и школа (11,4%); вопрос допускал несколько ответов. Выходит, слова передаются в основном внутри семьи, а школа и интернет почти не участвуют.

Причинами ухода слов из речи респонденты считают удобство русских слов (34,3%), малое общение со старшими (28,6%), отсутствие обучения в школе (28,6%), ненужность предметов (25,7%) и стеснение говорить (8,6%). Показательно, что причину респонденты видят скорее в языковой среде и передаче слов, чем в изменении быта.

К возвращению слов в речь респонденты относятся так: 34,3% ответили «да, буду использовать», 37,1% – «да, но только знать значение», 17,1% – «нет», 11,4% – «не знаю». Итак, 71,4% поддерживают возвращение слов, но использовать их готова лишь примерно треть. Отсюда следует, что сначала нужно знакомить со значением слов, и лишь затем побуждать к их употреблению.

Если свести результаты опроса воедино, получается следующая картина: слова в основном известны (80% заявили о знании), но активно используются реже (42,9%), а общение со старшими и школа входят в число наиболее частых причин утраты, названных самими респондентами. Иными словами, проблема не в отсутствии интереса (71,4% поддерживают возвращение слов), а в недостатке языковой среды, в которой слово могло бы звучать.

Опрос носит пилотный характер. В нём приняли участие 35 человек, подавляющее большинство – молодые люди студенческого возраста, а старшая группа (36–50 лет) насчитывает всего 4 человека. Поэтому поколения по этим данным сравнивать нельзя, а результаты нельзя переносить на всё население: они лишь показывают тенденции.

Почему мы перестали ими пользоваться? Причины

Выход слов из употребления трудно объяснить одной причиной. Как нам представляется, действует сразу несколько факторов.

Изменение образа жизни. Слово живёт вместе с предметом. В XX веке кочевой и полукочевой быт сменился оседлым, а сельская жизнь – городской. Многие названия, связанные с юртой, скотоводством, ремёслами и охотой, вышли из повседневной речи. Если предмет не нужен, забывается и его название: в городской квартире нет места ни «кебеже», ни «келсапу».

Исторические и политические условия. В советский период в образовании, науке, управлении и технике преобладал русский язык, и новые понятия приходили в казахский чаще всего через русский в готовом виде. Кроме того, коллективизация и голод 1930-х годов ослабили среду, которая передавала традиционный уклад и культуру от поколения к поколению. Казахская письменность дважды менялась (1929 и 1940 годы), поэтому людей, способных напрямую читать прежнее письменное наследие, стало меньше. В итоге источники, где сохранились старые слова, оказались далеки от молодого поколения.

Ослабление связи между поколениями. Раньше ребёнок слышал слова от старших и учился им из песен и сказок. Сегодня городской ребёнок не каждый день общается с бабушкой, а место устной культуры заняли экран и социальные сети. Поэтому многие слова просто не звучат, и ребёнок вырастает, даже не зная об их существовании. В нашем опросе бабушек и дедушек основным источником таких слов назвали 54,3% респондентов.

Внутренние законы языка. Когда одно понятие называют несколько слов, они конкурируют, и побеждает то, которое звучит чаще, короче и удобнее. Более частое употребление «аудармашы» вместо «тілмаш» связано и с этим, и с новым статусом профессии. Это естественный процесс, и винить в нём некого.

Образование и СМИ. Старые слова редко встречаются в учебниках, на телевидении и в интернет-контенте. Если слово не попадается на глаза, молодой человек его не усваивает. На занятиях значения устаревших слов в художественных текстах порой лишь кратко поясняются. По данным опроса, школу как источник таких слов назвали лишь 11,4% респондентов, а 28,6% считают, что в школе их не преподают.

Психологический фактор. Для некоторых молодых людей старое слово кажется «деревенским» или «устаревшим», а русское или английское слово – «современным» и «удобным». Поэтому человек, даже зная значение слова, может стесняться его произнести.

Всегда ли утрата – потеря?

На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Уход слова, предмет которого исчез из жизни, – естественное явление: сегодня никто не ждёт вестей от «шабарман». Язык – не музей, а инструмент современной жизни, поэтому нет смысла пытаться вернуть все старые слова. Сохранять историзмы – в основном задача словарей и исторической литературы.

Однако лексика, выражающая национальное своеобразие, требует иного отношения. А. Кайдар показал, что слово и мировоззрение народа тесно связаны [4]. Устойчивые выражения и пословицы тоже сохраняют старые слова [6; 7]. Если забывается само слово, тускнеет и смысл выражения или пословицы: молодой читатель воспринимает их как набор непонятных слов. Поэтому важно, чтобы в употреблении оставались слова, обозначающие родство, нравственные качества, время и природу.

Язык способен и сам восполнять недостающее. Слова «ұшақ» (самолёт), «тоңазытқыш» (холодильник), «жанармай» (топливо) образованы от казахских корней, и сегодня никто не воспринимает их как искусственные. Следовательно, вопрос не в том, «старое» слово или «новое», а в том, нужно ли оно говорящему и слышит ли он его вокруг себя.

Как вернуть слова в речь

Принуждение и упрёки не дают результата. Слово живёт, когда оно интересно и нужно. Поэтому предлагаем следующие шаги.

Во-первых, перевести словари в цифровой вид и адаптировать к формату мобильных приложений и соцсетей. Например, рубрика «слово дня» позволит каждый день показывать одно старое слово с его значением и примером в современном предложении.

Во-вторых, системно объяснять устаревшие слова из художественных текстов в школе и вузе. Студенты могут собрать названия родства и старых бытовых предметов из своих семей и создать небольшой «музей слов».

В-третьих, использовать старые слова в современном казахоязычном контенте (сериалы, подкасты, блоги, короткие видео) в понятной молодёжи форме. Слово должно быть не только в книгах, но и там, где бывает молодёжь.

В-четвёртых, восстанавливать связь между поколениями: беседы со старшими в аулах, диалектологические и этнолингвистические экспедиции студентов. Это самый надёжный способ собрать слова из живой речи.

В-пятых, давать новым понятиям названия от корней казахского языка. Как показывают приведённые выше примеры слов «ұшақ», «тоңазытқыш», «жанармай», такой подход уже работает.

В-шестых, поддерживать государственную политику. Закон о языках [8, ст. 3-2] и концепция развития языковой политики [9, Приложение, направление 1] предполагают расширение сферы применения казахского языка. Но закон и программа лишь создают условия, а жизнь слова зависит от ежедневного выбора каждого человека.

Эффективность этих мер можно оценить повторным опросом через год. Если вырастет доля респондентов, которые знают значения слов и употребляют их, и сократится доля тех, кто видит слова впервые, это будет показателем того, что слова возвращаются в живую речь.

Заключение

Уход слов из употребления – закономерный процесс, идущий вместе с развитием общества и языка. Рассмотренные в статье слова делятся на несколько групп: историзмы, чьи предметы исчезли; архаизмы, вытесненные другими словами; и слова национального своеобразия, которые ещё могут жить в речи, но забываются. Опрос 35 респондентов показал, что 80% опрошенных заявляют о знании слов, но используют их лишь 42,9%, а 71,4% поддерживают их возвращение. Главные причины ухода – изменение образа жизни,

исторические и политические условия, ослабление связи между поколениями, внутренние законы языка, малое присутствие слов в СМИ и образовании, а также отношение к старому слову как к немодному.

По нашему мнению, не нужно стремиться вернуть все старые слова. В первую очередь стоит сохранять лексику, имеющую национальное значение: термины родства, названия нравственных качеств, времени и природы. Для этого нужны оцифровка словарей, объяснение слов в учебной среде, современный контент и живой разговор между поколениями. Слово живо, только пока его употребляют, а употреблять его или нет – выбор каждого из нас.

Список литературы

1. Словарь казахского литературного языка: в 15 т. / Институт языкознания им. А. Байтурсынулы. – Алматы: Казахская энциклопедия, 2011.
2. Кашгари М. Тюркский словарь (Диван лугат ат-түрк): в 3 т. / пер. А. Егеубай. – Алматы: Хант, 1997–1998.
3. Байтурсынулы А. Уроки языка. – Алматы: Ана тілі, 1992.
4. Кайдар А.Т. Казахи в мире родного языка: этнолингвистический словарь. – Алматы: Сардар, 2013.
5. Словарный фонд: портал казахского языка [Электронный ресурс] / Нац. науч.-практ. центр «Тіл-Қазына» им. Ш. Шаяхметова. – URL: https://sozdikqor.kz (дата обращения: 11.10.2026).
6. Кайдар А.Т. Народная мудрость. – Алматы: Толғанай, 2004.
7. Кенесбаев И. Фразеологический словарь казахского языка. – Алматы: Наука, 1977.
8. О языках в Республике Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151-I. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (дата обращения: 11.10.2026).
9. Об утверждении Концепции развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023–2029 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 октября 2023 г. № 914. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001314 (дата обращения: 11.10.2026).

ЧУЖАЯ ВИТРИНА: КАК FOMO И СОЦСЕТИ ПОДМЕНЯЮТ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Амангелды А.Ж.
Студентка 1-го курса ОП 6В02302 - Переводческое дело,
Кокшетауский университет им. Ш.Уалиханова,
г. Кокшетау, Казахстан
e-mail: taonozishinju@gmail.com
Научный руководитель: Қапар.Т.М, ассистент-лектор

Вместо предисловия: пятница, 02:40

Вы лежите в кровати, телефон - единственный источник света, а палец сам тянет ленту вниз. Друзья на концерте, о котором вы узнали только из сторис. Одногруппница получает награду мечты на конференции в другом городе. Знакомый выкладывает скриншот своей первой «крупной сделки», а у кого-то день, оказывается, начинается в пять утра: кофе, пробежка, медитация, планы на год. Вы же, просто лежите. Ничего плохого не случилось. И всё-таки внутри появляется тихое неприятное чувство: жизнь идёт где-то там, у кого-то, а вы опоздали на собственный поезд.

У этого чувства есть имя - FOMO (fear of missing out, «страх упустить что-то важное»). Тут возникает вполне логичный вопрос: что оно делает с самим человеком, с тем, что он

считает важным? Лента - это витрина. В ней выставлено лучшее: отобранное, отретушированное, удачно снятое. Склад, где хранятся усталость, сомнения, неудачные дубли и обычные скучные вторники, остаются за закрытой дверью. Проблема в том, что свою жизнь мы видим изнутри, вместе со складом, а чужую - снаружи, сквозь стекло. Сравнивать их, всё равно что сравнивать черновик с обложкой.

Для Казахстана это не абстрактная проблема. По данным DataReportal, в октябре 2025 года в стране насчитывалось 16,9 млн пользователей социальных сетей, или 80,8% населения [1]. Согласно аналитическому докладу «Молодёжь Казахстана» за 2024 год, проведение свободного времени в соцсетях занимает у молодёжи второе место среди видов досуга [2]. Иными словами, чужая витрина для молодого человека сегодня находится не на другой улице, а в кармане. Цель настоящей работы - показать, как FOMO и культура «успешного успеха» подменяют базовые ценности молодых людей 18–25 лет, активно пользующихся соцсетями, и что с этим можно сделать. Работа опирается на обзор научных исследований и на собственный опрос, проведённый среди 200 респондентов [16].

Что скрывается за четырьмя буквами

Аббревиатура FOMO появилась задолго до того, как стала привычным словом. В мае 2004 года студент Гарвардской школы бизнеса Патрик Макгиннис опубликовал в студенческой газете «The Harbus» шуточную колонку о двух страхах: FOMO - страхе упустить что-то важное и FOBO - страхе упустить лучший вариант [3]. Журналисты Boston Magazine позже отмечали, что в той заметке автор предупреждал: столкновение этих страхов способно довести человека до паралича, который он назвал страхом вообще что-либо делать [4]. Шутка оказалась пророческой. Сам оборот «fear of missing out» ещё раньше, в конце 1990-х годов, использовал в презентациях маркетолог Дэн Херман [5].

Научный статус явлению придали в 2013 году Эндрю Пшибыльски и его коллеги. В трёх исследованиях они создали первую шкалу FOMO и тем самым впервые операционализировали это понятие [6, с. 1841–1848]. Авторы показали, что люди с высоким уровнем FOMO тянутся к социальным сетям, а сам страх упустить что-то связан с неудовлетворённостью базовых психологических потребностей и с ухудшением эмоционального состояния [6, с. 1841–1848]. Следовательно, FOMO - это не каприз и не слабость характера, а сигнал: человеку не хватает ощущения собственной состоятельности, самостоятельности или близости с другими, и он пытается заполнить этот дефицит наблюдением за чужой жизнью.

Витрина, которая сравнивает за нас

Механизм, который запускает FOMO, значительно старше интернета. В 1954 году Леон Фестингер сформулировал теорию социального сравнения: люди оценивают собственные способности и взгляды, сопоставляя себя с другими [7, с. 117–140]. Особенно болезненно срабатывает сравнение «вверх» - с теми, кто, как нам кажется, добился большего. Социальные сети превратили эту привычку в фоновый процесс, который идёт круглые сутки и опирается на идеально подобранную выборку образцов: в ленту попадает лучшее, а не типичное.

Влияние такого сравнения на самооценку проверили Эрин Фогель и её коллеги в двух исследованиях. В первом выяснилось, что люди, чаще пользующиеся Facebook, имеют более низкую самооценку, причём связь объяснялась большей подверженностью восходящим сравнениям. Во втором, экспериментальном, участники, которым показывали профили с признаками «успешной жизни» (активная социальная сеть, здоровые привычки), оценивали себя заметно ниже, чем те, кто видел профили с нисходящей сравнительной информацией [8, с. 206–222].

Не менее показательны данные Итана Кросса и его команды. В течение двух недель 82 молодым людям пять раз в день отправляли текстовые сообщения с вопросами о самочувствии. Оказалось, что чем больше времени человек проводил в Facebook, тем хуже он чувствовал себя при следующем опросе, а за две недели снижалась и общая удовлетворённость жизнью. При этом непосредственное общение с людьми таких негативных последствий не давало [9]. Вывод важный: проблема не в общении как таковом, а в его особой форме - наблюдении за чужими

достижениями, когда человек остаётся зрителем.

Подмена ценностей: когда показатель заменяет смысл

Чтобы понять, почему FOMO затрагивает именно ценности, обратимся к теории самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райана. Согласно ей, психологическое благополучие держится на трёх базовых потребностях: автономии (ощущение, что я сам управляю своими решениями), компетентности (ощущение, что я способен справляться) и связанности (ощущение близости с другими людьми) [10, с. 227–268]. Это и есть «базовые ценности» в психологическом смысле - то, без чего жизнь теряет устойчивость.

Витрина соцсетей обещает закрыть все три потребности и подменяет каждую её видимым заменителем. Вместо автономии появляется готовый чужой образец «как надо жить»: в пять утра вставать, к двадцати пяти что-то основать, отдыхать только «с пользой». Вместо компетентности - метрики: подписчики, охваты, выполненные списки дел. Вместо связанности - присутствие в чужих историях без настоящего контакта: можно посмотреть сто сторис за вечер и ни с кем не поговорить. Ценность подменяется её индикатором, а индикатор - тем, что можно показать. Если нечто нельзя сфотографировать, выложить и посчитать (тишина, разговор с родными, книга, прочитанная просто так), оно начинает казаться несуществующим.

Корейско-немецкий философ Бён-Чхоль Хан описывает эту логику как переход от общества дисциплины к «обществу достижений». В нём человек становится предпринимателем самого себя: он сам себя подгоняет, сам себя оценивает и воспринимает это как свободу [11]. Отсюда и особая окраска FOMO у современной молодёжи. Страх упустить вечеринку - лишь верхний слой. Глубже лежит страх упустить собственную лучшую версию: если отдых не «прокачивает», он кажется потерянным временем, а любая пауза - упущенной выгодой. Культура гиперпродуктивности делает FOMO постоянным фоном, а не эпизодическим переживанием.

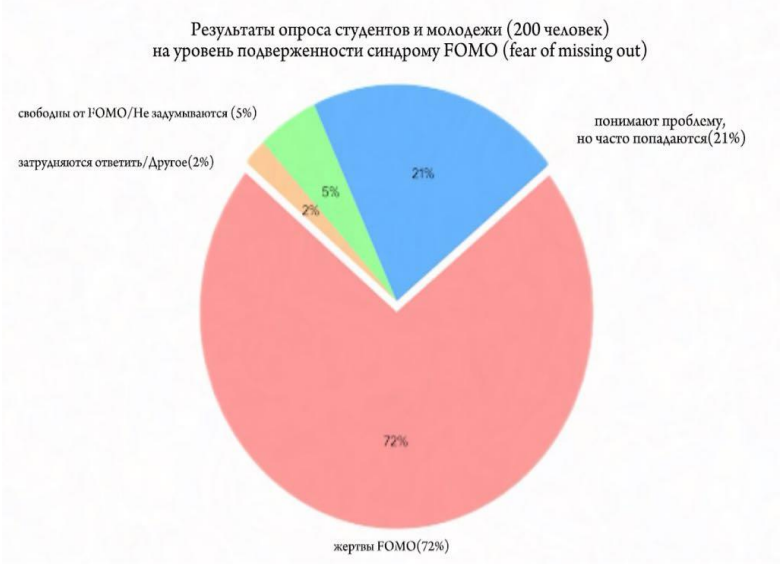
Таким образом, подмена идёт на двух уровнях. На психологическом уровне потребности в автономии, компетентности и близости заменяются внешними показателями. На философском уровне вопрос «что для меня ценно?» вытесняется вопросом «что выглядит ценным?». Для общества, в котором традиционно высоко ценятся живая связь поколений, семья и общение лицом к лицу, такая подмена особенно заметна: чем больше времени уходит на наблюдение, тем меньше остаётся на то, что составляет основу «мира ценностей».

Что показал наш опрос

Чтобы проверить, насколько описанные явления знакомы молодым людям на практике, был проведен опрос. В нём приняли участие 200 человек: студенты, знакомые, ровесники и незнакомые пользователи интернета. Результаты оказались такими: 72% опрошенных (около 144 человек) признали, что подвержены FOMO; 21% понимают, что кроется за этим чувством, но всё равно регулярно попадаются в ловушку; 5% никогда не задумывались о FOMO, по их выборам, они без труда отделяют интернет-витрину от реальной жизни. И наконец оставшиеся 2% - это люди которые испытывали затруднения в ответах, в связи чем не стали проходить тест далее [16].

Эти цифры говорят о нескольких вещах. Во-первых, FOMO - массовое переживание: примерно три четверти опрошенных узнали себя в нём. Во-вторых, осознанность сама по себе не защищает. Пятая часть респондентов отдаёт себе отчёт в механизме и всё равно поддаётся ему, а это согласуется с мыслью о том, что FOMO питается не недостатком информации, а неудовлетворёнными потребностями [6, с. 1841–1848]: знание о ловушке не заполняет пустоту, из-за которой в неё попадают. В-третьих, малочисленная группа, пять процентов, особенно любопытна. Можно предположить, что тех, кто не «покупается» на витрину, объединяет устойчивая внутренняя система ценностей, не нуждающаяся во внешнем подтверждении. А что на счёт респондентов составляющих всего 2 процента? Эту малочисленную группу можно охарактеризовать как неопределившуюся: возможно, вопросы вызвали у них внутренний конфликт, двусмысленность или трудности с рефлексией собственных привычек потребления контента, но это лишь гипотеза, которую предстоит проверять отдельно.

Необходимо оговорить ограничения. Выборка не случайная и не репрезентативная, ответы основаны на самооценке, а не на стандартизированной шкале (например, шкале Пшибыльски [6, с. 1841–1848]). Поэтому результаты опроса следует считать иллюстрацией, а не доказательством, и использовать их как основу для более строгого исследования.

Как вернуть стеклу прозрачность

Хорошая новость заключается в том, что эффект обратим, и это подтверждено экспериментально. Группа Мелиссы Хант из Пенсильванского университета провела работу, название которой стало заголовком многих публикаций: «No More FOMO». Студентов-бакалавров случайным образом разделили на две группы: одна продолжала пользоваться Facebook, Instagram и Snapchat как обычно, другая ограничила время примерно до 30 минут в сутки. Использование фиксировали объективно, по данным iPhone. Через три недели в ограничивавшей группе значительно снизились уровни депрессии и одиночества, причём сильнее всего у тех, кто в начале исследования показывал более высокие баллы по депрессии [12, с. 751–768; 13]. Интересно, что в обеих группах уровни FOMO и тревожности слегка, но достоверно снизились уже оттого, что участники стали следить за временем в соцсетях [13].

Важно, что авторы не призывают полностью отказаться от соцсетей: они считают такую цель нереалистичной для студентов. По словам Хант, в умеренных дозах соцсети допустимы, но не стоит проводить более получаса в день, пассивно листая ленту и сравнивая себя с другими. Участники эксперимента рассказывали, что осознали, сколько времени тратили, и почувствовали себя счастливее и продуктивнее [14].

Практические советы дают и казахстанские специалисты. В материале «The Astana Times» психолог рекомендует устанавливать временные лимиты, не открывать ленту сразу после пробуждения и перед сном и выбирать контент, который вдохновляет, а не истощает [15]. К этому можно добавить простой «ценностный фильтр» - три вопроса, которые стоит задавать себе после сеанса прокрутки. Что я сейчас чувствую: прилив сил или пустоту? Это моя цель или чужая, которую я примерил, потому что она красиво выглядит? Что я на самом деле упустил за эти сорок минут – событие в чужой жизни или сон, разговор, дело, которое собирался сделать? Такой фильтр возвращает вопрос о ценностях туда, где ему место – в собственную голову, а не в ленту.

Заключение

Вернёмся в ту пятницу, 02:40. Телефон по-прежнему в руке, лента по-прежнему блестит. Но теперь витрина воспринимается иначе: это стекло, за которым выставлено отобранное, а не окно в чью-то настоящую жизнь. FOMO в этой картине – не враг, а датчик. Он сигнализирует, что потребности в самостоятельности, состоятельности и близости остаются неудовлетворёнными, и подсказывает, куда направить внимание.

Результаты исследований и проведенный опрос показывают, что FOMO действительно

массово затрагивает молодёжь, подменяя ценности их внешними индикаторами. Однако выход не в том, чтобы выбросить телефон. Он в том, чтобы научиться ограничивать время, различать витрину и склад и регулярно спрашивать себя, какие ценности в действительности стоят за желанием «успеть всё». Мир ценностей начинается там, где заканчивается число лайков.

Список литературы

1. Digital 2026: Kazakhstan [Электронный ресурс] / DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-kazakhstan (Дата обращения 13.10.2026).
2. Which Social Networks and Messengers Do Kazakhstan's Young People Prefer? [Электронный ресурс] / Energyprom.kz. - 2026. URL: https://energyprom.kz/en/articles-en/which-social-networks-and-messengers-do-kazakhstans-young-people-prefer/ (Дата обращения 13.10.2026).
3. McGinnis P. J. Social Theory at HBS: McGinnis' Two FOs // The Harbus - 2004. 10May. URL: https://web.archive.org/web/20180625002827/http://www.harbus.org/2004/social-theory-at-hbs-2749/ (Дата обращения 13.10.2026).
4. Schreckinger B. The Home of FOMO // Boston Magazine. - 2014. URL: http://www.bostonmagazine.com/news/article/2014/07/29/fomo-history/ (Дата обращения 13.10.2026).
5. Fear of missing out [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fear_of_missing_out (Дата обращения 13.10.2026).
6. Przybylski A. K., Murayama K., DeHaan C. R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. - 2013. - Vol. 29, № 4. - P. 1841-1848. DOI: 10.1016/j.chb.2013.02.014.
7. Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations
- 1954. - Vol. 7, № 2. - P. 117-140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
8. Vogel E. A., Rose J. P., Roberts L. R., Eckles K. Social comparison, social media, and self-esteem // Psychology of Popular Media Culture. - 2014. - Vol. 3, № 4. - P. 206-222. DOI: 10.1037/ppm0000047.
9. Kross E., Verduyn P., Demiralp E. et al. Facebook use predicts declines in subjective well-being in young adults // PLoS ONE. - 2013. - Vol. 8, № 8. - e69841. DOI: 10.1371/journal.pone.0069841.
10. Deci E. L., Ryan R. M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. - 2000. - Vol. 11, № 4. - P. 227-268.
11. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. - М.: АСТ, 2023.
12. Hunt M. G., Marx R., Lipson C., Young J. No More FOMO: Limiting Social Media Decreases Loneliness and Depression // Journal of Social and Clinical Psychology. - 2018. - Vol. 37, № 10. - P. 751-768. URL: https://www.researchgate.net/publication/328838624 (Дата обращения 13.10.2026).
13. Social media use increases depression and loneliness, study finds [Электронный ресурс] // Penn Today. - 2018. URL: https://penntoday.upenn.edu/news/social-media-use-increases-depression-and-loneliness (Дата обращения 13.10.2026).
14. Is Social Media Making You Depressed and Lonely? Interview with M. G. Hunt [Электронный ресурс] // MedicalResearch.com. - 2018. URL: https://medicalresearch.com/is-social-media-making-you-depressed-and-lonely/ (Дата обращения 13.10.2026).
15. How Social Media is Shaping Kazakhstan's New Generation [Электронный ресурс] // The Astana Times. - 2026. URL: https://astanatimes.com/2026/01/how-social-media-is-shaping-kazakhstans-new-generation/ (Дата обращения 13.10.2026).
16. Амангелды А. Ж., Тест на уровень - FOMO (fear of missing out) [Электронный ресурс] // uQuiz.com. - 2026. URL: https://uquiz.com/quiz/vEm3Ki/Тест-на-уровень-fomofear-of-missing-out (Дата обращения 12.10.2026).

ТАРИХИ ЖАД ЖӘНЕ ЖАСТАРДЫҢ ҚҰНДЫЛЫҚТЫҚ БАҒДАРЛАРЫ: ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗДЕРДІ ТАЛДАУДЫҢ БІЛІМ БЕРУ МҮМКІНДІКТЕРІ

Аманова А.М.
7М01601-Тарих 1 курс магистранты, Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе қ., Қазақстан e-mail: aizeka.amanova@gmail.com
Ғылыми жетекші: Бегимбаева Жибек Сагинбаевна - тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

Аңдатпа

Мақалада тарихи жадтың жастардың құндылықтық бағдарларын қалыптастырудағы орны және тарихи дерекқөздерді талдаудың білім беру мүмкіндіктері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – жастардың тарихи ақпарат алу көздерін, ақпараттың сенімділігін тексеру тәжірибесін және тарихты оқытуда тарихи дерекқөздерді пайдалануға қатысты көзқарастарын анықтау. Зерттеу ғылыми әдебиеттерді талдау және 42 респондент қатысқан онлайн сауалнама нәтижелерін сипаттамалық статистика әдісімен өңдеу негізінде жүргізілді. Нәтижелер бойынша респонденттердің 76,2%-ы әлеуметтік желілерді тарихи ақпарат алу көзі ретінде көрсеткен, 54,8%-ы жасанды интеллект құралдарын пайдаланатынын білдірген. Қатысушылардың 85,7%-ы тарихи ақпараттың сенімділігін әрдайым немесе жиі тексеретінін айтқан. Сонымен қатар респонденттердің 47,6%-ы тарихи құжаттармен, фотосуреттермен, хаттармен және естеліктермен өте сирек жұмыс істейтінін көрсеткен. Барлық қатысушы тарихи дерекқөздерді талдау тарихи оқиғаларды түсінуге көмектесетінін мойындаған, ал 92,9%-ы тарих сабақтарында дерекқөздерді пайдалануды өте маңызды деп бағалаған. Зерттеу нәтижелері жастардың тарихи дерекқөздермен жұмыс істеудің маңызын жоғары бағалайтынын, алайда оларды талдау тәжірибесін жүйелі түрде дамыту қажеттігін көрсетеді. Мақалада тарихи дерекқөздерді анықтау, контекстік талдау, салыстыру, дәлелге негізделген қорытынды жасау және тарихи оқиғаларды қазіргі қоғаммен байланыстыру кезеңдерінен тұратын педагогикалық үлгі ұсынылады. Зерттеу қорытындылары тарихты оқытуда сыни ойлау, тарихи сана және ақпараттық сауаттылықты дамытуға бағытталған әдістемелік жұмыстарды жетілдіруге негіз бола алады.

Түйін сөздер: тарихи жад, тарихи сана, жастар, тарихи дерекқөздер, сыни ойлау, құндылықтық бағдарлар, тарихты оқыту.

КІРІСПЕ

Қазіргі цифрлық қоғамда тарихи ақпаратты алу мүмкіндіктері кеңейіп, оның мазмұны мен таралу арналары әртараптанды. Жастар тарихи оқиғалар туралы ақпаратты тек мектеп және университет оқулықтарынан ғана емес, әлеуметтік желілерден, бейнематериалдардан, электрондық кітапханалардан, ғылыми мақалалардан және жасанды интеллект құралдарынан да алады. Ақпаратқа қолжетімділіктің артуы тарихи білімді өздігінен меңгеруге жаңа мүмкіндіктер ашқанымен, ұсынылатын мәліметтердің дұрыстығын анықтау, тарихи оқиғалардың контекстін түсіну және әртүрлі интерпретацияларды салыстыру мәселелерін де өзекті етеді. Тарихи жад – қоғамның өткенді есте сақтауымен, тарихи оқиғаларға мағына беруімен және оларды қазіргі қоғамдық түсініктермен байланыстыруымен сипатталатын күрделі құбылыс. Ол тарихи фактілерді білумен ғана шектелмейді. Тарихи жадтың мазмұны отбасылық естеліктер, қоғамдық әңгімелер, білім беру жүйесі, мәдени мұра және бұқаралық ақпарат құралдары арқылы қалыптасады. Осы тұрғыдан алғанда, тарихи білім беру жастардың өткенді тануына ғана емес, тарихи оқиғаларға саналы көзқарас қалыптастыруына да ықпал ете алады.

Тарихты оқытудағы маңызды міндеттердің бірі – білім алушыны дайын ақпаратты қабылдаушы деңгейінде қалдырмай, тарихи мәліметтерді өздігінен зерттеп, салыстырып, бағалай алатын тұлға ретінде дамыту. Бұл міндетті жүзеге асыруда тарихи дерекқөздерді талдаудың маңызы зор. Құжаттар, хаттар, фотосуреттер, естеліктер, мерзімді басылымдар және ресми материалдар өткен кезеңнің ерекшеліктерін түсінуге мүмкіндік береді. Алайда дерекқөзде берілген мәліметті автоматты түрде шынайы тарихи ақиқат ретінде қабылдауға

болмайды. Оның авторын, жасалған уақытын, мақсатын, тарихи жағдайын және басқа деректермен сәйкестігін анықтау қажет. Мәселенің өзектілігі жастардың тарихи ақпаратты тұтыну ерекшеліктері мен тарихи дереккөздермен жұмыс істеу тәжірибесі арасындағы байланысты қарастыру қажеттілігімен айқындалады. Егер білім алушы тарихи ақпаратты әлеуметтік желіден жиі алса, онда оның ақпаратты тексеру дағдылары мен тарихи контексті түсіну қабілетін дамыту ерекше маңызды. Сонымен қатар тарихи жад пен құндылықтық бағдарлар арасындағы байланысты біржақты қарастыруға болмайды: тарихи ақпаратты білу өздігінен жауапкершілік, әділеттілік немесе азаматтық ұстанымның қалыптасуына кепілдік бермейді. Мұндай нәтижелерге білім беру мазмұны, оқыту әдістері, әлеуметтік орта және жеке тәжірибе де әсер етуі мүмкін.

Зерттеудің мақсаты – жастардың тарихи ақпарат алу көздерін, тарихи дереккөздерді талдау тәжірибесін және тарихты оқытуда дереккөздерді пайдалануға қатысты көзқарастарын анықтау негізінде тарихи жад пен құндылықтық бағдарларды дамытуға арналған педагогикалық мүмкіндіктерді негіздеу.

Зерттеу міндеттері:

1. Тарихи жад, тарихи сана және тарихи ойлау ұғымдарының теориялық негіздерін қарастыру.

2. Жастардың тарихи ақпарат алу арналары мен ақпарат сенімділігін тексеру тәжірибесін сипаттау.

3. Тарихи дереккөздерді талдау тәжірибесі және оларды тарих сабақтарында пайдалануға қатысты респонденттердің көзқарастарын анықтау.

4. Сауалнама нәтижелеріне сүйене отырып, тарихи дереккөздер арқылы сыни ойлау мен құндылықтық пайымдауды дамытуға арналған әдістемелік ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеу сұрағы: тарихи дереккөздерді талдау жастардың тарихи санасын, ақпаратқа сыни көзқарасын және құндылықтық пайымдауын дамытуға қандай білім беру мүмкіндіктерін ұсынады?

Зерттеудің ғылыми болжамы ретінде тарихи дереккөздермен жүйелі және мақсатты жұмыс жасау білім алушылардың ақпараттың сенімділігін бағалау, әртүрлі көзқарастарды салыстыру және тарихи оқиғаларды дәлелдер арқылы түсіндіру дағдыларын дамытуға жағдай жасайды деген тұжырым алынды. Бұл болжам осы сауалнамада эксперименттік жолмен тексерілмейді, сондықтан мақалада оның себеп-салдарлық әсері дәлелденді деп көрсетілмейді.

ТАРИХИ ЖАД ПЕН ҚҰНДЫЛЫҚТЫҚ БАҒДАРЛАРДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Тарихи жад – қоғамның өткен оқиғаларды есте сақтауын, тарихи тәжірибені кейінгі ұрпаққа жеткізуін және өткенге қазіргі уақыт тұрғысынан мағына беруін қамтитын әлеуметтік-мәдени құбылыс. Ол жеке адамның естеліктерімен ғана шектелмей, қоғамдық дәстүрлер, білім беру жүйесі, мәдени мұра, тарихи ескерткіштер және ұрпақаралық байланыстар арқылы қалыптасады. Осы тұрғыдан алғанда, тарихи жад жастардың тарихи оқиғаларды түсінуіне, ұлттық және мәдени мұраға көзқарасына, сондай-ақ қазіргі қоғамдағы мәселелерді пайымдауына ықпал етуі мүмкін.

М.Хальбвакс ұжымдық жад тұжырымдамасында естеліктердің әлеуметтік ортада қалыптасатынына назар аударады[1]. Ғалымның еңбегі өткен туралы түсініктердің қоғамдық топтар, отбасы және мәдени орта арқылы сақталатынын түсіндіруге мүмкіндік береді. П.Нора тарихи жадтың қалыптасуында тарихи орындар, ескерткіштер, рәміздер мен қоғамдық еске алу тәжірибелерінің маңызын қарастырады[2]. Бұл еңбектер тарихи жадты тек өткен туралы мәліметтердің жиынтығы ретінде емес, қоғамның өзін және тарихи тәжірибесін түсіну тәсілі ретінде зерделеудің теориялық негізін құрайды.

Тарихи жад пен тарихи сананы өзара байланысты ұғымдар ретінде қарастыруға болады, алайда олардың мазмұны бірдей емес. Тарихи жад өткен туралы түсініктердің сақталуы мен берілуін қамтыса, тарихи сана өткен, қазіргі және болашақ арасындағы байланысты түсінуді, тарихи оқиғалардың мағынасын пайымдауды және адамның тарихи үдерістегі орнын анықтауды қамтиды. Н.Попаның тарихи сана жөніндегі зерттеуі тарихи білім алуда мағына қалыптастыру мәселесінің күрделілігін көрсетеді[3]. Сондықтан тарихи сананы тек тарихи

даталар мен тұлғаларды есте сақтау арқылы бағалау жеткіліксіз. Білім алушы тарихи оқиғаларды түсіндіріп, олардың себептері мен салдарын анықтап, тарихи ақпаратты дәлелдер негізінде бағалай алуы қажет.

Тарихи жадтың білім беру саласындағы маңызы ұлттық тарихты меңгеру және тарихи тәжірибені қазіргі қоғамның құндылықтарымен байланыстыру мәселелерімен де сабақтасады. Қазақстандағы орта білім мазмұны мен тарихи жадтың байланысын қарастырған З.Смаханова және әріптестері тарихи жадтың білім беру мазмұнындағы көріністерін зерттеген[4]. Бұл бағыт тарихи мұраны таныстырумен қатар, тарихи оқиғалар туралы білімнің қандай деректерге негізделетінін түсіндіру қажеттігін көрсетеді. Сонымен қатар тарихи жадты бір ғана өзгермейтін түсінік ретінде қарастыру дұрыс емес. Бір тарихи оқиға әртүрлі әлеуметтік топтардың тәжірибесіне, тарихи жағдайына және көзқарасына байланысты әрқалай түсіндірілуі мүмкін. Сондықтан тарихты оқытуда ұлттық мұраға құрмет қалыптастыру мен тарихи мәліметтерді сыни тұрғыдан талдау өзара толықтыратын міндеттер ретінде қарастырылуы тиіс.

Тарихи жад пен құндылықтық бағдарлар арасындағы байланысты зерттеу кезінде де әдіснамалық сақтық қажет. Тарихи оқиғалар туралы білім адамның әділеттілік, жауапкершілік, адам құқықтары немесе азаматтық ұстаным туралы түсініктеріне ой салуы мүмкін. Алайда тарихи ақпаратты меңгеру өздігінен белгілі бір құндылықтың қалыптасуына кепілдік бермейді. Бұл үдеріске білім беру ортасы, әлеуметтік тәжірибе, отбасылық тәрбие және жеке көзқарастар да ықпал етеді. Осыған байланысты тарихи дереккөздерді талдаудың мүмкіндіктерін дайын құндылықтарды қалыптастыру құралы ретінде емес, негізделген пікір айтуға және тарихи жағдайларды терең түсінуге үйрететін педагогикалық тәсіл ретінде қарастырған жөн.

ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗДЕРДІ ТАЛДАУ ЖӘНЕ СЫНИ ОЙЛАУДЫ ДАМЫТУ

Тарихи дереккөздерді талдау – өткен кезең туралы мәліметтерді анықтау, олардың пайда болу жағдайын түсіндіру, сенімділігін бағалау және басқа деректермен салыстыру үдерісі. Тарихи дереккөздерге ресми құжаттар, хаттар, естеліктер, фотосуреттер, мерзімді басылымдар, карталар, статистикалық материалдар және басқа да тарихи маңызы бар материалдар жатады.

С.Уайнбург тарихи ойлау туралы еңбегінде өткенді зерттеуді дайын фактілерді есте сақтаумен шектемей, тарихи дәлелдерді түсіндіру және құжаттармен жұмыс істеу арқылы қалыптасатын ерекше танымдық әрекет ретінде қарастырады[5]. Автордың еңбегі білім алушылардың тарихи мәліметтерді қабылдау тәсілдерін зерттеу және тарихи ойлауды оқыту мәселелерін түсіндіру үшін маңызды. Бұл ұстанымға сәйкес, тарихи дереккөзді оқу барысында білім алушы мәтіндегі ақпаратты ғана емес, оны жасаған адамның көзқарасын, деректің мақсатын және тарихи контекстін де ескеруі қажет.

П.Сейшас пен Т.Мортон тарихи ойлаудың алты негізгі тұжырымдамасын жүйелейді: тарихи маңыздылық, бастапқы дереккөздерді пайдалану, өзгеріс пен сабақтастық, себеп-салдар, тарихи көзқарас және этикалық пайымдау[6]. Бұл тұжырымдамалар тарихи оқиғаларды мазмұндаумен қатар, олардың маңызын түсіндіруге, өзгерістердің себептерін анықтауға және өткен кезеңдегі адамдардың әрекеттерін сол уақыттың жағдайлары негізінде бағалауға мүмкіндік береді.

Ж.ван Дри мен К.ван Бокстел тарихи пайымдауды талдауға арналған теориялық үлгісінде тарихи сұрақ қою, дереккөздерді пайдалану, контекстуализация, аргументация және тарихи ұғымдарды меңгеру сияқты құрамдастарды қарастырады[7]. Осы үлгі негізінде тарихи дереккөздермен жұмысты бірнеше өзара байланысты әрекет арқылы ұйымдастыруға болады. Алдымен білім алушы дереккөздің авторын, жасалған уақытын және тарихи жағдайын анықтайды. Одан кейін мазмұнын зерттеп, автордың мақсатын пайымдайды. Келесі кезеңде деректі басқа материалдармен салыстырып, соңында нақты дәлелдерге сүйенген қорытынды жасайды. Тарихи ойлауды оқыту жөніндегі ғылыми еңбектерде дереккөздерді пайдалану білім алушылардың тарихи түсіндіру мен дәлелдеу әрекеттерін дамытуға мүмкіндік беретіні көрсетілген[7;8]. Мысалы, бір тарихи оқиғаға қатысты екі дереккөзде әртүрлі мәлімет берілсе, білім алушы олардың бірін бірден дұрыс, екіншісін қате деп қабылдамауы керек. Оның орнына деректердің жасалған уақытын, авторлардың көзқарасын, мақсатын және ақпараттық мүмкіндіктерін салыстыруы қажет. Мұндай тапсырма тарихи мәліметтің мазмұнын ғана емес, оның пайда болу жағдайын да түсінуге көмектеседі.

Б.Талли мен Л.Голденберг цифрлық форматтағы бастапқы дереккөздерді пайдалану арқылы тарихи ойлауды дамыту мүмкіндіктерін қарастырған[8]. Цифрлық архивтер мен электрондық құжаттар білім алушыларға әртүрлі тарихи материалдарды салыстыруға және деректермен зерттеу әрекеттерін жүргізуге жағдай жасайды. Дегенмен цифрлық материалдың қолжетімді болуы оның мазмұны автоматты түрде сенімді дегенді білдірмейді. Сондықтан дереккөздің түпнұсқасын анықтау, жарияланымның авторын тексеру және ақпараттың тарихи контекстін түсіну міндеттері сақталуы қажет. Осылайша, тарихи дереккөздерді талдау сыни ойлаумен тығыз байланысты. Сыни ойлау ақпаратты жай қабылдаудан гөрі, оның негізін анықтауды, дәлелдерді салыстыруды, балама түсіндірулерді қарастыруды және қорытындының қаншалықты негізді екенін бағалауды қамтиды. Тарих пәнінде бұл дағдылар нақты тарихи материалдармен жұмыс істеу арқылы дамытылады.

ЦИФРЛЫҚ АҚПАРАТТЫҚ ОРТАДАҒЫ ТАРИХИ БІЛІМ ЖӘНЕ АҚПАРАТТЫҢ СЕНІМДІЛІГІ

Қазіргі цифрлық орта жастардың тарихи ақпарат алу мүмкіндіктерін кеңейтті. Тарихи оқиғалар туралы мәліметтер әлеуметтік желілерде, бейнеплатформаларда, электрондық кітапханаларда, онлайн-архивтерде және жасанды интеллект құралдарында ұсынылады. Бұл ресурстар тарихи білімге қолжетімділікті арттырғанымен, ақпараттың сапасын бағалау мәселесін де өзекті етеді.

ЮНЕСКО-ның медиалық және ақпараттық сауаттылық жөніндегі нұсқаулығында ақпаратты сыни бағалау, дереккөздерді түсіну және цифрлық ортада жауапкершілікпен әрекет ету дағдыларына назар аударылады[9]. Бұл қағидаларды тарих пәнінде қолдану білім алушыларға әлеуметтік желілердегі тарихи жарияланымдарды тексеруге, автор мен жарияланған уақытты анықтауға, түпнұсқа материалды іздеуге және мәліметтерді академиялық еңбектермен салыстыруға мүмкіндік береді. Әлеуметтік желілердегі тарихи ақпарат көбіне қысқа мәтін, сурет немесе бейнеролик түрінде беріледі. Мұндай формат күрделі тарихи оқиғаларды түсінуді жеңілдетуі мүмкін, бірақ тарихи жағдайдың маңызды бөліктерін түсіріп қалдыру қаупі де бар. Сондықтан білім алушы тарихи мазмұнды бағалағанда жарияланымның сыртқы тартымдылығына ғана сүйенбей, оның қандай дәлелдерге негізделгенін анықтауы қажет.

Жасанды интеллект құралдарын пайдалану да ерекше назар аударуды талап етеді. Бұл құралдар тарихи тақырыптарды бастапқы деңгейде түсіндіруге немесе зерттеу сұрақтарын құрастыруға көмектесуі мүмкін. Алайда жасанды интеллект ұсынған мәліметтерде қателер, дәл емес түсіндірмелер немесе тексерілмейтін сілтемелер кездесуі ықтимал. Сондықтан оның жауаптарын тарихи құжаттармен, ғылыми жарияланымдармен және сенімді академиялық ресурстармен салыстыру қажет. Осы тұрғыдан алғанда, тарихи дереккөздерді талдау мен медиалық-ақпараттық сауаттылықты өзара байланысты дамыту маңызды. Білім алушы «Бұл ақпарат рас па?» деген сұрақпен шектелмей, «Ақпаратты кім ұсынды?», «Қандай мақсат көзделген?», «Оны қандай дәлелдер растайды?», «Басқа дереккөздерде қандай мәлімет берілген?» деген сұрақтарды да қоюы тиіс. Бұл әрекеттер тарихи ақпаратты жауапкершілікпен пайдалануға және дәлелге негізделген пікір қалыптастыруға жағдай жасайды.

ЗЕРТТЕУ МАТЕРИАЛДАРЫ МЕН ӘДІСТЕРІ

Зерттеу тарихи жад, тарихи ойлау және дереккөздерді талдау мәселелеріне қатысты ғылыми әдебиеттерді зерделеу мен онлайн сауалнама нәтижелерін сипаттамалық талдауға негізделді. Эмпирикалық зерттеуге барлығы 42 респондент қатысты. Сауалнамада жастардың жас ерекшеліктері, білім деңгейі, тарихи жад туралы түсініктері, тарихи ақпарат алу арналары, ақпараттың сенімділігін тексеру тәжірибесі, тарихи дереккөздермен жұмыс істеуі және тарих сабақтарында дереккөздерді пайдалануға қатысты көзқарастары қамтылды Зерттеу деректерін талдауда сандық жауаптарды жиілік пен пайыздық үлес арқылы сипаттау әдісі қолданылды. Пайыздық үлес мына формуламен есептелді:

$$P = n / N \times 100\%,$$

мұнда P – пайыздық үлес, n – белгілі бір жауапты таңдаған респонденттер саны, N – сауалнамаға қатысушылардың жалпы саны.

Зерттеу барысында ашық сұрақтың жауап нұсқалары берілгенімен, әр нұсқа бойынша респонденттер саны ұсынылмаған. Сондықтан бұл сұрақтың нәтижелері сандық жиілік ретінде есептелмеді және мазмұндық талдау жасалды деп көрсетілмейді.

Зерттеудің шектеулері де ескерілді. Іріктеудің нақты тәсілі, сауалнама жүргізілген кезең мен қатысушылардың географиялық орналасуы туралы мәліметтер қолда жоқ. Осыған байланысты зерттеу нәтижелері тек сауалнамаға қатысқан 42 адамның жауаптарын сипаттайды. Олар барлық жастарға ортақ заңдылықты дәлелдемейді және тарихи дереккөздерді талдаудың құндылықтық бағдарларға тікелей себептік әсерін анықтамайды.

ЗЕРТТЕУ НӘТИЖЕЛЕРІ

Сауалнамаға 42 адам қатысты. Жас ерекшелігі бойынша 18–20 жас аралығындағы респонденттер 16 адамды (38,1%), 21–23 жас аралығындағылар 23 адамды (54,8%), ал 24–26 жас аралығындағылар 3 адамды (7,1%) құрады. Демек, қатысушылардың басым бөлігі 21–23 жас аралығында болған.

Білім деңгейі бойынша 6 респондент (14,3%) бакалавриат деңгейін, 25 респондент (59,5%) магистратура деңгейін таңдаған, ал 11 респондент (26,2%) «басқа» нұсқасын көрсеткен. «Басқа» жауабының мазмұны нақтыланбағандықтан, осы топтың білім деңгейін қосымша жіктеу мүмкін емес. Бұл сипаттамалар зерттеу тобының негізінен жас ересектерден құралғанын көрсетеді. Алайда қатысушылардың білім деңгейі мен тарихи ақпаратты бағалау дағдылары арасында статистикалық байланыс бар деп тұжырымдау үшін жеке айнымалыларды салыстыру және тиісті статистикалық талдау жүргізу қажет.

«Тарихи жад» ұғымын түсіндіруге қатысты жауаптар әртүрлі болды. Респонденттердің 18-і (42,9%) тарихи жадты өткен оқиғалардың қазіргі қоғамға ықпалын түсінумен байланыстырған. 12 адам (28,6%) оны өткен оқиғалар туралы білім мен естеліктер ретінде қарастырған. 6 респондент (14,3%) тарихи тұлғалар мен оқиғаларды бағалауды таңдаған. 5 адам (11,9%) ұлттық тарих пен мәдени мұраны сақтаумен байланыстырған. Бір респондент (2,4%) бұл ұғымды нақты түсінбейтінін көрсеткен. Нәтижелердің ішінде өткеннің қазіргі қоғамға ықпалын түсіну нұсқасының басым болуы тарихи жадты тек өткен туралы ақпарат жиынтығы емес, уақыт кезеңдерін байланыстыратын түсінік ретінде қабылдаудың бар екенін көрсетеді. Бұл тарихи сана мен мағына қалыптастыруды қарастыратын ғылыми еңбектермен үйлеседі[3;5].

Сонымен бірге ұлттық тарих пен мәдени мұраны сақтау нұсқасын таңдағандар үлесінің 11,9% болуы ұлттық мұраның маңызын төмен бағалаумен тең емес. Сұрақта жауаптың бір ғана нұсқасын таңдау талап етілген болса, респонденттер өз түсінігінің негізгі қырын ғана белгілеуі мүмкін. Сондықтан бұл нәтиже тарихи жад туралы түсініктердің құрылымын қосымша зерттеуге негіз бола алады.

Респонденттер бірнеше жауапты қатар таңдай алған тарихи ақпарат көздері туралы сұрақта әлеуметтік желілер ең жиі көрсетілген арна болды: 32 адам (76,2%). Оқулықтар мен ғылыми кітаптарды 29 адам (69,0%), ғылыми мақалалар мен электрондық кітапханаларды 25 адам (59,5%), жасанды интеллект құралдарын 23 адам (54,8%) таңдаған. Университет сабақтарын 16 адам (38,1%), мұражайларды, архивтерді және тарихи орындарды 13 адам (31,0%), YouTube пен басқа бейнеплатформаларды 9 адам (21,4%), отбасы мүшелері мен үлкендердің әңгімелерін 5 адам (11,9%) көрсеткен.

1-кесте – Респонденттердің тарихи ақпарат алу көздері

Ақпарат көзі	Респондент саны	Үлесі
Әлеуметтік желілер	32	76,2%
Оқулықтар мен ғылыми кітаптар	29	69,0%
Ғылыми мақалалар мен электрондық кітапханалар	25	59,5%
Жасанды интеллект құралдары	23	54,8%
Университет сабақтары	16	38,1%
Мұражайлар, архивтер және тарихи орындар	13	31,0%
YouTube және бейнеплатформалар	9	21,4%
Отбасы мүшелері мен үлкендердің әңгімелері	5	11,9%

Ескерту: респонденттер бірнеше жауапты қатар таңдағандықтан, пайыздардың қосындысы 100%-дан асады.

Әлеуметтік желілердің 76,2% көрсеткіші олардың зерттеу тобы үшін тарихи ақпараттың маңызды арналарының бірі екенін көрсетеді. Бұл нәтиже әлеуметтік желідегі барлық тарихи ақпарат сенімсіз дегенді білдірмейді. Негізгі мәселе – ақпараттың қайдан алынғанын анықтау, жарияланымның түпнұсқасын іздеу және оның дәлелдік негізін бағалау мүмкіндігі.

Оқулықтар мен ғылыми кітаптардың да жоғары үлеске ие болуы дәстүрлі білім көздерінің өзектілігін сақтап отырғанын көрсетеді. Сонымен қатар жасанды интеллектті 54,8% респонденттің таңдауы тарихты оқытуда цифрлық құралдарды сыни қолдану мәселесін өзекті етеді. Білім алушыларға жасанды интеллекттің жауабын дайын тарихи қорытынды ретінде қабылдамай, оны тексеруді үйрету қажет.

Респонденттердің 21-і (50,0%) тарихи ақпараттың сенімділігін әрдайым тексеретінін, 15-і (35,7%) жиі тексеретінін айтқан. Ал 6 адам (14,3%) мұны кейде жасайтынын көрсеткен. Ақпаратты сирек немесе ешқашан тексермейтінін таңдағандар болмаған. Осылайша, қатысушылардың 85,7%-ы ақпарат сенімділігін әрдайым немесе жиі тексеретінін мәлімдеген. Бұл сауалнамаға қатысушылардың тарихи ақпаратты қабылдауда тексерудің маңызын мойындайтынын көрсетеді.

Әлеуметтік желіде бұрынғы біліміне қайшы келетін ақпаратпен кездескен жағдайда 28 респондент (66,7%) бірнеше сенімді дереккөзді салыстыратынын көрсеткен. 11 адам (26,2%) автор мен жарияланған орынды зерттейтінін, бір адам (2,4%) басқа пайдаланушылардың пікірлерін оқитынын, екі адам (4,8%) басқа әрекеттерді жасайтынын көрсеткен. Ақпаратты тексерусіз қабылдау немесе әдетте елемеу нұсқаларын таңдағандар болмаған. Бұл жауаптар дереккөздерді салыстыру мен авторды анықтау тәсілдерінің респонденттерге таныс екенін аңғартады. Дегенмен сауалнама өзіндік есеп беруге негізделгендіктен, көрсетілген әрекеттердің күнделікті өмірде қаншалықты тұрақты орындалатынын нақты дәлелдемейді. Нақты дағдыны бағалау үшін респонденттерге тарихи мәтін немесе әлеуметтік желідегі жарияланым ұсынылып, оны тексеру әрекеттерін бақылау қажет.

Тарихи құжаттарды, фотосуреттерді, хаттар мен естеліктерді талдау тәжірибесі туралы сұраққа 14 адам (33,3%) «иә» деп жауап берген. 20 респондент (47,6%) мұндай материалдармен өте сирек жұмыс істейтінін, 8 адам (19,0%) мұндай тәжірибесі жоқ екенін көрсеткен. Бұл нәтижелер зерттеудің маңызды тұстарының бірі болып табылады. Бір жағынан, респонденттердің барлығы дереккөздерді талдау тарихи оқиғаларды түсінуге көмектеседі деп есептеген. Екінші жағынан, қатысушылардың үштен бір бөлігі ғана мұндай жұмыс тәжірибесі бар екенін көрсеткен, ал 66,6%-ы дереккөздермен жұмыс істейтінін «өте сирек» немесе «жоқ» деп сипаттаған. Осы айырмашылық тарихи дереккөздерді пайдаланудың маңызын түсіну мен олармен жүйелі жұмыс істеу тәжірибесі бірдей емес екенін көрсетеді. Демек, білім беру үдерісінде дереккөздерді пайдалану қажеттілігі туралы түсінік қалыптастырумен қатар, практикалық тапсырмалардың жүйелілігіне назар аудару қажет. Бұл тұжырым тарихи дереккөздермен жұмыс істеуді тарихи ойлаудың маңызды құрамдасы ретінде қарастыратын зерттеулермен үйлеседі[3;6]. Дегенмен осы сауалнама деректеркөздермен жұмыс тәжірибесінің аз болуы сыни ойлаудың төмен деңгейіне тікелей себеп болады деп айтуға мүмкіндік бермейді.

Тарихи дереккөздерді зерделеу кезінде респонденттер бірнеше факторды таңдаған. 25 адам (59,5%) дереккөздің жасалған уақытын және тарихи контекстін, 23 адам (54,8%) авторын ескеретінін көрсеткен. 19 респондент (45,2%) басқа дереккөздермен сәйкестігін, дәл осындай 19 адам (45,2%) дереккөздің сенімділігін бағалауды таңдаған. 17 адам (40,5%) автордың мақсаты мен көзқарасына, ал 14 адам (33,3%) дереккөздегі дәлелдер мен фактілерге назар аударатынын айтқан. Бұл нәтижелер тарихи контекст пен авторды анықтау тәсілдері респонденттер арасында салыстырмалы түрде жиі таңдалғанын көрсетеді. Сонымен қатар дереккөздегі нақты дәлелдер мен фактілерді тексеруді таңдағандардың үлесі 33,3% болды. Бұл көрсеткішті білім беру тапсырмаларында дәлелдерді анықтау, мәтіннен нақты үзінді келтіру және қорытындыны дерекпен негіздеу әрекеттеріне ерекше назар аудару қажеттігі туралы әдістемелік белгі ретінде қарастыруға болады. Екі дереккөзде бір-біріне қайшы мәліметтер берілген жағдайда 13

респондент (31,0%) бұрыннан таныс ақпаратқа сүйенетінін көрсеткен. 12 адам (28,6%) қосымша дереккөз іздейтінін, 10 адам (23,8%) екі дереккөзді салыстыратынын, ал 7 адам (16,7%) сенімдірек көрінген нұсқаны қабылдайтынын айтқан. Бұл жауаптар қайшы ақпаратты бағалаудың бірнеше стратегиясы бар екенін көрсетеді. Дегенмен бұрыннан таныс ақпаратқа сүйену жиілігі басқа жауаптардан жоғары болғаны респонденттердің әрдайым осылай әрекет ететінін дәлелдемейді. Ол тек сауалнамада берілген нақты жағдайға қатысты таңдалған жауап болып табылады. Педагогикалық тұрғыдан алғанда, екі дереккөздің қайшылығын зерттеуге арналған тапсырмалар білім алушыға бірден дұрыс жауапты таңдаудан гөрі, әр деректің жасалу жағдайын анықтап, дәлелдерді салыстыруға мүмкіндік береді. Мұндай тапсырмалар тарихи пайымдау мен аргументацияны дамытуға бағытталуы мүмкін[6;7].

«Тарихи дереккөздерді талдау тарихи оқиғаларды түсінуге көмектесе ме?» деген сұраққа барлық 42 респондент (100%) оң жауап берген. Тарих сабақтарында дереккөздермен жұмыс істеудің маңызын 39 адам (92,9%) «өте маңызды», ал 3 адам (7,1%) «маңызды» деп бағалаған. Төмен немесе маңызды емес деген жауаптар болмаған. Бұл нәтижелер зерттеу тобының тарихи дереккөздерді оқытуда пайдалануға қатысты көзқарасының оң екенін көрсетеді. Алайда оң көзқарасты дереккөздерді талдау дағдысының толық қалыптасқанымен теңестіруге болмайды. Мұндай дағдыларды бағалау үшін нақты тарихи материалға негізделген практикалық тапсырмалар қажет.

«Тарихи оқиғаларды зерделеу қазіргі қоғамдық мәселелерге жауапкершілікпен қарауыма ықпал етеді» деген тұжырымды 30 адам (71,4%) 5 баллмен, 11 адам (26,2%) 4 баллмен, бір адам (2,4%) 3 баллмен бағалаған. Бірден беске дейінгі шкала бойынша орташа көрсеткіш 4,69 балды құрады. Бұл көрсеткіш респонденттердің тарихи оқиғаларды зерделеу мен қазіргі қоғамдық мәселелерге жауапкершілікпен қарау арасында оң байланыс бар деп қабылдайтынын көрсетеді. Дегенмен бұл субъективті баға болғандықтан, тарихи оқиғаларды зерттеу нақты өмірдегі азаматтық әрекетті немесе жауапкершілікті міндетті түрде арттырады деген қорытынды жасауға болмайды.

Ашық сұраққа берілген жауаптарды талдау нәтижесінде тарихи дереккөздерді зерттеудің жастардың тарихи санасы мен құндылықтық бағдарларын дамытудағы бірнеше негізгі бағыты анықталды. Студенттер ұлттық тарих пен мәдени мұраға құрметті арттыру, сыни ойлау мен ақпараттың сенімділігін бағалау дағдыларын дамыту, ұлттық бірегейлік пен азаматтық жауапкершілікті нығайту, сондай-ақ әділеттілік пен өзге көзқарастарды құрметтеу құндылықтарын қалыптастыру мүмкіндіктерін атап өтті. Сонымен қатар, тарихи оқиғаларды қазіргі қоғамдық мәселелермен байланыстыру және дәлелдер негізінде жеке пікір қалыптастырудың маңыздылығы көрсетілді. Бұл жауаптар тарихи дереккөздерді талдаудың тарихи білімді тереңдетудегі және жастардың құндылықтық бағдарларын дамытудағы әлеуетін көрсетеді.

НӘТИЖЕЛЕРДІ ТАЛҚЫЛАУ ЖӘНЕ ПЕДАГОГИКАЛЫҚ МҮМКІНДІКТЕР

Сауалнама нәтижелері үш негізгі бағытты бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Біріншіден, респонденттер тарихи ақпаратты цифрлық және дәстүрлі арналардан қатар алады. Әлеуметтік желілердің 76,2% көрсеткіші цифрлық ақпараттық ортаның маңызын көрсетсе, оқулықтар мен ғылыми кітаптардың 69,0% көрсеткіші дәстүрлі академиялық көздердің де маңызды екенін аңғартады. Сондықтан тарих сабағында цифрлық ресурстарды оқулықтарға қарсы қою емес, оларды дереккөздердің сапасын салыстыруға мүмкіндік беретін қосымша материал ретінде пайдалану тиімді.

Екіншіден, респонденттер ақпаратты тексерудің маңызын жоғары бағалайды, бірақ тарихи құжаттармен жұмыс тәжірибесі салыстырмалы түрде сирек. Ақпараттың сенімділігін әрдайым немесе жиі тексеретінін айтқан респонденттер үлесі 85,7% болса, тарихи дереккөздермен өте сирек немесе мүлде жұмыс істемейтіндердің үлесі шамамен 66,6% болды. Бұл айырмашылық ақпаратты тексеру туралы өзіндік түсінік пен тарихи дереккөзді арнайы талдау тәжірибесінің бірдей болмауы мүмкін екенін көрсетеді.

Үшіншіден, тарихи дереккөздерді пайдалануға қатысты оң көзқарас өте жоғары. Барлық қатысушы дереккөздерді талдаудың тарихи оқиғаларды түсінуге көмектесетінін мойындаған, ал 92,9%-ы оның маңызын өте жоғары бағалаған. Бұл жағдай тарихи дереккөздерге негізделген

тапсырмаларды жүйелі қолдануға қолайлы алғышарт ретінде қарастырылуы мүмкін. Осы нәтижелер мен ғылыми әдебиеттерді негізге ала отырып, тарих сабағында дереккөздерді талдаудың төмендегі төрт кезеңді үлгісін ұсынуға болады.

1-кезең. Дереккөзді анықтау және тарихи контексті белгілеу. Білім алушылар дереккөздің түрін, авторын, жасалған уақытын, тарихи жағдайын және бастапқы мақсатын анықтайды. Мысалы, Француз революциясына қатысты тарихи құжатты талдағанда оның революцияның қай кезеңінде жазылғанын және автордың қоғамдық-саяси ұстанымын қарастыруға болады.

2-кезең. Мазмұнды талдау және деректерді салыстыру. Білім алушылар мәтіндегі негізгі пікірлер мен дәлелдерді ажыратып, екі немесе одан да көп дереккөздің ұқсастықтары мен айырмашылықтарын анықтайды. Қайшылық болған жағдайда оны бірден қате деп бағаламай, авторлардың мақсаты, ақпаратқа қолжетімділігі және тарихи жағдайы тұрғысынан түсіндіруге тырысады.

3-кезең. Дәлелге негізделген тарихи пайымдау. Білім алушылар өз тұжырымдарын нақты дерекпен негіздейді. «Менің ойымша» деген пікірді ғана емес, «осындай қорытындыға келуіме мына деректегі ақпарат негіз болды» деген дәлелді түсіндіруді үйренеді. Бұл кезеңде тарихи дереккөзді дұрыс түсіндірумен қатар, дәлел мен пікірдің айырмашылығын анықтау маңызды.

4-кезең. Қазіргі қоғаммен байланыстыру және рефлексия. Білім алушылар тарихи оқиғалардың қазіргі қоғам үшін маңызын талқылайды. Мысалы, тарихи оқиғада әділеттілік, жауапкершілік немесе адам құқықтары мәселелері қалай көрініс тапқанын қарастырады. Бұл кезеңде өткен мен бүгіннің арасында механикалық ұқсастық орнатпай, тарихи жағдайлардың ерекшеліктерін ескеру қажет.

Ұсынылған үлгі тарихи ойлау мен тарихи пайымдауға қатысты теориялық тұжырымдарға негізделген[5;8]. Ол осы сауалнама аясында эксперименттік түрде тексерілген әдістеме емес, әрі қарай педагогикалық тәжірибеде сынақтан өткізуге ұсынылатын модель болып табылады. Тарихи дереккөздермен жұмысты ұйымдастыруда құндылықтық тәрбие мәселесіне де назар аудару қажет. Мысалы, әртүрлі көзқарасты білдіретін дереккөздерді салыстыру білім алушыларға тарихи оқиғаларды бір ғана түсіндірумен шектемей, дәлелдерді бағалауға мүмкіндік береді. Алайда мұндай тапсырмалардың мақсаты алдын ала белгіленген пікірді қабылдату емес, деректерді түсініп, негізделген қорытынды жасауға үйрету болуы керек. Цифрлық ортадағы ақпаратпен жұмыс істеуде білім алушыларға авторды анықтау, жарияланымның түпнұсқасын табу, жарияланған уақытын тексеру, дәлелдерді басқа сенімді дереккөздермен салыстыру және жасанды интеллект жауабын тәуелсіз тексеру тапсырмаларын ұсынуға болады. Мұндай тәсілдер тарихи ойлау мен медиалық-ақпараттық сауаттылықты байланыстыруға жағдай жасайды[8;9]. Осылайша, тарихи дереккөздерді талдау тарихи білімді меңгерудің ғана емес, дәлелдерді бағалау, балама көзқарастарды түсіну және қазіргі қоғамдық мәселелер туралы пайымдау дағдыларын дамытуға арналған педагогикалық мүмкіндік ретінде қарастырылады. Оның тиімділігі тапсырмалардың мазмұнына, оқытушының әдістемелік ұйымдастыруына және білім алушылардың жүйелі тәжірибесіне тәуелді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы – тарихи жад пен жастардың құндылықтық бағдарлары мәселесін тарихи ақпарат алу арналары, ақпараттың сенімділігін тексеру тәжірибесі және дереккөздерді талдау тәжірибесі арқылы кешенді сипаттауға ұмтылуында. Сауалнама деректері қатысушылардың тарихи дереккөздердің маңызын жоғары бағалайтынын, сонымен бірге олармен жүйелі жұмыс тәжірибесі барлық респондентте бірдей қалыптаспағанын көрсетеді. Бұл нәтиже тарихи дереккөздермен жұмысқа арналған практикалық тапсырмаларды жүйелі ұйымдастырудың қажеттілігін талқылауға мүмкіндік береді.

Практикалық маңызы – зерттеу нәтижелері мен ұсынылған төрт кезеңді үлгіні тарих пәнінің сабақтарын жоспарлауда, тарихи құжаттарды талдау тапсырмаларын әзірлеуде және цифрлық ақпаратты сыни бағалау дағдыларын дамытуда қолдануға болатындығында. Ұсынылған үлгіні әртүрлі тарихи тақырыптарға бейімдеуге болады. Дегенмен бұл үлгінің тиімділігі мен білім алушылардың құндылықтық бағдарларына ықпалын анықтау үшін қосымша эмпирикалық зерттеу қажет. Мысалы, оқытуға дейінгі және кейінгі нәтижелерді салыстыру, дереккөздерді талдау рубрикасын қолдану немесе сұхбат жүргізу арқылы білім алушылардың пайымдау ерекшеліктерін тереңірек зерттеуге болады.

Зерттеудің бірнеше шектеуі бар. Біріншіден, қатысушылар саны 42 адаммен шектеледі. Іріктеудің тәсілі мен географиялық ауқымы туралы ақпарат болмағандықтан, нәтижелерді жастардың кең тобына жалпылауға болмайды. Екіншіден, сауалнама респонденттердің өздері берген жауаптарына негізделген. Ақпаратты тексеру жиілігі туралы мәлімдемелер нақты әрекеттермен толық сәйкес келмеуі мүмкін. Сондықтан болашақ зерттеулерде сауалнама нәтижелерін практикалық тапсырмалармен немесе сұхбатпен толықтырған жөн. Үшіншіден, зерттеу тарихи дереккөздерді талдау мен құндылықтық бағдарлар арасындағы себеп-салдарлық байланысты анықтамайды. Қазіргі қоғамдық мәселелерге жауапкершілікпен қарау туралы жоғары бағалар қатысушылардың көзқарасын сипаттайды, бірақ нақты мінез-құлық өзгерісін өлшемейді.

Төртіншіден, ашық сұраққа қатысты жауап нұсқаларының әрқайсысы бойынша жиілік берілмеген. Сондықтан оларды респонденттердің басым пікірі немесе мазмұндық талдау нәтижесі ретінде көрсетуге негіз жоқ.

Бұл шектеулер зерттеу нәтижелерін түсіндіруде сақтықты қажет етеді. Сонымен қатар олар келесі зерттеу кезеңдеріне нақты бағыт береді: іріктемені кеңейту, сауалнама құралын тексеру, тарихи дереккөздерді талдау тапсырмаларын қолдану және құндылықтық пайымдауды бағалаудың өлшемдерін нақтылау.

ҚОРЫТЫНДЫ

Зерттеу тарихи жад, жастардың тарихи ақпарат алу тәжірибесі және тарихи дереккөздерді талдауға қатысты көзқарастар мәселесін қарастырды. 42 респонденттің онлайн сауалнама нәтижелері жастардың тарихи ақпаратты бірнеше арнадан алатынын, оның ішінде әлеуметтік желілер мен цифрлық құралдардың маңызды орын алатынын көрсетті.

Респонденттердің 76,2%-ы әлеуметтік желілерді тарихи ақпарат көздерінің бірі ретінде көрсеткен, 69,0%-ы оқулықтар мен ғылыми кітаптарды, 59,5%-ы ғылыми мақалалар мен электрондық кітапханаларды, 54,8%-ы жасанды интеллект құралдарын таңдаған. Бұл деректер тарихты оқытуда цифрлық ақпаратты тексеру және академиялық дереккөздермен салыстыру дағдыларын дамыту қажеттігін көрсетеді.

Ақпарат сенімділігін әрдайым немесе жиі тексеретінін айтқан респонденттер үлесі 85,7%-ды құрады. Алайда тарихи құжаттармен, фотосуреттермен, хаттармен және естеліктермен өте сирек немесе мүлде жұмыс істемейтіндердің үлесі шамамен 66,6% болды. Демек, ақпаратты тексерудің маңызын мойындау мен тарихи дереккөздерді талдаудың жүйелі тәжірибесі бір-бірінен ерекшеленуі мүмкін.

Тарихи дереккөздерді талдау тарихи оқиғаларды түсінуге көмектесетінін барлық респондент мойындаған, ал 92,9%-ы оның тарих сабақтарындағы маңызын өте жоғары бағалаған. Қазіргі қоғамдық мәселелерге жауапкершілікпен қарауға қатысты тұжырымның орташа бағасы 4,69 балл болды. Бұл нәтижелер респонденттердің тарихи білім мен қазіргі қоғамды пайымдау арасындағы байланысты оң қабылдайтынын көрсетеді, бірақ себеп-салдарлық ықпалды дәлелдемейді.

Зерттеу негізінде дереккөзді анықтау, оның контекстін талдау, мәліметтерді салыстыру, дәлелге негізделген қорытынды жасау және қазіргі қоғаммен байланыстырудан тұратын төрт кезеңді педагогикалық үлгі ұсынылды. Бұл үлгі тарихи ойлау, сыни пайымдау және ақпараттық сауаттылықты дамытуға бағытталған.

Тарихи дереккөздерді талдау жастардың тарихи санасын дамытуға арналған маңызды білім беру мүмкіндігі болып табылады. Оның педагогикалық құндылығы білім алушыны дайын тарихи ақпаратты қабылдаудан деректерді өздігінен зерттеуге, дәлелдерді салыстыруға және негізделген пайым жасауға көшіруімен байланысты. Бұл мүмкіндіктің нақты нәтижелерін анықтау үшін кеңірек іріктememен және практикалық тапсырмаларға негізделген келесі зерттеулер жүргізу қажет.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР

1. Halbwachs M.OnCollective Memory / edited, translated, and with an introduction by L.A.Coser. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 254 p.

2. Nora P., Kritzman L.D. (eds.). Realms of Memory: The Construction of the French Past. Vol. 1: Conflicts and Divisions / translated by A. Goldhammer. – New York: Columbia University Press, 1996. – 642 p.
3. Popa N. Operationalizing Historical Consciousness: A Review and Synthesis of the Literature on Meaning Making in Historical Learning // Review of Educational Research. – 2022. – Vol. 92, No. 2. – DOI: https://doi.org/10.3102/00346543211052333
4. Smakhanova Z., Orazayeva Z., Kalibayeva A., Shnanov O. Analysis of the Influence of Historical Memory on the Content of Secondary Education in Kazakhstan (1991–2021) // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. – 2025. – Vol. 30, No. 2. – P. 152–161. – DOI: https://doi.org/10.31489/2025hph2/152-161
5. Wineburg S. Historical Thinking and Other Unnatural Acts: Charting the Future of Teaching the Past. – Philadelphia: Temple University Press, 2001. – 255 p.
6. Seixas P., Morton T. The Big Six Historical Thinking Concepts. – Toronto: Nelson Education, 2013.
7. van Drie J., van Boxtel C. Historical Reasoning: Towards a Framework for Analyzing Students' Reasoning about the Past // Educational Psychology Review. – 2008. – Vol. 20. – P. 87–110. – DOI: https://doi.org/10.1007/s10648-007-9056-1
8. Tally B., Goldenberg L.B. Fostering Historical Thinking with Digitized Primary Sources // Journal of Research on Technology in Education. – 2005. – Vol. 38, No. 1. – P. 1–21. – DOI: https://doi.org/10.1080/15391523.2005.10782447
9. Grizzle A., Wilson C., Gordon D. (eds.). Media and Information Literate Citizens: Think Critically, Click Wisely! 2nd ed. – Paris: UNESCO, 2021. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377068
10. Gómez-Carrasco C.J., Rodríguez-Medina J., López-Facal R., Monteagudo-Fernández J. A Review of Literature on History Education: An Analysis of the Conceptual, Intellectual and Social Structure of a Knowledge Domain (2000–2019) // European Journal of Education. – 2022. – Vol. 57, No. 3. – P. 497–511. – DOI: https://doi.org/10.1111/ejed.12508
11. Thorp R., Persson A. On Historical Thinking and the History Educational Challenge / Educational Philosophy and Theory - 2020. - Vol. 52, No. 8. – P. 891–901. – DOI: https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1712550
12. Barton K.C., Levstik L.S. Teaching History for the Common Good. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
13. Rüsen J. History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York: Berghahn Books, 2005.
14. McLean L.R., Cook S.A., Lévesque S., Stanley T.J., Rogers P., Baroud J. Introduction: Historical Thinking, Historical Consciousness // Canadian Journal of Education / Revue canadienne de l'éducation. – 2017. – Vol. 40, No. 1. – P. 1–5. – URL: https://cje-rce.ca/index.php/cje-rce/article/view/3122
15. UNESCO. Media and Information Literate Citizens: Think Critically, Click Wisely! – Paris: UNESCO, 2021. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/media-and-information-literate-citizens-think-critically-click-wisely

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА: ВОСПРИЯТИЕ НЕСТАБИЛЬНОЙ РАБОТЫ И КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ

Ахмет Меруерт
Студент 3-го курса ОП «Социология», Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан
e-mail: maiyakareza13@gmail.com
Научный руководитель: Кылышбаева Б. Н.

Аннотация

Статья посвящена социологическому анализу прекаризации занятости молодежи Казахстана и ее связи с карьерными стратегиями. Актуальность темы обусловлена трансформацией рынка труда и распространением гибких форм занятости. Официальные показатели безработицы не позволяют в полной мере оценить качество трудовой интеграции молодежи. Прекаризация рассматривается как многомерный процесс, включающий нестабильность занятости и доходов, ограниченность социальных гарантий и неопределенность профессиональных перспектив. На основе теоретического анализа, официальной статистики и документов систематизированы основные проявления трудовой нестабильности и выделены пять типов карьерных стратегий. Рассмотрена теоретическая взаимосвязь между субъективным восприятием нестабильности и выбором стратегий профессионального развития. Обоснована необходимость дальнейшей эмпирической проверки данной взаимосвязи.

Ключевые слова: прекаризация, молодежь, занятость, нестабильная работа, карьерные стратегии, рынок труда, молодежная безработица, неформальная занятость, NEET, Казахстан.

Введение

Переход молодежи от образования к профессиональной деятельности является важным процессом формирования социальной структуры общества. Традиционная модель трудовой биографии, предполагающая переход от обучения к стабильной работе и карьерному росту, становится менее универсальной. Распространение временных контрактов, неполной и платформенной занятости усиливает неопределенность трудовых перспектив молодежи.

Гибкие формы занятости расширяют возможности профессионального выбора, однако при отсутствии стабильного дохода и социальных гарантий могут приобретать прекарный характер. Г. Стэндинг связывает прекаризацию с нестабильностью трудовых отношений и ограниченностью социально-экономических гарантий [1, с. 1–4]. Г. Кальберг рассматривает нестандартную занятость в контексте трансформации институтов труда и экономической защищенности работников [2, с. 1–3]. При этом нестандартная занятость не всегда является прекарной: определяющее значение имеют условия труда и степень социальной защищенности.

В Казахстане актуальность проблемы обусловлена необходимостью оценивать не только уровень занятости, но и ее качество. Во II квартале 2026 года общая безработица составила 4,5%, а молодежная (15–34 лет) — 2,9% [5]. Однако наличие работы не гарантирует стабильного дохода, социальных гарантий и профессионального роста.

Восприятие трудовой нестабильности может быть связано с выбором карьерных стратегий: поиском более устойчивой работы, сменой работодателя, дополнительным обучением, развитием профессиональных навыков и диверсификацией источников дохода. Выбор стратегии зависит также от образования, опыта, материальных ресурсов и региональных условий рынка труда.

Цель исследования — проанализировать проявления прекаризации занятости молодежи в Казахстане и теоретические взаимосвязи между восприятием трудовой нестабильности и выбором карьерных стратегий.

Объект исследования — занятость молодежи в Республике Казахстан.

Предмет исследования — восприятие нестабильности занятости и связанные с ним образовательные, профессиональные и карьерные стратегии молодежи.

Исследовательский вопрос: как восприятие нестабильности занятости связано с выбором молодежью стратегий обеспечения трудовой стабильности, профессиональной мобильности, дополнительного обучения и диверсификации доходов?

Рабочая гипотеза: восприятие нестабильности занятости связано с выбором карьерных стратегий, характер которых зависит от образования, профессионального опыта, доступных ресурсов и региональных условий рынка труда.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации представлений о прекаризации молодежной занятости и рассмотрении карьерных стратегий как способов адаптации к нестабильности рынка труда. Практическая значимость связана с возможностью использования выводов при дальнейшем изучении положения молодежи и разработке мер ее профессиональной поддержки.

Предложенная теоретическая модель носит концептуальный характер и требует эмпирической проверки с применением качественных и количественных социологических методов.

Теоретические основания исследования прекаризации

Понятие прекаризации занятости связано с трансформацией социально-трудовых отношений под влиянием цифровизации и развития постиндустриальной экономики. Наряду с традиционным наймом распространяются временная, проектная и платформенная занятость, фриланс и самозанятость. Эти формы могут быть как добровольным выбором работника, так и вынужденной адаптацией к ограниченным возможностям трудоустройства.

Прекаризацию занятости можно рассматривать через несколько взаимосвязанных аспектов: временную устойчивость трудовых отношений, предсказуемость доходов, наличие трудовых прав и социальных гарантий, возможности профессионального развития и субъективное восприятие трудового будущего. Совокупность этих аспектов позволяет учитывать не только формальный статус занятости, но и условия труда, степень экономической защищенности и перспективы профессионального роста.

Данный подход позволяет разграничить гибкую и прекарную занятость. Гибкая работа, обеспечивающая приемлемый доход и профессиональное развитие, не обязательно является нестабильной. Напротив, даже постоянная работа может иметь прекарные характеристики при отсутствии социальных гарантий, предсказуемого заработка и перспектив роста.

Для молодежи проблема прекаризации особенно значима, поскольку начало трудовой деятельности совпадает с периодом накопления профессионального опыта и социального капитала. Недостаток практических навыков и опыта работы, а также несоответствие подготовки требованиям рынка труда могут затруднять профессиональную интеграцию молодых специалистов [7]. В этих условиях карьерные стратегии становятся одним из способов адаптации к нестабильности рынка труда.

Молодежь на рынке труда Казахстана: контекст прекаризации

Рынок труда Казахстана характеризуется относительно низким уровнем официальной безработицы, однако этот показатель не отражает полностью качество занятости молодежи. В 2025 году в экономике страны были заняты 9,32 млн человек, уровень общей безработицы составил 4,6%, а молодежной (15–34 лет) — 3,1% [4]. Во II квартале 2026 года эти показатели составили 9,40 млн занятых, 4,5% и 2,9% соответственно [5].

Низкая безработица не исключает нестабильности доходов, недостатка социальных гарантий и ограниченных возможностей карьерного роста. Согласно Концепции развития рынка труда Казахстана на 2024–2029 годы, качественное рабочее место предполагает стабильность занятости, достойную оплату, безопасность труда, профессиональное развитие и социальную защиту [6].

Дополнительным показателем положения молодежи выступает категория NEET — молодые люди, которые не работают, не учатся и не проходят профессиональную подготовку. В 2024 году их доля составляла 6,5%, а в 2025 году снизилась до 5,8% [3; 4]. Однако этот показатель не позволяет оценить качество рабочих мест и распространенность прекаризации среди работающей молодежи.

В 2025 году наибольшие доли занятых приходились на торговлю (16,7%), образование (13,2%), промышленность (12,4%) и сельское хозяйство (10,6%) [4]. При этом принадлежность к определенной отрасли сама по себе не свидетельствует о прекарности занятости. Согласно Национальному докладу «Рабочая сила будущего: молодежь на рынке труда Казахстана», доли наемной и самостоятельной занятости молодежи в течение пяти лет сохранялись примерно на уровне 78% и 22%. Также отмечалось увеличение присутствия молодых работников в сфере услуг и торговли [8].

Региональные различия в структуре экономики и доступности рабочих мест формируют неодинаковые условия профессионального развития молодежи [9, с. 51–59]. Таким образом, анализ прекаризации требует учета стабильности доходов, социальных гарантий, условий труда и карьерных перспектив. Официальная статистика отражает общие тенденции рынка труда, однако связь между восприятием нестабильности и выбором карьерных стратегий требует

дальнейшего эмпирического изучения.

Восприятие нестабильной работы молодежью

Объективные условия труда не всегда определяют субъективное отношение человека к работе. Временный контракт может восприниматься как возможность приобрести профессиональный опыт или, напротив, как источник неуверенности в доходах и будущем. Это различие зависит от условий занятости и индивидуальных обстоятельств.

Субъективное восприятие нестабильности включает четыре компонента: экономический — предсказуемость дохода; профессиональный — возможности развития навыков и карьерного роста; институциональный — наличие трудовых прав и социальных гарантий; биографический — возможность планировать долгосрочные жизненные цели.

Принципиальное значение имеет различие между добровольной гибкостью и вынужденной нестабильностью. Проектная работа может быть удобной при совмещении с учебой, но при отсутствии альтернатив аналогичная форма занятости способна усиливать экономическую уязвимость.

Нестабильная работа может способствовать профессиональному развитию, если позволяет накапливать опыт и компетенции. Если же смена рабочих мест не сопровождается повышением квалификации и улучшением условий труда, профессиональные перспективы могут оставаться ограниченными. Поэтому значение имеет не только характер занятости, но и ее влияние на дальнейшую трудовую траекторию.

Карьерные стратегии молодёжи в условиях нестабильности

Карьерная стратегия представляет собой совокупность решений и действий, направленных на профессиональное развитие, обеспечение дохода и достижение трудовых целей. В условиях нестабильности рынка труда выбор стратегии может зависеть от условий занятости, профессионального опыта, доступных ресурсов и личных приоритетов.

Теоретически можно выделить пять типов карьерных стратегий:

1. Стабилизация занятости — поиск официальной работы с регулярным доходом, социальными гарантиями и предсказуемыми условиями труда.

2. Профессиональная мобильность — смена работодателя, должности или сферы деятельности ради повышения дохода, улучшения условий труда и расширения опыта.

3. Накопление профессионального капитала — развитие компетенций через дополнительное образование, курсы и освоение востребованных навыков.

4. Предпринимательская стратегия — самостоятельная профессиональная деятельность, фриланс или развитие собственного дела, предполагающие большую автономию и личную ответственность за доход.

5. Комбинированная стратегия — совмещение основной работы с подработками или проектной деятельностью для расширения источников дохода.

Данные стратегии не исключают друг друга: молодой специалист может одновременно стремиться к стабильному трудоустройству, повышать квалификацию и получать дополнительный доход. Выбор стратегии следует рассматривать в зависимости от индивидуальных обстоятельств и условий рынка труда, а не как заранее установленную реакцию на нестабильность.

Методологическая модель исследования

Методологическую основу исследования составляют теоретический анализ прекаризации занятости, анализ официальных статистических данных и анализ документов, характеризующих положение молодежи на рынке труда Казахстана. Эти методы позволяют систематизировать основные проявления трудовой нестабильности и определить предполагаемые взаимосвязи между ее восприятием и выбором карьерных стратегий.

В рамках исследования восприятие нестабильности рассматривается через предсказуемость доходов, устойчивость занятости, наличие социальных гарантий и оценку профессиональных перспектив. Карьерные стратегии рассматриваются как совокупность действий, направленных на стабилизацию занятости, смену работы, повышение квалификации, развитие самостоятельной профессиональной деятельности и диверсификацию источников дохода.

Предполагается, что субъективное восприятие нестабильности связано с выбором соответствующих стратегий, однако характер этой связи может различаться в зависимости от образования, профессионального опыта, материальных ресурсов и региональных условий. Предложенная модель носит теоретический характер и требует дальнейшей эмпирической проверки. Использованные вторичные данные позволяют охарактеризовать общий контекст молодежной занятости, но не дают возможности непосредственно установить индивидуальные мотивы и решения молодых работников.

Аналитические результаты на основе вторичных данных

Анализ статистических данных и официальных документов позволяет выделить несколько тенденций, характеризующих положение молодежи на рынке труда Казахстана.

Во-первых, молодежная безработица остается относительно низкой: 3,1% в 2025 году и 2,9% во II квартале 2026 года [4; 5]. Однако эти показатели не отражают в полной мере стабильность доходов, социальную защищенность и перспективы профессионального развития молодых работников.

Во-вторых, качество занятости выступает самостоятельной проблемой. В государственных документах подчеркивается необходимость обеспечения достойных условий труда, стабильности, соблюдения трудовых прав и возможностей карьерного роста [6].

В-третьих, технологические и экономические изменения повышают значимость непрерывного обучения, развития профессиональных компетенций и адаптации к меняющимся требованиям рынка труда [8].

В-четвертых, доля молодежи категории NEET сократилась с 6,5% в 2024 году до 5,8% в 2025 году [3; 4]. Эта динамика указывает на снижение доли молодежи, не вовлеченной в работу, образование или профессиональную подготовку, однако сама по себе не позволяет оценить качество занятости работающих молодых людей.

В-пятых, региональные различия и особенности локальных экономик создают неодинаковые условия для профессионального развития молодежи и влияют на доступность рабочих мест и выбор карьерных траекторий [9, с. 51–59].

Таким образом, вторичные данные позволяют рассматривать прекаризацию молодежной занятости не только через показатели безработицы, но и через устойчивость доходов, социальные гарантии, доступность профессионального развития и региональные условия труда.

Обсуждение: прекаризация как ограничение и ресурс

Прекаризация занятости не всегда имеет исключительно негативные последствия. Для молодежи гибкая занятость и профессиональная мобильность могут стать способом получения первого опыта, освоения новых навыков и расширения профессиональных контактов. В таком случае временная работа выступает этапом профессионального становления.

Однако гибкость приобретает негативный характер, если нестабильная занятость становится постоянной и не способствует профессиональному развитию. Если смена рабочих мест сопровождается накоплением опыта и повышением квалификации, она может расширять карьерные возможности. Если же она обусловлена преимущественно необходимостью покрывать текущие расходы и не сопровождается улучшением условий труда, нестабильность усиливает экономическую уязвимость молодых работников. Поэтому значение имеет не только форма занятости, но и то, какие возможности она предоставляет для дальнейшего профессионального развития.

Заключение

Прекаризация занятости молодежи в Казахстане проявляется в нестабильности доходов, ограниченности социальных гарантий и неопределенности профессиональных перспектив. Низкий уровень молодежной безработицы (2,9% во II квартале 2026 года) не отражает в полной мере качество занятости и защищенность молодых работников [5].

Теоретический анализ и вторичные данные показывают, что нестабильная занятость может как ограничивать, так и расширять возможности профессионального развития. Ее влияние зависит от образования, региональных условий рынка труда, опыта и социально-экономических ресурсов молодежи. Связь восприятия нестабильности с выбором карьерных стратегий требует дальнейшего эмпирического изучения с помощью анкетирования и

глубинных интервью.

Следовательно, молодежная политика должна быть направлена не только на увеличение занятости, но и на повышение качества рабочих мест, обеспечение трудовых прав и социальных гарантий, а также расширение возможностей профессионального обучения и карьерного роста.

Список литературы

1. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. — London: Bloomsbury Academic, 2011. — 208 p.
2. Kalleberg A. L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // American Sociological Review. – 2009. – Vol. 74, No. 1. – P. 1–22.
3. Ситуация на рынке труда Казахстана (2025 г.) // Бюро национальной статистики АСПР РК. — 2026. — URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/341240/
4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Ситуация на рынке труда (2025 г.). — Астана, 2026. - URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/480212/
5. Об утверждении Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2023 года № 892. — URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/publications/511756/
6. Об утверждении Концепции развития рынка труда Республики Казахстан на 2024–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 октября 2023 года № 892. Ссылка / источник: Официальная правовая информация Республики Казахстан: Adilet.zan.kz.
7. Nesporova A. Jobs and Skills for Youth: Review of Policies for Youth Employment of Kazakhstan. — Geneva: International Labour Office, 2015. Ссылка / источник: Публикация Международной организации труда (МОТ / ILO): документ доступен в репозиториях ResearchGate и на платформе ILO / Emerald.
8. Центр развития трудовых ресурсов. Рабочая сила будущего: молодежь на рынке труда Казахстана: национальный доклад по рынку труда. — Астана.

Ссылка / источник: Официальный аналитический материал доступен на портале Центра развития трудовых ресурсов Республики Казахстан (enbek.kz).

9. Сарсенова А. Б. Социально-экономические особенности молодежного рынка труда и ресурсов: региональный аспект // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Социологические и политические науки. – 2021. – № 1 (73). – С. 51–59.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАЛАЛАРДЫҢ СПОРТ ТҮРІН ТАҢДАУЫНА ОТБАСЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫНЫҢ ӘСЕРІ

Багысбекова Д.С.

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 6В03101 – Әлеуметтану мамандығының 3 курс студенті

Алматы қаласы, Қазақстан

Gmail: bagisbekovadiana4@gmail.com

Ғылыми жетекші: Кылышбаева Б.Н.

Аннотация

Бұл зерттеуде Қазақстандағы балалардың спорт түрін таңдауына отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайының әсері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – отбасының қаржылық мүмкіндіктері, спорт секцияларының қолжетімділігі және ата-аналардың көзқарасы мен балалардың спорттық таңдауына ықпалын анықтау. Зерттеуде екіншілік әлеуметтік зерттеу әдісі қолданылып, бұрын жүргізілген ғылыми еңбектердің эмпирикалық деректері мен нәтижелеріне талдау жасалады. Зерттеу нәтижелері балалардың спортпен айналысу мүмкіндіктеріндегі әлеуметтік айырмашылықтарды түсінуге және спорттың қолжетімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстар әзірлеуге негіз болады.

КІРІСПЕ:

Менің зерттеуімнің өзектілігі, қазіргі уақытта балалардың спортпен айналысуы олардың денсаулығын нығайту, физикалық дамуын жақсарту және әлеуметтік дағдыларын қалыптастыру үшін маңызды. Алайда баланың қандай спорт түрін таңдайтынына оның жеке қызығушылығымен қатар, отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы да әсер етуі мүмкін. Атап айтқанда, ата-аналардың қаржылық мүмкіндіктері, спорт секцияларының бағасы, қажетті құрал-жабдықтардың құны және жаттығу орнының қолжетімділігі баланың спорттық таңдауына ықпал етеді.

Қазақстанда бокс, еркін күрес сияқты спорт түрлеріне балалардың қатысуына секциялардың қолжетімділігі мен жаттықтырушылардың тәжірибесі әсер етуі мүмкін. Сонымен бірге кейбір отбасылар үшін спортпен айналысуға байланысты қосымша шығындар белгілі бір спорт түрін таңдауға шектеу қоюы ықтимал. Осыған байланысты отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы мен балалардың спорт түрін таңдауы арасындағы байланысты зерттеу маңызды.

Зерттеудің өзектілігі — ата-аналардың спорт түрін таңдау кезінде қандай факторларға басымдық беретінін анықтау және отбасының қаржылық мүмкіндіктері балалардың спортпен айналысу мүмкіндігіне қаншалықты әсер ететінін түсіну. Зерттеу нәтижелері балалар спортының қолжетімділігін арттыруға және әртүрлі әлеуметтік топтағы балаларға тең мүмкіндіктер жасауға бағытталған ұсыныстар әзірлеуге негіз бола алады.

Зерттеуімнің мақсаты Қазақстандағы балалардың спорт түрін таңдауына отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайының әсерін анықтау, ата-аналардың спорт секциясын таңдау кезіндегі шешім қабылдау факторларын зерттеу және қаржылық мүмкіндіктердің балалардың спортпен айналысуына ықпалын талдау.

Осы мақсатқа орай міндеттер келесідей:

1. Қазақстандағы балалардың спорт түрін таңдауына әсер ететін әлеуметтік-экономикалық факторларды анықтау.
2. Ата-аналардың қаржылық мүмкіндіктері мен спорт секциясын таңдау себептері арасындағы байланысты зерттеу.
3. Отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайының балалардың спортпен айналысу мүмкіндіктеріне әсерін талдау.

Зерттеу объектісі Қазақстандағы балалардың спортпен айналысуы және спорт түрін таңдау үдерісі.

Зерттеу пәнң отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайының балалардың спорт түрін таңдауына әсері, соның ішінде отбасының табыс деңгейі, қаржылық мүмкіндіктері және спорт секцияларының қолжетімділігі.

Зерттеу нәтижесіне гипотезалар отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы балалардың спорт түрін таңдауына елеулі ықпал етеді деп болжанады. Атап айтқанда, отбасының табыс деңгейі, ата-аналардың жұмыспен қамтылуы және қаржылық мүмкіндіктері баланың қандай спорт түрімен айналысатынын анықтауда маңызды рөл атқаруы мүмкін. Қаржылық мүмкіндігі шектеулі отбасылар спорт секциясының бағасына, спорттық киімдер мен құрал-жабдықтардың құнына және қосымша шығындарға көбірек назар аударып, қолжетімді немесе тегін секцияларды таңдауға бейім болуы ықтимал.

Сонымен қатар, зерттеу барысында спорт түрін таңдауға тек қаржылық жағдай ғана емес, баланың жеке қызығушылығы, ата-ананың қалауы, жаттықтырушының біліктілігі, спорт секциясының орналасқан жері және болашақта кәсіби спортпен айналысу мүмкіндігі де әсер етеді деп күтіледі. Отбасылық бюджетке түсетін шығындар кейбір балалардың өздері қалаған спорт түрімен айналысуына кедергі келтіруі мүмкін. Ал тегін немесе бағасы қолжетімді спорт секциялары балалардың спортпен айналысу мүмкіндігін кеңейтуге ықпал етеді деп болжанады.

Бұған қоса, отбасының тұрғылықты жері де маңызды фактор болуы мүмкін. Қала мен ауылдағы спорт инфрақұрылымының айырмашылығы, спорт секцияларының саны мен қолжетімділігі ата-аналардың таңдауына әсер етуі ықтимал. Зерттеу нәтижесінде қаржылық мүмкіндіктері әртүрлі отбасылардың спорт түрін таңдау себептерінде айырмашылықтар анықталады деп болжанады. Осылайша, зерттеу балалардың спорттық таңдауына

экономикалық, әлеуметтік және инфрақұрылымдық факторлардың өзара ықпалын анықтауға бағытталады.

ТЕОРИЯЛЫҚ БӨЛІМ:

Қазақстандағы балалардың спорт түрін таңдауына отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайының әсерін зерттеудің теориялық негізі әлеуметтік теңсіздік, отбасының ресурстары, спорттың қолжетімділігі, әлеуметтік үйрену және әлеуметтену тұжырымдамаларына сүйенеді. Бұл ғылыми бағыттар баланың спорт түрін таңдауын тек жеке қызығушылықпен түсіндірмей, оны отбасы мен әлеуметтік ортаның ықпалымен байланысты қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеудің негізгі теориялық тұғырларының бірі — әлеуметтік теңсіздік тұжырымдамасы. Оның аясында адамдардың экономикалық және әлеуметтік ресурстарының әртүрлі болуы олардың мүмкіндіктеріне әсер ететіні қарастырылады. Балалар спорты жағдайында бұл айырмашылықтар отбасының табыс деңгейінен, спорт секциясының ақысынан, арнайы киім мен жабдықтарды сатып алу мүмкіндігінен, жарыстарға қатысу және жаттығу орнына жету шығындарынан көрінуі мүмкін. Осы тұрғыдан алғанда, балалардың спортпен айналысу мүмкіндіктері отбасының қаржылық жағдайына және тұрғылықты жеріндегі спорт инфрақұрылымына байланысты өзгеруі ықтимал.

Екінші маңызды бағыт — отбасының әлеуметтік-экономикалық ресурстарының бала мүмкіндіктеріне ықпалы. Отбасы баланың спорттық тәжірибесін қалыптастыратын негізгі әлеуметтік орталардың бірі болып табылады. Ата-аналар спорт секциясын таңдау кезінде оның құнын, орналасқан жерін, жаттықтырушының біліктілігін, жаттығу кестесін және баланың қызығушылығын ескеруі мүмкін. Сонымен қатар ата-аналардың өздерінің спортқа деген көзқарасы, спорттық тәжірибесі мен баланың бос уақытын ұйымдастыруға қатысуы да шешім қабылдау үдерісінде маңызды рөл атқаруы ықтимал. Сондықтан спорт түрін таңдау баланың жеке қалауы мен отбасының нақты мүмкіндіктерінің өзара әрекеттесуі ретінде қарастырылады.

Үшінші теориялық бағыт — әлеуметтік үйрену тұжырымдамасы. Бұл бағыт адамның мінез-құлқы мен қызығушылықтарының қоршаған ортаны бақылау, басқа адамдардың әрекетін үлгі ету және әлеуметтік тәжірибе арқылы қалыптасуын түсіндіреді. Баланың спортқа қызығушылығы ата-анасының, аға-әпкелерінің, достарының, жаттықтырушыларының немесе өзі үлгі тұтатын спортшылардың ықпалымен қалыптасуы мүмкін. Демек, спорт түрін таңдау барысында қаржылық мүмкіндіктермен қатар баланың әлеуметтік ортасы мен спортқа қатысты қалыптасқан көзқарастары да зерттелуі қажет.

Осы теориялық бағыттар Қазақстандағы балалар спортына қатысты зерттеулерде көтерілген әлеуметтік теңсіздік, дене белсенділігі, спорттық мотивация және спортқа қолжетімділік мәселелерімен сабақтасады. Атап айтқанда, Қазақстандағы балалар мен жасөспірімдердің дене белсенділігіндегі теңсіздікті зерттеу, жастар спортының қолжетімділігін талдау және жасөспірімдердің спортпен айналысу мотивациясын қарастыру отбасының жағдайы мен әлеуметтік ортаның ықпалын зерттеу үшін маңызды ғылыми негіз қалыптастырады.

Қорытындылай келе, осы зерттеудің теориялық негізі баланың спорт түрін таңдауын жеке қызығушылықпен ғана шектемей, отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы, ата-ананың көзқарасы, әлеуметтік ортаның ықпалы және спорт секцияларының қолжетімділігі арасындағы байланыс арқылы түсіндіруге бағытталған. Бұл тәсіл зерттеу барысында отбасының табыс деңгейі, спортқа жұмсалатын шығындар, ата-ананың шешім қабылдаудағы рөлі, баланың қалауы және спорт инфрақұрылымының қолжетімділігі сияқты көрсеткіштерді өзара байланысты талдауға мүмкіндік береді.

Зерттеулердің эмпирикалық бөлігі

Зерттеу барысында екіншілік әлеуметтік зерттеу әдісі қолданылады. Яғни бұрын жүргізілген ғылыми зерттеулердің эмпирикалық деректері мен нәтижелері қайта талданып, зерттеу тақырыбы тұрғысынан салыстырылады.

Қазақстандағы балалар мен жастардың спортпен айналысуына қатысты ғылыми еңбектердің нәтижелері отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы спорттық белсенділікпен байланысты болуы мүмкін екенін көрсетеді. Ng және әріптестерінің (2024) зерттеуінде 2018 жылғы HBSC және 2020 жылғы COSI зерттеулерінің деректері қайта

талданып, барлығы 12 965 бала мен жасөспірімнің мәліметтері қарастырылған. Нәтижелер дене белсенділігінің жынысқа, отбасы құрамына, ата-аналардың жұмыспен қамтылуына және тұрғылықты жерге байланысты айырмашылықтарын көрсетеді. Мысалы, 7–9 жастағы балалар арасында ата-аналардың жұмыспен қамтылуы дене белсенділігімен оң байланысты болған, ал жасөспірімдер арасында екі ата-анамен бірге тұру да оң байланыс көрсеткен. Дегенмен, бұл нәтижелер нақты спорт түрін таңдауды емес, жалпы дене белсенділігін сипаттайды (Ng et al., 2024, «Results», Table 3–4 бөлімдері).

Қазақстандағы спорттың қолжетімділігіне арналған Налшыбек пен Алқожаның (2025) зерттеуінде жастардың спортпен айналысу динамикасы 2021–2023 жылдардағы бұрын жүргізілген әлеуметтанулық зерттеулердің деректері негізінде салыстырылған. Авторлар статистикалық деректерді, нормативтік құжаттарды және ғылыми әдебиеттерді талдау тәсілдерін пайдаланған. Нәтижелер спортпен айналысу мүмкіндіктерінің спорт нысандарының орналасуына, қаржылық қолдауға және инфрақұрылымға байланысты екенін көрсетеді. Мақалада 2023 жылы жастардың 36,1%-ы спорт кешендеріне, 25,5%-ы фитнес-клубтарға барғаны, 24%-ы үйде спортпен айналысқаны, ал 16,9%-ы спортпен айналыспағаны көрсетілген. Авторлар спортқа қатысудағы негізгі кедергілердің қатарына фитнес-клубтардың жоғары құнын, шалғай аудандардағы спорт нысандарының жетіспеушілігін және білікті жаттықтырушылардың аздығын жатқызады (Налшыбек және Алқожа, 2025, 113–117-бб.).

Тлеуова, Аширова, Утеева және Саликжановтың (2025) зерттеуінде Астана қаласындағы 13–17 жастағы 300 оқушының сауалнама нәтижелері талданған. Зерттеу барысында мақсатты іріктеу, сауалнама, сипаттамалық статистика және гендерлік салыстырмалы талдау қолданылған. Нәтижелер бойынша респонденттердің 89%-ы спортпен айналысуға ата-аналары ықпал еткенін көрсеткен. Сонымен қатар спортқа қатысуға кедергі келтіретін факторлар анықталған: 35,4% сабақтан кейінгі шаршауды, 30,1% жалқаулықты, 24,5% бос уақыттың аздығын, 11,5% спорт нысандарының алыстығын, 10,1% жаттығу кестесінің қолайсыздығын, ал 8,1% секция ақысының қымбаттығын атаған. Бұл нәтижелер баланың спортқа қатысуына отбасының ықпалымен қатар уақыт пен инфрақұрылымның да әсер ететінін көрсетеді (Тлеуова және әріптестері, 2025, 39–43-бб.).

Тлеуова және әріптестерінің (2025) жастар спортының әлеуметтенудегі рөліне арналған зерттеуінде 14–17 жастағы спортпен жүйелі айналысатын 150 жасөспірім арасында онлайн-сауалнама жүргізілген. Зерттеу нәтижелері жасөспірімдердің спортты денсаулықты нығайту, тәртіп қалыптастыру және жеке қабілеттерін дамыту құралы ретінде қабылдайтынын көрсетеді. Сонымен бірге қатысушылардың 11%-ы спорт секцияларының жоғары құнын спортпен айналысуға кедергі деп көрсеткен. Авторлар оқу жүктемесін, жарақат алу қаупін және спорт инфрақұрылымының жеткіліксіздігін де маңызды мәселелер ретінде қарастырған. Бұл зерттеу спортты таңдауда материалдық жағдаймен қатар әлеуметтік және ұйымдастырушылық факторларды да ескеру керектігін көрсетеді (Тлеуова және әріптестері, 2025, 135–139-бб.).

Налшыбек, Алқожа және Саликжановтың (2026) зерттеуінде 18–25 жастағы жастардың спортқа қатысты құндылықтары мен нақты дене белсенділігі арақатынасы қарастырылған. Авторлар 2023 жылғы Жастар зерттеу орталығының деректеріне екіншілік талдау жасап, Алматы мен Астана қалаларындағы 15 адаммен тереңдетілген сұхбат жүргізген. Нәтижелер респонденттердің 76,7%-ы спортты маңызды өмірлік құндылық деп бағалағанымен, тек 33,3%-ы тұрақты түрде жаттығатынын көрсеткен. Сапалық талдау уақыт тапшылығы, спорт қызметтерінің экономикалық қолжетімсіздігі және цифрлық енжарлық сияқты кедергілерді анықтаған. Авторлар бұл айырмашылықты адамның спортқа қатысты ниеті мен нақты әрекеті арасындағы алшақтықпен түсіндіреді (Налшыбек және әріптестері, 2026, 126–127-бб.).

Жалпы алғанда, қарастырылған зерттеулердің нәтижелері спортпен айналысуға отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы, ата-аналардың қолдауы, спорт секцияларының

бағасы, инфрақұрылым және баланың жеке мотивациясы сияқты факторлардың қатысы бар екенін көрсетеді. Алайда зерттеулердің басым бөлігі спортпен жалпы айналысуға немесе дене белсенділігіне бағытталған. Сондықтан олардың нәтижелерін балалардың нақты спорт түрін таңдауына тікелей дәлел ретінде қабылдауға болмайды. Екіншілік әлеуметтік зерттеу барысында осы айырмашылық ескеріліп, бұрынғы еңбектердің нәтижелері отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы мен балалардың спорттық таңдауына ықтимал әсерін түсіндіру тұрғысынан салыстырылады.

Қорытынды

Қорытындылай келе, Қазақстандағы балалардың спорт түрін таңдауына отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы ықпал етуі мүмкін. Бұрын жүргізілген зерттеулерді екіншілік талдау отбасының қаржылық мүмкіндіктері, спорт секцияларының қолжетімділігі, ата-аналардың көзқарасы және баланың жеке қызығушылығы сияқты факторларды өзара байланысты қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеулердің нәтижелерін салыстыру арқылы балалардың спортпен айналысуына кедергі келтіретін жағдайларды анықтап, спорт түрін таңдау үдерісіндегі әлеуметтік айырмашылықтарды түсіндіруге болады. Бұл зерттеу Қазақстанда балалар спортының қолжетімділігін арттыруға және әртүрлі әлеуметтік-экономикалық жағдайдағы балалардың спортпен айналысу мүмкіндіктерін кеңейтуге қатысты ұсыныстар әзірлеуге негіз бола алады.

Сонымен қатар, зерттеу барысында спорт түрін таңдау тек отбасының табыс деңгейіне ғана емес, спорт секциясының орналасқан жеріне, жаттығу ақысына, қажетті спорттық жабдықтардың құнына және ата-аналардың бос уақытына да байланысты болуы мүмкін екеніне назар аударылады. Мысалы, отбасының қаржылық мүмкіндігі шектеулі болған жағдайда, ата-аналар баланың қызығушылығына қарамастан, қолжетімді немесе тегін спорт секциясын таңдауы ықтимал.

Екіншілік әлеуметтік зерттеу әдісін қолдану бұрын жүргізілген зерттеулердің нәтижелерін салыстыруға, ортақ заңдылықтарды анықтауға және әртүрлі зерттеулерде байқалған ерекшеліктерді талдауға мүмкіндік береді. Дегенмен, зерттеулердің жас ерекшеліктері, іріктемелері мен қолданылған әдістері әртүрлі болғандықтан, олардың нәтижелерін тікелей салыстыру кезінде осы айырмашылықтарды ескеру қажет.

Зерттеудің практикалық маңыздылығы — алынған қорытындыларды балалар спортының қолжетімділігін арттыруға бағытталған ұсыныстар әзірлеуде пайдалануға болатындығында. Атап айтқанда, әлеуметтік жағдайы төмен отбасыларға арналған жеңілдіктерді кеңейту, тегін спорт секцияларының санын арттыру, спорт инфрақұрылымын дамыту және ата-аналарға спорттық мүмкіндіктер туралы ақпарат беру маңызды бағыттар болуы мүмкін.

Осылайша, зерттеу балалардың спорт түрін таңдауын жеке шешім ретінде ғана емес, отбасының ресурстары мен әлеуметтік ортаның ықпалымен қалыптасатын әлеуметтік үдеріс ретінде қарастырады. Алайда отбасының әлеуметтік-экономикалық жағдайы мен спорт түрін таңдау арасындағы нақты байланысты анықтау үшін бұрынғы зерттеулердің эмпирикалық нәтижелерін жүйелі түрде салыстырып, қолда бар деректермен негіздеу қажет.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Ng, K., Adayeva, A., Abdrakhmanova, S., Whiting, S., Williams, J., Slazhnyova, T., & Kaussova, G. *Patterns and trajectories of inequality in physical activity from childhood to adolescence in Kazakhstan.* Preventive Medicine Reports, 42, 102729. https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2024.102729

2. Nalshybek, A. B., & Alkozha, R. A. *The Problem of Accessibility of Sport Among Youth in Kazakhstan.* Gumilyov Journal of Sociology, 150(1), 109–122. https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-150-1-109-122

3. Тлеуова, Н., Аширова, Ж., Утеева, К., & Саликжанов, Р. (2025). *Факторы мотивации, влияющие на занятия спортом среди подростков: социологический анализ.* Вестник КазНПУ

имени Абая. Серия: Социологические и политические науки, 92(4), 33–48. https://doi.org/10.51889/2959-6270.2025.92.4.001

4. Tleuova, N. Zh., Montayev, A. B., Salikzhanov, R. S., & Alipbekova, G. B. (2025). *Youth Sports as an Agent of Socialization in a Modern Kazakhstan Society.* Gumilyov Journal of Sociology, 152(3), 130–144. https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-152-3-130-144

5. Nalshybek, A. B., Alkozha, R. A., & Salikzhanov, R. S. (2026). *The Place of Sport in the Value Dimension of Youth.* Gumilyov Journal of Sociology, 154(1), 119–132. https://doi.org/10.32523/3080-1702-2026-154-1-119-132

СТУДЕНТТЕРДІҢ ОҚУ ПРОКРАСТИНАЦИЯСЫН ЕҢСЕРУДЕГІ ТҰЛҒАЛЫҚ ЖАУАПКЕРШІЛІКТІҢ РӨЛІ

Бакирова А.Е.
7М03104 – Психология білім беру бағдарламасының 2-курс магистранты,
Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университеті,
Қарағанды қаласы, Қазақстан
e-mail: azharbakirova4@gmail.com
Ғылыми жетекші: Сланбекова Г.К., философия докторы (PhD), профессор

Аңдатпа. Студент оқу тапсырмасының маңызын және оны уақытында орындамаудың ықтимал салдарын түсінгенімен, жұмысты бастауға асықпауы мүмкін. Оқу прокрастинациясының психологиялық қайшылығы танымдық ниет пен нақты әрекеттің сәйкес келмеуінен көрінеді. Мақалада аталған құбылыс тұлғалық жауапкершілікпен өзара байланыста қарастырылды.

Теориялық талдауға 2003–2025 жылдары жарияланған 16 ғылыми еңбек енгізіліп, метаталдаулар мен студенттер қатысқан эмпирикалық зерттеулерге басымдық берілді. Зерттеулерді салыстыру тұлғалық жауапкершіліктің бір ғана қасиетпен шектелмейтін күрделі психологиялық құрылым екенін көрсетті. Оның мазмұны оқу міндетін саналы қабылдауды, әрекетті жоспарлауды, жұмысты уақтылы бастауды, эмоциялық күйді реттеуді және орындалу барысын бақылауды қамтиды. Саналылық пен академиялық өзіндік тиімділіктің жоғары деңгейі прокрастинацияның төмен көрсеткіштерімен байланысты. Алайда жауапкершілікті өзін кінәлау немесе моральдық айыптау ретінде түсіндіру дұрыс емес. Ұят пен шамадан тыс өзіндік сын тапсырмадан қашуды күшейтіп, кейінге қалдыру циклін жалғастыруы ықтимал. Прокрастинацияны азайту үшін көлемді тапсырманы шағын кезеңдерге бөлу, жұмыстың басталу уақытын нақты белгілеу, аралық нәтижелерді бақылау және туындаған кедергілерді тіркеу қажет. Сонымен қатар оқу ортасының ұйымдастырылуы да ескерілуі тиіс. Аралық бақылаусыз белгіленген ұзақ мерзім мен бағалау талаптарының көмескілігі студенттің жұмысты кейінге қалдыру қаупін арттырады.

Түйін сөздер: оқу прокрастинациясы, тұлғалық жауапкершілік, студент, өзін-өзі реттеу, саналылық, академиялық өзіндік тиімділік, уақытты басқару.

Кіріспе

Студентке «ертең бастаймын» деу оңай. Ертең нақты сағатқа, орынға және бірінші қадамға айналмаса, жоспар орындалмайды. Мәселе ниеттің жоқтығында емес. Көп жағдайда ниет бар, ал әрекет басталмайды. Мысалы, 10 бет мақала жазу керек студент алдымен дереккөз іздейді, кейін тақырыпты өзгертеді, соңында әлеуметтік желіге ауысады. Күн бос өтпегендей сезіледі. Негізгі тапсырма орнында қалады.

П. Стил прокрастинацияны жағымсыз салдары күтілсе де жоспарланған әрекетті ерікті түрде кешіктіру деп сипаттайды [1, 65–94]. Әр кешігу прокрастинация емес. Ауырып қалу, тапсырма шартының өзгеруі немесе басқа шұғыл міндет - объективті себеп. Прокрастинацияда

мүмкіндік сақталады. Студент жұмыстың қажет екенін түсінеді, бірақ қысқа жеңілдікті кейінгі нәтижеден жоғары қояды. К. Клингсик осы айырманы «қажетсіз кідіріс» ұғымымен нақтылайды [2, 24–34].

Жалқаулық деген түсінік мұнда көмектеспейді. Ол механизмді ашпайды. Кейінге қалдыруға тапсырманың жағымсыздығы, қателесуден қорқу, телефон хабарламасы, белгісіз бағалау өлшемі және тым алыс дедлайн қатар әсер етуі мүмкін. Ф. Сируа мен Т. Пичил прокрастинацияны қысқа мерзімді көңіл күйді қорғау тәсілі ретінде түсіндіреді [3, 115–127]. Тапсырманы жапқан сәтте мазасыздық азаяды. Бірнеше күннен кейін сол шешім уақыт тапшылығына айналады.

Зерттеу сұрағы нақты қойылды: тұлғалық жауапкершілік студентті ниеттен әрекетке қалай өткізеді? Мақсат - осы тетікті ашу. Талдау үш мәселені қамтиды: жауапкершіліктің психологиялық құрамы, оның прокрастинациямен байланысы және университет жағдайында қолданылатын ықпалдар.

Материалдар мен әдістер

Талдауға 2003–2025 жылдары жарияланған 16 еңбек алынды. Іздеу Google Scholar, PubMed, ScienceDirect, SpringerLink және Frontiers платформаларында жүргізілді. Негізгі сөздер: academic procrastination, personal responsibility, conscientiousness, self-regulation, academic self-efficacy және intervention. Метаталдауларға, жүйелі шолуларға және студенттер қатысқан зерттеулерге басымдық берілді. Дереккөздер бес өлшем бойынша салыстырылды: анықтама, тұлғалық фактор, эмоциялық тетік, академиялық салдар және ықпал ету тәсілі. Іріктеу толық жүйелі шолу талабын орындамайды. Сондықтан қорытындылар ықтимал байланыстарды түсіндіреді, бірақ барлық зерттеуді қамтиды деп саналмайды.

Оқу прокрастинациясының психологиялық табиғаты

Прокрастинация ниет пен әрекеттің арасынан байқалады. Студент емтиханға дайындалуды жоспарлайды. Кітапты ашады да, бес минуттан кейін басқа іске көшеді. Себеп кейде шаршау емес, тапсырманың көмескілігі. У. ван Ээрде 121 зерттеуді біріктіріп, прокрастинацияның саналылықпен және өзіндік тиімділікпен теріс байланысын тапты [4, 1401–1418]. Ең күшті оң байланыстардың бірі өзін-өзі кедергілейтін мінез-құлықпен тіркелген. Демек уақыт кестесі мәселенің бір бөлігін ғана шешеді.

Кейінге қалдыру алғашқы сағатта тиімді көрінуі мүмкін. Мазасыздық басылады. Д. Тайс пен Р. Баумейстердің бойлық зерттеуінде прокрастинаторлар семестр басында аз стресс сезінген [5, 454–458]. Артықшылық ұзаққа созылмаған. Семестр соңында стресс пен денсаулық шағымдары артқан, оқу нәтижесі төмендеген. «Қысым кезінде жақсы жұмыс істеймін» деген сенім осы кеш құнды елемейді.

Бағаға әсері барлық зерттеуде бірдей емес. Өлшеу әдісі нәтиженің күшін өзгертеді. К. Ким мен Е. Со жүргізген метаталдау прокрастинация мен академиялық нәтиже арасында жалпы теріс байланыс барын көрсетті [6, 26–33]. Нақты тапсыру уақыты өзіндік есептен сенімдірек белгі береді. Студент «көп кешіктірмедім» деуі мүмкін. Электрондық жүйе файлдың 23:57-де жіберілгенін тіркейді.

Тұлғалық жауапкершіліктің мазмұны

Тұлғалық жауапкершілік «тәртіпті адам» деген жалпы бағаға сыймайды. Мұнда бес әрекет маңызды: міндетті қабылдау, салдарды түсіну, қадамды таңдау, жұмысты бастау және нәтижені тексеру. Жауапкершіліктің диспозициялық жағына саналылық пен табандылық кіреді. Реттеуші жағы жоспар мен өзіндік бақылаудан көрінеді. Эмоциялық жағы да бар. Студент жайсыздық туған сәтте қашпай, жұмыста қалуы керек.

Мысал қарапайым. Студент жұмаға дейін 2000 сөздік эссе тапсырады. Міндетті түсіну жеткіліксіз. Дүйсенбіде бес дереккөз таңдалмаса, сейсенбіде жоспар жасалмаса және сәрсенбіде алғашқы 500 сөз жазылмаса, жауапкершілік ниет күйінде қалады. Үш деңгей керек: тапсырманың мағынасын түсіну, әрекетті ұйымдастыру және белгіленген уақытта орындау. Бір буын үзілсе, дедлайн соңғы түнге ығысады.

П. Волтерс метатанымдық стратегия, күш-жігерді реттеу және мақсаттық бағдарды прокрастинациямен бірге қарастырды [7, 179–187]. Р. Классен және әріптестері өзін-өзі реттеуге сенімі төмен студенттерде прокрастинация жоғары болғанын анықтады [8, 915–931].

Мұнда маңызды шек бар. Қатаң талап қабілетке сенімді өздігінен көтермейді. Ал 20 минутта аяқталған шағын бөлім студентке нақты дәлел береді: жұмыс басталды және оны жалғастыруға болады.

Жауапкершілік пен өзін кінәлаудың айырмашылығы

«Уақытымды дұрыс бөлмедім» және «мен жауапсыз адаммын» деген екі сөйлем бірдей емес. Біріншісі өзгеретін әрекетті атайды. Екіншісі тұлғаны тұтас айыптайды. С. Рахими, Н. Холл және Т. Пичилдің 240 студент қатысқан зерттеуінде прокрастинация сыртқы себептен болған кідіріске қарағанда көбірек кінә мен моральдық жауапкершілікке лайық деп бағаланған [9, 1–12]. Баға әсіресе нәтиже сәтсіз болғанда қатаяды. Мұндай реакция түсінікті, бірақ қауіпті. Ұят өскен сайын студент тапсырмадан тағы қашуы мүмкін.

Конструктивті жауапкершілік төрт сұрақтан басталады. Не орындалмады? Қай бөлігі студенттің бақылауында? Келесі қадам қандай? Тексеру уақыты қашан? Мысалы, «мақала жазылмады» деген кең жауаптың орнына «үш дереккөз таңдалмады, олар бүгін 19:00-де іріктеледі» деп жазылады. Мұнда моральдық үкім жоқ. Бірақ жауаптан жалтару да жоқ.

Тұлғалық жауапкершіліктің прокрастинацияны азайту тетіктері

Алғашқы тетік - мақсатты иелену. Тапсырма тек оқытушының талабы ретінде қабылданса, ішкі қарсылық күшейеді. Студент оның нақты нәтижесін көруі керек: бес мақала салыстыру, бір ұғымды ажырату немесе 300 сөздік бөлім дайындау. Келесі тетік - бастау уақытын белгілеу. «Кешке жазамын» әлсіз жоспар. «Сағат 18:00-де кітапханада 25 минут кіріспе жазамын» әрекетке жақын. Үшінші тетік - қысқа кері байланыс. Жоспар мен нақты орындалу күн сайын салыстырылады.

Бір студент ұзақ шешім қабылдайды. Екіншісі тез бастайды, бірақ он минуттан соң тоқтайды. Екеуіне бір кеңес жарамайды. Р. Валенсуэла және әріптестері 994 студентті зерттеп, өзін-өзі реттеудің төрт профилін ажыратты [10, 1–18]. Шешім қабылдау әлсіздігі шешімдік кешігумен байланысты болды. Табандылықтың төмендігі әрекеттік кешігуді күшейтті. Бірінші жағдайда басымдықты таңдау қажет. Екінші жағдайда жұмыс интервалы мен алаңдатқышты шектеу маңызды.

Жауапкершілік кейде басқа адамға есеп беруден күшейеді. Аралық мәтінді бейсенбіде жетекшіге жіберу туралы келісім ниетті нақты мерзімге байлайды. Дегенмен толық бақылау кері әсер беруі мүмкін. Студент тек тексеріс үшін жұмыс істесе, ішкі реттеу дамымайды. Толық еркіндік те қауіпсіз емес. Өзін басқару дағдысы әлсіз бірінші курс студентіне бір айлық жалғыз дедлайн тым кең кеңістік береді.

1-сурет. Тұлғалық жауапкершіліктің оқу әрекетіне айналу тетігі

Сурет бес буынды көрсетеді. Міндет қабылданады. Жоспар жасалады. Әрекет басталады. Ілгерілеу тексеріледі. Нәтиже бағаланады. Тізбектің бір жері үзілсе, кешігу қаупі өседі. Мақсат анық болғанымен бастау уақыты жоқ болса, ниет қағазда қалады. Мониторинг болмаса, үш күндік ауытқу соңғы кеште ғана байқалады.

Нәтижелерді практикаға көшіру

1-кесте. Прокрастинация тетігі, тәуекел және нақты әрекет

Тәуекел	Психологиялық көрініс	Жауапкершілік тетігі	Нақты әрекет
Тапсырма жағымсыз көрінеді	Мазасыздықты азайту үшін жұмысты ашпау	Жайсыздықты мойындау. 10–15 минуттық қадам белгілеу	Құжатты ашу. Үш тезис жазу
Мақсат көмескі	Неден бастау керегін шеше алмау	Нәтижені әрекет пен аралық мерзімге бөлу	5 дереккөз → жоспар → 300 сөз
Өзіндік тиімділік төмен	Қателесуден қорқу. Тапсырманы шамадан тыс күрделі бағалау	Шағын аяқталған нәтиже арқылы сенімді күшейту	Бір бөлімді аяқтау. Кері байланыс алу
Цифрлық алаңдау	Жедел сыйақыны ұзақ мақсаттан жоғары қою	Ортаны алдын ала дайындау. Таңдауды азайту	Телефонды алыстату. Сайтты 25 минутқа шектеу
Перфекционистік талап	Алғашқы нұсқаны бірден мінсіз жасауға тырысу	Жазу мен редакциялауды екі кезеңге бөлу	Толық емес жоба. Кейін екі редакция
Мониторинг жоқ	Уақыт жоғалғанын соңғы күні байқау	Жоспар мен нақты орындалуды күн сайын салыстыру	Күн соңында екі жолдық есеп жазу

Кестедегі тәсілдер жауапкершілікті мінез-құлық деңгейіне түсіреді. «Уақытты дұрыс басқар» деген кеңес өлшенбейді. «Сағат 17:00-де телефонды басқа бөлмеге қойып, 25 минут жоспар жаз» деген әрекет тексеріледі. Бірақ жоспарлау барлық мәселені шешпейді. Тапсырма қатты қорқыныш туғызса, күнтізбедегі уақыт бос күйінде қалуы мүмкін. Сол себепті орта, эмоция және өзіндік тиімділік бірге қаралады.

Прокрастинацияны еңсерудің көпдеңгейлі моделі

Жеке деңгейде ең аз орындалатын нәтиже белгіленеді. Мысалы, толық бөлім емес, 150 сөздік алғашқы нұсқа. Одан кейін «егер–онда» жоспары жазылады: «Егер дүйсенбі күні сағат 18:00 болса, кітапханада 25 минут теориялық бөліммен жұмыс істеймін». Сессия соңында екі жол жеткілікті: не орындалды және келесі қадам қандай. Жоспар бұзылса, тұлға емес, кедергі талданады. Интернет ашық қалды ма? Міндет тым үлкен болды ма? Бастау уақыты шынайы белгіленді ме?

Оқу ортасы да кейінге қалдыруды өзгерте алады. Б. Вэшле және әріптестері онлайн оқу күнделігі арқылы өзін-өзі реттеу мен прокрастинацияның өзара циклін зерттеді [11, 103–114]. Х. де ла Фуэнте және әріптестері студенттің өзіндік реттеуімен қатар оқытудың реттеуші сипатын өлшеді [12, 1–16]. Нақты критерий, екі аралық мерзім және қысқа кері байланыс жұмысты ерте бастауға жағдай жасайды. Көмескі тапсырма мен бір ғана соңғы дедлайн керісінше әсер етуі ықтимал.

Кейде жоспар емес, психологиялық көмек керек. Кейінге қалдыру бірнеше апта бойы төмен көңіл күймен, ұйқының бұзылуымен, айқын мазасыздықпен немесе назарды ұстай алмаумен қатар жүруі мүмкін. Мұндай студентті жауапсыз деп атау мәселені тереңдетеді. Көмек сұрау жауапкершіліктен қашу емес. Ол бақылауға келетін шешімнің бірі.

Интервенциялар туралы зерттеулер нені көрсетеді

Прокрастинацияға қарсы бағдарламалар бірдей емес. М. Салгеро-Пасос пен С. Рейес-де-Косар 2013–2023 жылдардағы интервенцияларды талдап, 72 модельді психологиялық, педагогикалық және тұлғалық өлшемдерге бөлді [13, 102228]. Зерттеулердің көбі университет студенттеріне арналған. Бірақ теорияда аталған факторлар практикада әрдайым толық қамтылмаған. М. Тернер мен Ф. Ходис те ықпалдың нақты нысанын атауды ұсынады: эмоция ма, импульсивтілік пе, мерзім құрылымы ма, әлде өзін-өзі реттеу дағдысы ма [14, 118]. Нысан

белгісіз болса, нәтиженің неге өзгергенін түсіндіру қиын.

Дж. Малуфф пен Н. Шутте рандомизацияланған зерттеулерді біріктіріп, психологиялық интервенциялар прокрастинацияны азайта алатынын көрсетті [15, 117–127]. Дәлел базасы әлі шағын. Сондықтан бір әдісті әмбебап шешім деп ұсынуға ерте. Ш. Закс пен М. Хен ситуациялық кедергілерді өзін-өзі реттеу тапшылығымен бірге қарауды ұсынады [16, 117–130]. Ең қисынды модель үш бөліктен тұрады: студенттің қабылдаған міндеті, үйретілетін дағды және әрекетке қолайлы орта.

Практикалық ұсыныстар

Студентке арналған нақты қадамдар:

• «Мақала жазу» деп емес, «бес дереккөз таңдау», «жоспар құру», «300 сөз жазу» деп белгілеу.

• Соңғы дедлайннан кері есептеу. Кемінде екі аралық мерзім қою және бір нәтижені жетекшіге көрсету.

• Жұмыстың уақытын және орнын бекіту. Бірінші сессияны 10–15 минуттан бастау.

• Әр сессиядан кейін орындалған көлем мен келесі қадамды бір сөйлеммен тіркеу.

• Телефонды басқа бөлмеге қою. Қажетсіз сайттарды 25 минутқа бұғаттау.

• Жоспар бұзылса, өзін айыптамау. Кедергіні атап, келесі жағдайды өзгерту.

Оқытушы мен ғылыми жетекшіге арналған қадамдар:

• 10–15 беттік жұмысты жоспар, дереккөздер, алғашқы нұсқа және соңғы мәтін кезеңдеріне бөлу.

• Соңғы бағаны күтпей, алғашқы нұсқаға қысқа кері байланыс беру.

• «Жауапсыз студент» деген таңбадан бас тарту. Кедергіні, эмоцияны және қолданылған стратегияны бөлек талдау.

• Таңдау мүмкіндігін сақтау. Бірақ мерзім, көлем және есеп беру формасын көмескі қалдырмау.

Талқылау

Жауапкершілік прокрастинацияға қарсы дайын дәрі емес. Оның әсері аралық тетіктерге тәуелді. Студент мақсатты қабылдауы мүмкін, бірақ әрекетті бастауға қорқуы ықтимал. Жоспар жасалуы мүмкін, бірақ телефон әр бес минут сайын назарды бөледі. Сол себепті жауапкершілік жоспар, эмоцияны реттеу, өзіндік тиімділік және орта құрылымымен бірге жұмыс істейді. Бір компонентті күшейтіп, қалғанын елемеу тұрақты нәтиже бермеуі мүмкін.

Мәселені тек тұлғаға жүктеу де қате. Бір аптада төрт пәннен көлемді тапсырма берілсе, кешігу тек мінезге байланысты емес. Бағалау өлшемі соңғы күні түсіндірілсе, жоспар бұзылады. Екінші қауіп - кінәлау. Қатаң сөз студентті бір кешке жұмысқа отырғызуы мүмкін, бірақ ұят келесі тапсырмадан қашуды күшейтеді. Сыни ұстаным жауапкершілікті жоққа шығармайды. Ол жауапкершіліктің шекарасын дәл көрсетеді.

Зерттеудің шектеуі бар. Тұлғалық жауапкершілікті тікелей өлшейтін еңбектер аз болғандықтан, саналылық, академиялық өзіндік тиімділік және өзін-өзі реттеу туралы нәтижелер де қолданылды. Аталған ұғымдар жақын, бірақ бірдей емес. Зерттеулердің көбі өзіндік есепке сүйенеді. Себеп пен салдарды ажырату қиын: төмен өзіндік тиімділік прокрастинацияны күшейте ме, әлде қайталанған кешігу сенімді төмендете ме? Қазақстандық студенттермен бойлық зерттеу қажет. Онда сауалнамаға қоса тапсырманың нақты басталу және жіберілу уақыты тіркелуі тиіс.

Қорытынды

Оқу прокрастинациясы уақытты дұрыс бөлмеумен шектелмейді. Студент жағымсыз эмоциядан қашады, тапсырманы тым үлкен көреді немесе бірінші қадамды таңдай алмайды. Кейінге қалдыру бір сәтке жеңілдік береді. Құны кейін төленеді: қысқа мерзім, әлсіз нәтиже, кінә және жоғары стресс. Тұлғалық жауапкершілік осы циклді әрекет деңгейінде үзе алады. Ол міндетті қабылдаудан басталады. Кейін жоспар, бастау, бақылау және түзету жүреді.

Нәтижелі жауапкершілік өзін айыптауға сүйенбейді. Ол нақты сұрақ қояды: бүгін қандай қадам орындалады және ол қашан тексеріледі? Студентке шағын әрекет, аралық мерзім және шынайы есеп керек. Университетке де талап бар: тапсырма түсінікті, кезеңдер көрінетін, кері байланыс уақтылы болуы тиіс. Жауапкершілік пен қолдау қатар жүргенде прокрастинацияны

азайту ықтималдығы жоғары. Бірақ мәселе бір кеңеспен шешілмейді. Әр студенттің кешігу тетігі алдымен анықталуы керек.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. – 2007. – Vol. 133, No. 1. – P. 65–94. DOI: 10.1037/0033-2909.133.1.65.

2. Klingsieck K.B. Procrastination: When good things don't come to those who wait // European Psychologist. – 2013. – Vol. 18, No. 1. – P. 24–34. DOI: 10.1027/1016-9040/a000138.

3. Sirois F.M., Pychyl T.A. Procrastination and the priority of short-term mood regulation: Consequences for future self // Social and Personality Psychology Compass. – 2013. – Vol. 7, No. 2. – P. 115–127. DOI: 10.1111/spc3.12011.

4. van Eerde W. A meta-analytically derived nomological network of procrastination // Personality and Individual Differences. – 2003. – Vol. 35, No. 6. – P. 1401–1418. DOI: 10.1016/S0191-8869(02)00358-6.

5. Tice D.M., Baumeister R.F. Longitudinal study of procrastination, performance, stress, and health: The costs and benefits of dawdling // Psychological Science. – 1997. – Vol. 8, No. 6. – P. 454–458. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00460.x.

6. Kim K.R., Seo E.H. The relationship between procrastination and academic performance: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 82. – P. 26–33. DOI: 10.1016/j.paid.2015.02.038.

7. Wolters C.A. Understanding procrastination from a self-regulated learning perspective // Journal of Educational Psychology. – 2003. – Vol. 95, No. 1. – P. 179–187. DOI: 10.1037/0022-0663.95.1.179.

8. Klassen R.M., Krawchuk L.L., Rajani S. Academic procrastination of undergraduates: Low self-efficacy to self-regulate predicts higher levels of procrastination // Contemporary Educational Psychology. – 2008. – Vol. 33, No. 4. – P. 915–931. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2007.07.001.

9. Rahimi S., Hall N.C., Pychyl T.A. Attributions of responsibility and blame for procrastination behavior // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – Article 1179. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01179.

10. Valenzuela R., Codina N., Castillo I., Pestana J.V. Young university students' academic self-regulation profiles and their associated procrastination: Autonomous functioning requires self-regulated operations // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Article 354. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00354.

11. Wäschle K., Allgaier A., Lachner A., Fink S., Nückles M. Procrastination and self-efficacy: Tracing vicious and virtuous circles in self-regulated learning // Learning and Instruction. – 2014. – Vol. 29. – P. 103–114. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2013.09.005.

12. de la Fuente J., Sander P., Kauffman D.F., Yilmaz Soylu M. Self-regulation and regulatory teaching as determinants of academic behavioral confidence and procrastination in undergraduate students // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. – Article 602904. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.602904.

13. Salguero-Pazos M.R., Reyes-de-Cózar S. Interventions to reduce academic procrastination: A systematic review // International Journal of Educational Research. – 2023. – Vol. 121. – Article 102228. DOI: 10.1016/j.ijer.2023.102228.

14. Turner M., Hodis F.A. A systematic review of interventions to reduce academic procrastination and implications for instructor-based classroom interventions // Educational Psychology Review. – 2023. – Vol. 35. – Article 118. DOI: 10.1007/s10648-023-09838-x.

15. Malouff J.M., Schutte N.S. The efficacy of interventions aimed at reducing procrastination: A meta-analysis of randomized controlled trials // Journal of Counseling & Development. – 2019. – Vol. 97, No. 2. – P. 117–127. DOI: 10.1002/jcad.12243.

16. Zacks S., Hen M. Academic interventions for academic procrastination: A review of the literature // Journal of Prevention & Intervention in the Community. – 2018. – Vol. 46, No. 2. – P. 117–130. DOI: 10.1080/10852352.2016.1198154.

ЯЗЫКОВОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА: ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР ИЛИ ПРИВЫЧКА?

Баянова Н.А
Студент 1-го курса ОП 6В01702 — Казахский и английский языки, Карагандинский исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова,
г. Караганда Республики Казахстана
e-mail: nazymbaanova9@gmail.com
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры русского языка и литературы им. Г. А. Мейрамова Жаманова Ж.Ж.
Караганда, КарНИУ

Аннотация.В статье изучается распространение смешанной казахско-русской речи среди молодёжи Казахстана. Рассматриваются исторические, социальные и культурные обстоятельства, повлиявшие на формирование современной языковой ситуации. Особое внимание уделяется влиянию социальных сетей, языковых привычек, ограниченного активного словарного запаса и психологических факторов на выбор речевых средств. Также анализируются возможные последствия частого смешения языков для развития казахской речи и сохранения языковой самобытности. Предлагаются способы повышения интереса молодого поколения к государственному языку посредством образования, цифровых технологий и создания благоприятной языковой среды.

Ключевые слова: казахский язык, русский язык, молодёжь, смешанная речь, кодовое переключение, билингвизм, речевая культура, социальные сети, языковая политика.

1. Введение

Казахстан является многонациональным государством, в котором взаимодействуют различные языки и культуры. Казахский язык имеет статус государственного, а русский широко используется в повседневном общении, образовании и профессиональной деятельности. В результате постоянного взаимодействия двух языковых систем среди молодёжи сформировались особые речевые привычки, одной из которых является смешение языков.

В повседневной жизни можно услышать предложения, в которых казахские и русские слова употребляются одновременно. Например: «Мен қазір освобожусь» или «Бүгін сабақтан кейін встречаемся». Подобные выражения особенно распространены в разговорах между друзьями, студенческой среде и интернет-переписке.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения причин, по которым смешанная речь становится привычной формой общения. Язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и служит средством передачи культурных ценностей, исторической памяти и национальных традиций. Поэтому особенности речевого поведения молодого поколения имеют значение для дальнейшего развития казахского языка.

Цель статьи — определить основные причины смешения казахского и русского языков среди молодёжи, рассмотреть возможные последствия этого явления и предложить способы повышения интереса к использованию государственного языка.

2. Теоретические основы кодового переключения

В современной лингвистике переход с одного языка на другой в процессе общения называется кодовым переключением. Данное явление характерно для людей, использующих два или более языков в зависимости от ситуации, собеседника и цели разговора.

Понятие смешения кодов связано с включением слов, выражений и отдельных языковых элементов одного языка в речь на другом языке. При этом кодовое переключение может происходить как между отдельными предложениями, так и внутри одной фразы. В казахско-русской речевой практике эти процессы часто наблюдаются одновременно.

Смешанная речь не всегда означает, что человек плохо владеет используемыми языками. В некоторых случаях переключение помогает быстрее выразить мысль или подобрать наиболее подходящее слово. Однако при недостаточном владении казахской лексикой смешение может

становиться способом компенсации трудностей при формулировании высказываний.

В речи молодёжи можно выделить несколько распространённых форм кодового переключения.

Межфразовое переключение происходит при переходе от одного предложения к другому на другом языке. Например: «Бүгін сабақ ерте бітті. Потом пойдём гулять?».

Внутрифразовое переключение наблюдается, когда слова разных языков используются в одном предложении. Например: «Мен қазір освобожусь и саған хабарласам».

Использование отдельных разговорных выражений предполагает включение в речь слов вроде «короче», «типа» или «ладно». Такие элементы помогают поддерживать беседу, выражать отношение к сказанному и взаимодействовать с собеседником.

Таким образом, смешение языковых кодов представляет собой сложное явление, которое зависит от языковой среды, коммуникативных потребностей и индивидуальных особенностей говорящего.

3. Причины распространения смешанной речи среди молодёжи

Распространение казахско-русской смешанной речи связано с рядом социальных, культурных и психологических факторов. На речевые привычки молодых людей влияют семья, учебное заведение, круг общения, средства массовой информации и цифровые технологии.

Одной из основных причин является языковое окружение. Если человек с детства слышит оба языка и регулярно использует их в общении, переход между ними может происходить автоматически. Постепенно такая модель закрепляется и становится привычной частью повседневной речи.

Значительное влияние оказывает и активное использование социальных сетей. Молодые люди ежедневно просматривают видеоролики, читают публикации, общаются в мессенджерах и следят за блогерами. В цифровом пространстве широко представлены материалы на русском и казахском языках, поэтому особенности интернет-коммуникации могут отражаться на устной речи пользователей.

Ещё одной причиной является недостаточная сформированность активного словарного запаса. Если человек не может быстро вспомнить подходящее казахское слово, он нередко заменяет его русским вариантом. При регулярном повторении подобная привычка может закрепляться и уменьшать частоту самостоятельного использования казахской лексики.

Определённую роль играет и социальная среда. В компании друзей молодые люди часто перенимают выражения друг друга, стремятся поддерживать общий стиль общения и использовать привычные для группы слова. В таких обстоятельствах смешанная речь может восприниматься как естественная и удобная форма коммуникации.

При этом кодовое переключение имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Владение несколькими языками расширяет возможности общения, обучения и профессионального развития. Однако постоянная зависимость от смешанной речи может создавать трудности при написании академических работ, подготовке официальных документов и выражении сложных мыслей на казахском языке.

Следовательно, важно не только изучать несколько языков, но и развивать способность свободно пользоваться каждым из них в соответствующих ситуациях.

4. Влияние цифровой среды на языковое поведение молодёжи

В современном обществе Интернет занимает значительное место в жизни молодых людей. Социальные сети и мессенджеры используются для общения, получения новостей, обучения и проведения свободного времени. Благодаря этому цифровое пространство становится одним из факторов, влияющих на языковые предпочтения молодого поколения.

В социальных сетях можно встретить самые разные варианты речи: от литературного казахского языка до разговорных выражений и смешанных конструкций. Подобное разнообразие влияет на то, как молодые люди строят предложения, выбирают слова и выражают свои мысли.

Если человек преимущественно потребляет русскоязычный контент, некоторые русские выражения могут чаще использоваться и в его повседневной речи. В то же время регулярное чтение казахских текстов, просмотр видеоматериалов и прослушивание подкастов на

государственном языке помогают расширять словарный запас и знакомиться с современными речевыми моделями.

Однако цифровая среда не обязательно способствует распространению смешанной речи. Она также предоставляет возможности для популяризации казахского языка. Видеоблоги, образовательные платформы, электронные словари и интернет-проекты позволяют использовать государственный язык в интересных и доступных форматах.

Особое значение имеет создание качественного контента, который соответствует интересам молодёжи. Материалы о культуре, музыке, науке, технологиях и повседневной жизни могут сделать казахский язык более востребованным в цифровой коммуникации.

Таким образом, Интернет следует рассматривать не только как источник влияния на языковые привычки, но и как средство расширения сферы применения государственного языка.

5. Способы повышения речевой культуры молодёжи

Для развития грамотной казахской речи недостаточно ограничиваться требованиями и запретами. Важно создавать условия, при которых молодые люди смогут использовать государственный язык в повседневной жизни, образовании, творчестве и профессиональной деятельности.

1. Развитие современного контента на казахском языке.

Необходимо увеличивать количество интересных публикаций, видеороликов, подкастов, фильмов и интернет-проектов на казахском языке. Современный контент должен охватывать различные интересы молодёжи, включая образование, технологии, искусство и развлечения. Это позволит чаще сталкиваться с грамотной казахской речью в привычной цифровой среде.

2. Совершенствование языкового образования.

В школах и университетах следует уделять больше внимания практическому использованию языка. Обсуждения, дебаты, групповые задания и презентации помогут учащимся научиться выражать собственные мысли, аргументировать позицию и применять новые слова в реальных ситуациях общения.

3. Создание доступных электронных словарей.

Полезным направлением является развитие мобильных приложений и онлайн-справочников, позволяющих быстро находить казахские эквиваленты новых терминов и заимствованных слов. Такие ресурсы помогут расширить словарный запас и снизить необходимость постоянно заменять казахские слова русскими.

4. Организация языковых клубов и интеллектуальных мероприятий.

Разговорные клубы, дебаты, научные конкурсы и студенческие конференции могут стать дополнительными площадками для практики казахского языка. Участие в подобных мероприятиях позволит молодым людям общаться на интересующие их темы, знакомиться с новыми людьми и развивать уверенность в своих речевых навыках.

5. Формирование благоприятной языковой среды.

Важно поддерживать людей, которые стремятся чаще говорить на казахском языке, даже если пока допускают ошибки. Насмешки и чрезмерная критика могут снижать мотивацию к общению. Напротив, доброжелательное отношение, помощь в подборе слов и уважение к усилиям человека способствуют постепенному совершенствованию речи.

Реализация этих направлений позволит расширить возможности применения казахского языка и сформировать положительное отношение к его использованию в различных сферах жизни.

6. Заключение

Смешение казахского и русского языков является заметной особенностью речевого общения части современной казахстанской молодёжи. Его распространение связано с двуязычной средой, влиянием ближайшего окружения, особенностями словарного запаса и активным использованием социальных сетей.

Кодовое переключение может облегчать общение между людьми, владеющими несколькими языками. Вместе с тем недостаточная практика казахской речи может затруднять развитие самостоятельного словарного запаса и использование литературного языка в учебной и профессиональной деятельности.

Для решения этой задачи необходим комплексный подход, включающий совершенствование образования, создание качественного цифрового контента, развитие электронных языковых ресурсов и организацию мероприятий на казахском языке. Не менее важным является формирование поддерживающей среды, в которой молодые люди смогут совершенствовать свои языковые навыки без страха осуждения.

Таким образом, популяризация казахского языка должна основываться не на принуждении, а на создании реальных возможностей для его использования. Доступность современных материалов, интерес к национальной культуре и регулярная языковая практика помогут молодому поколению свободнее выражать свои мысли на государственном языке и сохранять его богатство.

Список литературы

1. Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 468–482.

2. Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русское смешение кода в метакоммуникативной перспективе // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2022. Т. 19, вып. 4. С. 780–. DOI: 10.21638/spbu09.2022.408.

3. Тюлеев М. А., Кунгурова О. Г. Специфика развития казахстанского сегмента социальных сетей в контексте двуязычия // Хабаршы. Серия «Журналистика». Алматы: КазНУ им. аль-Фараби. 2025. № 4 (78).

4. Какими соцсетями и мессенджерами пользуется молодёжь в Казахстане // Kapital.kz. URL: https://kapital.kz/tehnology/141342/kakimi-socsetyami-i-messendzherami-polzuetsya-molodezh-v-kazahstane.html

5. Политики предложили методы развития казахского языка с помощью Интернета // Tengrinews.kz. URL: https://tengrinews.kz/internet/politiki-predlojili-metodyi-razvitiya-kazahskogo-yazyika-199145/

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОЙ РОЛИ: ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ НОРМ НА ЖИЗНЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Бердыкенова Е. А.
Студентка 3-го курса ОП 6В03105 – Политические массовые коммуникации,
Университет Нархоз,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: erkemberdikenova@gmail.com
Научный руководитель: доктор политических наук, профессор Андиржанова Г. А.

Аннотация:
В данной научной статье анализируется социальная конструкция женской роли и влияние гендерных норм на формирование жизненных приоритетов. На основе критического анализа научной литературы с позиций социального конструктивизма рассматриваются механизмы, посредством которых общество задаёт различные системы ценностей для женщин и мужчин. Полученные выводы обсуждаются в контексте влияния традиционных гендерных норм на жизненные стратегии.

В современном обществе сохраняется устойчивое разделение жизненных приоритетов по гендерному признаку. Женщинам чаще предписываются ориентация на брак, семью и соответствие стандартам внешности, мужчинам - карьера и самореализация. С позиций социального конструктивизма эти ожидания являются результатом исторически сложившихся гендерных норм, а не биологически заданных характеристик.

Актуальность темы связана с тем, что даже при формальном равенстве прав

традиционные гендерные роли продолжают влиять на жизненные стратегии молодых женщин. Особенно это заметно в казахстанском контексте, где от девушек по-прежнему ожидается раннее замужество, а академические и карьерные амбиции часто воспринимаются как второстепенные.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между требованиями современного общества к девушкам быть независимыми, успешными и строить карьеру, и сохраняющимся социальным давлением через медиа и стереотипы, оценивающим их ценность через внешнюю привлекательность и замужество. В результате этого разрыва женщины вынуждены расходовать ключевые ресурсы не на личностный рост, а на соответствие традиционным ожиданиям.

Цель работы - проанализировать механизмы влияния традиционных гендерных норм на формирование жизненных приоритетов молодых женщин в Казахстане.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические основы социальной конструкции гендера.
2. Выявить, как гендерные нормы влияют на представления молодых женщин о жизненных целях в казахстанском обществе.
3. Определить последствия ориентации на брак и внешность для личностного и профессионального развития.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что современное общество, включая медиа и социальные сети, где постоянно подчёркивается ценность внешности и замужества, смещают внимание девушек с карьеры на внешний вид и отношения.

Научная новизна работы заключается в том, что проблема приоритета брака над карьерой у молодых женщин впервые в казахстанском контексте анализируется через понятие **аматонормативности**. Под ним понимается укоренившееся в обществе убеждение, что стремление к романтическим отношениям и браку является обязательным и главным маркером успешной жизни.

Работа опирается на подход социального конструктивизма, согласно которому гендер представляет собой социальную «надстройку» над биологическим полом, а именно систему норм поведения, внешнего вида и ожиданий, которые общество предъявляет женщинам и мужчинам. Методологической основой исследования выступает критический анализ научной литературы, включающий рассмотрение концепций социальной конструкции гендера, идей «мифа о красоте» Наоми Вульф, а также исследований традиционных гендерных ролей Лиат Рамати-Зибер, Нурит Шнабель и Питера Глика. Кроме того, в работе используются данные опроса специалистов, представленные в аналитическом отчете «Общественное восприятие гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в Казахстане», подготовленном по заказу Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН).

В основе исследования лежит различие между полом и гендером. Пол обозначает биологическую принадлежность человека и его физиологические особенности. Гендер, напротив, представляет собой социальную надстройку - комплекс норм поведения, внешнего вида и ожиданий, которые общество предъявляет к мужчинам и женщинам. Как отмечается в современных социологических подходах, ребёнок с раннего возраста попадает в культурный контекст и осваивает эти нормы так же, как учится ходить, говорить или есть. Девочек готовят к роли хозяйки и матери, акцентируя мягкость, красоту и заботливость. Мальчиков ориентируют на роль защитника, требуя силы, сдержанности эмоций и готовности к достижениям [1].

Такое разделение не является биологически предопределённым. Оно формируется в процессе социализации и поддерживается через семью, образование, медиа и государственные институты. Теория социального конструктивизма, получившая развитие в 1960-1970-х годах, исходит из того, что социальная реальность, включая гендерные роли, создаётся людьми и зависит от господствующих в обществе знаний, норм и образцов. Следовательно, гендерные ожидания могут меняться и не обязательно должны совпадать с бинарным делением на «мужское» и «женское».

Одним из важных элементов конструкции женской роли выступает требование

соответствовать стандартам внешности. Наоми Вульф в работе «Миф о красоте» показывает, что после расширения прав женщин общество создало новый механизм контроля: вместо прямого ограничения домашней сферой женщинам начали предписывать постоянное стремление к физическому совершенству. Этот миф отнимает время, энергию и ресурсы, которые могли бы быть направлены на самореализацию в других областях [2, 21–23].

Современные исследования подтверждают, что предписывающая норма красоты особенно усиливается, когда женщины претендуют на высокие позиции и власть. Тем самым внешность становится одним из инструментов поддержания гендерной иерархии [3, 318].

Параллельно сохраняются и более традиционные нормы, связывающие женщину с семьёй и заботой, а мужчину - с карьерой и обеспечением. Несмотря на рост участия женщин в профессиональной сфере, социальные ожидания по-прежнему ориентируют их на роль хранительницы очага, тогда как мужчинам предписывается роль добытчика. Эти устаревшие, но устойчивые представления влияют на жизненные цели и создают внутреннее напряжение между карьерными устремлениями и семейными обязанностями.

Гендерные нормы проявляют себя не только на уровне представлений, но и в конкретных жизненных стратегиях. Они задают различные траектории для женщин и мужчин, определяя, какие цели считаются приоритетными, а какие - второстепенными.

Одним из устойчивых элементов женской роли остаётся фокус на семью и брачные отношения. Даже при расширении возможностей для образования и профессиональной деятельности общественные ожидания нередко предполагают, что создание семьи составляет основу женской жизненной стратегии. Это подтверждается данными исследования, проведённого по заказу Программы развития ООН в Казахстане. Согласно результатам опроса, 67,9 % мужчин считают, что главная обязанность женщины - создание комфорта семьи, воспитание и забота о детях, и что она не должна работать. Среди женщин с этим утверждением согласились 53,6 %. Большинство мужчин (76,9 %) полагают, что главой семьи должен быть мужчина, тогда как вариант равной ответственности обоих партнёров поддержали лишь 18,6 % мужчин [4].

Мы видим, что эти цифры отражают не просто сохранение традиционных взглядов, а более глубокий механизм - аматонормативность. Под ней понимается укоренившееся в обществе убеждение, что стремление к романтическим отношениям и браку является обязательным и главным маркером успешной жизни [5]. В казахстанском контексте это убеждение особенно сильно проецируется именно на женщин: их успешность во многом оценивается через призму того, удалось ли им создать семью, а не через образовательные или профессиональные достижения. Патриархальные установки при этом продолжают воспроизводиться, несмотря на формальный прогресс в сфере гендерного равенства.

В своём окружении мы наблюдаем, как многие девушки ставят себе цель выйти замуж до 23–25 лет. Этот возраст воспринимается как критический рубеж, и нереализация этой цели нередко переживается как личная неудача или даже как «конец» определённого этапа жизни. Разговоры и интересы значительной части девушек концентрируются вокруг романтических отношений, статуса в паре и внешней привлекательности. При этом темы, связанные с личными увлечениями, саморазвитием, медиа или профессиональными планами, вызывают заметно меньший отклик. Так аматонормативность формирует довольно узкий коридор «правильной» женской жизненной траектории, в котором брак становится центральной точкой отсчёта.

Дополнительное давление создаёт медиапространство. В нём широко распространён контент, где получение внимания, подарков, комплиментов и восхищения представлено как один из главных приоритетов. Такой контент усиливает установку, что соответствие стандартам внешности и постоянная ориентация на отношения - необходимые условия социального одобрения. В результате девушки, чьи интересы и цели выходят за рамки этой модели, могут ощущать, что они не соответствуют ожиданиям общества и рискуют оказаться «недостаточно женственными».

Таким образом, гендерные нормы в сочетании с аматонормативностью не просто отражают существующие различия между мужскими и женскими ролями. Они активно конструируют жизненные стратегии молодых женщин, смещая фокус с личностного,

образовательного и карьерного роста на брак, внешность и соответствие традиционным ожиданиям.

Несмотря на устойчивость гендерных норм, изменения возможны, хотя и требуют длительного времени. Полностью устранить асимметрию жизненных приоритетов быстро невозможно: эти представления закреплены в культуре, семейном воспитании, медиа и социальных институтах. Однако постепенное ослабление их влияния достижимо через несколько направлений.

Во-первых, через изменение практик социализации. Если с детства девочкам и мальчикам в равной мере поддерживают как заботу, так и амбиции, как эмоциональную вовлечённость, так и стремление к достижениям, жёсткое разделение ролей начинает размываться.

Во-вторых, через публичное обсуждение и критический анализ самих норм. Когда «миф о красоте», ожидание обязательного материнства или представление о мужчине как единственном добытчике перестают восприниматься как естественные и начинают осознаваться как социальные конструкты, появляется пространство для выбора.

В-третьих, через изменение институциональных условий: более равное распределение домашнего труда, доступность инфраструктуры ухода за детьми, поддержка отцовского отпуска и гибких форм занятости снижают давление, которое вынуждает женщин выбирать между карьерой и семьёй.

При этом важно понимать, что такие изменения происходят медленно и неравномерно. Даже при сдвиге общественных установок старые нормы продолжают действовать на уровне повседневных ожиданий и внутренних представлений. Поэтому речь идёт не о быстром решении, а о длительном процессе переосмысления того, какие жизненные приоритеты считаются допустимыми и ценными для женщин и мужчин.

Таким образом, приведенный анализ позволяет сделать вывод, что гендерные стереотипы функционируют как внутренний фильтр, ограничивающий жизненный выбор еще на этапе формирования целей. Даже при юридическом равенстве полов социальное давление продолжает негласно распределять ресурсы времени и внимания. Чтобы преодолеть эту асимметрию, требуется не просто изменение законов, а деконструкция самого культурного кода, нормализующего эти ограничения.

Изменения в этой сфере требуют длительного времени и затрагивают уровень культуры, воспитания и институциональных условий. Осознание норм как социальных конструктов, а не естественных данностей, создаёт предпосылки для более свободного определения жизненных целей.

Проведённый анализ показывает, что давление в сторону раннего брака и ориентации на внешность работает не как открытое принуждение, а как тихая, почти незаметная норма. Она воспринимается многими девушками как естественный порядок вещей, а не как результат социальных ожиданий. Именно поэтому отказ от карьерных или образовательных амбиций часто переживается не как потеря возможностей, а как «правильный» жизненный выбор.

Мы приходим к выводу, что аматонормативность в казахстанском контексте действует особенно сильно именно потому, что она сливается с традиционными представлениями о женской роли. В результате формируется замкнутый круг: общество ждёт от девушки раннего замужества, она сама начинает измерять свою ценность через отношения и внешность, а любые другие приоритеты постепенно теряют значимость.

Главный результат работы состоит в том, что проблема оказывается глубже, чем простое неравенство возможностей. Речь идёт о том, как социальная норма незаметно переписывает сами критерии успеха для молодых женщин, делая личностный рост вторичным по отношению к браку.

Список литературы

1. Богданова Е. Пол, гендер и гендерные роли: как в обществе формируются представления о мужском и женском [Электронный ресурс] / Е. Богданова // ПостНаука. – 2021. – URL: https://postnauka.org/faq/156426 (Дата обращения: 10.10.2026).

2. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин [Электронный ресурс] / Н.

Вульф. – М.: Альпина нон-фикшн. – 445 с. – URL: https://nonfiction.ru/media/fragments/mif_o_krasote.pdf (Дата обращения: 10.10.2026).

3. Ramati-Ziber L. The Beauty Myth: Prescriptive Beauty Norms for Women Reflect Hierarchy-Enhancing Motivations Leading to Discriminatory Employment Practices [Электронный ресурс] / L. Ramati-Ziber, N. Shnabel, P. Glick // Journal of Personality and Social Psychology. – 2020. – Vol. 119, No. 2. – P. 317–343. – URL: https://psikoloji.ege.edu.tr/files/psikoloji/icerik/Ramati2020.pdf (Дата обращения: 10.10.2026).

4. Исследование: 67,9% казахстанских мужчин считают, что главная обязанность женщины — создание семьи [Электронный ресурс] // Esquire Kazakhstan. – URL: https://esquire.kz/issledovanie-67-9-kazahstanskih-muzhchin-schitajut-chto-glavnaja-objazannost-zhenshhiny-sozdanie-semi (Дата обращения: 10.10.2026).

5. Brake E. Amatonormativity [Электронный ресурс] / E. Brake. – URL: https://elizabethbrake.com/amatonormativity/ (Дата обращения: 10.10.2026).

НАЁМНИЧЕСТВО И МОЛОДЁЖЬ КАЗАХСТАНА: ЦЕННОСТНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА

Берікбай А.А., Джолшора Е.С.
Студенты 2-го курса ОП 6В03105 – Политические Массовые Коммуникации, Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан
e-mail*:* aliya.berikbay@narxoz.kz , yelzhan.jolshora@narxoz.kz
Научный руководитель*:* тьютор Керимбаев Ержан

Аннотация: В данной статье рассматривается комплекс факторов, способствующих вовлечению молодёжи из Республики Казахстан в зарубежные вооружённые конфликты и деятельность частных военных компаний (ЧВК). На стыке политологии, социологии и криминологии осуществляется анализ нормативно-правовой базы РК, социально-экономических триггеров, таких как безработица, миграционная изоляция, ценностно-психологические искажения и роль современных медиатехнологий в вербовочных кампаниях. Представлен ряд стратегических превентивных мер, которые способствуют снижению рисков для национальной безопасности.

Превращение современной архитектуры международных отношений привела к качественному пересмотру натуры вооруженных конфликтов. Эрозия монополии суверенных государств на легитимное насилие, концептуализированной Максом Вебером, сопровождается стремительной приватизацией военной сферы. Появление частных военных компаний (ЧВК), а также расширение практики прокси-войн сделали наёмничество транснациональным феноменом, угрожающим стабильности государств, сохраняющих нейтралитет.

Для Казахстана с его статусом регионального миротворца чужие конфликты - серьезная угроза. И не только в дипломатическом имидже дело. Куда как опаснее то, что потом происходит: вернувшись домой, солдаты приносят с собой боевой опыт, посттравматический синдром и исковерканное восприятие мира, что непременно подогревает уличный криминал и экстремизм, грубо попирая такие святыни, как межконфессиональное согласие и межнациональное единство.

В главной группе риска - молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Они энергичны и подвижны, но именно у них в этом возрасте острее всех бьют неприкаянность в жизни, поиск себя и чувствительность к пропаганде. Каковы социальные проблемы, пробелы в законодательстве и ловушки психологии, толкающие молодых казахстанцев становиться ресурсом в чужих геополитических играх? Это и есть задача данного исследования.

Как можно отметить, были детально прописаны две ключевые международных документа, в которых рассматривается, Статья 47 дополнительного протокола 1977 года к Женевским конвенциям и международной конвенции ООН против вербовки, использования финансирования и обучения наемников (1989 г.). Согласно этим документам, признания

комбатанта наемником кумулятивное соблюдение ряда признаков: отсутствие гражданства стороны конфликта; отсутствие постоянного проживания на территории боевых действий; если хотя бы один единственный пункт выпадает из этого списка, с международной точки зрения этого человека уже нельзя назвать наемником. Самым проблемным пунктом является материальная выгода, при получении вознаграждения. Мало доказать, что человеку платят деньги, но нужно доказать две вещи: он поехал туда именно ради наживы либо его вознаграждение в разы выше, чем у штатного кадрового солдата. В реальности эти строгие рамки приводят к нестыковкам и позволяют легко обходить закон. Необходимость совпадения всей совокупности критериев превращает процедуру доказывания вины в трудновыполнимую задачу: исключение хотя бы одного элемента формально выводит комбатанта из-под действия международной конвенции. Таким образом, современные акторы гибридных конфликтов и частные военные компании внедряются в этот правовой вакуум посредством институциональной мимикрии: Ускоренная натурализация: предоставление гражданства завербованным иностранцам по упрощенной процедуре де-юре устраняет статус «иностранца», превращая комбатантов в законных военнослужащих; смешанная финансовая мотивация: официальная фиксация базового денежного довольствия в контрактах нивелирует признак «значительных сверхнормативных выплат», в то время как основные суммы маскируются под «серые» бонусы, выплаты при заключении контракта или страховые выплаты.

Интеграция в официальные властные структуры: использование официально зарегистрированных органов для регулирования деятельности подразделений частных военных компаний формально снижает статус «негосударственного субъекта». Итак, ниши международного гуманитарного права, вызванные своей историей во второй половине XX века в рамках постколониальных локальных конфликтов, оказываются слишком слабыми в отношении современных сетевых и приватизированных военных структур. Осознание нормативных уязвимостей выявило необходимость для суверенных государств - в том числе и Казахстана - отказаться от смыслового сужения в определении наемничества и ввести отдельные нормы закона (в том числе, статью 172 УК РК), криминализирующие любой факт вступления в боевые действия вне зависимости от доказанности особо высоких прибылях или иностранного статуса участника. Современная деятельность частных военных компаний делает эти границы менее четкими: компании оформляются как консалтинговые или логистические организации, а официальное включение бойцов в силовые структуры конфликтующих сторон используется как способ обойти международные ограничения. Столкнувшись с подобной маскировкой, законодатель Казахстана сформировал дифференцированную и строгую систему противодействия таким действиям. Законодатель Республики Казахстан чётко разделил составы преступлений в статьях 170 и 172 Уголовного кодекса РК, создав двухуровневый механизм пресечения военной активности граждан за пределами страны: Анализ содержания и формулировки статей 170 "Наемничество" и 172 "Участие в иностранных вооруженных конфликтах" с точки зрения объективной стороны - самого характера совершаемых действий демонстрирует, что первая охватывает практически все формы организационной и боевой деятельности (от регистрации наёмников и подготовки их к боевым действиям, до их военно-технического и материально-финансового обеспечения). Тогда как вторая возбуждается лишь в отношении граждан Республики Казахстан и фиксирует сам факт их неправомерного участия в боевых действиях за границей, то есть любой иностранный вооруженный конфликт, - только при отсутствии признаков наемничества.

Нарушение, совершенное по статье 170, определяется мотивом (прямой корыстный умысе л: отправление на фронт исключительно для достижения материальной выгоды, одержания ден ежного вознаграждения или другого имущественного приза). На противоположном полюсе нах одится нарушение, совершенное по статье 172: корыстный мотив либо так и не выявляем, либо существует при составлении неустановленным в судебном разбирательстве. Тогда побудителям и выступают идеологические, политические, религиозные, этнонациональные убеждения, ощущ ение искаженного интернационального единства, психологическая жажда опасности, желание с ледовать примеру группы.

Соответственно, различия в общественной опасности деяний непосредственно находят отражен

ие в различных мерах уголовного наказания. За участие в наёмнических формированиях по статье 170 УК РК предусмотрено лишение свободы от 7 до 12 лет, за вербовку, обучение или организацию наёмничества в особоим виде - вплоть до пожизненного заключения. За участие в иностранном конфликте без наличия обстоятельств корысти по статье 172 УК РК карается лишением свободы от 5 до 9 лет с возможной конфискацией имущества.

Такое нормативное разделение позволяет правоохранительным органам предъявлять уголовные обвинения участникам боевых действий независимо от того, могут ли быть доказаны сделки и выплаты. Сам по себе факт ношения оружия и нахождения среди участников боевых действий на суверенной территории другой страны является достаточным основанием для квалификации по статье 172 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Конституционно-правовой институт утраты гражданства (ст. 10 Конституции РК, ст. 21 Закона РК “О гражданстве Республики Казахстан”) дополняет превентивную архитектуру. Лишение паспорта гражданина за причинение тяжкого вреда жизненно важным интересам страны является высшей мерой изоляции общества от экспорта вооруженного радикализма.

Решение об участии в иностранных военных кампаниях формируется под комплексным воздействием системных социально-экономических проблем. Для казахстанской молодёжи ключевыми препятствиями на пути к благополучной социализации выступают глубокое региональное неравенство стартовых возможностей, острый дефицит рабочих мест с достойной оплатой труда и критическая закредитованность микрозаймами. В условиях, когда законные каналы вертикальной мобильности заблокированы, предложения частных военных компаний начинают восприниматься уязвимыми слоями населения как единственный доступный способ преодоления затяжного материального кризиса.

Центральным фактором риска в молодёжной среде выступает расширение категории NEET - молодых людей, выключенных из систем официальной занятости, образования и профессиональной переподготовки. Согласно данным Бюро национальной статистики АСПиР РК, доля незанятой молодёжи в стране стабильно удерживается в коридоре 5,7–6,2%, что в абсолютных показателях превышает 320 тысяч человек, а в ряде сырьевых и периферийных регионов (включая область Ұлытау и Мангистаускую область) достигает критических 10%. Длительное пребывание в этом статусе ведёт к социальной изоляции, потере трудовой квалификации и формированию апатии, что делает агрессивные финансовые оферты вербовщиков ЧВК привлекательными даже на фоне очевидной смертельной опасности.

Внешняя трудовая миграция переводит эти риски на острую прикладную плоскость. Выехав на работу за границу, молодой гражданин Казахстана вынужден столкнуться и с системной юридической беззащитностью, и с угрозами отмены документов, и с угрозой депортации, и с разрывом всех привычных семейных связей и бытовым давлением. В этой уязвимой среде активно работают схемы фейкового найма - когда человека заманивают обещаниями мирной и хорошо оплачиваемой работы.

Наглядным прецедентом стал резонансный случай с группой молодых казахстанцев, отправившихся за рубеж по объявлению о вахтовой занятости в охранном агентстве. По прибытии на место рекруты подверглись процессуальному подлогу и психологическому давлению: при отказе от подписания соглашений им угрожали уголовным преследованием и лишением свободы на срок до пятнадцати лет по законам страны пребывания. В опубликованных видеообращениях пострадавшие, среди которых Кайсар Алмаз, Айнабек Келдебек и Шахназар Жусип, свидетельствовали, что из исходной группы численностью в пятнадцать человек часть была распределена на передовую, а остальные удерживались под угрозой немедленной отправки в зону боёв. Данный инцидент повлек направление официальной дипломатической ноты Министерством иностранных дел Республики Казахстан и наглядно подтвердил, что комбатантами становятся не только по доброй воле или корыстным мотивам, но и в результате криминального шантажа

Экономические трудности и мошеннические схемы создают внешнюю базу, тогда как осознанное вовлечение в военные действия опирается на внутреннюю психологическую готовность. В молодёжной среде Казахстана её формируют смысловой вакуум, острая

потребность в социальном признании и искаженное восприятие войны, снижающие барьеры критического мышления.

Сосуществование традиционных укладов, светских моделей и глобалистских потребительских установок нередко провоцирует у молодого поколения глубокий кризис идентичности. Формализм институциональных молодёжных программ не даёт убедительных ответов на экзистенциальные запросы, образуя смысловую пустоту. Эту лакуну оперативно заполняют вербовочные сети, транслирующие готовые и примитивные маркеры «свой - чужой», спекулируя на идеях борьбы за справедливость, воинского долга и поиска высшего предназначения.

Дефицит прозрачных карьерных лифтов порождает стремление к статусной компенсации через силу. В мирной жизни социально невостребованный молодой человек чувствует себя бесправным и незаметным, тогда как обладание оружием, ношение камуфляжа и причастность к военизированной структуре моментально создают иллюзию обретенной власти и значимости. Закрытый армейский коллектив удовлетворяет запрос на мужскую солидарность, а жесткая дисциплина избавляет от необходимости сложного индивидуального выбора в условиях гражданской неопределенности.

Современная медиакультура романтизирует войну через моду на милитаризм и тактическую эстетику. Выросшие на шутерах молодые люди бессознательно переносят игровые паттерны на реальные боевые действия, воспринимая их как очередную динамичную миссию. В соцсетях и мессенджерах война предстает зрелищным клипом под бодрый трек: кадры с ранениями, грязью и искалеченной психикой остаются за кадром. Эта цензура реальности притупляет базовый инстинкт самосохранения, превращая чужой вооруженный конфликт в иллюзию легкого подвига.

Случаи, рассмотренные в предыдущих параграфах, позволяют перейти от описательного уровня анализа к концептуальному объяснению механизмов вовлечения молодежи в наемничество. Эмпирические примеры, какими бы показательными они ни были, сами по себе не выявляют причинно-следственных связей, а потому требуют интерпретации устоявшихся теоретических подходов политической науки и конфликтологии.

"Двухтактная" модель, в которой факторы толчка и толчка рассматриваются не как альтернативные, а как взаимодополняющие факторы, признана наиболее продуктивной при изучении комбатантов, пересекающих границы. К первой группе относятся структурные условия, формирующие неудовлетворенность индивида своим положением: безработица, доступность кредитов, отсутствие перспектив социальной мобильности, юридическая уязвимость мигранта. Эти условия создают внутреннюю готовность к поиску радикальных способов изменить свою жизнь. Вторая группа состоит из целенаправленных действий призывников, формирующих привлекательный образ участия в конфликте: материальные обещания, символический статус «воина», принадлежность к замкнутому и иерархичному сообществу. Принципиально важно, чтобы ни одна из групп факторов не была адекватной по отдельности: уязвимость без предложения о наборе персонала остается скрытой, а предложение о наборе персонала без уязвимости не находит отклика. Их совпадение объясняет, почему некоторые молодые люди вовлечены в конфликт, а другие, находящиеся в аналогичных условиях, - нет.

Объяснительный потенциал этой модели подкрепляется теорией относительной депривации, разработанной Т. Герром. По ее словам, поведенческие реакции и готовность к рискованным действиям определяются не абсолютным уровнем лишений, а субъективно переживаемым разрывом между ожидаемым благополучием и реально достижимым. Для казахстанской молодежи, ориентированной на стандарты потребления и образа жизни, передаваемые социальными сетями, этот разрыв особенно заметен. Человек может не находиться за чертой бедности, но он считает свое положение несправедливым по сравнению с контрольной группой, будь то его сверстники, блоггеры или успешные соотечественники. В этой ситуации предложения о приеме на работу воспринимаются как инструмент восстановления «справедливости» и быстрого преодоления отставания, а не как нарушение закона или смертельный риск.

Эта схема дополняется теорией социальной идентичности Г. Теджфеля и Дж. Тернера. Индивид стремится к позитивной групповой принадлежности, и если она отсутствует в законных институтах (семья, система образования, молодежные организации, рабочие группы), он готов искать ее в альтернативных сообществах. Каналы вербовки, описанные в главе 4, выполняют именно эту функцию: они формируют замкнутое «мы со своим собственным языком, символикой, внутренней иерархией и системой вознаграждения и противопоставляют его внешнему миру, который якобы не ценит и не понимает молодого человека. Для студента, разлученного со своей семьей, или для трудового мигранта, лишенного привычного социального окружения, такое сообщество становится заменой утраченным социальным связям. В работах Д. Мале, посвященные трансграничным комбатантам, подчеркивают, что решающую роль играет не идеология, а интеграция в сетевые структуры, которые обеспечивают доверие и доступ к «каналу» присоединения. Другими словами, человек руководствуется не убеждением, а знакомством, наставником или собеседником, которому он доверяет.

Наконец, важен подход рационального выбора: решение об участии в конфликте часто принимается в условиях дефицита информации и асимметрии рисков. Рекрутер отслеживает информацию о фактических условиях службы, размере убытков, фактических выплатах и юридических последствиях, в то время как потенциальный рекрутер оценивает ситуацию на основе выборочно выбранных «успешных случаев». Вывод о "рациональности" такого выбора иллюзорен, поскольку в этом случае рациональность ограничивается манипулятивным информационным контекстом. Это означает, что формально решение принимается самим человеком, но реальная свобода действий значительно ограничена.

Таким образом, анализ случая студента и ситуации трудовых мигрантов подтверждает, что участие в наемничестве является результатом трех уровней: макроструктуры (экономическая и правовая уязвимость, социальные лифты), мезоуровня (сетевое и групповое давление, влияние закрытых сообществ) и микроуровня (психологическая мотивация, когнитивные искажения, романтизация личности). Войны). Игнорирование любого из этих уровней делает анализ неполным, а предметная политика неэффективной. Таким образом, меры противодействия должны быть многоуровневыми и не ограничиваться уголовным преследованием лиц, которые уже вовлечены.

Сравнительный анализ подходов государств к противодействию участию граждан во внешних конфликтах показывает два полярных стратегических курса: преимущественно репрессивный и интегрированный (превентивно-реабилитационный). Выбор между ними отражает не только особенности правовой системы, но и фундаментальное понимание государством природы проблемы: считать ли ее исключительно преступной или социально-политической.

Репрессивная модель основана на ужесточении уголовной ответственности, расширении оснований для потери гражданства и усилении пограничного и миграционного контроля. Их преимущество заключается в демонстративности и четкости правовой позиции государства: сигнал о недопустимости участия в иностранных конфликтах сформулирован четко и недвусмысленно. Однако эффективность этого подхода ограничена. Во-первых, это не влияет на причины уязвимости, а это означает, что это не снижает потенциал найма. Во-вторых, он практически бессилен при наборе персонала за пределами юрисдикции государства, о чем свидетельствует случай со студентом, оказавшимся в орбите вербовщиков в другой стране. В-третьих, угроза наказания в условиях информационной асимметрии не всегда доходит до адресата: человек, убежденный в законности и безопасности" договора, не воспринимает уголовно-правовую норму как актуальную для себя.

Комплексная модель, разработанная в практике Организации Объединенных Наций (особенно в рамках Рабочей группы по использованию наемников), предполагает сочетание уголовно-правовых мер с программами предупреждения, информирования и реинтеграции. Важным элементом здесь является дифференциация лиц, вовлеченных в конфликт. Участник, завербованный путем обмана, вымогательства или принуждения, по своему положению сравним с жертвой торговли людьми, и международные стандарты, включая Палермский протокол, требуют, чтобы такие случаи были отделены от добровольного участия. Для

национального законодательства это означает, что при квалификации действий необходимо учитывать обстоятельства принуждения и введения в заблуждение, что особенно верно в отношении задержанных и трудовых мигрантов, описанных в пункте 5.2, “согласие” которых было сформировано в условиях давления и зависимости.

Для Казахстана собственный опыт общения с гражданами, вернувшимися из зон конфликтов на Ближнем Востоке, является важным ориентиром. Он показал, что сочетание программ репатриации, правовой оценки и социальной реабилитации снижает риск повторной радикализации и позволяет государству контролировать ситуацию, в отличие от политики, основанной исключительно на изоляции. Перенос этого опыта на проблему наемничества представляется разумным, но требует учета специфики: это не идеологический, а в основном финансово-сетевой набор, а значит, акцент реабилитационных программ должен сместиться с идеологической “дезактивации” на экономическую и социальную интеграцию.

Принимая во внимание изложенное, можно выделить три уровня противодействия. На национальном уровне профилактика и информирование должны быть приоритетом, дополненным адресной поддержкой уязвимых групп (молодежь, вовлеченная в деятельность, выезжающие мигранты) и дифференцированным подходом к ответственности. На двустороннем уровне необходимы механизмы быстрого обмена информацией и консульской защиты, особенно для студентов и мигрантов в странах массового пребывания Казахстана. На многостороннем уровне для разработки общих стандартов квалификации наемников и борьбы с трансграничными вербовочными сетями необходимо использовать площадки ООН и СНГ, поскольку ни одно государство в одиночку не в состоянии решить эту проблему.

Ключевой проблемой остается баланс между безопасностью и защитой гражданских прав. Чрезмерное расширение репрессивных мер, в том числе в отношении тех, кто подвергается манипуляциям, подрывает доверие молодежи к институтам государства и облегчает работу новобранцев, использующих образ “несправедливого государства”. Поэтому эффективная политика должна исходить из принципа, что ответственность организаторов и волонтеров неизбежна при одновременной защите и реабилитации жертв вербовки. Это принцип, лежащий в основе рекомендательной системы, представленной в заключении.

Список литеатуры:

[1] Ашимбаев, М. С. (2020). *Современные вызовы национальной безопасности Республики Казахстан*. ЕНУ им. Л. Н. Гумилева.

[2] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 13 февраля). *Ситуация на рынке труда*. https://stat.gov.kz/ru/news/situatsiya-na-rynke-truda4/

[3] Доклад о положении молодежи Казахстана — 2023. (2023). Научно-исследовательский центр «Молодежь».

[4] Казахстанцы заявили об угрозах отправки на фронт после обмана с работой в России. (2026, 2 октября). *ФБРК*. https://www.fbrk.kz/news/kazakhstancy-zayavili-ob-ugrozakh-otpravki-na-front-posle-obmana-s-rabotoy-v-rossii

[5] Касенов, Т. К. (2022). Гибридные войны XXI века: информационные и социальные измерения. *Мысль*, (8), 14–22.

[6] Конституция Республики Казахстан. (1995, 30 августа). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

[7] Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников. (1989, 4 декабря). Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций, резолюция 44/34. https://legal.un.org/avl/ha/icruftm/icruftm.html

[8]Назарбаев, Н. А. (2017). *Эра независимости*. Деловой мир.

[9]Сатпаев, Д. А. (2021). Деформации политической культуры и риски радикализации молодежи в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ, 24*(3), 45–58.

[10] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226

[11] Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов. (1977, 8 июня).
Международный комитет Красного Креста. https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ДИЛЕММЫ

Вайдурова В.В.
Студентка 3-го курса ОП 6В03102 - Политология,
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Казахстан
e-mail: vajdurovavika@gmail.com
Научный руководитель: к.п.н., профессор Алтыбасарова М.А.

Введение. Идея создания искусственного интеллекта имеет глубокие исторические корни, восходящие к XIII веку. Первопроходцем в этой области считается испанский философ Раймонд Луллий, который предпринял попытку сконструировать механическое устройство для автоматического поиска решений на основе имеющихся данных. Несмотря на новаторство, концепция ИИ оформилась как самостоятельная научная дисциплина лишь в 1940-х годах с развитием ЭВМ. Официальное название «искусственный интеллект» было введено Джоном Маккарти в 1956 году в рамках Дартмутского семинара [1, 6]. Сегодня нейросети прочно вошли в быт, оптимизируя рутинные процессы. Тем не менее стремительный прогресс технологий опережает готовность общества к их внедрению, что ставит перед мировым сообществом острый вопрос о необходимости правового и политического регулирования данной сферы, к которому государства приступили лишь недавно.

Искусственный интеллект становится мощным инструментом в обеспечении правопорядка. Его ключевая роль заключается в анализе «больших данных»: алгоритмы выявляют скрытые закономерности и помогают прогнозировать криминогенные риски, позволяя полиции эффективнее распределять ресурсы. Важное значение приобретает интеллектуальное видеонаблюдение и биометрическая идентификация. В Казахстане технологии искусственного интеллекта уже успешно применяются для идентификации лиц и оперативного поиска граждан, находящихся в розыске или пропавших без вести. В рамках цифровизации криминалистической службы МВД активно развивает биометрические методы и компьютерно-технические исследования. Это значительно повышает эффективность следственных мероприятий, позволяя быстрее устанавливать личности и собирать доказательную базу. Искусственный интеллект находит широкое применение в следственной деятельности, обеспечивая автоматизацию анализа свидетельских показаний, документации и цифровых массивов данных. Технологии позволяют выявлять скрытые закономерности между эпизодами преступлений и оптимизировать подготовку процессуальных актов. В настоящее время Генеральная прокуратура Республики Казахстан в партнерстве с МВД проводит апробацию ИИ-решений для автоматизированного планирования расследований, транскрибирования аудиозаписей и составления проектов процессуальных документов [2]. Кроме того, технологии распознавания речи, звуковых сигналов и изображений потенциально позволяют быстрее обнаруживать признаки чрезвычайных и противоправных ситуаций, например подозрительные звуки или действия в общественных местах. Однако использование таких инструментов должно сопровождаться человеческим контролем и проверкой полученных результатов. Искусственный интеллект способен выявлять закономерности, которые трудно обнаружить при ручной обработке больших массивов информации, но его выводы не должны автоматически рассматриваться как доказательство вины человека. Поэтому применение ИИ в сфере общественной безопасности должно сочетать технологическую эффективность с

принципами законности, справедливости, защиты персональных данных и гражданских свобод.

Актуальность данной работы определяется тем, что искусственный интеллект все активнее внедряется в сферу охраны правопорядка в Казахстане, тогда как уровень цифровой преступности (онлайн-мошенничество, фишинг, вишинг и дипфейки) стремительно растет. В связи с этим государственная стратегия должна быть направлена не только на борьбу с преступностью с помощью ИИ, но и на минимизацию таких рисков, как утечка данных, сбои при идентификации личности и избыточный надзор. Ключевой задачей становится поиск баланса между обеспечением общественной безопасности и соблюдением конституционных прав граждан.

Научная новизна заключается в том, что автор исследует искусственный интеллект в двух ракурсах: как эффективное средство борьбы с правонарушениями и как источник новых криминальных вызовов. В работе сопоставляются институциональные процессы интеграции ИИ, реакция общества на эти технологии и этические дилеммы, затрагивающие вопросы приватности, социальной справедливости и доверия к институтам власти.

Постановка проблемы. Сегодня в медиапространстве преобладает оптимистичная повестка об ИИ, сфокусированная на инновациях и их практическом применении. Ярким примером служит Казахстан, где продолжает развиваться Национальная система видеомониторинга с применением технологий искусственного интеллекта, которая позволяет распознавать разыскиваемых лиц, фиксировать правонарушения в автоматическом режиме и выявлять оставленные предметы в общественных местах. Такие технологии уже используются как инструмент повышения уровня общественной безопасности и оперативного реагирования правоохранительных органов [3]. Министерство внутренних дел Республики Казахстан активно внедряет искусственный интеллект и цифровые технологии непосредственно в следственную деятельность. В частности, в следственную практику интегрируется цифровой помощник с элементами ИИ, способный анализировать показания, выявлять противоречия и обрабатывать большие объёмы информации. Кроме того, в МВД реализуется проект «Цифровой помощник следователя», интегрированный в информационную систему «Единый реестр досудебных расследований». Система позволяет переводить речь в текст, сопоставлять показания, выявлять противоречия, предлагать уточняющие вопросы и автоматически формировать отдельные процессуальные документы [4]. Значительное развитие получила и цифровая криминалистика. В Казахстане уже функционирует криминалистическая цифровая лаборатория, специалисты которой проводят компьютерно-технические исследования, работают с цифровыми следами, а также осуществляют анализ фото- и видеоизображений с идентификацией личности по биометрическим признакам. По данным МВД, с момента запуска пилотного проекта с помощью таких технологий было установлено более 275 лиц, причастных к совершению преступлений [5]. Перспективы внедрения нейросетей и технологий искусственного интеллекта в интересах общества выглядят весьма многообещающе, однако данный процесс сопряжен с рядом существенных рисков.

Стремительное развитие технологий ИИ и цифровой среды создает новые предпосылки для активизации киберпреступной деятельности. Особенно заметной проблемой остаётся интернет-мошенничество. В Казахстане в 2024 году было зарегистрировано 22 870 случаев интернет-мошенничества, что на 5% больше показателя 2023 года — 21 777 случаев [6]. В 2025 году государственные органы продолжили фиксировать высокий уровень цифровых угроз: МВД сообщало о блокировке 84,5 млн мошеннических звонков, а также о ликвидации 13 call-центров, связанных с деятельностью интернет-мошенников [7]. Анализ данных подтверждает, что цифровая трансформация несет в себе не только социальные преимущества, но и риски появления инновационных форм преступности, требующих регулярного обновления защитных протоколов. Наблюдаемая тенденция к росту киберпреступности обусловлена совокупностью факторов: интенсификацией цифрового взаимодействия и финансовых операций в онлайн-среде, дефицитом компетенций в области кибербезопасности у ряда граждан, а также активным внедрением злоумышленниками передовых технологических решений. Особую обеспокоенность вызывает распространение дипфейк-технологий, обеспечивающих создание высококачественного фальсифицированного аудиовизуального контента. Министерство

внутренних дел Республики Казахстан неоднократно информировало население о росте киберпреступности. Злоумышленники используют технологии дипфейков, подделывая образы публичных личностей для рекламы лжеинвестиционных платформ. Также зафиксированы факты рассылки фальсифицированных документов и уведомлений, визуально имитирующих официальную корреспонденцию госорганов и банковских структур [8]. В сложившихся условиях традиционные механизмы противодействия злоумышленникам теряют свою эффективность, что требует повышения уровня цифровой грамотности и критического мышления граждан. К числу часто встречающихся угроз также относятся phishing (фишинг) и vishing (вишинг). Суть фишинга заключается в выманивании у пользователя конфиденциальной информации, такой как банковские реквизиты или пароли от учетных записей, через фальшивые веб-ресурсы, цифровые сервисы и сообщения. Вишинг — это подвид данного мошенничества, реализуемый преимущественно через телефонные звонки, в ходе которых преступники представляются сотрудниками госорганов, банков или иных структур.

Анализ. Применение технологий ИИ значительно повышает эффективность таких атак: с помощью автоматизированных систем злоумышленники генерируют убедительные документы, изображения и сообщения, что существенно увеличивает уровень доверия со стороны потенциальной жертвы. Остро стоит вопрос обеспечения конфиденциальности личной информации и уважения к праву людей на частную жизнь. Хотя внедрение ИИ в системы видеонаблюдения, биометрию и автоматизированную обработку данных способно укрепить общественный порядок, оно несёт угрозу тотального надзора со стороны государства или корпораций. Ключевая дилемма заключается в определении баланса между обоснованными мерами безопасности и вторжением в личное пространство. В связи с этим технологический прогресс должен опираться не только на инженерные решения для защиты данных, но и на фундаментальные этические принципы, включая уважение человеческого достоинства, свободу, справедливость и ответственность. В данной ситуации ключевую роль играет уровень доверия общества. Существующие социологические данные свидетельствуют о противоречивом восприятии искусственного интеллекта обществом: на фоне надежд на рост безопасности, результативности и улучшения качества госуслуг нарастают опасения по поводу киберугроз, утечки персональных данных и тотального контроля. В связи с этим актуально проанализировать ключевые аспекты этого ценностного равновесия, соотнеся потенциальные выгоды от внедрения ИИ с возникающими рисками и мерами по защите прав граждан.

Источник	**Тематика**	**Ключевой результат**
КИСИ, 2025	Общее отношение к ИИ	30,1% видят преимущественно пользу; 37,7% — пользу и риски; 26,7% — больше рисков
КИСИ, 2025–2026	Страхи и цифровое доверие	55,3% опасаются кибермошенничества; 27,5% — нарушения конфиденциальности и утечки данных
Gumilyov Journal of Sociology, 2026	Отношение к государственному регулированию ИИ	Чем выше обеспокоенность правами и конфиденциальностью, тем чаще поддерживается государственный контроль

Таблица 1

Чтобы глубже осознать потенциальные опасности ИИ, важно опираться не лишь на криминальную статистику и государственные контрмеры, но и на накопленные сведения о общественном мнении относительно инноваций. Анализ актуальных данных демонстрирует, что в Казахстане к искусственному интеллекту относятся неоднозначно: технология не воспринимается однозначно как угроза или исключительно как ресурс новых перспектив. Теоретический вклад исследования заключается в осмыслении искусственного интеллекта не просто как технического средства, а как агента институциональных изменений, влияющего на механизмы государственной легитимации и уровень общественного доверия. Предложенная рамка интегрирует проблематику цифрового администрирования в контекст защиты прав

человека, алгоритмической подотчетности и актуальных социальных ценностей. Чтобы глубже осознать потенциальные опасности ИИ, важно опираться не лишь на криминальную статистику и государственные контрмеры, но и на накопленные сведения о общественном мнении относительно инноваций. Анализ актуальных данных демонстрирует, что в Казахстане к искусственному интеллекту относятся неоднозначно: технология не воспринимается однозначно как угроза или исключительно как ресурс новых перспектив. Согласно исследованию Казахстанского института стратегических исследований, проведённому в октябре–ноябре 2025 года среди 8 000 респондентов, 30,1% опрошенных ожидают от искусственного интеллекта преимущественно пользы, 37,7% видят в нём одновременно пользу и риски, а 26,7% считают, что рисков больше, чем преимуществ. Ещё 5,5% затруднились ответить [9]. Следовательно, самая большая часть населения придерживается взвешенной позиции: люди видят преимущества технологического прогресса, однако одновременно прогнозируют возникновение новых рисков и потребность в их регулировании. Более детально эти тревоги проясняются в рамках последующего исследования КИСИ, сфокусированного на цифровом доверии. Согласно его результатам, ведущей проблемой, связанной с искусственным интеллектом, признано кибермошенничество: о такой угрозе заявили 55,3% участников опроса. Кроме того, 27,5% респондентов выразили серьезную обеспокоенность по поводу нарушения конфиденциальности и риска утечки их личных данных [10]. Данные выводы имеют ключевое значение для рассматриваемой темы, так как демонстрируют, что первостепенной причиной беспокойства граждан выступают не гипотетические сценарии технологического прогресса, а вполне осязаемые риски для безопасности, финансового благополучия и конфиденциальности личных данных. Интерес представляет и исследование общественного восприятия правового регулирования ИИ, опубликованное в Gumilyov Journal of Sociology в 2026 году. Его результаты показывают связь между обеспокоенностью защитой прав и конфиденциальностью и поддержкой государственного регулирования искусственного интеллекта. При этом более высокий уровень доверия к искусственному интеллекту не исключал поддержку правового регулирования: респонденты могли одновременно положительно относиться к технологии и выступать за установление определённых правил её использования [11, 135]. Сопоставление этих данных позволяет утверждать, что общественная поддержка развития искусственного интеллекта не обязательно означает готовность принимать любое его применение без ограничений. Напротив, в обществе может одновременно существовать запрос на технологическое развитие, повышение безопасности и сохранение контроля человека над использованием цифровых систем. Именно здесь возникает ценностное измерение искусственного интеллекта. Вопрос заключается уже не только в том, способен ли ИИ эффективнее выявлять преступления, распознавать подозреваемых или предотвращать мошенничество, но и в том, какой ценой достигается эта эффективность. Усиление систем видеонаблюдения и масштабирование работы с персональными данными, безусловно, способствуют укреплению общественной безопасности, но при этом неизбежно вступают в конфликт с правом на неприкосновенность частной жизни, свободой, человеческим достоинством и общим уровнем доверия населения к государственным структурам. Сегодня искусственный интеллект становится не просто технологическим инструментом, а одним из факторов трансформации государства, правоохранительной системы и общественных отношений. Его применение открывает значительные возможности для предупреждения преступлений, анализа больших объёмов информации, цифровой криминалистики, выявления мошеннических схем и повышения эффективности государственного управления. Однако параллельно возникают и серьезные риски: технологии порождают новые виды киберпреступлений, усугубляют проблемы защиты частной жизни, способствуют массовому распространению поддельных медиа и расширяют масштаб автоматизированного надзора. В Казахстане переход от дискуссий о перспективном регулировании к практическому формированию нормативной базы уже завершен. В 2024 году была одобрена Концепция развития искусственного интеллекта на период 2024–2029 годов, которая охватывает развитие данных, инфраструктуры, человеческого капитала, научные исследования и регулирование правоотношений в сфере ИИ [12]. В ноябре 2025 года был принят Закон Республики Казахстан

«Об искусственном интеллекте», ставший важным шагом в создании национальной системы регулирования данной области [13]. Кроме того, в стране утверждены национальные стандарты в сфере ИИ, которые включают вопросы управления рисками и анализа больших данных [14]. В настоящее время для Казахстана ключевая задача смещается от дискуссий о целесообразности регулирования ИИ к оценке действующих механизмов на предмет их способности гармонично сочетать технологический прогресс, общественную безопасность и права личности. Приоритетными направлениями выступают сохранение человеческого надзора за решениями, влияющими на свободы граждан, прозрачность алгоритмических систем и этичное использование персональных данных. Исследование общественного мнения относительно искусственного интеллекта демонстрирует, что общество не обладает однозначным отношением к техническому развитию. Помимо надежд на получение выгоды, присутствуют тревоги по поводу киберугроз, защиты личных данных и риска чрезмерного контроля. Следовательно, результативность государственных стратегий в области ИИ зависит не только от масштабов внедрения цифровых инструментов, но и от степени доверия граждан к способам применения этих технологий. Республике Казахстан требуется создать архитектуру цифрового государства, где инновации гармонично переплетаются с гарантиями безопасности, этичности, уважения приватности и сохранением человеческого достоинства, что в совокупности укрепляет общественное доверие [15]. Подобный баланс обеспечит возможность применения искусственного интеллекта не только для усиления эффективности правоохранительной деятельности, но и как фактор социального развития, при котором защита фундаментальных прав граждан и ключевых общественных ценностей не вступает в конфликт с мерами по обеспечению безопасности.

Вывод. Следовательно, можно сделать вывод, что искусственный интеллект открывает новые перспективы для Казахстана в пресечении преступлений и противодействии мошенничеству, однако сопряжен с угрозами кибератак, системных ошибок и утечки данных. В связи с этим его интеграция требует строгого соблюдения принципов прозрачности, человеческого контроля, законности и защиты гражданских прав. Практическая ценность работы заключается в потенциале применения её выводов для оптимизации государственной политики в области цифровой безопасности и борьбы с киберпреступностью. В частности, на основе проведенного анализа доказана значимость внедрения человеческого контроля за алгоритмическими решениями, обеспечения прозрачности работы с персональными данными, систематического аудита ИИ-систем, а также повышения уровня цифровых компетенций граждан и госслужащих. В этой связи дальнейшее развитие искусственного интеллекта в Казахстане должно опираться на комплексный подход. Он предполагает совершенствование законодательства по мере появления новых технологических угроз, развитие стандартов безопасности и защиты данных, повышение цифровой грамотности граждан и государственных служащих, развитие межведомственного взаимодействия, а также регулярную оценку эффективности применяемых технологий. Ключевая цель цифровой трансформации должна заключаться в достижении баланса между государственными интересами безопасности и соблюдением фундаментальных прав человека.

Список литературы

1. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. – 4-е изд. – Москва: Лаборатория знаний, 2020. – 130 с.
2. Цифровые решения и искусственный интеллект: Генеральная прокуратура развивает современные инструменты обеспечения правопорядка [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. – 2026. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/1229493?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).
3. Закон и порядок: система распознавания лиц начала работать в двух мегаполисах Казахстана [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. – 21.11.2024. – URL:

https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/886756?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

4. ИИ помогает следователям: в МВД запустили пилотный проект [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. – 20.06.2025. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1021249?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

5. Как специалисты цифровой кримлаборатории МВД раскрывают преступления [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. – 08.06.2023. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/570158?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

6. О криминогенной ситуации за 2024 год [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. – 23.01.2025. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/article/details/192800?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

7. От профилактики к цифровой трансформации: в МВД подведены итоги работы за 2025 год и определены приоритеты на предстоящий период [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. – 2026. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1139163?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

8. МВД предупреждает о новых схемах интернет-мошенничества с использованием ИИ [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. – 29.04.2026. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1200107?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

9. Забирова А. Как казахстанцы видят будущее искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – 06.01.2026. – URL: https://kisi.kz/ru/kak-kazahstanchy-vidyat-budushhee-iskusstvennogo-intellekta/ (Дата обращения: 11.10.2026).

10. Забирова А. Цифровое доверие. Как формируется новая норма в эпоху ИИ? [Электронный ресурс] // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. – 19.01.2026. – URL: https://kisi.kz/ru/chifrovoe-doverie-kak-formiruetsya-novaya-norma-v-epohu-ii/ (Дата обращения: 11.10.2026).

11. Tokhtakhunov B. N., Montaev A. B., Altaev Zh. A., Eraliev Sh., Akmadi M. A. Public Perception of Legal Regulation of Artificial Intelligence // Gumilyov Journal of Sociology. – 2026. – Vol. 156. – No. 3. – P. 128–143. – DOI: 10.32523/3080-1702-2026-156-3-128-143.

12. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (Дата обращения: 11.10.2026).

13. Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗРК [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230 (Дата обращения: 11.10.2026).

14. В Казахстане утвердили национальные стандарты по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан. – 2025. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/1091791?lang=ru (Дата обращения: 11.10.2026).

15. Цифровой кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК [Электронный ресурс]. – URL: https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (Дата обращения: 11.10.2026).

ТАРИХИ ЖАДЫ ЖӘНЕ АДАМ ТАҒДЫРЫ: ПАВЛОДАР ӨҢІРІНЕ ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР

Газизова А.Б.
6В02201 Тарих 3 курс студенті, Торайғыров университеті,
Павлодар қ., Қазақстан Республикасы
e-mail: azhargazizova92@gmail.com
Ғылыми жетекші: профессор Турлыбекова А.М.

«Азаматтық құндылықтар – құндылықтар әлемі» тақырыбы адамзаттың тарихи дамуын бейбіт қатар өмір сүру, адам өмірінің қасиеттілігі, жеке қадір-қасиет, әділеттілік, өзара көмек және әлеуметтік бірлік сияқты қағидаттар тұрғысынан қарастыруға негіз ұсынады. Бұл құндылықтардың маңыздылығы жеке құқықтардың тапталуы және тұтас этникалық топтардың ата-бабаларының отандарынан күштеп көшірілуі сияқты тарихи оқиғаларды зерттеген кезде ерекше айқын көрінеді. Мемлекет тарапынан қысымның салдарын көрсетуден басқа, бұл депортациялардың тарихы ауыр әлеуметтік жағдайларға қарамастан аман қалуға тырысқан халықтың төзімділігін, еңбекқорлығын және өзара қолдауын, сондай-ақ жергілікті халықпен орнатқан өзара түсіністікті көрсетеді. Осы тұрғыдан алғанда, депортацияланған халықтардың тарихи тағдырын зерттеу өткенді әділ бағалауға ғана емес, сонымен қатар қазіргі қоғам үшін маңызды моральдық және этикалық қағидаттарды тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

1930 және 1950 жылдары КСРО ішіндегі халықтарды күштеп көшіру сталиндік тоталитарлық жүйенің жаппай қуғын-сүргін саясатының бір аспектісі болды. Этноәлеуметтік белгілері бойынша айыпталған тұтас халықтар тарихи отандарынан жер аударылып, Қазақстанның әртүрлі аймақтарына қоныстандырылды. Бұл арнайы жер аударылғандарды қабылдаған аймақтардың бірі – қиын табиғи-климаттық жағдайлармен сипатталатын және тиісті тұрғын үй мен әлеуметтік инфрақұрылымы жоқ Павлодар облысы болды.

Депортацияланған халықтарды қоныстандыру олардың әлеуметтік және демографиялық жағдайында айтарлықтай өзгерістерге әкелді. «Арнайы қоныстанушылар» әкімшілік бақылауға алынып, олардың қозғалыс еркіндігі шектелді. Сонымен қатар, олар ұжымдық және кеңшарларда, сондай-ақ өнеркәсіп, құрылыс және көлік салаларында жұмыс істеу арқылы аймақтың экономикалық дамуына үлес қосты.

Бұл тақырыптың өзектілігі мұрағат деректеріне сүйене отырып, Павлодар облысындағы депортация процесінің ерекшеліктерін, сондай-ақ арнайы қоныстанушылардың өмір сүру және жұмыс жағдайларын зерттеу қажеттілігінен туындайды. Бұрын құпия құжаттарды ғылыми талқылауға енгізу депортация саясатының ресми талаптары мен оның жергілікті деңгейде нақты жүзеге асырылуы арасындағы сәйкессіздіктерді анықтауға мүмкіндік береді.

Мақала Павлодар облыстық мемлекеттік мұрағатындағы құжаттарды пайдалана отырып, депортацияланған халықтарды қоныстандыру, тұрғын үй және азық-түлікпен қамтамасыз ету, оларды еңбекке тарту, медициналық көмек көрсету және балаларды оқыту мәселелерін зерттеуге бағытталған. Сонымен қатар, зерттеуде арнайы қоныстандыру режимінің олардың құқықтық және әлеуметтік мәртебесіне әсері талданады.

Зерттеуде мемлекеттік және партиялық органдардың қаулылары мен шешімдері, НКВД әкімшілігінің деректері, аудандық атқару комитеттерінің есептері мен меморандумдары пайдаланылды. Оларды талдауда тарихи-салыстырмалы, проблемалық-хронологиялық және жүйелеу әдістері, сондай-ақ дереккөздерді талдау әдістері қолданылды. Жалпы алғанда зерттеудің ғылыми маңызы Павлодар облысындағы депортациялық үдерістерді нақты архивтік деректер арқылы көрсету және арнайы қоныс аударушылардың әлеуметтік- тұрмыстық және еңбек жағдайларының уақыт өте өзгеруін анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеудің ғылыми маңызы Павлодар өңіріндегі депортациялық үдерістерді нақты архивтік деректер арқылы көрсетіп, арнайы қоныс аударушылардың басынан өткен қиындықтарымен қатар олардың аймақ шаруашылығы мен қоғамдық өміріне қосқан үлесін кешенді түрде бағалаудан тұрады.

Бүгінгі күні депортацияланған халықтар мәселесі – отандық тарихнамадағы өзекті мәселелердің бірі. Депортацияланған халықтар мәселесіне қатысты алғашқы мақалалар 1990

жылдардың басында жарияланған, осы уақыттан бастап мұндай зерттеулер жалғасуда. Бірақ ғылымның жаңа кезеңі Қазақстанның президенті Қ.-Ж. К. Тоқаевтың «Саяси репрессиялар құрбандарын түпкілікті түрде ақтау жөніндегі» мемлекеттік комиссияны құру туралы Жарлығынан (2020 ж.) кейін пайда болды. Бұл процесс көбіне комиссия мүшелерінің жаңа архивті құжаттары мен материалын ғылымға тартып алуына негізделген.

Аталған тақырып бойынша жарық көрген алғашқы еңбектердің қатарында академик М.Қ. Қозыбаевтың [1] зерттеулерін ерекше атап өткен жөн. Оның редакциясымен жарық көрген «История Казахстана: белые пятна» атты еңбекте тоталитарлық режимнің 1920–1940 жылдары жүргізген экономикалық емес, күштеу саясатының апатты әлеуметтік-демографиялық салдары объективті түрде ашып көрсетілді. Қ.С. Алдажұмановтың «Күштеп көшіру: жымысқы саясат, басқыншылық әрекет», «Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг.», «Депортация народов – преступление сталинского тоталитарного режима» [2] атты және басқа да мақалаларында Қазақстан аумағындағы депортациялық үдерістердің себептері, жүзеге асырылу тетіктері мен салдары жан-жақты талданған. Осы бағыттағы зерттеулер қатарында корейлердің күштеп қоныс аударылу тарихына арналған Г.В. Канның, сондай-ақ неміс халқының депортациясын қарастырған Л.А. Бургарттың, В.Э. Кригердің және өзге де ғалымдардың еңбектері маңызды орын алады [3].

Еңбек армиясына жазылғандардың және арнайы қоныс аударылғандардың өмір сүру жағдайлары, еңбек жағдайлары және құқықтық мәртебесі – соғыс жылдарында да, одан кейінгі кезеңде де – А. Табулденов, М. Қалыбекова, Н. Әбуов және басқа да зерттеушілердің еңбектерінде қарастырылған [4].

Зерттеуде БК(б)К Павлодар облыстық комитетінің (3б-бет), Павлодар облыстық жұмысшылар депутаттары кеңесінің және оның атқару комитетінің (646-бет), Павлодар облыстық қоныс аудару департаментінің (221-бет), Павлодар облыстық халық комиссариатының жер департаментінің және аудандық атқару комитеттерінің жинақтарынан алынған құжаттар пайдаланылды. Сондай-ақ, пайдаланылған құжаттардың ерекшелігін атап өту қажет: олардың барлығы орыс тілінде ұсынылған.

Құжаттардың бірінші тобына НКВД Павлодар облыстық басқармасының, БК(б)К облыстық комитетінің және облыстық атқару комитетінің материалдары кіреді; бұл материалдар бұрын «өте құпия» жіктемелерге ие болған және соңғы жылдары ғана құпиясыздандырылған. Олар үкіметтің нұсқауларын орындау үшін шығарылған және жергілікті аудандық билік органдарына жолданған қаулылардан, шешімдерден және циркулярлардан тұрады. Облыс аумағындағы мемлекеттік билік болып табылатын облыстық атқару комитеті іс жүзінде партия органдарының нұсқауларын орындады. Сондықтан келген қоныс аударушыларды қоныстандыру және шаруашылық орналастыру мәселелерін шешуде мемлекеттік емес, партиялық құжаттардың маңыздылығы туралы айтуға болады. Мысалы, 1941 жылы сәуірде қабылданған құжатқа сәйкес, ҚКП(б) облыстық комитеті хатшысының және еңбек депутаттары облыстық Кеңесі атқару комитеті төрағасының орынбасарының қолымен арнайы қоныс аударушыларды орналастыру жөніндегі шаралар туралы арнайы қоныс аударушылардың кезекті тобын қарсы алу кезінде уақтылы көмек көрсету туралы мәселе көтерілді. Төмендегі өзгерістер енгізілді: «Қоныс аударушыларды қабылдайтын колхоздарда оларға арналған тұрғын үйлер дереу дайындалсын. Әрбір тұрғын үйді колхоз төрағасы, ауылдық кеңес төрағасы және партия ұйымының хатшысы қарап шығып, оның тұруға жарамдылығы туралы аудандық кеңестің атқару комитетіне хабарлауға тиіс. Қоныс аудару бөлімі белгілеген мерзімде қоныс аударушылар келетін станцияларға оларды қарсы алып, қоныстандыру колхоздарына ұйымдасқан түрде жөнелту үшін аудандық кеңестің, колхоз басқармаларының өкілдері, партия ұйымдарының хатшылары мен ауылдық кеңестердің төрағалары жіберілсін. Бұл ретте қажетті көлікпен және азық-түлікпен қамтамасыз ету ұйымдастырылсын.

Қоныс аударушылар орналастырылатын колхоздарда колхозшылар мен қоныс аударушылардан арнайы бригадалар құрылып, олар құрылысқа қажетті ағаш материалдары жеткізілетін орындарға жіберілсін. Бригадалар көлікпен, құрал-саймандармен және азық-түлікпен қамтамасыз етіліп, ағаш материалдарын дайындау мен тасымалдау жұмыстары

ұйымдастырылсын. Бөлінген азық-түлік қаражатының игерілуін қамтамасыз ету, сондай-ақ қоныс аударушыларға тұрғын үй салуға және олардың отбасыларының жеке пайдалануына мал сатып алуға арналған шаруашылық несиелерін уақтылы беру жөнінде қажетті шаралар қабылдансын. Ауыл шаруашылығы несиелерінің тек тікелей мақсаты бойынша жұмсалуына бақылау орнатылсын» [5].

Облыстың Лозовской (қазіргі Успен) және Бесқарағай аудандары бойынша қоныс аударушыларды шаруашылық орналастыру туралы ҚКП(б) Павлодар облыстық комитеті бюросының қаулысында тұрғын үй құрылысы бойынша бес күндік тапсырмалардың орындалмағаны атап өтілді. «1940 жылғы 10 қыркүйек пен 1 қазан аралығындағы 20 күн ішінде Лозов ауданында белгіленген бескүндік құрылыс тапсырмалары бойынша жоспарланған 311 үйдің орнына небәрі 35-ке жуық үй салынды. Бесқарағай ауданында да осы кезеңде жоспарланған 256 үйдің орнына тек не бәрі 20 үй салынған» [6].

ҚКП(б) облыстық комитеті Павлодар облысының колхоздарында қоныс аударушы шаруашылықтарды қоныстандыру туралы дайындаған анықтамасы сақталды. Мәселен, 1940 жылы Павлодар ауданына 562 шаруашылық келді, Максим Горький ауданы – 501, Урлютюпский ауданы – 477, Ертіс ауданы – 89, Куйбышевский – 236, Каганович – 95, Баян-Аульский – 14, Бескарагайский ауданы – 533, Лебяжі ауданы – 94, Цюрупинский – 658, Лозовский – 641. Барлығы 3900 шаруа қожалығы келіп қоныстанды [7].

Көші-қон қозғалысын ұйымдастыру жөніндегі орталық мемлекеттік органдардың қаулы құжаттарын, директивалық нұсқауларын жеке атап өту қажет. КСР Одағы Халық Комиссарлары Кеңесінің № 2016-915сс «Колхоздар мен колхозшылардың қоныс аударатын мүліктерін қабылдау тәртібі туралы нұсқаулықты бекіту туралы» Қаулысына сәйкес әр аудан, МТС және колхоз бойынша қоныс аудару кезеңіне КСР Одағының жер комиссары тағайындалды. Колхозда егінді қабылдау және оның төлемі, жұмысшы және өнімді малды қабылдау ережелері анықталды [8].

Осыған ұқсас құжаттардың ішінде Қазақстан Халық Комиссарлары Кеңесінің және ҚКП(б) Орталық Комитетінің «МҚК [Мемлекеттік қорғаныс комитетінің] 1941 жылғы 8 қазандағы Грузин, Әзірбайжан және Армян КСР-нан немістерді көшіру туралы № 744сс қаулысын іске асыру жөніндегі іс-шаралар туралы» Қаулысы да бар, оған сәйкес Павлодар облысында 5 мың неміс халқын қоныстандыру жоспарланған болатын. Қоныс аударуға басшылық жасау ҚазКСР ІІХК-на жүктелді, оған жер Наркомзем, ҚазССР Наркомсовхоздарын және республиканың басқа да ұйымдарын қоныс аудару жөніндегі жұмысқа тарту құқығын берді. Аталған контингентті қоныстандыруды 1941 жылдың 30 қазанына дейін аяқтау жоспарланған болатын. Немістерді ҚазССР-ге қоныстандыруды КСРО ХКК(б) және КСРО ХКК 1941 жылғы 12 қыркүйектегі № 2060-935сс «Қазақстанда Еділ бойындағы немістерді қоныстандыру туралы» қаулысына, КСРО ХКК (СНК) бекіткен қоныс аударатын колхоздар мен колхозшылардың мүлкін қабылдау тәртібі туралы нұсқаулыққа толық сәйкес жүргізу қажет болды, осы мәселе бойынша 1941 жылғы 30 тамыздағы № 2016-915сқ және ҚазКСР Халық Комиссарлары Кеңесінің және ҚКП(б) ОК 1941 жылғы 1 қыркүйектегі Қаулысымен жүргізілді [9].

Құжаттар арасында партиялық құрылымдардың мемлекеттік құрылымдарға үстемдігі жағдайында жергілікті жерлерде партиялық және атқарушы комитеттердің барлық қызметінің негізгі бағыттарын айқындайтын және бақылайтын ҚКП(б) ОК (облыстық комитет) бюросы отырыстарының қаулылары мен хаттамалары ерекше орын алады. Мұнда қоныс аударушыларды (переселенцы) жылы киіммен және аяқ киіммен қамтамасыз ету туралы қаулылар қабылданды, олардың шаруашылық және жұмыс жасау жағдайлары мәселелері қарастырылды. Ол аудандардың елдің басқа аймақтарынан арнайы қоныс аударушыларды қабылдауға дайындығын қадағалады, кемшіліктерді көрсетті (көліктің болмауы, қоныс аударушыларды уақтылы орналастырмау), өз директиваларын орындамағаны үшін жазалады. Ол аудандық комитеттердің хатшыларына жоғары тұрған органдардың, мысалы, арнайы қоныс аударушыларды жұмысқа қабылдау кезінде ұлттық кемсітушілікке жол бермеу туралы нұсқауларын түсіндірді.

Бюро материалдары партия басшылығының «арнайы қоныстанушыларға» қатысты

мәселелерді, әсіресе олардың экономикалық интеграциясы мен жұмыспен қамтылуына қатысты мәселелерді шешуге ерекше қызығушылығын көрсетеді. Құжаттар партия құрылымдарының бұл мәселелерге белсенді қатысуын және шешімдер ұсынуға күш салуын көрсетеді.

Павлодар облыстық мұрағатының қорларында НКВД басқармасының арнайы қоныстанушылар арасындағы жағдайға қатысты материалдары бар: «...НКВД басқармасының деректері бойынша, жақында Ертіс ауданына қоныстанған Солтүстік Кавказдан келген кейбір арнайы қоныстанушылар ұжымдық шаруашылық және басқа да жұмыстарға қатысуды тоқтатты. Бұл жағдай суық ауа райының басталуымен байланысты, бұл арнайы қоныстанушыларды жылы киімсіз қалдырды, осылайша оларды жұмыс істей алмады» [10].

Тағы бір құжатта Павлодар былғары зауытына тиесілі казармалық жатақханаларда орналасқан 85 «арнайы қоныстанушылар» отбасы (барлығы 635 адам) туралы ақпарат берілген. «Жақында болған қатты қысқы аязға қарамастан, осы казармаларда тұратын жоғарыда аталған отбасыларға ешқандай отын берілмеген. Пештер әлі күнге дейін жанбайды; нәтижесінде арнайы қоныстанушылар тұратын бөлмелердегі температура минус 20 градусқа дейін төмендеді. Көпшіліктің жылы киімдері жоқ, әсіресе балалар жеңіл киінген, бұл оларды өлім қаупіне ұшыратады.

Сонымен қатар, бұл топқа азық-түлік жеткізілмеген. Осы төзімсіз өмір сүру жағдайлары мен материалдық жетіспеушіліктің салдарынан 1945 жылдың қаңтарында ғана былғары зауытында 12 адам суықтан және аштықтан қайтыс болды. Егер шұғыл шаралар қабылданбаса, қаза тапқандар саны одан әрі артуы мүмкін» [11].

Облыстық атқару комитеті арнайы қоныс аударушыларды орналастыру және жұмыспен қамту туралы есеп дайындап, облыстық комитетке ұсынды. Қоныс аударылғандардың саны, олардың құрамы, аймақ бойынша таралуы және басқа да тиісті деректер көрсетілген ақпараттық құжаттар жиналды; есепте тұрғын үй, мал және астық алудағы қиындықтар, сондай-ақ берілген мүліктің дұрыс құжатталмауы сияқты мәселелер атап өтілді. Бұл материалдар арнайы қоныс аударушыларға қатысты партия мен үкіметтің қаулыларын шығару және орындау тетіктері, сондай-ақ міндеттердің басымдығын белгілеу және олардың шешілуін бақылау туралы түсінік береді.

«1946-1947 оқу жылына бірқатар дайындық жұмыстары да осындай жеткіліксіз деңгейде жүргізілді. Сонымен қатар, Баянауыл және Ертіс аудандарында, сондай-ақ Павлодар қаласында оқу жылы басталды, бірақ арнайы қоныс аударушылар популяциясына жататын мектеп жасындағы балалар туралы ешқандай есеп жоқ» [12].

Сондай-ақ, қоныс аударушыларды жұмыспен қамту бойынша күш-жігердің қанағаттанарлықсыз екені атап өтілді. «Мал шаруашылығы совхоздары тресі, облыстық жер бөлімі, облыстық тұрғын үй басқармасы, облыстық жергілікті өнеркәсіп басқармасы, облыстық өнеркәсіптік кооперация одағы, облыстық денсаулық сақтау бөлімі және бірқатар өнеркәсіп кәсіпорындары сияқты облыстық шаруашылық органдары арнайы қоныс аударушылар облысқа орналастырылған кезден бастап олардың арасындағы мамандарды анықтау және өз жүйелерінде пайдалану жұмыстарын тиісті деңгейде қарастырмаған. Бүгінгі таңда да. бұл жұмыс жеткілікті деңгейде атқарылмай отыр.

Сонымен бірге арнайы қоныс аударушыларды өндірісте қажет мамандықтарға оқыту жүргізілмейді және олардың кәсіби біліктілігін дамытуға бағытталған техникалық минимум сабақтары өткізілмейді» [13].

ҚКП(б), ІІХК, прокурор және т.б. облыстық комитетінің қорларында құрылған кейінгі құжаттарда келген халықтардың материалдық жағдайының нашарлығы, төмендігі де өзекті болып қала берді. Бұдан басқа, арнайы қоныста болған азаматтар өмірінің саяси құрамдас бөлігі туралы құжаттар да бар. Кагановический (қазіргі Ақсу), Лозовской (қазіргі Успен), Павлодар және басқа аудандардың бірқатар колхоздарында жекелеген арнайы қоныс аударушылардың қылмыстық әрекеттері, жергілікті тұрғындармен нашар қарым-қатынас фактілері, кеңеске қарсы үгіт-насихат және арандатушылық қауесеттердің таралуы орын алғаны атап өтілді.

Қалыптасқан жағдайға байланысты облыстық партия комитеті халық арасында саяси жұмыстың ешқандай әлсіреуіне және арнайы қоныс аударушыларды жұмысқа орналастыруға байланысты мәселелерді көтермеуді ұсынды. Көктемгі егіс науқанына қоныс аударушылар

белсенді қатысуы керек болды. Қоныс аударушыларды жұмысқа орналастыру, оларды колхоздарға тарту, үй жанындағы учаскелер мен бау-бақшаларды бөлу, құрылыс материалдарымен көмек көрсету, азық-түлікпен қамтамасыз ету мәселелерін шешу кезінде 1944 жылғы 15 қаңтардағы ҚКП(б) ОК «Қазақ КСР аумағында арнайы қоныс аударушыларды орналастыру жөніндегі іс-шаралар туралы» қаулысының орындалуын қамтамасыз ету талап етілді [14].

Қолда бар құжаттарда арнайы қоныс аударушылардың құқықтық жағдайына және олардың еңбек қызметін жүзеге асыру тәртібіне қатысты материалдар бар. Арнайы қоныс аударушылардың еңбегі КСРО ІІХК ГУЛАГ арнайы қоныстану бөлімі әзірлеген 1944 жылғы 8 наурыздағы «арнайы қоныс аударушылардың – қалмақтар, қарашайлар, шешендер, ингуштар, балқарлар мен немістердің шаруашылық және еңбекке орналастыру ережелерімен» реттелді, оған сәйкес барлық еңбекке қабілетті арнайы топ қысқа мерзімде жұмысқа орналасуы керек еді. «Арнайы қоныс аударушылардың шаруашылық және еңбекке орналастыру ережелері» арнайы қоныс аударушылардың шаруашылық және еңбек құрылысын бақылау функциясын ІІХК – ІІХКБ арнайы қоныстану бөлімдеріне, сондай-ақ ІІХК аудандық және кенттік арнайы комендатурасына берді. Бақылау мақсаты: а) арнайы қоныс аударушылардың бір қызмет немесе жұмыс орнынан екіншісіне өз бетінше ауысуына жол бермеу; б) кәсіпорындар мен мекемелер әкімшілігінің өкімі бойынша арнайы қоныс аударушылардың бір кәсіпорыннан арнайы қоныс аударушылардың қоныстану пункттерінен тыс орналасқан екіншісіне ауысуына жол бермеу; в) арнайы қоныс аударушылардың шаруашылық және еңбек жағдайындағы анықталған кемшіліктерді жою [15].

1945 жылы 8 қаңтарда КСРО Халық Комиссарлар Кеңесінің «арнайы қоныс аударушылардың құқықтық жағдайы туралы» № 35 қаулысы қабылданды, ол мәжбүрлі жұмысқа орналасуды және еркін қозғалысты шектеуді бекітті. Арнайы қоныс аударушылар - отбасы басшылары немесе оларды алмастыратын адамдар үш күн мерзімде отбасы құрамында болған барлық өзгерістер туралы ІІХК арнайы ұсынымына хабарлауға міндетті болды. Қоныстанған жерлерде режим мен қоғамдық тәртіпті бұзғаны үшін арнайы қоныс аударушылар 100 рубльге дейін айыппұл түрінде әкімшілік жазаға тартылды және 5 күнге дейін қамауға алынды.

КСРО Халық комиссарларының 1945 жылғы 8 қаңтардағы № 34–14с қаулысына сәйкес «ІІХК арнайы комендатуралары туралы ережені» бекітті, арнайы қоныс аударушылардың қоныстанған жерлерінен қашуын болдырмау, сондай-ақ олардың шаруашылық-еңбек құрылымын бақылау мақсатында арнайы комендатуралар құрылды. Осы құжаттың «Жалпы ережелер» бөлімінде арнайы комендатуралар өздерінің әкімшілік және жедел қызметінде қолданыстағы заңдарды, КСРО Халық комиссарларының «Арнайы қоныс аударушылардың құқықтық жағдайы туралы» қаулысын, сондай-ақ КСРО ІІХК бұйрықтары мен нұсқауларын басшылыққа алуы керек екендігі көрсетілген [16].

КСРО Ішкі істер министрі мен КСРО Бас Прокурорының «Қоныстанған жерлерден қашқаны және қоғамдық пайдалы жұмыстардан жалтарғаны үшін қоныс аударушыларды қылмыстық жауапкершілікке тарту тәртібі туралы» 1948 жылғы 22 желтоқсандағы бұйрығымен соғыс жылдарында күштеп көшірілген және жер аударылған адамдардың қашқаны үшін жазасы анықталды. «Кеңестік Социалистік Республикалар Одағы Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1948 жылғы 26 қарашадағы «Ұлы Отан соғысы кезінде Кеңес Одағының шалғай аудандарына жер аударылған адамдардың міндетті және тұрақты қоныстану орындарынан қашқаны үшін қылмыстық жауаптылығы туралы» Жарлығымен бұған дейін айтылғар адамдардың КСРО-ның шалғай аудандарына бұрынғы туған жеріне қайту құқығынсыз мәңгілікке қоныс аударылғаны белгіленді.

Міндетті қоныстану орындарынан өз еркімен кеткен (қашқан) адамдар қылмыстық жауапкершілікке тартылып, 20 жылға каторгалық жұмыстарға жіберілуге тиіс болды. Сонымен бірге Жарлықта: «Олардың бұрынғы туған мекемесіне қайтуға көмек көрсеткен адамдар қылмыстық жауапкершілікке тартылып, аталған қылмыстары үшін бес жыл мерзімге бас бостандығынан айырылуға тиіс» деп айтылған» [17].

Қоныс аударған халықтың маңызды бағыты оны еңбек күші ретінде пайдалану болды.

Барлық еңбекке жарамды адамдар еңбек қызметіне тартылды. «Еңбекке қабілетті адамдармен қатар жасөспірімдер, қарттар мен мүгедектігі бар адамдар да жұмыс істеді, өйткені еңбек депортация жағдайында тіршілік етудің және жаңа ортаға бейімделудің негізгі құралына айналды. Туған жерлерінен күштеп көшірілген қарашайлар, балқарлар, шешендер мен ингуштар колхоздарда ғана емес, өнеркәсіп кәсіпорындарында, шахталар мен кеніштерде, ағаш дайындау және құрылыс салаларында да еңбек етті. Олар бұрын өздеріне беймәлім болған кеніштер мен шахталарда жұмыс істеу, мақта, темекі және қызылша өсіру сияқты жаңа еңбек түрлерін меңгерді. Қысқа мерзім ішінде қажетті еңбек дағдыларын игеріп, өндірістік көрсеткіштері бойынша жергілікті тұрғындардан жиі озып отырды.

Шаруашылық басшылары арнайы қоныс аударушылардың жергілікті тұрғындарға қарағанда жоғары өндірістік нәтижелерге қол жеткізгенін, ал колхоздар мен совхоздарда ауыл шаруашылығы дақылдарының өнімділігі артқанын мойындады. Мұндай жетістіктерден жер аударылғандардың шаруашылық жүргізу тәжірибесі, кәсіби шеберлігі мен жанқиярлық еңбегі көрініс тапты» [18].

«Құндылықтар әлемі – әлем құндылықтары» тақырыбы аясында Павлодар өңіріне жер аударылған халықтардың тарихы бейбітшілік, адам абыройы, тарихи әділет, төзімділік және өзара қолдау қағидаттарының қоғамдық маңызын баяндайды. Арнайы қоныс аударушылардың бастан кешкен қиындықтары адам құқықтарын сақтау мен өткеннің қайғылы сабақтарын тарихи жадта сақтаудың қажеттілігін көрсетеді. Сонымен қатар олардың жаңа ортада тіршілік етуге талпынысы, ерен еңбегі және жергілікті тұрғындармен қалыптасқан өзара қарым-қатынасы ынтымақтастық пен ізгілік құндылықтарының қандай күрделі жағдайда да қоғамның тұтастығын сақтауға ықпал ететінін аңғартады.

Павлодар облыстық мемлекеттік архивінің құжаттарын талдау халықтарды күштеп қоныс аудару саясатының алдын ала белгіленген әкімшілік жоспарлар мен қатаң бақылау тетіктері арқылы жүзеге асырылғанын баяндайды. Орталық және жергілікті билік органдары арнайы қоныс аударушыларды қабылдау, орналастыру, тұрғын үймен, азық-түлікпен және жұмыс орындарымен қамтамасыз ету жөнінде көптеген қаулылар мен нұсқаулар қабылдаған болатын.

Бірақта ресми шешімдерде жоспарланған шаралар іс жүзінде толық атқарылмаған. Архивтік материалдар қоныс құрылысы мен жөндеу жоспарларының жүйелі түрде атқарылмаған. Соның салдарынан көптеген отбасылар баспанасыз, отынсыз, жылы киімсіз және азық-түліксіз қалған. Медициналық-санитарлық көмек көрсетудің жеткіліксіздігі, балаларды мектептер мен ерте жастағы балалар мекемесіне тарту жұмыстарының тиісті деңгейде атқарылмауы, сондай-ақ жеке шаруашылық жүргізуге қажетті жер үлестері мен малдың берілмеуі олардың күйін одан әрі асқындырды.

Кейбір елді мекендерде суық, аштық пен ауру адам өліміне алып келген болатын. Осы ақпараттар депортацияланған халықтарды шаруашылыққа орналастыру жөніндегі ресми саясат пен оның жергілікті деңгейде жүзеге асырылуы арасында елеулі алшақтық болғанын баяндайды.

Қоныс аударушылардың мәртебесі олардың күнделікті өмірі мен еңбек қызметін шектейтін әкімшілік шарттармен нақтыланды. Оларға қоныстандырылған аумақтан өз бетінше кетуге, тұрғылықты мекенжайын немесе жұмыс орнын өзгертуге рұқсат берілмеді. Комендатуралар олардың қозғалысын қадағалап, белгіленген тәртіптің сақталуын бақылауда ұстады. 1948 жылғы нормативтік актілер арнайы қоныстандырудың мерзімсіз сипатын заң жүзінде бекітіп, белгіленген аумақтан рұқсатсыз кеткен жағдайда қылмыстық жауапкершілікке тартуды көздеді. Нәтижесінде арнайы қоныстану тәртібі депортацияланған адамдардың қозғалыс еркіндігін, тұрғылықты жерін таңдау мүмкіндігін және еңбек саласындағы дербестігін шектейтін әкімшілік-бақылау жүйесіне айналды.

Қатаң режимге қарамастан, депортацияланған этникалық топтар жаңа әлеуметтік ортаға бейімделіп, аймақтың экономикалық өміріне белсенді қатысты. Немістер, шешендер, ингуштар, қарашайлар, балқарлар және басқа да жер аударылған халықтардың өкілдері ауыл шаруашылығы мен өнеркәсіптің әртүрлі салаларында жұмыс істеді. Олар ұжымдық және кеңшарларда, зауыттарда және шахталарда, сондай-ақ құрылыс және көлік салаларында жұмыс істеді. Жер аударылғандардың өндірістік тәжірибесі, кәсіби білімі және мықты жұмыс

этикалары ауыл шаруашылығы өнімділігін арттыруға, мал шаруашылығын дамытуға және жұмыс процестеріндегі озық тәжірибелерді таратуға ықпал етті. Бірлескен еңбек арқылы жергілікті халық пен арнайы қоныстанушылар арасында кәсіби тәжірибе алмасу дамыды, бұл өзара әлеуметтік байланыстардың орнауына ықпал етті.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Козыбаев М.К. Историография Казахстана: уроки истории. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – 135 с.
2. Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. – Алматы: Фонд «XXI век», 1997. – 16 с.
3. Баймаханов М.Т. Депортация народов и проблема прав человека //Материалы семинара, Алматы, 12 июня 1997 г. Редактор: Трутанов И. и др. – Алматы: Фонд XXI век, 1998. – 82 с.; Кан Г.В. Корейцы Казахстана: исторический очерк. – Алматы: Казахстан, 1994. – 240 с.; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане (1937-1956 гг.). – Усть-Каменогорск, 2001. – 375 с.; Кригер В.Э., Фризен А.Н. Из истории советских немцев //История Казахстана белые пятна сб. Статей. – Алма-Ата, 1991. – С. 250-275.
4. Табулденов А.Н. Депортации народов и эвакуация населения в Северный Казахстан (1937-1956 годы). – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2015. – 192 с.; Калыбекова М. История депортированных народов Казахстана, 1937-1956 гг. //Гуманитарые науки в Сибири. – 2015. – №1. – С.98-101; Абуов Н. Освобождение депортированных народов со спецпоселений в Казахстане в 50-е годы XX века. 2016. [электронный ресурс] URL: https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9285 (қаралған күні 28.09.2026 ж.)
5. Павлодар облысының мемлекеттік архив (ПОМА), Қор 3п. Тізімдеме 1. Іс 208. Парақ 50.
6. ПОМА Қ.3п. Т.1. Іс 152. П.29-30.
7. ПОМА Қ.3п. Т.1. Іс 244. П.1.
8. ПОМА Қ.646. Т.1. Іс 174. П.37-48.
9. ПОМА Қ.646. Т.1. Іс 173. П.94-95.
10. ПОМА Қ.646. Т.1. Іс 353. П.2.
11. ПОМА Қ.646. Т.1. Іс 353. П.14.
12. ПОМА Қ.5. Т.1. Іс 766. П.238.
13. ПОМА Қ.3п, Т.1, Іс 643. П.11.
14. Сонда.
15. Лиджиева И.В. Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. //Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С.34-39.
16. ПОМА Қ.646. Т.4с. Іс 66. П.23.
17. ПОМА Қ. 864. Т. 4. Іс 68. П.23-24.
18. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Депортации народов Северного Кавказа в 1940-ые годы как фактор диаспоризации и модернизации, 2013. [Электрондық ресурс] URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11581 (қаралған күні 19.09.2026 ж.).

ГРАНИЦЫ МОРАЛЬНОГО РЕЛЯТИВИЗМА И ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ

Гузев В. Д.
студент 1-го курса ОП 6В09103 «Ветеринария»
Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы
г. Костанай, Казахстан
e-mail: guzevvadim0@gmail.com
Научный руководитель: Тойматаев Даурен Болатулы, кандидат философских наук, ассистент профессора кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Аннотация. В статье рассматривается соотношение морального релятивизма и объективности нравственных норм. Разграничиваются фактическое разнообразие убеждений и философский тезис об относительности моральной истины. Анализируются аргументы личного одобрения, нравственной ошибки, человеческого блага и морального прогресса. Особое внимание уделяется вопросу, может ли индивидуальное или общественное согласие само по себе оправдать поступок. На основе сопоставления аргументов релятивизма и объективизма защищается ограниченный тезис: нравственная оценка требует оснований, не сводимых к одному лишь желанию или мнению действующего лица.

Ключевые слова: нравственность, моральный релятивизм, субъективизм, объективное благо, нравственная ошибка, моральное оправдание, моральный прогресс.

Введение

В споре о нравственности фраза «у каждого своя мораль» звучит почти как заключительный аргумент. Она действительно может означать простую вещь: люди воспитываются по-разному и не всегда одинаково оценивают поступки. Но иногда ей придают совсем другой смысл. Если мнения расходятся, будто бы никто не вправе говорить об ошибке. Мне представляется, что именно этот переход требует доказательства. Разногласие и отсутствие правильного ответа не одно и то же.

Представим человека, который считает допустимым нарушить данное обещание ради личной выгоды. Он может искренне одобрять собственное решение, но его убеждённость ещё не объясняет, почему интересы другой стороны можно игнорировать. Если же обещание приходится нарушить, чтобы предотвратить серьёзную опасность, мы оцениваем ситуацию иначе. Оказывается, нравственный вопрос не сводится к факту одобрения: значение имеют причины действия, положение затронутых людей и последствия, за которые действующий должен дать объяснение. Но достаточно ли этих оснований, чтобы говорить об объективности нравственных норм?

Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, достаточно ли индивидуального либо общественного одобрения для нравственного оправдания поступка. Для этого сопоставляются разные значения релятивизма, аргументы его защитников и доводы сторонников объективных нравственных ограничений. Метод исследования теоретический: анализ понятий, сопоставление философских текстов и мысленные ситуации, в которых важно различать согласие, последствия и основания поступка. Опрос не проводится, поскольку число согласных с нормой само по себе не устанавливает её правильность. Основное внимание уделено различию между тем, что человек считает допустимым, и тем, чем он может обосновать своё решение перед другими.

Рабочую гипотезу можно выразить так: если личное одобрение само по себе определяет нравственную правильность поступка, то человек не может нравственно ошибаться относительно действий, которые искренне считает верными. Если же подобная ошибка возможна, необходимо различать само убеждение и критерий его оценки. Этот ход мысли не доказывает автоматически существование объективных моральных фактов, но позволяет проверить состоятельность крайнего субъективизма и уточнить, какой формы объективизма достаточно для критики произвола.

Различие взглядов ещё не доказывает относительность морали

Сначала нужно различить несколько позиций. Описательный релятивизм говорит о фактическом многообразии нравственных представлений. Метаэтический релятивизм касается уже самой истинности либо обоснованности моральных суждений: она оценивается относительно норм определённого сообщества [1, 1]. Субъективизм в рассматриваемой нами форме переносит такой критерий на убеждения отдельного человека. Поэтому фраза «мы не согласны» ещё не означает «никто не ошибается». В первом случае сообщается факт, во втором делается философский вывод, который нельзя принять без доводов.

Сходную ошибку можно допустить и в других областях. Историки могут расходиться в объяснении одного события, но сам спор не отменяет вопроса об источниках и доказательствах. Мораль, конечно, нельзя просто приравнять к истории или естествознанию. Тем не менее стороннику релятивизма нужно показать, почему разногласие именно в нравственных вопросах

должно означать отсутствие общей истины. Одного указания на разнообразие обычаев для этого недостаточно.

Впрочем, философский релятивизм не равен бытовому «мне так нравится». Гилберт Харман рассматривает некоторые моральные суждения в связи с неявными соглашениями и взаимными ожиданиями участников отношений. В этой теории нравственная оценка опирается на большее, чем личная прихоть [2, 3–6]. Другая важная критика объективизма принадлежит Джону Макки. Он приводит два разных довода: от расхождения нравственных кодексов и от необычности предполагаемых объективных ценностей [3, 36–42]. Первый заставляет объяснить устойчивые расхождения между обществами. Второй спрашивает, что это были бы за свойства, если бы они сами по себе требовали определённого поведения, и как человек мог бы их познавать. Второй довод нельзя опровергнуть простой фразой о том, что некоторые поступки кажутся нам явно плохими.

При обсуждении Макки следует избежать терминологической ошибки. Его отрицание объективных ценностей не тождественно культурному релятивизму. Согласно теории ошибки, обычные моральные суждения претендуют на объективную значимость, которой, по мысли философа, нет [3, 35]. Релятивист же может признавать истинность суждения относительно норм группы. Это разные объяснения нравственного языка, и спорить с ними следует по-разному. Здесь рассматривается более определённая проблема: может ли сам факт принятия нормы быть достаточным основанием считать её нравственно оправданной?

Личное одобрение, человеческое благо и нравственное основание

Моё исходное соображение таково: другой человек имеет собственные цели и интересы, даже когда они расходятся с моими. Это ещё не означает, что любое его желание становится моей обязанностью. Просьба уступить место, желание получить преимущество или ожидание помощи имеют разный вес в зависимости от обстоятельств. Для нравственной оценки приходится спрашивать, затронуто ли случайное предпочтение, принятое обязательство или условие, без которого человеку трудно самостоятельно распоряжаться собственной жизнью.

Допустим, два человека хотят воспользоваться единственным свободным рабочим местом в читальном зале. Одному оно нужно для удобства, другому для срочной подготовки к экзамену. Из этого примера нельзя автоматически вывести обязанность первого уступить. Но можно понять, почему простое «я занял раньше, и мне так хочется» ещё не отвечает на все вопросы о справедливости ситуации, если действуют заранее принятые правила, обязательства или особые обстоятельства. Я намеренно выбираю не крайний случай: различать важность интересов необходимо и там, где обе стороны имеют понятные причины.

Под базовыми интересами в статье понимаются прежде всего такие условия, утрата которых существенно подрывает способность человека выбирать цели и действовать самостоятельно: жизнь, здоровье, возможность принимать решения и поддерживать необходимые отношения с другими. Этот перечень не является исчерпывающим. Его смысл в различении обычного неудобства и серьёзного препятствия для жизни и деятельности. Временный отказ в удовольствии не равнозначен лишению человека возможности распоряжаться собой. Вместе с тем наличие ущерба ещё не даёт полного нравственного вывода: требуется рассмотреть причину действия и возможные альтернативы.

Такое понимание блага имеет философские основания. У Аристотеля человеческое благо связано с деятельностью и осуществлением способностей, а не сводится к сумме приятных ощущений [4, 63–64]. Марта Нуссбаум ставит другой, более практический вопрос: что человек реально может делать и кем он может быть при существующих условиях [5, 123–126]? Эти подходы не следует смешивать. Первый относится к представлению о хорошей человеческой жизни, второй позволяет оценивать возможности её самостоятельного осуществления. Для моего аргумента важно общее: благополучие нельзя без остатка заменить субъективной удовлетворённостью конкретным поступком.

Возражение здесь очевидно. Из того, что человек потерял какую-то возможность или испытал ущерб, ещё не вытекает запрет на действие другого. Можно признать последствия и не согласиться с их нравственной оценкой. Поэтому в основании статьи лежит нормативная предпосылка: чужие основные интересы нельзя без дополнительных причин объявлять

незначительными только потому, что они чужие. Эта предпосылка нуждается в обосновании. Наука может установить факт ущерба, но не может одним описанием заменить рассуждение о должном.

Предлагаемый критерий требует различать тяжесть затронутого интереса и основание вмешательства. Если человек ищет необязательной выгоды ценой серьёзного нарушения чужой самостоятельности, одного желания получить выгоду недостаточно. Но бывают другие обстоятельства: согласие затронутого лица, предотвращение непосредственной угрозы, исполнение добровольно принятого обязательства. Их нельзя игнорировать. Поэтому правило звучит не как абсолютное «никогда не причиняй вред», а как требование дать соразмерное и относящееся к делу оправдание вмешательства.

В чём тогда заключается оправдание? Оно должно указывать на обстоятельство, которое действительно меняет нравственную оценку. Сила человека объясняет, почему он способен принудить другого; сама по себе она ничего не говорит о допустимости принуждения. Иное дело, если человек предотвращает нападение и выбирает наименее опасный доступный способ защиты. Здесь меняется не его положение в иерархии, а характер самого действия. Я называю такое обстоятельство нравственно значимым различием. Этот подход не доказывает существование особых моральных свойств, о которых спорит Макки, зато позволяет отличить аргумент от простой ссылки на власть или желание.

У понятия базового интереса есть и другая опасность. Его легко превратить в готовый образец «правильной жизни», который навязывается другим. Один человек стремится к научной работе, другой к семье, третий к творчеству. Признание важности здоровья и способности принимать решения не позволяет объявить какую-либо из этих целей единственно достойной. Напротив, базовые условия важны потому, что сохраняют возможность выбирать собственную жизнь. Поэтому я говорю прежде всего о границах произвольного вмешательства, а не о праве делать другого счастливым против его воли.

Сила, право и пределы допустимого

Различие между силой и правом здесь принципиально. Руководитель обладает властью над работником, а большинство может навязать решение меньшинству. Но возможность сделать это ещё не отвечает на вопрос, почему такое решение нравственно оправданно. Нельзя вывести право на поступок только из факта, что человек способен его совершить. Для обоснования нужно назвать обстоятельства, относящиеся к самому действию и к положению тех, кого оно затрагивает.

Нравственное равенство не означает одинаковых обязанностей и полномочий. Врач располагает специальной компетенцией, преподаватель оценивает знания студента, судья принимает решение в пределах закона. Различие ролей может быть оправдано самой задачей. Но из него не следует общее разрешение унижать зависимого человека, использовать его доверие или причинять ему ущерб ради развлечения. Поэтому нужно спрашивать, имеет ли конкретное различие отношение к нравственной оценке конкретного действия.

Близкую границу проводит Кант. В «Основоположении к метафизике нравов» он требует относиться к человеку всегда также как к цели, а не только как к средству [6, 429]. Это не запрет на любую взаимную пользу: в обычной жизни мы постоянно пользуемся трудом и помощью других. Проблема возникает, когда чужие цели, согласие и самостоятельность совершенно исключаются из расчёта. В отличие от рассуждения о последствиях, кантовский довод обращает внимание на способ отношения к человеку. Так объясняется, почему большая выгода ещё не даёт безусловного права распоряжаться чужой жизнью.

В то же время запрет неоправданного вреда не равен требованию никогда не причинять неудобств. Медицинское вмешательство может быть болезненным, но необходимым для спасения жизни; ограничение действий нападающего может требовать силы, но направлено на предотвращение непосредственной угрозы. В обоих случаях встаёт вопрос о соразмерности. Если ту же цель можно достигнуть без тяжёлого вреда, причинение более тяжёлого вреда нуждается в самостоятельном оправдании.

Из рассмотренных принципов можно составить порядок проверки нравственного оправдания. Во-первых, выяснить, чей интерес затрагивается и насколько серьёзны

последствия. Во-вторых, установить цель и основание действия: согласие, предотвращение угрозы, выполнение обязанности или лишь личная выгода. В-третьих, проверить, существовал ли менее вредный способ достичь той же цели. Наконец, важно спросить, не превращается ли человек исключительно в средство. Этот порядок не выдаётся за новую универсальную этическую теорию. Он помогает применить уже известные принципы к конкретному спору.

При этом существует важное ограничение и у рассуждения о пользе. Представим, что для спасения нескольких больных предлагают без согласия убить одного здорового человека и использовать его органы. Арифметически число спасённых жизней может быть больше. Но здесь невиновный человек становится не участником помощи, а материалом для чужой цели. Значит, одного подсчёта последствий недостаточно: нужно также учитывать независимый статус того, на кого действие направлено. Это пример того, почему в работе сочетаются внимание к благу и ограничение на использование человека исключительно как средства.

Не следует смешивать обязанность не причинять намеренного вреда с обязанностью помогать. Представим прохожего, который может выручить другого ценой небольшого неудобства. Отказ от помощи тоже заслуживает нравственного обсуждения. Но если признать помощь благом, из этого ещё не следует возможность требовать от любого постороннего человека какой угодно жертвы. Такая разница важна и для оценки общественных правил: забота об общем благе не должна без объяснения превращаться в принуждение отдельных людей.

Может ли ошибаться целое общество?

Вернёмся к утверждению «у каждого своя мораль». Если оно означает лишь разнообразие мнений, то не влечёт отрицания истины. Если же личное или общественное одобрение объявляется источником самой правильности, появляется проблема нравственной ошибки. Представим общество, которое считает допустимым произвольное лишение части людей самостоятельности ради удобства большинства. Возможно ли сказать, что общество в целом ошибается? Если единственным критерием служит его собственное одобрение, трудно объяснить смысл такого утверждения, не переходя на язык нравственных норм другой группы.

Здесь полезно отличать закон от морали. Право фиксирует правила, которые поддерживаются определёнными институтами. Но из того, что правило действует, ещё не следует, что оно нравственно оправданно. Иначе критика несправедливого закона была бы просто просьбой сменить один обычай на другой. Именно поэтому я не считаю достаточным ответ «нельзя, потому что это запрещено». Более интересен вопрос: есть ли у запрета основания, которые позволяют критиковать и сам закон, если он защищает произвольный вред?

Этот вопрос виден и в повседневной цифровой жизни. Участники группового чата могут считать обычным распространение чужой переписки. Но фраза «у нас так принято» сообщает лишь о привычке группы. Она ничего не говорит о согласии человека, чьи сообщения пересылают, и не объясняет, почему его доверие допустимо нарушить. Чтобы оценить случай, нужны сведения об обстоятельствах, возможном вреде и причинах разглашения. Сам обычай не заменяет такого объяснения.

Другой случай связан не с приватностью, а со справедливостью процедуры. Представим конкурсный отбор на учебную стажировку, в котором комиссия по общему согласию предпочитает знакомых кандидатов независимо от качества заявок. Даже единодушие комиссии не объясняет, почему одни участники должны иметь преимущество перед другими. Для цели отбора существенны подготовка кандидатов и результаты их работы, тогда как личное знакомство не является нравственно значимой причиной неравного отношения. Поэтому само одобрение правила теми, кто его установил, ещё не завершает обсуждение его справедливости. В этом случае требование обосновать различие между участниками применимо к устройству института, а не только к поступку отдельного человека.

Труднее обстоит дело с моральным прогрессом. Когда мы говорим, что общество не просто изменилось, а исправило несправедливость, предполагается некоторое мерило улучшения. Джеймс Рейчелс использует возможность критиковать обычаи собственного общества против культурного релятивизма [7, 19–21]. Но Эдуардо Перес-Наварро показывает, что релятивист способен объяснять оценки исторического прогресса, не отказываясь от

относительности моральных суждений [8, 890–893]. Следовательно, само слово «прогресс» ещё не решает спор. Надо выяснить, на каком основании мы называем прошлую практику ошибочной.

Здесь особенно заметна разница между двумя утверждениями. Одно означает: «прежнее правило не соответствует нашим нынешним ценностям». Другое говорит сильнее: «оно было неправильным и тогда, когда большинство его поддерживало». Релятивист может принять первое и оспаривать второе. Объективист, напротив, обязан объяснить, чем обоснована оценка, не зависящая от смены общественных настроений. Перес-Наварро делает этот спор сложнее, а не снимает его [8, 890–893]. Поэтому я не считаю довод о прогрессе опровержением всего морального релятивизма.

Возражения против объективного критерия

Защита достоинства и базовых интересов тоже допускает возражение. Сторонник релятивизма вправе спросить, почему именно эта система ценностей должна считаться объективной. Сослаться в ответ на распространённость прав человека было бы недостаточно: распространённое мнение и есть предмет спора. Более осторожная позиция состоит в том, что личное одобрение не завершает обсуждения поступка, затрагивающего чужую свободу и основные интересы. Для более сильного тезиса об объективной истинности такой нормы понадобилось бы дополнительное метаэтическое доказательство.

Отдельную проблему представляет позиция последовательного эгоиста. Можно предложить ему правило взаимности: если он считает допустимым вредить другому, должен допустить то же по отношению к себе. Но он способен ответить: «согласен, пусть со мной поступают так же». Тогда логического противоречия не возникает. Поэтому довод взаимности сам по себе недостаточен. Его ценность скорее в том, что он выявляет произвольные исключения, но он не заменяет отдельного обоснования значения чужих базовых интересов.

Второе возражение связано с переходом от факта к норме. Из факта раскрытия тайны, потери свободы или причинения боли не следует автоматически слово «нельзя». Для нравственного вывода нужно оценить обязательства и отношения между людьми, цель поступка и его последствия. Так, сам факт причинения боли во время необходимого лечения не равнозначен злонамеренному причинению боли ради развлечения. Разница объясняется не одним состоянием пострадавшего, а дополнительными нормативными основаниями. Этот переход следует показывать открыто, а не прятать под выражением «объективный вред».

Иногда объективизм критикуют за опасность догматизма: если кто-то объявляет норму истинной, он может решить, что больше не обязан слушать других. Но это неверное следствие. Утверждение о возможной истинности нравственного суждения не означает непогрешимости человека, который его высказывает. Ошибки возможны при оценке ущерба, согласия и соразмерности. Именно поэтому требование аргументировать свою позицию относится и к сторонникам объективизма.

При этом нельзя сводить вопрос к одному правильному ответу для всех ситуаций. Конфликты интересов различаются по обстоятельствам, а одинаковые внешне действия могут иметь разные причины. Нравственная оценка требует внимательного рассмотрения конкретного случая, а не только ссылок на заранее избранную философскую школу.

Итак, предел моего аргумента следует обозначить прямо. Сказанного недостаточно для доказательства объективности каждой нравственной нормы и тем более существования особых моральных свойств. Тем не менее личное одобрение, сила и привычка группы сами по себе не объясняют, почему допустимо серьёзно вмешиваться в чужую жизнь. Требование дать основания для такого вмешательства является содержательным результатом анализа. Оно совместимо с признанием сложных случаев и не подменяет философский спор готовой формулой. Как подчёркивает Дж. Сэйр-Маккорд, моральный реализм предполагает, что истинность нравственных суждений зависит от моральных фактов, а не от самого наличия соответствующих убеждений [9, 39].

Заключение

Рассмотренный спор позволяет отделить три вопроса, которые в повседневной речи часто смешиваются: что я одобряю, что в действительности происходит с другим человеком и почему

мой поступок должен считаться допустимым. Именно смешение этих вопросов превращает фразу «у каждого своя мораль» из наблюдения о разногласиях в попытку прекратить спор без объяснения. Мысленные ситуации показали, что оценка зависит не только от желания действующего, но и от согласия, характера угрозы, обязанностей и возможных альтернатив.

Наиболее важным для меня оказался переход от превосходства к праву. Если я сильнее или занимаю более высокое положение, я способен повлиять на другого, но сам этот факт не создаёт нравственного разрешения. По той же причине базовые интересы другого человека нельзя объявлять ничтожными только из-за чужого удобства. Для оправдания серьёзного вмешательства приходится назвать нравственно значимое различие и проверить соразмерность средств. Такое требование не образует полного свода моральных законов; оно задаёт способ аргументировать в ситуациях, где сталкиваются интересы.

Итак, статья не опровергает все формы релятивизма. Она показывает, что различие взглядов не доказывает отсутствия нравственной истины, а согласие с поступком не является его достаточным обоснованием. Представленный разбор полезен как для личных конфликтов, так и для оценки правил организаций: в обоих случаях необходимо отличать удобство принимающего решение от причины, которая действительно оправдывает различное отношение к людям. Открытым остаётся самый трудный вопрос: как обосновать исходные нравственные принципы без кругового рассуждения. Именно этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Kölbel M. Moral Relativism // Routledge Encyclopedia of Philosophy / ed. T. Crane. London: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9780415249126-L099-2. Авторская версия: https://members.phl.univie.ac.at/koelbel/wp-content/uploads/sites/2/2017/12/Moral-Relativism_2015.pdf (дата обращения: 11.10.2026).

2. Harman G. Moral Relativism Defended // The Philosophical Review. 1975. Vol. 84, № 1. P. 3–22. DOI: 10.2307/2184078.

3. Mackie J. L. Ethics: Inventing Right and Wrong. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. 249 p.

4. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–293 (кн. I, 1097b–1098a).

5. Nussbaum M. C. Capabilities and Social Justice // International Studies Review. 2002. Vol. 4, № 2. P. 123–135. DOI: 10.1111/1521-9488.00258.

6. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kants gesammelte Schriften. Bd. IV. Berlin: Georg Reimer, 1903. S. 385–463 (формула человечества: S. 429).

7. Rachels J. The Challenge of Cultural Relativism // The Elements of Moral Philosophy. 4th ed. Boston: McGraw-Hill, 2003. P. 16–31.

8. Pérez-Navarro E. Friends with the Good: Moral Relativism and Moral Progress // The Philosophical Quarterly. 2024. Vol. 74, № 3. P. 886–899. DOI: 10.1093/pq/pqad101.

9. Sayre-McCord G. Moral Realism // The Oxford Handbook of Ethical Theory / ed. D. Copp. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 39–62. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195325911.003.0002.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ФЕМИНИЗМА И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОК ПОКОЛЕНИЯ Z

Дикусар Л.В., Дмитриева В.Е., студентки 1-го курса ОП 6В02302 – Переводческое дело, Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан

e-mail: dmitrievavaleria1306@gmail.com

Научный руководитель: Қапар Томирис Мейіржанқызы, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, ассистент-лектор

Введение

Поколение Z принято описывать через ослабление вертикальной передачи ценностей от старших и рост роли горизонтальных связей в социальных сетях, причём гендерная

самоидентификация относится к темам, наиболее значимым для молодёжи этого возраста [1, 144]. В результате социальные сети стали пространством, где конкурируют разные ценностные модели женственности и феминизма: от популярного «феминизма уверенности» до реакционных образов женственности, таких как tradwives(от traditional wives, «традиционные жёны» – женщины, которые в соцсетях демонстративно выбирают роль домохозяйки и матери. Они подчёркивают подчинение мужу и разделение ролей на «мужские» и «женские», часто в эстетике «идеального» домашнего быта. Движение связывают с консервативными и религиозными ценностями и противопоставляют феминизму) и femcels(от female + involuntary celibate, «женщины-инцелы» – онлайн-сообщества женщин, которые описывают себя как неспособных найти партнёра из-за внешности или социального статуса. Термин заимствован из мужской культуры инцелов. В TikTok он стал мемом и эстетикой самоиронии) У Fehr et al. [2] с ним связан фатализм по отношению к мужчинам. [2]. Для студенток, у которых идентичность ещё формируется, эта среда одновременно служит источником информации, площадкой самовыражения и зоной социального давления.

Исследования цифрового феминизма и гендерных установок молодёжи ведутся в нескольких традициях. Западные работы описывают алгоритмические эффекты платформ, прежде всего TikTok, и политику идентичности в сети [2]. Российские психологические работы анализируют гендерные установки, которые транслируют популярные блогеры [1]. Однако вопрос о том, как использование социальных сетей связано одновременно с восприятием феминизма и с самоопределением студенток, остаётся слабо изученным, особенно в казахстанском контексте.

Цель статьи – определить, какие социальные механизмы связывают использование социальных сетей с восприятием идей феминизма и самоидентификацией студенток поколения Z. Исследовательский вопрос: как использование социальных сетей связано с восприятием идей феминизма и самоидентификацией студенток поколения Z? Для ответа решаются задачи: обосновать теоретическую рамку и сформулировать гипотезы, систематизировать литературу и выявить пробел, описать методику и представить результаты эмпирической проверки.

Теоретическая рамка

Вопрос двусоставен: он касается восприятия идей (как студентки понимают, что такое феминизм) и самоопределения (как они позиционируют себя относительно него), и в нём сочетаются три уровня: медиасреда, группа и личность. Поэтому используются три концепции, по одной на каждый уровень.

Социальная идентичность: группа

Первая часть вопроса – почему одни студентки называют себя феминистками, а другие дистанцируются от этого слова, даже разделяя отдельные идеи. Здесь продуктивна теория социальной идентичности Х. Тэджфела и Дж. Тёрнера [3, 33–47]. Она исходит из того, что человек относит себя к социальным категориям, отождествляется с ними и сравнивает свою группу с другими, стремясь к положительному образу «своей» группы.

Механизм применительно к теме состоит в том, что слово «феминистка» работает как социальная категория, и готовность принять её зависит от того, насколько привлекательной и «своей» эта группа выглядит на фоне воображаемых «других». Например, в социальных сетях идентичности нередко упаковываются в эстетические категории, куда пользователь должен «вписаться» [2].

«Зеркальное Я»: личность

Вторая часть – как реакции других людей в сети отражаются на самовосприятии. Концепция «зеркального Я» Ч. Кули [4, 183–184] описывает три шага: человек воображает, как выглядит в глазах других, воображает их оценку и испытывает по этому поводу чувство вроде гордости или стыда.

В социальных сетях такое зеркало становится публичным и измеримым: лайки, комментарии и травля видны всем и накапливаются. Механизм состоит в том, что реакция аудитории на феминистское высказывание меняет самооценку и готовность его повторять. Это объясняет, почему критика или агрессия в ответ на публикацию могут вести к самоцензуре, а поддержка – закреплять идентичность.

Культивация: медиасреда

Третья часть – как складывается общее представление о том, что такое феминизм. Теория культивации Дж. Гербнера и Л. Гросс [5, 172–199] исходит из того, что длительное воздействие повторяющихся медиаобразов формирует у аудитории представление о социальной реальности, которое сближается с картиной, транслируемой медиа. Механизм таков: регулярно видя в ленте определённые образы феминизма (радикальные, коммерческие, враждебные), пользовательница начинает считать их типичными.

Теория создавалась для телевидения, а персонализированные ленты показывают разным людям разное, поэтому её применяют с поправкой на алгоритмы. По данным качественного исследования, алгоритм TikTok продвигает эмоционально заряженные сюжеты, которые собирают больше реакций [2].

Связь концепций и гипотезы

Три концепции работают на разных уровнях: культивация объясняет, какие образы феминизма усваиваются, социальная идентичность – как студентка позиционирует себя относительно этих образов, а «зеркальное Я» – как реакции окружения закрепляют или меняют это позиционирование. Из этого следуют три гипотезы для эмпирической проверки.

Гипотеза 1 (социальная идентичность): самоназвание «феминистка» не совпадает с согласием с феминистскими идеями, и часть студенток поддерживает идеи равенства, но отказывается от ярлыка. Гипотеза 2 («зеркальное Я»): студентки, которые получали негативные реакции на феминистский контент или наблюдали их у других, реже выражают феминистские позиции публично. Гипотеза 3 (культивация): чем чаще студентки видят в лентах конфликтный и коммерческий контент о феминизме, тем более поляризованным оказывается их образ «типичной феминистки».

Обзор литературы

От «волн» к цифровому феминизму

A. Price описывает историю феминизма как смену четырёх «волн»: от групп повышения сознания второй волны, превративших личный опыт в основу политического языка («личное – политическое»), через третью волну, связанную с распространением интернета и блогов, к четвёртой, которая, по её словам, состоит в основном из поколения Z и живёт в условиях безграничного доступа к знаниям и одновременно «виртуальной травли» [6, 2–4, 8]. Социальные сети, по Price, могут играть роль современной версии таких групп: хэштег-кампании (#EverydaySexism, #YesAllWomen) позволяют делиться опытом, но та же среда приносит травлю: по исследованию 2016 г., около 80 % активных в Twitter феминисток сталкивались с угрозами или оскорблениями [6, 14–17].

Социальные сети, по Price, могут играть роль современной версии групп повышения сознания: хэштег-кампании, такие как #EverydaySexism, #YesAllWomen и #WhyIDidntReport, позволяют делиться опытом и объединяться [6, 14, 16]. Но та же среда приносит травлю и анонимную агрессию [6, 16]. Автор ссылается на исследование 2016 г., согласно которому около 80 % феминисток, активных в Twitter, сталкивались с угрозами или оскорблениями [6, 16–17]. Кроме того, соотношение активных блогеров и пассивных потребителей создаёт иллюзию, что осведомлённость равна действию [6, 17].

Price указывает и на риск коммерциализации: популярность превращает феминизм в «товар» (футболки с лозунгами, «girlboss»), а индивидуализм начинает восприниматься как сам феминизм [6, 15, 17–18]. Позитивную рамку даёт блог Национальной организации женщин США: социальные сети, по его авторам, повышают осведомлённость и облегчают организацию, хотя и подвержены дезинформации и онлайн-ненависти [7];

Поколение Z и платформенные механизмы

Е. В. Зиновьева и Е. А. Кузнецова характеризуют поколение Z как выросшее в цифровой среде и ориентированное на собственные ценности и поиск информации среди сверстников [1, 143–144]. Н. Н. Олейник, обобщая исследования 2025–2026 гг., выделяет механизмы влияния цифровой среды на идентичность: самопрезентацию, алгоритмическое управление, социальное сравнение, парасоциальные отношения и «контекстный коллапс»; по её данным, эффект нелинеен, а девушки более уязвимы к влиянию на образ тела [8, 366–370]. Обзор адресован

подросткам и вторичен, поэтому его выводы служат ориентиром, а не доказательством. Fehr et al. показывают, что алгоритмическая лента TikTok создаёт пассивный опыт: контент «находит» пользовательницу, а не выбирается ею [2]. Peña-Fernández et al. отмечают, что оперативность, упрощение сообщений и способность к мобилизации способствуют образованию сообществ единомышленников [9].

Fehr et al. показывают, что алгоритмическая лента TikTok создаёт пассивный опыт: контент «находит» пользовательницу, а не выбирается ею, и это формирует особые условия для конструирования идентичности [2]. Peña-Fernández et al. отмечают, что такие свойства платформ, как оперативность, упрощение сообщений и способность к мобилизации, способствуют образованию сообществ единомышленников [9].

Восприятие феминизма: поляризация и усталость

Peña-Fernández et al. на материале Twitter и TikTok с помощью анализа социальных сетей установили, что спор о соотношении феминизма и трансгендерности привёл к сильной поляризации феминистского активизма в сети, причём среди молодёжи резко преобладают позиции транс-инклюзивного феминизма. Таким образом, поляризация зависит от платформы, а не только от темы.

Fehr et al. в фокус-группе молодых женщин (семь участниц, 23–27 лет) зафиксировали усталость от «феминизма уверенности» и «girlboss»-риторики и разрыв между лозунгами вроде «одевайся, как хочешь» и опытом внимания к себе в публичном пространстве; одновременно алгоритм продвигал контент о «femcels» и «женщинах-манипуляторах», порождавший фатализм в отношении мужчин и делавший привлекательными реакционные образы женственности [2]. Сами авторы оговаривают малую выборку и западный контекст. Схожую динамику описывает Price: большинство опрошенных североамериканских девочек 12–16 лет отвергало ярлык феминистки, но при перефразировании вопросов описывало давление, связанное с внешностью и поведением [6, 10]. Тем самым отказ от слова не означает отсутствия опыта, который феминизм описывает.

Транслируемые стереотипы

На русскоязычном материале Е. В. Зиновьева и Е. А. Кузнецова проанализировали ролики восьми популярных YouTube-каналов и выделили 19 посланий о различиях мужчин и женщин; они в основном воспроизводили стереотипы о более низком статусе женщины, но были противоречивыми [1, 146–148]. Опрос 191 человека в возрасте 16–18 лет показал, что большинство не поддерживает стереотипные послания, но проявляет амбивалентность: принимали большинство посланий 28,4 %, не принимали 51,6 %, 20 % заняли амбивалентную позицию; согласие было выше у склонных к конформности и испытывающих сильное влияние религиозных и моральных норм [1, 148–151]. Авторы объясняют амбивалентность разрывом между эксплицитными эгалитарными и имплицитными традиционными установками [1, 152] и подчёркивают, что не могут установить, сформированы ли установки блогерами или совпали с ними изначально [1, 153].

А. А. Новикова и А. А. Малеева на материале «ВКонтакте» пришли к выводу, что социальные сети скорее служат ареной гендерного конфликта и возрождают патриархальные стереотипы [10]; эта работа 2013 г. опирается на небольшую выборку (100 человек) и используется как историческая иллюстрация. Результаты исследований дополняют друг друга: социальные сети делают феминистские идеи видимыми, транслируют и стереотипы, и контробразы, поляризуют аудиторию, причём эффект зависит от платформы, алгоритма и индивидуальных черт пользователя.

Самоидентификация

Chen и Zeng на материале TikTok показывают, что молодые пользователи всё чаще отказываются от идеалов постфеминизма. Образы «girlboss» (образ амбициозной женщины, добивающейся успеха в карьере и бизнесе. Популяризирован книгой С. Аморузо *#GIRLBOSS* (2014). Критикуется как «феминизм уверенности»: он коммерциализирует феминизм и сводит равенство к личному успеху, а не к структурным изменениям), «pick me girl»(«выбери меня» – оценочное обозначение женщины, которая добивается мужского одобрения, дистанцируясь от других женщин («я не такая, как все девочки») и принижая «типично женское». Используется

как насмешка.) и «that girl» используются через юмор и иронию как воображаемые «другие». Возникает коллективная феминистская политика без положительных маркеров идентичности, где самоопределение строится через отталкивание [11].

Fehr et al. описывают сходную картину: идентичность превращается в «хэштег», в который нужно вписаться, а платформа требует личного «бренда»; общность на основе эстетики не давала участницам ожидаемой близости [2]. Н. Н. Олейник добавляет, что самопрезентация и социальное сравнение усиливают ориентацию на внешнее одобрение, а лайки и комментарии становятся публичным подтверждением оценки [8, 366–370].

Региональный контекст

Литература о Казахстане пока немногочисленна. Maltseva на основе интервью с активистками (2014–2019 гг.) показывает, что интерес молодых казахстанок к феминистским идеям и рост социальных сетей входят в число факторов недавней волны женского активизма [12]. Zhexenbayeva et al. описывают, как в Instagram, TikTok и Facebook образ казахской женщины соединяет традиционные ожидания (семья, скромность) и современную самопрезентацию (предпринимательство, гражданская активность) [13]; Kazhenova на материале комментариев в Instagram показала, что стандарты гегемонной женственности используются для утверждения «национальных традиций» и оправдания наказания женщин, чьё поведение им не соответствует [14]. Эти работы описывают среду, в которой действуют студентки, но не отвечают на вопрос, как они сами воспринимают феминизм и как себя называют.

Обзор литературы продемонстрировал, что западные работы подробно описывают алгоритмические эффекты TikTok и феминистскую усталость, но опираются на западный контекст. Российские исследования фиксируют транслируемые стереотипы, но не отвечают на вопрос о самоидентификации молодежи. Казахстанские работы описывают цифровые образы женщин и мотивы активизма, но не изучают, как студентки воспринимают феминизм и как себя называют. Тем не менее остаётся неизученной связь между платформенными практиками студенток поколения Z и их феминистской самоидентификацией в казахстанском контексте. Именно этот пробел восполняет настоящее исследование.

Эмпирическое исследование

Выборка и методы

Эмпирическая проверка гипотез проведена методом онлайн-анкетирования. Объект исследования – студентки Кокшетауского университета имени Шокана Уалиханова очной формы обучения преимущественно в возрасте 18–25 лет, то есть родившиеся после 1997 г., что соответствует границе поколения Z в источнике [7]. Выборка составила 40 респонденток; данные собраны в октябре 2026 г. Участие было добровольным и анонимным. Возраст 18–21 год указали 37 респонденток, 22–25 лет – 2, одна отметила «больше 25» (её анкета сохранена в расчётах). Педагогическое направление представляют 20 человек (50 %), гуманитарное и социальное – 10, остальные – другие направления; 17 респонденток выросли в селе или посёлке, 15 – в малом городе, 8 – в крупном городе или областном центре.

Анкета включала блоки о ценностной среде, использовании социальных сетей, контенте о феминизме, отношении к феминизму и самоназвании, эгалитарных установках (шкала 1–5), публичном поведении и опыте негативных реакций. Рассчитаны частоты и средние значения, сводный индекс эгалитарности (среднее по восьми утверждениям, два из которых о приоритете семьи и «природных» различиях ролей перекодированы), коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и критерий Манна-Уитни. При n = 40 результаты носят ориентировочный характер, поправки на множественные сравнения не вводились.

Результаты

Социальные сети как среда. Instagram регулярно использует 35 респонденток (87,5 %), TikTok – 31 (77,5 %). Четыре часа в день и более проводят в сетях 19 человек (47,5 %). Использование преимущественно пассивное: просмотр ленты (34), личные сообщения (32); собственный контент публикуют 11. Контент о феминизме встречается часто или ежедневно у 21 респондентки (52,5 %), причём 30 из 40 получают его через рекомендации и ленту и лишь 5 – по подписке или собственному поиску. Чаще всего видят личный опыт и истории женщин

(28), просветительские материалы (23), а также контент о «манипуляторах», «токсичных отношениях» и противостоянии мужчин и женщин (по 18). Главными источниками информации названы блогеры (20) и новостные медиа (16); университет – лишь 3 респондентки. Чем чаще встречается такой контент, тем благоприятнее отношение к феминизму ($\rho = 0{,}67$; $p < 0{,}001$).

Отношение и эгалитарные установки. Среднее отношение к феминизму составило 3,90 из 5: положительно (4–5 баллов) оценивают его 60 %, нейтрально – 32,5 %, отрицательно – 7,5 %. Установки выражено эгалитарны: право самой решать о браке и детях получило 4,92 из 5, равная оплата – 4,88, равное распределение домашнего труда – 4,82, равные права и возможности – 4,60; сводный индекс равен 4,37, а у 33 респонденток (82,5 %) он не ниже 4,0. Неоднозначнее оценки утверждений о «разных способностях от природы» (2,85; согласны 13, не согласны 15) и о том, что для женщины главное – семья (2,62). Отношение выше у выросших в крупном городе (4,67) и малом городе (4,07), чем в селе (3,59).

Самоидентификация. Феминистками себя называют 18 респонденток (45 %: 10 ответили «да», 8 – «скорее да»), не называют 10 (25 %), затрудняются ответить 12 (30 %). Таблица 1 показывает, что группы различаются прежде всего по отношению к феминизму, тогда как по эгалитарным установкам они сближены.

Таблица№1

«Самоназвание, отношение к феминизму и эгалитарные установки»

Самоназвание	**n**	**Доля, %**	**Отношение к феминизму (1-5)**	**Индекс эгалитарности (1-5)**
Называют себя феминистками	18	45,0	4,83	4,58
Затрудняются ответить	12	30,0	3,50	4,23
Не называют себя феминистками	10	25,0	2,70	4,16

Среди 22 респонденток, которые не называют себя феминистками или колеблются, 18 в среднем оценивают пять базовых утверждений о равенстве не ниже чем на 4,5. Вариант «не называю себя феминисткой, но разделяю идеи равенства» выбрала 21 респондентка (52,5 %), «называю и разделяю» – 12 (30 %), и лишь 2 (5 %) не называют и не разделяют. Среди причин дистанцирования чаще всего звучат «разделяю идеи, но не хочу ярлыка» (10 упоминаний) и «не хочу, чтобы меня ассоциировали с крайностями» (8); одна респондентка назвала страх агрессии и травли в сети. Нежелательные ассоциации – «pick me girl» (18), радикальные феминистки (12), антифеминистки (12), tradwives (10).

Образ «типичной феминистки».

Его описывают положительными словами («смелая» – 23, «уверенная» – 22, «борется за справедливость» – 21). Явно негативная рамка представлена прежде всего характеристикой «ненавидит мужчин» (8). Слово «радикальная» (12) мы не относим к негативным характеристикам, поскольку в анкете его значение не уточнялось: респондентки могли понимать под ним и «бескомпромиссная», и «крайняя, агрессивная». Тем не менее частота выбора позволяет предположить, что для части студенток этот термин имеет отрицательную окраску. Что именно они вкладывают в понятие «радикальная феминистка», – вопрос для следующего исследования. Соответствие образа реальным феминисткам оценено в 2,8 из 5: 22 респондентки выбрали середину шкалы, 12 – 1–2 балла.Публичное поведение и негативный опыт. 27 респонденток никогда или редко публикуют собственные посты, а 29 так же редко комментируют публично. Хотели высказаться по гендерной теме, но не стали, иногда или часто 17 (42,5 %); причины – «в целом не публикую личные взгляды» (14), «не чувствовала себя компетентной» (12), «боялась критики или агрессии» (6), «боялась осуждения родных» (5). Лично негативные реакции получали 18 респонденток (45 %), а наблюдали их в адрес других

женщин 30 (75 %). Десять респонденток сообщили, что стали осторожнее, сменили круг подписок, перешли в закрытые чаты или удалили публикации, двое – что стали активнее.

Проверка гипотез

Гипотеза 1 получает описательную поддержку (статистический критерий для неё не применялся). Самоназвание не совпадает со взглядами: более половины опрошенных (52,5 %) разделяют идеи равенства, но не называют себя феминистками, а индекс эгалитарности у не называющих себя феминистками (4,16) отличается от индекса называющих (4,58) заметно меньше, чем отношение к самому слову (2,70 против 4,83). Мотивом отказа служит не содержание идей, а ярлык и страх «крайностей».

Гипотеза 2 получает лишь частичную поддержку. Респондентки, лично получавшие негатив, не молчат чаще: связь с самоцензурой слабая и незначимая ($\rho = 0{,}12$; $p = 0{,}45$), а публично комментировать «часто» отметили 4 из 18 получавших негатив против 1 из 22 не получавших. Наблюдение негатива в адрес других связано с самоцензурой слегка сильнее, но тоже на уровне тенденции ($\rho = 0{,}26$; $p = 0{,}11$). Вместе с тем самоотчёты о смене поведения (осторожность, закрытые чаты, удаление публикаций) показывают, что давление реально, хотя у части респонденток оно мобилизует, а не подавляет.

Гипотеза 3 получает лишь слабую поддержку: различие находится на уровне тенденции и не достигает значимости. Респондентки, которые чаще видят конфликтный контент (о «манипуляторах», «токсичных отношениях», противостоянии полов, ссоры и насмешки над феминизмом; таких 27), оценивают соответствие образа «типичной феминистки» реальности ниже (2,59 против 3,23; U-критерий Манна-Уитни, $p = 0{,}059$), а негативные характеристики образа выбирают чаще (в среднем 1,07 против 0,69 слов). Сама частота встречи с контентом о феминизме с оценкой образа не связана ($\rho = -0{,}15$), поэтому значим состав «рациона», а не его объём. Коммерческий контент («girlboss») встречался единичным респонденткам и в проверку не вошёл.

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с литературой. Отказ от ярлыка при сохранении ценностей напоминает данные Price о девочках, отвергавших слово «феминистка», но описывавших связанное с ним давление [6, 10]. Дистанцирование от «pick me girl», радикальных феминисток и tradwives соответствует выводу Chen и Zeng о самоопределении через отталкивание от воображаемых «других» [11] и логике теории социальной идентичности [3]: студентки не хотят платить социальную цену группы, образ которой кажется им непривлекательным. Преобладание рекомендательного, а не выбранного контента (30 из 40) соответствует описанным Fehr et al. алгоритмическим логикам TikTok [2] и позволяет трактовать результаты через теорию культивации [5] с поправкой на персонализированные ленты. Амбивалентность в вопросе о «природных» различиях (13 согласных против 15 несогласных) сходна с результатами Зиновьевой и Кузнецовой [1, 148–150].

Специфика казахстанского контекста проявляется в двух моментах. Во-первых, отношение к феминизму зависит от места, где выросла респондентка (3,59 в селе против 4,67 в крупном городе), тогда как эгалитарные установки различаются меньше (4,14 против 4,62), то есть различия лежат в плоскости отношения к слову, а не к равенству. Во-вторых, университет почти не выступает источником знаний о феминизме (3 из 40), и это пространство занимают блогеры (20). Выводы ограничены малой несерийной выборкой, преобладанием студенток педагогического профиля и самоотчётным характером ответов, включая возможную социальную желательность.

Заключение

Исследование показало, что использование социальных сетей связано с восприятием феминизма и самоидентификацией студенток поколения Z прежде всего через образ, а не через идеи. Идеи равенства разделяются почти единодушно: равную оплату, равное распределение домашнего труда, свободу выбора и недопустимость насилия в семье поддерживает подавляющее большинство опрошенных, и 82,5 % имеют высокий индекс эгалитарности. Но слово «феминизм» несёт социальную цену: только 45 % называют себя феминистками, 30 % колеблются, а 52,5 % готовы разделять идеи, не принимая ярлыка. Причина отказа – не

несогласие с содержанием, а нежелание ассоциироваться с «крайностями», которые, вероятно, транслирует алгоритмически подбираемый контент.

Три механизма теоретической рамки получают поддержку в разной степени: социальная идентичность объясняет разрыв между ценностями и ярлыком (гипотеза 1), культивация проявляется лишь как тенденция (гипотеза 3), а «зеркальное Я» работает неоднозначно: негативные реакции меняют поведение части студенток, но не приводят к общему молчанию (гипотеза 2 – частично).

Практический вывод состоит в том, что в университете есть пространство для работы над разрывом между ценностями и их названием: курсы медиаграмотности, дискуссионные площадки и просветительские форматы, которые дадут студенткам язык и знания, чтобы высказываться, не опасаясь «крайностей». Перспективы дальнейших исследований – расширение выборки на другие вузы и регионы, продольный дизайн для проверки причинных связей (настоящее исследование корреляционное) (настоящее исследование корреляционное) и анализ реальных лент, а не только самоотчётов. Феминизм для казахстанских студенток сегодня – это скорее не вопрос «за» или «против», а вопрос о том, чьими словами и в чьём образе о равенстве можно говорить вслух; пока образ в лентах определяют алгоритмы и блогеры, студентки голосуют за равенство делом и убеждениями, но не названием.

Список литературы

1. Зиновьева Е. В., Кузнецова Е. А. Отношение молодых людей к гендерным установкам, транслируемым лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2020. – Т. 10, вып. 2. – С. 142–157. https://psyjournal.spbu.ru/article/view/7819

2. Fehr C., Vazquez Rodriguez L. G., Ringrose J. From Hot-Girls to Femcels: Algorithmic Logics and (Popular) Feminist Fatigue on TikTok // Postdigital Science and Education. – 2026. – Vol. 8. – P. 215–232. – DOI: 10.1007/s42438-025-00620-6.

3. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / ed. by W. G. Austin, S. Worchel. – Monterey: Brooks/Cole, 1979. – P. 33–47.

4. Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. – New York: Charles Scribner’s Sons, 1902.

5. Gerbner G., Gross L. Living with Television: The Violence Profile // Journal of Communication. – 1976. – Vol. 26, No. 2. – P. 172–199.

6. Price A. Politics, Pop-culture, and Patriarchy: What does feminism mean in Generation Z? // The Macksey Journal. – 2023. – Vol. 4, Art. 22. https://mackseyjournal.scholasticahq.com/article/94727-politics-pop-culture-and-patriarchy-what-does-feminism-mean-for-gen-z

7. Thompson G. The Social Media Revolution is Reshaping Feminism [Электронный ресурс] // National Organization for Women. – 2023. – 4 May. – URL: https://now.org/blog/the-social-media-revolution-is-reshaping-feminism/

8. Олейник Н. Н. Влияние социальных сетей на формирование личности и психологическое благополучие подростков // Молодой учёный. – 2026. – № 13 (616). – С. 366–370. https://moluch.ru/archive/616/134626

9. Peña-Fernández S., Larrondo-Ureta A., Morales-i-Gras J. Feminism, gender identity and polarization in TikTok and Twitter // Comunicar. – 2023. – No. 75. – https://doi.org/10.3916/C75-2023-04

10. Новикова А. А., Малеева А. А. Влияние Internet’а на формирование гендерных стереотипов у подростков [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2013. – № 7. – URL: https://psychology.snauka.ru/2013/07/2355

11. Chen S. X., Zeng N. ‘Gaslight, Gatekeep, Girlboss’: Memeified Femininities and Disidentification in TikTok Youth Cultures // AoIR Selected Papers of Internet Research. – 2022. – DOI: 10.5210/spir.v2022i0.12988.

12. Maltseva E. Women’s Political Empowerment in Post-Soviet Kazakhstan // Gendering Post-

Soviet Space / ed. by T. Karabchuk [et al.]. – Singapore: Springer, 2021. – P. 333–357. – DOI: 10.1007/978-981-15-9358-1_15.

13. Zhexenbayeva, Alikbayeva, Arvas. Social Media and the Formation of the Image of Kazakh Women // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии, политологии. – 2026. – № 2 (96). – DOI: 10.26577/jpcp96220267.

14. Kazhenova D. Gender Order and Hegemonic Femininity: How the Digital Construction of Gender Perpetuates the Normalization of Gender Based Violence in Kazakhstan: master's thesis. – Nazarbayev University, 2022. – URL: https://nur.nu.edu.kz/items/72dc0723-e476-4744-adbc-24d3d594c8ea

ЦЕННОСТЬ РЕБЁНКА В РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПРИЯТИИ: ОБРАЗ РЕБЁНКА У РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ

Жақсылық И.Қ.
Магистрант 1-го курса, ОП 7М03104 - Психология,
Карагандинский национальный университет имени академика Е.А. Букетова,
г Караганда, Казахстан
e-mail: ginger.fribus@gmail.com
Научный руководитель: профессор Сланбекова Г.К.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образа ребёнка у родителей детей с особенностями развития и родителей детей с нормотипичным развитием. Выявлены различия в эмоциональном отношении к ребёнку и особенностях детско-родительского взаимодействия. Родители детей с особенностями развития демонстрируют более низкие показатели безусловного принятия ребёнка и позитивных чувств во взаимодействии, чаще выражают тревожные и амбивалентные представления. Вместе с тем они чаще подчёркивают личную ценность ребёнка. Полученные результаты расширяют представления об особенностях родительского восприятия детей с особенностями развития и могут учитываться при разработке программ психологического сопровождения семей.

Ключевые слова: образ ребёнка, родители, особенности развития, принятие, тревога, амбивалентность, ценность ребёнка.

Актуальность исследования образа ребенка в контексте родительства детей с нарушениями развития обусловлена как статистически значимым ростом числа таких семей, так и возрастающей потребностью в квалифицированной психологической помощи. Согласно данным ЮНИСЕФ, в Республике Казахстан зарегистрировано около 3% детей с инвалидностью [1], однако, принимая во внимание неоднородность диагностических критериев и феномен социальной стигматизации, предполагается более высокая фактическая распространенность. По данным Р.К. Керимбаевой и соавторов, в стране зарегистрировано 203 717 детей с особыми образовательными потребностями, а число детей и подростков с расстройствами аутистического спектра выросло с 3 568 в 2020 г. до 12 807 в марте 2025 г. [2]. В опросе 37 родителей среди главных трудностей назывались сложности принятия особенностей развития ребенка, эмоциональное истощение, социальная изоляция и стигматизация семьи; работа с родителями при этом включает поэтапное формирование у них адекватного образа ребенка [2].

Семья остаётся первой и наиболее значимой средой, в которой складываются представления ребёнка о себе и о мире. Дж. Боулби показал, что качество ранних отношений ребёнка с близкими взрослыми влияет на его эмоциональное и социальное развитие [3], и эти отношения опосредованы тем, каким родитель видит своего ребёнка. Позитивный образ способствует социализации и развитию ребенка, тогда как искаженное восприятие может создать барьеры. В связи с этим изучение особенностей образа ребенка у родителей детей с нарушениями развития представляется важной задачей. Когда ребёнок развивается с особенностями, образ формируется в условиях повышенной неопределённости: родителю

приходится соотносить свои ожидания с реальными возможностями ребёнка и с представлениями о его будущем. При этом образ ребёнка не существует вне культурного контекста — именно поэтому при анализе родительского восприятия необходимо учитывать социокультурные установки и стереотипы.

Нас интересует сам этот образ какими словами и с какими чувствами родитель говорит о своём ребёнке. В нём виден ценностный выбор родителя — что он считает главным: качества ребёнка, собственные тревоги или значимость ребёнка для себя. Мы сравнили образ ребёнка в двух группах родителей, чтобы понять, чем он различается и что это значит для поддержки семей.

Цель исследования — изучить специфику образа ребёнка у родителей, воспитывающих детей с особенностями развития, в сравнении с родителями детей с типичным развитием.

Гипотезой исследования является предположение того, что образ ребенка у родителей детей с отклонениями в развитии отличается от образа ребенка у родителей нормотипичных детей по эмоциональной окраске, содержанию и структуре.

Частные гипотезы:

1. Эмоциональный фон образа ребенка у родителей нормотипичных детей статистически значимо отличается в сторону большей позитивности по сравнению с родителями детей с особенностями развития.
2. Образ ребенка у родителей нормотипичных детей концентрируется на качествах и свойствах ребенка, тогда как у родителей детей с отклонениями в развитии — на проблемах.
3. Образ ребенка у родителей нормотипичных детей является более структурированным и консистентным, чем у родителей детей с отклонениями в развитии.

Теоретические основания

Понятие «образ» в психологии прошло длительный путь эволюции: от философских рассуждений Платона и Аристотеля до современных когнитивных и личностно-ориентированных подходов. В отечественной традиции образ рассматривается как субъективное отражение действительности, представленное в форме целостной ментальной структуры (П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов) [4].

Применительно к родительству «образ ребенка» определяется как сложный многокомпонентный конструкт, включающий систему представлений, знаний, аттитюдов, эмоциональных переживаний, установок и ожиданий, формируемых взрослым в отношении конкретного ребенка. В структуре образа ребенка выделяют три взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [5]. От него зависят воспитательные стратегии, близость и включённость родителя.

Образ ребёнка формируется в культурном контексте. Представления о том, каким «должен быть» ребёнок и чего ждут от родителей, складываются в «нише развития» ребёнка, куда входят обычаи воспитания, родительские представления о развитии. В культурах, где групповые, в том числе семейные, цели имеют особый вес [5], отклонение от ожидаемого развития может переживаться родителем острее. С. Олшанский назвал «хронической печалью» горе родителей ребёнка с нарушениями развития, которое не завершается, а сопровождает их годами [6]. Эти идеи могут, объяснят, почему тревога и двойственные чувства могут соседствовать с глубокой привязанностью.

Выборка и процедура. В нашем исследовании приняли участие 60 родителей (46 матерей и 14 отцов) детей в возрасте от 2 до 16 лет. Группу №1 составили 30 родителей, воспитывающих детей с особенностями развития, группу №2 — 30 родителей детей с типичным развитием. В каждой группе было по 28 полных и 2 неполные семьи. Возраст родителей — от 20 до 60 лет; наибольшую долю (56,7%) составили родители 30–39 лет, затем 40–49 лет (33,3%), по 5% пришлось на возрастные категории 20–29 и 50–60 лет. Большинство участников — казахской (40 человек) и русской (15 человек) национальности.

Дети в группе №1 имели задержку психического развития, расстройства аутистического спектра, нарушения речи, синдром дефицита внимания и гиперактивности, детский церебральный паралич, умственную отсталость. Критерием отнесения к группе служило наличие подтверждённого диагноза (заключения психолого-медико-педагогической комиссии)

и посещение ребёнком коррекционного центра. Родителей приглашали через коррекционные центры и тематические сообщества для родителей в сети Интернет. Данные собирали с 28 марта по 4 мая 2025 г., преимущественно в формате онлайн-анкеты. Участие было добровольным и анонимным.

Методики. Эмоциональную сторону взаимодействия оценивали с помощью опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [7]. Он содержит 66 утверждений и позволяет оценить 11 характеристик, среди которых способность воспринимать состояние ребёнка, понимание причин состояния, эмпатия, чувства родителя в ситуации взаимодействия, безусловное принятие, принятие себя в качестве родителя. Когнитивную сторону образа изучали с помощью модифицированного варианта теста двадцати высказываний М. Куна и Т. Макпартленда [8], адаптированного к формулировке «Мой ребёнок…». Ответы кодировали по категориям: положительные высказывания, отрицательные личностные черты, тревожные, амбивалентные, физические характеристики, действия ребёнка, значимость и ценность ребёнка для родителя; подсчитывали также общее число ответов.

Статистическая обработка. Использованы описательная статистика, t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U-критерий Манна-Уитни. Расчеты выполнены в IBM SPSS Statistics и Microsoft Excel.

Эмоциональный компонент образа ребенка (ОДРЭВ). Сравнение средних значений по шкалам ОДРЭВ выявило статистически значимые различия между группами по ряду параметров (таблица 1).

Таблица 1 — Результаты сравнения показателей ОДРЭВ (t-критерий Стьюдента)

Шкалы Опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия	T-test				
	t	df	p-уровень	Разница между средними арифметическими	SD
Способность воспринимать состояние	2,629	58	,011	,467	,178
Понимание причин состояния	1,745	58	,086	,353	,202
Эмпатия	-1,833	58	,072	-,307	,167
Чувства родителей в ситуации взаимодействия	3,137	58	,003	,497	,158
Безусловное принятие	4,797	58	,000	,740	,154
Принятие себя в качестве родителя	3,073	58	,003	,593	,193
Преобладающий эмоциональный фон	1,398	58	,167	,220	,157
Стремление к телесному контакту	,615	58	,541	,110	,179
Оказание эмоциональной поддержки	1,353	58	,181	,160	,118
Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия	-2,139	58	,037	-,293	,137
Умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка	1,452	58	,152	,310	,214

Как видно из таблицы 1, статистически значимые различия обнаружены по пяти из одиннадцати шкал. «Способность воспринимать состояние ребенка» ($p = 0{,}011$), «Чувства родителей в ситуации взаимодействия» ($p = 0{,}003$), «Безусловное принятие» ($p = 0{,}000$),

«Принятие себя в качестве родителя» (p = 0,003) и «Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия» (p = 0,037). Родители детей с типичным развитием набрали больше по безусловному принятию и принятию себя в качестве родителя. По шкале «Ориентация на состояние ребёнка при построении взаимодействия», напротив, выше оказались показатели группы 1, что может быть обусловлено постоянной необходимостью учитывать эмоциональные особенности ребенка с нарушениями развития.

По остальным шкалам различий не выявлено (p > 0,05), однако описательная статистика указывает на определенные тенденции. В частности, уровень эмпатии выше у родителей детей с особенностями развития (M = 3,23 против M = 2,92), хотя разница не достигает уровня значимости (p = 0,072), что может свидетельствовать о более выраженной эмоциональной включенности этих родителей. Значимо не различался и преобладающий эмоциональный фон (M = 3,52 и M = 3,30; p = 0,167). Соотнесение полученных значений со средними нормативными показателями методики [7] показывает, что у родителей детей с отклонениями в развитии ряд шкал близок к критериальной границе или лежит ниже нее, что может указывать на дефицит эмоционального ресурса в родительской позиции.

Когнитивный компонент образа ребенка (тест «Двадцать высказываний»). Результаты применения U-критерия Манна-Уитни представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Результаты сравнительного анализа параметров методики «Двадцать высказываний: Мой ребенок…» (U-критерий Манна-Уитни)

Параметр сравнения по методике "Тест двадцать высказываний: Мой ребенок…"		N	Среднее количество высказываний в категории	Стандартное отклонение
Общее количество ответов	РНД	30	15,83	4,749
	РДО	30	16,93	3,982
Количество положительных высказываний	РНД	30	7,33	5,435
	РДО	30	3,57	4,023
Отрицательные личностные черты	РНД	30	,33	1,093
	РДО	30	,97	2,282
Количество тревожных высказываний	РНД	30	,07	,254
	РДО	30	1,57	2,344
Амбивалетнные высказывание	РНД	30	,37	,850
	РДО	30	2,30	2,437
Физические характеристики	РНД	30	1,23	1,165
	РДО	30	,77	,858
Значимость и ценность ребенка для родителя	РНД	30	5,87	6,356
	РДО	30	8,37	6,173
Действие ребенка	РНД	30	,60	1,632
	РДО	30	,67	1,028

Примечание: РДО - родители особенных детей
РНД – родители нормотипичных детей

Общее число высказываний не различалось (M = 15,83; SD = 4,749 в группе 2 и M = 16,93; SD = 3,982 в группе 1), то есть группы были одинаково продуктивны. Значимые различия выявлены по пяти категориям:

- реже используют положительные высказывания о ребенке (M = 3,57 против M = 7,33; p < 0,01);

• чаще указывают на отрицательные личностные черты (M = 0,97 против M = 0,33; p < 0,05);

• значительно чаще выражают тревогу в отношении ребенка (M = 1,57 против M = 0,07; p < 0,001);

• чаще дают амбивалентные высказывание, противоречивые характеристики (M = 2,30 против M = 0,37; p < 0,001);

• чаще подчеркивают значимость и ценность ребенка для себя (M = 8,37 против M = 5,87; p < 0,05).

По параметрам «общее количество ответов», «физические характеристики» и «действия ребенка» статистически значимых различий не выявлено (p > 0,05).

Примеры высказываний иллюстрируют различия. Родители детей с типичным развитием чаще описывали ребёнка через качества: «умный», «весёлый», «любознательный», «помощник». В группе 1 встречались характеристики вроде «любимый», «особенный», а также тревожные («Боюсь, как он проживёт без меня») и амбивалентные («одновременно ласковый и агрессивный», «очень умный, но совсем не может себя обслужить») высказывания. В высказываниях о значимости ребёнка звучали формулировки «смысл моей жизни», «мой воздух», но также «моя боль» и «мой палач». Отдельные тревожные высказывания содержали самообвинение («стал особенным по моей вине»).

Выводы

Гипотеза об образе, сосредоточенном на проблемах, подтвердилась: родители детей с особенностями развития реже называли положительные качества ребёнка и чаще говорили о тревоге и противоречивых впечатлениях. Гипотеза о менее позитивном эмоциональном фоне подтвердилась частично. Различия обнаружены по чувствам родителя в ситуации взаимодействия и по числу положительных высказываний, но не по шкале преобладающего эмоционального фона. Гипотеза о меньшей структурированности образа проверена косвенно, через долю амбивалентных высказываний; для её полноценной проверки нужны специальные показатели целостности и последовательности образа.

Наиболее выраженное различие касается безусловного принятия. Шкала включает утверждения о любви к ребёнку независимо от его поведения и достижений, о желании многое в нём изменить, о переживании того, что ребёнок растёт не таким, каким хотелось бы. Показатели группы №1 ниже, чем в группе №2, но остаются выше критериального значения методики. Можно предположить, что принятие даётся таким родителям ценой большего внутреннего усилия. Результат согласуется с данными казахстанского опроса, где сложности принятия особенностей развития ребёнка названы среди главных трудностей родителей [2].

Интересно сочетание низкого безусловного принятия, меньшего числа положительных высказываний и повышенной тревоги с более частыми высказываниями о значимости ребёнка для самого родителя. Это различие находится на границе значимости, и его трактовка требует осторожности. Можно предположить, что образ ребёнка у таких родителей строится вокруг ценности ребёнка в жизни родителя и ответственности за него, а не вокруг перечня его качеств. Такая интерпретация нуждается в проверке: например, в качественном анализе и в изучении связи образа ребёнка с родительским стрессом. Роль культурных ожиданий и социального отношения к особенностям развития в нашем исследовании напрямую не измерялась, поэтому можно рассматривать её лишь как направление дальнейших исследований.

Практическая значимость результатов состоит в ниже следующем: Программы психологической поддержки родителей [9] целесообразно строить не только вокруг снижения тревоги, но и вокруг работы с образом ребёнка: помогать родителю замечать сильные стороны и достижения ребёнка, переживать амбивалентные чувства без самообвинения, укреплять уверенность в родительской роли.

Заключение

Образ ребёнка у родителей, воспитывающих детей с особенностями развития, отличается от образа у родителей детей с типичным развитием. Различия устойчиво проявились в меньшем безусловном принятии, менее позитивных чувствах в ситуации взаимодействия, меньшем принятии себя в родительской роли, меньшем числе положительных и большем числе

тревожных и амбивалентных высказываний. Различий в эмпатии и в общем эмоциональном фоне не выявлено. Наряду с этим у родителей детей с особенностями развития отмечена тенденция чаще подчёркивать значимость ребёнка для самих себя. Результаты указывают на необходимость психологической поддержки, направленной на принятие ребёнка, снижение тревоги и укрепление родительской уверенности. Перспективы исследования связаны с увеличением выборки, учётом типа и тяжести нарушения и изучением роли социокультурных факторов.

Список литературы

1. ЮНИСЕФ. Положение детей в мире, https://www.unicef.org/kazakhstan/%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0
2. Керимбаева Р.К., Сыздыкбаева А.Д., Оспанбаева М.П., Санай Г.Е., Иминова Ю.Б., Наурузбаев Д.М. Проблемы психологического сопровождения родителей детей с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Психология». – 2026.
3. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 105 с.
4. Гальперин П.Я. Введение в психологию. Учебное пособие для вузов – М.: «Книжный Дом «Университет»,1999. –98с.
5. Газизова Ю.С., Демченко О.Ю. Образ родителя как интегральный показатель субкультуры родительства // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-4. С. 295–298.
6. Olshansky S. Chronic sorrow: A response to having a mentally defective child // Social Casework. – 1962. – Vol. 43, № 4. – P. 190–193.
7. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков : учебное пособие / Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова [и др.]. – Москва: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. – 288 с.
8. Гудзовская А.А., Мышкина М.С. Диагностика идентичности: «Тест двадцати высказываний» (ТДВ): учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. 148 с.
9. Каттебаева М.З., Өмірбек С.Ж., Оспанова А.С. Психологическая поддержка родителей детей с особыми образовательными потребностями // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Психология». – 2024. – № 4 (81). – С. 162–168.

МИР КАК ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ВОЙНЫ, МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И СОХРАНЕНИЕ МИРА

Жансеит Р.С., студент 1 курса, образовательная программа «Транспорт, транспортная техника и технологии», Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, Казахстан

Научный руководитель: Қапар Томирис Мейіржанқызы

ВВЕДЕНИЕ

Мир является одной из главных ценностей человечества. Без мира невозможно устойчивое развитие государства, нормальная жизнь общества, сохранение культуры, экономики и человеческих жизней. История XX века особенно наглядно показывает цену военных конфликтов. Первая и Вторая мировые войны привели к огромным человеческим потерям, разрушению городов и промышленности, массовому перемещению населения. Последствия войны затрагивали не только государства, участвовавшие в боевых действиях, но и обычных людей, которые теряли дома, близких и привычный образ жизни.

Особенно важную роль в истории играют мирные договоры и соглашения. Они становятся результатом сложных переговоров между государствами и позволяют официально завершить

военные действия, определить новые границы, установить правила международных отношений и создать условия для восстановления. Однако история показывает, что сам факт подписания договора ещё не гарантирует длительного мира. Если условия соглашения воспринимаются как несправедливые или не устраняют причины конфликта, противостояние может возобновиться.

Цель данной работы — рассмотреть наиболее известные мирные соглашения и конференции, показать их значение для международных отношений и определить, какие уроки человечество может извлечь из истории войн и миротворчества.

1. ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вестфальский мир представляет собой совокупность договоров, заключённых в 1648 году и завершивших Тридцатилетнюю войну в Европе. В переговорах участвовали представители Священной Римской империи, Испании, Австрии, Швеции, Франции и немецких княжеств. Эти соглашения стали важным этапом в развитии европейской дипломатии.

Одним из главных результатов Вестфальского мира стало укрепление самостоятельности государств. Германские княжества получили значительно больше возможностей самостоятельно проводить внутреннюю и внешнюю политику. Были признаны независимость Нидерландов и Швейцарской конфедерации. Франция и Швеция также укрепили свои позиции в Европе.

Значение Вестфальского мира заключается не только в прекращении конкретной войны. Его часто рассматривают как важный этап формирования принципа государственного суверенитета. Государства получили возможность рассматривать свои внутренние дела как область собственной ответственности. Это стало одной из основ дальнейшего развития европейской системы международных отношений [1, 45].

Вестфальский мир показывает, что устойчивый мир требует не только прекращения боевых действий, но и политического соглашения между сторонами. Необходимо определить права участников, установить новые правила и создать механизм, который позволит государствам сосуществовать без постоянной угрозы новой войны.

2. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС И ПОИСК БАЛАНСА СИЛ

Следующим важным событием стал Венский конгресс 1814–1815 годов. Он был созван после поражения Наполеона Бонапарта и завершения наполеоновских войн. В Вену прибыли представители европейских государств. Наиболее значительную роль играли Австрия, Великобритания, Пруссия и Российская империя.

Главной задачей участников было восстановление политической стабильности в Европе. Государства стремились не допустить повторения ситуации, при которой одна держава могла бы установить господство над значительной частью континента. Поэтому большое значение получил принцип баланса сил.

В результате переговоров Франция вернулась к более ограниченным границам, Швейцария получила статус постоянного нейтралитета, а в Европе была создана система политических договорённостей. Венский порядок обеспечил длительный период относительной стабильности в Европе [2, 112].

Опыт Венского конгресса показывает значение дипломатии и компромисса. Даже государства, которые недавно воевали друг с другом, смогли сесть за стол переговоров. Это является важным уроком: для сохранения мира необходимо учитывать интересы разных государств и искать решения, которые не позволяют одному участнику получить чрезмерное преимущество.

3. ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1856 ГОДА

Парижский мирный договор 1856 года завершил Крымскую войну. В конфликте участвовали Российская империя, Османская империя, Великобритания, Франция и Сардинское королевство. После военного поражения Россия была вынуждена согласиться на серьёзные ограничения.

Одним из важнейших положений договора стало объявление Чёрного моря нейтральным. России и Османской империи запрещалось содержать там военный флот и военные арсеналы. Также подтверждались территориальная целостность и независимость Османской империи.

Парижский договор показывает другую сторону мирного соглашения. Договор может завершить войну, но при этом создать условия, которые одна из сторон считает унизительными или несправедливыми. Поэтому долговечность мира зависит не только от прекращения боёв, но и от восприятия условий всеми участниками [3, 78].

4. ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Версальский договор был подписан 28 июня 1919 года и стал одним из основных документов, завершивших Первую мировую войну. Германия подписала договор с государствами-победителями, среди которых важную роль играли Великобритания, Франция, США, Италия и Япония.

Германия потеряла часть территории и все свои колонии. Её вооружённые силы были существенно ограничены, а на страну были возложены репарационные обязательства. Договор также возлагал на Германию ответственность за причинённый войной ущерб.

Версальская система имела сложные последствия. Экономические трудности, политическая нестабильность и недовольство условиями договора стали одними из факторов, которые способствовали росту радикальных настроений в Германии. В дальнейшем это создало благоприятную почву для усиления нацистского движения.

Главный урок Версальского договора состоит в том, что мир после войны должен быть направлен не только на наказание проигравшей стороны, но и на создание условий для долгосрочной стабильности. Чрезмерно жёсткие условия могут не устранить конфликт, а создать новые причины для реваншизма и будущего противостояния [4, 201].

5. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И МИР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После окончания Второй мировой войны лидеры Великобритании, США и СССР встретились на Потсдамской конференции в июле–августе 1945 года. Советский Союз представлял Иосиф Сталин, США — Гарри Трумэн, Великобританию — сначала Уинстон Черчилль, а после смены правительства Клемент Эттли.

Одним из центральных вопросов стала судьба Германии. Было принято решение разделить её на четыре оккупационные зоны, контролируемые СССР, США, Великобританией и Францией. Германия должна была быть демилитаризована, а её экономика переориентирована на мирные цели.

Также обсуждались вопросы польских границ, репараций и послевоенного устройства Европы. Потсдамская конференция стала важной частью формирования послевоенного порядка. Однако противоречия между бывшими союзниками постепенно усиливались, что в дальнейшем способствовало началу холодной войны.

Таким образом, даже победа над общим противником не гарантирует сохранения единства между государствами. Для длительного мира необходимо продолжать дипломатический диалог и после окончания войны.

6. ЖЕНЕВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА НЕПОЛНОГО МИРА

Женевская конференция 1954 года была посвящена, в частности, прекращению войны в Индокитае. В переговорах участвовали представители крупных держав и государств региона. Были заключены соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Вьетнам временно разделили по семнадцатой параллели на северную и южную части. Предполагалось, что разделение будет временным и в дальнейшем вопрос о политическом будущем страны будет решён. Однако достигнутые договорённости не были приняты всеми участниками, а конфликт в итоге продолжился.

Этот пример показывает, что соглашение о прекращении огня может быть только временным решением. Если стороны не согласны с политическим устройством и не устранены основные причины конфликта, существует риск возобновления войны.

7. ПЕРЕМИРИЯ И ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Не каждый конфликт заканчивается полноценным мирным договором. Иногда

государства заключают соглашение о перемирии, которое лишь прекращает активные боевые действия. Такой подход может уменьшить количество жертв и дать сторонам время для переговоров, однако он не всегда решает политические и территориальные проблемы.

Примером является Корейский полуостров. В 1953 году было заключено соглашение о перемирии, прекратившее активные боевые действия Корейской войны. Однако полноценный мирный договор между сторонами так и не был заключён. Поэтому перемирие стало основой длительного, но напряжённого состояния.

Подобные ситуации показывают, что мир бывает разным. Существует мир как отсутствие активной войны и мир как устойчивое сотрудничество между государствами. Для человечества более ценным является второй вариант, поскольку он предполагает доверие, безопасность и возможность совместного развития.

8. СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

В современном мире проблема сохранения мира остаётся актуальной. Вооружённые конфликты приводят к человеческим жертвам, разрушению инфраструктуры, экономическим потерям и массовому перемещению населения. Кроме того, войны наносят ущерб культурному наследию и окружающей среде.

Мирные переговоры являются одним из важнейших инструментов международной политики. Переговоры позволяют сторонам представить свои интересы, обсудить спорные вопросы и найти компромисс. Большое значение имеют международные организации, дипломатия, посредничество и механизмы коллективной безопасности.

При этом нельзя рассматривать мирный договор только как документ с подписями. Настоящий мир требует выполнения договорённостей, контроля за их соблюдением, восстановления разрушенных территорий и постепенного восстановления доверия между обществами.

История Вестфальского мира, Венского конгресса, Парижского и Версальского договоров, Потсдамской конференции и Женевских соглашений показывает, что дипломатия может остановить войну, но устойчивость мира зависит от справедливости, взаимных гарантий и готовности сторон сотрудничать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир является фундаментальной ценностью человечества, потому что именно в условиях мира человек получает возможность жить, учиться, работать, создавать семью и развивать общество. История показывает высокую цену войн: человеческие жертвы, разрушение городов, экономические кризисы, миграцию и потерю культурных ценностей.

Рассмотренные мирные соглашения демонстрируют разные подходы к завершению конфликтов. Вестфальский мир способствовал развитию принципа государственного суверенитета, Венский конгресс создал систему баланса сил, Парижский договор завершил Крымскую войну, Версальский договор показал опасность чрезмерно жёстких условий, а Потсдамская конференция определила важные основы послевоенного устройства Европы.

Главный вывод заключается в том, что мир не должен пониматься только как отсутствие войны. Настоящий мир предполагает безопасность, уважение суверенитета, соблюдение международных договорённостей, защиту прав человека и готовность государств решать спорные вопросы дипломатическими средствами.

Для современного общества уроки истории особенно важны. Чем раньше государства начинают переговоры и чем больше они готовы учитывать интересы друг друга, тем выше вероятность предотвратить новые человеческие трагедии. Поэтому сохранение мира является общей ответственностью государств, международных организаций и каждого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Treaty of Westphalia, 1648. The Avalon Project, Yale Law School. https://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата обращения: 05.10.2026).
2. Kissinger H. Diplomacy. — New York: Simon & Schuster, 1994.
3.Paris Peace Treaty, 1856. Documents on the Crimean War and its settlement

https://www.prlib.ru/history/619130
(дата обращения: 09.10.2026).
4. Treaty of Versailles, 1919. The Avalon Project, Yale Law School.
https://avalon.law.yale.edu/imt/parti.asp
(дата обращения: 05.10.2026).
5. Potsdam Conference, 1945. Protocol of the Proceedings of the Berlin Conference.https://avalon.law.yale.edu/20th_century/decade17.asp(дата обращения: 05.10.2026).
6. Geneva Conference, 1954. Agreements on the cessation of hostilities in Indochina. The Avalon Project, Yale Law School.
https://avalon.law.yale.edu/20th_century/inch005.asp
(дата обращения: 05.10.2026).
7. Королёв А. А. История международных отношений. — Москва: Юрайт, 2022.
8. История дипломатии: учебник / под ред. А. В. Торкунова. — Москва: Аспект Пресс, 2019.

ИНКЛЮЗИВТІ СПОРТ МҮГЕДЕКТІГІ БАР АДАМДАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК БЕЙІМДЕЛУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Жұбатқанова С.Е. «Әлеуметтік жұмыс» мамандығының 4-курс студенті
Ғылыми жетекші: **Қылышбаева Б.Н.**
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа: Мақалада инклюзивті спорттың мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік бейімделу құралы ретіндегі әлеуеті зерттеледі. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының, Біріккен Ұлттар Ұйымының құжаттары, халықаралық ғылыми жарияланымдар және Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық базасы негізінде спортқа қатысудың әлеуметтік байланыстарға, тиесілілік сезіміне, дербестікке, өзіндік тиімділікке және өмір сапасына ықпалы қарастырылады. Спортқа қатысуға кедергі келтіретін негізгі факторлар: физикалық қолжетімсіздік, көлік және қаржылық шектеулер, білікті мамандардың жетіспеушілігі және әлеуметтік стереотиптер айқындалады. Инклюзивті спорт бағдарламаларының тиімділігін бағалаудың спорттық нәтижелермен қатар әлеуметтік нәтижелерді де қамтитын моделі ұсынылады.

Кілт сөздер: инклюзия, мүгедектік, әлеуметтік бейімделу, әлеуметтік интеграция, бейімделген дене шынықтыру, әлеуметтік қатысу, қолжетімді орта, инклюзивті спорт, Қазақстан.

Кіріспе. Мүгедектік адамның денсаулық жағдайының сипаттамасы ғана емес, сонымен қатар қоршаған әлеуметтік ортамен тығыз байланысты әлеуметтік құбылыс болып табылады. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының мәліметтері бойынша, мүгедектігі бар адамдар көптеген елдерде білім беру, жұмыспен қамту, денсаулық сақтау, әлеуметтік қолдау және қоғамдық өмірге қатысу салаларында әртүрлі кедергілерге тап болады [1]. Сондықтан мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік бейімделуі медициналық оңалтумен ғана шектелмеуі тиіс. Ол адамның қоғам өміріне толыққанды қатысуына жағдай жасауды да қамтиды. Осындай қатысудың маңызды құралдарының бірі — спорт. Дене белсенділігінің денсаулыққа оң әсері ғылыми тұрғыдан дәлелденген, ал Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының 2020 жылғы ұсынымдарында мүгедектігі бар балаларға, жасөспірімдерге және ересектерге арналған арнайы ережелер енгізілген [2]. Сонымен бірге спорттың маңызы физикалық нәтижелермен ғана шектелмейді. Спорттық жаттығулар тұрақты әлеуметтік қарым-қатынасқа, бірлескен әрекетке, ережелерді сақтауға, рөлдерді бөлуге және ортақ мақсаттарға қол жеткізуге мүмкіндік береді. Бұл тұрғыда инклюзивті спорт ерекше қызығушылық тудырады. Инклюзивті спорт деп мүгедектігі бар адамдардың жалпы спорттық ортаға басқа адамдармен қатар қатысуына мүмкіндік беретін, қажет болған жағдайда ережелерді, жабдықтарды, жаттығу процесін және коммуникация тәсілдерін бейімдейтін спорттық қызмет түрін түсінуге болады. Бұл тәсіл адамдарды тек арнайы топтарға бөліп, оқшауланған жағдайда спортпен айналыстыру моделінен

ерекшеленеді. Jaarsma және әріптестерінің жүйелі шолуы физикалық бұзылыстары бар адамдардың спортқа қатысуына денсаулық жағдайы, спорттық нысандардың жеткіліксіздігі, көлік мәселелері және спорттық ортаның қолжетімділігі сияқты факторлар кедергі келтіретінін көрсетті. Ал спортпен айналысуға ықпал ететін факторлардың қатарына жаттығудан ләззат алу, денсаулыққа пайдасы және әлеуметтік байланыстар жатқызылған [3]. Қазақстанда бейімделген дене шынықтыру мен спорт мәселесі нормативтік деңгейде де бекітілген. Қазақстан Республикасының «Дене шынықтыру және спорт туралы» заңында бейімделген дене шынықтыру мен спортты мүгедектігі бар адамдарды дене тұрғысынан оңалту және әлеуметтік бейімдеу мақсатында пайдалану көзделген. Сонымен қатар заңда спорттық құрылыстардың қолжетімділігін қамтамасыз ету және тиісті спорт клубтарын, мектептер мен секцияларды дамыту мәселелері қарастырылған [4].

Негізгі бөлім. Әлеуметтік бейімделу адамның қоғамдық қатынастар жүйесіне қосылуын, әлеуметтік байланыстарды қалыптастыруын және қоғам өмірінің әртүрлі салаларына дербес қатысу мүмкіндіктерін кеңейтуін білдіреді. Мүгедектігі бар адамдар үшін бұл процесс физикалық, ұйымдастырушылық, ақпараттық және әлеуметтік кедергілерді жоюмен тікелей байланысты. Қазіргі мүгедектік моделі адамның жеке ерекшеліктері мен қоршаған ортаның өзара әрекеттесуіне ерекше мән береді. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы қоршаған ортаның қолайсыз жағдайлары адамның функционалдық мүмкіндіктері жеткілікті болған жағдайда да оның белгілі бір қызметке қатысуын шектеуі мүмкін екенін көрсетеді [1]. Демек, әлеуметтік бейімделуді тек адамның өзін өзгерту процесі ретінде қарастыруға болмайды. Ол адамның қоғамға тең дәрежеде қатысуына мүмкіндік беретін ортаны қалыптастыруды да талап етеді. Бұл идея мүгедектігі бар адамдардың рекреациялық және спорттық қызметке қатысу құқығымен тікелей байланысты. БҰҰ-ның Мүгедектердің құқықтары туралы конвенциясының 30-бабында мемлекеттердің мүгедектігі бар адамдардың спорттық қызметке басқалармен тең дәрежеде қатысуын қамтамасыз ету үшін тиісті шаралар қабылдауы қарастырылған [5]. Осыған байланысты инклюзивті спортты бір мезгілде бірнеше бағытта қарастыруға болады:

- дене белсенділігінің нысаны;
- әлеуметтік өзара әрекеттесу ортасы;
- әлеуметтік рөлдерді қалыптастыру құралы;
- әлеуметтік байланыстарды кеңейту механизмі;
- қоғамға интеграциялану құралы.

Алайда ғылыми тұрғыдан спортқа қатысу мен әлеуметтік бейімделу ұғымдарын ажырату қажет. Спорттық секцияға қатысудың өзі әлеуметтік бейімделудің автоматты түрде жақсарғанын білдірмейді. Нәтиже бағдарламаның сапасына, қатысушылар арасындағы өзара әрекет сипатына, ортаның қолжетімділігіне және қоршаған адамдардың көзқарасына байланысты. Сондықтан қазіргі ғылыми әдебиеттерде спорттағы әлеуметтік инклюзия кешенді ұғым ретінде қарастырылады. Pečnikar Oblak және әріптестерінің 18 зерттеуге негізделген шолуында әлеуметтік инклюзияның адамдар мен топтар, орта, қатысу тәсілдері, артықшылықтар мен кедергілер сияқты құрамдас бөліктері анықталған [6].

Инклюзивті спорттың негізгі механизмдерінің бірі — әлеуметтік байланыстарды қалыптастыру және қолдау. Жеке физикалық белсенділік түрлерінен айырмашылығы, ұйымдастырылған спорт тұрақты қарым-қатынас ортасын қалыптастырады. Қатысушылар жаттығуларда, жарыстарда және басқа да іс-шараларда кездесіп, бірлескен міндеттерді орындайды және өзара ынтымақтастық тәжірибесін жинақтайды. Klenk, Albrecht және Nagel жүргізген жүйелі шолу ұйымдастырылған қоғамдық спорттың мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік белсенділігін арттыру мүмкіндігіне ие екенін көрсетті, әсіресе инклюзивті жағдайларда бұл мүмкіндік жоғары болады. Сонымен бірге авторлар спорттық ортаның екіжақты сипатын атап көрсетеді: ол әлеуметтік интеграцияға ықпал етуі мүмкін, бірақ белгілі бір кедергілер болған жағдайда әлеуметтік оқшауланууды да күшейтуі ықтимал [7]. Демек, спорттық ұйымның болуы ғана емес, оның ішіндегі әлеуметтік қатынастардың сипаты маңызды. Әлеуметтік бейімделу әлеуметтік байланыстардың болуымен ғана шектелмейді. Адамның белгілі бір топқа тиесілі екенін сезінуі де маңызды.

Спорттық командада адам әртүрлі әлеуметтік рөлдерді атқара алады: спортшы, команда

мүшесі, серіктес, капитан, көмекші немесе ұйымдастырушы. Бұл адамның өзін және өзінің қоғамдағы орнын қабылдауын кеңейтуге мүмкіндік береді. McConkey және әріптестерінің бес еуропалық елде жүргізген Youth Unified Sports бағдарламасын зерттеуінде әлеуметтік инклюзиямен байланысты төрт негізгі процесс анықталған. Олар: тұлғалық даму, тең қарым-қатынастарды қалыптастыру, интеллектуалдық мүгедектігі бар спортшыларды позитивті қабылдаудың өзгеруі және жергілікті қауымдастықтар арасындағы байланыстардың нығаюы [8].

Инклюзивті спорт тек мүгедектігі бар адамға ғана емес, басқа қатысушыларға да ықпал етуі мүмкін. Бірлескен спорттық қызмет адамдарға мүгедектігі бар адамдармен тікелей қарым-қатынас жасауға мүмкіндік береді. Бұл жағдайда негізгі назар диагнозға емес, ортақ әрекетке аударылады. McConkey және әріптестерінің зерттеуінде интеллектуалдық мүгедектігі бар спортшыларды позитивті қабылдаудың өзгеруі әлеуметтік инклюзиямен байланысты төрт процестің бірі ретінде анықталған [8]. Демек, инклюзивті спорттың әлеуметтік әсері екіжақты болуы мүмкін: бір жағынан, ол мүгедектігі бар адамдардың мүмкіндіктерін кеңейтеді, екінші жағынан, қоғамдағы мүгедектік туралы түсініктердің өзгеруіне жағдай жасайды. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы мүгедектігі бар адамдарға денсаулық жағдайы мен функционалдық мүмкіндіктерін ескере отырып, тұрақты түрде дене белсенділігімен айналысуды ұсынады [2]. Ересектер үшін ДДСҰ аптасына 150–300 минут орташа қарқындылықтағы аэробтық дене белсенділігін немесе орташа және жоғары қарқындылықтағы белсенділіктің баламалы үйлесімін, сондай-ақ аптасына кемінде екі күн күш жаттығуларын орындауды ұсынады [2]. Сонымен бірге бұл ұсынымдар адамның жеке мүмкіндіктерін ескере отырып қолданылуы қажет. ДДСҰ мүгедектігі бар адамдардың кейбір жағдайларда денсаулық сақтау маманынан немесе мүгедектік пен дене белсенділігі саласындағы маманнан кеңес алуы қажет болуы мүмкін екенін атап көрсетеді [2]. Дене белсенділігі денсаулыққа бірқатар оң әсер береді. ДДСҰ оның созылмалы аурулардың алдын алудағы, физикалық функцияны және өмір сапасын қолдаудағы маңызын көрсетеді [2]. Алайда осы зерттеу үшін психоәлеуметтік нәтижелер ерекше маңызды. te Velde және әріптестерінің зерттеуінде спортқа қатысу мүгедектігі немесе созылмалы ауруы бар балалар мен жасөспірімдер арасында өмір сапасы мен өзіндік тиімділіктің жоғары көрсеткіштерімен байланысты болған [9]. Scifo және әріптестерінің интеллектуалдық мүгедектігі бар адамдарға арналған спорттық интервенциялық бағдарламаларға жүргізген жүйелі шолуы мұндай бағдарламалардың физикалық және психологиялық денсаулықты және әлеуметтік инклюзияны жақсарту әлеуетін көрсетеді. Сонымен қатар авторлар тиісті ортаның, педагогтар мен нұсқаушылардың даярлығының және ұйымдастырушылық қолдаудың қажеттілігін атап көрсетеді [10]. Алайда бұл нәтижелер кез келген спорттық бағдарламаның автоматты түрде әлеуметтік бейімделуге әкелетінін білдірмейді. Мысалы, физикалық мүгедектігі бар жасөспірімдерге арналған мектептік спорт бағдарламасын зерттеген бақылаулы зерттеуде алты айдан кейін спорттық және бақылау топтары арасында өзін-өзі бағалау, өмір сапасы және зейін көрсеткіштері бойынша статистикалық маңызды айырмашылық анықталмаған [11]. Бұл маңызды қорытынды жасауға мүмкіндік береді: әлеуметтік нәтиже дене белсенділігінің болуына ғана емес, бағдарламаның мазмұнына, ұзақтығына, ұйымдастырылуына және әлеуметтік ортасына байланысты.

Негізгі кедергілердің бірі — спорттық инфрақұрылымның жеткіліксіз қолжетімділігі. Қолжетімділікті кешенді түрде түсіну қажет. Ол мыналарды қамтиды:

- спорттық нысанға жету мүмкіндігі;
- ғимаратқа кедергісіз кіру;
- ғимарат ішінде қозғалу мүмкіндігі;
- бейімделген киім ауыстыратын бөлмелер;
- санитарлық бөлмелер;
- спорт алаңына қолжетімділік;
- қауіпсіз эвакуация;
- қажетті спорттық жабдықтардың болуы.

Jaarsma және әріптестерінің жүйелі шолуы спорттық нысандардың жеткіліксіздігі, көлік мәселелері және физикалық қолжетімділіктің қиындығы физикалық бұзылыстары бар

адамдардың спортқа қатысуына әсер ететін маңызды экологиялық кедергілер екенін көрсетеді [3]. Инклюзивті бағдарлама жаттықтырушыдан тек спорттық білімді ғана емес, қатысушылардың жеке қажеттіліктерін түсінуді де талап етеді. Scifo және әріптестерінің зерттеуінде оқытушылар мен нұсқаушылардың даярлығы интеллектуалдық мүгедектігі бар адамдарға арналған спорттық бағдарламаларды іске асырудың маңызды факторларының бірі ретінде көрсетілген [10]. Марчибаеваның Қазақстандағы бейімделген дене шынықтыру мен спорттың білім беру жүйесінде дамуына арналған зерттеуінде де білікті мамандардың тапшылығы, оқу-әдістемелік базаның жеткіліксіздігі және бейімделген спорттық нысандар санының аздығы сияқты мәселелер көрсетілген [12].

Қолжетімді спорттық нысан болған жағдайда да адам жаттығуларға тұрақты түрде қатыса алмауы мүмкін. Бұған сабақтардың, жабдықтардың немесе көлік қызметтерінің құны себеп болуы ықтимал.

Сондықтан қолжетімділікті тек физикалық тұрғыдан емес, экономикалық және аумақтық тұрғыдан да бағалау қажет.

Теріс стереотиптер мүгедектігі бар адамдардың қатысуын физикалық кедергілер сияқты шектеуі мүмкін. Инклюзивті спорттық бағдарламада мүгедектігі бар адам көмек алушы ретінде ғана емес, толыққанды қатысушы ретінде қабылдануы қажет. Pečnikar Oblak және әріптестерінің шолуы спорттағы әлеуметтік инклюзия адамның спорттық ортада физикалық түрде болуымен ғана шектелмейтінін көрсетеді. Ол қатысуды, өзара әрекеттесуді, тең мүмкіндіктерді және тиесілілік сезімін қамтиды [6].

Инклюзивті бағдарламаны ұйымдастыру кестені, жаттығу әдістемесін, жабдықтарды және коммуникацияны бейімдеуді талап етеді.

Ristevski және әріптестерінің жүйелі шолуында интеллектуалдық мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік инклюзиясына бағытталған әртүрлі бағдарламалар қарастырылып, ақпараттандыруды арттыру, ұйымдар арасындағы серіктестік, қарым-қатынастарды дамыту, қызмет пен ортаны бейімдеу, ұйымдық саясат және мүгедектігі бар адамдардың тікелей қатысуы сияқты бағыттар анықталған [13].

Қазақстан үшін инклюзивті спортты дамыту тек әлеуметтік емес, сонымен қатар нормативтік маңызға ие. Қазақстан Республикасының «Дене шынықтыру және спорт туралы» заңында бейімделген дене шынықтыру мен спортқа, дене реабилитациясына және мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік бейімделуіне арналған жеке 19-бап қарастырылған [4]. Заңға сәйкес мүгедектігі бар адамдарды бейімделген дене шынықтыру мен спорт құралдары арқылы дене тұрғысынан оңалту және әлеуметтік бейімдеу спорт клубтарында, мектептерде, секцияларда және дене шынықтыру-спорт ұйымдарында жүзеге асырылады [4]. Сонымен қатар жергілікті атқарушы органдар мүгедектігі бар адамдар арасында спортты дамытуды, арнайы спорттық құрал-жабдықтармен қамтамасыз етуді және дене шынықтыру-сауықтыру және спорттық құрылыстарға қолжетімді жағдай жасауды қамтамасыз етуі тиіс [4]. Қазақстан Республикасының 2023–2029 жылдарға арналған дене шынықтыру мен спортты дамыту тұжырымдамасында да бейімделген дене шынықтыруды дамыту мәселесіне ерекше назар аударылған. Құжатта 2022 жылдың қорытындысы бойынша Қазақстанда 705 мың мүгедектігі бар адам болғаны, олардың 319 947-сінде, яғни 46%-ында дене шынықтыру және спортпен айналысуға медициналық қарсы көрсетілімдер болмағаны көрсетілген. Тұжырымдамада мүгедектігі бар адамдар арасында жүйелі түрде дене шынықтыру және спортпен айналысатындардың үлесін 2029 жылға қарай 23%-ға дейін арттыру мақсаты белгіленген [14]. Бұл көрсеткіштер Қазақстанда бейімделген спортты дамыту мемлекеттік саясаттың жеке бағыты ретінде қарастырылатынын көрсетеді.

Сонымен бірге нормативтік базаның болуы әлеуметтік инклюзияның автоматты түрде қамтамасыз етілуіне кепілдік бермейді. Нормативтік құқықты нақты қатысу мүмкіндігіне айналдыру үшін инфрақұрылым, кадрлар, спорттық бағдарламалар және нәтижелерді бағалау тетіктері қажет. Жүргізілген талдау негізінде инклюзивті спорттық бағдарламаның тиімділігін бес өзара байланысты деңгей арқылы бағалау ұсынылады: 1. Қолжетімділік → 2. Қатысу → 3. Өзара әрекеттесу → 4. Әлеуметтік нәтижелер → 5. Қатысудың тұрақтылығы.

Бірінші деңгей — қолжетімділік

Адамның спорттық ортаға физикалық, қаржылық және ұйымдастырушылық тұрғыдан қол жеткізу мүмкіндігі бағаланады. Көрсеткіштер:

- спорттық нысанның қолжетімділігі;
- көлік қолжетімділігі;
- қатысу құны;
- бейімделген жабдықтардың болуы;
- ақпараттың қолжетімділігі.

Екінші деңгей — нақты қатысу

Формалды мүмкіндік емес, нақты қатысу бағаланады.

Көрсеткіштер:

- сабаққа қатысу жиілігі;
- қатысу ұзақтығы;
- жаттығуларға қатысу;
- жарыстар мен іс-шараларға қатысу;
- дербестік деңгейі.

Үшінші деңгей — өзара әрекеттесу

Әлеуметтік байланыстардың сипаты анықталады.

Көрсеткіштер:

- әлеуметтік байланыстардың саны мен тұрақтылығы;
- командалық тапсырмаларға қатысу;
- жаттықтырушылармен өзара әрекеттесу;
- мүгедектігі жоқ қатысушылармен қарым-қатынас;
- командалық шешімдерді қабылдауға қатысу.

Төртінші деңгей — әлеуметтік нәтижелер

Бағдарламаға қатысумен байланысты болуы мүмкін өзгерістер бағаланады.

Көрсеткіштер:

- тиесілілік сезімі;
- әлеуметтік өзіндік тиімділік;
- әлеуметтік байланыстардың кеңеюі;
- дербестік;
- қатысуға қанағаттану;
- әлеуметтік инклюзияның субъективті сезімі.

Бесінші деңгей — тұрақтылық

Негізгі нәтиже қысқа мерзімді қатысу емес, тұрақты қатысу болуы тиіс. Көрсеткіштер:

- бастапқы бағдарлама аяқталғаннан кейін жаттығуды жалғастыру;
- спорттың басқа түрлеріне ауысу;
- қоғамдық іс-шараларға қатысу;
- дене белсенділігін өз бетінше ұйымдастыру;
- әлеуметтік байланыстарды сақтау.

Ұсынылып отырған модель инклюзивті спорттың тиімділігін қарапайым түрде бағалаудан бас тартуға мүмкіндік береді. Мысалы, қатысушылар санының көп болуы әлеуметтік интеграция деңгейінің жоғары екенін білдірмейді, егер қатысушылар бір-бірімен сирек қарым-қатынас жасаса немесе мүгедектігі бар адам іс жүзінде пассивті рөл атқарса. Жүргізілген зерттеу мен нормативтік құжаттарды талдау негізінде келесі ұсыныстарды қалыптастыруға болады. Спорттық бағдарламаларды бағалау кезінде мүгедектігі бар адамдардың сабаққа қатысу саны ғана емес, олардың қатысу сипаты да ескерілуі қажет. Мониторинг жүйесіне әлеуметтік инклюзия, дербестік және қатысушылардың қанағаттану көрсеткіштерін енгізу орынды. Бейімделген дене шынықтыру, инклюзивті әдістемелер және коммуникация саласында жаттықтырушылар мен нұсқаушылардың даярлығын кеңейту қажет. Практикалық даярлыққа ерекше көңіл бөлінуі тиіс. Мамандар жаттығуларды, ережелерді, жабдықтарды және жаттығу ортасын бейімдей білуі керек. Мүгедектігі бар және мүгедектігі жоқ адамдардың бірлесіп қатысуына мүмкіндік беретін спорттық бағдарламаларды кеңейту қажет. Осындай модельдердің бірі — Unified Sports бағдарламасы. Оның аясында интеллектуалдық мүгедектігі

бар спортшылар мен интеллектуалдық мүгедектігі жоқ серіктестер бір командада жаттығып, жарыстарға қатысады [8]. Бұл ретте бірлескен қатысу барлық қатысушылардың тең дәрежедегі рөлін қамтамасыз ететіндей ұйымдастырылуы тиіс. Қазіргі инклюзия қағидаттарының бірі — мақсатты топтың шешім қабылдау процесіне қатысуы. Мүгедектігі бар адамдар спорттық бағдарламалардың кестесін әзірлеуге, жаттығу форматын таңдауға, нысандардың қолжетімділігін бағалауға және спорттық бағдарламалардың сапа критерийлерін анықтауға қатысуы қажет. Бұл «мүгедектігі бар адамдарға арналған бағдарлама» моделінен «мүгедектігі бар адамдармен бірге әзірленген бағдарлама» моделіне көшуге мүмкіндік береді. Қазақстан заңнамасында білім беру, денсаулық сақтау, әлеуметтік қорғау және дене шынықтыру мен спорт саласындағы органдардың мүгедектігі бар адамдарға арналған спорттық қызметті ұйымдастыруға қатысуы көзделген [4]. Іс жүзінде бұл:

- білім беру ұйымдарының;
- спорттық мекемелердің;
- медициналық және оңалту ұйымдарының;
- жергілікті атқарушы органдардың;
- мүгедектігі бар адамдардың қоғамдық бірлестіктерінің

өзара іс-қимылын күшейтуді талап етеді.

Қорытынды. Ғылыми әдебиеттер мен нормативтік құжаттарды талдау инклюзивті спорттың мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік бейімделуінің маңызды құралы бола алатынын көрсетеді. Ғылыми зерттеулер спорттың бірнеше ықпал ету механизмін анықтайды. Оларға әлеуметтік байланыстарды кеңейту, тиесілілік сезімін қалыптастыру, өзіндік тиімділікті дамыту, өзара әрекеттесу тәжірибесін қалыптастыру және қоғамның мүгедектігі бар адамдар туралы түсініктерін өзгерту жатады [6–10]. Сонымен бірге ғылыми деректер кез келген спорттық қатысу автоматты түрде әлеуметтік бейімделуге әкелетінін дәлелдемейді. Нәтиже спорттық бағдарламаның сипатына, қолжетімділік деңгейіне, өзара әрекеттесу сапасына, мамандардың даярлығына және ұйымдастырушылық ортаға байланысты. Кейбір зерттеулер спорттық бағдарламалардың психоәлеуметтік нәтижелері шектеулі немесе біркелкі емес болуы мүмкін екенін көрсетеді [11]. Сондықтан негізгі шарт — жай ғана спортқа қол жеткізуден спорттық ортаға толыққанды қатысуға көшу. Қазақстан үшін бұл бағыттың нормативтік негізі қалыптасқан. Қазақстан Республикасының «Дене шынықтыру және спорт туралы» заңы бейімделген дене шынықтыру мен спортты мүгедектігі бар адамдарды дене тұрғысынан оңалту және әлеуметтік бейімдеу құралдарымен тікелей байланыстырады [4]. Бұл тәсіл спортты тек физикалық дамудың құралы ретінде емес, адамның әлеуметтік байланыстар орнатуына, әлеуметтік рөлдерді меңгеруіне және қоғам өміріне қатысуына мүмкіндік беретін әлеуметтік орта ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Осылайша, инклюзивті спорт мүгедектігі бар адамдардың әлеуметтік бейімделуінің маңызды құралы бола алады, алайда оның тиімділігі спорттық белсенділіктің өзіне ғана емес, адамның қоғамдық өмірге тең, тұрақты және мазмұнды қатысуын қамтамасыз ететін спорттық ортаның сапасына байланысты.

Әдебиеттер тізімі:

1. World Health Organization, World Bank. World Report on Disability. Geneva: World Health Organization, 2011. 325 p. ISBN 978-92-4-156418-2.
2. World Health Organization. WHO Guidelines on Physical Activity and Sedentary Behaviour. Geneva: World Health Organization, 2020. ISBN 978-92-4-001512-8.
3. Jaarsma E. A., Dijkstra P. U., Geertzen J. H. B., Dekker R. Barriers to and facilitators of sports participation for people with physical disabilities: a systematic review // Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. 2014. Vol. 24, No. 6. P. 871–881. DOI: 10.1111/sms.12218.
4. Қазақстан Республикасы. Дене шынықтыру және спорт туралы: Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 228-V ҚРЗ Заңы. 19-бап — «Бейімделген дене шынықтыру және спорт, дене реабилитациясы және мүгедектігі бар адамдарды әлеуметтік бейімдеу».

5. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Article 30: Participation in cultural life, recreation, leisure and sport. New York: United Nations, 2006.
6. Pečnikar Oblak V., Campos M. J., Lemos S., Rocha M., Ljubotina P., Poteko K., Kárpáti O., Farkas J., Perényi S., Kustura U., Massart A., Doupona M. Narrowing the Definition of Social Inclusion in Sport for People with Disabilities through a Scoping Review // Healthcare. 2023. Vol. 11, No. 16. Article 2292. DOI: 10.3390/healthcare11162292.
7. Klenk C., Albrecht J., Nagel S. Social participation of people with disabilities in organized community sport: A systematic review // German Journal of Exercise and Sport Research. 2019. Vol. 49, No. 4. P. 365–380. DOI: 10.1007/s12662-019-00584-3.
8. McConkey R., Dowling S., Hassan D., Menke S. Promoting social inclusion through Unified Sports for youth with intellectual disabilities: a five-nation study // Journal of Intellectual Disability Research. 2013. Vol. 57, No. 10. P. 923–935. DOI: 10.1111/j.1365-2788.2012.01587.x.
9. te Velde S. J., Lankhorst K., Zwinkels M., Verschuren O., Takken T., de Groot J. Associations of sport participation with self-perception, exercise self-efficacy and quality of life among children and adolescents with a physical disability or chronic disease — a cross-sectional study // Sports Medicine – Open. 2018. Vol. 4. Article 38. DOI: 10.1186/s40798-018-0152-1.
10. Scifo L., Chicau Borrego C., Monteiro D., Matosic D., Feka K., Bianco A., Alesi M. Sport Intervention Programs (SIPs) to Improve Health and Social Inclusion in People with Intellectual Disabilities: A Systematic Review // Journal of Functional Morphology and Kinesiology. 2019. Vol. 4, No. 3. Article 57. DOI: 10.3390/jfmk4030057.
11. Effects of a school-based sports program on psychosocial health and attention in youth with physical disabilities. 2020. PubMed PMID: 32176664.
12. Марчибаева У. С. Развитие адаптивной физической культуры и спорта в образовательной системе Республики Казахстан: педагогические вызовы и перспективы исследований // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. 2024. Т. 411, № 5. С. 148–164. DOI: 10.32014/2024.2518-1467.832.
13. Ristevski E., McCook F., Thompson S., Duncan Z., Lawler B., Broxham C. Initiatives to facilitate the social inclusion of people with intellectual disability in physical activities with others in community-based sporting, recreation and leisure activities: a scoping review // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2024. Vol. 37, No. 3. Article e13238. DOI: 10.1111/jar.13238.

МІРЖАҚЫП ДУЛАТҰЛЫНЫҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ МЕН АЗАПТЫ ТАҒДЫРЫ

Жумадаулетова А.Ж.
6В02201- Тарих 3 курс студенті,
Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан
e-mail: Zhumadauletova@mail.ru
Ғылыми жетекші: қауымдастырылған профессор (доцент) Шаукенов Ж.А.

Тақырыптың өзектілігі: Міржақып Дулатұлының 1920–1935 жылдардағы қоғамдық-саяси, ағартушылық және шығармашылық қызметін зерттеу – қазақ тарихындағы күрделі кезеңді терең түсіну үшін маңызды. Кеңестік биліктің алғашқы жылдарында Міржақып Дулатұлы жаңа қоғамдық жағдайға бейімделе отырып, ұстаздық, журналистік, баспагерлік және әдеби қызметтерін жалғастырды. Сонымен қатар ол ұлттық мүдде, білім беру, әлеуметтік әділеттілік және халықтың құқықтары туралы өз ойын ашық білдірді. Оның кейін қуғын-сүргінге ұшырап, 1935 жылы қайтыс болуы және 1988 жылы ақталуы сол кезеңдегі саяси жүйенің қазақ зиялыларына жасаған қысымын көрсетеді. Сондықтан Міржақып Дулатұлының осы кезеңдегі қызметі мен көзқарасын жан-жақты зерттеу оның қазақ тарихындағы орнын айқындау және тарихи шындықты жас ұрпаққа жеткізу тұрғысынан өзекті болып табылады.

Жұмыстың түпнұсқалығы: Міржақып Дулатұлының 1920–1935 жылдардағы қызметін тек саяси қайраткер ретінде емес, ұстаз, журналист, жазушы, аудармашы және қоғам қайраткері ретінде кешенді түрде қарастыруымен ерекшеленеді. Зерттеу барысында оның кеңестік билікке қатысты көзқарасы, халық ағарту ісіне қосқан үлесі, шығармашылық мұрасы және саяси қуғын-сүргінге ұшырауы өзара байланыста қарастырылады. Сонымен қатар Міржақыптың өз еңбектері мен тарихи деректеріндегі пікірлерге сүйене отырып, оның көзқарасының ерекшеліктерін ашуға талпыныс жасалады. Бұл оның тарихи тұлғасын біржақты емес, жан-жақты түсінуге мүмкіндік береді.

Қазан төңкерісінен кейінгі аумалы-төкпелі кезеңде ел ішінде сәл де болса саябыр тапқан Міржақып Дулатұлы 1920 жылы Бетпақдаланы басып өтіп, Ташкент қаласына келеді. Мұнда сол кездегі Түркістан республикасының баспасөзі - «Ақжол» газетіне жұмысқа орналасады. Алайда, Алаш қозғалысының көрнекті өкілі ретінде ол көп ұзамай мұнда да көзге түсе бастайды. Мүмкін, осы себептен де ұзақ тұрақтай алмай, қайтадан елге оралады. Сөйтіп, Көкшетауға барып, Ерқосай Мұқышұлының үйінде қалған отбасын алып, Семейге бет алады.

1921 жылдың соңына қарай Семей облыстық сотында судья қызметін атқарады. Бірақ көп ұзамай, 1922 жылы тұтқындалып, Семей түрмесінен Орынборға этаппен жөнелтіледі. Дәл осы тұста Әлихан Бөкейхан да ұсталған еді. Қазақ облыстық партия комитетінің екінші хатшысы Сұлтанбек Қожанов бұл жағдайды Мәскеуге - Ұлттар ісі жөніндегі халық комиссариатына хабарлап, бұл екі тұлға туралы не істеу қажет екені жөнінде нұсқау сұрайды. Мәскеуден келген жауап: «Босатыңдар», - деген нұсқау болады. Осылайша Міржақып пен Әлихан бостандыққа шығады.

Босатылғаннан кейін Міржақып Дулатұлы Орынбордағы қазақтың халыққа білім беру институтына (КИНО) оқытушы болып орналасады. Бұл оқу орнында ол 1922 жылдан 1926 жылға дейін қызмет атқарады.

Баспасөз ардагері Сары Қазыбековтің естелігінде: «Мен үш жыл КИНО-да оқыдым. Сол уақытта Міржақып Дулатұлы бізге Қазақ тарихынан дәріс беріп жүрді. Өте өткір, жігерлі адам еді. Бойы менімен шамалас, мінезі тік, жалтақ емес. Даусы зор, гүжілдеп шығатын. Киімі ұқыпты. Сәбит Мұқановпен қазақ жазуы жайлы, арабша болу керек пе, әлде латынша ма деген мәселеде талай айтысып жүргендерін білетінмін. Міржақып араб қарпін қолдады» [1], - дейді.

Ұстаздыққа қайта оралғаннан кейінгі бұл төрт жыл, сонымен қатар кейінгі баспагерлік және журналистік қызмет жылдары - Міржақыптың шығармашылық тұрғыда ерекше өнімді кезеңі болды. Ол 1922 жылы екі бөлімнен тұратын «Есеп құралы» оқулығын жазып, Ташкентте бастырып шығарады. Сондай-ақ сол жылы Орынборда «Балқия» атты төрт перделі пьеса жазды. Бұл туынды ұлттық театр іргесін қалап жатқан көркемөнерпаздар үйірмесінде қойылып, зор табысқа ие болды. Осы пьесаны сол кезеңдегі қазақ совет театрының алғашқы репертуарлық шығармаларының бірі деуге болады.

1924 жылы Орынборда екі жылдық «Кирағат кітабы», ал Қызылордада «Есеп құралының» жаңа басылымы жарық көреді. Бұл оқулық кейінгі үш-төрт жыл бойы үздіксіз қайта басылып отырған. Бұған қоса, Міржақыптың журналистік және аудармашылық еңбектері де қатар жүргенін ескерсек, оның өмірі тынымсыз еңбекке толы болғанын байқаймыз.

Мәселен, 1925 жылы ол В.И. Лениннің «Жаңа экономикалық саясат», «1905 жыл төңкерісі», Е. Зиновьевтің «РКП(б) тарихы» атты еңбектерін қазақ тіліне аударып, Орынбор мен Қызылордада бастырып шығарды.

1926 жылы Қызылордада «Көрсеткіш» атты көлемді библиографиялық еңбек дайындап, жарыққа шығарады. Бұл деректер - Міржақыптың 1920–1926 жылдар аралығындағы ұстаздық, баспагерлік, қаламгерлік және қоғамдық қызметінің айқын нәтижелері.

Оған қоса, мерзімді басылымдарда үнемі жарияланып тұрған очерк, әңгіме, фельетондары өз алдына бір төбе. Әсіресе, «Еңбекші қазақ» газетінде жұмыс істеген жылдары ол жазған материалдардың тіл шеберлігі мен стиль тазалығы қазақ журналистикасының жас буынына бірегей мектеп болды деуге толық негіз бар.

Совет қоғамының өміріне жаңаша бейімделе бастаған кезеңде, 1921 жылы Міржақып Дулатұлы «Қызыл Қазақстан» журналының алтыншы санына «Мен де азатпын, сен де азат» [2]

атты жалынды публицистикалық мақаласын жариялайды. Бұл мақала - жаңа қоғамдық құрылым жағдайындағы оның саяси ұстанымын білдірген бірегей декларация іспетті болды. Алайда дәл осы кезеңнен кейін Міржақыптың Ташкенттен кетуге мәжбүр болуы, Семейге оралып судья қызметін атқарып жүргенде тұтқындалуы - бүгінгі әділет пен құқық тұрғысынан алғанда, үлкен әділетсіздік ретінде көрінеді.

Қоғамдық-саяси өмірге белсене араласқан М. Дулатұлы қазақ коммунистері арасындағы ішкі алауыздық пен рушылдық мәселелерін батыл көтеріп, былай деп жазған: «Қазақ республикасындағы жауапты қызметтегі қазақтар арасында жіктелу, рулық топтар құру ісі 1920 жылдан, республика құрылған кезден басталды. Олар өз тобын күшейту, өз руластарын жауапты қызметке тартуға тырысты. Ал партия мен үкіметке сенімді көріну мақсатында кейбір қазақ коммунистері, себепті-себепсіз алашордашыларды айыптап, жамандауға кірісті. Коммунистердің арасында төңкеріске нақты еңбегі сіңбегендер үшін алашордаға қарсы сөз айту үлкен «заслуга» саналды. Партияға өтіп, мансапқа қол жеткізгісі келгендер, іштей қолдамағанымен, алаш қозғалысын қаралау арқылы карьера жасаймыз деп ойлады. Жікшілдік қазақ коммунистерінің арасында ұзақ уақыт сақталды. Олар әркез бір қалыпта болмады, кейде оңшыл бағытқа бұрылып отырды [3]».

Ол сондай-ақ орыс коммунистері арасындағы ұлыдержавалық шовинизмнің көрініс тапқанын да жасырмайды. Әйтсе де, кеңестік биліктің кейбір нақты істерін оң бағалап, өз бағасын берген. Міржақыптың пайымдауынша, Кеңес өкіметі қазақ қоғамында мемлекеттілік идеясын жандандырып, ұлттар арасындағы араздықты жоюға, өнеркәсіп пен инфрақұрылымды дамытуға, қазақ тілінің мемлекеттік мәртебеге ие болуына, ұлт мектептерінің көбеюіне, университет ашуға, әйел теңдігін орнатуға, дінді мемлекеттен ажыратуға, жалпы сайлау құқығын енгізуге, сауатсыздықты жоюға, мәдениетті ілгерілетуге елеулі үлес қосты. Бұл - оның шынайы көзқарасы, тарихи әділеттілікке негізделген бағасы болатын [4].

Алаш көсемдерінің ішінде Қазан төңкерісі мен Кеңес үкіметін алғашқылардың бірі болып қабылдаған - дәл осы Міржақып Дулатұлы еді. 1920 жылдың 18 желтоқсанында ол: «Октябрь төңкерісі жасалды. Кеңес өкіметі орнады. Капитал қолында езілген еңбекшілерге, көзге ілінбейтін ұсақ ұлттарға азаттық таңы атты, теңдік күні туды» - деп жазды. Бұл сөздер - Міржақыптың кеңестік билікті белгілі бір деңгейде мойындап, жаңа шындықпен санасуға ұмтылғанын көрсетеді.

Көзқарасының өзгеріске ұшырағанын оның келесі сөзінен де аңғаруға болады: «Естеріңде болсын, Кеңес өкіметі мен ортақшыл партиясы дүниежүзі еңбекшілерін біріктіріп, үш жылдан бері қарапайым халықты қанап, сорып келген жаһангер капиталистерге қарсы күрес жүргізіп келеді. Сол еңбекші халықтың бірі - сендер, қазақ-қырғыздарсыңдар. Сондықтан, өз құқықтарың мен болашақтарың үшін, сендерді қорғап тұрған Кеңес өкіметіне, оның партиясына қолдан келгенше көмек көрсету - міндеттерің. Кеңес өкіметі мен ортақшыл партиясы күшейсе, сендер де күшейесіңдер, теңдікке жетесіңдер. Егер олар әлсіресе, онда сендер үшін күн де шықпайды, таң да атпайды [5]».

Міржақып Дулатұлы өзінің көптеген еңбектерінде тек жаңа кеңестік билікке ғана емес, ұлттар арасындағы қатынасқа, қазақ қоғамындағы әлеуметтік жіктелуге де өз көзқарасын ашық білдірген. Ол әсіресе еңбекші халықтың кімге дос, кімге жау екенін нақты ажыратып көрсетеді. Оның пайымдауынша: «Кім құлдандырса, кім зорлық жасаса, кім тонаса - жау сол. Ал кім азаттық әкелсе, әділдік жасаса, қорған болса - дос сол. Егер орыс отаршылығынан зорлық көріп, жері мен суы, мал-мүлкі тартып алынса - ол жау. Бірақ қазақтың өз байы, манабы, болысы, шенеунігі, парақор оқығаны елді қанаған болса - дәл солай жау болып табылады» [5, 77 б.].

Міржақып бұл ойды келесі өткір мысалмен түйіндейді: «Егер мен тапқанымды Қойшыбай тартып алып, өзімді малай қылып, көзіме шыбын үймелетсе, оның қазақтығы мен мұсылмандығы маған не керек? Ал егер Алексей маған жақсылық жасап, жанашырлық танытса, оның орыстығы мен кәпірлігі мен үшін маңызды емес».

Осы тұрғыдан ол ұлт пен дін айырмашылығы туралы пікірдің жасанды екенін алға тартады. Адамның қандай ұлтқа, қандай дінге жататынынан гөрі, оның әрекеті, әділеттігі маңызды екенін айтады. «Ұлт айырмасы, дін басқалығы - бәрі бос сөз» деген ұстанымы - Дулатұлының гуманистік көзқарасының дәлелі.

Міржақып патшалық Ресей билігін де, Уақытша үкіметті де қатты сынға алады. Оның пікірінше: «Патша өкіметі ешқашан қазақ халқын жарылқаған жоқ. Ол тек орыс ақсүйектері мен байларының пайдасын көздеп, қазақ-қырғыздың шұрайлы жерлерін, байлығын, қазба кендерін келімсек мұжықтарға тартып берді. Аттай бірнеше ғасыр бойы ата-бабасы иемденіп келген мекенінен қазақты қуып шығарды» (18.12.1920). Ал Уақытша үкімет туралы былай дейді: «Қазақ пен қырғыз халқының бұрын көріп келген зорлық-зомбылығынан, аштық пен жалаңаштықтан құтылуы үшін Уақытша үкіметтің ешқандай нақты, пәрменді ісі болған жоқ [6, 77 б.].

Міржақып халықты алға жетелеуші шешуші күш ретінде оқыған, зиялы қауымды ерекше атап өтеді. Оның сенімі бойынша, ел ішіндегі ең маңызды күш — жергілікті халықтың арасынан шыққан көзі ашық, елге жаны ашитын, әділ жетекшілер. Осы ретте ол кеңестік биліктің ескі оқығандарды, яғни Алаш зиялыларын қызметке тартуын оң бағалаған. Өз сөзінде: «Совет өкіметінің ескі оқығандарды пайдалы іске жұмылдырудағы кеңдігін қуанышпен айту керек. Түркістан үкіметі де бұл тұрғыда оқығандардың бірде-бірін шетке қаққан жоқ» - деп жазады. Бұл пікірлер - Міржақып Дулатұлының репрессия құрбанына айналмай тұрған кездегі еркін ойлары. Міржақып заң жүйесіне де сыни көзбен қарап, оның халықтың әдет-ғұрпына сай болуы қажет екенін алға тартады: «Заң егер халықтың әдет-ғұрпына қайшы болса, ол – үлкен аяққа тар етік кигізумен тең. Егер етігің тар болса, дүниенің кеңдігінен не пайда? Сол сияқты, заң да халықтың тұрмысына лайық болмаса, ол кең дүниені тарылтып, халықты қысады» (Халық соты, 09.02.1921).

Міржақып Дулатұлы шығармашылық пен қоғамдық қызметтің шырқау шегінде жүрген тұсында - яғни 1920-жылдардың ортасында - Сталиндік репрессияның құрбанына айналды. 1928 жылдың желтоқсанында ол бірқатар қазақ зиялыларымен бірге тұтқындалады. Бұл тұтқындауға себеп болған жағдай - 1921 жылы Ташкентте түскен топтық фотосурет. ОГПУ (Кеңес қауіпсіздік органы) бұл суретті «контрреволюциялық-террористік астыртын ұйымның мәжілісі» деп бағалап, суреттегілердің бәрін бірінен соң бірін тергеуге алып, қамауға жабады.

Суретте болғандардың бәрі - бір ғана Дінше Әділовті есептемегенде - бұрынғы «Алаш» партиясының мүшелері еді. Ақырында, дәл осы фотосурет «Он төртің ісі» деп аталатын атышулы репрессиялық процестің басталуына түрткі болады. Демек, бұл қуғын-сүргіннің отын тұтатқандардың бірі - Дінше Әділов деп айтуға негіз бар.

Міржақып Дулатұлының ой-пікірлері - тек бір кезеңнің саяси декларациясы емес, ұлттық, әлеуметтік және гуманистік көзқарастың көрінісі. Ол қоғамдағы шынайы теңдік пен әділдік мәселесін тереңнен қозғап, ұлттық мүдде мен әлеуметтік әділетті бір арнада ұштастырды. Оны жазалаған жүйе - сөз жүзінде әділдік пен теңдік туралы ұрандатқанымен, шын мәнінде, сол ұстанымдарды ашық айтқандарды ең алдымен жоюға кіріскен жүйе болатын.

Қазақ ұлтшылдары деген жалған айыппен Мәскеудегі Бутырка түрмесіне жеткізілген Алаш қайраткерлері ауыр рухани сынға ұшырады. Тергеу барысындағы ұзақ азап пен психологиялық қысым олардың көңіл-күйін құлдыратып, болашаққа деген үмітін үзе бастағаны байқалды. Бастапқыда Алматы мен Қызылордада берілген жауаптарын қайталап, барынша қысымнан тезірек құтылуға тырысқандай әсер қалдырды. Бұл - олардың ішкі рухының морт сынып, бұдан әрі қарсыласудың еш нәтиже бермейтінін түсінгенінің көрінісі еді.

Тергеушілердің үнемі қайталанып, зорыта қойылған сұрақтарына батыл тойтарыс берудің орнына, кей тұстарда күмәнді, «пәледен машайық қашады» деген принципке сүйеніп, жауапкершіліктен құтылуға ұмтылған пиғыл байқалды. Бұл олардың әрекетінің әлсіздігін емес, қатігез жүйенің қысымынан туған шарасыздықты білдіретін.

Міржақып Дулатұлының 1929 жылғы 19 қарашада жазылған қосымша мәлімдемесі (4-том, 17-бет) осы рухани сынақты айқын көрсетеді. Ол былай деп жазады: «Ұсталғаннан бері бірнеше рет мәлімдеме жасадым, тергеу хаттамаларына қол қойдым. Әйткенмен, кейде әдейі, кейде ұмытып кету немесе түсінбеуден, бар білетінімді толық айтпағаным рас. Соған қарамастан, «абақтыда кінәсіз отырмын» деп кесіп айтуға да батылым бармайды...»

Бұл жолдар - Дулатұлының тергеу үстіндегі ішкі күйзелісін, қайшылыққа толы жағдайдағы шарасыздығын білдіреді. Ол бір жағынан өзін ақтағысы келсе, екінші жағынан, жүйенің шеңгелінен құтыла алмайтынын сезген. Айыптау үкімдері де осы сияқты «мойындауға

мәжбүрлеу» нәтижесінде жасалған жауаптарға сүйене отырып шығарылған

Бұл тарихи сәт - кеңестік репрессиялық аппараттың адамның рухын жаншып, оның ішкі сенімін сындырып, еркін ой мен ар-ожданға қарсы бағытталған қатыгез механизм екенін дәлелдейді. Міржақып Дулатұлының тергеу барысындағы жазбалары - оның рухани қасіретінің ғана емес, тоталитарлық жүйенің бет-бейнесінің де айғағы.

СССР Халық комиссарлары Советінің жанындағы ОГПУ-дың коллегиясының 1930 жылғы 4 сәуірдегі қаулысы бойынша:

- Байтұрсынов Ахмет, Дулатов Мер-якуб, Есполов Мырзағазы, Әділов Дінмұхамед /Дінше/, Аймауытов Жүсіпбек, Болғамбаев Хайретдин, Бірімжанов Газымбек, Габбасов Халел, Юсупов Ахмедсафа.

- 1921 жылы Орынбор каласында контрреволюциялық ұйым құрып, Орта Азиядағы пантюркистік ұйымның бастығы Валидовпен байланыс жасағаны үшін.

- Юсупов А.С. - ОГПУ-дің құпия тыңшысы бола тұра, Бірімжановтың Валидовке кеткенін хабарламағаны үшін.

- РСФСР қылмысты істер кодексінің 58 статьясының 2,4,8,11-13 тармағы бойынша: АТУ ЖАЗАСЫНА КЕСІЛДІ.

Атуға бұйырылған төрт адамның Ахмет Байтұрсыновтың, Міржақып Дулатовтың, Мырзағазы Есполовтың, Еазымбек Бірімжановтың ісі 1931 жылы 13 январьда қайта қаралып, ең ауыр жаза түрмемен алмастырылды. Олар 10 жылға бас еркінен айырылды. Ал, Халел Ғаббасов, Жүсіпбек Аймауытов, Дінмұхамед Әділов, Хайретдин Болғамбаев, Юсупов Ахмед-сафа атылып кетті. 1920 жылғы 3 июньдегі ВІДИК Президумының Указы бойынша оларға жасалған кешірім де сол күйі ескерілмей қалды [5, 77 б.].

№78754 қылмысты істе, 249 бетте М.Дулатұлына берген анықтама; Дулатұлы Міржақып: 43 жаста, қазақ, педагог, әдебиетші, партияда жоқ, бай тұқымынан, Алаш партиясын құрушылардың бірі, алаштың ақтар бөлімінің бұрынғы ұйымдастырушысы, совет қызметкерлерін атуды тікелей ұйымдастырушылардың басшысы.

«1932 жылы М.Дулатұлы Онежск қаласында түрме емханасында фельдшер болып істеді. Осы кезде Оспанбай деген кісіге денсаулығы жарамайды деп анықтама бергізіп және Калининге өз қолымен арыз жазып түрмеден шығуға жәрдем береді» [6]. «Әкем мен шешем келісуімен бір уақытта Қызыл крест арқылы кездесу туралы өтініш береді. Біраздан кейін рұқсат беріледі. 1934 жылдың тамызында әкем мен шешем кездесіп бір ай бірге болады. Бұл олардың соңғы кездесуі болатын» [7,64 б.].

М.Дулатұлы 1935 жылы қазанның бесі күні, елу жасқа толуына бір ай қалғанда, Ақтеңіз-Балтық каналының бойындағы Сосновец станциясында лагерьдің лазаретінде ауыр науқастан қайтыс болды.

Міржақып Дулатұлының «Қылмысты ісін» жан-жақта тексере келіп, Қазақ ССР-нің Прокуроры 1988 жылғы 27 қазан күні тиісінше наразылық білдірді.

Республика Жоғарғы сотының шешімімен алаш ардақтысыларының бірі Міржақып Дулатұлы ақталды.

Пайдаланылған әдебиеттер

1.Ж.Ысмағұлов. Сәулесі жарық жолға ұмтылған. //Егемен Қазакстан. 16 қыркүйек, 2004. - 3 б.: Қасымбаев Ж. Отбыванию войнской повинности не подлежит. //Столичное обозрение. 29 ноябрь, 1995.

2.М.Дулатұлы. Шығармалары: Мақалалар мен зерттеулер. - Алматы: Ғылым, 1997. 2 т. - 6 б.

3.М. Дулатұлы. Бес томдық шығармалар жинағы: Көсемсөз, әдеби сын, зерттеу мақалалары, құрастырғандар: Гүлнар Дулатова, Сәбира Иманбаева. – Алматы.: Мектеп, 2003. 2 т. - 296.

4.Г.Асанбаева. «Қазақ» Дышал свободой. // Білім жарысы, КГУ, 22 сентябрь 1998.

5.Р.Нұрғалиев. Мен біткен ойпаң жерге аласа ағаш. Қазақ әдебиетінің Алтын ғасыры. - Астана, 2002.

6.Исмагамбетов Т.Т. Политическая ориентация казахской интеллигенции в годы

гражданской войны. //Саясат. - №9, 1997.: Алаш-Орда. Сборник документов (Составитель Н. Мартыненко). – Алма-Ата,1992. – 190 б.

7.Ахметова К. Алаш партиясы туралы бірер сөз. //Ақиқат. - №9, 1995. - 60-64 б. Қ.Төкенулы. Тар талмұқта таяныш болған. //Қазак әдебиеті. - №29, 22 шілде 1994. - 14 б.

АСТАНА ЖАСТАРЫ АРАСЫНДАҒЫ БАС ТАРТУ МӘДЕНИЕТІ: ҚОҒАМДЫҚ АЙЫПТАУДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК КӨРІНІСІ

Алибаева Жазира Алишеровна, Ильгундинова Айша Нурлановна
«6В03101 - Әлеуметтану» білім беру бағдарламасының
4-курс білім алушылары
(Астана, Қазақстан)

Аңдатпа. Қазіргі Қазақстан жастары арасындағы бас тарту мәдениеті қоғамдық айыптау мен әлеуметтік жауапкершіліктің жаңа көрінісі ретінде қарастырылады. Ғылыми зерттеу Астана жастарының бас тарту мәдениетіне қатысты көзқарастарын, оның әлеуметтік желілер арқылы таралу ерекшеліктерін және қоғамға ықпалын талдауға бағытталған. Зерттеу барысында сауалнама әдісі қолданылып, 100 респонденттің пікірі негізінде қоғамдық айыптаудың қабылдануы мен ықтимал салдары қарастырылды. Әлеуметтанулық тұрғыдан бас тарту мәдениеті қоғамдық нормаларды қорғау тетігі әрі тұлғаның беделіне ықпал ететін әлеуметтік қысым құралы ретінде сипатталады. Зерттеу нәтижелері оның әлеуметтік әділеттілікті қолдаудағы мүмкіндіктерімен қатар, психологиялық қысым мен пікір еркіндігін шектеу қаупін де көрсетеді.

Кіріспе

Бас тарту мәдениеті (ағылш. cancel culture, call-out culture) – жеке адам, топ немесе ұйым қоғамның бір бөлігі үшін қолайсыз болып саналатын сөздері, әрекеттері немесе көзқарастары үшін жария түрде сынға ұшырап, бойкотқа алынатын құбылыс [1]. Олардың әрекеттеріне төзбеушілікті айқын және ашық түрде көрсету, тіпті, қоғамда белгілі бір деңгейде жазалауға тырысу. Бұл – заманауи остракизмнің бір түрі десек те болады. Ежелгі Грекияда мемлекетке қарсы шығып, қауіп төндіреді деп саналатын адамдарды құдалап, кінә тағып, айыптап, тіпті, жер аударуға дейін барған [2]. Ал қазір қоғамдық кінә тағылған адамға бойкот жариялауын остракизмнің заманауи түрі, жаңартылған цифрлық нұсқасы деп айтсақ болады, яғни адам немесе белгілі бір топ қоғамда немесе кәсіби ортада қолдаудан айырылып, көпшілік тарапынан айыпталады. Бас тарту мәдениеті – ең алғаш АҚШ пен Еуропа елдерінде пайда болған әлеуметтік-саяси термин. Merriam-Webster сөздігі «cancel» ұғымын адамға көрсетілетін қолдауды тоқтату, қолдаудан бас тарту деп сипаттады [3]. Dictionary.com болса осы ұғымды белгілі тұлғалар мен компанияларға айтылған немесе жасалған даулы мәлімдемелерінен кейін қолдаудан бас тарту ретінде түсіндіреді.

Кейбір зерттеушілер бас тарту мәдениетін альтернативті ұғым «салдар мәдениетімен» алмастыруды ұсынады, яғни басты назар жазалауға емес, жауапкершілікке аударылады. Адам өз айтқаны немесе жасағаны үшін жауап беруі керек, бірақ бұл процесс әділдік пен эмпатия аясында жүзеге асуы тиіс [4]. Әлеуметтік психолог Джонатан Хайдт пен Грег Лукианоффбас тарту мәдениеті феноменінің пайда болуын АҚШ университеттері мен кампустарында қалыптасқан «қауіпсіздік культі» деген құбылыспен байланыстырады. Бұл культ – нәсілшіл, сексистік немесе трансфобтық деп қабылдануы мүмкін кез келген пікірге төзімсіздік танытып, оны табу деп санауға негізделген [5].

Аталған құбылыстың жастар арасында, әсіресе Z және Y ұрпақтары ішінде белсенді байқалатыны ғылыми зерттеулермен дәлелденген. Осы ұрпақ өкілдері цифрлық белсенділікке бейім, медианы тұтыну көлемі жоғары және әлеуметтік әділеттілік, теңдік, инклюзия секілді құндылықтарға ерекше мән береді. Бірақ бұл ұстанымдар кейде радикалды формаларға ауысып, әлеуметтік желі арқылы тұлғаларға қарсы топтық шабуылдармен сипатталады.

Зерттеу нәтижелері

Қазақстандық мысалдар бас тарту мәдениетінің тілдік және мәдени мәселелер төңірегінде де көрінетінін көрсетеді. Air Astana рейсінде қазақ тілінде қызмет көрсетілмеуіне байланысты Оғыз Доғанның шағымы әлеуметтік желілерде қолдау тауып, соттағы жеңісіне ықпал еткен [6]. 2025 жылғы Magnum курьеріне қатысты оқиғадан кейін #БойкотМагнум хэштегімен наразылық тарады [7]. Qazaq Coffee мекемесіне қазақ тіліндегі мәзірдің болмауына байланысты сын айтылып, бойкот жарияланғаны сипатталған. 2022 жылы Chocofamily Holding басшысы Рамиль Мухоряповтың қазақ тілі туралы мәлімдемесі, сондай-ақ «Пинта» мейрамханалар желісінің қазақ тіліндегі әндерге қатысты шешімі қоғамдық наразылық туғызған. Зерттеу мәтінінде Шарип Серикке қатысты жағдай да қоғамдық айыптаудың кәсіби шешімдерге ықпал ету мысалы ретінде берілген [8].

Бұл кейстер әлеуметтік желідегі реакциялардың тек эмоциялық пікір алмасумен шектелмей, компаниялардың мәлімдемелеріне, бойкоттарға және кәсіби шешімдерге ықпал ете алатынын көрсетеді. Сонымен қатар, ақпарат тексерілмеген немесе контекстен үзіп алынған жағдайда, қоғамдық айыптау жалған айыптауларға және адамның беделіне елеулі зиян келтіруге ұласуы мүмкін. Зерттеу мәтінінде Перси Хайнс Уайтқа қатысты айыптаулардың жалған болып шыққанына қарамастан, #cancelpercy хэштегі оның мансабына кері әсер еткені мысал ретінде келтірілген.

Зерттеу нәтижесіне сәйкес, респонденттердің басым бөлігі – 31 адам аталмыш ұғымды естігенімен, нақты түсінігі жоқ екенін айтқан. Бұл мәлімет қоғамда бас тарту мәдениеті туралы ақпараттанудың әлі де жеткіліксіз екенін көрсетеді. Сонымен қатар, 27 адам белгілі бір деңгейде хабардар екенін, 21 адам бұл мәдениетті толық түсінетінін айтқан. Бұл дегеніміз, жастар арасында бұл тақырыпқа деген қызығушылық бар, бірақ нақты білім деңгейі әртүрлі.

Сауалнама нәтижелері қоғамда осы феноменге деген екіұдай көзқарас бар екенін көрсетеді және респонденттер пікірі бойынша, қандай көріністе болса да, аталған феномен Қазақстан қоғамында кездеседі. Яғни, ең үлкен көрсеткіш 44%-бен "*көбінесе кездеседі*" жауабын берген.

1-сурет. Бас тарту мәдениеті Қазақстанда қаншалықты жиі кездеседі деп ойлайсыз?

Қандай формада кездеседі деген сұраққа жауап беретін болсақ, бір жағынан, кейбір респонденттер бас тарту мәдениетін әділеттілік құралы ретінде бағалайды: егер бір тұлға қоғамда қабылданбайтын әрекет жасаса (мысалы, зорлық-зомбылық, нәсілшілдік, моральға қайшы әрекеттер), онда оны қоғамдық алаңнан аластату орынды деп есептейді. Оны позитивті, реформаторлық сипаттағы түсінік деп интерпретациялай аламыз: *«Жауапсыздыққа қарсы күрес құралы»* (15%), *«Қоғамдық нормалардың өзгеруіне ықпал ететін процесс»* (10%), *«Қоғамның өзін-өзі реттеу механизмі»* (10%) және *«Әлеуметтік әділеттілікті орнатудың бір жолы»* (7%) деген жауаптар — респонденттердің бір бөлігі бас тарту мәдениетін қоғамның өз-өзін тазартуы, моральдық-этикалық нормаларды сақтау құралы ретінде көретінін дәлелдейді. Бұл пікірлер оның әлеуметтендіру функциясын алға тартады. Мұндай пікірлердің артында адамдардың әділеттілікке деген ұмтылысы мен моральдық нормаларды сақтау қажеттілігі жатыр. Екінші

жағынан, бас тарту мәдениеті — қысым мен бақылау құралы ретінде шамадан тыс қатал құрал деп бағалаған: Ең көп таңдалған жауап — *«Тұлға не ұйымға қысым тәсілі»* (21%). Бұл көрсеткіш бас тарту мәдениеті көбіне жазалау мен айыптауға бағытталған, күш көрсету тетігі ретінде қабылданатынын аңғартады. Олар мұндай әрекеттер адамның өзгеруіне мүмкіндік бермейтінін, қателікке жол берген кез келген адамның біржола «өшірілетінін» сынға алған. Бас тарту мәдениеті тек тұлғаларға ғана емес, ұйымдар мен өнер туындыларына да бағытталуы мүмкін. Бұл жағдай сійкесінше, кейде қоғамда пікір еркіндігіне қысым жасайды деген алаңдаушылық туғызады. Мысалы, бір респонденттің пікірі бойынша: "*Кейде қоғам біреуді «жазалау» үшін оның бар еңбегін, жетістігін жоққа шығарып жібереді. Бұл — өте қауіпті үрдіс*." Мұндай пікірлер қоғамда пікір алуандығына деген құрметтің сақталуын маңызды деп санайтын азаматтардың көзқарасын білдіреді. Бұл көзқарас әсіресе гуманистік және либералды ойлайтын жастар арасында жиі кездеседі.

Статистика

22. Жасыңыз(ашық жауап):

N	Валидные	100
	Пропущенные	0
Среднее		33,29
Медиана		34,50
Мода		45

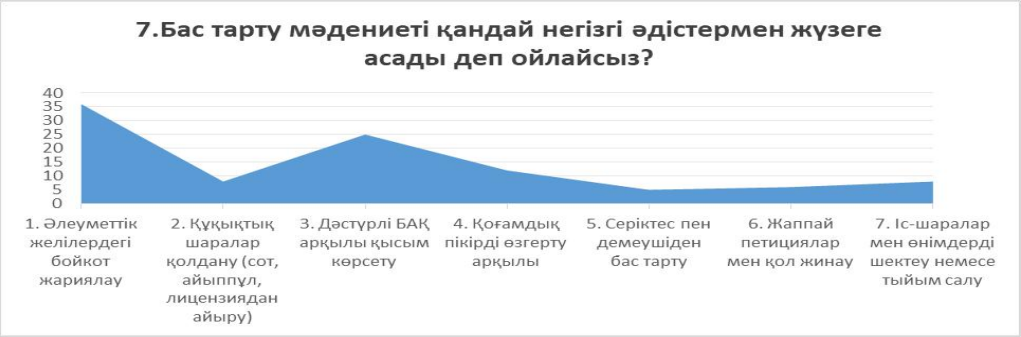

2-сурет. Респонденттердің жас айырмашылықтары және жас бойынша статисткалық көрсеткіштер

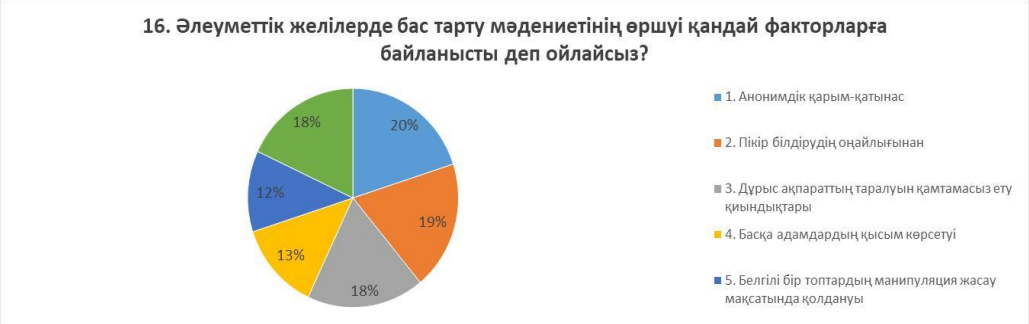
Зерттеу барысында респонденттердің жас ерекшеліктері де олардың көзқарасына әсер ететіні байқалды. Көрсеткіштерді анықтайтын болсақ, ең көп жауап берген респонденттердің жасы, яғни мода - 45 жастағы адамдарға тең келіп тұрса, орта жас - 33,29 ды құрайды. 18–25 жас аралығындағы жастар бас тарту мәдениеті туралы көбірек хабардар әрі белсенді пікір білдірген. Бұл олардың әлеуметтік желілердегі белсенділігімен, сонымен қатар заманауи құндылықтар мен әділеттілік мәселелеріне деген сезімталдығымен байланысты. Ал жасы үлкенірек респонденттер бұл феномен туралы аз білетінін немесе оның қажеттілігіне күмәнмен қарайтынын көрсетті.

Нәтижелер көрсеткендей, бұл мәдениетті жүзеге асыруда ең кең таралған әдіс – "әлеуметтік желілердегі бойкот жариялау" (36%). Бұл көрсеткіш жастар арасындағы цифрлық құралдарды белсенді қолдану мен желілік қоғамдастықтың рөлінің артуын көреміз. Дәстүрлі бұқаралық ақпарат құралдары арқылы қысым көрсету (25%), бұл жастардың ресми институттарға қарағанда желілік әрекеттерге көбірек сенім артатынын білдіреді. Жеке тұлғалалрдың психологиялық жағдайына да сәйкесінше, қатты әсер ететінін жауаптарда келтірген, ол 34%-ға тең болды. Адамның кәсіби және жалпы өміріне өз әсерін негативті тұрғыда тигізіп, қадір-қасиеттің төмендеуіне әкеледі. Бас тарту мәдениетінің қоғамдағы орны оның жеке адамдардың әлеуметтік капиталына тікелей әсер етуінде де көрінеді. Бір кездері танымал болған тұлғаның беделі, аудиториясы, табысы, тіпті мансабы бір сәтте құлдырап кетуі мүмкін. Бұл қоғам үшін — сабақ, ал тұлға үшін — репутациялық жауапкершілік пен өзін-өзі қайта ой елегінен өткізуге мүмкіндік. Сондай-ақ, қатысушылар қоғамдық пікірді өзгертудің (11%) де бас тарту мәдениетін іске асыруда белгілі бір маңызға ие екенін атап өтті. Алайда серіктес пен демеушіден бас тарту (4%), петициялар мен қол жинау (5%) және іс-шаралар мен өнімдерді шектеу (6%) сияқты дәстүрлі активистік әдістер салыстырмалы түрде аз қолданылатындығы байқалады. Мұның негізгі себептерін анықтауға бағытталған келесі сұрақтың нәтижелері де бұл үдерісті тереңірек түсіндіреді. Респонденттердің пікірі бойынша, әлеуметтік желілерде бас тарту мәдениетінің өсуіне ең алдымен анонимдік қарым-қатынас (20%) пен пікір білдірудің оңайлығы (19%) әсер етеді. Бұл факторлар интернеттегі қолданушылардың жауапкершіліктен тыс пікір білдіруіне және жаппай қоғамдық айыптауға

жол ашатын орта қалыптастыратынын көрсетеді.

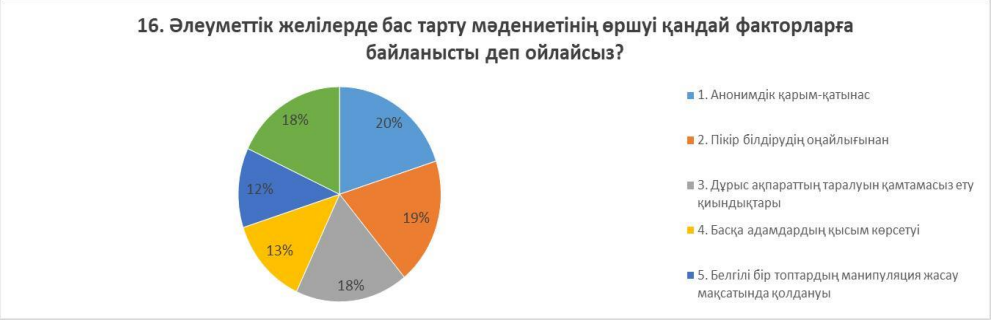

3-сурет. Бас тарту мәдениеті қандай негізгі әдістермен жүзеге асады деп ойлайсыз?

4-сурет. Әлеуметтік желілерде бас тарту мәдениетінің өршуі қандай факторларға байланысты деп ойлайсыз?

Респонденттер әлеуметтік желілерде бас тарту мәдениетінің өршуіне анонимдік қарым-қатынас (20%) пен пікір білдірудің оңайлығын (19%) негізгі факторлар ретінде атаған. Ақпараттың жылдам таралуы, ақпаратты тексерудегі қиындықтар және басқа адамдардың қысымы да мұндай науқандардың күшеюіне жағдай жасайды. Әлеуметтік желілердегі пікірлер қоғамдық реакцияны тез ұйымдастырып, жеке пайдаланушыларға да қоғамдық дискурсқа ықпал ету мүмкіндігін береді.

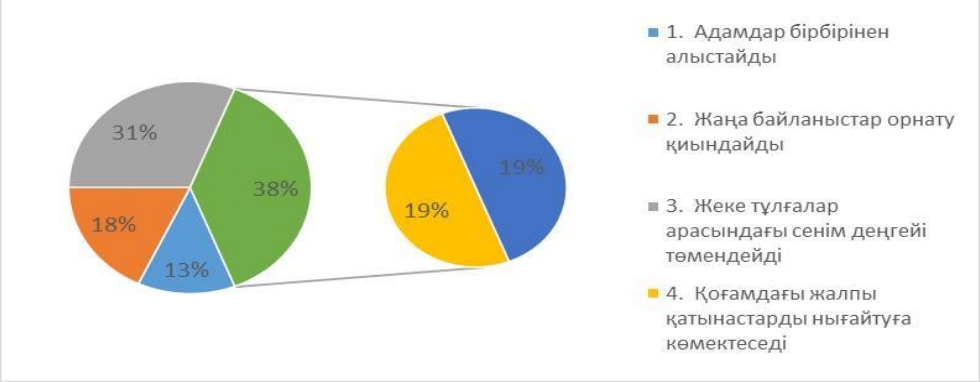
5-сурет. Әлеуметтік желілерде бас тарту мәдениетінің өршуі қандай факторларға байланысты деп ойлайсыз?

Қоғамның бас тарту мәдениетіне көзқарасы біржақты емес. Бір жағынан, ол қоғамдық әділеттілікке, әлеуметтік жауапкершілікке және азаматтық белсенділікке ықпал ете алады. Екінші жағынан, жаппай айыптау адамның өз пікірін ашық айтуына кедергі келтіріп, өзін-өзі цензуралауға, қоғамның поляризациясына және сенімнің төмендеуіне әкелуі мүмкін. Зерттеу нәтижелерінде респонденттердің 40%-ы бас тарту мәдениеті адамдарда пікір білдіруге қорқыныш тудыратынын көрсеткен. Сонымен бірге, 27% оның сөз бостандығын шектеуі мүмкін екенін атап өткен.

	24. Сіз жұмыс істейтін (қосымша жұмыс істейтін) саланы көрсетіңіз? (БІР ЖАУАП):										Всего
	1. Мемлекеттік қызме	10. Үй шаруасын	11. Жұмыссыз	2. Бюджеттік ұ	3. Жекеменшік	4. Жалдам	5. Жеке ең	6. Өзін-өз	7. Жеке ка	9. Студент	
1. Өте жоғары деңгейде, қоғамның көп бөліг	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	4
2. Орташа деңгейде, белгілі бір топтар арасы	14	2	1	4	7	1	5	9	6	9	58
3. Төмен деңгейде, тек сирек жағдайларда кө	8	3	1	3	6	1	3	2	1	4	32
4. Мүлде байқалмайды, бұл құбылыс қоғамд	3	1	1	0	1	0	0	0	0	0	6
	25	7	3	7	15	3	8	11	7	14	100

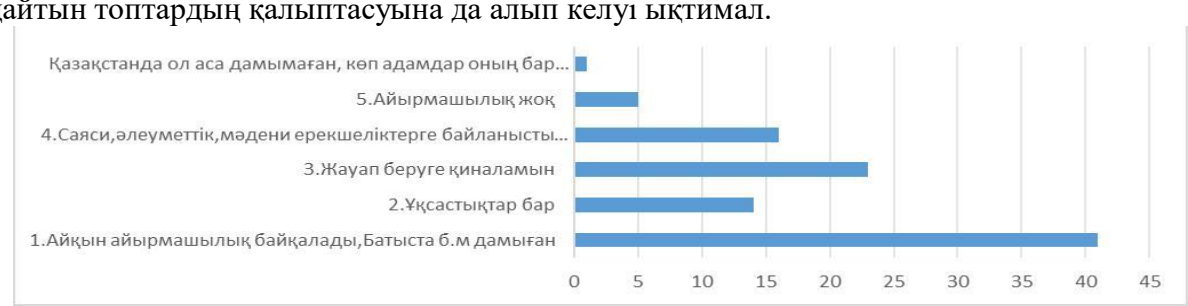
6-сурет.Сіз жұмыс істпейтін (қосымша жұмыс істейтін) саланы көрсетіңіз және

Қазақстанда бас тарту мәдениетінің көрінісі қандай деңгейде? қатынасы

7-сурет.Бас тарту мәдениетінің әлеуметтік қатынастарға әсері қандай деп ойлайсыз?

Әлеуметтік қатынастарға қатысты жауаптарда респонденттердің 62%-ы бас тарту мәдениеті адамдар арасындағы қарым-қатынасқа теріс әсер етеді деп есептеген. Ең жиі аталған салдар – сенім деңгейінің төмендеуі (31%). Мұндай жағдайда адамдар айыпталған тұлғамен араласудан қашқақтауы, әлеуметтік байланыстар әлсіреуі және қоғамда «біз» бен «олар» деген бөліниіс күшеюі мүмкін. Уақытша ортақ наразылық адамдарды біріктіргенімен, тек өз пікірін қолдайтын топтардың қалыптасуына да алып келуі ықтимал.

8-сурет. Қазақстандағы бас тарту мәдениеті Батыс елдерінен қаншалықты ерекшеленеді?

		13. Сіз әлеуметтік желілерде белгілі бір тұлғаға немесе ұйымға				Всего
		1. Иә, бірнеше рет	2. Бір рет қана	3. Жоқ, бірақ	4. Жоқ, мүлде қызықпаймын	
5. Бас тарту мәдениеті дұ	1. Иә, ол жауапкершілікті күшейтеді	8	6	15	4	33
	2. Иә, бірақ оның белгілі бір шегі болуы к	3	4	26	7	40
	3. Жоқ, ол адамның еркіндігіне шектеу қ	0	3	4	3	10
	4. Бейтараптын	2	1	5	9	17
Всего		13	14	50	23	100

9-сурет.Бас тарту мәдениетін дұрыс құбылыс деп ойлайсыз ба? мен Сіз әлеуметтік желілерде белгілі бір тұлғаға немесе ұйымға қарсы бойкот жариялау науқандарына қатысып көрдіңіз бе? қатынасы

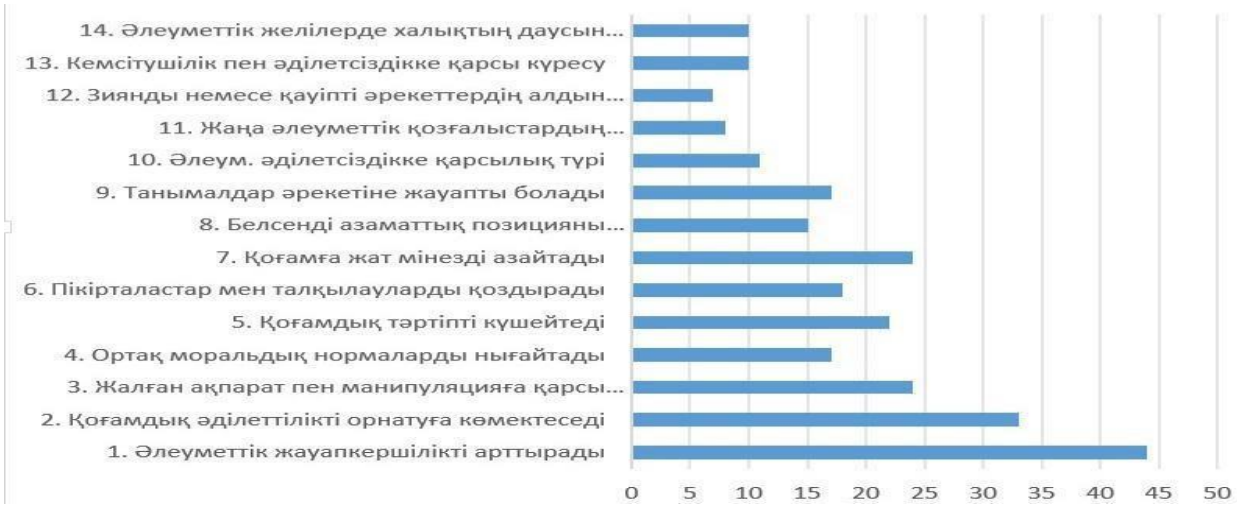
		23. Сіздің біліміңіз:					Всего
		1. Жоғары, ғылыми д	2. Жоғары (бак	3. Толық аяқт	4. Орта арна	5. Жалпы орта	
5. Бас тарту мәдениеті дұ	1. Иә, ол жауапкершілікті күшейтеді	5	15	5	7	1	33
	2. Иә, бірақ оның белгілі бір шегі болуы к	8	20	5	5	2	40
	3. Жоқ, ол адамның еркіндігіне шектеу қ	3	3	0	4	0	10
	4. Бейтараптын	1	10	0	5	1	17
Всего		17	48	10	21	4	100

10-сурет.Бас тарту мәдениетін дұрыс құбылыс деп ойлайсыз ба? мен Сіздің біліміңіз қатынасы

Бас тарту мәдениетінің этикалық және құқықтық қыры да екіұшты. Қоғам кемсітушілікке немесе қорлайтын әрекеттерге жауап талап ете алады, бірақ әлеуметтік қысым заңды рәсімдер мен әділ бағалаудың орнын баспауы тиіс. Қоғамдық пікірдің жылдам өзгеруі мен айыптаудың ауқымы адамның кінәсі дәлелденбей тұрып-ақ беделіне нұқсан келтіруі мүмкін. Мұндай ахуал сөз бостандығын шектеп қана қоймай, проблемаларды ашық талқылау мүмкіндігін де азайтады.

Зерттеу материалында бас тарту мәдениетінің жағымды қырлары әлеуметтік жауапкершілікті арттыру, әділетсіздікке қарсы тұру, зиянды әрекеттердің алдын алу, ортақ моральдық нормаларды нығайту және азаматтық белсенділікті күшейту мүмкіндіктерімен байланыстырылған. Респонденттердің 33-і бұл құбылысты дұрыс деп санап, жауапкершілікті

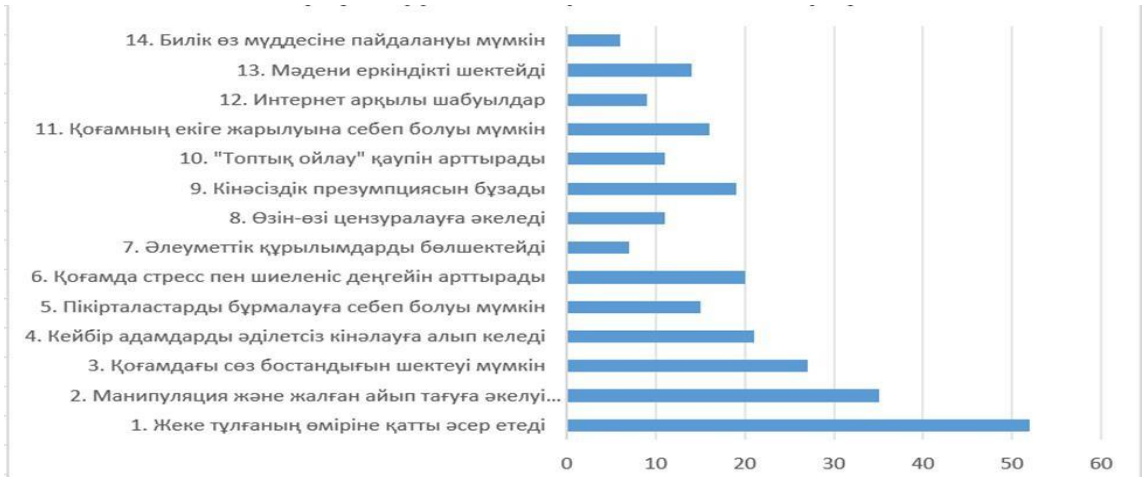
арттырады деген; 40 респондент оның жағымды болуы үшін белгілі бір шегі болуы керектігін айтқан. Бұл жауаптар бас тарту мәдениетін толық қолдау немесе толық теріске шығару емес, оны қолдану шарттары мен әділдігіне назар аудару қажеттігін көрсетеді.

11-Сурет. Жүргізілген сауалнама нәтижесі бойынша бас тарту мәдениетінің жағымды жақтары.

Әлеуметтік желі қолданушылары бас тарту мәдениетінің негізгі қозғаушы күші ретінде ең жиі аталған (31,7%). Платформалар бойынша Instagram-да мұндай көріністерді байқағандар саны 100 адамның 47-сін, TikTok – 29-ын құраған; теледидар мен жаңалық сайттарын атағандар 100 адамның 5-еуі болған. Бұл көрсеткіштер дәстүрлі медиамен салыстырғанда әлеуметтік желілер ықпалының артқанын көрсетеді. Респонденттер қоғамдық тәртіпті күшейту (8,5% немесе 22 адам), пікірталас пен талқылауларды қоздыру (6,9% немесе 18 адам), ортақ моральдық нормаларды нығайту (6,5% немесе 17 адам) сияқты функцияларды да атап өткен. 9,2% бас тарту мәдениетін жағымсыз әрекеттерге тосқауыл қою құралы ретінде бағалаған.

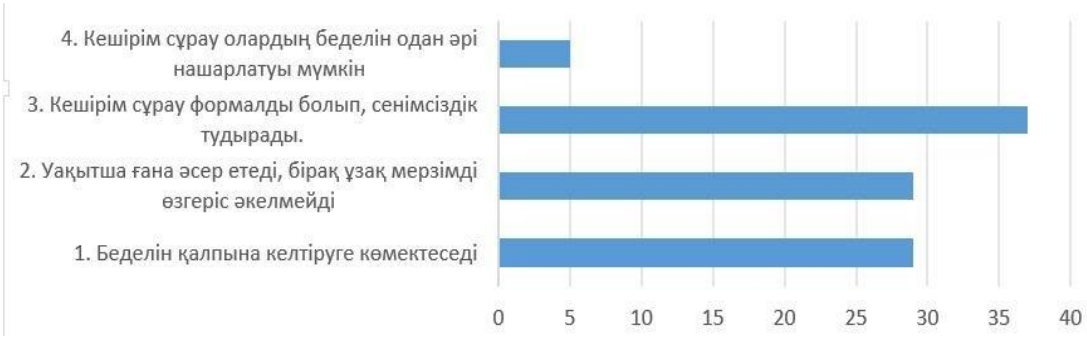
Зерттеуде жағымсыз салдарлар беделдің түсуі, жалған айыптаулар мен манипуляция, сөз бостандығына қысым, әлеуметтік сенімнің әлсіреуі және психологиялық зиян тұрғысынан талданады. Респонденттердің 52%-ы бас тарту мәдениеті жеке тұлғаның өміріне теріс әсер етеді деп есептеген, ал 35%-ы манипуляция мен жалған айыптаулардың таралуы мүмкін екенін атап өткен. Сонымен қатар, 27% сөз бостандығы шектелуі мүмкін деп санаған.

12-сурет. Бас тарту мәдениетінің жағымсыз жақтары

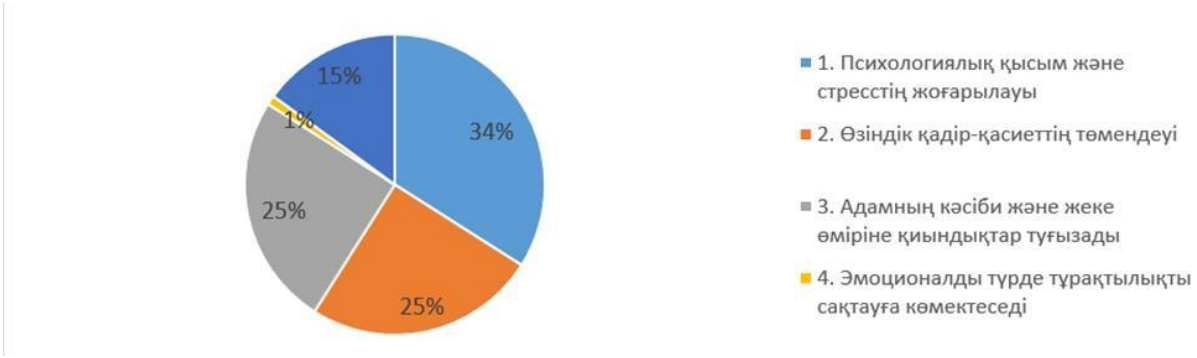
Беделді қалпына келтіру мүмкіндігі туралы сұраққа 36% «дұрыс әрекет жасаса, мүмкін» деп жауап берген, 34% бұл үдеріс өте қиын екенін айтқан, 26% беделді тек сирек жағдайда қалпына келтіруге болады деп есептеген, ал 4% бедел мүлде қалпына келмейді деген пікір білдірген. Танымал тұлғалардың кешірім сұрауына қатысты жауаптарда 38% оны формалды әрекет деп қабылдап, сенімсіздік туғызуы мүмкін деп көрсеткен. Бұл нәтижелер кешірімнің өзі

қоғамдық сенімді автоматты түрде қалпына келтірмейтінін аңғартады.

13-сурет. Танымал тұлғалардың әлеуметтік желілерде кешірім сұрауы олардың қоғамдағы беделіне қалай әсер етеді деп ойлайсыз?

Психологиялық салдарлар да маңызды орын алады. Респонденттердің 84%-ы бас тарту мәдениеті жеке адамға психологиялық зиян тигізуі мүмкін екенін атап өткен. Ең жиі көрсетілген әсер – стресс пен психологиялық қысымның артуы (34%). Өзін-өзі бағалаудың төмендеуін 25%, ал кәсіби және жеке өмірінде қиындықтардың туындауын 25% атаған. Қоғамдық айыптау мен оқшаулау адамның эмоционалдық жағдайына ғана емес, оның жұмысына, отбасылық және достық байланыстарына да әсер етуі мүмкін.

14-сурет. Бас тарту мәдениеті жеке тұлғалардың психологиялық жағдайына қалай әсер етеді деп ойлайсыз?

Қорытынды

Зерттеу нәтижелері Астана қаласындағы респонденттер арасында бас тарту мәдениеті белгілі бір деңгейде танылғанын, алайда оның мәні мен қоғамдық рөлі әртүрлі түсіндірілетінін көрсетті. Бір бөлігі бұл құбылысты әділеттілік пен жауапкершілікті нығайтатын бейресми әлеуметтік бақылау тетігі ретінде қабылдаса, екінші бөлігі оны тұлғаға немесе ұйымға қысым жасау, беделін түсіру және пікір еркіндігін шектеу қаупі бар құбылыс деп бағалайды.

Сауалнама нәтижелері әлеуметтік желілердің бас тарту мәдениетін таратудағы негізгі алаң екенін көрсетті. Ақпараттың жылдамдығы, жариялылық, анонимдік және пікір білдірудің жеңілдігі қоғамдық реакцияның тез қалыптасуына мүмкіндік береді. Қазақстандық мысалдарда бойкот пен қоғамдық сын тілдік құқықтар, мәдени инклюзия және ұйымдардың қоғам алдындағы жауапкершілігі мәселелерімен байланысты көрініс тапқан.

Сонымен қатар, респонденттердің жауаптары бас тарту мәдениетінің әлеуметтік тұрақтылыққа ықтимал қауіптерін көрсетеді: беделге зиян келтіру, жалған айыптау, өзін-өзі цензуралау, адамдар арасындағы сенімнің төмендеуі, поляризация және психологиялық қысым. Демек, бұл құбылыстың әсері нақты жағдайға, айыптаудың негізділігіне және қоғамдық реакцияның сипатына байланысты. Оның әлеуметтік әділеттілікке қызмет етуі үшін эмоциялық реакцияны тексерілген ақпараттан ажырату, сын мен жаппай қудалаудың ара-жігін сақтау, сындарлы диалог пен медиа сауаттылықты ескеру маңызды.

Зерттеудің шектеуі – іріктеменің репрезентативті болмауы және респонденттер санының

100 адаммен шектелуі. Сондықтан алынған нәтижелер Астана қаласындағы осы сауалнамаға қатысушылардың пікірін сипаттайды және оларды бүкіл ел жастарының көзқарасы ретінде жалпылауға негіз бермейді.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Таран Е. М. Культура отмены: определение и ее влияние на различные сферы жизни – 2024 https://www.b17.ru/article/kultura_otmeny_opredelenie_i_ee_vliyanie_na_razlichnye_sfery_zhizni/
2. Merriam-Webster сөздігі https://www.merriam-webster.com/
3. Ресурс: Adebietportalykz Әстудио - Бас тарту мәдениеті. 2022 https://www.youtube.com/watch?v=ZQIdBRYRrBY
4. Katherine Fung. LeVar Burton defends cancel culture, says it should be called “consequence culture” (англ.). Newsweek (26 апреля 2021).
5. Haidt, Jonathan. The Coddling of the American Mind / Jonathan Haidt, Greg Lukianoff. — New York City : Penguin Press, 2018. — ISBN 978-0-73522489-6.; For safetyism, see Lukianoff, Greg. The Coddling of the American Mind / Greg Lukianoff, Jonathan Haidt. — September 4, 2018. — P. 30, 158, 235, 268, 329. — ISBN 9780735224902.
6. Смагулова А. От Air Astana до Magnum: языковые фейлы бизнеса в Казахстане [Электронный ресурс] // Masa Media. – 2023. – URL: https://masa.media/ru/site/ot-air-astana-do-magnum-yazykovye-feylybiznesa
7. «Қазақша сөйле»: Казахстанцы бойкотируют Magnum из-за языкового скандала [Электронный ресурс] // Juz Media. – 2025. – URL: https://juzmedia.kz/news/870-kazaksha-soile-kazakhstantsyboikotiruiut-magnum-iz-za-iazykovogo-skandala/
8. Сарбасова К. Существует ли в Казахстане культура отмены или кейс с Шарипом Сериком — это первый случай? [Электронный ресурс] // Orda.kz. – 2025. – 11 апр. – URL: https://orda.kz/suschestvuet-li-vkazahstane-kultura-otmeny-ili-kejs-s-sharipom-serikom-jeto-pervyjsluchaj-400332/

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ГИБРИД ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ С СОВРЕМЕННЫМИ ТРЕНДАМИ

Қазбек А.Ғ., Омарова М.
студенты 2-го курса BO40- Political and mass communications
Университет «Нархоз»,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: aizada.kazbek@narxoz.kz, makhabbat.omarova@narxoz.kz

Научный руководитель: ассоц. профессор Школы права и государственного управления университета «Нархоз» Ивашов А.А.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается феномен глокализации в Казахстане как процесса взаимодействия традиционных культурных ценностей и современных мировых тенденций. Актуальность исследования обусловлена усилением глобализационных процессов и их влиянием не только на национальную идентичность казахстанского общества, но и на экономические факторы и показатели страны. Цель исследования заключается в определении особенностей глокализации в Казахстане и ее важности в сохранении национальной самобытности в условиях стремительно развивающегося мира. Работа рассматривает проявление глокализации в культуре, экономике и бизнесе, особое внимание уделяется адаптации глобальных трендов к местным культурным и социальным особенностям. Более того, в статье будут рассмотрены положительные стороны данного феномена, и риски для Казахстана.

Введение

В настоящее время феномен глобализации является центральной темой многих исследований в социальных науках. Этот процесс, изначально зародившийся в экономике, сегодня оказывает огромное влияние на культурную, политическую и социальную сферы [1]. Глобализация – это совокупность процессов интеграции и унификации в культуре, экономике, политике и религии, которые соединяют мир в единую систему ценностей и интересов. Как отмечает М.Л. Калужский, «современная глобализация не только унифицирует все сферы социального бытия, она объективно снижает социальную значимость государственной политики, идеологии и религии» [2, 38]. Именно как критика процессов глобализации появилось понятие глокализации, которое меняет идею о неотвратимости трансформации национальной культуры в глобализированную. У Е.Ф. Авдокушина глокализация рассматривается как термин, впервые используемый руководителем японской компании “Sony” А. Морита и обозначающий «синтез локальных культур с достижениями глобальной мультикультурной цивилизации» [3, 6]. Другими словами, термин, возникший как гибрид слов «глобализация» и «локализация» означает сосуществование глобальных процессов и национальных традиционных ценностей. В данном исследовании рассматриваются особенности проявления глокализации в Казахстане и ее влияние на разные сферы общественной жизни. Особое внимание уделяется адаптации международных экономических и социальных практик к локальным условиям. Таким образом, исследование направлено на выявление возможностей и рисков глокализации для современного казахстанского общества.

Глокализация в культуре

В первую очередь хотелось бы отметить влияние глокализации на культурную сферу. С развитием глобализации, определенные культурные ценности стали менее значимыми в формировании идентичности граждан. В научной литературе глокализация рассматривается как сочетание процессов глобализации локального и локализации глобального, в результате которого формируются новые культурные формы и модели идентичности [4]. Как отмечает М.С. Стычинский, у каждой культуры есть свой «уникальный набор ценностей, норм, обычаев, стереотипов, языковых форм и религиозных оснований» [4, 10]. Таким образом, в процессе глокализации локальная культура не обязательно вытесняется глобальными образцами, а может переосмысливаться и приобретать новые формы [5].

Для Казахстана данный процесс особенно актуален, так как современные тренды показывают, что наше общество одновременно включено в мировое пространство и поддерживает национальные ценности и традиции, при этом внедряя глобальные процессы в культурный код страны. Одним из наиболее наглядных примеров культурной глокализации является современная казахстанская мода. Международные тренды в одежде распространяются и в Казахстане, однако они могут сочетаться с национальными идеями. Исследование П. Сариевой и соавторов, посвященное казахстанской fashion-индустрии в условиях культурной глобализации, показывает, что современные дизайнерские практики взаимодействуют с традиционным культурным наследием Казахстана [6]. В результате национальные орнаменты, элементы казахской эстетики и другие особенности могут использоваться в современных стилях одежды.

Данный процесс можно проследить в концепции таких казахстанских брендов, как Qazaq Republic и Darideyia. Первый бренд использует street-style одежду, являющуюся трендом по всему миру, сочетая ее с казахским языком, историческими отсылками и национальной символикой. В этом случае глобально распространенный формат streetwear получает локальное содержание. Например, использование надписей «Born Qazaq» и «est. 1465» отражает чувство гордости и принадлежности к казахской идентичности, что делает бренд одежды не только стильным в соответствии с мировыми тенденциями, но и эмоционально важным для казахстанцев.

Подобный принцип использует и бренд одежды Darideyia, который соединяет этническую эстетику с современным дизайном. В пошиве современных фасонов используются казахские орнаменты и элементы национальной культуры. Эти примеры демонстрируют, что традиционные культурные элементы могут адаптироваться к современным потребительским

практикам, не сохраняясь в первоначальной форме.

Другим важным для этого феномена примером может служить современная музыка с использованием традиционных музыкальных инструментов. Домбра является одним из самых узнаваемых элементов казахской культуры, и в современных реалиях она может использоваться не только для исполнения традиционных композиций, но и для комбинации с глобальными жанрами. Например, группа Aldaspan позиционирует себя как мульти-жанровая казахская этно рок-группа, играющая на электро-домбрах. В данном случае традиционный казахский инструмент встраивается в музыкальный формат, имеющий глобальное распространение. Это позволяет четко увидеть механизм глокализации: глобальная музыкальная форма сохраняется, но ее содержание и звучание адаптируются с помощью использования локального культурного элемента. Подобное сочетание традиционного и современного показывает, что глобализация не обязательно ведет к исчезновению традиционной культуры; она может создавать новые способы ее представления.

Таким образом, культурная глокализация не только адаптирует к мировым культурным тенденциям, но и взаимодействует с национальной идентичностью. Глобальные формы культуры могут приобретать локальное содержание: современные форматы одежды, музыки и массовой культуры сочетаются с казахским языком, национальной символикой и традициями. Соответственно, сохранение национальной идентичности является особенно важным аспектом этого процесса. По мнению Т. Т. Оспанова и А.Х. Рамазановой, «глобализация ставит под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека и этносов, сформированные в рамках прежних традиций, структурных элементов идентичности т.к. ментальность, историческая коллективная память, духовное наследие, язык и др.» [7, 71]. Казахстанское общество должно определять защиту своей национальной идентичности как приоритет, поскольку глобализационные процессы в современном мире составляют серьезную угрозу для самоопределения казахстанцев [7]. На наш взгляд, одним из способов этой защиты может являться глокализация, так как она не требует абсолютной изоляции от внешнего мира, но и не приводит к полному размыванию традиционных ценностей и ориентиров.

Глокализация в экономике и бизнесе

Глокализация в Казахстане особо заметно затронула сферы бизнеса и экономики. Во-первых, международные бренды, которые функционируют в Казахстане адаптируется под языковые, пищевые и культурные особенности. Культурная адаптация ярко выражена в рекламных слоганах международных брендов. В своем исследовании Нурбаева и Байсыдык выявили, что за счет адаптации слоганов под локальные коды повышает привлекательность, тем самым, увеличивая перлокутивный эффект. В качестве одного из примеров был приведен слоган компании Adidas “Imbossible is Nothing”, инверсия в английской версии создает яркий мотивационный эффект. Однако, в русской версии Невозможное возможно этот эффект несколько ослабевает, тогда как казахский вариант «Мүмкін еместің бәрі мүмкін» отличается своей культурной органичностью за счет пословичной ритмики [8]. Другой показательным пример также связан с компанией Adidas и ее недавно вышедшей рекламой новых кроссовок Adidas Control 5 под слоганом «Культура в движении». В рекламных роликах показывается казахский быт, национальные игры и одежда, а также сельские пейзажи Актау и Мангистауской области. Создатели рекламы, а именно Казахстанская команда Ay Qyz, смогли передать всю эстетику культурного быта казахского народа через призму современной концепции реклам Adidas [9].

Одним из примеров локализации в продуктовой индустрии является деятельность международного бренда Lay’s, который выпустил продукцию со вкусом бешбармака на казахстанском рынке [10]. Данный случай показывает, как глобальный бренд адаптировал стандартный продукт к национальной культуре, используя одно из наиболее узнаваемых блюд в традиционной казахской кухне. Такая стратегия сформулировало более тесную связь с местной аудиторией, при этом сохраняя лицо международного бренда.

Аналогичные процессы прослеживаются в индустрии общественного питания. Такие международные сети, как KFC Kazakhstan предлагают сертифицированно халяльную еду, учитывая спрос преобладающего мусульманского населения и закупаясь у отечественных

производителей, как Макинская птицефабрика [11]. В тоже время как в США эта компания не имеет халяльной сертификации и закупается у поставщиков, которые не соблюдают исламские требования к забою скота.

Другим примером интеграции глокализации в экономическую сферу является технологическая компания Kaspi.kz. В ежегодном отчете 2020, Михаил Ломтадзе подчеркнул важность освоения глобальных цифровых инноваций для того, чтобы повысить эффективность работы приложения. За 2020 год пользовательская активность достигала рекордные финансовые результаты. Компания открыто заявляет, что воспользовалось международным опытом, а именно Китайских компаний Tencent, Alibaba и Aliplay, которые стали первопроходцами концепции Super App. Сама идея единого приложения активно охватывает популярность и в других крупных корпорациях, таких как Amazon, Google, Facebook и PayPal. Однако, разработчики Каспи с самого начала ставили в приоритет Super App 1st, эта концепция играет роль фундаментального ядра всей системы. Глобальная идея Super App была умело адаптирована под законодательство, финансовую систему и потребительские привычки Казахстанского общества. Приложение дает возможности онлайн покупок, финансовых услуг, мгновенные переводы по номеру телефона, оплата по QR-коду, платежи для оплаты коммунальных услуг, мобильной связи, штрафов и других регулярных счетов без комиссии. Особенно важно отметить интеграцию коммерческой цифровой системы с государственными сервисами. В Каспи приложении существуют отдельный раздел с государственными услугами, который позволяет пользователям получить доступ к цифровым документам, включаю удостоверение личности, студенческий билет, паспорт, водительские права и другие документы. Цифровые документы обладают юридический силой, так как личные данные поступают непосредственно через государственные информационные системы. Более того, экосистема напрямую взаимодействуют с налоговой системой с помощью оплаты Kaspi Pay [12].

Несмотря на перечисленные успешные примеры адаптации современных тенденций к казахстанскому контексту, процесс глокализации также сопровождает за собой потенциальные риски. Одним из ключевых рисков является упрощение изначальной культуры. Современные тренды постепенно занимают все более заметное место в культурной жизни общества, вытесняя при этом традиционные ценности. Индустрия моды, как мы упомянули ранее, активно внедряет элементы культуры, в виде казахского орнамента в современную одежду. Интерес к национальной айдентике особенно усилился в период активной миграции российских граждан на территорию Казахстана после объявления мобилизации [13]. На этом фоне усилилась популярность так называемого «этно-стиля», который становится все более востребованным среди молодежи и способствуют появлению новых бизнесов, основанных на данной тематике. С одной стороны, это повышает видимость культурных символов в коммерческих продуктах, но, с другой стороны возрастает риск использования культурных элементов, как маркетинговый инструмент для завлечения большего внимания потребителей, постепенно утрачивая свое культурное и историческое значение. Другим важным аспектом является языковой вопрос страны, в Казахстане казахский язык имеет статус государственного, а русский официально употребляется наравне с ним в государственных организациях [14]. Однако, противоречие статуса и фактического использования языка вызывает общественные дискуссии. Русский язык исторически является важной частью государственного аппарата, так как выполняет бюрократические, научно-технические и дипломатические функции, тогда как казахский язык одновременно выступает важнейшим элементом национальной идентичности и культурной самобытности, сталкиваясь с необходимостью укрепления своих позиций в различных сферах общественной жизни. Более того, все больше английский язык и латинизированные названия приобретают коммерческую ценность, то есть формируя некую иерархию, в которой глобальные языковые формы воспринимаются как более престижные. Таким образом, основные риски глокализации связаны с нарушением нужного баланса между глобальными и локальными элементами. Чрезмерная коммерциализация и усиление глобальных языковых форм могут привести к сохранению культуры на внешне-символическом уровне, постепенно утрачивая свое первоначальное ценностное содержание.

Таким образом, эффективность глокализации зависит не от отказа от современных глобальных тенденций, а от их гармоничной адаптации к национальным особенностям, при которой казахский язык и культурно-историческая память сохраняют свою значимость как ключевые элементы национальной идентичности.

С целью изучения отношения казахстанского общества к процессам глокализации нами был проведён социологический опрос, в котором приняли участие 88 респондентов, из которых 60,2% относятся к возрастной группе от 18 до 21 лет, а 33%-младше 18 лет, при этом около 80% проживают в крупных городах страны. Этот состав выборки позволяет рассматривать полученные эмпирические данные прежде всего как восприятие глокализации молодым городским населением. Несмотря на то, что лишь около 37% респондентов знакомы с понятием «глокализация», 33% ранее слышали этот термин, а 29,5% столкнулись с ним впервые, более 80% опрошенных отмечают, что сталкиваются с практическими проявлениями данного процесса в повседневной жизни. Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о том, что глокализация активно проявляется в повседневных практиках учащихся, даже если они не обладают чётким теоретическим представлением о данном явлении. Наиболее заметной сферой, в которой проявляется сочетание глобальных трендов с современными традициями является индустрия моды и одежды (75%), за которыми следует смешивание языков (64,8%), бизнес и брендинг (46,6%), традиционная кухня (38,5%) и музыкальная сфера (37,5%). Особенно показательным является отношение респондентов к культурной гибридизации, 60,2% считают этот процесс положительным фактором, который обогащает культуру и делает ее более живой, а 31,8% воспринимают подобные явления как естественный процесс для развития культуры. Однако 46,6% респондентов считают, что гибридные культурные формы спровоцированы бизнес-индустриями. Эта связь подтверждает большую роль коммерческих компаний в адаптации глобальных моделей под локальный контекст страны. Наконец, более 60% респондентов рассматривают глокализацию как реалистичный и желательный путь развития общества, предполагающий сочетание глобальных тенденций с национальными культурными особенностями, тогда как лишь около 20% выступают за сохранение традиционной культуры в её неизменном виде.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что процесс глокализации в Казахстане является самостоятельным механизмом адаптации национальной культуры к глобальным трендам, и все это сопровождается социальным и экономическим контекстом. В данной статье глокализация рассматривается как сосуществование глобальных трендов и локальных ценностей, при котором международные формы приобретают новое локальное содержание, при этом не вытесняя национальную культуру. Приведенные примеры казахстанских брендов, этно-музыки, локализированные рекламы международных компаний и цифровых сервисов демонстрируют, как глокализация проявляется не только в культурных, но и в экономических сферах страны. Тем самым способствуя формированию гибридных форм, которые сочетают в себе традиционные элементы с глобальными тенденциями.

Одновременно с этим исследование показывает и риски данного процесса. Несмотря на повышение видимости национальной культуры через создание брендов в этно-стиле, чрезмерное внедрение культурных символов в коммерческом контексте и усиление влияния глобальных языковых форм может привести к постепенной утрате традиционных и исторических ценностей.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что значительная часть молодёжи воспринимает глобальные и локальные элементы не как противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие составляющие процесса глокализации. По мнению респондентов, их взаимодействие способно не только способствовать сохранению национальной идентичности, но и создавать условия для её дальнейшего развития в условиях глобализации.

Таким образом, рассмотренные в статье теоретические положения и результаты социологического опроса позволяют сделать вывод, что глокализация может выступать важным механизмом сохранения и развития национальной культуры посредством её адаптации к современным глобальным тенденциям. В этом контексте глокализация рассматривается как

модель взаимодействия традиций и современности, при которой национальная культура не только сохраняет свою самобытность, но и активно включается в глобальные процессы, приобретая новые формы выражения и развития.

Список литературы

1. Темирова Ж. Т., Анищенко О. А. Глобализация и языковая политика: влияние на национальную идентичность и культурные ценности казахстанцев // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – 2025. – № 2. – С. 332-349. – URL: Просмотр «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАЗАХСТАНЦЕВ»
2. Калужский М. Л. Система социальной глобализации // ЭКО. – 2003. – № 4 (346) – С. 38-58 – URL: New PDF Document
3. Авдокушин Е. Ф. Глокализация как объективный процесс и корпоративная стратегия // Вопросы новой экономики. – 2010 – № 2 (14) – С. 4-18. – URL: journal_2.indd
4. Стычинский М. С. От мультикультурализма к культурной глокализации // Вестник Вятского государственного университета. – 2015. – № 5. – С. 9-13. – URL: От мультикультурализма к культурной глокализации
5. Бельская Т. В. Глокализация как аспект глобальных трансформаций в современном мире // Государственное управление и государственная служба. – 2015. – С. 118-126. URL: Глокализация как аспект глобальных трансформаций в современном мире | Государственное управление и государственная служба
6. Sariyeva P. M., Abisheva A. K., Sneller R., Uralbayev S. S., Yermagambetova K. S. Fashion industry in Kazakhstan: a study in the context of cultural globalization // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2025. – Vol. 92, № 2. – P. 104-112. – URL: View of Fashion industry in Kazakhstan: a study in the context of cultural globalization
7. Оспанов Т. Т., Рамазанова А. Х. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность в современном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия философии, политологии и культурологии. – 2015. – Т. 50, № 1. – С. 68-73. – URL: Просмотр «Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность в современном Казахстане»
8. Нурбаева А. М., Байсыдык И.Б. Қазақстандағы халықаралық брендтердің жарнамалық слогандарының салыстырмалы талдауы: локализация және мәдени адаптация // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі. - 2025. - Т. 4. -№ 4. – С. 90-101. – DOI: 10.53201/ 2957-5567-2025-4-4-86-97. – URL https://yazlit.ppu.edu.kz/index.php/new/article/view/477/148 (Дата обращения 05.10.2026).
9. Сейсембек А. Adidas показал рекламу, снятую в Актау и Мангистау [Электронный ресурс] // Kursiv LifeStyle. – 2026. – 14 сентября. URL: https://kz.kursiv.media/2026-09-14/aina-adidas-pokazal-reklamu-snyatuyu-v-aktau-i-mangistau/ (Дата обращения: 06.10.2026).
10. Lay’s. Продукты: LAY’S® «Бешбармақ» [Электронный ресурс]. URL: **https://lays.kz/core** (Дата обращения: 06.10.2026).
11. Дмитриев В. Владелец Макинской птицефабрики поставил KFC первые парти казахстанской курятины [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. -2018. – 2 октября. URL: https://tengrinews.kz/money/vladelec-makinskoi-pticefabriki-postavil-kfc-pervye-partii-354747/ (Дата обращения 05.10.2026).
12. Kaspi.kz. Annual Report 2020 [Электронный ресурс]. – 2021. URL: https://ir.kaspi.kz/media/Annual_Report_2020.pdf(Дата обращения: 06.10.2026).
13. Сілəм А. Мода на традиции: как современная этно-одежда стала выражением национального стиля [Электронный ресурс] //Orda.kz. – 2023- 23 марта.- URL: https://orda.kz/kak-sovremennaya-etno-odezhda-stala-vyrazheniem-naczionalnoj-ajdentiki/ (Дата обращения 10.10.2026).
14. Конституция Республики Казахстан. Статья 9 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL:

https://www.akorda.kz/ru/konstituciya-respubliki-kazahstan-3053339 **(Дата обращения 10.10.2026).**

15. https://docs.google.com/spreadsheets/d/1iKNdiY2bJhgDnC3Vm6O9XuRovi-LGUvdeqRksvsSTUE/edit?resourcekey=&gid=811843220#gid=811843220

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК И ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Камбардинова М.У., Рахимжанова С.А.
студенты 2 курса, ОП 6В01708 – Преподаватель русского языка и русской литературы,
Южно-Казахстанский педагогический университет имени Өзбекәлі Жәнібекова,
г. Шымкент, Казахстан
email: nulinuli960@gmail.com, k.makhmuda.07@gmail.com
Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Есимова А.Б.

Аннотация

В статье рассматривается, как меняются читательские практики студенческой молодежи под влиянием цифровой среды. Сравниваются форматы чтения (бумажная книга, электронная книга, аудиокнига), разбираются жанровые предпочтения и мотивы чтения, а также роль BookTok и других социальных сетей в выборе книг. Затронуты проблема клипового восприятия текста и роль библиотек. Выводы опираются на авторский анонимный опрос студенческой молодежи (N = 52) и анализ ответов на открытые вопросы анкеты.

Ключевые слова: читательские практики, читательская культура, цифровое чтение, клиповое мышление, BookTok, аудиокниги, студенческая молодежь, анкетный опрос.

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время тема чтения считалась делом педагогов и библиотекарей. Сейчас она находится на стыке социологии культуры, медиаисследований, психологии восприятия и филологии [1, 34]. Цифровизация изменила саму среду, в которой человек получает и обрабатывает информацию: нынешняя молодежь выросла с телефоном в руках, и ее читательская социализация с самого начала проходила при постоянном доступе к интернету.

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, в последние годы все чаще говорят о «кризисе чтения» [2, 112]. Этот тезис лучше проверить, чем принимать на веру: точнее говорить не об исчезновении чтения, а о его перестройке, при которой меняются носители, форматы и мотивы чтения. В нашем опросе 44,23% респондентов согласились, что чтение «снова стало модным и престижным занятием», а мысль о полном отказе молодежи от чтения в пользу видео поддержали только 26,92%.

Во-вторых, цифровая среда формирует клиповое мышление, при котором информация воспринимается короткими фрагментами [3, 58]. Оно плохо сочетается с линейной природой художественного текста, а алгоритмы соцсетей борются за внимание активнее, чем книга. В-третьих, та же среда создает новые способы продвижения чтения: книжные блоги, платформы отзывов (Livelib, Goodreads) и BookTok, короткие рекомендательные видео которого способны резко повышать продажи художественной литературы [4, 21]. Половина наших респондентов (50%) регулярно находит новые книги именно через социальные сети.

Цель работы — проанализировать, как меняются читательские практики и читательская культура студенческой молодежи в условиях цифровизации, опираясь на результаты собственного эмпирического исследования. Задачи: рассмотреть теоретические подходы к изучению чтения; сравнить форматы чтения (бумажный, электронный, аудио); выяснить жанровые предпочтения и способы выбора книг; обозначить проблемы восприятия текста в цифровую эпоху; сформулировать рекомендации по поддержке чтения среди молодежи. Объект исследования — читательская культура студенческой молодежи, предмет — читательские практики, то есть устойчивые модели поведения, связанные с выбором, потреблением и

обсуждением текстов в разных форматах.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой работы послужили концепции социологии чтения, медиаисследований и теории коммуникации. Роже Шартье рассматривал чтение как практику, которая зависит не только от содержания текста, но и от материального носителя [5, 47]. Этот подход позволяет увидеть в переходе от бумаги к цифре не техническую замену носителя, а культурный сдвиг. Концепция медиатизации исходит из того, что медиа не просто передают культурные практики, но и перестраивают их [6, 89]: TikTok задает короткие эмоциональные рекомендации, Instagram — визуальную эстетику книжных полок и обложек, подкасты — разговорный формат обсуждения книг. Когнитивную сторону цифрового чтения раскрывает Мэриан Вулф: у людей, постоянно пользующихся цифровыми устройствами, формируется менее вдумчивый стиль чтения, отличающийся от глубокого линейного чтения печатного текста [7, 63]. Эта идея перекликается с понятием клипового мышления [3, 60]. Мы опирались также на работы по социологии чтения на постсоветском пространстве, где рассматриваются динамика книжного репертуара молодежи, место чтения среди других форм досуга и роль библиотек [8, 15; 9, 102].

Основным методом стал анонимный онлайн-опрос студенческой молодежи «Культура чтения современной молодёжи» на платформе Google Forms. Анкета состояла из 20 вопросов: социально-демографический блок; частота чтения пяти типов литературы (художественной, научно-популярной/профессиональной, сетевой, развивающей и учебной); предпочитаемый формат и число прочитанных за год книг; мотивы и способы выбора книг; влияние соцсетей и использование библиотек; читательские привычки. Отдельный блок составили открытые вопросы об идеальных условиях чтения, о книге, произведшей наибольшее впечатление, и о способах популяризации чтения. Дополнительно использовались сравнительный анализ форматов чтения и качественный анализ открытых ответов.

В опросе приняли участие 52 человека: 75% — студенты 18 лет, 15,38% — 19 лет, 5,77% — 20 лет, 3,85% — 17 лет. Девушек 92,31%, юношей 7,69%. Школу в Шымкенте окончили 61,54% респондентов, в районных центрах — 13,46%, в сельской местности — 7,69%, в Туркестане — 3,85%, иной вариант указали 13,46%. Выборка не является статистически репрезентативной и отражает скорее читательские привычки молодых женщин, чем молодежи в целом, поэтому результаты стоит воспринимать как иллюстративный кейс, который в целом подтверждает тенденции, описанные в литературе.

2. ФОРМАТЫ ЧТЕНИЯ: БУМАГА, ЭКРАН И АУДИО

Бумажная книга по-прежнему лидирует: ее назвали самым предпочитаемым форматом 46,15% респондентов. Это согласуется с выводами зарубежных исследователей о сохраняющейся у «цифрового» поколения привязанности к печати (print preference) [10, 44]. Объяснение отчасти в тактильности чтения: вес книги, фактура и запах бумаги создают телесный опыт, недоступный на экране [5, 52]. Есть и когнитивная причина: физическая протяженность книги помогает читателю мысленно «картировать» сюжет, что облегчает понимание и запоминание текста [7, 71].

Заметна и эстетическая сторона бумажной книги. Книжный мерч (закладки, свечи, шоперы, суперобложки) время от времени покупают 50% опрошенных, регулярно — 3,85%, и лишь 23,08% равнодушны к таким вещам. Для многих книга — не только текст, но и предмет, который можно коллекционировать и показывать другим; в терминах Пьера Бурдьё это можно описать как конвертацию культурного капитала в социальный [11, 29]. С печатной книгой связывают глубокое чтение, и в открытых ответах об идеальных условиях чтения респонденты возвращаются к одним и тем же параметрам: «полная тишина, где тебя никто не отвлекает», чтение «дома, в уединении своей комнаты с хорошим освещением и в тишине», «главное приватность». Глубокое чтение по-прежнему связано в сознании молодежи с приватным пространством, свободным от цифровых уведомлений.

Электронный формат назвали предпочитаемым 17,31% респондентов, что заметно меньше доли бумажных изданий. Его главное преимущество — доступность: электронные книги обычно дешевле бумажных, а многие тексты можно найти бесплатно [8, 33]. Показательно, что

13,46% опрошенных пользуются исключительно электронно-библиотечными системами (ЭБС) и не обращаются к традиционным библиотечным фондам. Полнотекстовый поиск, встроенные словари и настройка шрифта делают электронный текст удобным для учебной и научной литературы. Вместе с тем цифровое чтение слабее помогает удерживать структуру длинного текста, подталкивает к «сканирующему» чтению и хуже способствует запоминанию сложных текстов [7, 68; 12, 91]; в литературе это называют screen inferiority effect («экранной инфериорностью»).

Аудиоформат оказался наименее популярным: самым предпочитаемым его назвали лишь 7,69% опрошенных, тогда как зарубежная литература говорит о быстром росте популярности аудиокниг [13, 18]. Возможные причины — привычка читать глазами, особенности региональной инфраструктуры доступа к аудиосервисам и то, что студенты младших курсов еще не сделали аудиокнигу массовой альтернативой. Между тем идея «чтения на ходу» теоретически важна: аудиокнига позволяет совмещать чтение с дорогой, спортом и бытовыми делами, а интонация и тембр диктора добавляют эмоциональный пласт [13, 24]. По нашим данным, этот потенциал пока используется слабо, то есть «аудиализация» читательской культуры идет неравномерно и зависит от социокультурного контекста.

Широко распространена гибридная модель: 28,85% опрошенных комбинируют форматы в зависимости от ситуации. Типичный сценарий — бумажная книга дома, электронный текст для учебы, аудио в дороге. Это говорит не об угасании читательской культуры, а о ее перестройке: современный читатель не привязан к одному носителю [4, 27]. Если сложить предпочитающих печать и комбинирующих форматы, получится 75% выборки (46,15% + 28,85%), то есть цифра не вытесняет бумагу, а форматы скорее распределяются по функциям, чем конкурируют.

3. РЕПЕРТУАР, ИНТЕНСИВНОСТЬ И МОТИВАЦИЯ ЧТЕНИЯ

Художественную литературу ежедневно читают лишь 3,85% опрошенных, 2–3 раза в неделю — 23,08%, несколько раз в месяц — 38,46%, а крайне редко или никогда — 34,62%. Именно в этом сегменте подтверждаются опасения исследователей о «кризисе чтения» [2, 118]. С сетевой литературой (фанфики, веб-новеллы, комиксы, манга) картина обратная: ежедневно ее читают 26,92%, 2–3 раза в неделю — 21,15%, в сумме 48,07%, что почти вдвое больше, чем доля регулярных читателей традиционной прозы (26,93%). Интерес молодежи смещается к жанрам, созданным для цифровой среды и сочетающим текст с визуальным рядом [14, 55].

Развивающую литературу ежедневно читают 7,69%, 2–3 раза в неделю — 13,46%, редко или никогда — 40,38%. Научно-популярную и профессиональную литературу ежедневно читает 1,92%, 2–3 раза в неделю — 11,54%, редко или никогда — 42,31%, то есть вне прямых учебных требований обращение к ней эпизодично. Учебную литературу ежедневно читают 23,08%, 2–3 раза в неделю — 25%, редко или никогда — 30,77%; это обязательное чтение, связанное с учебной нагрузкой.

За последний год от 1 до 4 книг прочитали (или прослушали) 48,08% респондентов, от 5 до 12 — 26,92%, больше 12 — 17,31%, ни одной — 7,69%. Те, кто прочитал не больше 4 книг или не прочитал ни одной, составляют 55,77% выборки: это умеренная, ситуативная модель чтения, которую отмечают и другие исследователи [9, 104], — без яркой «книжной» идентичности, но и без полного отказа от чтения.

Мотивы чтения обычно описывают через несколько групп: прагматические (учеба), эскапистские, связанные с поиском идентичности, эстетические и социальные [15, 41]. Об отношении к статусу чтения можно судить по оценке утверждений: 44,23% согласились, что чтение снова стало модным и престижным; 26,92% — что молодежь практически не читает, предпочитая видеоконтент, сериалы и игры; 19,23% — что чтение популярно лишь в узких сообществах и книжных клубах; 9,62% затруднились ответить. Читательская культура молодежи не переживает однозначного упадка, а сложно трансформируется, причем почти половина опрошенных видит в чтении социально одобряемое занятие.

4. АЛГОРИТМЫ ВЫБОРА КНИГ И РОЛЬ БИБЛИОТЕК

Среди способов выбора книги лидирует самостоятельный поиск (по автору, теме или случайно): 35,29%. Почти столько же респондентов (32,94%) ориентируются на рекомендации и обзоры блогеров в TikTok, Instagram, Telegram и на YouTube, и это заметно больше, чем доля

тех, кто доверяет советам друзей и книжных клубов (21,18%) или аннотации, отзывам и обложке (9,41%). Влияние на читательский выбор переходит от институциональных фигур к децентрализованным механизмам соцсетей. Особое место занимает BookTok: алгоритмы быстро распространяют книжные видео, и за пару недель малоизвестная книга может стать международным бестселлером [4, 19; 16, 77].

Ровно половина респондентов (50%) регулярно находит через соцсети новые книги, 13,46% смотрят книжный контент, но читают редко, 19,23% считают, что соцсети отвлекают от чтения, 15,38% не следят за книжными блогами. Те, кто находит книги через соцсети или хотя бы смотрит книжный контент, составляют 63,46%, то есть почти две трети опрошенных включают социальные медиа в читательское поведение: алгоритмические платформы не только угроза традиционному чтению, но и реальный ресурс для его развития. Изменилась и функция обложки: ее проектируют с расчетом на экран телефона, отсюда эстетика «инстаграмабельной» обложки [17, 63].

Меняется и роль библиотеки. Ответ «прихожу в библиотеку только как в коворкинг для учебы» выбрали 42,31% респондентов, что почти втрое больше доли тех, кто регулярно берет там книги (13,46%); библиотеками не пользуются 28,85%, а еще 13,46% ограничиваются ЭБС. Выдача книг уходит на второй план, а на первый выходит организация учебного пространства [9, 108]. Перед библиотеками встает вопрос, как встроиться в читательские практики молодежи, если книговыдача перестала быть главной причиной приходить.

5. ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О глубине вовлеченности в чтение говорит привычка делать пометки. Стикеры, маркеры и записи активно использует 36,54% респондентов, еще 21,15% сохраняют цитаты и заметки в телефоне, 23,08% ничего не фиксируют, а 17,31% пользуются только закладками. Вместе аналоговые и цифровые формы фиксации практикуют 57,69% опрошенных, что укладывается в двойственность читательского репертуара молодежи, описанную в литературе [7, 74].

Главная теоретическая проблема цифровой трансформации чтения — клиповое восприятие и снижение способности удерживать внимание на продолжительных текстах (лонгридах) [3, 64; 12, 95]. Косвенно ее подтверждают наши данные: 34,62% крайне редко читают художественную литературу, а короткие форматы сетевой литературы регулярно читает почти половина (48,07%). Однако проблему не стоит драматизировать: часть исследователей видит в цифровой среде не неспособность к глубокому чтению, а гибкость читательских стратегий [10, 49]. Больше половины респондентов (57,69%) активно работают с текстом через пометки и выписки, то есть речь идет не о когнитивной деградации, а о двойственном репертуаре, между режимами которого читатель переключается по ситуации.

Открытый вопрос о книге, произведшей наибольшее впечатление, показал разнообразный репертуар: классика детектива («Десять негритят» А. Кристи), современная проза («Тысяча сияющих солнц» Х. Хоссейни), антиутопия («1984» Дж. Оруэлла), мотивационная литература («НИ СЫ» Дж. Синсеро). Респонденты объясняют впечатление либо мировоззренческим эффектом (книга «изменила мировоззрение», «показала, что многое зависит от нас самих») — это мотив поиска идентичности [15, 43], либо восхищением мастерством сюжета, в частности приемом «ненадежного рассказчика», который сделал финал «неожиданным и интересным». Для студента-нефилолога это говорит о развитой читательской компетентности и противоречит представлению о полной деградации навыков вдумчивого чтения.

На основе анализа и рекомендаций самих респондентов можно сформулировать практические советы для вузов и библиотек. Во-первых, привлекать молодежь интересными темами и жанровым разнообразием: респонденты предлагают «подбирать книги по интересам молодёжи» — фэнтези, детективы, фантастику, романы. Во-вторых, использовать цифровые инструменты книжной коммуникации (буктьюб, букток, платформы отзывов), например запускать студенческие буктьюб- и букток-проекты на базе библиотек, ведь соцсети помогают находить книги половине опрошенных, а блогерам доверяют 32,94%. В-третьих, развивать библиотеку как гибридное пространство, совмещающее коворкинг, читательские клубы, лекции и творческие встречи. В-четвертых, целенаправленно развивать навыки рефлексивного чтения,

умение переключаться между быстрым просмотром и глубоким погружением в зависимости от задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование (N = 52) позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, дихотомия «расцвет — упадок чтения» не работает: лишь 26,92% опрошенных считают, что молодежь отказалась от чтения в пользу видео, а 44,23% связывают чтение с новой модой, то есть происходит перестройка читательской практики, а не ее исчезновение. Во-вторых, лидирует печатная книга (46,15%) при заметной доле комбинированного чтения (28,85%); аудиоформат оказался наименее востребованным (7,69%), что говорит о неравномерности «аудиализации» в разных социокультурных контекстах. В-третьих, интерес молодежи смещается к сетевой литературе, которую регулярно читают 48,07% респондентов, тогда как традиционную прозу — 26,93%. В-четвертых, рекомендации блогеров (32,94%) почти сравнялись по значимости с самостоятельным поиском (35,29%), а половина респондентов находит книги через соцсети, поэтому алгоритмические платформы следует рассматривать и как ресурс развития читательской культуры. В-пятых, открытые ответы показали, что сохраняется ценность приватного, вдумчивого чтения, поэтому клиповое восприятие нельзя считать необратимой деградацией: речь идет о двойственном, ситуативно переключаемом читательском репертуаре.

Цель работы достигнута, задачи решены. Ограничение исследования — выборка, смещенная в сторону девушек 17–20 лет из Шымкента и Туркестанской области; в дальнейшем ее можно расширить, сделать более сбалансированной по полу и сравнить читательские практики молодежи из разных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Чтение в России – 2008: тенденции и проблемы. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 180 с.

3. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос: литературно-философский журнал. – 2010. – № 9. – С. 55–63.

4. Wischenbart R., Kovac M. The Global eBook Report: Current Perspectives. – Vienna: Rudiger Wischenbart Content and Consulting, 2021. – 96 p.

5. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с франц. И.К. Стаф. – М.: Новое издательство, 2006. – 272 с.

6. Hepp A. Deep Mediatization. – London; New York: Routledge, 2020. – 220 p.

7. Wolf M. Reader, Come Home: The Reading Brain in a Digital World. – New York: Harper, 2018. – 256 p.

8. Стельмах В.Д. Читатель в изменяющейся социокультурной среде // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – С. 100–110.

9. Столяров Ю.Н. Библиотека как социальный институт в цифровую эпоху // Библиотековедение. – 2019. – № 2. – С. 105–116.

10. Barnhurst K.G. Print Preference: Reading Habits of Digital Natives // Journal of Communication. – 2015. – Vol. 65, No. 3. – P. 40–55.

11. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / пер. с франц. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 976 с.

12. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York: W.W. Norton & Company, 2010. – 276 p.

13. Have I. van der, Pols E. Audiobook Culture and the Aesthetics of Voice // New Media & Society. – 2021. – Vol. 23, No. 4. – P. 15–30.

14. Куприянов Б.В. Графический роман и манга в чтении подростков: жанровая специфика восприятия // Вопросы литературы. – 2020. – № 3. – С. 50–60.

15. Николаева Е.А. Эскапизм в читательских практиках молодежи: социологический анализ // Социология культуры. – 2021. – № 2. – С. 35–46.

16. Reid C. The BookTok Effect: How TikTok Is Reshaping Publishing // Publishers Weekly. – 2022. – Vol. 269, No. 8. – P. 18–25.
17. Rehberg Sedo D. Reading Communities: From Salons to Cyberspace. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 254 p.

ЗА РАМКАМИ ЮЖНОГО ОАЗИСА: ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРИУРАЛЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Кереева Б.А.
Студентка 1-го курса ОП 6В04107 – учет, аудит и оценка бизнеса,
институт цифровой экономики и устойчивого развития,
Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана,
Уральск, Казахстан
kereevabibinur3@gmail.com
Научный руководитель: старший преподаватель Аймукашева Шынар Сайыновна

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена городской культуре средневекового Приуралья как части культурного наследия Казахстана. На материале археологических исследований городищ Жайык, Сарайшык, Жалпактал и Сарыозен, а также столичных центров Сарай-Бату и Сарай-Берке рассматриваются признаки устойчивой городской среды: ремесленное производство, монументальная архитектура, инженерная инфраструктура, торговые связи и взаимодействие оседлого и кочевого населения.

ВВЕДЕНИЕ

История городской цивилизации Казахстана долгое время описывалась главным образом через памятники Южного Казахстана и Жетысу. Такой исследовательский подход объясним богатством письменных сведений и больших археологических комплексов Отрара, Тараза, Сайрама, Саурана и т.д. Однако в этом случае упускается из виду география других средневековых городов. Раскопки последних десятилетий в Западно-Казахстанской и Атырауской областях показывают, что долина Жайыка и прилегающие пространства в XIII–XIV веках также имели развитые поселения городского типа. Их изучение меняет представление о взаимосвязи степи и города: эти формы жизни не противостояли друг другу, а образовывали единую хозяйственную и культурную систему.

Актуальность темы определяется не только необходимостью уточнить историческую картину. Археологический памятник становится общественной ценностью, когда результаты исследования будут использоваться в образований, музейной работы и бережного отношения к месту как археологического памятника. Городища Приуралья позволяют расширять ценности исторической памяти, культурного многообразия, межрегионального обмена и достоверного научного подхода. Поэтому вопрос о городской культуре западной части Казахстана напрямую соответствует направлению конкурса, связанному с гражданскими и патриотическими ценностями.

Цель исследования - определить, какие признаки позволяют говорить о развитой городской цивилизации средневекового Приуралья и каким образом это наследие может использоваться для формирования ценностного отношения молодежи к истории Казахстана.

Для достижения цели поставлены задачи: проследить изменение научных представлений об археологии региона; систематизировать сведения о ключевых городищах; выявить признаки городской среды; раскрыть роль Приуралья как пространства контакта оседлой и кочевой культур; предложить практические способы включения археологического наследия в образовательную работу.

Объект исследования - средневековые городские памятники западного региона Казахстана. Предмет исследования - их историко-культурное значение и потенциал для сохранения коллективной памяти. Использованы историко-сравнительный, проблемно-

хронологический и системный методы, а также анализ опубликованных археологических материалов. Научная новизна работы состоит в объединении археологического и ценностного подходов: городища рассматриваются не только как совокупность материальных остатков, но и как ресурс современного исторического образования.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые сведения о древностях казахской степи содержались в трудах путешественников, географов и участников академических экспедиций. В начале XVIII века картографические работы Ремезова С.У. зафиксировали географические объекты Сибири и сопредельных территорий. В 1733-1743 годах Великая Северная, или Вторая Камчатская, экспедиция, одним из академических отрядов которой руководил. Миллер Г.Ф, собрала исторические и этнографические материалы. В 1768-1774 годах академические экспедиции П.С. Палласа, И.П. Фалька и И.Г. Георги расширили описание Поволжья, Урала, Сибири и Казахстана. Эти наблюдения еще не составляли современной археологии, но создали основные сведения о ландшафте, памятниках и находках.

Специализация науки археология изменила характер исследования: памятник стал рассматриваться как комплекс взаимосвязанных свидетельств, а не как место извлечения отдельных артефактов. Для Приуралья решающее значение имели систематические обследования и раскопки рубежа XX-XXI веков, когда были выявлены новые городища золотоордынского времени.

Историографическую основу исследования составили публикации журнала «Поволжская археология» за 2017 год [7], академическое издание «Археология Волго-Уралья», обобщающее материалы памятников эпохи Золотой Орды [8], и труды казахстанской археологической школы. Особое значение имеют работы Байпакова К.М. по урбанизации Казахстана [1], а также исследования Кушаева Г.А. В монографии «Этюды древней истории степного Приуралья» Кушаев Г.А. систематизировал результаты многолетних полевых работ в Западном Казахстане [9]. Для проверки локализации памятников использована «Археологическая карта Западно-Казахстанской области», подготовленная Сдыковым М.Н., Кушаевым Г.А. и другими исследователями [10]. Региональный контекст и история изучения памятников дополнены материалами Сдыкова М.Н., опубликованными в издании «Вопросы истории и археологии Западного Казахстана» за 2008 год [11]. При характеристике этапов развития отечественной археологии учитывались публикации Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Чтобы назвать поселение в древней степи «городом», нужны точные признаки. Одной большой постройки или множества мелких находок для этого мало. Городскую среду характеризуют численность населения, постоянные жилища, разнообразие ремесла, инженерные сооружения, торговые и международные связи. У степных городов были свои особенности: они не были плотно застроены, зависели от сезонов года и объединяли между собой кочевое и оседлое культуры.

Южные города развивались в условиях земледелия, религии и городской цивилизации. Приуралье обладало иной системой. Река Жайык связывала степные районы с Прикаспием, Поволжьем и территориями далее на восток. Поэтому западные центры следует оценивать не по степени сходства с Отраром или Таразом, а по тому, насколько они выполняли городские функции в собственной региональной системе. Такой подход устраняет искусственное противопоставление «кочевая степь - оседлый город».

Особое место в системе золотоордынских городов занимали Сарай-Бату и Сарай-Берке, которые были столичными центрами Нижнего Поволжья, тесно связанные с политикой и экономикой Улуса Джучи. Сарай-Бату сформировался в XIII веке и стал важнейшим узлом управления, ремесла и международной торговли. Сарай-Берке достиг расцвета в XIV веке; его городская среда включала квартальную застройку, ремесленные мастерские, монументальные общественные сооружения и развитую систему водоснабжения. В научной литературе названия этих городов традиционно соотносятся с крупными археологическими комплексами Нижнего Поволжья, однако вопросы их точной локализации и соотношения письменных названий с конкретными городищами остаются предметом дискуссии [8; 12].

Для изучения Приуралья Сарай-Бату и Сарай-Берке важны как сравнительная модель столичной урбанизации Золотой Орды. Через волжско-уральские пути они были связаны с Хорезмом, Прикаспием и степными территориями современного Казахстана. Сопоставление столичных центров с Сарайшыком, Жайыком и другими городищами показывает общие черты: денежное обращение, специализацию ремесла, использование обожженного кирпича, участие в международной торговле и тесную связь города с кочевой средой. Вместе с тем приуральские памятники имели собственный масштаб и функции, поэтому их следует рассматривать не как копии столиц, а как самостоятельные звенья единого культурно-экономического пространства [8; 12]. Через него проходили важнейшие международные караванные маршруты, связывавшие Китай, Центральную Азию, Иран, Ближний Восток и Европу. Арабский географ Абу-л-Фида описывал Сарай как «великий торговый порт», куда стекались купцы из самых разных стран.

Сарайшык расположен на правом берегу Жайыка в Атырауской области. Его культурные слои отражают длительную историю XIII-XVI веков. Положение на путях между Поволжьем, Хорезмом и степными районами делало город важным пунктом транзитной торговли. Археологические материалы свидетельствуют о жилой застройке, ремесле и контактах с различными регионами. Сарайшык связан не только с эпохой Золотой Орды, но и с политической историей Ногайской Орды и Казахского ханства.

Через Сарайшык проходили трансконтинентальные караванные пути, связывавшие Европу, Руси с Центральной Азией, Китаем и Ираном. Путь от столиц Золотой Орды через Сарайшык к Ургенчу был оснащен колодцами и караван-сараями. Город находился на пересечении Великого Шелкового пути и соединял степные районы с оседло-земледельческими центрами. Будучи крупным узлом международной торговли, Сарайшык вел оживленную торговлю с купцами из Генуи, Венеции, Ближнего Востока и Руси. Здесь чеканилась собственная монета, развивалось высококлассное ремесло

Раскопки 2021 года на одном из участков выявили строение золотоордынского времени со смежными помещениями и коридорами. Монеты ханов Узбека и Джанибека, обнаруженные на уровнях пола, позволили исследователям отнести конструкцию к середине XIV века [5]. Этот пример показывает, как совместный анализ архитектуры и нумизматики превращает находку в датированный исторический источник. Одновременно памятник находится под воздействием береговой эрозии, поэтому его ценность предполагает не только изучение, но и постоянные меры сохранения.

Городище Жайык, расположенное вблизи современного Уральска, стало одним из ключевых открытий западноказахстанской археологии начала XXI века. Комплекс датируется преимущественно XIII-XIV веками. Здесь исследованы жилые и общественные сооружения, мавзолеи, баня и производственные объекты. Наличие кирпичеобжигательных печей указывает на специализированное производство строительного материала, без которого невозможно возведение крупных архитектурных комплексов [3].

Особенно показательно сочетание производственной и бытовой инфраструктуры. Печь отражает организацию труда и стандартизацию строительного процесса; баня - инженерные знания и культуру повседневности; мавзолей - представления о памяти, статусе и сакральном пространстве. Вместе эти объекты дают более убедительное основание говорить о городе, чем отдельная богатая находка. Они свидетельствуют о разделении функций, устойчивом поселении и наличии сообщества, способного создавать и обслуживать сложную инфраструктуру.

В качестве общественного сооружения города почти в самом центре Жайыка располагался хаммам - баня. Он сильно разрушен, поскольку позднее кирпичи из него извлекали для повторного использования. Удалось частично расчистить только швы цокольной части здания - нижней части стен, расположенной над фундаментом. Поскольку здание было полуподземным, его цоколь находился на глубине не менее 1,2 - 1,3 м. Для строительства предварительно выкапывали котлован, в котором размещали камни для нагрева, а под полом основного помещения устраивали отопительную систему в виде каналов для прохождения горячего воздуха. При этом пол опирался на кирпичные столбики, расположенные в шахматном порядке.

Наружные стены плотно примыкали к стенам котлована толщиной около одного метра. Центральная часть была восьмиугольной, её площадь составляла не менее 4 м². Центральное пространство визуально расширяли выступающие ниши, предназначенные для массажа. Из зала вели проходы в помещения для мытья. Вероятно, здесь использовали как холодную, так и горячую воду. Для мытья применяли тазы, чаши, миски и котлы. Некоторые из них были покрыты алебастровым раствором, который использовали для обработки и полировки поверхностей. На многих фрагментах керамических сосудов этого типа отчётливо заметны следы алебастра. Предположительно, холодная вода поступала по трубам, проложенным вдоль стен здания. В завале обнаружили многочисленные остатки керамических труб и соединительных элементов. Места соединения труб обычно смазывали алебастровым раствором. Внутренний конец трубы, входивший в здание, закрепляли специальным керамическим приспособлением, также используя алебастр. С помощью этой системы регулировалась подача горячей или холодной воды в помещение для мытья. Были обнаружены три заглушки, предназначенные для закрытия подобных отверстий. Некоторые аналогичные предметы, найденные в поволжских центрах Золотой Орды, исследователи называют «пробками» [3]

В восточной части городища располагались мастерские по производству обожжённого кирпича. В ходе археологических раскопок была расчищена сохранившаяся обжигательная камера одной из прямоугольных кирпичеобжигательных печей. Её внутренние размеры составляли: длина - 4,9 м, ширина - 3,25 м, высота - 1,8 м. Для сооружения печи использовали котлован, выкопанный в восточной части городища до слоя коричневой глины. Он служил топочной камерой. На южном участке уступа была устроена топка. Стены печи сложены из необработанного сырцового кирпича размером 30 × 30 × 8 см. В сторону топочной камеры был выложен бортик шириной 30 см из глины с добавлением дроблёного обожжённого кирпича. Ширина переднего устья составляла 140 см, а высота до внутренней части первой арки - 85 см. Топочная камера была облицована обожжённым кирпичом и представляла собой котлован, перекрытый восемью арками[3].

Открытие и исследование городищ Жалпактал и Сарыозен позволили отказаться от представления о единственном золотоордынском городе на Жайыке. Мурат Наурызгалиевич рассматривает Жайык, Жалпактал и Сарыозен как элементы городской культуры Западного Казахстана и Урала [2]. Значение этих памятников заключается в самой множественности: несколько центров образуют сеть, а сеть предполагает распределение хозяйственных, административных и коммуникационных функций.

Среди новых археологических открытий последних лет многие сопоставимы по масштабу с открытием поселения Золотой Орды Жалпактал в 2009 году (экспедиция Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством Д.В. Марыксина). Оно расположено между реками Волгой и Уралом, в бессточной котловине рек Большой и Малый Узен. Его площадь достигает 68 гектаров. В центральной части поселения были обнаружены остатки сооружений в виде больших курганов высотой до 2 метров и шириной до 50 метров, а также несколько десятков меньших курганов, разбросанных по всей территории. Паллас П.С. Он писал, что «между обеими реками Узенями весьма достопамятны следы древних водоводов, каковые наипаче около большого Узеня… в великом множестве проведены… Из множества таковых рвов и довольно многих курганов и из некоторых древних остатков жилищ явствует, что на Узенях в прежние времена довольно сильный… народ имел свои жилища». Одним из наиболее интересных документов, обнаруженных в поселении, являются фрагменты резной терракоты. Всего было идентифицировано 159 фрагментов, 68 из которых сохранили свой первоначальный орнамент. Анализ техники резьбы и использованных инструментов показывает, что работа была выполнена как минимум двумя мастерами разного уровня мастерства. Среди них был опытный резчик по глине, о чем свидетельствуют четкие, точные линии резьбы на большом количестве найденных фрагментов. Это мог быть резчик, имевший опыт работы в Ганьчу, за пределами изучаемой городской территории. В 2013 году на поверхности города были обнаружены три монеты: серебряный данг Джаладдина Махмуда, Джанибека/Джанибек-хана, отчеканенный в Гулистане, датированный 752 годом хиджры

(1351–1352 гг.); медная монета Джанибек-хана, отчеканенная в Сарай аль-Джедид в 1340-х годах, с изображением двуглавого орла на обороте; и медный пул Узбек-хана, отчеканенный в Сарай в 1330-х годах. На месте древнего поселения была обнаружена мечеть размером 12 х 13 метров. Ее стены построены из двух кирпичей и содержат две печи. Центральная часть южной стены выполнена из вертикально сложенных кирпичей, и при расчистке этих кирпичей был обнаружен михраб высотой 0,9 метра. Мечеть сохранилась до высоты до 1 метра. Вход в мечеть расположен в северо-восточной части ущелья. Интерьер мечети был оштукатурен. С восточной стороны мечети был пристроен минарет размером 2,84 х 4,3 метра. Уникальность этого города заключается в следующем: во-первых, в регионах, которые до недавнего времени считались населенными преимущественно кочевыми скотоводами, был обнаружен памятник оседлой культуре. Во-вторых, была найдена сельская мечеть, относящаяся к временам Золотой Орды.

Сравнение памятников требует осторожности, поскольку степень их изученности различается. Нельзя автоматически переносить характеристики одного городища на другое. Однако топографическое положение, культурный материал и хронология дают основания анализировать их в общем контексте золотоордынской урбанизации. Дальнейшие исследования должны уточнять размеры поселений, внутреннюю планировку, специализацию ремесла и связи с сельской округой.

Памятник	Основная датировка	Археологические признаки	Значение для темы
Сарайшык	XIII-XVI вв.	Жилая застройка, монеты, ремесло, торговые связи	Транзитный, политический и мемориальный центр
Жайык	XIII-XIV вв.	Баня, мавзолеи, кирпичеобжигательные печи, жилые объекты	Комплексное подтверждение городской инфраструктуры
Жалпактал	Золотоордынское время	Поселенческий и вещевой материал	Расширяет географию городской сети Приуралья
Сарыозен	Золотоордынское время	Остатки поселения и культурный материал	Подтверждает множественность городских центров региона

Археологическая картина Приуралья показывает, что городская жизнь не была просто объединением поселений. Город нуждался в сырье, продуктах животноводства, транспорте передвижения и торговыми путями. Кочевые и полукочевые сообщества получали доступ к ремесленным изделиям, рынкам, деньгами и административным услугам. Обмен создавал взаимный культурный обмен, а город становился местом встречи людей с различным хозяйственным укладом.

Ценность памятника не ограничивается его древностью. Она складывается из научной достоверности, связи с идентичностью местного сообщества и возможности передавать знания следующим поколениям. Находки в Приуралье вносят вклад в историю страны, показывая, что процессы урбанизации охватывали разные регионы Казахстана. Для жителей западных областей это создает связь между локальной историей и общегосударственным прошлым.

Вместе с тем популяризация несет риск упрощения. Стремление сделать памятник известным иногда приводит к неподтвержденным датировкам, громким заявлениям или прямому отождествлению археологического поселения с современным городом. Научная добросовестность требует разграничивать установленный факт, обоснованную гипотезу и краеведческую легенду. Именно такое разграничение формирует критическое мышление и уважение к доказательству.

Результаты исследования могут быть использованы в университетских курсах по истории Казахстана, археологии и культурологии. Наиболее эффективен проблемный формат занятия: студентам предлагается не запомнить перечень городищ, а по набору данных определить, какие признаки подтверждают городской характер поселения. Сопоставление плана бани, устройства печи, монетных находок и топографии учит строить аргумент на нескольких типах источников.

Для общественной истории целесообразно создать открытую цифровую карту «Города средневекового Приуралья». Каждая точка должна включать краткую справку, проверенную

датировку, изображения находок с указанием правообладателя, библиографию и отметку о степени изученности. Такая карта будет полезна студентам, учителям, музейным сотрудникам и туристам, а также снизит риск распространения неподтвержденных сведений.

Перспективным является студенческий маршрут культурного волонтерства: подготовка научно корректных аудиогидов, помощь музеям в оцифровке открытых материалов, участие в просветительских мероприятиях и мониторинг состояния общедоступных участков без вмешательства в культурный слой. Любые полевые действия должны проводиться только профессиональными организациями и при наличии разрешений. Тем самым патриотическая ценность выражается не в декларации, а в ответственном поведении по отношению к наследию.

Практический продукт исследования может быть реализован в четыре этапа: 1) экспертная проверка содержания археологом; 2) подготовка карточек памятников по единому шаблону; 3) создание цифрового прототипа и учебных заданий; 4) тестирование со студентами о последующая доработка. Критериями эффективности станут точность ответов до и после занятия, способность различать факт и гипотезу, а также качество предложенных участниками мер сохранения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средневековая городская цивилизация Казахстана не ограничивалась южными оазисами. Материалы Сарайшыка, Жайыка, Жалпактала и Сарыозена, рассмотренные в сравнении с Сарай-Бату и Сарай-Берке, позволяют говорить о сети городских центров западного региона, развивавшихся в условиях активного обмена между степью, Поволжьем, Прикаспием и Хорезмом. Городской характер наиболее убедительно подтверждается не отдельными находками, а совокупностью признаков: планировкой, жилой и монументальной архитектурой, ремесленной специализацией, инженерной инфраструктурой, денежным обращением и коммуникационными связями.

Изучение Приуралья корректирует одностороннюю модель прошлого и раскрывает региональное многообразие страны. Это имеет ценностное измерение: археологическое наследие поддерживает историческую память, уважение к культурным различиям и ответственное гражданское отношение к памятникам. При этом подлинное уважение к прошлому невозможно без научной добросовестности - точной ссылки на источник, осторожного обращения с гипотезами и отказа от сенсационных утверждений, не подтвержденных данными.

Предложенная цифровая карта и учебный модуль переводят результаты исследования в практическую плоскость. Они могут сделать городища Приуралья видимыми для молодежи и одновременно показать, как создается историческое знание. Таким образом, культурное наследие выступает не только объектом охраны, но и средством формирования ценностей диалога, ответственности и сопричастности общей истории Казахстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. 1. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы - раннем Средневековье. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012.

2. Сдыков М.Н. Средневековая городская культура Западного Казахстана и Урала // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1. С. 55–80.

3. Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 205–213.

4. Сдыков М.Н. Золотоордынские города Западного Казахстана // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 181–186.

5. Самашев З., Кусаинов М., Ахатов Г., Джасабаев Е., Сергазин Е. Археологические раскопки средневекового городища Сарайшык в 2021 г. // Археология Казахстана. 2022. № 4 (18). С. 145–160. URL: https://www.archeokz.com/index.php/archeokz/article/view/234 (дата обращения: 13.10.2026).

6. Бижанова М. Топография и хронология средневековых поселений западных регионов

Казахстана // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. 19. С. 237–261.

7. Поволжская археология: научный журнал. 2017. № 1-4 (19–22). Казань: Институт археологии имени Халикова А.Х. Академии наук Республики Татарстан.

8. Археология Волго-Уралья. Т.6. Средние века, вторая треть XIII - первая половина XV века. Эпоха Золотой Орды, Улуса Джучи / под общ. ред. Ситдикова А.Г.; отв. ред. Баранов В.С. Казань: Издательство Академии наук Республики Татарстан, 2022. 936 с.

9. Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 174 с.

10. Археологическая карта Западно-Казахстанской области / Сдыков М.Н., Кушаев Г.А. и др. Орал, 2009. 370 с.

11. Сдыков М.Н. Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1 (8). Уральск: Полиграфсервис, 2008. 320 с.

12. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Москва: Издательство Московского университета, 1994. 229 с.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И УВАЖЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Керей Ә. Қ.
Студент 3-го курса ОП 6B03105 – Политические массовые коммуникации,
университет Нархоз,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: aigerim.kerey@gmail.com
Научный руководитель: Андиржанова. Г. А. д.п.н, профессор

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме топонимической корректности в современном русском дискурсе как маркеру признания суверенитета и национальной субъектности независимых государств. Рассматривается функционирование топонимов на стыке лингвистики, социологии и политологии. Особое внимание уделяется конкуренции имперско-центричной и полицентричной картин мира, отражающейся в выборе грамматических конструкций и вариантов названий.

На основе междисциплинарного анализа, на лингвистическом, историческом и политологическом уровне, и данных социолингвистического опроса (88 респондентов, преимущественно молодежь Казахстана) показано, что топонимический выбор все чаще воспринимается как индикатор готовности признавать право другого государства на самоопределение. Молодежь в большей степени ориентируется на самоназвания и корректные конструкции, тогда как старшее поколение чаще сохраняет традиционные нормы.

Делается вывод, что топонимическая корректность в условиях поликультурного пространства выступает важным проявлением толерантности и прагматической гибкости, способствующим равноправному межкультурному диалогу и снижению конфликтного потенциала дискурса.

Методология

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы лингвистики, социолингвистики и дискурс-анализа. Теоретической базой послужили научные работы по ономастике и топонимике, а также анализ публицистических текстов и экспертных интервью: М. Е. Покровская, Г. Мажейкис, П. Лавринец, М. Королёва и др.. Эмпирический материал собран посредством социолингвистического опроса (88 респондентов, преимущественно молодёжь 18-24 лет, проживающая в Казахстане). Анкета включала вопросы о предпочтениях в использовании топонимов и предложных конструкций, а также оценку связи

языкового выбора с признанием суверенитета государств. Полученные данные обработаны количественно и качественно.

Введение

На протяжении нескольких десятков лет на стыке лингвистики, социологии и политологии сохраняет актуальность проблема номинации и функционирования имен собственных. В научном дискурсе имя, будь то антропоним, то есть имя человека, или топоним - географическое название, выступает не просто лексической единицей, а выполняет функцию базовой идентификации. Оценка социального феномена имени собственного представляет собой непростую задачу, ведь данная языковая условность аккумулирует исторический опыт, формирует идентичность и определяет границы субъектности.

Критически важным маркером признания автономии в контексте социальных и межкультурных взаимоотношений, является уважительное отношение к аутентичному звучанию и написанию имен собственных. Исторический и постколониальный анализ показывает, что намеренное искажение имен, их принудительная ассимиляция или, напротив, топонимическая реституция систематически использовались как инструменты символического доминирования, направленные на вытеснение культуры и нивелирование статуса объекта или субъекта.

Следовательно, право на собственное имя и строгое требование его корректного использования выходят далеко за рамки лингвистического этикета. Защита и сохранение аутентичного названия становятся актом политической и социальной легитимации на уровне суверенных наций.

Основываясь на данном контексте, особую остроту приобретает вопрос топонимической корректности. Если антропонимы в первую очередь связаны с индивидуальной идентичности, то топонимы формируют коллективное пространство и фиксируют статус территории. В наше время выбор между «в Украине» и «на Украине», «Беларусь» и «Белоруссия», «страны Балтии» и «Прибалтика» уже перестает быть исключительно грамматическим или стилистическим предпочтением. Обусловленность данного выбора превращается в индикатор готовности или неготовности признавать суверенитет и самоопределение соседних народов.

Целью данного исследования является выявление и описание политических, социальных и этических факторов, определяющих выбор топонимов в современном русскоязычном дискурсе на примере коммуникативных практик молодежи Казахстана. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать историко-политический контекст изменения топонимических норм на постсоветском пространстве, выявить отношение респондентов к политической значимости географических названий и оценить их уровень коммуникативной толерантности. В основу исследования легла гипотеза о том, что в условиях поликультурного общества выбор топонима и предложной конструкции перестает быть исключительно вопросом строгой языковой нормы, переходя в разряд маркеров политического уважения, при этом молодое поколение демонстрирует более высокую готовность к речевой адаптации. Научная новизна работы заключается в эмпирическом анализе топонимических предпочтений именно русскоязычной молодежи Казахстана - страны с уникальным опытом билингвизма и собственной историей топонимической реституции, что позволяет расширить понимание социального функционирования русского языка за пределами России.

Основная часть

Топонимы занимают важное место в ономастиконе любого языка. Они являются не просто обозначениями географических объектов, а элементами семиологической системы, выражающей национальное мировоззрение. Как отмечает Покровская М. Е., любой ономастикон представляет собой систему понятий, лежащих в основе картины мира того или иного народа. Такие понятия как семантика, структура и грамматическая парадигма топонимов неизбежно взаимосвязаны с любыми изменениями в геополитической реальности [1, 39-40].

На рубеже XX-XXI веков, по причине геополитических сдвигов, подверглась заметной трансформации не только топонимическая лексика (появление новых названий и изменение старых), но и её грамматическое поведение. Обсуждая русский дискурс, хочется отметить особенно заметные колебания в предложном управлении и орфографии русского языка. Эти

колебания не случайны: они отражают активную конкуренцию двух картин мира - имперско-центричной, в которой восприятие соседних территорий и стран идет через призму «окраины» или «периферии», и одновременно с этим полицентричной, признающей равноправную субъектность независимых государств.

Функционируя в разных языках, топонимы могут отличаться по смысловому наполнению. То, что в одном языке воспринимается как нейтральное географическое обозначение, в другом несёт сопутствующее значение зависимости, переходности и незавершенности или ностальгии по прежнему государственному устройству. Именно поэтому анализ топонимических трансформаций требует междисциплинарного подхода, соединяющего лингвистику, историю, политологию и культурологию.

Одним из наиболее ярких примеров политизации топонимической нормы является выбор предлога при названии Украины. Согласно традиционным правилам русского языка, предлог «в» используется с названиями государств и административных единиц с четкими границами, например: «в Россию», «в США», «в Алматинской области». Предлог «на» предназначен для названий неопределенных территорий, островов, горных массивов («на Кавказе», «на Кубе», «на Волге»).

С момента провозглашения независимости Украины логически следующим событие является переход к конструкции «в Украине». Однако языковая традиция оказалась чрезвычайно устойчивой. Как отмечает М. Королёва: «Но у себя дома, в своем языке я вправе действовать по своим законам, в соответствии со своей языковой нормой. А она прежняя: на Украину, на Украине, с Украины. И нет в этом политики!»[2].

Вместе с тем, обстоятельства речевой коммуникации требуют учёта позиции собеседника. Если определенная конструкция воспринимается как оскорбительная или отрицающая субъектность, этика общения предполагает избегать подобные конструкции и формулировки. Более того, исторические данные показывают, что конструкция с предлогом «в» фигурировали уже в классической литературе у Пушкина в «Полтаве», у Толстого в «Войне и мире» и также в советских документах 1920-1930-х годов. В принципе в XVIII-XIX веках в русском языке формы («в Украине» / «На Украине») спокойно сосуществовали. Классики использовали оба варианта в зависимости от контекста, рифмы и ритма стиха. Статистически «на» преобладало в период усиления централизации, когда представление о самостоятельности Украины ослабевало.

После распада СССР году украинская сторона последовательно настаивала на вариант «в Украине», «в Украину», «из Украины» стремясь разорвать этимологическую связь с конструкцией «на окраине». Использование предлога «в» стало грамматическим подтверждением статуса суверенного государства.

К 2020-м годам поляризация усилилась. Выбор предлога превратился в политический индикатором. Конструкция «на Украине» в определенных коммуникативных кругах стала восприниматься как признание Украины не независимым государством, а лишь территорией. В этом контексте топонимическая корректность перестает быть вопросом чистой нормы и становится вопросом уважения к национальному самоопределению.

Более показательным случаем является наименование Литвы, Латвии и Эстонии. Термин «Прибалтика» сохраняет в современном российском дискурсе сильные коннотации советского и имперского прошлого. По мнению ряда исследователей (например, литовского философа Г. Мажейкиса), этот термин теряет политическую актуальность, потому что страны Балтии исключительно относят себя и само определяют как страны Балтии. Тем самым люди, которые используют слово «прибалтийские» связывают его с неопределенным ощущением советскости, которое по их мнению сейчас присутствует. А данное ощущение присутствует как некий симулякр, по этому люди по большей части строят свое отношение не по отношению к самим Балтийским странам, а по отношению к воображаемому симулякру, связанному с термином «Прибалтика» [3].

Историческое название «Прибалтийский край» возникло ещё во времена Российской империи в связи с остзейскими губерниями (приблизительно современные Латвия и Эстония). Литва в этот строй не входила. В межвоенный период сами страны начали обозначать себя

«страны Балтии» как единое целое, однако в советское время вернулась «Прибалтика», иногда включавшая и Калининградскую область.

В постсоветском пространстве «Прибалтика» в российском употреблении часто обозначает ностальгию и имперский взгляд, при котором восприятие стран искажено. Г. Мажейкис говорил в одном своем интервью, что носители советского сознания могут сохранять понятия транзитного состояния стран Балтии как временный период и в конечном итоге они вернутся в прежний строй. «Именно прибалтийское дитя, а не балтийские отчужденные страны.» [4].

П. Лавринец справедливо указывает, что «Прибалтика» несет в себе москвоцентричную ориентацию и империалистический взгляд, лишенный политической субъектности. Использование данного термина обращает нас назад, в прошлое. Тем самым, топонимическая корректность в данном случае означает отказ от симулякра в пользу признания существующих государств.

Подобные примеры можно привести в отношении других государств: «Молдова» вместо «Молдавия». В русском языке традиционно закрепилось название «Молдавия», которое восходит к средневековому Молдавскому княжеству и активно использовалось в Российской империи, а затем в советский период (Молдавская ССР). Для большинства носителей русского языка это привычная и нейтральная форма.

Однако после провозглашения независимости в 1991 году страна официально утвердила название Республика Молдова (Republica Moldova), которое соответствует самоназванию на государственном языке. Именно эта форма используется в ООН, дипломатических документах и международной практике. Выбор «Молдова» для самой страны является важным элементом дистанцирования от советского наследия и утверждения собственной политической субъектности [5].

Как и в случаях с Украиной и странами Балтии, использование традиционного русского варианта само по себе не является ошибкой с точки зрения внутренних языковых норм. Однако в межкультурном и официальном общении предпочтение самоназвания «Молдова» воспринимается как знак уважения к праву государства самостоятельно определять своё имя.

Отдельного внимания заслуживает случай Алматы. Исконная форма топонима - казахское Алматы (от алма - «яблоко» и аффикса -ты, обозначающего место изобилия), указывало на характерную особенность местности. В 1921 году при переименовании города Верного это название было искусственно преобразовано в Алма-Ата. Однако из-за разделения топонима на две части русскоязычная форма стала ошибочно обозначать «Отец яблок». Таким образом, русифицированная конструкция не только изменила фонетический облик, но и фактически исказила исходную семантику [6, 145].

После обретения Казахстаном независимости Конституция 1993 года официально закрепила возвращение исторической формы Алматы как на казахском, так и на русском языке. Тем не менее в 1995 году Администрация Президента Российской Федерации распоряжением №1945 предписала в официальных документах, служебной переписке и переговорах продолжать использовать наименование Алма-Ата. Таким образом, даже после юридического восстановления самоназвания соседнее государство сохраняло в своем нормативном пространстве искаженную версию топонима. Этот случай наглядно демонстрирует, насколько устойчивыми могут оставаться практики номинации, сформированные в период асимметричных языковых отношений.

Опыт Казахстана существенно обогащает изучение проблемы топонимической корректности. В республике процесс топонимической реституции - возвращение исторических названий регионам и городам (например, Семей, Улытау, Жетысу) - происходит в условиях сложившегося государственного билингвизма. В связи с этим для казахстанцев, и в особенности для молодого поколения, уважение к аутентичному звучанию и праву на самоназвание выступает не просто абстрактной дипломатической формальностью, а естественной частью повседневного межкультурного консенсуса. Подобный уникальный социальный контекст делает казахстанскую аудиторию особенно показательной для исследования того, как языковая гибкость и отказ от имперско-центричной картины мира

коррелируют с общим уровнем политической толерантности.

Эмпирическое исследование

Для эмпирической проверки того, насколько проблема топонимической корректности актуальна для современных носителей языка, в рамках исследования был проведен социолингвистический опрос. В нем приняли участие 88 респондентов. Выборка имеет определенные ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов: абсолютное большинство опрошенных (97,7%) проживают в Казахстане, а возрастное распределение существенно смещено в сторону молодежи (77,3% респондентов относятся к возрастной группе 18-24 лет, ещё 8% - до 18 лет). Доля участников старше 35 лет составила 12,5%. Кроме того, среда формирования респондентов является билингвальной (56,8% назвали родным языком казахский, 25% - русский, 13,6% - оба языка). Таким образом, полученные данные в первую очередь репрезентируют языковые установки казахстанской молодежи и не могут быть распространяться на все русскоязычное пространство без дополнительных оговорок, однако они наглядно демонстрируют тенденции трансформации нормы в поликультурном постсоветском обществе.

Результаты опроса показывают заметную вариативность в топонимических предпочтениях (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Предпочтения респондентов в выборе топонимов и предложных конструкций (N=88)

Топоним/Конструкция	Вариант ответа	Доля ответов (%)
Украина	«в Украине» / «в Украину»	46,6%
	Зависит от ситуации и контекста	27,3%
	«на Украине» / «на Украину»	15,9%
	Не задумываюсь над этим	10,2%
Литва, Латвия, Эстония	«Прибалтика»	30,7%
	«страны Балтии»	29,5%
	Затрудняюсь ответить / Оба варианта	39,8%
Беларусь	«Беларусь»	73,9%

	«Белоруссия»	10,2%
	Оба варианта / Не придаю значения	15,9%

Данные иллюстрируют, что среди опрошенных вариантов «в Украине» (46,6%) используется существенно чаще традиционной нормы «на Украине» (15,9%), что свидетельствует об успешной интеграции новой формы в узус молодого поколения. В отношении стран Балтии мнения разделились практически поровну: термины «страны Балтии» (29,5%) и «Прибалтика» (30,7%) получили сопоставимое число голосов. Это подтверждает частичное сохранение советского топонимического наследия, хотя значительная часть респондентов уже перешла на политкорректную номинацию. Наиболее однозначная картина наблюдается в отношении Беларуси: подавляющее большинство (73,9%) использует официальное самоназвание «Беларусь», тогда как имперско-советская форма «Белоруссия» остается в активном словаре лишь у 10,2% опрошенных.

Особый интерес представляет оценка респондентами идеологической значимости топонимического выбора (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Отношение респондентов к политической и этнической значимости топонимов (N=88).

Утверждение / Вопрос	Варианты ответа	Доля ответов (%)
Связь выбора топонима с признанием независимости страны (оценка от 1 до 5 баллов)	Высокая степень (4–5 баллов)	43,7%
	Средняя степень (3 балла)	29,9%
	Низкая степень (1-2 балла)	26,4%
Приоритет самоназвания над языковой нормой	Поддерживаю (полностью или скорее)	63,6%
	Отношусь нейтрально	33,0%
	Не поддерживаю	3,4%
Реакция на просьбу иностранного	Стараюсь учесть просьбу	77,3%

собеседника использовать определённый вариант	Могу учесть / Зависит от случая	17,0%
	Продолжаю использовать привычный вариант	5,7%

Анализ ответов показывает, что 43,7% респондентов связывают выбор топонима с отношением к суверенитету государства, а 63,6% признают приоритет самоназвания над устоявшимися языковыми нормами. Высокий уровень коммуникативной толерантности подтверждается тем, что 77,3% готовы адаптировать свою речь по прямой просьбе иностранного собеседника. При этом 27,3% уже сталкивались с негативной реакцией на привычные географические названия, что наглядно подчеркивает конфликтогенный потенциал проблемы.

Таким образом, с учетом ограничений выборки, можно заключить, что в русскоязычной среде Казахстана (преимущественно среди молодежи) топонимическая корректность все чаще выступает не нарушением языковых правил, а маркером политического уважения и межкультурной эмпатии. Хотя у старшего поколения и в неформальном общении отчасти сохраняется инерция традиционных норм, готовность в речевой адаптации становится доминирующей прагматической стратегией.

Заключение

Современный русский дискурс демонстрирует нарастающую чувствительность к топонимическим выборам. После 2022 года в ряде независимых и зарубежных русскоязычных СМИ конструкции «на Украине», «Прибалтика», «Белоруссия» стали восприниматься как моветон [6].

Важно подчеркнуть, что топонимическая корректность не означает механического отказа от традиционных норм. Язык обладает высокой инерцией, и резкие вмешательства редко бывают успешными. Речь идет о сознательном, прагматически обоснованном выборе в ситуациях межкультурного общения. Когда адресат воспринимает определенную форму как отрицание его субъектности, этика коммуникации требует учета этой чувствительности.

Толерантность в данном контексте является готовность признавать право другого на самоопределение, в том числе языковое. Уважение к национальному самоопределению проявляется в готовности использовать самоназвания и грамматические конструкции, которые соответствуют статусу независимого государства, а не имперской или советской модели восприятия пространства.

Анализ теоретических источников и данных эмпирического опроса показывает, что топонимическая корректность является важным проявлением толерантности и уважения к национальному самоопределению. Она требует от носителя языка не только знания традиционных правил, но и прагматической гибкости, готовности учитывать экстралингвистический контекст и позицию собеседника. В условиях поликультурного пространства фактором успешной коммуникации и снижения конфликтного потенциала дискурса является такая гибкость.

Список литературы

1. Покровская М.Е. — Трансформации топонимов в ономастиконах английского и русского языков: грамматика, структура, семантика // Litera. - 2020. - № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.1.32065 URL: httys://nbpublsh.comlbrary_read_article.php?id=32065

2. Марина Королева. (2017, March). *Марина королева: На украину или в украину*. Российская газета. https://rg.ru/2017/03/01/marina-koroleva-na-ukrainu-ili-v-ukrainu.html

3. Константин Амелюшкин. (2016, June 12). *Гинтаутас мажейкис: Термин "прибалтика" уже ни на что не указывает*. Ведущий новостной портал в Литве на русском языке. Delfi RU. https://www.delfi.lt/ru/v-fokuse/novosti/gintautas-mazheykis-termin-pribaltika-uzhe-ni-na-chto-ne-ukazyvaet-71192462

4. Новая газета. Балтия. (2022, August 29). *«Прибалтика», «на украине» и «белоруссия»: Теперь это моветон*. Новая газета. Балтия. https://novayagazeta.ee/articles/2022/08/29/pribaltika-na-ukraine-i-belorussiia-teper-eto-moveton

5. Молдова или Молдавия: как правильно и в чем разница // Emigrare.md. — URL: https://emigrare.md/moldova-ili-moldaviya/ (дата обращения: …).

6. Al-Farabi Kazakh National University, Madieva, G. B., Volgograd State Social Pedagogical University, Suprun, V. I., Al-Farabi Kazakh National University, & Boribaeva, G. A. (2019). The scientific, folk, and armchair etymology of city names (based on the names of the cities in the Republic of Kazakhstan). *Вопросы Ономастики*, *16*(3), 140–161. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.036

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА: ОТ ВИРТУАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ К 3D-АРХИВАЦИИ

Кәдірхан Ф. М.
Студент 2-го курса ОП 6B07136 - Тепловые и атомные электрические станции,
НАО «Алматинский университет энергетики и связи имени Гумарбека Даукеева»,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: f.kadirkhan@aues.kz
*Научный руководитель:*ст. преподаватель, м.п.н. Рыскильдинова Д. Б.

Аннотация

В работе рассматривается, как цифровые технологии меняют способы сохранения этнокультурного наследия Казахстана. В центре внимания - виртуальные музеи, электронные коллекции, фотограмметрия, лазерное сканирование и 3D-архивация. На примере платформы E-museum рассмотрены возможности создания общего цифрового музейного пространства; казахстанский опыт сопоставлен с подходами UNESCO. Анализ показывает, что оцифровка делает культурные ценности доступнее и помогает документировать состояние памятников и музейных предметов. Вместе с тем даже точная цифровая модель не заменяет подлинник: она передаёт его форму и видимые особенности, но не может сохранить сам материал и всю историю существования вещи. В докладе предложено оценивать цифровые проекты не только по числу созданных копий, но и по полноте документации, сохранности культурного контекста, аутентичности и возможности длительного хранения данных.

Ключевые слова: цифровизация, культурное наследие, этнокультурное наследие, виртуальный музей, 3D-моделирование, фотограмметрия, цифровая память, E-museum, Казахстан, аутентичность.

Введение

Культурное наследие - это исторические здания, рукописи, предметы быта и традиции, передаваемые из поколения в поколение. Но сохранить наследие - значит не просто уберечь вещь от разрушения. Важно также знать, кому она принадлежала, как использовалась и что значила для людей. Долгое время музеи строили работу вокруг подлинного предмета: его изучали, описывали, реставрировали и хранили в специальных условиях. Увидеть коллекции можно было, как правило, только при личном посещении музея или архива.

С развитием цифровых технологий ситуация стала меняться. Теперь музейный предмет можно сфотографировать в высоком разрешении, включить в электронный каталог, представить в виде 3D-модели и показать человеку, который находится далеко от самого музея. UNESCO рассматривает цифровое картирование, онлайн-музеи и трёхмерное моделирование

памятников Всемирного наследия как инструменты сохранения и представления культуры [1]. Один из примеров проект Dive into Heritage. В нём 3D-модели сопровождаются фотографиями, видео и историями, привязанными к определённым местам. При этом цифровые материалы служат не только для знакомства с памятниками, но и для наблюдения за их состоянием [2].

Для Казахстана, где музеи и исторические объекты расположены на больших расстояниях друг от друга, такие возможности особенно важны. По сведениям Министерства культуры и информации Республики Казахстан, платформа E-museum объединила 252 музея из 20 регионов. В каталог внесено более 66 тысяч музейных единиц, подготовлено 750 трёхмерных моделей и 15 виртуальных туров [3]. Это уже не единичные цифровые эксперименты: постепенно складывается общая система, через которую можно знакомиться с коллекциями разных регионов страны.

Однако здесь возникает вопрос, который легко упустить за впечатляющими цифрами: означает ли создание цифровой копии, что культурная ценность действительно сохранена? Пока существует оригинал, фотографии и модели помогают изучать его и делают более доступным. Если же подлинный предмет разрушен или утрачен, цифровой файл сохранит лишь часть сведений о нём, например, форму, размеры и внешний вид. Материал, следы использования и связь вещи с её историей останутся невосполнимыми.

Именно этому различию посвящена работа. Её цель определить, какую роль виртуальные музеи и 3D-архивация могут играть в сохранении этнокультурного наследия Казахстана и где проходят границы их возможностей. Для этого рассматриваются изменения в работе музеев, особенности фотограмметрии и трёхмерного документирования, опыт платформы E-museum, а также различия между цифровой выставкой и полноценным научным архивом. Отдельное внимание уделено достоверности цифровых копий, историческому контексту и сохранности данных в долгосрочной перспективе.

В основе исследования лежат анализ научных публикаций и официальных цифровых ресурсов, сравнение существующих подходов и сопоставление функций разных способов оцифровки. Работа не сводится к перечислению преимуществ новых технологий. Предлагается рассмотреть цифровизацию как часть формирования культурной памяти и показать, почему для неё важны не только технические возможности, но и понятные критерии научного качества.

1. ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА К ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Ценность музейного предмета не всегда можно оценить по внешнему виду. Важны материал, следы времени, особенности работы мастера, сведения о владельцах и обстоятельствах находки. Например, традиционный костюм интересен не только орнаментом и покроем: он может рассказать о занятиях людей, местных обычаях и представлениях о красоте. Всё это - часть истории вещи, неотделимая от её материального существования.

При оцифровке часть этих сведений переводится в иную форму. Вместо непосредственного знакомства с предметом исследователь получает фотографии, описания, размеры, координаты, данные о текстуре и пространственной форме. Цифровое представление не заменяет подлинник, зато помогает решать задачи, для которых раньше требовался доступ к музейному хранилищу.

Один из способов получить пространственные данные - фотограмметрия. Объект снимают с разных ракурсов, затем программа сопоставляет изображения и восстанавливает его геометрию. Исследователи I. Aicardi, F. Chiabrando, A. M. Lingua и F. Noardo отмечают значение этих методов для изучения культурного наследия, но подчёркивают необходимость проверки точности модели и обоснованного выбора методики [4, с. 257-266].

По мнению N. Yastikli, точная фиксация состояния памятников необходима для их защиты, исследования и реставрации. Цифровая фотограмметрия и лазерное сканирование дают возможность получать трёхмерные данные, ортоизображения и модели поверхности [5, с. 423-427]. Это позволяет рассматривать цифровую модель не только как иллюстрацию для посетителя, но и как свидетельство того, в каком состоянии объект находился на момент съёмки.

Особую ценность такая документация приобретает там, где памятники постепенно

разрушаются под воздействием времени, климата или деятельности человека. Если точная модель создана заранее, её можно сравнить с более поздней съёмкой, заметить изменения формы и оценить повреждения. Эти данные могут пригодиться и реставраторам.

Так появляется цифровое представление исторического объекта, которое иногда называют его цифровым двойником. С ним можно работать в исследовательских, образовательных, архивных и реставрационных целях. Человек получает возможность изучить детали предмета, даже если не может приехать в музей. Вместе с тем понятие «двойник» не должно вводить в заблуждение: перед нами не второй оригинал, а тщательно подготовленные данные о нём. Это различие важно помнить на всех этапах цифровизации.

2. ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК НОВАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Виртуальный музей часто представляют как привычные залы и витрины, перенесённые на экран. Но онлайн-выставку необязательно строить по плану реального здания. Её можно посвятить одной теме, историческому периоду или культурной традиции, собрав в единую экспозицию предметы из разных коллекций. Именно эта свобода делает цифровую среду интересной для музейной работы.

D. A. Loaiza Carvajal, M. M. Morita и G. M. Bilmes показывают, как фотограмметрия и 3D-моделирование используются для создания виртуальных музейных пространств [6, с. 234-239]. Особенно интересна возможность объединить экспонаты, которые хранятся в разных городах и странах. Их можно сопоставить, не перемещая оригиналы. На первый план выходит не расположение вещей в зале, а смысл, который связывает их между собой.

Меняется и сам опыт посетителя. На экране можно увеличить мелкий орнамент, повернуть трёхмерную модель, рассмотреть обратную сторону предмета - то, что нередко остаётся скрытым за стеклом витрины. В исследовании H. Lee, T. Jung, M. C. tom Dieck и N. Chung отмечено, что виртуальная реальность в музее объединяет познавательный, эстетический, развлекательный и иммерсивный опыт [7]. Благодаря этому цифровая экспозиция может не только показывать предмет, но и вовлекать посетителя в его изучение.

И всё же виртуальная экскурсия не даёт тех же ощущений, что встреча с подлинником. Экран не всегда помогает почувствовать настоящий размер вещи, фактуру материала и атмосферу исторического пространства. Возможность рассмотреть детали крупным планом - сильная сторона цифрового формата, но она не компенсирует полностью опыт личного присутствия. Поэтому говорить о вытеснении традиционных музеев было бы неверно.

Гораздо точнее воспринимать виртуальный музей как ещё один способ общения человека с культурным наследием. Он особенно полезен тем, кто живёт далеко, не может путешествовать или хочет заранее познакомиться с коллекцией. Физический музей и его цифровая версия решают разные, но связанные задачи. Один сохраняет подлинные вещи и пространство встречи с ними, другая открывает новые пути к знаниям об этих вещах.

3. 3D-АРХИВАЦИЯ: ФИКСАЦИЯ ФОРМЫ И ГРАНИЦЫ ЦИФРОВОГО СОХРАНЕНИЯ

Виртуальная выставка прежде всего помогает рассказать об объекте, а 3D-архивация ставит другую задачу - как можно точнее зафиксировать сведения о нём. Снимок показывает предмет с одного ракурса, а трёхмерная модель, если она создана с необходимой точностью, позволяет изучать его форму и взаимное расположение деталей.

По трёхмерным данным можно оценивать размеры, деформации поверхности и изменения отдельных элементов. Для таких задач применяют лазерное сканирование, фотограмметрию с земли и с воздуха, 360-градусную съёмку. В проекте UNESCO Dive into Heritage эти методы используются при создании цифровых представлений объектов культурного наследия [2]. Важно, однако, не смешивать точную фиксацию существующего состояния с попыткой показать, как памятник мог выглядеть в прошлом.

Даже очень подробная модель не снимает вопрос о подлинности. S. Jones, S. Jeffrey, M. Maxwell, A. Hale и C. Jones обращают внимание на то, что достоверность 3D-визуализации часто оценивают по качеству исходных данных и внешнему сходству с оригиналом. Между тем материальность исторической вещи, её прошлое и связь с конкретным местом не сводятся к

точности изображения [8, с. 333-353].

Представим, что древнее украшение воспроизвели с идеальной точностью. Копия позволит увидеть форму и узор, но не станет тем предметом, который носили люди много лет назад. У цифровой модели похожее ограничение: она передаёт измеряемые свойства и видимые признаки, но не материал и не следы всей жизни оригинала. Поэтому важно ясно объяснять, какие сведения сохранены, а какие неизбежно остались за пределами цифрового файла.

Научная 3D-архивация начинается именно с такой ясности. Помимо модели необходимо сохранять сведения о дате съёмки, использованном оборудовании, выбранном методе, точности измерений и состоянии оригинала. Не менее важно указывать, какие детали получены из измерений, а какие были добавлены при реконструкции. Без этой информации файл может выглядеть убедительно, но проверить его надёжность через несколько лет будет сложно.

Отсюда следует различие между красивой визуализацией и научным архивным материалом. Для виртуальной выставки главное - понятное и наглядное представление предмета. Для архива важнее возможность вернуться к исходным данным, оценить точность модели и при необходимости повторить анализ. Хороший цифровой проект может сочетать оба подхода, но подменять один другим не следует.

4. E-MUSEUM И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА КАЗАХСТАНА

Казахстан постепенно переходит от отдельных музейных сайтов к общему цифровому пространству. Показателен проект E-museum: он собирает сведения о музейных фондах в одной системе и открывает пользователям доступ к коллекциям разных учреждений.

Согласно данным Министерства культуры и информации Республики Казахстан, к платформе подключены 252 музея из 20 регионов; в каталог включено более 66 тысяч музейных единиц, создано 750 3D-моделей и 15 виртуальных туров [3]. Масштаб страны придаёт этим цифрам дополнительный смысл. Чтобы получить первое представление о коллекции музея в другом регионе, человеку уже не обязательно ехать туда лично. Достаточно обратиться к цифровому ресурсу.

Но значение E-museum не исчерпывается удобством. У предметов, находящихся в разных хранилищах, появляется возможность оказаться рядом хотя бы в информационном пространстве. Например, материалы, относящиеся к одной традиции, можно изучать в сопоставлении, даже если физически они разделены сотнями километров. Такой подход создаёт условия для тематических подборок, совместных выставок и новых исследовательских вопросов.

Здесь особенно важно качество карточки экспоната. Одной фотографии и названия недостаточно, чтобы понять его историю. Намного полезнее, когда пользователь видит датировку, происхождение, назначение предмета, сведения о технологии изготовления и его современном состоянии. А если к описанию добавлена точная 3D-модель, материал может пригодиться не только школьнику или туристу, но и исследователю. Поэтому расширение каталога имеет смысл сопровождать постепенным улучшением научных описаний и технических данных.

E-museum можно рассматривать как основу, на которой в дальнейшем будут развиваться разные формы цифровой работы: от общедоступных виртуальных экскурсий до научного документирования коллекций. При этом успех платформы нельзя измерять исключительно количеством загруженных материалов. Важнее понять, помогают ли они узнать историю предмета, можно ли доверять представленным сведениям и останутся ли эти данные доступными в будущем.

5. ЦИФРОВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ И ЦИФРОВОЕ СОХРАНЕНИЕ: ПОЧЕМУ ЭТО НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Слова «оцифровать» и «сохранить» порой звучат так, будто означают одно и то же. Но фотография экспоната на сайте лишь делает его доступнее, а не создаёт полноценный научный архив. Для сохранения культурного наследия важно не только показать предмет, но и зафиксировать надёжные сведения о нём.

Условно можно выделить пять форм цифровой работы. Самая простая - фотография,

передающая внешний вид. Следующий шаг - электронная карточка с научным описанием и метаданными. Виртуальная экспозиция позволяет связать предметы в общую историю и представить музейное пространство. Трёхмерная модель добавляет сведения о геометрии объекта. Наконец, научный 3D-архив объединяет модель с данными об измерениях, состоянии оригинала, методике съёмки и происхождении файлов. Эти формы могут дополнять друг друга, но решают не вполне одинаковые задачи.

Качественная модель может прекрасно смотреться на сайте. Однако через двадцать лет её научная ценность окажется ограниченной, если неизвестны условия съёмки, масштаб и степень компьютерной обработки. Такой файл останется полезным для знакомства с наследием, но не обязательно подойдёт для точных исследований.

Поэтому для научной документации необходима проверяемость. Другой специалист должен понимать, как получен результат, какие участки модели соответствуют реально измеренному объекту, а какие восстановлены по предположениям. Особенно это касается утраченных деталей. Если программа дорисовала часть памятника, зритель может принять такую реконструкцию за исторический факт, хотя она представляет собой лишь одну из возможных версий.

Иначе говоря, вместе с красивой картинкой нужно сохранять историю её создания. Чем реалистичнее выглядит цифровая реконструкция, тем честнее следует обозначать границы достоверного знания. Именно прозрачность работы с данными превращает 3D-модель из эффектной иллюстрации в материал, которому можно доверять.

6. РИСКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НАСЛЕДИЯ

Цифровые технологии решают одни проблемы, но создают другие. Прежде всего это риск технического устаревания. Физический предмет при правильном хранении может пережить несколько поколений, тогда как цифровая модель зависит от формата, программного обеспечения, носителей и серверов. Когда система перестаёт поддерживаться, доступ к ценным данным может оказаться затруднённым.

Вот почему цифровой архив нельзя создать один раз и навсегда. Необходимо делать резервные копии, проверять целостность файлов, сохранять исходные материалы и переносить данные в новые форматы. В проекте Dive into Heritage подчёркивается значение общих стандартов сбора данных и устойчивости цифровых систем [2]. Без продуманного хранения даже качественная 3D-модель со временем может стать недоступной.

Другой риск связан с качеством съёмки. Модель может выглядеть детализированной, но содержать ошибки в размерах или форме. Как отмечают I. Aicardi и соавторы, метод измерений нужно выбирать с учётом геометрии объекта, его поверхности, расстояния до него и сложности формы, а результаты — проверять [4, с. 257-266]. Само наличие 3D-файла не гарантирует точности.

Третья проблема возникает, когда документирование незаметно переходит в реконструкцию. Программы позволяют восполнять утраченные детали, менять цвет и показывать предполагаемый первоначальный облик памятника. Это полезно для обучения и обсуждения гипотез, но посетитель должен видеть, какие части сохранились, а какие добавлены на основе предположений.

Генеративный искусственный интеллект делает это различие ещё важнее. Правдоподобное изображение сегодня можно создать даже при нехватке исторических сведений. Если не обозначать восстановленные части и степень уверенности в них, зритель может принять предположение за реальный облик прошлого. Так технология, призванная помогать культурной памяти, рискует закрепить ошибочную версию истории. Избежать этого позволяет открытое описание источников и решений, принятых при реконструкции.

7. АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ ПРОЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Как понять, что цифровой проект действительно помогает сохранять наследие? Подсчёта фотографий и виртуальных туров для этого мало. В работе предлагаются пять критериев оценки: доступность, документальность, контекстуальность, аутентичность и устойчивость. Вместе они позволяют проверить и удобство для посетителя, и надёжность данных для

будущих исследователей.

Критерий	Основной вопрос оценки
Доступность	Можно ли изучать объект дистанционно, без существенных технических ограничений?
Документальность	Достаточно ли точны данные о форме, состоянии и особенностях оригинала?
Контекстуальность	Можно ли узнать историю, происхождение, датировку и культурное значение предмета?
Аутентичность	Понятно ли, какие части модели зафиксированы, а какие реконструированы?
Устойчивость	Как обеспечено долговременное хранение?

Эти критерии помогают увидеть сильные и слабые стороны разных решений. Например, виртуальный тур может быть доступен широкой аудитории и хорошо знакомить её с музеем, но почти не содержать измерений, необходимых реставратору. Напротив, точный лазерный скан может представлять большую научную ценность и при этом быть трудным для восприятия обычным посетителем. Ни один из вариантов нельзя назвать бесполезным: они просто предназначены для разных задач.

Поэтому оценку проекта стоит начинать с его цели. Нужно ли привлечь посетителей, помочь школьникам изучать культуру, задокументировать памятник или подготовить материал для реставрации? От ответа зависят технология, требования к качеству и способы хранения файлов. Единого показателя успешности здесь нет.

8. ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА: ОТ КОЛИЧЕСТВА К КАЧЕСТВУ ЦИФРОВОГО НАСЛЕДИЯ

Казахстанские музеи уже накопили заметный объём цифровых материалов. Теперь особое значение приобретает вопрос об их качестве и сроке полезного использования. Для каждой научно значимой 3D-модели желательно сохранять сведения о том, когда и каким способом проводилась съёмка, какое оборудование применялось, насколько точны результаты и где находится оригинал. Необходимо также отмечать, изменялось ли изображение после обработки. Тогда цифровая коллекция сможет служить не только для просмотра, но и для исследования.

Отдельная задача - разграничить документальную фиксацию и предполагаемую реконструкцию. Восстановленные детали следует обозначать так, чтобы пользователь не путал их с сохранившимися элементами. Для E-museum не менее важны единые принципы описания предметов и совместимые форматы данных. Без них даже материалы, собранные в общей системе, будет трудно сопоставлять и использовать в совместных проектах.

Следующий этап цифровизации можно сформулировать так: важнее не просто оцифровать больше предметов, а сохранить достоверные сведения о них на годы вперёд. Исходные файлы, технические отчёты и научные описания должны составлять долговременный архив, а цифровые коллекции использоваться в обучении и исследованиях. Только тогда технологии принесут устойчивый культурный результат.

Заключение

Цифровизация заметно изменила способы работы с культурным наследием. Раньше задача сохранения связывалась прежде всего с подлинным предметом и условиями его хранения. Теперь к ней добавился ещё один важный аспект - сохранение достоверных сведений, которыми можно пользоваться, даже находясь далеко от музея. Эти две задачи не противоречат друг другу, а дополняют одна другую.

Виртуальные музеи делают коллекции ближе к широкой аудитории, объединяют экспонаты из разных учреждений и предлагают новые способы знакомства с культурой. Фотограмметрия, лазерное сканирование и 3D-моделирование позволяют фиксировать форму памятников, изучать их состояние и готовить данные для реставрации. Особенно полезно сравнивать съёмки, сделанные в разное время.

Опыт E-museum показывает, что в Казахстане уже формируется основа для системной работы. В общем цифровом пространстве представлены сотни музеев, десятки тысяч

предметов, 3D-модели и виртуальные туры [3]. Но рост каталога ещё не гарантирует сохранности знаний. Следующий шаг улучшать научные описания и обеспечивать долговременную надёжность данных.

Главное ограничение цифровых технологий состоит в том, что даже точная копия не становится оригиналом. Она передаёт форму, внешний вид и результаты измерений, но не может заменить исторический материал, следы использования и личную встречу с подлинной вещью. Поэтому цифровые копии важно ценить за реальные возможности, не приписывая им того, что сохранить они не способны.

Поэтому выбирать между обычным и цифровым музеем не нужно. Физический музей сохраняет подлинник и связанные с ним свидетельства. Цифровой архив делает информацию о предмете доступной для изучения и передачи следующим поколениям. Надёжнее всего, когда оба направления развиваются вместе.

Для Казахстана особенно перспективны проекты, в которых доступность сочетается с научной точностью, историческим контекстом и продуманным хранением данных. Важно понимать происхождение каждой модели, отделять измеренные сведения от предположений и сохранять исходные файлы. В конечном счёте вопрос состоит уже не в том, нужно ли переводить наследие в цифровую форму. Гораздо важнее научиться делать это так, чтобы через десятилетия цифровая копия оставалась надёжным источником знаний о культуре, а не просто красивым изображением прошлого.

Список литературы

1. UNESCO. Culture and Digital Technologies [Электронный ресурс]. - URL: https://www.unesco.org/en/culture-and-digital-technologies (Дата обращения 11.10.2026).
2. UNESCO World Heritage Centre. Dive into Heritage [Электронный ресурс]. - URL: https://whc.unesco.org/en/dive-into-heritage/ (Дата обращения 11.10.2026).
3. Министерство культуры и информации Республики Казахстан. В Астане представили единое цифровое пространство музеев Казахстана E-museum [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/1131840?lang=ru (Дата обращения 11.10.2026).
4. Aicardi I., Chiabrando F., Lingua A. M., Noardo F. Recent trends in cultural heritage 3D survey: The photogrammetric computer vision approach // Journal of Cultural Heritage. - 2018. - Vol. 32. - P. 257-266. - DOI: 10.1016/j.culher.2017.11.006.
5. Yastikli N. Documentation of cultural heritage using digital photogrammetry and laser scanning // Journal of Cultural Heritage. - 2007. - Vol. 8, No. 4. - P. 423-427. - DOI: 10.1016/j.culher.2007.06.003.
6. Loaiza Carvajal D. A., Morita M. M., Bilmes G. M. Virtual museums. Captured reality and 3D modeling // Journal of Cultural Heritage. - 2020. - Vol. 45. - P. 234-239. - DOI: 10.1016/j.culher.2020.04.013.
7. Lee H., Jung T. H., tom Dieck M. C., Chung N. Experiencing immersive virtual reality in museums // Information & Management. - 2020. - Vol. 57, No. 5. - Art. 103229. - DOI: 10.1016/j.im.2019.103229.
8. Jones S., Jeffrey S., Maxwell M., Hale A., Jones C. 3D heritage visualisation and the negotiation of authenticity: the ACCORD project // International Journal of Heritage Studies. - 2018. - Vol. 24, No. 4. - P. 333-353. - DOI: 10.1080/13527258.2017.1378905.

АНТИЯДЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ «НЕВАДА- СЕМИПАЛАТИНСК И УТВЕРЖДЕНИЕ ЦЕННОСТИ МИРА»

Вагнер В.В.
Магистрант 2- го курса 7МО2202 - История,
Торайгыров университет, г. Павлодар, Казахстан.
к.и.н, профессор Турлыбекова А.М.

Статья посвящена историко-философскому осмыслению антиядерного движения «Невада–Семипалатинск», его роли в борьбе за мир и ядерное разоружение. Рассматриваются причины возникновения движения, его деятельность и значение закрытия Семипалатинского полигона. Проанализированы вопросы гуманизма, экологической безопасности и нравственной ответственности.

XX столетие вошло в историю как время выдающихся научных открытий и достижений. Человек получил возможность воздействовать на окружающий мир в масштабах, которые ранее казались невозможными. Однако вместе с новыми возможностями появились и новые риски. Создание ядерного оружия стало одним из наиболее главных противоречий научного прогресса. Демонстрация как, и огромного человеческого разума, так и способности поставить под угрозу саму жизнь. После трагических событий в Хиросиме и Нагасаки ядерные технологии стали важнейшим элементом международной гонки вооружений. Как отмечает В. Л. Мальков, появление ядерного оружия стало новым фактором международных отношений и оказало существенное влияние на формирование послевоенного мирового порядка [1, с. 140–145].

Долгое время человечество воспринимало природу как неизменный механизм. Но развитие науки и техники способствовали значительному расширению человеческих возможностей. Люди научились изменять ландшафты (искусственные острова в Тихом океане), поворачивать реки вспять (проект «Проект Юг-Север, Китай»), создавать на уровне с природой живые организмы (овечка Долли). Постепенно старая научная парадигма мира начала изменяться, а за место нее возникло новое представление. Иллюзия о том что , человек способен полностью контролировать природу и подчинять её человеческим законам. Однако достижения научно-технической революции явили две стороны одной медали. С возможностями приходят и опасности. Открытие атома дало человечеству огромные перспективы, но вместе с тем поставили под угрозу само существование. В данных условиях возник вопрос о нравственной ответственности науки. История открытия атома и в дальнейшем создания ядерных технологий показала, что научное знание не является полностью нейтральным. Каждое малое открытие и новое знание могут иметь серьёзные последствия для общества и человечества в целом. В этом смысле развитие науки можно сравнить с так называемым «эффектом бабочки». То есть незначительное на первый взгляд действие способно запустить цепь событий, последствия которых невозможно предсказать. Одними из тех, кто столкнулся с этой дилеммой, были создатели атомного оружия двух соперничающих сверхдержав. Андрей Сахаров, участвовавший в создании советской водородной бомбы, позже стал одним из самых известных сторонников ограничения гонки вооружений и защиты прав человека [2]. Похожий путь прошёл и Роберт Оппенгеймер — отец американской атомной бомбы. После «Манхэттенского проекта» он всё чаще задумывался о моральной стороне научных открытий. Позже, вспоминая о первом испытании атомной бомбы, он произнёс ставшую известной миру фразу: «Теперь я стал Смертью, разрушителем миров». Эти слова отражают осознание того, что научное открытие может иметь последствия. Последствия, которые невозможно полностью предсказать или контролировать. Поэтому одних знаний и технических достижений недостаточно — не менее важны нравственные принципы.

Семипалатинский ядерный полигон стал одним из самых трагических примеров в мире. Примером того к каким последствиям может привести использование научных достижений без учёта их влияния на человека. На протяжении десятилетий на полигоне проводились ядерные испытания, которые затронули жизни тысяч людей. Радиоактивное загрязнение территории, рост различных онкозаболеваний и долговременные экологические последствия. Все это стало свидетельством того, насколько масштабным может быть влияние человеческой деятельности. Именно в таких условиях возникло международное антиядерное движение «Невада–Семипалатинск» [3]. Его участники стремились обратить внимание не только на последствия ядерных испытаний для окружающей среды. «Невада–Семипалатинск» заставило многих задуматься о более глубоких вопросах. Таких как, где должны проходить границы вмешательства человека в природу? могут ли научные достижения иметь нравственные ограничения? и какую ответственность мы несём за последствия собственного прогресса? В

этом контексте особую значимость приобретает понятие мира как фундаментальной ценности . Мир представляет собой не только отсутствие военных конфликтов и вооружённого противостояния. В более широком философском смысле мир означает состояние гармонии между человеком, обществом и природой. Он предполагает уважение к жизни, признание достоинства каждого человека и понимание ответственности за последствия собственных действий.

Антиядерное движение «Невада – Семипалатинск» занимает особое место в истории Казахстана и мирового антиядерного движения. Оно возникло в конце XX века, как реакция людей на тяжёлые последствия ядерных испытаний. Главной целью движения было добиться прекращения работы полигона и борьба за здоровье будущего поколения. После очередного испытания, проведённого на Семипалатинском полигоне в феврале 1989 года, обеспокоенность населения значительно возросла. Последствия взрыва оказались настолько серьёзными, что привлекли внимание не только жителей прилегающих районов, но и широкой общественности. В результате радиоактивного выброса образовалось облако радиоактивных газов, которое распространилось на сотни километров, в которых проживали десятки тысяч человек.[4]

Поворотным моментом стало выступление известного казахстанского поэта, общественного деятеля , политика Олжаса Сулейменова на телевидении 25 февраля 1989 года. Говоря о последствиях недавнего испытания, Сулейменов открыто выступал против дальнейших ядерных взрывов. Он подчёркивал, что никто не имеет права ставить под угрозу жизнь людей. В своём обращении Сулейменов призвал общественность объединиться для борьбы против ядерных испытаний и привлечь внимание мирового сообщества к проблеме Семипалатинского полигона [4, с. 5]. Его слова стали важным призывом для людей, которые долгие годы жили рядом с зараженной территорией и на себе ощущали последствия данных испытаний.

Это выступление вызвало широкий общественный резонанс. Ставши отправной точкой формирования антиядерного движения «Невада–Семипалатинск». Уже 28 февраля 1989 года на многотысячном митинге у здания Союза писателей Казахстана в Алма-Ате было принято решение о создании нового общественного движения. Которое впоследствии стало одной из крупнейших антиядерных инициатив конца XX века. Особенностью же движения заключалась в том, что его участники говорили о ядерных испытаниях прежде всего через судьбы обычных людей. За каждым взрывом стояли конкретные семьи, жители населённых пунктов и в целом республика. Радиоактивное воздействие не ограничивалось моментом взрыва, его последствия могли проявляться спустя годы и десятилетия затрагивая будущее поколения.

Название «Невада–Семипалатинск» имело глубокий символический смысл. Оно объединяло названия двух крупнейших ядерных полигонов мира. Советского Семипалатинского и американского полигона в штате Невада. Движение затрагивало вопросы сохранения жизни, здоровья населения и окружающей среды и, следовательно, требовало объединения усилий международного сообщества [5, с. 185–187]. Под руководством Олжаса Сулейменова движение «Невада–Семипалатинск» быстро получило широкую общественную и международную поддержку. Люди выходили на массовые митинги , акции протеста, собирали подписи, и рассказывали о последствиях ядерных испытаний. Участники старались донести до общества простую, но важную мысль. Все то, что происходило на Семипалатинском полигоне, нельзя оставлять без внимания, поскольку последствия испытаний касались не только прошлого, но и будущего . [1, с. 170–185].

Среди активных борцов за закрытие Семипалатинского полигона особое место занимает Кешрим Бозтаев – первый секретарь Семипалатинского областного комитета Компартии Казахской ССР. Ещё до официального создания движения он одним из первых среди высокопоставленных руководителей открыто выступил против продолжения работы полигона. Важным результатом общественного давления стало сокращение количества испытаний. В итоге последний ядерный взрыв на его территории состоялся 19 октября 1989 года. Однако вопрос о полном закрытии полигона оставался открытым . Переломным моментом стало подписание 29 августа 1991 года Указа Президента Казахской ССР № 409 «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона» [6]. В документе отмечалось, что за

годы существования было произведено около 500 ядерных взрывов, которые нанесли серьёзный ущерб здоровью и жизни людей. Закрытие стало важным событием не только для Казахстана, но и для всего мира.

Антиядерное движение показало, что безопасность невозможно обеспечить исключительно за счёт наращивания военной мощи. Опыт XX века продемонстрировал парадокс: чем совершеннее становились средства уничтожения, тем более уязвимым оказывалось человечество. Ядерное оружие создало угрозу, способную поставить под вопрос существование цивилизации. В этих условиях сохранение мира стало не только политической задачей, но и нравственным императивом.

Философы разных эпох по-разному рассматривали проблему взаимоотношений человека и мира. Однако многие из них сходились в одном. Настоящий прогресс заключается не только в развитии науки и техники, но и в нравственном развитии самого общества. Если научные открытия используются без учёта их возможных последствий, они могут превратиться из инструмента созидания в источник разрушения. Как отмечал А. Д. Сахаров, «проблема ядерных испытаний выходит за рамки научно-технической сферы и затрагивает фундаментальные вопросы ответственности перед человечеством и будущими поколениями» [2, с. 273–291]. Поэтому развитие науки должно идти вместе с развитием моральной культуры и ответственности общества. Движение «Невада–Семипалатинск» показало, что обычные люди, объединившись, способны добиться серьёзных изменений и привлечь внимание к вопросам, которые имеют значение далеко за пределами одной страны.

Особенно важно, что идеи движения не потеряли своей актуальности и в XXI веке. Сегодня человечество сталкивается с новыми вызовами. Экологическими кризисами, изменением климата, техногенными рисками и угрозами международной безопасности. Всё это заставляет по-новому задуматься о том, как человек должен относиться к окружающему миру и к последствиям своей деятельности. Опыт антиядерного движения показывает, что устойчивое развитие возможно только тогда, когда прогресс идет в ногу с принципами гуманизма. Особое значение в этом контексте приобретает концепция ответственности Ганса Йонаса. Изложенная в его работе «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации». По мнению Ганса Йонаса, человек должен учитывать не только пользу своих действий в настоящем, но и их возможное влияние на будущие поколения. Именно эта мысль особенно важна сегодня «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [7, с. 58].

В заключении можно выделить, что история движения «Невада–Семипалатинск» выходит за рамки конкретных исторических событий. И в общем смысле приобретает более глубокое философское значение. Оно заставляет задуматься о сущности мира, как одной из важнейших ценностей человеческой цивилизации. Мир — это не просто отсутствие войн, это возможность человека, общества и природы жить в гармонии друг с другом. Следовательно, сохранение мира предполагает ответственность за последствия человеческой деятельности, бережное отношение к окружающей среде и заботу о благополучии будущих поколений.

Литература

1. Мальков В.Л. Манхэттенский эксперимент. Разведка и дипломатия. – 1995. – 253 с.

2. **Сахаров А. Д.** Воспоминания: в 2 т. / А. Д. Сахаров; ред.-сост. Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. — М.: Права человека, 1996. — Т. 1. — 912 с.; Т. 2. — 862 с.

3. Государственный архив Павлодарской области (ГАПО) Ф. 646. Оп.19. Д.415А. Л.68.

4. ГАПО. Ф.646. Оп.19. Д.3110. Л.1

5. **Бозтаев К.** Семипалатинский полигон. — Алматы: Қазақстан, 1992. — 192 с.

6. **Указ Президента Казахской ССР от 29 августа 1991 г. № 409 «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона».** — Алматы, 1991.

7. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. И. И. Маханькова. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 480 с.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУ ЦИФРОВОЙ ЭКСПРЕССИЕЙ И СНИЖЕНИЕМ ГРАМОТНОСТИ

Қайратқызы А.
Студент 1-го курса ОП 6В01705 – Иностранный язык: два иностранных языка, Карагандинский исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова,
Г.Караганда Республики Казахстан
e-mail: kajratkyzyaaulym4@gmail.com
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры русского языка и литературы им. Г. А. Мейрамова Жаманова Ж.Ж.
Караганда, КарНИУ

Аннотация

В статье рассматривается использование сленга молодёжью в повседневной жизни и в цифровой среде. Изучаются главные причины популярности сленговых выражений и их роль в современном общении. В работе подробно разбираются как плюсы интернет-сленга (например, повышение эмоциональности текста), так и его минусы, связанные с риском снижения грамотности. Цель исследования - узнать, как относятся к сленгу сами студенты и что об этом думают учёные. Практическая часть статьи основана на анализе научной литературы и результатах анкетирования среди студенческой молодёжи. В заключении авторы приходят к выводу, что молодому поколению важно уметь разделять неформальное общение в сети и ситуации, которые требуют строгого соблюдения правил русского языка.

Ключевые слова: сленг, язык, молодое поколение, коммуникация, цифровое пространство, грамотность, языковые нормы, эмоциональность.

Введение

Интернет-технологии стали неотъемлемой частью жизни современного общества с конца XX века, когда интернет стал распространяться среди населения. За последние десятилетия интернет активно развивается в профессиональной и обыденной жизни людей, и он стал одним из распространенных и основных путей для коммуникации, для обмена информации людей между собой. Вместе с развитием цифрового пространства появились новые форматы общения, которые повлияли на появление новых языковых явлений.

Одним из таких явлений является интернет-сленг – слова, выражения и сокращения, имеющие смысл и активно используемые пользователями в цифровом мире. Он активно распространяется тем, что пользователи сети стремляются как можно быстрее передать информацию, выражать свои эмоции и сделать общение более неформальным. Интернет-сленг стал выступать одним из средств формирования групповой идентичности у детей. Дети благодаря сленгу, знакомятся с юмором и культурой своих сверстников, что показывает влияние сленгов на развитие речи у детей.

Однако, активное использование сленгов стало вызывать вопрос о его влиянии на речевую грамотность. Например, исследователи Дрю Цингел и Шьям Сундар провели исследование, опубликованное в 2012 году в журнале New Media & Society, в котором они, проведя грамматический тест, выявили, что частый обмен текстовыми сообщениями со сленгом может негативно сказываться на грамотности школьников в реальной жизни. В связи с этим возникает вопрос: представляет интернет-сленг угрозу для грамотности языка или же является естественным развитием формата общения?

Что такое интернет-сленг.

Появление интернет-сленга является результатом языковой вариации. Языковая вариация представляет собой свойство языка меняться в зависимости от некоторых факторов, таких как социальные, географические и временные. На данный момент невозможно сформулировать точное определение интернет-сленга, так как он постоянно меняется. Как правило, такие выражения чаще используются в социальных сетях, в мессенджерах с целью экономии времени и сил при наборе текста. Сам по себе интернет-сленг является неформальной формой языка, которая особенно развивается в цифровом мире среди молодого поколения. Сетевой жаргон

отражает современные тенденции и предпочтения пользователей сети.

К сетевому сленгу относятся сокращенные слова, предложения и заимствованные слова. К примеру, LOL считается одним из популярных сленгов на сегодняшний день. Lol - аббревиатура, образованная от первых букв английского выражения «laughing out loud», что переводится как «смеяться вслух». Эту аббревиатуру впервые использовал Калгари Уэйн Пирсон в начале 80-х в интернете, во время разговора с другом в чате. Был проведен опрос среди студентов, в опросе участвовали 30 студентов университета. По результатам опроса среди студентов, 26,9% пользуются такими сокращениями как «лол», «имхо» , а 57,7% используют заимствованные слова, такие как «вайб», «кринж» 65,4% пользуются мемными выражениями. Подобные сокращения доказывают одну из основных причин распространения – стремление пользователей ускорить и упростить процесс общения.

Причины популярности сленгов. Существует несколько причин развития сленгов среди интернет-пользователей.

- Желание пользователей сети сэкономить время. Использование интернет-сленгов позволяет уменьшить объем текста, что способствует уменьшению траты времени. По результатам опроса среди студентов, было выявлено что 53,8% студентов используют интернет-сленг из-за удобства, также 15,4% пользуются им чтобы быстрее выражать свои мысли.
- Влияние социальных сетей. До ноября 2017 года социальная сеть Twitter призывали своих пользователей быть более креативным в общении, и позволяли им использовать короткие аббревиатуры, сокращенные слова написанные заглавными буквами и отказаться от правил пунктуации чтобы уместить мысль предложения в 140 символов. Со временем эта идея популяризировалась среди других платформ общения.
- Стремление людей выражать свои эмоции в текстовых сообщениях. По наблюдениям лингвистов и по собственным наблюдениям во время разговора с кем-то лицом к лицу, люди полагаются на жесты, мимику для выражения своих эмоций, тогда как в письменной форме сложно выражать эмоции таким образом. Таким образом, онлайн сообщества стали использовать сленг или чрезмерную пунктуацию для передачи своих чувств. По собственным исследованиям, было выявлено, что 23,1% студентов используют сленг чтобы сделать общение более эмоциональным, и 53,8% респондентов согласны с тем, что интернет-сленг значительно помогает выражать настроение

Влияние интернет-сленга на грамотность речи.

Одним из дискутабельным вопросом является влияние интернет-сленга на грамотность молодежи. В общении в социальных сетях люди нередко прибегают к сокращениям и упрощенному написанию слов, таких как: «щас приду», «щя» и другим подобным выражениям. Подобные слова действительно ускоряют и облегчают процесс общения, адаптируя пользователей к неформальной обстановке. Но возникает вопрос о том, могут ли такие привычки влиять на грамотность.

С одной стороны, систематическое использование подобных фраз может привести к трудностям при необходимости соблюдать формальность в разговоре, в учебе, особенно если человек не разграничивает неофициальный и официальный стиль общения. С другой стороны, использование интернет-сленга не всегда является самой главной причиной низкого уровня грамотности у молодого поколения. Этот вопрос открыто рассматривается в исследовании К. Вуд и других авторов (2014) «Grammatical understanding, literacy and text messaging in school children and undergraduate students: A concurrent analysis». В данном исследовании анализировалась связь между особенностями текстовых сообщений и уровнем грамматических знаний у школьников и студентов. Было выявлено, что текстовые сообщения и использование жаргонов, сленгов не являются главными причинами недостаточным понимании языковых норм. Вместе с тем у некоторых студентов было выявлено связь между результатами грамматических знаний и их особенностями в написании сообщении.

Для изучения отношения студентов к данной теме был проведен опрос. Большинство респондентов согласились с тем, что чрезмерное использование интернет-сленга может негативно влиять на грамотность речи: 59,3% ответили «скорее да», а 40,7% были полностью согласны. Эти исследования показывают, что использование неформальных выражений нельзя

рассматривать как главную причину неграмотности студентов и школьников. Тем не менее, данные результаты показывают, что использование жаргонов в некоторой части может влиять на грамотность языка, однако нельзя полностью отрицать его воздействие.

Вместе с тем интернет-сленг можно рассматривать как средство обогащения языка. В проведенном опросе среди студентов был вопрос о том, обогащает ли интернет-сленг или вредит ему. Многие респонденты (48,1%) ответили что сетевой жаргон может и обогащать, и вредить языку, а 33,3% считают что он больше вредит языку, в то время как 14,8% считают что он преимущественно обогащает язык. Возможность сетевого-сленга обогащать язык рассматривается в исследовании Марии Шиманьской «Linguistic creativity on digital platforms: Exploring neologism motivation on social media» (2026). В данной работе изучаются причины распространения новых слов в цифровом мире, и было выявлено что интернет-сленг способен расширять словарный запас и предоставлять пользователям новые способы для выражения своих мыслей. Однако, не каждое слово становится частью литературного языка и начинает использоваться формальной речи.

По результатам собственного опроса, большинство пользователей интернета утверждают что используя интернет-сленг их словарный запас уменьшаются. Впрочем, 55,6% студентов относятся к влиянию интернет-сленга на их словарный запас и положительно, и отрицательно. А 22,2% ответили что относятся к этому явлению нейтрально. Следовательно, интернет-сленг является для студентов не только потенциальной угрозой языковой грамотности, но и как инструментом для развития коммуникации, обладающим определенными коммуникативными возможностями.

Необходимость различать неформальное и формальное общение при использовании интернет-сленга.

Важным аспектом использования сленга является умение различать ситуации, когда допустимо неформальное общение, и ситуации которые требуют формальности. Например, в личных переписках с друзьями, в социальных сетях и в мессенджерах использование сленговых выражении и сокращении может быть допустимым, ввиду того что они помогают сделать общение более непринужденным и выразительным. Несмотря на это, в научных работах, в официальных мероприятиях, письмах и в деловой переписке необходимо придерживаться формального стиля общения. Очень важно различать эти ситуации между собой, ведь привычка использовать неформальные фразы в диалоге, может негативно оказаться на грамотности речи у человека. Таким образом, проблема заключается не только в самих неформальных фразах, а в способности человека выбирать подходящие слова в зависимости от цели общения и обстоятельств.

Заключение.

Подводя итог, можно сказать, что использование интернет-сленгов сам по себе не является прямой угрозой языка. Интернет-сленг является важной частью современной коммуникации среди пользователей интернета. Его распространение связано с развитием цифрового пространства, стремлением людей ускорить процесс общения. Сетевой жаргон делает общение более выразительным, также подействовать на появление новых слов и форм.

Во время изучения научных источников и проведения опроса было выявлено, что невозможно назвать его угрозой или прогрессом. С одной стороны, чрезмерное использование сленгов может способствовать на развитие неграмотности среди молодежи. Но с другой стороны, сетевой жаргон предоставляет возможности выражать свои эмоции через текстовые сообщения. Результаты показали, что каждый человек относится к этой теме и оценивают влияние сленгов на язык по разному.

Можно сделать вывод, что не стоит рассматривать интернет-сленг исключительно как угрозу или прогрессом в языке. Его влияние на язык в основном зависит от способности человека различать неформальный и формальный стиль речи. Следовательно, важно полностью не отказываться от интернет-сленга, а уметь правильно использовать его в разных условиях.

Список литературы.

1. Ермакова Я. Детский контент: почему дети осваивают язык через сленг и мемы// *NUR.KZ*. –30.07.2025– URL: https://www.nur.kz/society/2270529-detskiy-kontent-pochemu-deti-osvaivayut-yazyk-cherez-sleng-i-memy/
2. Cingel D. P., Sundar S. S. Texting, techspeak, and tweens: The relationship between text messaging and English grammar skills // *New Media & Society*. –2012.–Vol.14,No.8.–P.1304–1320– DOI: https://doi.org/10.1177/1461444812442927.
3. Цзини Г. Интернет-сленг в виртуальном общении как языковой феномен // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023– Т. 16, вып. 4. – С. 1082–1088– DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230206.
4. Нишанов Я. И., Утанова Т. Г. Интернет-сленг и интернет-общение // *Вестник науки и образования*. – 2021. – № 10 (113). – Ч. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-sleng-i-internet-obschenie
5. Баранова А. Р., Ахсанова Л. Н., Моисеева А. А. Интернет-сленг // *Евразийский Союз Ученых*. – 2016. – № 4 (25). – Филологические науки. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-sleng-1
6. Kurmanbekova Z. R., Öner M. Linguistic Features of Communication and Texting in Social Networks // *Bulletin of the Eurasian Humanities Institute. Philology Series*. – 2024. – No. 2. – DOI: https://doi.org/10.55808/1999-4214.2024-2.04.
7. Wood C., Kemp N., Waldron S., Hart L. Grammatical understanding, literacy and text messaging in school children and undergraduate students: A concurrent analysis // Computers & Education. – 2014. – Vol. 70 – P, 281-290. – DOL: https://doi.org/10.1016/j.compedu.2013.09.003
8. Базарбекова Д. М., Нуржанова А. С., Баймыш Л. Қ. Интернет-сленг в молодежном языке: когнитивные и социолингвистические характеристики // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Филологические науки»*. — 2026. – Т. 95, № 1. – С. 23–36– DOI: https://doi.org/10.51889/2959-5657.2026.95.1.002.
9. Szymanska M. Linguistic creativity on digital platforms: Exploring neologism motivation on social media // Language & Dialogue. – 2026. – Vol. 16, No. 1 – P. 30-48. – DOL: https://doi.org/10.1075/ld.00218.szy

«ЖАСТАРДЫҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ МЕН МІНЕЗ-ҚҰЛҚЫ: ӘЛЕУМЕТТІК ЗЕРТТЕУЛЕР НЕГІЗІНДЕ ТАЛДАУ»

Қанатқызы Ақерке
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті 3-ші курс студенті 6В03101 - әлеуметтану, Алматы қаласы, Қазақстан
e-mail: akerke07062007@gmail.com
Ғылыми жетекші: **доцент Кылышбаева Б. Н.**

Аннотация

Бұл зерттеу жастардың экологиялық құндылықтары мен экологиялық мінез-құлқы арасындағы байланысты анықтауға бағытталған. Зерттеудің өзектілігі экологиялық мәселелердің күшеюімен және қоршаған ортаны қорғаудағы жастардың рөлімен байланысты. Зерттеу барысында экологиялық құндылықтар мен экологиялық мінез-құлықтың теориялық негіздері қарастырылып, жастардың экологиялық көзқарастары мен әрекеттері бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулер негізінде талданды. Зерттеудің негізгі әдістері ретінде екіншілік талдау және салыстырмалы талдау қолданылды. Талдауға Қазақстан жастарының құндылық бағдарларын, экологиялық көзқарастарын және экологиялық таза тұтынушылық мінез-құлқын зерттеген ғылыми еңбектер алынды. Нәтижелер экологиялық құндылықтар мен нақты әрекеттер арасында байланыс бар екенін көрсетті. Сонымен қатар қоршаған ортаны қорғауды қолдау күнделікті мінез-құлықта әрдайым толық көрініс таппайтыны анықталды. Зерттеу нәтижелері жастардың экологиялық санасын дамыту мен экологиялық жауапкершілігін арттырудың маңызын көрсетеді.

Кіріспе

Менің зерттеу тақырыбымның өзектілігі қоршаған ортаның ластануы, табиғи ресурстардың азаюы, тұрмыстық қалдықтардың көбеюі және климаттың өзгеруі сияқты қазіргі қоғамның маңызды әлеуметтік мәселелерімен байланысты. Экологиялық мәселелердің күрделенуі қоршаған ортаны қорғауға бағытталған мемлекеттік шаралармен қатар, адамдардың күнделікті өмірдегі ұстанымдары мен мінез-құлқына да назар аударуды қажет етеді. Себебі экологиялық жағдайдың өзгеруіне адамның табиғатқа деген көзқарасы, тұтыну әдеттері және қоршаған ортаға жауапкершілікпен қарауы белгілі бір деңгейде әсер етеді.

Осы тұрғыдан алғанда, жастардың экологиялық құндылықтары мен мінез-құлқын зерттеудің маңызы жоғары. Жастар әлеуметтік өзгерістерді қабылдауға бейім және қоғамдағы жаңа құндылықтардың таралуына ықпал ететін әлеуметтік топтардың бірі болып табылады. Олардың қоршаған ортаға деген көзқарасы табиғатты қорғау, ресурстарды ұқыпты пайдалану, қалдықтарды азайту және экологиялық бастамаларға қатысу сияқты әрекеттерден көрінуі мүмкін. Алайда экологиялық мәселелерді маңызды деп қабылдау мен сол көзқарасты күнделікті мінез-құлықта жүзеге асыру әрдайым бірдей бола бермейді. Адам табиғатты қорғауды қолдағанымен, іс жүзінде экологиялық талаптарға сәйкес әрекет етпеуі мүмкін. Сондықтан экологиялық құндылықтар мен нақты мінез-құлықтың арақатынасын қарастыру әлеуметтік тұрғыдан маңызды мәселе болып табылады.

Бұл мәселені түсіну үшін жастардың экологияға қатысты көзқарастары мен әрекеттерін жеке қарастыру жеткіліксіз. Әртүрлі әлеуметтік зерттеулерде алынған нәтижелерді салыстыру арқылы жастардың экологиялық құндылықтарының қандай ерекшеліктері бар екенін және олардың мінез-құлқында қаншалықты көрініс табатынын анықтауға болады. Осыған байланысты бұл зерттеуде авторлық сауалнама жүргізудің орнына бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелеріне сүйеніп, оларды екіншілік талдау арқылы қарастыру көзделеді. Мұндай тәсіл әртүрлі зерттеулердің нәтижелерін жүйелеуге және жастардың экологиялық құндылықтары мен мінез-құлқына қатысты ортақ үрдістерді анықтауға мүмкіндік береді.

Менің мақсатым бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулер негізінде жастардың экологиялық құндылықтары мен мінез-құлқын талдау және олардың арасындағы байланысты анықтау.

Зерттеудің мақсатына жету үшін бірнеше міндет қойылды. Алдымен экологиялық құндылықтар мен экологиялық мінез-құлықтың мәні түсіндіріліп, осы тақырыпты зерттеуге көмектесетін негізгі әлеуметтанулық теориялар қарастырылады. Одан кейін бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулерге сүйене отырып, жастардың қоршаған ортаға деген көзқарасы мен экологиялық құндылықтары талданады. Сонымен бірге жастардың табиғатты қорғауға қатысты іс-әрекеттері, соның ішінде қалдықтарды сұрыптау және қайта өңдеу сияқты мінез-құлық ерекшеліктері зерттеледі. Соңында экологиялық құндылықтардың жастардың күнделікті әрекеттерінен қаншалықты көрініс табатыны қарастырылып, бұрынғы зерттеулердің нәтижелері салыстырылады.

Зерттеу объектісі ретінде Қазақстан жастарының экологиялық құндылықтары мен экологиялық мінез-құлқы қарастырылады.

Зерттеудің пәні Қазақстан жастарының құндылық бағдарларындағы экологиялық құндылықтардың орны мен олардың қоршаған ортаға деген көзқарасын қамтиды.

Менің зерттеуімнің болжамдары жастардың экологиялық құндылықтары мен олардың күнделікті мінез-құлқы арасындағы байланысты анықтауға негізделеді. Ең алдымен, экологиялық құндылықтарды жоғары бағалайтын жастар қоршаған ортаны қорғауға көбірек көңіл бөледі деп болжанады. Сонымен қатар жастардың экологиялық көзқарастарының қалыптасуына олардың жалпы өмірлік ұстанымдары мен айналасындағы әлеуметтік ортасы әсер етуі мүмкін. Қазақстан жастарының арасында табиғатты қорғауға оң көзқарас танытып, экологиялық құндылықтарды қолдайтындар басым болады деген болжам да қарастырылады. Алайда қоршаған ортаны қорғауды маңызды деп санау әрдайым күнделікті әрекеттерден көріне бермеуі мүмкін. Сондықтан зерттеуде жастардың экологиялық құндылықтары мен нақты мінез-

құлқы арасында байланыс болғанымен, олардың арасында белгілі бір айырмашылық сақталады деген болжам ұсынылады.

Негізгі бөлім

Экологиялық құндылықтар дегеніміз - адамның табиғатқа, қоршаған ортаға және табиғи ресурстарға деген қатынасын анықтайтын құндылықтық бағдарлар. Олар адамның табиғатты тек өзінің қажеттіліктерін қанағаттандыратын ресурс ретінде қабылдауынан бастап, оны қорғауды және табиғи ортаның сақталуын маңызды әлеуметтік құндылық деп тануға дейінгі көзқарастарды қамтиды. Сондықтан экологиялық құндылықтарды адамның қоршаған ортаға деген жалпы көзқарасымен ғана емес, оның табиғатпен қарым-қатынасына қатысты қалыптасқан әлеуметтік ұстанымдарымен де байланысты қарастыруға болады. Экологиялық құндылықтарды түсіндіруде экологиялық әлеуметтанудың қалыптасуы маңызды орын алады. Р. Данлап пен У. Каттон адамның қоғам мен табиғи ортаның өзара байланысын зерттеуде дәстүрлі, адамды табиғи шектеулерден тәуелсіз қарастыратын көзқарастан бас тартуды ұсынды. Олар **«Жаңа экологиялық парадигма» (New Ecological Paradigm, NEP)** ұғымын дамыту арқылы қоғамның табиғи ортаның шектеулерімен тығыз байланысты екенін көрсетті. Бұл парадигма адамның табиғаттан бөлек тұрған және табиғи ортаны шексіз пайдалана алатын субъект емес екенін түсіндіруге бағытталған. Осы бағытты Р. Данлап және оның әріптестері кейін экологиялық көзқарастарды өлшеуге арналған **NEP шкаласы** арқылы дамытты. Бұл шкала адамның табиғат пен қоғам арасындағы қатынас туралы дүниетанымын анықтауға мүмкіндік береді. Яғни адамның табиғи ортаның шектеулі екенін мойындауы, табиғатқа келтірілетін зиянның қоғам үшін салдарын түсінуі оның экологиялық дүниетанымының көрсеткіштері ретінде қарастырылады. Экологиялық құндылықтарды адамның нақты әрекетімен байланыстыра қарастыруда П. Стерннің еңбегі маңызды. Оның **«New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior»** атты мақаласында экологиялық маңызы бар мінез-құлықтың себептері қарастырылады. Стерн экологиялық мінез-құлықты қоршаған ортаға әсер ететін адамның әрекеттері ретінде қарастырып, оның қалыптасуына құндылықтар, сенімдер, нормалар және басқа да жеке және әлеуметтік факторлар ықпал ететінін көрсетеді. Автор экологиялық алаңдаушылық пен нақты мінез-құлықтың арасындағы байланысты да арнайы қарастырады. Осы тұрғыдан **экологиялық мінез-құлық** дегеніміз - адамның қоршаған ортаға әсер ететін күнделікті және қоғамдық әрекеттерінің жиынтығы. Оған табиғи ресурстарды үнемдеу, қалдықтарды сұрыптау және қайта өңдеу, тұтынуды азайту, энергияны үнемдеу, экологиялық бастамаларға қатысу сияқты әрекеттер жатады. Мұндай мінез-құлықтың ерекшелігі - ол адамның экология туралы ойымен ғана емес, оның нақты іс-әрекетімен байланысты. Сонымен бірге экологиялық құндылықтардың болуы міндетті түрде экологиялық мінез-құлықтың жоғары деңгейін білдірмейді. Адам қоршаған ортаны қорғауды маңызды деп санап, экологиялық мәселелерге алаңдауы мүмкін, бірақ бұл ұстаным күнделікті әрекеттерінде толық көрінбеуі ықтимал. Стерннің теориялық тұжырымдамасы да экологиялық мінез-құлықты тек бір ғана фактор арқылы түсіндіруге болмайтынын көрсетеді: адамның құндылықтары мен сенімдері маңызды болғанымен, әлеуметтік орта, жағдай және нақты әрекет жасау мүмкіндігі де әсер етеді. Осылайша, экологиялық құндылықтар адамның **қоршаған ортаға қатысты не маңызды деп санайтынын**, ал экологиялық мінез-құлық оның **сол көзқарасын іс жүзінде қалай жүзеге асыратынын** көрсетеді. Сондықтан бұл екі ұғымды бірге қарастыру жастардың экологиялық ұстанымдары мен нақты әрекеттерінің арақатынасын түсіндіруге мүмкіндік береді. Бұл кейінгі бөлімдерде бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелерін салыстыруға теориялық негіз болады.

Жастардың экологиялық құндылықтарына қатысты көзқарастарын анықтау үшін бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелеріне жүгінуге болады. Қазақстан жастарының құндылық бағдарларын зерттеген маңызды еңбектердің бірі - Y. Buribayev, Z. Khamzina және A. Buribayeva авторларының 2025 жылы жариялаған «Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth» атты зерттеуі. Зерттеу Қазақстан жастарының құндылықтарын анықтауға бағытталған және оның нәтижелері 2018 жылғы World Values Survey деректерімен салыстырылған. Зерттеуге Алматы мен Астана қалаларындағы 18-23 жас аралығындағы 600

студент қатысқан. Зерттеу нәтижелерінде жастардың экологиялық мәселелерге деген көзқарасында оң бағыт байқалады. Атап айтқанда, жастардың шамамен 53%-ы экономикалық өсімнен гөрі қоршаған ортаны қорғауды басым қоюды қолдаған. Бұл көрсеткіш 2018 жылғы Қазақстан бойынша жалпы халықтың нәтижесінен жоғары болған: жалпы халық арасында қоршаған ортаны экономикалық өсімнен жоғары қоятындардың үлесі шамамен 44% болған. Осы айырмашылық жастар арасында экологиялық құндылықтардың жалпы қоғаммен салыстырғанда біршама күшейіп келе жатқанын көрсетеді. Сонымен бірге зерттеу жастардың экологиялық көзқарастары толық қалыптасқан және біржақты сипатта емес екенін көрсетеді. Жастар қоршаған ортаны қорғаудың маңызын мойындағанымен, экономикалық даму мәселесін де ескереді. Зерттеуде жастардың экологиялық мәселелерге қызығушылығы байқалғанымен, климаттың өзгеруі мен жаһандық жылыну сияқты кең ауқымды мәселелер туралы хабардарлық деңгейі біркелкі емес екені көрсетілген. Сондықтан жастардың экологиялық құндылықтарын «қоршаған ортаны толықтай бірінші орынға қою» деп емес, экономикалық қажеттіліктер мен экологиялық жауапкершілікті қатар қарастыратын ұстаным ретінде сипаттауға болады. Бұл нәтижелерді Қазақстандағы экологиялық көзқарастар мен экологиялық мінез-құлықты зерттеген Agissova және Sautkina-ның 2020 жылғы зерттеуі де толықтырады. Зерттеу Қазақстан тұрғындарының жеке және саяси құндылықтарының экологиялық көзқарастарға және қоршаған ортаға бағытталған мінез-құлыққа әсерін қарастырған. Зерттеуде экологиялық алаңдаушылық қоршаған ортаға қатысты нақты әрекеттермен, соның ішінде қоқыс тастамау, қайта өңдеу, экологиялық ақпарат іздеу және экологиялық азаматтық белсенділікпен байланысты болған. Бұл зерттеудің маңызды нәтижесі – экологиялық құндылықтар мен көзқарастардың нақты экологиялық мінез-құлықпен байланысы бар екені. Авторлар экологиялық алаңдаушылықтың жоғары болуы адамның проэкологиялық әрекеттерге көбірек қатысуымен байланысты екенін анықтаған. Сонымен қатар зерттеуде өзін-өзі дамытуға, әмбебаптыққа және қайырымдылыққа бағытталған жеке құндылықтардың экологиялық көзқарастармен оң байланысы байқалған. Осы екі зерттеуді салыстырғанда, Қазақстан жастары арасында экологиялық құндылықтардың қалыптасып келе жатқанын байқауға болады. 2025 жылғы жастар зерттеуінде жастардың жартысынан көбі экономикалық өсімнен гөрі қоршаған ортаны қорғауды қолдаған. Ал 2020 жылғы зерттеу экологиялық көзқарастардың нақты экологиялық мінез-құлықпен байланысты екенін көрсетті. Дегенмен жастардың экологиялық ұстанымдары әлі де экономикалық және әлеуметтік жағдайлармен қатар қарастырылады. Яғни жастар үшін қоршаған ортаны қорғау маңызды құндылыққа айналып келе жатқанымен, ол басқа құндылықтардан толық оқшауланған емес. Осылайша, бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулер жастар арасында экологиялық құндылықтарға деген оң көзқарастың бар екенін көрсетеді. Алайда экологиялық құндылықтың болуы оның күнделікті мінез-құлықта міндетті түрде толық көрінуін білдірмейді. Бұл жағдай зерттеудің келесі міндетінде жастардың нақты экологиялық мінез-құлқын жеке қарастырып, құндылық пен мінез-құлық арасындағы байланысты анықтауға мүмкіндік береді.

Жастардың экологиялық мінез-құлқын талдау үшін Қазақстанда жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелеріне сүйенуге болады. Экологиялық мінез-құлық қоршаған ортаға келетін зиянды азайтуға немесе табиғатты қорғауға бағытталған нақты әрекеттерден көрінеді. Оған қоқысты арнайы орынға тастау, қалдықтарды қайта өңдеуге өткізу, экологиялық мәселелер туралы ақпарат іздеу және талқылау, қоғамдық экологиялық іс-шараларға қатысу сияқты әрекеттер жатады. Қазақстандағы экологиялық мінез-құлықты зерттеген маңызды жұмыстардың бірі - F. Agissova және E. Sautkina-ның 2020 жылғы зерттеуі. Зерттеуге 305 Қазақстан тұрғыны қатысқан, олардың 54%-ы 18-24 жас аралығындағы респонденттер болған. Авторлар экологиялық мінез-құлықтың төрт түрін қарастырған: қоқыс тастамау, қалдықтарды қайта өңдеу, экологиялық ақпаратпен танысу және экологиялық мәселелерді басқа адамдармен талқылау, сондай-ақ қоғамдық экологиялық іс-шараларға қатысу. Зерттеу нәтижесінде экологиялық алаңдаушылықтың нақты экологиялық мінез-құлықпен байланысты екені анықталған. Экологиялық мәселелерге көбірек алаңдайтын респонденттер қоршаған ортаны қорғауға бағытталған әрекеттерді жиірек жасаған. Экологиялық алаңдаушылық экологиялық азаматтық белсенділікке, қоқыс тастамауға, қайта өңдеуге және қоғамдық экологиялық іс-

шараларға қатысуға оң әсер еткен. Сонымен қатар зерттеуде жасы кіші респонденттердің экологиялық ақпарат іздеу және қоршаған орта мәселелерін талқылау сияқты экологиялық азаматтық әрекеттерге көбірек қатысатыны анықталған. Алайда экологиялық мінез-құлықтың барлық түрінде бірдей жоғары белсенділік байқалмаған. Мысалы, зерттеудегі қайта өңдеу көрсеткішін түсіндіретін модельдің үлесі өте төмен болған. Бұл адамның экологиялық мәселеге алаңдауы қайта өңдеуге автоматты түрде әкелмейтінін көрсетеді. Яғни экологиялық көзқарастың болуы мен нақты әрекеттің арасында белгілі бір айырмашылық сақталуы мүмкін. Жастардың нақты экологиялық әрекеттерін көрсететін тағы бір зерттеу 2022 жылы Қазақстан және Ұлыбритания университеттерінің студенттері арасында жүргізілген. Lakshmi және әріптестері студенттердің қайта өңдеу мінез-құлқына ақпараттық және құрдастар ықпалының әсерін эксперимент арқылы зерттеген. Зерттеу нәтижесінде құрдастардың ықпалы қайта өңдеу әрекетіне елеулі әсер ететіні анықталған. Сонымен қатар Қазақстандық студенттерге берілген ақпараттық ықпалдан кейін олардың қайта өңдеуге қосқан үлесі артқан. Бұл жастардың экологиялық мінез-құлқында әлеуметтік орта мен басқа адамдардың үлгісі маңызды рөл атқаратынын көрсетеді. Қазақстандық жоғары сынып оқушылары арасында жүргізілген тағы бір зерттеу де жастардың экологиялық мінез-құлқының қалыптасу ерекшеліктерін түсінуге мүмкіндік береді. 2023 жылғы зерттеуде 124 оқушының экологиялық білімі, көзқарасы, хабардарлығы және экологиялық алаңдаушылығы зерттелген. Нәтижесінде оқушылардың қоршаған ортаға деген оң көзқарасы жоғары болғанымен, олардың экологиялық білімі мен хабардарлық деңгейі жеткілікті жоғары болмаған. Оқушыларды экологиялық мәселелерге бағытталған сыныптан тыс іс-шараларға қатыстыру олардың білімі мен хабардарлығын арттырған. Зерттеулерді салыстыра отырып, жастардың экологиялық мінез-құлқына бірнеше фактор әсер ететінін байқауға болады. Біріншіден, экологиялық мәселелерге деген алаңдаушылық адамның нақты әрекетке бару ықтималдығын арттырады. Екіншіден, әлеуметтік орта, әсіресе құрдастардың мінез-құлқы жастардың экологиялық әрекеттеріне ықпал етеді. Үшіншіден, экологиялық ақпарат пен білімнің болуы да мінез-құлықтың қалыптасуына жағдай жасайды. Бірақ білім мен оң көзқарастың болуы әрдайым нақты экологиялық әрекетке автоматты түрде айналмайды. Осылайша, әлеуметтік зерттеулер жастар арасында экологиялық мінез-құлықтың әртүрлі формалары бар екенін көрсетеді. Олардың ішінде қоқыс тастамау, қайта өңдеу, экологиялық ақпарат іздеу және қоғамдық экологиялық іс-шараларға қатысу сияқты әрекеттер кездеседі. Сонымен бірге бұл әрекеттердің деңгейі бірдей емес және оған экологиялық алаңдаушылықпен қатар әлеуметтік орта, ақпарат, білім және нақты жағдайлар әсер етеді. Сондықтан жастардың экологиялық құндылықтары мен олардың күнделікті мінез-құлқы арасында белгілі бір алшақтық болуы мүмкін.

Бұл зерттеуде екіншілік әлеуметтік зерттеу тәсілі қолданылды. Зерттеудің эмпирикалық негізін Қазақстан жастарының экологиялық құндылықтары мен мінез-құлқына қатысты бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелері құрады. Екіншілік талдау тәсілі дайын әлеуметтік зерттеулерде алынған деректерді қайта қарастырып, оларды зерттеудің мақсаты мен міндеттеріне сәйкес салыстыруға мүмкіндік береді.

Зерттеуде үш негізгі эмпирикалық зерттеудің нәтижелері пайдаланылды. Бірінші зерттеу – Y. Buribayev, Z. Khamzina және A. Buribayeva авторларының 2025 жылғы «Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth» атты зерттеуі. Бұл зерттеуде салыстырмалы көлденең дизайн қолданылған. Авторлар бір жағынан өздері жинаған бастапқы деректерді, екінші жағынан 2018 жылғы World Values Survey деректерін пайдаланған. Негізгі деректер Алматы және Астана қалаларындағы 18–23 жастағы 600 студент арасында құрылымдалған сауалнама арқылы жиналған. Сауалнама 2024 жылдың қазан–қараша айларында бетпе-бет жүргізілген және сұрақтар қазақ және орыс тілдерінде ұсынылған. Зерттеу нәтижелері сипаттамалық статистика, жиілік, пайыздық көрсеткіштер және салыстырмалы талдау арқылы өңделген.

Екінші зерттеу - F. Agissova және E. Sautkina-ның 2020 жылғы «The Role of Personal and Political Values in Predicting Environmental Attitudes and Pro-environmental Behavior in Kazakhstan» атты зерттеуі. Бұл зерттеуде сандық тәсіл қолданылып, онлайн сауалнама жүргізілген. Зерттеуге 305 Қазақстан тұрғыны қатысқан, олардың 54%-ы 18-24 жаста болған.

Зерттеуде жеке және саяси құндылықтар, экологиялық алаңдаушылық, жаңа экологиялық парадигма және проэкологиялық мінез-құлық өлшенген. Авторлар корреляциялық және регрессиялық талдау, факторлық талдау және құрылымдық теңдеулер моделін қолданған. Зерттеудің негізгі ерекшелігі - экологиялық құндылықтар мен экологиялық мінез-құлық арасындағы байланысты статистикалық тұрғыдан тексеруі.

Үшінші зерттеу - G. Lakshmi және әріптестерінің 2022 жылғы «Nudging student recycling behaviour: An experimental study in Kazakhstan and UK higher education» зерттеуі. Бұл жұмыста эксперименттік әдіс қолданылған. Зерттеуге Қазақстан мен Ұлыбритания университеттерінен 144 студент қатысқан: әр елден 72 студент. Қазақстанда зерттеу Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университетінде жүргізілген. Қатысушылар үш топқа бөлініп, қайта өңдеу мінез-құлқына ақпараттық ықпал мен құрдастар ықпалының әсері зерттелген. Экспериментте public good game әдісі қолданылып, студенттерге қайта өңдеуге арналған қоғамдық жобаға өз ресурстарының белгілі бір бөлігін ерікті түрде қосу мүмкіндігі берілген. Осы арқылы зерттеушілер жастардың нақты мінез-құлқына әлеуметтік норма мен ақпараттың әсерін бақылаған. Осы зерттеулерді талдау барысында салыстырмалы талдау әдісі қолданылды. Әр зерттеудің зерттеу объектісі, іріктемесі, қолданған әдісі және негізгі нәтижелері салыстырылып, олардың жастардың экологиялық құндылықтары мен мінез-құлқын түсіндірудегі ерекшеліктері анықталды. Сонымен қатар зерттеулердің нәтижелері өзара салыстырылып, экологиялық құндылықтардың нақты мінез-құлыққа айналуына әсер ететін факторлар қарастырылды.

Қорытындылай келе, жүргізілген зерттеуде жастардың экологиялық құндылықтары мен экологиялық мінез-құлқы бұрын жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелері негізінде қарастырылды. Теориялық талдау барысында экологиялық құндылықтардың адамның қоршаған ортаға деген көзқарасын қалыптастыратыны, ал экологиялық мінез-құлық осы құндылықтардың нақты әрекеттерден көрінуімен байланысты екені анықталды. Қарастырылған зерттеулер Қазақстан жастары арасында қоршаған ортаны қорғауға деген оң көзқарастың бар екенін көрсетті. Buribayev, Khamzina және Buribayeva (2025) зерттеуінде жастардың құндылық бағдарларында экологиялық мәселелерге деген қызығушылықтың байқалуы жастардың қоршаған ортаны қорғауды маңызды құндылық ретінде қабылдайтынын көрсетеді. Бұл жастар арасында экологиялық құндылықтарды қолдау бар екенін көрсетеді. Agissova және Sautkina (2020) зерттеуінің нәтижелері экологиялық алаңдаушылықтың нақты мінез-құлықпен байланысты екенін көрсетті. Қоршаған ортаға алаңдайтын адамдардың қоқыс тастамау, қайта өңдеу, экологиялық ақпарат іздеу және экологиялық азаматтық белсенділік сияқты әрекеттерге көбірек қатысатыны анықталған. Демек, экологиялық құндылықтар мен экологиялық мінез-құлық арасында белгілі бір байланыс бар. Сонымен бірге экологиялық құндылықтардың болуы адамның күнделікті мінез-құлқында әрдайым толық көріне бермейді. Қоршаған ортаны қорғауды маңызды деп санау мен сол бағытта тұрақты әрекет ету бірдей нәрсе емес. Экологиялық мінез-құлыққа жеке құндылықтармен қатар адамның әлеуметтік ортасы мен қалыптасқан жағдайлары да әсер етеді. Сондықтан жастардың экологиялық көзқарастары оң болғанымен, олардың нақты әрекеттерінде белгілі бір алшақтық сақталуы мүмкін. Жалпы зерттеу нәтижелері жастардың экологиялық құндылықтары мен экологиялық мінез-құлқы арасында байланыс бар екенін көрсетті. Экологиялық мәселелерге оң көзқарастың болуы қоршаған ортаны қорғауға бағытталған әрекеттердің қалыптасуына ықпал етеді, бірақ құндылықтың нақты мінез-құлыққа айналуы әрдайым автоматты түрде жүзеге аспайды. Бұл жастардың экологиялық санасын қалыптастырумен қатар, экологиялық әрекеттерді жүзеге асыруға қолайлы әлеуметтік жағдайлардың да маңызын көрсетеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Buribayev Y., Khamzina Z., Buribayeva A. 2025. Between traditions and globalization: Value orientations of Kazakhstani youth. Frontiers in Sociology, 10, Article 1563274.

2. Agissova F., Sautkina E. 2020. The Role of Personal and Political Values in Predicting Environmental Attitudes and Pro-environmental Behavior in Kazakhstan. Frontiers in Psychology, 11, Article 584292.

3. Рыбина Л., Гаркавенко В., Мұратқызы К., Қожахметова Д.А. 2024. Қазақстандағы миллениалдардың экологиялық таза тұтынушылық мінез-құлқы. ҚазҰУ хабаршысы. Экономика сериясы, 149(3), с. 23–33.
4. Lakshmi G., Nguyen K., Mazhikeyev A., Hack-Polay D., Anafiyayeva Z. 2022. Nudging student recycling behaviour: An experimental study in Kazakhstan and UK higher education. Journal of Cleaner Production, 377, Article 134164.
5. Tursynbayeva B.Zh., Mukhambetkaliyeva G.M., Auyesbay K.A., Baigabylov N.O. 2020. National Policy and the Media in the Formation of Environmental Awareness among Students of Kazakhstan. Media Watch, 11(3), p. 428-438.
6. Dunlap R.E., Catton W.R. 1979. Environmental sociology. Annual Review of Sociology, 5, p. 243-273.
7. Catton W.R., Dunlap R.E. 1980. A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology. American Behavioral Scientist, 24(1), p.15-47.
8. Dunlap R.E., Van Liere K.D., Mertig A.G., Jones R.E. (2000). Measuring Endorsement of the New Ecological Paradigm: A Revised NEP Scale. Journal of Social Issues, 56(3), p. 425-442.
9. Stern P.C. 2000. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. Journal of Social Issues, 56(3), p. 407-424.

Қазақ ұжымдық жадындағы дәстүрлі өмір әлемінің жоғалуы: жер, экологиялық өзгерістер және әлеуметтік трансформация

Қорғанбек Медина
Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің 1 курс студенті
Білім беру бағдарламасы: Социология (7М03101)
Ғылыми жетекшісі: Алмаш Айқынбайқызы, PhD, аға оқытушы

Аннотация

Ғылыми жұмыста қазақ қоғамындағы дәстүрлі өмір әлемінің трансформациясы, жердің сакралды-шаруашылық маңызы және экологиялық өзгерістердің ұжымдық жадқа ықпалы жан-жақты қарастырылады. Ю. Хабермас, М. Хальбвакс және А. Лефеврдің теориялық тұжырымдарына сүйене отырып, кеңістіктің әлеуметтік өндірілуі, сондай-ақ отарлау, кеңестік ұжымдастыру және тәуелсіздік кезеңдеріндегі жүйелі өзгерістер талданады. Жұмыста материалдық тәжірибелер мен көшпелі өмір салты бұзылғанымен, ұжымдық жад бен кеңістіктік символдар өткенді қайта пайымдап, халықтың мәдени бірегейлігі мен ұрпақтар сабақтастығын сақтап қалудың басты тетігіне айналатыны көрсетіледі.

Қазақ қоғамы үшін жер – тек шаруашылық ресурсы емес. Дала мен жайылым, көш жолы мен қыстау, су көзі мен ата-баба зираты – бәрі бірге адамның әлемдегі орнын айқындайтын мағыналар жүйесін құраған. Мал өсіру, көшіп-қону, туыстық өзара көмек және табиғат туралы тәжірибелік білім бір-бірінен бөлек салалар емес, күнделікті өмірдің біртұтас желісі еді. Сондықтан жерге қатынастың өзгеруі тек шаруашылық түрінің ауысуын білдірмейді: ол адамдардың бір-бірімен және өткенімен байланысу тәсіліне де әсер етеді.

Әлеуметтану тұрғысынан алғанда, экологиялық өзгерістерді табиғи ортаның күйі деп қана қарау жеткіліксіз. Жайылымның азаюы, көш жолының үзілуі немесе қоныстың тұрақтануы – әлеуметтік байланыстардың, білім берудің және мәдени мағыналардың қайта құрылуымен қатар жүретін үдеріс. Қазақстандағы жерді пайдалану тарихы жан-жақты зерттелген, алайда бұл еңбектер көбіне шаруашылық пен саясат деңгейінде қалады. Жерді пайдалану тарихын күнделікті өмір әлемімен және жадтың ұрпақтан ұрпаққа берілу тетігімен байланыстыру қажеттілігі әлі толық орындалмаған.

Ю. Хабермас өмір әлемін адамдар әңгімелесу мен бірлескен әрекет барысында өздігінен түсінікті деп қабылдайтын мағыналар, нормалар және білім қоры ретінде түсіндіреді (Habermas, 1987). Бұл қор тілде, әдет-ғұрыпта, тәрбиеде және күнделікті қарым-қатынаста жаңғырып отырады. Мәселе мынада: материалдық жағдай өзгеріп, бұрынғы тәжірибелер бұрынғы түрінде

қайталанбай қалғанда, соған сүйенген мағыналар жүйесі не болады? Егер мал бағу, көшу және жер туралы біліміне сүйенетін өмір тәртібі әлсіресе, онымен бірге оны ұстап тұрған түсініктер де өзгереді.

Хабермас өмір әлемін үш құрамдас бөлікке бөледі: мәдениет (білім мен мағыналар қоры), қоғам (өзара қатынастарды реттейтін нормалар) және тұлға (әлеуметтену мен құзыреттілік). Бұл үш бөлік бір-бірінен бөлек жұмыс істемейді: тұрмыстағы әр күнделікті әрекет білімді жаңғыртады, нормаларды растайды және адамның өзін-өзі тануына әсер етеді. Жайылымды таңдау, көшудің уақытын белгілеу, туысқа көмектесу сияқты тәжірибелер де осы үш бөлікті қатар қамтиды. Сондықтан өмір әлемінің бір тұсы бұзылса, қалған тұстарына да із түседі.

Хабермас өмір әлемін «жүйеден» ажыратады. Жүйе деп ол ақша мен билік арқылы реттелетін салаларды, яғни нарық пен мемлекеттік басқаруды атайды. Оның пікірінше, жүйенің талаптары өмір әлеміне енген кезде («өмір әлемінің отарлануы») адамдар өзара келісіммен құрған мағыналық тәртіпті әкімшілік және экономикалық логика ығыстыра бастайды. Бұл ойды Қазақстан материалына қолдану – тек талдамалық болжам: жоспар, санақ және міндетті көрсеткіштер арқылы жүзеге асқан мемлекеттік басқару ауыл тұрғындарының көп ғасырлық келісім тәсілдерін қалай өзгерткенін осы тұрғыдан сұрауға болады.

Алайда бұл тәсілдің шегін де ескеру қажет. Хабермас негізінен қазіргі Батыс қоғамдарын талдады, сондықтан оның ұғымдарын көшпелі қоғамға тікелей көшіру үшін сақтық керек. Сонымен бірге өмір әлемін үйлесімді, дау-дамайсыз ортақ тәртіп деп елестетуге болмайды. Масанов атап өткендей, көшпелі қоғамда да мүліктік теңсіздік пен билік иерархиясы болған (Масанов, 1995). Сондықтан «жоғалған өмір әлемі» туралы сөз қозғағанда, оның біртекті болмағанын және әр топ үшін әртүрлі мағына бергенін естен шығармаған жөн.

М. Хальбвакс жадты жеке адамның ішкі қасиеті емес, әлеуметтік топтың өнімі деп қарайды: адам өткенді өзі тиесілі қауым берген «шеңбер» арқылы еске алады (Halbwachs, 1992). Бұл тұрғыдан жер туралы естеліктер отбасылық әңгімелерде, жер-су атауларында, шежіреде және қоғамдық талқылауда сақталуы, өзгеруі немесе назардан тыс қалуы мүмкін. Қауымның өмір сүру тәсілі өзгерген сайын жадтың әлеуметтік шеңбері де өзгереді, сондықтан бір естелік әр кезеңде әртүрлі мағына алады.

Хальбвакс жад пен тарихты бір-бірінен ажыратады. Оның пікірінше, тарих өткенді сырттан, бір-біріне ұқсамайтын оқиғалар тізбегі ретінде жазады, ал ұжымдық жад тек сол топ тірі кезінде ғана жалғасады және өткенді топтың өз мүддесі мен өмір тәжірибесі арқылы таңдайды. Сондықтан жадты зерттегенде «не болды?» деген сұраққа қоса, «кім, қай кезде және не үшін еске алады?» деген сұраққа жауап іздеу керек.

Хальбвакстың екінші маңызды ойы жадтың кеңістікпен байланысына қатысты. Топ белгілі бір орында тұрақтағанда, оның естеліктері сол орынның бейнелеріне байланады. Жер, қыстау, құдық, бейіт немесе көш жолы тек географиялық нүкте емес, өткенді еске түсіретін белгі болады. Егер топ бұл жерлермен күнделікті байланысын жоғалтса, жад осы тірек белгілерінен айырылады: оны сақтау үшін ауызша әңгіме, ән, шежіре немесе еске алу рәсімі сияқты басқа тәсілдер қажет болады. Бұл жерде жад үнемі жоғалады деген қорытынды шықпайды. Ол басқа арналар арқылы сақталуы да, өзгеріп жаңғыруы да мүмкін.

Мәдени жарақат теориясы бұл ойды ұзақ мерзімді салдарға қарай дамытады. Александер мен оның әріптестері ауыр оқиғаның өзі автоматты түрде ортақ жарақатқа айналмайтынын көрсетеді: бұл үшін оны атап, түсіндіріп, жауапкершілікті анықтайтын қоғамдық топтар керек (Александер және т.б., 2012).

А. Лефевр кеңістікті дайын мекен емес, әлеуметтік қатынастардың өнімі деп санайды (Lefebvre, 1991). Жер бір мезгілде күнделікті өмір орны, шаруашылық ресурсы, мемлекеттік басқару нысаны және мәдени белгі болады. Сондықтан аумаққа қолжетімділік пен оны пайдалану тәсілі өзгерсе, әлеуметтік қатынастар да, жердің мағынасы да өзгереді. Бұл тәсіл мемлекеттің кеңістікті «оқылатын» әрі басқарылатын етуге ұмтылуы туралы Дж. Скотт идеясымен үндеседі (Скотт, 2005).

Лефевр кеңістікті өндіру үдерісін үш қабатқа бөліп қарастырады. Бірінші қабат – кеңістіктік практика, яғни адамдардың күнделікті әрекеттері арқылы қалыптасатын кеңістік: көш, мал айдау, су көзіне бару. Екінші қабат – кеңістіктің бейнелері: жоспарлаушылар,

әкімшілер және ғалымдар жасайтын карта, сызба, аумақтық бөлініс. Үшінші қабат – өмір сүретін кеңістік, ол символдар мен естеліктер арқылы тұрғындардың өз тәжірибесінде мағына алады. Бұл үш қабат бір-біріне сәйкес келмеуі мүмкін, ал олардың арасындағы қайшылық әлеуметтік шиеленістің көзіне айналады.

Мұны қазақ даласына қолдансақ, жайылым бір мезгілде үш түрде көрінеді. Малшы үшін ол маусымдық көш пен мал бағу практикасы. Мемлекет үшін ол есепке алынатын, бөлінетін және жоспарланатын аумақ. Ал отбасы мен қауым үшін ол ата-баба жері, туған жер, еске алу орны. Скоттың «оқылымдылық» ұғымы (Скотт, 2005) мемлекеттің екінші қабатты, яғни карта мен жоспар арқылы басқаруды бірінші қабаттың есебінен күшейтетінін түсіндіреді. Лефевр бұл құбылысты кеңістіктің «абстрактілі» болуы деп атайды: кеңістік өмір тәжірибесінен гөрі басқару нысанына айналады.

Кервен, Робинсон және Бенке қазақ даласындағы мал шаруашылығының экологиялық жағдайлармен және әлеуметтік ұйымдасумен тығыз байланысты болғанын көрсетеді (Kerven et al., 2021). Маусымдық көш, жайылымға қолжетімділік және туыстық желі шаруашылықтың тірегі болды. Н.Э. Масанов бұл жүйені табиғи ортаның әркелкілігіне жауап беретін күрделі өмір ұйымы ретінде сипаттайды (Масанов, 1995). Мұнда табиғат туралы білім, туысқа сүйену, келіссөз жүргізу қабілеті және мал – бір-бірінен ажырамас байланыста тұрды. Дегенмен бұл қоғамды үйлесімді әрі теңдікке құрылған жүйе деп көрсетуге болмайды: мүліктік теңсіздік, билік иерархиясы және өңірлік айырмашылықтар сол кезде де болған.

Дәстүрлі жайылымды пайдалану маусымдық циклге сүйенді: көктеу, жайлау, күзеу және қыстау арасындағы көш мал азығының, су көзінің және ауа райының әркелкілігіне бейімделген тәсіл болды. Мұндай жүйеде жерді жекеменшікке бөлу емес, оған қолжетімділікті әдет-ғұрып және қауымдар арасындағы келісім арқылы реттеу маңызды болды. Яғни жер тек өндіріс құралы емес, туыстық қатынастар мен өзара міндеттемелердің де тірегі еді. Мұны Масановтың мобилдікті шаруашылықтың сыртқы белгісі емес, ресурстар мен әлеуметтік байланыстарды біріктіретін тетік деген тұжырымымен байланыстыруға болады (Масанов, 1995).

Өмір әлемі тұрғысынан алғанда, бұл жүйедегі білім де маңызды. Көш жолын, жайылымның күйін, ауа райының өзгеруін және мал түліктерінің қажеттілігін білу ұрпақтан ұрпаққа іс жүзінде, яғни малшылық еңбекке қатысу арқылы берілді. Мұндай білім кітапта жазылмағандықтан, оның берілуі күнделікті практикаға тікелей тәуелді. Демек, практика азайған сайын білім де әлсірейді. Кервен мен әріптестері бұл мәселені жайылымдық шаруашылықтың әлеуметтік ұйымдасуына қатысты талдайды, ал бізге олардың жұмысы жерді пайдалану мен әлеуметтік форманың өзара байланысын көрсететін негізгі дерек болып отыр (Kerven et al., 2021).

Отарлық кезең, кеңестік ұжымдастыру және тәуелсіздік жылдарындағы жерді қайта бөлу бір-біріне ұқсамайтын тетіктер арқылы жүрді, сондықтан оларды «жоғалтудың» жалпы тізбегіне қосып жіберуге болмайды. Кеңестік кезеңде күштеп ұжымдастыру мен тәркілеу малға және жайылымға қолжетімділікті күрт өзгертті, ал мемлекет жергілікті өмірді санақ, жоспар және аумаққа бекіту арқылы басқарды (Қозыбаев және т.б., 1992; Абылхожин, 1997). Халық бұған бейжай қарамады: Т. Омарбеков қарсылықты өз меншігі мен өмір сүру мүмкіндігін қорғау әрекеті ретінде көрсетеді (Омарбеков, 1994). Кеңестік кезеңде шаруашылық ірі мемлекеттік құрылымдарға сүйенді, ал 1990-жылдардағы жекешелендіру мен ыдырау нәтижесінде мал басы мен жайылымды пайдалану тәртібі тағы да өзгерді; Кервен мен әріптестері осы өзгерістердің жайылымды пайдалануға және шаруашылықтың әлеуметтік формаларына әсерін талдайды (Kerven et al., 2021). Әр кезеңде мобилдікке, ресурсқа және туыстық байланысқа қатысты тетік әртүрлі болды.

Кезеңдердің айырмашылығын төмендегі кестеде жинақтап көрсетуге болады.

1 Кесте – аналитикалық болжам, оның әр жолы жеке тарихи зерттеулермен нақтылануы тиіс.

Кезең	Жерді басқару тетігі	Әлеуметтік ұйымның өзгеруі	Өмір әлеміне ықтимал әсері
Отарлық кезең	аумақтық және әкімшілік бөлу, жайылымды пайдалануды шектеу	қауымдардың жерге қолжетімділігі мен көш бағыттарының өзгеруі	мобилдікке негізделген тәжірибенің ішінара тарылуы
Кеңестік	тәркілеу, күштеп	мал мен жердің мемлекеттік	өмір сүру тәртібінің күрт

Кезең	Жерді басқару тетігі	Әлеуметтік ұйымның өзгеруі	Өмір әлеміне ықтимал әсері
кезең	ұжымдастыру, жоспарлау, колхоздар	құрылымдарға өтуі, туыстық желілердің әлсіреуі	бұзылуы, жаңа институттарға тәуелділік
Тәуелсіздік кезеңі	шаруашылықты жекешелендіру, ірі ұжымдық құрылымдардың таралуы	отбасылық шаруашылықтың рөлі, жаңа жер пайдаланушылар	тәжірибенің жартылай қайта жаңғыруы және жаңа қолжетімділік теңсіздігі

Осы бөлуге сәйкес, бірінші кезеңде басты ерекшелік – жерге қолжетімділіктің шектелуі, екінші кезеңде – меншік пен еңбекті ұйымдастырудың түбегейлі өзгеруі, үшінші кезеңде – шаруашылық пен жерді пайдалану формаларының қайта құрылуы. Қозыбаев, Алдажұманов және Абылхожин кеңестік кезеңдегі зорлық пен тәркілеуді құжаттар негізінде көрсетсе (Қозыбаев және т.б., 1992), Абылхожин оны ұзақ мерзімді әлеуметтік-экономикалық үдеріс ретінде түсіндіреді (Абылхожин, 1997). Тәуелсіздік кезеңіндегі өзгерістер туралы Кервен мен әріптестері жайылымдық шаруашылықтың қайта құрылуын талдайды (Kerven et al., 2021). Мұндай бөлу бір кезеңнің екіншісінен кейін толық «жоғалту» әкелгенін емес, әр кезеңде өзгерістің басқа механизм арқылы жүргенін көрсетеді.

Жайылымның нашарлауы және жерді пайдалану үлгісінің өзгеруі – тек табиғи апат емес, әлеуметтік шешімдердің де салдары. Мысалы, елді мекен маңындағы жайылымға салмақтың артуы мен алыс жайылымдардың аз пайдаланылуы мобилдіктің қысқарғанын және қолжетімділіктің әркелкі болғанын көрсетеді. Семей өңірі мен Арал теңізі сияқты аумақтарды қосымша мысал ретінде қарастыруға болады, бірақ бұл үшін олар туралы жеке зерттеулерге сүйену қажет. Мұндағы маңызды сұрақ – экологиялық өзгерістерді санамалап шығу емес, олар қоғамның жермен байланысы туралы не айтатынын анықтау.

Жайылымның күйі мен жерді пайдалану үлгісінің өзгеруі өмір әлемі тұрғысынан үш сұрақ туғызады. Бірінші, жерге қолжетімділік қалай өзгерді және оның теңсіздігі кімге қатысты болды? Екінші, бұл өзгеріс малшылардың көш, мал бағу және қауымдық келісім тәжірибесіне қалай әсер етті? Үшінші, жердің күйі туралы естеліктер мен баға қалай қалыптасады: оны «қолайлы өткен» деп бағалау ма, әлде жаңа жағдайға бейімделу ретінде түсіну ме?

Семей өңірі мен Арал теңізі аумағы сияқты жағдайларды қосымша мысал ретінде қарастыруға болады. Бірақ бұл жерде жеке зерттеулерге сүйену керек, өйткені олардың салдары, тұрғындардың тәжірибесі мен жад жағдайы жайылымдық шаруашылықтан өзгеше. Сондықтан бұл жұмыста олар тек бағыт ретінде аталады және нақты қорытынды жасалмайды. Негізгі мақсат – экологиялық өзгерістерді нақты зардаптар тізімі ретінде емес, қоғам мен жер арасындағы байланыстың сынақ нүктесі ретінде қарау.

Біріншіден, дәстүрлі өмір әлемінің жоғалуын ұжымдық жадтың толық жойылуымен теңеуге болмайды. Жад өткенді өзгерген түрде сақтайды: естелік, символ және атау жаңа жағдайда басқа қызмет атқарады. Сондықтан зерттеудің міндеті «не жоғалды? » деген сұраққа шектелмей, «не, қандай түрде және кімнің арқасында сақталды? » деген сұраққа жауап іздеуі керек.

Екіншіден, экологиялық өзгерістерді тарихи және институттық үдерістерден бөлек қарауға болмайды. Жайылымның күйі жер иелену тәртібімен, мемлекеттік саясатпен және шаруашылықтың ұйымдасу тәсілімен бірге қарастырылғанда ғана түсінікті болады.

Үшіншіден, ұсынылған түсіндірменің шегі бар. Ол негізінен әдебиетті талдауға сүйенген, сондықтан нақты отбасылар мен өңірлердегі жадтың қалай жұмыс істейтінін көрсете алмайды. Бұл мәселені тексеру үшін сұхбат, отбасылық нарративтер, ауызша тарих және қоғамдық талқылауларды талдау қажет. Негізгі қағида: дәстүр – өзгермейтін жүйе емес, ал ұжымдық жад өткенді өзгерген түрде сақтай алады.

Зерттеу қазақ қоғамындағы дәстүрлі өмір әлемінің трансформациясы жай ғана экономикалық немесе шаруашылық формалардың алмасуы емес, ол – адам мен кеңістік арасындағы онтологиялық байланыстың, әлеуметтік құрылым мен ұжымдық жадтың түбегейлі қайта құрылу үдерісі екенін көрсетті. Ю. Хабермастың «өмір әлемі», М. Хальбвакстың «ұжымдық жад» және А. Лефеврдің «кеңістікті әлеуметтік өндіру» теорияларын біріктіре отырып қарастырғанда, жердің тек материалдық ресурс емес, халықтың тарихи жадын сақтайтын басты темірқазық екені айқындала түседі.

Тарихи кезеңдердегі (отарлау, кеңестік ұжымдастыру және тәуелсіздік жылдарындағы) саяси-әлеуметтік сілкіністер мен экологиялық өзгерістер дәстүрлі көшпелі өмір салтының тізбегін бұзғанымен, ұжымдық жад бұл өзгерістерді тек жоғалту ретінде емес, жаңа жағдайға бейімделу мен символдық тұрғыдан қайта пайымдау тетіктері арқылы сақтап қалды. Күнделікті тәжірибелер үзілгенімен, жер туралы ұғым, ата-баба рухына құрмет және мәдени кодтар жадтың әлеуметтік шеңберлері арқылы ұрпақтан-ұрпаққа беріле береді.

Бұл жұмыстың негізгі теориялық және практикалық мәні – этноэкологиялық мұра мен тарихи жадты тек өткеннің көлеңкесі ретінде емес, бүгінгі қоғамның мәдени бірегейлігін түсінудің кілті ретінде қарастыру қажеттілігін көрсетуінде. Алдағы уақытта бұл аналитикалық үлгіні нақты ауызша тарих (oral history), отбасылық нарративтер және өңірлік эмпирикалық зерттеулермен толықтыру ғылыми айналымға қосылар құнды үлес болмақ. Жер уақыт пен кеңістікті байланыстыратын жад мекені ретінде қазақ қоғамының рухани сабақтастығын әрқашан айқындай береді.

Әдебиеттер тізімі

1. Абылхожин, Ж.Б. (1997). *Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век*. Алматы: Тұран.
2. Александер, Дж., Айерман, Р., Гизен, Б., Смелзер, Н. және Штомпка, П. (2012). *Культурная травма и коллективная идентичность*. Москва: Новое литературное обозрение.
3. Қозыбаев, М.Қ., Алдажұманов, Қ.С. және Абылхожин, Ж.Б. (1992). *Қазақстандағы күшпен коллективтендіру: қорлық пен зорлық*. Алматы: Қазақстан Республикасы Ғылым академиясы.
4. Масанов, Н.Э. (1995). *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества*. Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт.
5. Омарбеков, Т. (1994). *Зобалаң: күштеп ұжымдастыруға қарсылық, 1929–1931 жылдары болған халық наразылығы*. Алматы: Санат.
6. Скотт, Дж. (2005). *Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. Москва: Университетская книга.
7. Habermas, J. (1987). *The Theory of Communicative Action, Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.
8. Halbwachs, M. (1992). *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Kerven, C., Robinson, S. and Behnke, R. (2021). Pastoralism at scale on the Kazakh rangelands: from clans to workers to ranchers. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, 4, 590401.
10. Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ: ТАТАРСКИЕ И БАШКИРСКИЕ СЛУЖАЩИЕ В ИМПЕРСКОМ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПЬЮ (XVIII–XIX вв.)

Ли В.В.
Студент 3-го курса ОП 6В01601 – История,
Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова
г. Актобе, Казахстан
e-mail: vova20053005@bk.ru
Научный руководитель: к.и.н., ассоциированный профессор Бегимбаева Ж.С.; м.г.н., преподаватель кафедры истории Насыров Р.Т.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность татарских и башкирских переводчиков, письмоводителей и мулл в системе имперского управления Казахской степью в XVIII–XIX вв. На основе литературы и архивных документов показано, как в условиях колониальной политики формировалась практика межкультурного посредничества, опиравшаяся на общий язык, религиозную близость и обмен знаниями. Выявлены два этапа

политики империи в отношении посредников и причины их вытеснения к 1890-м гг. Сделан вывод, что опыт посредничества, при всей его двойственности, заложил ценности диалога и сохранения языкового многообразия, значимые для современного Казахстана.

Ключевые слова: межкультурный диалог, веротерпимость, посредничество, Казахская степь, Оренбургский край, переводчики, письмоводители.

Введение

Актуальность. Ценности межкультурного диалога, толерантности и уважения к культурному многообразию лежат в основе современного казахстанского общества, исторически многонационального и поликультурного. Их корни уходят не только в современную политику, но и в длительный опыт совместной жизни народов. Особый интерес здесь представляет Западный Казахстан: благодаря трансграничному положению он был контактной зоной с Волго-Уральским регионом и важным центром политогенеза и культурогенеза народов Евразии. В XVIII–XIX вв. в этой зоне сложился опыт взаимодействия казахов, татар и башкир в условиях имперского управления. Его носителями стали посредники: переводчики, толмачи, письмоводители и мусульманское духовенство из татар и башкир.

Деятельность посредников была двойственной. Объективно она отвечала целям империи – продвижению в Среднюю Азию и укреплению контроля над Степью. Но одновременно она создавала пространство общения на общем языке и общей религиозной основе, способствовала обмену знаниями и формированию первой генерации казахской, татарской и башкирской интеллигенции. Именно эта двойственность делает сюжет важным для понимания того, как ценности диалога складываются внутри неравных, колониальных по своей природе отношений.

Историография. Вопросы имперского управления Степью освещены в обобщающих и специальных трудах. Важное место занимает наследие Ч. Валиханова: его наблюдения о механизмах власти, роли элиты и взаимодействии казахского общества с администрацией [1] создают контекст, в котором действовали посредники, хотя служащих как особую группу он не изучал. Региональный аспект разработан Г.С. Султангалиевой: она рассматривает Западный Казахстан как зону этнокультурных и конфессиональных контактов и отдельно изучает татарских и башкирских переводчиков и письмоводителей [2; 3]. В трудах Н.Э. Масанова анализируются социальная структура казахского общества и колониальная политика империи [4], но тюркоязычные служащие в них не выделяются в самостоятельный объект. Р.Ю. Почекаев показал многоуровневый характер включения Степи в имперское правовое пространство и значение посреднических практик [5]; С.В. Любичанковский исследовал механизмы управления культурно-гетерогенным пространством [6]; Г.Б. Избасарова разобрала казахско-башкирские контакты XVIII в. [7]. Вместе с тем комплексное участие мусульманских посредников (мулл, переводчиков, письмоводителей) в управлении Степью чаще рассматривается фрагментарно, в рамках более широких сюжетов, что и определяет новизну настоящей работы.

Цель работы: выявить роль татарских и башкирских служащих в формировании сословно-бюрократической системы империи в Казахской степи и показать, какие ценностные основания межкультурного диалога сложились в этой практике.

Задачи текущего исследования: 1. Показать роль татарских и башкирских мулл, переводчиков и письмоводителей как посредников между имперской властью и казахским обществом; 2. Выяснить причины замены татарских и башкирских письмоводителей русскими и казахскими служащими в низовых звеньях управления; 3. Проследить, как разрабатывалась система подготовки письмоводителей из казахов, способных вести делопроизводство на русском языке; 4. Определить ценностное наследие посредничества и его значение для современности.

Хронологические рамки охватывают XVIII–XIX вв., когда активизировалась восточная политика России и усилилось стремление к культурной и административной унификации империи. Территориальные границы: Южный Урал и Западный Казахстан (Тургайская и Уральская области), находившиеся в едином пространстве Оренбургского края и связанные общим управлением, соседством и компактным проживанием мусульманских народов.

Методы и источники. Методологическую основу составляют принципы историзма, объективности и системности. Использованы источниковедческая критика, проблемно-хронологический и историко-сравнительный подходы, позволяющие сопоставить нормативные установки власти с реальными управленческими практиками. Источниковую базу образуют неопубликованные документы Государственного архива Актюбинской области (фонд № 1248) [8] и статистический сборник «Обзор Тургайской области», выходивший как приложение к отчётам военного губернатора [9]. Такие отчёты фиксируют хозяйственное и демографическое состояние края и методы наблюдения и учёта, применявшиеся администрацией, и потому позволяют увидеть, как империя «читала» Степь.

1. Контактная зона и условия посредничества

На рубеже XVII–XVIII вв. казахские жузы имели самую протяжённую границу с Российской империей. Распространение российского суверенитета в сопредельных регионах ещё не завершилось: вдоль Яика на расстоянии около 600 вёрст стояли лишь два русских укрепления, Яицкий городок и Гурьев, а в 1725 г. к ним добавилась Сакмарская станица [10, 116]. Власть на этих рубежах была слабой, и поэтому большую роль играли те, кто мог договариваться: знал языки, обычаи и умел выстраивать связи между сторонами.

Освоение Южного Урала привело к учреждению в 1744 г. Оренбургской губернии [2, 27], которая в 1781 г. была преобразована в Уфимское наместничество, а в 1796 г. вновь стала губернией [2, 30]. Для решения вопросов русско-казахских и русско-среднеазиатских отношений в конце XVIII в. в Оренбурге была создана Пограничная комиссия, своеобразный филиал внешнеполитического ведомства. Её задачи включали укрепление связей со Степью, безопасность торговли с Азией и изучение природы, истории и быта казахов. Фактически это был институт, который нуждался в посредниках постоянно.

В 1860-е гг. сложилась единая система военно-административного управления. По «Временному положению» 1868 г. в Оренбургское генерал-губернаторство вошли Уральская и Тургайская области [2, 37]. Вся полнота гражданской и военной власти сосредоточилась в руках военных губернаторов и уездных начальников; коренное население допускалось к управлению лишь на низшем уровне, в должностях волостных управителей и аульных старшин, чьи полномочия ограничивались распорядительными и полицейскими функциями. Эта система отстраняла казахов от решения важнейших вопросов, и тем заметнее становилась роль тех, кто стоял между властью и обществом.

Важной особенностью региона был язык. Среда Южного Урала и казахских степей в культурно-языковом отношении была преимущественно тюркской; у большинства местных групп отсутствовала собственная письменность, приспособленная к разговорной речи, поэтому в качестве письменного идиома использовался среднеазиатский (чагатайский) тюрки. Он был общим средством межкультурной и административной коммуникации для татар, башкир, казахов, узбеков, киргизов и уйгуров, при том что каждый народ сохранял собственную разговорную речь [11, 8–9]. Общий письменный язык создавал коммуникативную основу диалога между группами региона и между местными элитами и имперской властью [11, 8–9]. Не менее важной была торговля: среди татар Тургайской области 30,2% были заняты торговлей, что превышало показатели центральных губерний, и именно татарские торговцы связывали уездные города и Степь [12, 18–19].

2. Веротерпимость как политика: «татарские» муллы в Степи

Продвижение России в Среднюю Азию заставляло правительство урегулировать отношения с мусульманскими народами [13, 20–23]. Принцип веротерпимости, провозглашённый Екатериной II в 1773 г., должен был обеспечить лояльность тюрко-мусульманских подданных [13, 20–23]. Важно подчеркнуть двойственность этого шага: веротерпимость выступала и как ценность, и как инструмент. Мусульманских улемов императрица рассматривала как орудие политики не только на Волге и Южном Урале, но и в Степи. Сторонники этого курса считали, что знание языка и обычаев казахов, принадлежность к единой конфессиональной системе и давние татаро-башкиро-казахские связи делают представителей «татарского мира» естественными посредниками в интеграции Степи в состав империи.

Первыми шагами стали указы 1782 и 1784 гг. о строительстве мечетей, а затем указы 1785 и 1787 гг. о снабжении казахских родов «татарскими» муллами, преимущественно выходцами из Казанской губернии. Чтобы контролировать их деятельность, в 1788 г. в Уфе было образовано Оренбургское магометанское духовное собрание во главе с муфтием М. Гусейновым. Собрание принимало экзамены у претендентов, отбирало «благонадёжных», выдавало разрешения на строительство мечетей и надзирало за законоучителями. Выдержавшие испытание становились «указными муллами» и отправлялись в Степь как официальные представители империи; их функции не ограничивались религиозными и включали воспитание единоверцев в духе лояльности [13, 20–23].

На практике «татарский» мулла выступал связующим звеном между российской властью и казахской знатью, а татарский язык служил одним из языков дипломатической переписки и устного перевода. Присяга казахской знати на верноподданство (1738, 1740, 1742 гг.) и официальные приёмы ханов и султанов проходили в присутствии татарского духовенства. После принятия «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. муллы направлялись в степные округа для разъяснения его положений, а в 1824 г. мулла М.Ш. Абдрахимов принял присягу у Аблая Габбасова, старшего султана Кокчетавского окружного приказа [14, 482]. Знатные казахи сами ходатайствовали о назначении к ним мулл: те читали им предписания пограничного начальства, составляли ответы и обучали детей грамоте и основам веры. Мулла был ещё и арбитром в спорах между родами и между казахами и русскими, и эта функция высоко ценилась самими казахами. Там, где был мулла, как правило, существовала и школа; казахские дети учились в медресе Сеитовского посада, Стерлитамака, Уфы и Казани, а медресе при ханской ставке Внутренней Орды привлекало учителей из ряда губерний. К середине XIX в. во Внутренней Орде насчитывалось 38 мусульманских школ с 400 учащимися, из них 350 казахов; образованным человеком среди казахов мог стать преимущественно тот, кто владел татарской грамотой [14, 485].

Эта практика вызывала и критику. Ч. Валиханов, оценивая «татарское просвещение», писал о «мёртвой схоластике, способной только тормозить развитие мысли и чувств» и предлагал заменить татарские школы русскими [1, 113]. Вместе с тем он отмечал, что под влиянием татарских мулл казахская «народность» всё более принимает «общемусульманский тип» [15, 16]. Эти суждения стоит воспринимать критически, как личную оценку просветителя, но они показывают, что уже в XIX в. вопрос о том, какое просвещение и какие ценности несут посредники, был предметом спора.

С середины XIX в. политика империи изменилась. Ещё в первые десятилетия века чиновники отвечали на ходатайства знати о применении шариата, что это затруднит «усвоение начал общего государственного порядка». После завоевания Средней Азии Степь стала казаться властям уже достаточно интегрированной, и в документах появилась последовательная постановка вопроса о «татарском засилье» как об угрозе интересам империи на юго-востоке. Положение 1868 г. разрешало в каждой волости только одного муллу, и притом исключительно казахского происхождения, с одной мечетью на волость [16, 86–87]. «Татары» оставались муллами при соборных мечетях в местах компактного проживания выходцев из Поволжья и Южного Урала: в Кустанае, Уральске, Актюбинске, Иргизе, Темире и Тургае. Власть при этом противодействовала религиозному объединению мусульман Степи, но общины действовали и сами: на собственные средства они открыли в 1911 г. школу для девочек-мусульманок в Актюбинске, а в 1912 г. медресе в Кустанае. Так «татарские» улемы, сначала включённые империей в управление Степью как посредники, затем были из этой системы вытеснены.

3. Переводчики и письмоводители: служба, знание и пределы доверия

В XVIII в. управление Оренбургской губернией определялось её приграничным положением: здесь находились земли Башкирского, Яицкого и Оренбургского казачьих войск, а также казахов Младшего и Среднего жузов. Нехватка переводчиков заставила правительство набирать переводчиков, толмачей и письмоводителей из татар и башкир. Это открывало представителям двух народов путь в сословно-бюрократическую систему империи: должности были государственными, и в XVIII в. на них утверждала Коллегия иностранных дел, а позднее оренбургский военный губернатор.

Работа переводчика была сложнее простой передачи слов. Как отмечал М. Усманов, при работе с документами требовалось воспроизвести смысл специальных терминов, скрытые коннотации и стилистику текста, а в многоэтничном и многоконфессиональном пограничье с устойчивыми межгрупповыми противоречиями это было ответственной задачей [11, 9]. П. Золотов подчёркивал, что их выбирали «со строгой осмотрительностью, основанной не столько на книжном знании, сколько на способностях, ловкости, благонадёжности» [3, 73]. С XVIII в. складывается династия татарских и башкирских переводчиков: Бигловы, Батыршины, Аитовы, Еникеевы, Субханкуловы, начинавшие с регистраторов и младших толмачей и дослужившиеся до высоких наград и рангов. По данным А.В. Васильева, в 1825 г. в штате Оренбургской пограничной комиссии было десять служащих из татар и башкир: два переводчика, три толмача и пять конфидентов [3, 74]. Должности переводчиков и толмачей занимали войсковые башкиры из дворян и мурз, получавшие среднее образование в татарской школе, а позднее в Оренбургском кадетском корпусе; рядовые башкирских кантонов были в основном письмоводителями [3, 74].

Функции посредников были многоаспектными. Они готовили официальные донесения, участвовали в переговорах и дипломатических миссиях, следили за «нравами и обычаями степной жизни» и отношениями внутри казахского общества [3, 75]. Для империи это были глаза и уши, но результатом их работы стали и ценные знания. Коллежский секретарь Оренбургской пограничной комиссии Салих Рахматуллиевич Биглов представил в 1846 г. подробный материал о судах биев, мерах наказания, семейных обычаях и обрядах казахов, кочующих в районе Уральского укрепления, назвав по именам известных своим умом и опытом биев родов шомекей, торткара и чикли и указав их летние и зимние кочевья [3, 75]. Позднее он вёл «Дневную запись» об этнографии и культуре казахов, а в 1866 г. работал переводчиком при комиссии, занимавшейся административным устройством Азиатской России. По стопам отца пошли и сыновья: Мухаметжан начал службу писарем в 1858 г. и к 1869 г. стал помощником делопроизводителя Тургайского областного правления, а Мухамедияр с 1867 г. служил младшим толмачом пограничной комиссии.

Татарские и башкирские переводчики нередко выступали посредниками в урегулировании отношений между восставшими казахами и оренбургской администрацией. В начале XIX в. при хане Младшего жуза учредили должность пристава, и на неё направляли татарских переводчиков, через которых власти контролировали и направляли действия ханов; в распоряжении приставов были конфиденты, посылавшиеся в Степь за сведениями, первым из них в 1818 г. стал башкир Утдин Рахметуллин [3, 76]. Близость казахских кочевий к Каспийскому и Аральскому морям и к границам Хивинского и Кокандского ханств расширяла сферу их деятельности: башкирский переводчик А. Субханкулов, командированный в начале XIX в. в Бухару, помимо основной миссии собрал сведения о беглых российских подданных, о каракалпаках и о действиях англичан в Афганистане и получил за это золотую медаль и 750 рублей [3, 76]. Параллельно татары и башкиры организовывали делопроизводство у ханов, султанов и родоправителей. Оренбургская администрация считала, что без переписки пришлось бы «отдать всю орду на произвол судьбы», а через неё упрочивается влияние, необходимое для приведения казахов «в совершенное подданство» [3, 77]. Показательно, что инициатива порой исходила и от самой знати: султан Каратай Нуралиев просил определить к нему письмоводителем башкира Ахмета Хасанова, «известного ему хорошим поведением, способностью по делам» [3, 77]. Такие письмоводители, в основном башкиры 9-го и 12-го кантонов, граничивших с кочевьями казахских родов табын, жагалбайлы, жаппас и тама, должны были не только вести бумаги, но и давать казахам понятие о российских законах. За «верность службе» и «нужные сведения» их награждали чинами, медалями и подарками: сотник М. Юсупов стал есаулом, А. Кушурбаев пятидесятником, Зиламатдин Нигматуллин получил серебряную медаль [3, 77]. Повышение в чине давало привилегии, освобождало от повинностей и телесных наказаний.

В первой половине XIX в. задачи империи изменились. Во-первых, началась разработка системы подготовки письмоводителей из самих казахов, способных вести делопроизводство на русском языке, «чтобы киргизские начальники могли в точности исполнять все поручения

правительства» [3, 78]. Во-вторых, татарские и башкирские письмоводители, по мнению власти, выполнили к середине XIX в. возложенные на них посреднические функции, и встал вопрос об их замене. С открытием в 1844 г. при Оренбургской пограничной комиссии школы для казахских детей началась подготовка «письмоводителей при дистаночных начальниках»; указ 1846 г. допустил лиц свободного состояния к письмоводству до подготовки выпускников этой школы [16, 82–86; 91–94], а в 1853 г. оренбургский губернатор В.А. Перовский запретил башкирам и мещерякам отлучаться в Степь «как для отправления богослужения и обучения детей татарской грамоте, так и по другим надобностям». К 1860-м гг. власть установила контроль над наймом письмоводителей: «Временное положение» 1868 г. допускало на эту должность только казаха или русского, знающего казахский язык [16, 86–87].

4. Итоги посредничества: этапы политики и ценностное измерение

Анализ политики империи позволяет выделить два этапа. Первый, со второй половины XVIII до середины XIX в., связан с законодательным оформлением категории переводчиков, толмачей и письмоводителей для службы в Степи. Империи были нужны люди, знавшие степь, язык и обычаи казахов, а татарам и башкирам служба давала карьеру и обеспеченность, которых они не могли найти в центральных губерниях. Влиятельные переводчики продвигали по службе сыновей и родственников, и к середине XIX в. сложились настоящие служебные династии.

Второй этап начался в середине XIX в., когда завершилась интеграция Казахстана в состав России. Причин было три. Во-первых, империя закрепляла господство на присоединённых землях, подошла вплотную к Бухарскому эмирату и Кокандскому ханству и нуждалась в сильной власти, способной двигаться вглубь Средней Азии. Во-вторых, власти опасались консолидации тюркоязычных народов под эгидой Турции: татары и башкиры, по мнению администрации, были одним из каналов «мусульманской пропаганды» в Степи. В-третьих, в 1860-е гг. торгово-промышленная экспансия России направилась на юго-восточные окраины. В 1882 г. военный губернатор Тургайской области распорядился провести ревизию делопроизводства у волостных правителей и уволить татарских и башкирских письмоводителей. Итоги видны по цифрам: к 1883 г. в 37 волостях Тургайской области работали два казаха, три татарина, один башкир и 31 русский [3, 78]. К 1890-м гг. татарских и башкирских письмоводителей в низовых звеньях управления казахами заменили русскими и казахскими служащими.

Что же осталось после посредников, если не считать документов? Во-первых, сама практика диалога на общем языке: общий письменный идиом, знание казахского языка и обычаев, религиозная близость создавали пространство, в котором могли встречаться разные народы региона [11, 8–9]. Во-вторых, знание: этнографические записи Биглова и других служащих сохранили сведения о судах биев, обычаях и родовых кочевьях. В-третьих, люди: современниками переводчиков были первые казахские исследователи истории и культуры Мухамед-Гали Тяукин, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, Сейтжан Джантюрин, также служившие в оренбургской администрации. Контакты первой генерации казахской, татарской и башкирской интеллигенции заложили основу общественно-политической мысли родственных народов в начале XX в.

Однако исторический опыт нельзя идеализировать. Он показывает, что ценности диалога легко становятся инструментом политики: веротерпимость обеспечивала лояльность, а переводчик одновременно служил и своему народу, и империи, и собирал сведения для администрации. Когда необходимость в посредниках отпала, их вытеснили из системы. Деятельность письмоводителей и переводчиков была неоднозначной, и сводить её только к сопровождению карательных отрядов и сбору «нужных сведений» так же неверно, как видеть в ней лишь культурный мост.

Выводы

Татарские и башкирские муллы, переводчики и письмоводители стали важным элементом имперского управления Казахской степью, а для самих татар и башкир служба открыла путь в сословно-бюрократическую систему империи. Политика империи имела два этапа: до середины XIX в. посредники были необходимы, затем, по мере завершения интеграции Степи и под

влиянием опасений «мусульманской пропаганды», они были вытеснены казахскими и русскими служащими. Посредничество имело двойственный характер: оно служило целям империи, но одновременно способствовало общению на общем языке, обмену знаниями и формированию первой генерации казахской, татарской и башкирской интеллигенции. Опыт заложил ценности межкультурного диалога, уважения к языку и вере другого и сохранения языкового многообразия. Эти ценности остаются важными для многонационального Казахстана; для их современного осмысления полезно помнить и о том, что диалог, построенный на неравенстве и служащий интересам одной стороны, непрочен. Практическая значимость работы состоит в том, что её материалы могут использоваться в курсах по истории Казахстана и культурологии, в краеведческой работе и в подготовке переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации, для которых история посредников, пример профессиональной и этической ответственности.

Список литературы

1. Валиханов Ч. Смерть Кукотай хана. Статьи и заметки. – Семипалатинск, 2001.
2. Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.): монография. – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. – 262 с.
3. Султангалиева Г.С. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII–XIX вв.) // Ватандаш. – Уфа, 2005. – С. 73–78.
4. Масанов Н. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алматы, 1966. – 291 с.
5. Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: от правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – № 2.
6. Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 3.
7. Избасарова Г.Б. Казахско-башкирские отношения в XVIII веке (1701–1755 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 30 с.
8. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 1248. Оп. 1. Д. 25.
9. ГААО. Обзор Тургайской области за 1881 год. – Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1882. – С. 1–9.
10. История Казахстана с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 3. – Алматы, 2000. – 768 с.
11. Осипова Я.В. «Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2020. – № 1. – С. 7–19.
12. Кожахметова Г.К. Формирование регионального торгового рынка Северо-Западного Казахстана и Южного Урала (вторая половина XVIII – XIX века): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Уральск, 2008. – 33 с.
13. Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. – 2000. – № 4.
14. Султангалиева Г.С. Татарские муллы, командированные в степь «…для разъяснения, обнародования и внушения правил» // Историческая этнология. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 481–496.
15. Аюпов Т.М. Основные практики взаимодействия башкирского и казахского народов в этнокультурной сфере (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2018. – № 5 (103).
16. Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) // Acta Slavica Iaponica. – Т. 27.

Қазақстанның жоғары білім беру саясаты және білім жүйесін модернизациялау үдерістері

Мейіркұл А. Д.
6В03106-Саясаттану 3 курс студенті, Л. Н Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан
e-mail: ayazhan.meirkul@mail.ru
Ғылыми жетекші: Доктор Ph.D, аға оқытушы *Копежанова Д Е..*

Аңдатпа: Бұл ғылыми жоба Қазақстанның жоғары білім беру саясатын және білім жүйесін модернизациялау үдерістерін зерттеуге арналған. Қазақстанның білім саясатын әлемдік стандарттарға сай дамыту бүгінгі күннің өзекті мәселелерінің бірі саналады. Жоғары білім беру саласындағы реформалар мен инновациялық әдістерді енгізу Қазақстанның білім жүйесін заманауи деңгейге көтеруге мүмкіндік береді. Жобада білім сапасын арттыруға бағытталған стратегиялар, цифрлық білім беру технологияларын енгізу жолдары талданады. Сонымен қатар, Қазақстанның халықаралық білім кеңістігінде бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін қажетті жағдайлар мен алғышарттар қарастырылады. Жобаның мақсаты – білім реформаларының тиімділігін бағалау және Қазақстанның жоғары білім жүйесінің халықаралық деңгейде дамуының жаңа бағыттарын ұсыну.

Кілт сөздер: Қазақстанның білім саясаты, жоғары білім, әлемдік стандарттар, білім беру реформалары, цифрлық білім беру, білім сапасы, халықаралық бәсекеге қабілеттілік, білім жүйесі.

Кіріспе

Тақырып өзектілігі:Қазіргі жаһандану жағдайында жоғары білім беру жүйесі ұлттық бәсекеге қабілеттіліктің негізгі стратегиялық факторы ретінде айқындалуда. Қазақстанда соңғы жылдары жоғары білім саласын жаңғыртуға бағытталған маңызды реформалар жүргізіліп келеді: Болон үдерісінің қағидаттарын енгізу, үш деңгейлі кадр даярлау моделін қалыптастыру, цифрлық трансформацияны жеделдету және білім беру бағдарламаларын халықаралық стандарттарға сәйкестендіру. Алайда бұл өзгерістерге қарамастан, жүйеде сапа мен басқару тиімділігі, кадрлық әлеуеттің жеткіліксіздігі, академиялық адалдық, қаржыландыру тұрақтылығы және еңбек нарығы сұранысына сәйкес кадр даярлау мәселелері толық шешімін таппаған. Жоғары білім мен экономикалық қажеттіліктер арасындағы алшақтықтың сақталуы елдің адами капиталын дамытуға және инновациялық өсуге кедергі келтіруі ықтимал.Осы жағдайлар Қазақстанның жоғары білім беру саясатын кешенді жаңғыртудың өзектілігін айқындайды. Жоғары білімді модернизациялау үдерістерін ғылыми тұрғыдан талдау, олардың нақты нәтижелерін бағалау және тұрақты даму жолдарын белгілеу реформалардың тиімділігін арттыруға мүмкіндік береді. Бұл зерттеудің маңыздылығы – ұлттық білім беру жүйесін жаңғыртудың институционалдық, құрылымдық және мазмұндық аспектілерін анықтау арқылы жоғары білім сапасын көтеруге және Қазақстанның жаһандық білім кеңістігіндегі бәсекеге қабілеттілігін күшейтуге ғылыми негіз ұсынуында.

Зерттеу әдістемесі

Зерттеу жұмысының әдістемесі ғылыми жобаның мақсаты мен міндеттеріне сәйкес таңдалып, жүйелі түрде жүзеге асырылды. Жоба барысында Қазақстанның жоғары білім беру саясатын тереңірек зерттеу, білім жүйесін модернизациялау үдерістерін бағалау және оны халықаралық стандарттармен салыстыра отырып талдау үшін кешенді ғылыми әдістер қолданылды.

Теориялық әдістер:

- **Тарихи әдіс** – Қазақстанның білім беру жүйесінің даму кезеңдерін зерттеу үшін қолданылды.
- **Жинақтау және жалпылау әдісі** – әртүрлі дереккөздерден алынған ақпараттарды жүйелеп, тұжырым жасау үшін қолданылды.
- **Модельдеу әдісі** – Қазақстанның жоғары білім беру саясатының болашақтағы даму бағыттарын ғылыми негізде болжау және тиімді реформалау жолдарын ұсыну мақсатында

пайдаланылды.

Эмпирикалық әдістер:

- **Бақылау** – Қазақстандағы жоғары білім беру реформаларының жүзеге асу барысы мен олардың нәтижелерін қадағалау үшін қолданылды.

- **Сауалнама жүргізу** – студенттерге сауалнамажасап , ақпарат жинау үшін қолданылды.

Қазақстандағы жоғары білім беру саясатының қалыптасу және даму эволюциясы

«БАСТАПҚЫ ЖЫЛДАР: 1990-ШЫ ЖЫЛДАРДАҒЫ ЖОҒАРЫ

БІЛІМ РЕФОРМАЛАРЫ: Кеңес Одағының ыдырауы Қазақстанда елеулі әлеуметтік, саяси және экономикалық өзгерістерге алып келді. 1991–1996 жылдары елдің ЖІӨ 39%-ға төмендеді (World Bank, 2005)[1].Дегенмен, экономика 1999 жылы қалпына келе бастады және 2007 жылы жылдық өсім 10% және одан жоғары деңгейге жетті [2].

1990-шы жылдары үкімет жүйелік білім реформасын енгізе бастады. Басты мақсат – нормативтік-құқықтық құрылымды жасау болды. 1995 жылғы Конституция азаматтардың міндетті білім алу құқығын бекітті. 1992 жылғы «Білім туралы» және 1993 жылғы «Жоғары білім туралы» заңдар қабылданды. 1993 жылғы «Жоғары білім туралы» заң Қазақстанда жеке университеттердің қызмет етуіне мүмкіндік берді . 1990–1991 оқу жылында 55 мемлекеттік ЖОО жұмыс істеді. 1993 жылғы заңнан кейін 32 жаңа ЖОО ашылды, олардың басым бөлігі жеке мекемелер болды [3].Бұл жоғары білімге деген сұранысты қанағаттандыруға жағдай жасады.

Жоғары білімнің жекешелenуі және жаңғыртылуы: 2000 жылдан бастап мемлекеттік ЖОО-ларды жекешелендіру процесі басталды. 12 мемлекеттік ЖОО акционерлік қоғамға айналды. Жекешелендіру қаржыландыруды әртараптандыруға және жаңа кіріс көздерін енгізуге бағытталды. Сол кезеңде сегіз университетке «Ұлттық университет» мәртебесі берілді: әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақ ұлттық аграрлық университеті, Қ.И. Сәтпаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық университеті, С.Д. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медициналық университеті, Т.К. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы, Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы және Қазақ ұлттық өнер университеті [4]. Жоғары білім саласындағы бәсекелестікті арттыру үшін қабылдау процесін ашық ету қажет болды. 2001 жылы Білім және ғылым министрлігі сапаны қамтамасыз ету жүйесін енгізді. Қадағалау және аттестация комитеті, Білім сапасын бағалау ұлттық орталығы, Ұлттық аккредиттеу орталығы және басқа ұйымдар құрылды [5]

Кейіннен 2004–2005 оқу жылында Қазақстанның жоғары білім жүйесі кеңестік дәуірдегі 5 жылдық бакалавриат бағдарламасынан 4 жылдық бағдарламаға көшті. Бұл қадам студенттер мен оқытушылардың Қазақстанға және одан тыс елдерге мобильділігін арттыруға, сондай-ақ халықаралық институционалды құрылымдармен сәйкестендіріліп танылуын қамтамасыз етуге бағытталды. Қазақстанның Еуропалық жоғары білім аймағына қосылу мүмкіндігін талқылауға жол ашты. 2010 жылғы 12 наурызда Қазақстан Болон процесінің Лиссабон конвенциясына қол қойған Орталық Азиядағы алғашқы мемлекет болып, оның 47-ші қолтаңбалы мүшесі атанды [6]. Болон процесіне қосылу Қазақстанның жоғары білім жүйесіне ең ауқымды ықпал етті.Осыдан кейін «2011–2020 жылдарға арналған Қазақстан Республикасында білім беруді дамыту мемлекеттік бағдарламасы» қабылданды. Бағдарламаның мақсаты – білім бәсекелестігін арттыру және сапалы білімге қолжетімділікті қамтамасыз ету арқылы адами капиталды дамыту болды [7].Қазақстанның Еуропалық жоғары білім аймағына қосылуы және Болон процесін іске асыруға міндеттелуінің тағы бір себебі - оқытушылар мен студенттердің мобильділігін қамтамасыз ету арқылы жоғары білімнің халықаралық деңгейге өтуі болды. Бұл жүйелік тұрғыда Жоғары оқу орындарына Еуропалық кредиттерді беру және жинақтау жүйесін (ECTS) енгізу және диплом қосымшаларын ұсыну міндетін қойды. 1998 жылы Беларусь, Қырғызстан және Ресей арасында дәреже сәйкестігін мойындау туралы келісімге қол қойылып, төрт ел арасында студенттер мен түлектердің мобильділігін арттырды [8].

Қазақстандағы жоғары білім беру саясаты тәуелсіздік алған кезеңнен бастап бірнеше кезеңнен өтті. Ол мемлекеттің стратегиялық мақсаттарына бағытталған жүйелі процесс болып, халықаралық стандарттармен және ішкі реформалармен тығыз байланысты дамиды. Қазіргі

кезеңде ол тек мамандар даярлауға ғана емес, инновациялық, ғылыми және әлеуметтік дамудың маңызды факторына айналуда.

1.3.Қазіргі кезеңдегі жоғары білім беру саясатының басымдықтары мен стратегиялық бағыттары. Қазіргі уақытта жоғары білім беру жүйесі ұлттық және халықаралық деңгейде маңызды стратегиялық ресурс ретінде қарастырылады. Әлемдік тәжірибе мен халықаралық рейтингтер көрсеткендей, жоғары білім беру сапасын арттыру, оның қолжетімділігін қамтамасыз ету, сондай-ақ инновациялық және зерттеушілік әлеуетті дамыту - елдің ұзақ мерзімді экономикалық және әлеуметтік дамуына шешуші әсер ететін факторлар болып саналады. Осы тұрғыда, Қазақстан Республикасының жоғары білім саясаты бірнеше стратегиялық басымдықтар мен негізгі бағыттарды айқындаған.

Сапа мен халықаралық стандарттарға сәйкестік. Болон процесіне қосылу аккредиттеу мен дәреже құрылымында оң өзгерістерге әкелді. Үш деңгейлі білім беру жүйесі (бакалавр, магистр және PhD) заңдық тұрғыда бекітіліп, халықаралық стандарттарға сәйкестендірілді [9].Жас таланттарды дамыту тұрғысынан, 2006 жылы мемлекеттік қаржыландырылатын «Болашақ» бағдарламасы, бастапқыда шетелде бакалавр және магистр бағдарламалары бойынша оқитын үздік студенттерді қолдаса, кейіннен докторлық деңгейдегі студенттерді қолдауға кеңейтілді. Сонымен қатар, Ғылым докторы (Doctor of Science) дәрежесін реттейтін ескі жүйе батыстық үлгідегі PhD бағдарламасымен алмастырылды[10].

Осы бағыттар Қазақстанның жоғары білім жүйесін халықаралық талаптарға сәйкестендіруге және жас зерттеушілер мен таланттарды дамытуға жағдай жасайды.

Еңбек нарығы мен экономикалық сұранысқа бағытталған кадр даярлау: Қазіргі таңда Қазақстан жоғары білім беруді өзінің келесі экономикалық трансформациясының қозғаушы күші ретінде позициялауда. Әлемдік деңгейдегі жетекші университеттердің филиалдық кампустары, жаңа зерттеу инфрақұрылымы және заманауи технологиялар елді аймақтық академиялық хабқа айналдыруда. Елде қазіргі уақытта 40 шетелдік жоғары оқу орнының филиалы жұмыс істейді. 2025 жылғы қыркүйек айы маңызды кезең болып саналады: Астанада Кардифф университетінің кампусы ресми түрде ашылып, бұл Қазақстандағы бірінші Russell Group университетінің филиалы болды. Сонымен қатар, Ұлыбританияның De Montfort University және Coventry University университеттерінің филиалдары Алматы мен Астанада ашылып, елдің халықаралық академиялық инфрақұрылымын нығайтты.

Университеттердің академиялық және ғылыми орталық ретіндегі рөлі:Елдің зерттеу экожүйесінде жүйелі трансформация жүзеге асырылып, университеттер Академиялық және Ғылыми Ерекшелік Орталықтары (Centers of Academic and Research Excellence, CAREs) ретінде қайта құрылуда. Бұл бастаманың негізгі мақсаты – ғылымды нақты экономикалық қажеттіліктермен ұштастыру: энергетика, аграрлық сектор, цифрландыру сияқты салаларға шешімдер әзірлеу және қазақстандық жоғары білімді жаһандық зерттеу желілерімен интеграциялау.

Континенттер түйісіндегі білім және ғылым ордасы. Қазақстанның Еуропа мен Азия тоғысындағы геостратегиялық орны оны білім және ғылыми зерттеулердің табиғи хабы етеді. Азия, Ресей, Африка және басқа өңірлерден студенттерді тарту арқылы университеттер таланттарды ұстап қалу, экономикалық өсуді ынталандыру және академиялық туризмді дамыту функцияларын атқарады. 2024 жылы елімізде 93 елден 31 500 халықаралық студент оқып, тарихи көрсеткішке жетті. Олардың экономикалық үлесі 30 млрд теңгеден асты. 150 000 студент тарту мақсаты орындалса, бұл көрсеткіш шамамен 1 трлн теңгеге жетеді деп болажануда.

Жасанды интеллект саласындағы кадрлық әлеуетті нығайту. Үкіметтің жасанды интеллект (ЖИ) саласын дамытуға басымдық беруіне сәйкес, Қазақстанда іске асырылып жатқан AI-Sana бағдарламасы ЖИ бойынша мамандар даярлау қарқынын айтарлықтай жеделдетіп отыр. Бағдарлама аясында ЖИ негіздерін меңгергендер саны 440 мыңға жуық студентті құрайды. Сонымен қатар 3 000-нан астам оқытушы тиісті сертификаттаудан өтіп, 119 ЖИ агенті әзірленді.Бағдарламаның стратегиялық мақсаты – Қазақстанды АҚШ, Қытай және Финляндия секілді жетекші мемлекеттермен қатар жаһандық ЖИ дамуының алдыңғы қатарына шығару. Бұл шетелдік университет филиалдарының рөлін күшейту арқылы қамтамасыз

етіледі.Министр Саясат Нұрбектің айтуынша, SeoulTech университетінің қатысуымен Қызылордада Жасанды интеллекттің Жоғары мектебі құрылды; Түркістандағы Woosong University кампусы Кореяның цифрландыру тәжірибесін трансферлеуде; Қаскелеңдегі New York Film Academy шығармашылық индустрияларда ЖИ технологияларын интеграциялап жатыр. Cardiff, Coventry, Woosong және басқа жоғары оқу орындары елдің академиялық және технологиялық әлеуетін нығайтатын тірек серіктестерге айналуда [11].

Жоғары білім беру саласындағы реформалардың табысты жүзеге асуына мемлекеттік деңгейдегі күшті саяси ерік пен тұрақты қолдау шешуші рөл атқарды. Халықаралық деңгейдегі табысты жобалардың іске қосылуы шетелде кәсіби құзыреттерді дамытуға жағдай жасап қана қоймай, талантты әрі жоғары білімді жастарды тартуға, білім мен технологиялардың трансфері үшін тұрақты арналар қалыптастыруға және жоғары білім беру кеңістігін кеңейтуге ықпал етеді.

II. ҚАЗАҚСТАН ЖОҒАРЫ БІЛІМ ЖҮЙЕСІН МОДЕРНИЗАЦИЯЛАУ ҮДЕРІСТЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ІСКЕ АСУ МЕХАНИЗМДЕРІ

2.1 Жоғары білім жүйесін жаңғыртудағы өзекті мәселелер және даму бағыттары. Жоғары білімді жаңғыртудың жүзеге асуы - күрделі және динамикалық процесс саналады. Ол маңызды қиындықтармен қатар кең көлемді даму мүмкіндіктерін де ұсынады. Технологияның жедел дамуы, әсіресе жасанды интеллект пен ірі деректерді (Big Data) кеңінен қолдану болашақтағы жоғары білімде білім мазмұны мен әдістемелерін жаңашылдықпен толықтыруға, білім беру үлгілерінде икемділік пен персонализацияны арттыруға үлкен мән берілетінін көрсетеді.Жаһанданужағдайында білім сапасын арттыру және жаһандық көзқарасы бар таланттарды тәрбиелеу үшін сала аралық ынтымақтастық пен интернационалдандырылған білім беру негізгі бағыттарға айналды. Осы өзгеріп отырған талаптарды орындау үшін жоғары білім тиімді жол карталарын әзірлеу мен стратегиялық жүзеге асыру арқылы дамуы тиіс. Бұл білім беру ресурстарын оңтайлы бөлу, білім беру теңдігін қамтамасыз ету және білім беру инновацияларын технологиялық жетістіктермен терең интеграциялау сияқты шараларды қамтиды.Жоғары білімнің үздіксіз дамуы тек технологиялық прогресс пен инновацияға ғана емес, сонымен қатар білім беру модельдерін әртараптандыруға, халықаралық ынтымақтастыққа және көпқырлы таланттарды дамытуға бағытталған күшті назар аударуды талап етеді. Осы бағыттағы әрекеттер арқылы толыққанды әрі тұрақты заманауи жаңғыртылған білім жүйесін құруға мүмкіндік туады[12]. Жоғары білім қоғамның интеллектуалдық, экономикалық және әлеуметтік дамуының басты факторларының бірі болып табылатыны бәріне мәлім. Ол елдің бәсекеге қабілеттілігін арттыруға, инновациялық технологияларды енгізуге және ғылыми зерттеулерді дамытуға тікелей ықпал етеді. Осы бағытта Қазақстандағы жоғары білім жүйесі тәуелсіздігімізге қол жеткізгеннен бері тұрақты түрде дамып келеді: білім беру стандарттары жетілдіріліп, халықаралық ынтымақтастық кеңейтілуде.Алайда, қазіргі кезеңде жоғары білім саласында сапаны арттыру, инновациялық экономикаға бейімделу және басқа дамәселелер маңызға ие болып отыр.

Біріншіден, Қазақстанның жоғары білім беру жүйесінде цифрлық инфрақұрылымның біркелкі дамымауы өзекті мәселе болып табылады. Кейбір университеттер заманауи технологиялармен толық жабдықталған болса, басқаларында бұл мүмкіндік шектеулі.

Екіншіден, оқу бағдарламаларының қатаң құрылымы студенттің жеке қызығушылығы мен өз бетінше ізденуіне мүмкіндікті шектейді. Аудиториялық жүктеме жоғары, бұл студенттердің өзіндік жұмысына уақыт қалдырмайды.

Үшіншіден, цифрлық технологиялар көбінесе тек есеп беру мен деректерді сақтау құралы ретінде қолданылып, нақты уақыттағы талдау мен мониторинг жеткілікті деңгейде дамымаған.Сонымен қатар, сиуденттердің ақпараттық қауіпсіздігі пен деректерін қорғау мәселелері толық шешімін таппаған.

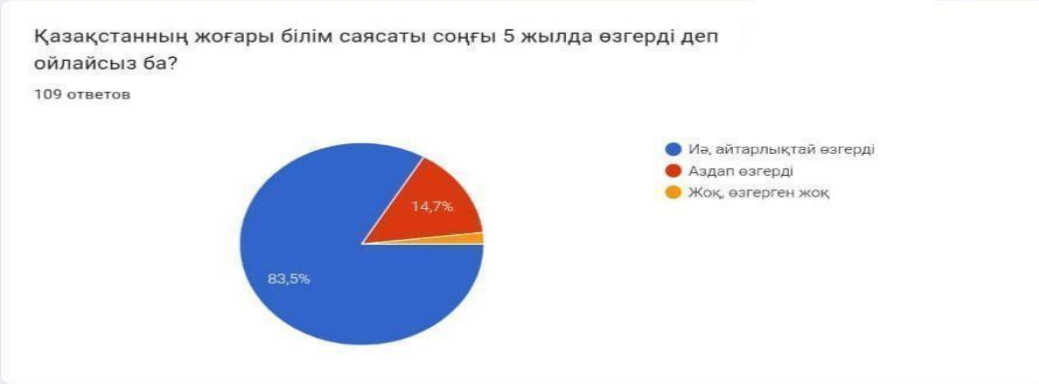
Төртіншіден, әртүрлі цифрлық платформалардың өзара интеграцияланбауы басты кедергілердің бірі болып табылады.

XXI ғасырда цифрлық технологиялардың дамуы өмірдің барлық салаларына, соның ішінде жоғары білім беру жүйесіне терең еніп отыр. Жаһандық деңгейде білім беру жүйелерінің цифрлық трансформациясы басқару үдерістерін автоматтандыруға және деректерді жылдам әрі

дәлталдауға мүмкіндік береді. Қазіргі заманғы цифрлық технологиялар - атап айтқанда жасанды интеллект, үлкен деректер, бұлттық технологиялар, оқу үдерісін басқару жүйелері (LMS, ERP) және басқа да электрондық платформалар - жоғары оқу орындарының күнделікті қызметінде кеңінен қолданылуда. Жоғары білім беру жүйесінің тиімділігі, сапа көрсеткіштері, ашықтығы және инновациялық дамуы басқару үдерістерінің заманауи технологиялармен қаншалықты үйлесімді интеграцияланғанына тікелей байланысты. Әсіресе ректорлық және деканат деңгейіндегі басқаруда нақты уақыттағы деректерге сүйене отырып шешім қабылдау, үдерістерді бақылау және қадағалау аса маңызды. Шетелдік университеттердің тәжірибесі LMS, ERP, жасанды интеллект және үлкен деректер технологиялары арқылы басқару шешімдерінің дәлдігі, жылдамдығы және ашықтығы артатынын дәлелдейді. Электрондық басқару құралдары деректерді нақты уақытта жинап, талдауға мүмкіндік береді, бұл басшылыққа стратегиялық шешімдерді сенімді қабылдауға жағдай жасайды. Сонымен қатар бұл жүйелер бюрократияны азайтып, адам факторынан туындайтын қателіктерді төмендетеді [13]

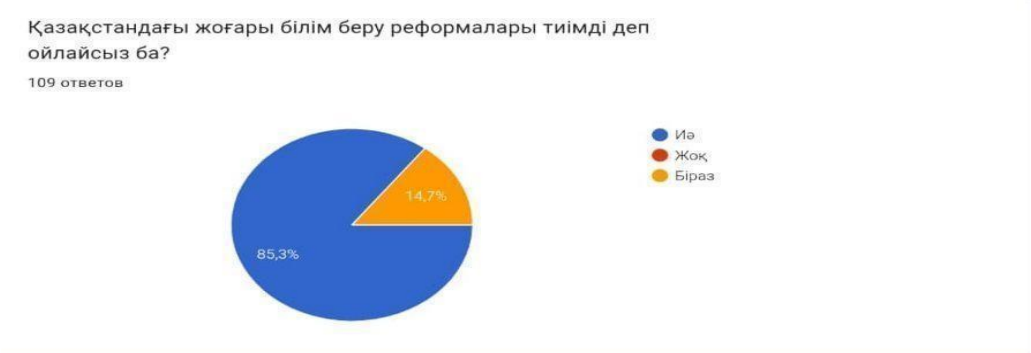
Төмендегі кестеде шетелдік жоғары оқу орындарында енгізілген жүйелер және олардың тиімділік көрсеткіштері берілген:

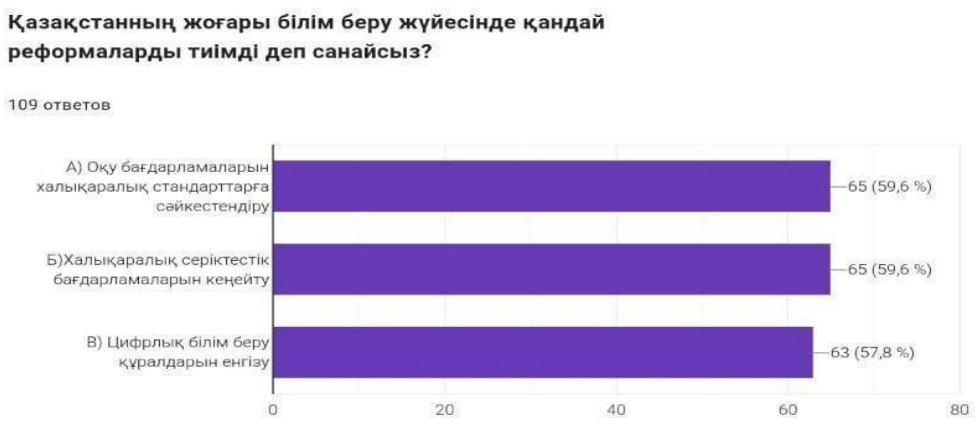
Статистикалық талдау.Қазақстанның жоғары білім беру саясатының даму деңгейін анықтау үшін жоғары білім алушылар арасында сауалнама жүргізілді.Сауалнама жалпы саны 109 адам қатысты.

Сурет 1.Сауалнама нәтижелерінен: жоғары білім беру саласындағы мемлекеттік саясаттың трансформациясы респонденттердің едәуір бөлігінің пікірінше нақты және айқын байқалып отыр. Бұл өзгерістердің ауқымы мен әсері жоғары білім беру жүйесінің даму бағытына қатысты қоғамдық пікірдің оң динамикасын көрсетеді. Сонымен бірге, шағын ғана топтың (1,8%) өзгерістерді байқамауы реформалардың барлық деңгейде біркелкі қабылданбағанын немесе ақпараттандыру деңгейінің жеткіліксіздігін меңзеуі мүмкін.

Сурет 2. Сауалнама нәтижелерінен: Қазақстандағы жоғары білім беру реформаларының тиімділігіне қатысты қоғамдық пікір айтарлықтай оң бағытта қалыптасқанын байқауға болады. Респонденттердің 100%-ының реформаларды тиімді немесе белгілі бір деңгейде тиімді деп бағалауы жүргізілген өзгерістердің жоғары білім сапасын арттыруға бағытталған шаралармен үйлесімді екенін көрсетеді. Сонымен қатар, теріс пікірдің мүлде болмауы реформалардың дұрыс бағытта жүзеге асырылып жатқанын, әрі білім беру саласындағы модернизацияның қоғам сұранысына сай екенін меңзейді.

Сурет 3. Сауалнама нәтижелерінен: жоғары білім беру жүйесін жетілдіруге бағытталған реформалардың ішінде халықаралық стандарттарға сәйкестендіру, шетелдік серіктестікті күшейту респонденттер тарапынан тиімді шаралар ретінде қабылданғаны анықталды. Бұл бағыттар білім беру жүйесінің жаһандық талаптармен үйлесімді дамып келе жатқанын және студенттердің сапалы білім алуына жағдай жасауға бағытталғанын көрсетеді.

ҚОРЫТЫНДЫ. Жоғары білім жүйесін модернизациялау білім мазмұнын жаңартуды, оқу процесіне заманауи технологияларды енгізуді, академиялық адалдықты қамтамасыз етуді және еңбек нарығының қажеттіліктеріне сәйкес мамандар даярлауды қамтиды. Дегенмен, қаржыландыру тұрақтылығы, кадрлық әлеуеттің жеткіліксіздігі және басқару тиімділігі мәселелері әлі де шешімін таппағандықтан, реформаларды жалғастыру қажет. Жалпы алғанда, Қазақстандағы жоғары білім беру саясаты мен модернизациялау үдерістері елдің әлеуметтік-экономикалық дамуына, ғылым мен білім сапасының өсуіне, студенттердің кәсіби және тұлғалық дамуына маңызды үлес қосады. Бұл реформалар Қазақстанның халықаралық білім кеңістігіндегі бәсекеге қабілеттілігін арттыруға, білім беру сапасын жетілдіруге және ұлттық кадрлық әлеуетті дамытуға бағытталған стратегиялық қадам болып табылады.

Зерттелген ғылыми жұмыстың нәтижелері бойынша мынадай ұсыныстар жасауға болады:

1. **Білім беру үдерісін модернизациялау жәнежекелендіру**

●Элективті пәндер санын көбейту: Оқубағдарламаларында студенттің қызығушылығына қарай таңдалатын элективті пәндердің үлесін арттыру.

●Аудиториялық жүктемені азайту:Студенттердің өз бетінше ізденуіне және жеке оқу жоспарын игеруіне көбірек уақыт бөлу үшін дәріс сағаттарын қысқарту ұсынылады.

●Метапәндік негіз: Дәстүрлі пәндер шеңберінен шығып, бірнеше курстарды біріктіретін жаңа метапәндік дисциплиналарды енгізу

● Блоктық оқыту: Студенттердің бір пәнге терең бойлауы үшін пәндерді модуль бойынша кезекпен оқыту

2. Цифрлық трансформацияны тереңдету

●LMS платформаларын тереңдету: Canvas, Moodle немесе Chamilo сияқты оқуды басқаружүйелерін тек деректер қоймасы ретіндеемес, икемді оқу үдерісін ұйымдастыру құралы ретінде пайдалану.

●Бірыңғай интеграцияланған платформа құру: Жоғары оқу орындарының барлық басқару деңгейлерін біріктіретін және деректердің өзара іс-қимылын қамтамасыз ететін бірыңғай цифрлық платформаны (ERP жүйелері) енгізу қажет

● Жасанды интеллектті басқаруға енгізу:Басқарушылық шешімдердің дәлдігін арттыру үшін нақты уақыт режиміндегі деректерді (Big Data) талдайтын жасанды интеллект жүйелерін қолдану ұсынылады.

3. **Бизнес-қоғамдастықпен байланыстынығайту:**

● Университеттер мен кәсіпорындар арасында тікелей ынтымақтастық орнату арқылы білім беру бағдарламаларын жұмыс берушілердің талаптарына сәйкестендіру қажет.

● Зерттеу жобаларын нақты экономикалық және әлеуметтік қажеттіліктерге бағыттау.

● Инновациялық өнімдерді коммерциялау және университеттік стартап-инкубаторларды

қолдау.

Пайдаланған әдебиеттер

1. World Bank. (2005). *Transforming Kazakhstan within a decade — Report No. 30852-KZ*. World Bank.
2. Pomfret, R. 2014. Kazakhstan's Progress SinceIndependence. In Kazakhstan 2050. Toward a Modern Society forAll, ed. A. Aitzhanova, S. Katsu, J.F. Linn, and V. Yezhov, 15-35. Oxford: Oxford University Press.
3. Sulima, S. 2008. Quality and Effectiveness of the Higher Education System in Kazakhstan During the 'Pre-reform Period.' Vestnik KASU 4. 25 Years of Transformations of HigherEducation Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity / ред. J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – 492 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-52980-6.
4. Organisation of Economic Co-operation and Development (OECD). 2007.Higher Education in Kazakhstan. Paris: OECD Publishing
5. Piven, G., and I. Pak. 2006. Higher Education in Kazakhstan and the Bologna Process. Russian Education and Society 2006: 82-91.
6. Kazakhstani Ministry of Education and Science [MoES]. 2010. The State Program of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2011-2020. Astana:MoES.
7. Poletaey, D., and B. Rakisheva. 2011. Educational Migration from Kazakhstan to Russia as an Aspect of Strategic Cooperation Within the Customs Union. In Eurasian Integration-Historical and Social Aspects, 198-219. Moscow:Eurasian Development Bank.
8. Yelibay M., Karabassova L., Mukhatayev Z., Yermukhambetova A. The perception and experience of young researchers in doctoral programmes in the context of recent reforms in Kazakhstan // European Journal of Education. – 2022. – Vol. 57, No. 3. – P. 484–496. – DOI: 10.1111/ejed.12587
9. Kuzhabekova A., Sparks J., Temerbayeva A. Returning from study abroad and transitioning as a scholar: Stories of foreign PhD holders from Kazakhstan // Research in Comparative and International Education. – 2019. – Vol. 14, No 3. – P. 412–430. – DOI: 10.1177/1745499919868644.
10. Bersimbayeva A. Exclusive: Kazakhstan Cements Status as Regional Academic Hub // The Astana Times. – 2025. – Sept. 30.
11. Research on the Modernization Trends in Higher Education Development Jun Li *International Journal of Educational Teaching and Research 1 (4), 2024*
12. Rajabov Sh. B., Alimov J. S. o. Modern Approaches to Modernizing the Management System in Higher Education through Digital Technologies // *Academic Journal of Science, Technology and Education*. – 2025. – Vol. 1, No. 5. – P. 34–38.

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ IQANAT HIGH SCHOOL OF BUROBAY)

Молдахметов Р.Е.
студент 3-го курса ОП 6В03101 «Социология»
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
г.Алмата, Казахстан
e-mail: gugl05061963@gmail.com
Научный руководитель**:** Кылышбаева Б.Н.

АННОТАЦИЯ

Данное социологическое исследование посвящено анализу влияния инновационной образовательной среды на ценностные ориентации и социальную мобильность сельской

молодежи Казахстана на примере школы IQanat High School of Burabay. На основе репрезентативной выборки (N=120) и применения смешанной методологии, включающей статистический анализ в IBM SPSS Statistics v.27 и сетевой анализ граф-структур в Gephi v.0.10.1, продемонстрирована динамика трансформации ценностных приоритетов и усложнения социальной структуры межличностных связей учащихся. Результаты подтверждают гипотезу об интериоризации просоциальных ценностей и расширении социального капитала как ключевых факторов восходящей социальной мобильности.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическая трансформативность современного Казахстана сопровождается выраженной пространственной и социальной поляризацией между городскими и сельскими территориями. Сельская молодежь традиционно сталкивается с институциональными барьерами доступа к качественному человеческому капиталу, что ограничивает каналы вертикальной социальной мобильности. В данном контексте образовательные инициативы частно-государственного партнерства, такие как IQanat High School of Burabay, выступают не только академическими институтами, но и специфическими агентами социализации, преобразующими ценностные ориентации и социальные сети учащихся.

Цель исследования: выявить механизмы воздействия инновационной образовательной среды IQanat High School of Burabay на трансформацию ценностных структур и конфигурацию социального капитала сельских школьников.

Задачи исследования:

1. Осуществить теоретико-методологический синтез концепций социального капитала, социализации и ценностных ориентаций.
2. Оценить статистическую значимость сдвигов в ценностных приоритетах учащихся до и после поступления в школу.
3. Проанализировать топологические характеристики сети социальных связей учащихся методами теории графов.

Гипотеза исследования: Погружение в институциональную среду IQanat способствует сдвигу от ценностей выживания и конформизма к ценностям самовыражения, академических достижений и служения обществу, что коррелирует с ростом плотности и модулярности их социальных сетей.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование опирается на триаду теоретических подходов: концепцию форм капитала П. Бурдьё (культурный, социальный и символический капитал), теорию социальной стратификации и мобильности П. Сорокина (обрабатывающие каналы и фильтры), а также дихотомическую модель ценностных измерений Ш. Шварца (самопревышение vs самоутверждение, сохранение vs открытость изменениям).

В эмпирическую выборку вошли N=120 учащихся 10–11 классов IQanat High School of Burabay, отобранных из различных сельских районов Казахстана на основе многоэтапного конкурсного отбора. Формирование выборки обеспечило репрезентативность по гендерному и региональному признакам.

Сбор данных осуществлялся с помощью лонгитюдного анкетирования и социометрического опроса. Количественная обработка психологических и ценностных метрик проводилась в программах **IBM SPSS Statistics v.27** с использованием Т-критерия Уилкоксона для связанных выборок. Визуализация и топологический анализ межличностных сетей выполнены в **Gephi v.0.10.1**.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнительный анализ базовых ценностных ориентаций учащихся до поступления в IQanat и после одного года обучения продемонстрировал статистически значимые изменения по ключевым шкалам методологии Шварца (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Динамика ценностных ориентаций учащихся (N=120, Т-критерий Уилкоксона)

Ценностная шкала	M1 (До)	M2 (После)	Z-критерий	p-value
Достижения (Achievement)	3.12	4.58	-6.42	< 0.001
Благожелательность (Benevolence)	3.45	4.71	-5.88	< 0.001
Универсализм (Universalism)	2.89	4.32	-7.15	< 0.001
Конформизм (Conformity)	4.10	2.65	-4.91	< 0.001

Анализ графа социальных коммуникаций учащихся, проведенный в среду Gephi v.0.10.1, отражает трансформацию изолированных локальных групп в единое высокоинтегрированное сообщество (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Топологические метрики графа социальных связей учащихся

Топологический параметр	Входной срез (T0)	Текущий срез (T1)
Плотность графа (Density)	0.042	0.185
Средняя длина пути (Avg Path Length)	4.82	2.14
Коэффициент кластеризации (Clustering)	0.210	0.543
Модулярность (Modularity)	0.612	0.325

Результаты свидетельствуют о формировании плотного социального капитала, способствующего межрегиональной интеграции и повышению адаптивного потенциала сельской молодежи.

Для углубленного понимания субъективных смыслов и специфики восприятия трансформационных процессов учащимися был проведен качественный анализ серии глубинных интервью (N=25) с использованием методологии обоснованной теории (Grounded Theory) по А. Страуссу и Дж. Корбин. Кодирование данных осуществлялось в три этапа: открытое, осевое и избирательное кодирование.

В ходе осевого кодирования были выделены ключевые категории, отражающие динамику ценностной трансформации:

1. **Преодоление пространственной и ментальной стигматизации («комплекс провинциальности»).** Респонденты отмечают, что до поступления в IQanat испытывали чувство академической и социальной полноценной ограниченности по сравнению со сверстниками из мегаполисов. Институциональная среда школы выступает мощным выравнивающим фильтром.
2. **Интериоризация ценности академического труда (Hard Work).** Переход от пассивного усвоения материала к концепции субъектности в обучении (Student Agency). Достижения воспринимаются не как случайный ресурс, а как результат систематического трудолюбия.
3. **Ориентация на служение местным сообществам (Giving Back/Service to Society).** Трансформация личностных притязаний из эгоцентрической плоскости в просоциальную, выраженная в стремлении реинвестировать полученный социальный и культурный капитал в развитие родных сельских регионов.

Извлечения из нарративов учащихся:

«До IQanat я думал, что качественное образование и международные гранты — это привилегия только городских школьников из частных лицеев. В селе мы привыкли к мысли, что наш потолок — это местный колледж. Но когда ты попадаешь в среду, где вокруг тебя такие

же ребята из аулов, добивающиеся высоких результатов, твой барьер рушится. Ты понимаешь, что упорный труд стирает любые географические границы» (Информант #07, юноша, 11 класс, Северо-Казахстанская область).

«Здесь нас учат не просто получать оценки, а думать о том, как наши знания помогут обществу. Моя цель теперь — получить инженерное образование и вернуться в родной район, чтобы внедрять технологии рационального использования водных ресурсов. IQanat дал мне осознание ответственности перед своим краем» (Информант #14, девушка, 10 класс, Туркестанская область).

Таким образом, качественные данные подтверждают статистические выводы IBM SPSS: образовательная среда IQanat действует как интенсивный агент социализации, формирующий новую идентичность сельской молодежи, свободную от пространственных комплексов и ориентированную на активную социальную мобильность.

Рассматривая институциональные механизмы восходящей мобильности с позиций теории П. Бурдьё, можно констатировать, что IQanat High School осуществляет высокоэффективную конверсию ресурсов. Исходный социальный и экономический капитал семей учащихся из сельской местности в большинстве случаев оценивается как низкий или средне-низкий. Попадание в систему IQanat обеспечивает агрегированный рост **институционализированного культурного капитала** (высокий уровень владения языками, навыки критического мышления, подготовка к международным тестам IELTS/SAT).

Ключевым индикатором успешности данной конверсии выступает динамика получения образовательных грантов ведущих отечественных и зарубежных университетов. Анализ каналов вертикальной мобильности по П. Сорокину показывает, что школа функционирует как эффективно работающий «социальный лифт» и каналы тестирования/селекции:

Поступление в вузы Казахстана на государственные гранты: Доля выпускников, зачисляемых на бюджетные отделения Назарбаев Университета, КБТУ, МУИТ, КазНУ им. аль-Фараби и ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, стабильно превышает 85%.

Международная академическая мобильность: Около 12-15% выпускников ежегодно получают full-ride гранты в университетах США, Европы и Азии, что полностью компенсирует отсутствие первоначального финансового капитала у их семей.

Снижение пространственного неравенства: Предоставление полного пансиона и финансирования благотворительным фондом IQanat нивелирует социально-экономический разрыв, нивелируя прямую зависимость образовательных результатов ребенка от доходов родителей.

Экономико-социологический эффект данной модели выражается в институционализации меритократического принципа, при котором академический потенциал индивида становится определяющим фактором жизненного трека, превосходя по значению аскриптивные характеристики и стартовый статус семьи.

ВЫВОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенный комплексный социологический анализ, объединяющий статистический, сетевой и качественный инструментарий, позволил сформулировать следующие ключевые выводы:

1. **Трансформация ценностных профилей:** Погружение в инновационную образовательную среду приводит к статистически значимому ($p < 0.001$) сдвигу от пассивно-конформистских ценностных ориентаций к ценностям открытости изменениям, высокого уровня притязаний и просоциальной направленности (рост показателей по шкалам «Достижения», «Универсализм» и «Благожелательность»).
2. **Реструктуризация социального капитала:** Сетевой анализ в Gephi подтвердил гипотезу о переходе от фрагментированных локально-родственных сетей к плотным, модулярным социальным графам с высокой связностью. Это существенно увеличивает объём связывающего и объединяющего социального капитала учащихся.
3. **Преодоление депривации и выравнивание стартовых возможностей:** Модель частно-государственного и благотворительного партнерства, реализованная в IQanat, успешно

выполняет функцию выравнивающего социального лифта, конвертируя образовательный потенциал сельских детей в реальные каналы межгенерационной и пространственной социальной мобильности.

На основе полученных результатов исследования разработаны следующие рекомендации:

1. **Министерству просвещения Республики Казахстан:**

Масштабировать лучшие практики IQanat High School (в частности, программы профориентации, менторства и социальной адаптации) на общеобразовательные сельские школы страны.

Внедрить целевые программы сетевого взаимодействия между опорными ресурсно-инновационными школами и малокомплектными сельскими школами (МКШ).

2. **Местным исполнительным органам (Акиматам областей и районов):**

Формировать инфраструктурные условия для удержания и привлечения молодого человеческого капитала в сельские регионы через программы «С дипломом в село» с расширенным пакетом социальной поддержки.

Содействовать грантовой поддержке социально-преобразующих проектов выпускников инновационных школ, направленных на развитие сельских территорий.

3. **Некоммерческому сектору и бизнес-сообществу:**

Расширять практику филантропического инвестирования в среднее образование через эндаумент-фонды и стипендиальные программы для талантливых детей из социально уязвимых категорий.

Развивать институты менторства и корпоративного шефства над школьниками из регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Формы капитала / Пер. с англ. М. Смирновой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.

2. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 2 (86). – С. 37–67.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 256 с.

4. Национальный доклад о состоянии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2022 года). – Астана: АО «Информационно-аналитический центр», 2023. – 320 с.

5. Закарьянова С. А., Абдикерова Г. О. Социальные лифты и социальная мобильность молодежи в современном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2020. – Т. 73, № 2. – С. 112–121.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.

7. Бьюкенен М. Социальный атом. Как засечь траекторию человеческих поступков / Пер. с англ. А. Калинина. – М.: Эксмо, 2011. – 272 с.

8. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31–50.

9. Садвокасова А. К. Социологический мониторинг межэтнических отношений в Республике Казахстан // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 85–94.

10. Bastian M., Heymann S., Jacomy M. Gephi: an open source software for exploring and manipulating networks // International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. – 2009. – Vol. 3, No. 1. – P. 361–362.

11. Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 27 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. – СПб.: Питер, 2021. – 416 с.

12. Отчет о реализации проектов Общественного фонда «IQanat» за 2022–2023 учебный год. – Бурабай: IQanat High School, 2023. – 45 с.

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Мурат Сабина
Студент 2-го курса ОП 6В01405 - «Дене шынықтыру және спорт»
ЗКАТУ им.Жангир хана, г.Уральск, Казахстан

Научный руководитель:ст.преподаватель Саркулова Г.С.

Аннотация

Стремительное распространение искусственного интеллекта меняет не только технические способы решения задач, но и привычное понимание человеческой ответственности. Алгоритмические системы участвуют в медицинской диагностике, оценке кандидатов на работу, образовательном контроле, кредитовании и государственном управлении. При этом решение, внешне выглядящее как результат «работы машины», всегда возникает внутри созданной людьми социально-технической системы. На основе принципов этики ответственности, анализа проблемы автономности алгоритмов и концепции «разрыва ответственности» обосновывается положение о том, что искусственный интеллект не должен рассматриваться как самостоятельный моральный субъект. Ответственность за последствия его применения необходимо распределять между разработчиками, владельцами систем, организациями и специалистами, принимающими окончательные решения. Делается вывод, что сохранение содержательного человеческого контроля, прозрачности процедур и возможности обжалования алгоритмических решений является не препятствием для инноваций, а условием общественного доверия к ним.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, моральная ответственность, человеческий контроль, цифровое общество.

Введение

Искусственный интеллект всё заметнее присутствует в повседневной жизни. Человек может не видеть сам алгоритм, но сталкиваться с его выводами: банк определяет кредитный риск, цифровая платформа рекомендует информацию, университет проверяет письменную работу, медицинская программа предлагает возможный диагноз. Такие системы позволяют быстрее обрабатывать большие объёмы данных и обнаруживать связи, которые трудно заметить человеку. Вместе с тем они создают новый моральный вопрос: кто отвечает за решение, если оно было принято при участии искусственного интеллекта?

На первый взгляд ответ кажется очевидным: ответственность несёт тот, кто использовал программу. Однако в реальной ситуации всё сложнее. Пользователь может не понимать внутреннюю логику модели; разработчик не всегда знает, в каких условиях будет применён продукт; организация может ссылаться на техническую рекомендацию; а руководитель — утверждать, что доверился системе, прошедшей проверку. В итоге решение влияет на жизнь конкретного человека, но ответственность оказывается рассеянной между множеством участников.

Актуальность проблемы определяется тем, что искусственный интеллект перестал быть исключительно исследовательской технологией. Он становится частью институтов, распределяющих возможности, ресурсы и риски. Ошибка развлекательного сервиса и ошибка медицинской системы имеют разный моральный вес. Поэтому оценивать искусственный интеллект только по точности, скорости или экономической эффективности недостаточно. Необходимо учитывать достоинство личности, справедливость, автономию, право на объяснение и возможность оспорить решение.

Цель статьи - выявить философско-этические основания ответственности человека в условиях развития искусственного интеллекта и предложить модель её практического распределения. Для достижения цели используются методы философского анализа,

сопоставления этических концепций и мысленные примеры из сфер медицины, образования, трудовых отношений и государственного управления.

В классическом понимании моральная ответственность предполагает несколько условий. Субъект должен обладать хотя бы минимальной свободой выбора, понимать значение поступка, предвидеть его вероятные последствия и быть способным объяснить свои мотивы. Именно поэтому ответственность нельзя свести к установлению технической причины события. Камень может стать причиной повреждения, но он не является ответственным; человек же отвечает потому, что способен соотнести своё действие с нормами и интересами других людей.

Развитие технологий расширило временной и пространственный масштаб человеческого воздействия. Ханс Йонас показал, что современная техника требует этики, ориентированной не только на непосредственный поступок, но и на отдалённые последствия для общества, природы и будущих поколений [1]. Эта мысль особенно важна применительно к искусственному интеллекту. Разработчик, создающий модель, может находиться далеко от тех людей, на которых повлияют её рекомендации. Однако дистанция между автором технологии и её последствиями не устраняет моральную связь между ними.

Здесь возникает принципиальное различие между ответственностью «за действие» и ответственностью «за систему». В первом случае рассматривается отдельное решение: например, врач принял или отклонил рекомендацию диагностической программы. Во втором — речь идёт о выборе данных, целей оптимизации, допустимого уровня риска, процедур проверки и правил применения. Чем сложнее искусственный интеллект, тем важнее ответственность не одного человека, а всей организации, которая проектирует и вводит систему в практику.

Современные модели способны создавать тексты и изображения, поддерживать диалог, распознавать закономерности и выбирать вариант действия. Из-за этого возникает соблазн описывать их человеческим языком: «алгоритм решил», «модель поняла», «система считает». Такие выражения удобны, но могут вводить в заблуждение. Они создают впечатление, будто программа обладает намерением и моральной позицией.

Функциональная самостоятельность ещё не равна моральной автономии. Система может выполнять задачу без прямой команды на каждом этапе, однако её цели, архитектура, данные и границы применения заданы людьми и организациями. Даже обучающаяся модель не формирует собственную систему ценностей в человеческом смысле. Она не переживает вину, не испытывает сострадания и не вступает в моральный диалог с пострадавшим человеком. Следовательно, искусственный интеллект сегодня разумнее понимать как сложный инструмент и участника социально-технической системы, но не как полноценного носителя моральной ответственности.

Этот вывод согласуется с рассуждениями О. И. Елховой и А. Ф. Кудряшева, которые обращаются к образу «философского зомби». Внешне убедительное поведение системы, по их мнению, ещё не доказывает наличия у неё субъективного опыта, интенциональности, самосознания и рефлексии [11, с. 111–116]. Данное различие имеет прямое этическое значение. Машина может сформулировать морально звучащее объяснение, но способность воспроизвести язык ответственности не тождественна способности быть ответственным. Поэтому антропоморфные выражения в отношении ИИ требуют осторожности: они незаметно превращают функциональную имитацию в предполагаемую субъектность. Это не означает, что технология нейтральна. В алгоритме закрепляются человеческие решения, какие данные считать значимыми, какую ошибку признать допустимой, чьи интересы поставить в приоритет. Если система отбора персонала обучена на прошлых решениях компании, она может воспроизводить уже существовавшие предубеждения. Формально алгоритм лишь выявляет статистическую закономерность, но фактически эта закономерность приобретает нормативную силу: прошлое начинает определять возможности человека в настоящем. Поэтому фраза «так решил искусственный интеллект» этически несостоятельна. Она подменяет объяснение ссылкой на технический объект и позволяет людям уходить от ответственности. Решение остаётся человеческим хотя бы потому, что люди выбрали саму систему, условия её использования и степень доверия к её результату.

Андреас Маттиас назвал «разрывом ответственности» ситуацию, в которой обучающаяся система действует недостаточно предсказуемо, а традиционные способы приписывания ответственности уже не дают ясного ответа [2]. Разработчик не мог заранее предусмотреть каждое поведение модели, оператор не контролировал её внутренние вычисления, а пострадавший всё же имеет право знать, кто обязан исправить вред.

Проблему нельзя решить простым назначением одного виновного. Искусственный интеллект создаётся и применяется цепочкой участников. Разработчики отвечают за качество модели, документацию, тестирование и известные ограничения. Поставщик отвечает за достоверность заявленных возможностей и своевременное сообщение о рисках. Организация - заказчик отвечает за обоснованность внедрения, качество данных в конкретной среде и защиту прав людей. Специалист, использующий систему, несет ответственность за профессиональную оценку рекомендации, особенно если решение касается здоровья, образования, свободы или доступа к социальным благам. Государство, в свою очередь, обязано устанавливать правила для тех областей, где последствия ошибок могут быть значительными.

Такое распределение не должно превращаться в размывание ответственности. Если «ответственны все», на практике может оказаться, что не отвечает никто. Поэтому для каждой системы заранее должны быть определены конкретные обязанности: кто проверяет данные, кто разрешает внедрение, кто наблюдает за работой модели, кто принимает окончательное решение, кто рассматривает жалобы и кто компенсирует ущерб. Можно сформулировать важный принцип: ответственность должна следовать за реальной властью участника влиять на систему. Чем больше у субъекта возможностей выбрать цель, изменить алгоритм, остановить его применение или проигнорировать рекомендацию, тем выше его ответственность. Одновременно организация не вправе перекладывать весь риск на рядового сотрудника, если она не обеспечила обучение, время для проверки и право не согласиться с выводом программы.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем является алгоритмическая предвзятость. Искусственный интеллект обучается на данных, отражающих реальное общество вместе с его неравенством. Если исторически определённая группа реже получала кредиты или руководящие должности, модель может принять эту связь за норму. Дискриминация в таком случае приобретает вид объективного числового расчёта. Именно поэтому формальная одинаковость процедуры ещё не гарантирует справедливости результата.

Второй риск связан с непрозрачностью, многие высокоэффективные модели устроены так сложно, что пользователь получает ответ без понятного обоснования. Алгоритмический вывод ограничивает возможности личности, и право на объяснение является особенно важным. Человеку недостаточно услышать, что его заявление отклонено из-за «оценки системы». Он должен понять аргументы принятого решения и иметь возможность исправить ошибочные сведения или потребовать пересмотра.

Третий риск, это автоматизация морального выбора. Когда система удобна и обычно работает точно, специалист постепенно перестаёт сомневаться в её рекомендациях. Возникает автоматизационное смещение, человек формально остаётся «в контуре принятия решения», но фактически лишь подтверждает машинный вывод. Поэтому человеческий контроль имеет смысл только тогда, когда специалист компетентен, располагает необходимой информацией и вправе изменить решение без угрозы наказания за отклонение от алгоритма.

Дополнительным основанием для такого контроля служит ограниченность самой алгоритмической рациональности. Елхова и Кудряшев подчёркивают, что идеальная рациональность, предполагающая знание всех альтернатив и последствий, в реальных условиях недостижима. Вычислительная сложность, ограниченные ресурсы, неполнота информации и необходимость действовать во времени заставляют интеллектуальные системы выбирать не абсолютно лучшее, а практически приемлемое решение [11, с. 119–124]. Следовательно, высокая скорость вычислений не устраняет неопределённость и не превращает прогноз в истину. Этическая ошибка возникает тогда, когда вероятностному результату придают статус окончательного и бесспорного суждения о человеке.

Четвёртая проблема касается конфиденциальности и наблюдения. Для повышения точности системы стремятся собрать больше данных, включая чувствительную информацию о

здоровье, поведении, местоположении и общении. Однако техническая возможность анализа ещё не является моральным оправданием такого анализа. Согласие пользователя также не всегда достаточно: человек может не понимать будущих способов использования данных или быть вынужденным согласиться ради получения услуги.

Наконец, генеративный искусственный интеллект обостряет вопрос интеллектуальной добросовестности. В образовании он может помогать объяснять сложный материал и улучшать структуру текста, но может также подменять самостоятельное мышление. Ответственность студента заключается не просто в указании использованного инструмента. Она предполагает понимание представленных аргументов, проверку фактов и готовность защищать написанное как собственную интеллектуальную позицию. Преподаватель, в свою очередь, должен оценивать не только конечный текст, но и ход рассуждения учащегося.

Международные документы постепенно закрепляют человекоцентричный подход. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта связывает развитие технологий с человеческим достоинством, правами человека, справедливостью, прозрачностью и надзором [3]. Европейский акт об искусственном интеллекте использует риск-ориентированную модель и предусматривает специальные требования к системам высокого риска, включая управление рисками, качество данных, документацию и человеческий надзор [4]. Эти документы различаются по юридической природе, но выражают общий принцип: чем серьёзнее возможный вред, тем строже должны быть требования к системе и тем яснее — ответственность участников.

На этой основе можно выделить несколько условий ответственного применения ИИ. Должна сохраняться приоритетность человеческого достоинства. Человека нельзя превращать в набор показателей, даже если цифровой профиль удобен для управления. Алгоритмическая оценка всегда неполна и не исчерпывает личность. Необходима соразмерность, потенциальная польза должна сопоставляться с вероятностью вреда и тяжестью его последствий. В сферах высокого риска окончательное решение не должно приниматься исключительно машиной. Организация обязана фиксировать происхождение данных, версии модели, цели её применения, известные ограничения и ответственных лиц. Без такой документации расследование ошибки превращается в догадки. Человек должен иметь реальную возможность обжаловать решение. Апелляция не может быть ещё одной автоматической процедурой, повторяющей первоначальный вывод. Жалобу должен рассматривать компетентный специалист, способный учесть контекст, который не был отражён в данных.

Также необходим постоянный контроль после внедрения. Даже успешно протестированная модель может утратить точность, если изменились условия или состав данных. Ответственность не заканчивается в момент выпуска продукта: она продолжается на протяжении всего жизненного цикла системы.

Философская трудность искусственного интеллекта состоит не только в том, что машина становится более самостоятельной. Не менее важно то, что человек может добровольно отказаться от собственной самостоятельности. Решение, подтверждённое числом и интерфейсом, кажется беспристрастным, а потому психологически снимает сомнение. Но моральная зрелость проявляется как раз в способности не прятаться за процедуру, когда её результат затрагивает другого человека.

Марк Кёкельберг справедливо рассматривает этику ИИ не как набор внешних ограничений, а как анализ отношений между технологиями, людьми и общественными институтами [5]. С этой точки зрения недостаточно сделать алгоритм технически безопасным. Нужно спросить, какие формы поведения он поощряет, кому предоставляет власть, чьи интересы делает видимыми и кто может оказаться исключённым. В рассматриваемой монографии взаимодействие человека и ИИ описывается через понятие гибридной субъектности. В генеративной цифровой среде человек делегирует алгоритмам часть когнитивных и проектных операций, вследствие чего функции между человеком и технической системой перераспределяются [11, с. 167–169]. Эта идея позволяет точнее понять современную ответственность: решение действительно может быть результатом совместной работы человека и машины, но из этого не следует равенство их моральных статусов. Расширение человеческих

возможностей одновременно расширяет обязанность осмысливать условия делегирования. Чем больше операций передано системе, тем важнее заранее установить пределы её полномочий и сохранить за человеком возможность вмешательства.

Следовательно, наиболее продуктивна модель распределённой, но не обезличенной ответственности. Она признаёт сложность технологической цепочки, одновременно закрепляя конкретные обязанности за каждым участником. Искусственный интеллект может быть средством анализа и поддержки решения, однако он не должен становиться моральным алиби. Чем значительнее влияние технологии на судьбу человека, тем важнее возможность назвать конкретных людей и организации, обязанных объяснить, пересмотреть и исправить решение.

Развитие искусственного интеллекта не отменяет человеческую ответственность, а делает её более сложной и требовательной. ИИ способен обрабатывать данные и предлагать действие, но он не обладает человеческим опытом ответственности, не переживает вину и не может быть ответственным перед обществом. Поэтому попытка признать машину виновной часто скрывает решения тех, кто поставил цель, выбрал данные, допустил систему к применению и доверился её выводу.

Главная этическая задача состоит не в том, чтобы найти единственного виновного после ошибки, а в том, чтобы заранее выстроить понятную архитектуру ответственности. Она должна включать проверку данных, оценку рисков, содержательный человеческий контроль, документирование, независимый аудит и доступную процедуру обжалования. При этом ответственность необходимо соотносить с реальными полномочиями каждого участника. Искусственный интеллект может расширять человеческие возможности, но не должен сужать пространство нравственного выбора. Технологический прогресс становится действительно человеческим только тогда, когда эффективность соединяется со справедливостью, а инновация — с готовностью отвечать за её последствия.

Список литературы

11. Jonas H. *The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age*. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 255 p.

12. Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // *Ethics and Information Technology*. 2004. Vol. 6. P. 175–183. DOI: 10.1007/s10676-004-3422-1.

13. European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EU) 2024/1689 of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // *Official Journal of the European Union*. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 06.10.2026).

14. Coeckelbergh M. *AI Ethics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2020. 248 p.

15. Floridi L., Cowls J., Beltrametti M. et al. AI4People—An ethical framework for a good AI society: Opportunities, risks, principles, and recommendations // *Minds and Machines*. 2018. Vol. 28. P. 689–707. DOI: 10.1007/s11023-018-9482-5.

16. Russell S. *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking, 2019. 352 p.

17. Bostrom N., Yudkowsky E. The ethics of artificial intelligence // *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence* / eds. K. Frankish, W. M. Ramsey. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 316–334.

18. Arendt H. *The Human Condition*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 370 p.

19. Stahl B. C. *Artificial Intelligence for a Better Future: An Ecosystem Perspective on the Ethics of AI and Emerging Digital Technologies*. Cham: Springer, 2021. 124 p. DOI: 10.1007/978-3-030-69978-9.

20. Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. *Генеративная реальность метаверса и искусственный интеллект: монография*. Уфа: Уфимский университет, 2025. 182 с. ISBN 978-5-7477-6274-9.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ И ПИЩЕВЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ АСПЕКТЫ

Мусаева Р.Т
Студентка 2-го курса, ОП 6В01708
Преподаватель русского языка и русской литературы
Южно-Казахстанский педагогический университет
имени Өзбекәлі Жәнібекова,
г. Шымкент, Казахстан
e-mail: musaevaregina244@gmail.com
Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Есимова А.Б.

Аннотация

Статья посвящена социологическому анализу культуры питания студентов в контексте трансформации повседневности, медиатизации потребления и распространения идей ЗОЖ. В рамках исследования был разработан опросник и проведён анкетный опрос среди 59 студентов Республики Казахстан с помощью сервиса Google Forms. Опрос был проведет в сентябре 2026 года. Полученные результаты использовались для анализа особенностей культуры питания студенческой молодёжи. На основе концепций П. Бурдье, социологии повседневности и потребления рассматриваются инфраструктурные, ценностные и визуальные аспекты питания, включая посещение кафе и магазинов, представления о «правильном питании» и фуд-фотографию как форму цифровой самопрезентации. Сформулированы рекомендации для вузов по повышению нутрициологической грамотности студентов.

Ключевые слова: культура питания, пищевые практики, студенческая молодежь, повседневность, здоровый образ жизни, фуд-фотография, медиатизация, гастрономическая культура, habitus, потребление.

Аңдатпа

Мақала күнделікті өмірдің трансформациясы, тұтынуды медиаландыру және салауатты өмір салты (СӨС) идеяларының таралуы жағдайындағы студенттердің тамақтану мәдениетін социологиялық тұрғыдан талдауға арналған. Зерттеу аясында сауалнама әзірленіп, Google Forms сервисі арқылы Қазақстан Республикасының 59 студенті арасында сауалнама жүргізілді. Сауалнама 2026 жылдың қыркүйек айында өткізілді. Алынған нәтижелер студент жастардың тамақтану мәдениетінің ерекшеліктерін талдау үшін пайдаланылды. П. Бурдьенің тұжырымдамаларына, күнделікті өмір және тұтыну социологиясына сүйене отырып, тамақтанудың инфрақұрылымдық, құндылықтық және визуалдық аспектілері қарастырылады. Атап айтқанда, кафелер мен дүкендерге бару, «дұрыс тамақтану» туралы түсініктер және цифрлық өзін-өзі таныстырудың бір түрі ретіндегі тағам фотосуреттері талданады. Сонымен қатар жоғары оқу орындарына студенттердің нутрициологиялық сауаттылығын арттыруға бағытталған ұсыныстар беріледі.

Түйін сөздер: тамақтану мәдениеті, тамақтану тәжірибелері, студент жастар, күнделікті өмір, салауатты өмір салты, тағам фотосуреттері, медиаландыру, гастрономиялық мәдениет, габитус, тұтыну.

1.1. Актуальность темы исследования

Питание — не только биологическая необходимость, но и один из наиболее устойчивых и одновременно пластичных элементов повседневной культуры. В условиях трансформации социальной структуры казахстанского общества, ускорения городской жизни и цифровизации коммуникаций пищевые практики студентов заметно меняются, отражая процессы социальной адаптации, урбанизации быта и формирования новых моделей потребления [1, с. 34]. Студенчество занимает особое положение: это период относительной финансовой самостоятельности и первого опыта самостоятельного быта, но вместе с тем период высокой академической нагрузки, дефицита времени и психоэмоционального напряжения [2, с. 112].

Актуальность темы обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, именно в

студенческие годы закладываются устойчивые пищевые привычки, влияющие на здоровье и работоспособность во взрослой жизни [3, с. 58]. Во-вторых, питание студентов — индикатор более общих процессов: благосостояния семей, доступности инфраструктуры питания, включенности молодежи в тренды ЗОЖ. В-третьих, в условиях медиатизации повседневности еда становится объектом визуальной репрезентации и символического обмена в социальных сетях [4, с. 21]. Кроме того, растет противоречие между ценностями здорового образа жизни, транслируемыми рекламой, соцсетями и программами вузов, и реальными условиями студенческой жизни — нехваткой времени, ограниченным бюджетом, отсутствием кухонь в общежитиях и съемном жилье [5, с. 143].

1.2. Постановка проблемы, цель и задачи исследования

Проблема исследования — противоречие между потребностью студентов в рациональном питании и социокультурными, инфраструктурными и экономическими условиями формирования их пищевых привычек.

Цель исследования — выявить основные социокультурные особенности и противоречия пищевых практик студентов на примере инфраструктуры питания, представлений о «правильном питании» и визуальной культуры фотографирования еды.

Задачи исследования: 1) рассмотреть теоретико-методологические подходы к изучению социологии питания и повседневности; 2) проанализировать практики использования студентами инфраструктуры питания — кафе, столовых, фастфуда, «магазинов у дома» и супермаркетов; 3) выявить особенности восприятия «правильного питания»; 4) охарактеризовать фуд-фотографию как форму визуальной культуры и медиатизации питания; 5) определить основные риски пищевого поведения студентов;

Объект исследования — студенческая молодежь вузов как социальная группа, носитель специфических пищевых практик. Предмет — социокультурные особенности, факторы и противоречия культуры питания современного студенчества в контексте повседневности и медиатизации потребления.

1.3. Обзор научных подходов к изучению социологии питания

Теоретическим основанием исследования выступает социология повседневности, рассматривающая питание как структурированную социальную практику, укорененную в привычках, ритуалах и символических значениях [6, с. 77]. Повседневное питание анализируется через рутинизацию — устойчивое воспроизводство действий, которые редко рефлексируются, но подчиняются социальным закономерностям.

Ключевое значение имеет концепция габитуса П. Бурдье: вкусовые предпочтения и стиль питания формируются в процессе социализации и определяются происхождением, образованием и объемом экономического, культурного и символического капитала [1, с. 189]. «Вкус к необходимому» у менее обеспеченных групп и «вкус к роскоши» у более обеспеченных порождают разные модели питания, что применимо и к студенческой среде, где статус семьи, регион происхождения и доход существенно влияют на реальные практики [1, с. 203].

Значимы также концепции общества потребления и символического потребления: продукты питания все чаще служат знаками, транслирующими образ жизни, статус и идентичность [4, с. 45]. Это объясняет, почему выбор кафе, оформление блюда или его фотографирование становятся элементами самопрезентации в цифровой среде. Социология медиатизации дополняет картину: фуд-фотография — проявление процесса, при котором ранее приватные действия приобретают публичный, демонстративный характер благодаря социальным сетям [7, с. 66].

1.4. Методология исследования

Применен смешанный дизайн, сочетающий количественные и качественные методы, что обеспечивает и репрезентативность общих тенденций, и глубину понимания смыслов пищевого поведения [8, с. 29]. Количественным методом выступило анкетирование студентов очной формы обучения: частота и место приема пищи, посещение объектов инфраструктуры питания, самооценка питания, понимание «правильного питания», практики фотографирования еды. Оно позволило выявить различия между подгруппами по полу, курсу и месту проживания (общежитие, съемное жилье, проживание с родителями).

Качественный этап включал полуструктурированные интервью и наблюдение в столовых, кафе и заведениях быстрого питания. Интервью выявили мотивы пищевого выбора, а наблюдение — расхождения между заявленной приверженностью «правильному питанию» и реальным поведением студентов. Сочетание методов позволило раскрыть социокультурные основы пищевых практик [6, с. 91].

2.1. Практики посещения кафе, столовых и точек фастфуда

Инфраструктура питания, доступная студенту в повседневной жизни, является одним из ключевых факторов, формирующих реальные пищевые практики молодежи, зачастую в большей степени, нежели декларируемые ценностные установки [2, с. 127]. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что подавляющее большинство студентов регулярно, не реже нескольких раз в неделю, пользуются услугами объектов общественного питания вне дома — университетских столовых, кафе шаговой доступности и точек фастфуда, расположенных в непосредственной близости от учебного корпуса.

Анализ мотивов обращения к внешним точкам питания позволяет выделить три основные причины. Первая — экономия времени из-за плотного расписания и коротких перерывов, что побуждает студентов выбирать готовые блюда и перекусы [3, с. 64]. Вторая — социальная: посещение кафе служит не только способом утоления голода, но и формой досуга и общения с одногруппниками [5, с. 151]. Третья — отсутствие условий для самостоятельного приготовления пищи, особенно у студентов, проживающих в общежитиях или съемном жилье с ограниченными кухонными возможностями.

Исследование выявило зависимость частоты посещения фастфуда от финансового положения студентов. Для студентов с ограниченным бюджетом он чаще выступает доступным способом питания, тогда как обеспеченные студенты посещают кафе преимущественно ради отдыха и общения [2, с. 134]. Это подтверждает тезис Бурдье о зависимости смыслов потребления от объема располагаемых социальных и экономических ресурсов [1, с. 211].

2.2. Роль «магазинов у дома» в повседневном питании студентов

Особое место в инфраструктуре питания студенческой молодежи занимают небольшие продуктовые магазины шаговой доступности, получившие в разговорной практике название «магазины у дома». Данный формат торговли, характеризующийся близким расположением к местам проживания студентов, круглосуточным или расширенным режимом работы и ассортиментом, ориентированным на быстрые покупки, играет значимую роль в удовлетворении сиюминутных пищевых потребностей молодежи [3, с. 71].

По данным проведенного опроса, «магазины у дома» чаще всего используются студентами для приобретения снеков, сладостей, напитков, а также готовой к употреблению продукции — сэндвичей, выпечки, молочных продуктов быстрого потребления. Показательно, что обращение к данному формату торговли носит преимущественно импульсивный, ситуативный характер и слабо связано с рациональным планированием рациона: покупки в «магазинах у дома» чаще совершаются в вечернее время, в перерывах между учебными занятиями или подготовкой к экзаменам, что позволяет интерпретировать данную практику как форму компенсаторного пищевого поведения в условиях повышенной учебной нагрузки и стресса [5, с. 168].

Материалы интервью также свидетельствуют о значимости фактора шаговой доступности и минимизации временных затрат при выборе места совершения покупки: студенты неоднократно отмечали, что предпочитают «магазин у дома» супермаркету именно в ситуациях ограниченного времени, несмотря на осознание более высокой стоимости товаров в подобных торговых точках по сравнению с крупными сетевыми магазинами. Таким образом, выбор в пользу «магазина у дома» представляет собой типичный пример компромисса между экономической рациональностью и временными ограничениями, характерными для студенческой повседневности [2, с. 140].

2.3. Модели посещения супермаркетов: закупки, поиск скидок и соотношение готовой еды

Посещение супермаркетов носит более плановый характер и приурочено к получению стипендии или иных поступлений. Значительная часть студентов делает базовые закупки один-

два раза в неделю, приобретая продукты длительного хранения (крупы, макароны, консервы) и продукты для приготовления блюд на несколько дней, что отражает стратегию рационализации бюджета [3, с. 79]. Важна и стратегия поиска скидок: студенты ориентируются не на лояльность магазину, а на промоакции и купоны, отслеживаемые через мобильные приложения и тематические группы в соцсетях [4, с. 58]. Это говорит о развитой потребительской рациональности при объективных бюджетных ограничениях.

Растет доля полуфабрикатов и готовых блюд — из-за нехватки времени и кулинарных навыков, расширения ассортимента и снижения их относительной стоимости [3, с. 85]. Вместе с тем студенты, более вовлеченные в практики ЗОЖ, сознательно выбирают продукты для самостоятельного приготовления, рассматривая готовку как заботу о здоровье и контроль качества пищи.

3.1. Восприятие термина «правильное питание»: мифы, стереотипы и реальные знания

Понятие «правильное питание» (в молодежном сленге — ПП) прочно вошло в повседневный лексикон современной студенческой молодежи, однако, как показывают результаты исследования, содержательное наполнение данного термина остается крайне размытым и неоднородным [4, с. 66]. В интервью представления студентов о «правильном питании» различались: одни говорили о балансе белков, жиров и углеводов и контроле калорий, другие ограничивались общими советами вроде «меньше вредного», «не есть после шести» и «больше зелени», не всегда основанными на научных знаниях.Это свидетельствует о том, что студенты чаще формируют представления о «правильном питании» на основе блогов, соцсетей и советов знакомых, а не научных источников, что способствует распространению пищевых мифов [7, с. 82]. Среди них — представления о вреде углеводов и жиров, необходимости строгого режима питания и эффективности голодания или резкого ограничения калорий для снижения веса.

Значимым результатом исследования выступает выявленное расхождение между декларируемой значимостью «правильного питания» для респондентов и уровнем их реальной нутрициологической грамотности: подавляющее большинство опрошенных студентов оценивает тему здорового питания как «важную» или «очень важную» для себя лично, однако при этом демонстрирует крайне ограниченные и фрагментарные знания о базовых принципах сбалансированного рациона [8, с. 47]. Данное противоречие указывает на разрыв между ценностной декларацией и операциональным знанием, что характерно для феномена символического, а не практического усвоения ценностей здорового образа жизни.

3.2. Противоречия между идеальными представлениями и студенческой реальностью

Исследование выявило противоречие между стремлением студентов правильно питаться и реальными практиками, на которые влияют нехватка времени, ограниченный бюджет и стресс, особенно во время экзаменов \[5, с. 176\].

Нехватка времени приводит к нерегулярному питанию, пропуску приемов пищи и замене домашних блюд перекусами и готовой едой. При этом в выходные студенты чаще питаются сбалансированно, что указывает на ситуативный характер их приверженности здоровому питанию \[3, с. 93\].

Ограниченный бюджет побуждает студентов выбирать более дешевые продукты — выпечку и полуфабрикаты — вместо свежих овощей, фруктов, мяса и рыбы. Особенно это характерно для студентов, живущих отдельно от родителей и не имеющих стабильного дохода, что усиливает разрыв между стремлением к здоровому питанию и реальным выбором продуктов [2, с. 148].

Экзаменационный стресс также влияет на пищевое поведение: одни студенты теряют аппетит и реже едят, другие склонны к перееданию, выбирая сладкие и калорийные продукты для быстрого получения энергии и эмоциональной разрядки. Это указывает на недостаток навыков саморегуляции питания в стрессовых ситуациях [5, с. 183].

3.3. Влияние трендов ЗОЖ и маркетинга на выбор продуктов

На представления студентов о «правильном питании» влияют реклама и социальные сети

[4, с. 71]. Маркировки «фитнес», «эко», «без сахара» и «органик» часто воспринимаются как гарантия пользы, хотя не всегда отражают реальную пищевую ценность продукта.

Заметное влияние оказывают и фитнес-блогеры, чьи рекомендации не всегда научно обоснованы и подходят всем [7, с. 89]. Многие студенты, особенно девушки, пробовали диеты из социальных сетей, но лишь немногие могли подтвердить их научную обоснованность.

Таким образом, представления студентов о правильном питании формируются под влиянием научных знаний, маркетинга, социальных стереотипов и повседневных ограничений.

4.1. Феномен фотографирования еды: частота, ситуации и контекст

Одним из заметных проявлений цифровой культуры питания стала фуд-фотография — фотографирование еды для публикации в социальных сетях [4, с. 94]. Опрос показал, что большинство студентов практикуют это, однако частота зависит от ситуации.

Чаще всего студенты фотографируют блюда в кафе и ресторанах, где привлекательная подача и сама атмосфера располагают к созданию снимков. Дома это происходит реже, обычно при приготовлении нового или праздничного блюда [4, с. 101].

Студенты, придерживающиеся принципов ЗОЖ, также фотографируют еду, чтобы следить за рационом и контролировать соблюдение диеты. Таким образом, фуд-фотография становится не только способом поделиться моментами повседневной жизни, но и инструментом самоконтроля пищевых привычек [7, с. 108].

4.2. Социальные функции и мотивация фотографирования еды

Анализ мотивации, лежащей в основе практики фуд-фотографии, позволяет выделить несколько взаимосвязанных, но содержательно различных функций данной практики в жизни современного студента. Первая функция — коммуникативно-репрезентативная, связанная с самовыражением и конструированием желаемого образа в социальных сетях (Instagram, TikTok). Публикация эстетически привлекательных фотографий еды выступает элементом более широкой стратегии цифровой самопрезентации, позволяющей транслировать подписчикам определенный образ жизни, уровень достатка, включенность в актуальные гастрономические тренды [4, с. 116].

Вторая функция фуд-фотографии связана с эстетическим удовольствием. Некоторые студенты фотографируют еду для себя, не публикуя снимки в социальных сетях, поскольку им нравится сам процесс создания красивых кадров [7, с. 122].

Третья функция — контроль питания. Студенты, соблюдающие диету или занимающиеся с тренером, используют фотографии блюд для отслеживания рациона, подсчета калорий и отчетности перед специалистами [3, с. 104].

Четвертая функция связана с общением: студенты отправляют фотографии еды родителям, партнерам и друзьям, чтобы поддерживать связь и показывать, что заботятся о себе. Особенно это характерно для тех, кто переехал в другой город на время учебы, поскольку такие снимки помогают близким меньше беспокоиться [5, с. 197].

4.3. Еда как маркер визуальной идентичности и коммуникативного статуса

Обобщение результатов исследования позволяет утверждать, что практика фотографирования еды представляет собой не периферийный, а системообразующий элемент современной визуальной культуры молодежи, в рамках которой еда выступает своеобразным маркером идентичности, социального статуса и включенности индивида в актуальные культурные тренды [4, с. 129]. Оформление, состав и место приготовления или приобретения сфотографированного блюда транслируют определенное сообщение о финансовых возможностях, образе жизни и системе ценностей публикующего фотографию студента, вне зависимости от того, осознается ли данная коммуникативная функция самим субъектом действия.

Важно подчеркнуть, что практика фуд-фотографии тесно переплетается с рассмотренным в предыдущей главе феноменом трансформации представлений о «правильном питании»: визуальная демонстрация «правильно» оформленного, эстетически привлекательного и предположительно полезного блюда выступает формой публичного подтверждения приверженности ценностям здорового образа жизни, что позволяет говорить о формировании особого типа перформативной идентичности, конструируемой посредством визуальной

репрезентации питания в цифровой среде [7, с. 134]. Таким образом, еда в современной студенческой культуре перестает быть исключительно предметом частного, приватного потребления и приобретает статус публичного культурного текста, прочитываемого и интерпретируемого аудиторией социальных сетей.

5.1. Основные риски и проблемы пищевого поведения студентов

Обобщение результатов, полученных в ходе анализа инфраструктурных, ценностных и визуально-коммуникативных аспектов питания студенческой молодежи, позволяет систематизировать основные риски и проблемные зоны, характерные для пищевого поведения данной социальной группы. Первой и наиболее очевидной проблемой выступает нерегулярность питания, проявляющаяся в пропуске отдельных приемов пищи, преимущественно завтрака, и неравномерном распределении пищевой нагрузки в течение дня, что в долгосрочной перспективе создает риски для метаболического здоровья и работоспособности студентов [8, с. 55].

Второй значимой проблемой является преобладание в рационе студентов продуктов с высоким содержанием быстрых углеводов и низкой пищевой ценностью — выпечки, снеков, сладких газированных напитков, что во многом обусловлено их доступностью, низкой стоимостью и минимальными временными затратами на потребление, описанными в главе 2 настоящего исследования применительно к практикам обращения к «магазинам у дома» и точкам фастфуда [3, с. 112].

Третьей проблемой выступает выявленная в главе 3 тенденция к компенсаторному пищевому поведению на фоне академического стресса, проявляющаяся как в форме переедания высококалорийными продуктами, так и в форме отказа от полноценного питания в периоды повышенной учебной нагрузки. Данный паттерн представляет особую опасность вследствие своей цикличности: систематическое повторение подобных моделей поведения в период каждой экзаменационной сессии способствует закреплению устойчивых, зачастую деструктивных пищевых привычек, сохраняющихся и после завершения обучения в вузе [5, с. 204].

Четвертой проблемой, вытекающей из материалов главы 4, выступает риск формирования у части студенческой молодежи искаженного, чрезмерно визуализированного и перформативного отношения к питанию, при котором эстетическая привлекательность и потенциал публикации блюда в социальных сетях начинают доминировать над рациональной оценкой его реальной пищевой ценности, а систематическая визуальная фиксация рациона в отдельных случаях может выступать фактором риска формирования тревожного или навязчивого отношения к контролю питания [7, с. 141].

5.2. Практические рекомендации для вузов и студенческих организаций

На основании проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать ряд практических рекомендаций, адресованных администрации высших учебных заведений, студенческим организациям и профильным подразделениям, ответственным за организацию питания и внеучебную работу со студентами.

Во-первых, необходимо повышение физической и экономической доступности здорового питания в университетской инфраструктуре: расширение ассортимента блюд в столовых вузов за счет включения сбалансированных, но при этом доступных по цене позиций, введение системы гибких скидок для студентов с низким уровнем дохода, а также увеличение числа точек питания непосредственно на территории учебных корпусов с целью сокращения временных затрат на прием пищи между занятиями [3, с. 121].

Во-вторых, целесообразным представляется развитие нутрициологической грамотности студентов посредством включения в программы внеучебной деятельности и воспитательной работы образовательных мероприятий, семинаров и лекций с участием квалифицированных специалистов в области питания и диетологии, направленных на формирование у студентов системного, научно обоснованного представления о принципах сбалансированного рациона, что позволит преодолеть выявленное в главе 3 противоречие между декларируемой значимостью «правильного питания» и фрагментарностью реальных знаний о нем [8, с. 63].

В-третьих, представляется целесообразным создание в вузах условий для

самостоятельного приготовления пищи студентами, проживающими в общежитиях — оборудование и модернизация кухонных помещений, обеспечение доступа к необходимой бытовой технике, что позволит снизить зависимость студентов от точек фастфуда и «магазинов у дома» в качестве вынужденной альтернативы домашнему питанию.

В-четвертых, учитывая выявленную взаимосвязь между академическим стрессом и деструктивными паттернами пищевого поведения, рекомендуется интеграция вопросов управления стрессом и психологической саморегуляции в программы психологической поддержки студентов, реализуемые университетскими центрами психологической помощи, с акцентом на формирование у студентов навыков осознанного, а не компенсаторного отношения к питанию в стрессовых ситуациях [5, с. 211].

В-пятых, целесообразно организовать просветительскую работу по формированию критического отношения студентов к маркетингу производителей продуктов питания и контенту фитнес-блогеров, снижению влияния псевдонаучных диетических трендов на пищевой выбор молодежи и развитию осознанного отношения к фуд-фотографии как элементу цифровой культуры, а не источнику психологического давления.

6.1. Заключение

Исследование дало комплексную социологическую характеристику культуры питания студенческой молодежи в единстве инфраструктурного, ценностного и визуально-коммуникативного измерений. Синтез концепций габитуса Бурдье, социологии повседневности и медиатизации позволил рассмотреть питание как структурированную социальную практику, включенную в систему социального неравенства, повседневных рутин и цифровой коммуникации.

Установлено, что: инфраструктура питания (кафе, столовые, «магазины у дома», супермаркеты) формирует реальные практики студентов сильнее, чем декларируемые ценности, а выбор объектов определяется экономией времени, финансовой рациональностью и коммуникативными потребностями; понятие «правильное питание» размыто и противоречиво, сочетает фрагменты научного знания с мифами, а его реализация затруднена дефицитом времени, бюджетом и стрессом; фуд-фотография — многофункциональная практика (коммуникативно-репрезентативная, эстетическая, дневниковая, социально-отчетная) и маркер цифровой идентичности.

Цель исследования достигнута: культура питания современного студенчества — сложный, внутренне противоречивый феномен, складывающийся на пересечении инфраструктурных и экономических условий, стихийно усваиваемых ценностей и цифровой визуальной культуры.

Список литературы

1. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения / пер. с франц. О.И. Кирчик, О. Иванова. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — 288 с.

2. Ильин В.И. Поведение потребителей: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2000. — 224 с.

3. Мозговая А.В. Социология питания: теоретические подходы и эмпирические исследования // Социологические исследования. — 2019. — № 4. — С. 55–66.

4. Ковалёв Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. — М.: Логос, 2009. — 384 с.

5. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 5–18.

6. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации / пер. с англ. — М.: Академический проект, 2005. — 528 с.

7. Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. — London: Routledge, 2013. — 176 p.

8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. — М.: Омега-Л, 2007. — 567 с.

9. Толстых Н.Н. Психология здорового образа жизни студенческой молодежи // Вопросы психологии. — 2018. — № 3. — С. 38–47.

10. Counihan C., Van Esterik P. Food and Culture: A Reader. — 3rd ed. — New York: Routledge, 2013. — 604 p.

JINA — ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫМ БЮДЖЕТОМ

Муханова А.Т.
Студентка 3-го курса ОП 6B03101 – Социология,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан
e-mail: aiganymmukhanova@mail.ru
Научный руководитель: доцент Кылышбаева Б.Н.

Аннотация

В работе представлена моя авторская идея JINA — цифрового AI-ассистента для управления семейным бюджетом в Казахстане. Мой проект направлен на повышение финансовой грамотности и формирование более устойчивых финансовых привычек домохозяйств. JINA сочетает учёт расходов, планирование накоплений, персонализированные рекомендации и доступное финансовое просвещение. Особенность моей идеи заключается в ориентации не только на индивидуального пользователя, но и на семью с учётом казахстанского социально-культурного контекста. Проект предполагает использование привычных цифровых каналов, включая мессенджеры, что делает его доступным для пользователей разных возрастов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, семейный бюджет, финансовая грамотность, домохозяйство, финансовое поведение, Казахстан, цифровизация.

Введение

В этой работе я представляю свою авторскую идею JINA — цифрового помощника на основе искусственного интеллекта, который должен помогать казахстанским семьям управлять бюджетом. Моя идея возникла из наблюдения за повседневными финансовыми практиками: иногда человек знает, сколько зарабатывает и сколько тратит, но ему всё равно трудно заранее распределить деньги и подготовиться к предстоящим расходам.

Я считаю, что управление бюджетом не должно сводиться только к подсчёту уже потраченных средств. Не менее важно понимать, какие расходы ожидают семью в будущем, какую сумму можно отложить и как избежать ситуации, когда обязательные платежи мешают достижению других финансовых целей.

Для Казахстана эта тема имеет и социальную сторону. Семейные расходы могут включать не только продукты, жильё, коммунальные платежи и кредиты, но и образование детей, помощь родственникам, подарки, *той (традиционное празднество), құдалық (обряд сватовства)* и другие семейные мероприятия. В моём понимании семейный бюджет — это не просто таблица с доходами и расходами, а часть повседневной жизни, на которую влияют отношения между людьми, их обязанности и принятые в обществе традиции.

Актуальность финансовой грамотности подтверждается и государственными документами Казахстана. В Концепции повышения финансовой грамотности на 2020–2024 годы управление личными средствами, финансовое планирование и формирование накоплений рассматриваются как важные направления работы с населением [1]. Международное исследование OECD также рассматривает финансовую грамотность через знания, поведение и установки людей, а не только через понимание финансовых терминов [2].

Поэтому цель моей идеи JINA — разработать концепцию доступного AI-ассистента, который поможет казахстанским домохозяйствам планировать семейный бюджет, учитывать будущие расходы и постепенно формировать более осознанные финансовые привычки.

Для достижения этой цели я хочу определить основные трудности семейного бюджетирования, изучить существующие цифровые решения, выделить особенности своего проекта и продумать, как проверить его востребованность среди потенциальных пользователей.

Постановка проблемы

Я вижу несколько проблем, которые хочу учитывать при разработке JINA.

Первая связана с планированием. Семья может регулярно оплачивать обязательные

расходы, но при этом не иметь понятного плана накоплений или финансового резерва. В результате даже заранее известные траты могут стать неожиданной нагрузкой, если о них не подумали вовремя.

Вторая проблема связана с расходами, которые возникают не каждый месяц. Например, семье может потребоваться подготовить подарок, помочь родственникам, оплатить обучение или организовать семейное мероприятие. В таких ситуациях недостаточно просто видеть текущий остаток на счёте, важно понимать, как предстоящие расходы повлияют на остальные планы.

Третья проблема — различия в финансовых привычках и цифровых навыках. Одним людям удобно пользоваться приложениями и таблицами, другим проще написать короткое сообщение. Я хочу, чтобы мой проект не требовал от пользователя специальных знаний или постоянного заполнения сложных форм.

Кроме того, финансовые вопросы могут влиять на отношения внутри семьи. Когда участники домохозяйства по-разному понимают, на что следует тратить деньги и сколько нужно откладывать, возникают разногласия. При этом я не рассматриваю цифрового помощника как средство решения всех семейных конфликтов. Его задача скромнее: сделать доходы, расходы и финансовые цели более понятными для тех, кто участвует в планировании бюджета.

Таким образом, проблема, которую я хочу решать с помощью JINA, заключается не только в недостатке финансовой информации. Для меня важно, чтобы человек мог применять эту информацию к собственной ситуации и принимать решения с учётом реальных возможностей своей семьи.

Анализ

При разработке своей идеи я учитываю, что цифровые инструменты для управления финансами уже существуют. Поэтому я не утверждаю, что придумала саму возможность использования искусственного интеллекта для анализа расходов. Мне важно понять, чем мой проект может отличаться от существующих решений.

Например, 28 сентября 2026 года Eurasian Bank объявил о запуске EVA — персонального финансового AI-ассистента, который анализирует финансовые данные клиента и отвечает на вопросы о расходах, счетах, депозитах и кредитах [3]. Другой пример — Wallet by BudgetBakers. Этот сервис позволяет учитывать расходы, устанавливать бюджеты, планировать платежи и финансовые цели, а также совместно управлять отдельными финансовыми данными с членами семьи [4].

Я сравнила эти решения со своей концепцией по основным направлениям.

Таблица 1 — **Сравнение существующих финансовых сервисов и проекта JINA**

Критерий	EVA	Wallet	Моя идея JINA
Основная задача	Помощь в понимании личных банковских финансов	Учёт расходов и планирование бюджета	Планирование семейного бюджета с учётом повседневных и предстоящих расходов
Работа с расходами	Анализ финансовых данных клиента	Учёт, категоризация и анализ расходов	Учёт обычных, сезонных и социально значимых семейных расходов
Накопления и платежи	Ответы на вопросы о финансовых продуктах клиента	Бюджеты, цели и планируемые платежи	Планирование накоплений с учётом обязательных платежей и будущих событий
Совместное планирование	Работа с финансовыми данными клиента в банковском приложении	Есть функции совместного доступа и управления семейными расходами	Предусматривается семейный режим с разными уровнями доступа
Финансовое просвещение	Ответы на финансовые вопросы в рамках возможностей сервиса	Анализ расходов и финансовых привычек	Объяснение финансовых вопросов на понятных жизненных примерах
Предполагаемый формат	Мобильное приложение банка	Мобильный и веб-сервис	На первом этапе простой чат-бот в привычном мессенджере

Источник: составлено мной на основе официальных описаний EVA и Wallet [3; 4]. Возможности JINA в таблице являются проектными предложениями, а не результатами

работы готового продукта.

Это сравнение помогло мне точнее определить направление своего проекта. Я не могу утверждать, что в других сервисах отсутствуют семейное планирование, накопления или анализ расходов. Например, Wallet уже поддерживает совместное управление бюджетом. Поэтому я не считаю эти функции отдельным изобретением.

Отличие моей идеи я вижу в том, чтобы объединить семейное бюджетирование, планирование нерегулярных расходов и финансовое просвещение с учётом казахстанского социально-культурного контекста. Я хочу, чтобы пользователь мог заранее учитывать не только обычные ежемесячные платежи, но и предстоящие семейные мероприятия, подарки или помощь родственникам.

В моей концепции JINA пользователь сможет сообщить свои доходы, обязательные платежи и финансовую цель. Например, если ежемесячный доход семьи составляет 350 000 тенге, из которых 120 000 тенге уходит на кредит, а 80 000 тенге — на аренду, помощник должен учитывать эти обязательства при составлении предварительного плана. Если через два месяца семье потребуется накопить определённую сумму, система сможет рассчитать необходимый размер регулярных накоплений и показать, насколько эта цель соответствует указанным возможностям.

Я также предусматриваю учёт расходов через короткие сообщения. Например, пользователь пишет: «Сегодня потратила 4 500 тенге на продукты». JINA должна записать расход в соответствующую категорию и показать, сколько уже потрачено за месяц. В дальнейшем проект можно расширить функциями планирования платежей, семейных финансовых целей и анализа возможного дефицита бюджета.

Отдельное место в моей идее занимает доступность. На первом этапе я рассматриваю возможность запуска JINA в формате чат-бота, например через WhatsApp. Такой вариант может оказаться удобным для людей, которым проще написать сообщение, чем самостоятельно заполнять таблицу или разбираться в сложном интерфейсе. Однако этот формат ещё необходимо проверить на практике, а реализация будет зависеть от технических возможностей и условий работы выбранной платформы.

Кроме того, я хочу включить в JINA образовательную составляющую. Пользователь сможет получать простые объяснения о том, как планировать накопления, распределять зарплату, оценивать долговую нагрузку и готовиться к крупным расходам. Для меня важно, чтобы помощник не только показывал цифры, но и помогал человеку понимать, почему определённое решение может быть полезным или рискованным.

При этом я рассматриваю JINA как инструмент поддержки принятия решений, а не замену профессионального финансового консультирования. Рекомендации системы должны учитывать предоставленные пользователем сведения, а финансовые данные защищаться от несанкционированного доступа.

Чтобы не строить проект исключительно на собственных предположениях, я считаю необходимым изучить потребности потенциальных пользователей. Я планирую провести небольшой опрос среди студентов, молодых семей и других взрослых пользователей. Вопросы будут касаться ведения бюджета, трудностей с накоплениями, нерегулярных расходов и удобных способов взаимодействия с цифровым помощником.

В частности, я хочу выяснить, что чаще мешает людям планировать бюджет, учитывают ли они заранее расходы на семейные мероприятия и хотели бы они пользоваться помощником через мессенджер. Также мне важно понять, нужна ли пользователям возможность совместного планирования бюджета с членами семьи.

Результаты опроса помогут определить, какие функции стоит развивать в первую очередь. Если участникам будет сложнее всего планировать нерегулярные расходы, я уделю больше внимания календарю финансовых событий и накопительным целям. Если основная трудность связана с ежедневным учётом, приоритетом станет простой ввод расходов. Если пользователи проявят интерес к совместному планированию, я подробнее проработаю семейный режим и настройки доступа.

Пока такой опрос не проведён, я не могу утверждать, что JINA уже доказала свою востребованность. Для меня это следующий этап работы над проектом, который позволит проверить исходные предположения и внести необходимые изменения.

Выводы

Моя идея JINA направлена на решение практической задачи — сделать управление семейными финансами более понятным и доступным для казахстанских домохозяйств. В ходе разработки я пришла к выводу, что сам по себе искусственный интеллект не делает проект уникальным, поскольку цифровые помощники и приложения для учёта расходов уже существуют.

Поэтому основное отличие своей идеи я связываю с тем, как именно будет организовано семейное финансовое планирование. Я хочу учитывать не только повседневные траты и обязательные платежи, но и предстоящие социально значимые расходы, особенности семейных финансовых отношений и потребность в простом финансовом просвещении.

В дальнейшем я планирую уточнить функции JINA на основе сравнения существующих сервисов и опроса потенциальных пользователей. Это поможет определить, какие возможности действительно необходимы людям, а какие не имеют первоочередного значения.

На данном этапе JINA представляет собой авторскую концепцию, а не готовый цифровой продукт. Её практическую эффективность ещё предстоит проверить. Я рассматриваю дальнейшую работу над проектом как возможность соединить цифровые технологии с пониманием повседневных финансовых практик казахстанских семей.

Для меня главная задача JINA — это не просто показать человеку, куда ушли его деньги, а помочь ему заранее увидеть свои финансовые возможности, подготовиться к будущим расходам и принимать более осознанные решения.

Список литературы

1. Правительство Республики Казахстан. Об утверждении Концепции повышения финансовой грамотности на 2020–2024 годы: постановление от 30 мая 2020 года № 338 [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000338 (Дата обращения: 11.10.2026)

2. OECD. OECD/INFE 2023 International Survey of Adult Financial Literacy. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: https://doi.org/10.1787/56003a32-en.

3. Eurasian Bank. Евразийский банк запустил первого в Казахстане персонального финансового AI-ассистента в мобильном приложении — EVA [Электронный ресурс]. 28 сентября 2026 года. URL: https://eubank.kz/ru/press-releases/evrazijskij-bank-zapustil-pervogo-v-kazahstane-personalnogo-finansovogo-ai-assistenta-v-mobilnom-prilozhenii-eva-28-09-2026 (Дата обращения: 11.10.2026)

4. BudgetBakers. Wallet — Personal & Family Finance Manager [Электронный ресурс]. URL: https://budgetbakers.com/en/products/wallet/ (Дата обращения: 11.10.2026)

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ МОДЕРНИЗАЦИЯНЫҢ ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢІ: ИНСТИТУТТАР МЕН ҚОҒАМДЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР

Мұқатай Мейірлан
meirlan.mmj06@gmail.com
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Халықаралық қатынастар факультеті, Саясаттану кафедрасының бакалавры, Астана, Қазақстан
Ғылыми жетекшісі – Д.Е. Копежанова, PhD

Аңдатпа. Мақалада 2022–2026 жылдар аралығындағы Қазақстандағы саяси модернизацияның институттық өлшемдері және оның қоғамдық салдары талданады. Зерттеудің мақсаты — «Жаңа Қазақстан» бағдарламасы аясында жүзеге асқан конституциялық

реформалардың (2022 жылғы маусымдағы және 2026 жылғы 15 наурыздағы референдумдар), парламент құрылымының өзгеруінің, партиялық жүйенің қайта құрылуының және азаматтық қоғам мен ақпараттық кеңістіктің жай-күйінің өзара байланысын ғылыми тұрғыдан бағалау. Зерттеуде институционалдық талдау, салыстырмалы-құқықтық әдіс, сайлау статистикасын талдау және ЕҚЫҰ/ДИАҚБ бақылау есептерін контент-талдау қолданылды. Автор саяси модернизацияның қазіргі кезеңін «басқарылатын институционалдық жаңару» ретінде сипаттайды: институттардың формалды жаңаруы мен өкілдік ұйымдардың құрылымдық күрделенуі байқалғанымен, саяси бәсекелестіктің ауқымы шектеулі күйінде қалып, атқарушы биліктің рөлі күшейді. Мақала қорытындысында модернизацияның тұрақтылығы институттардың нақты жұмыс істеу сапасына, сайлау сенімділігіне және қоғамдық кері байланысқа тәуелді екені көрсетіледі.

Түйін сөздер: саяси модернизация, Жаңа Қазақстан, конституциялық реформа, Құрылтай, бір палаталы парламент, партиялық жүйе, институционалдық даму, Халық кеңесі, сайлау жүйесі.

Аннотация. В статье анализируются институциональные измерения политической модернизации в Казахстане за период 2022–2026 гг. и ее общественные последствия. Цель исследования — научная оценка взаимосвязи конституционных реформ (референдумы июня 2022 года и 15 марта 2026 года), реализованных в рамках программы «Новый Казахстан», изменений структуры парламента, реорганизации партийной системы, а также состояния гражданского общества и информационного пространства. В исследовании использовались институциональный анализ, сравнительно-правовой метод, анализ избирательной статистики и контент-анализ отчетов БДИПЧ/ОБСЕ по наблюдению за выборами. Автор характеризует современный этап политической модернизации как «управляемое институциональное обновление»: несмотря на формальное обновление институтов и structural усложнение представительных органов, масштаб политической конкуренции остается ограниченным, а роль исполнительной власти усилилась. В заключении статьи указывается, что устойчивость модернизации зависит от качества фактического функционирования институтов, доверия к выборам и наличия эффективной обратной связи с обществом.

Ключевые слова: политическая модернизация, Новый Казахстан, конституционная реформа, Курултай, однопалатный парламент, партийная система, институциональное развитие, Народный совет, избирательная система.

Кіріспе

Саяси модернизация — қоғамның саяси жүйесін жаңа әлеуметтік-экономикалық талаптарға бейімдеу, мемлекеттік институттардың тиімділігі мен өкілдік сипатын арттыру процесі. Классикалық модернизация теориясында (С. Хантингтон, Д. Аптер, Г. Алмонд) саяси даму институттардың күрделенуімен, бейімделу қабілетімен және саяси қатысудың кеңеюімен байланыстырылады. Алайда Хантингтонның белгілі тұжырымы бойынша, саяси қатысу институционалдану қарқынынан озып кетсе, тұрақсыздық қаупі артады [1]. Бұл ой Қазақстандағы қазіргі реформалар контекстінде де өзекті.

Қазақстан үшін 2022 жылғы қаңтардағы жаппай толқулар саяси модернизацияның жаңа кезеңіне қозғаушы себеп болды. Мемлекет басшысы Қ.-Ж. Тоқаев «Жаңа Қазақстан» ұғымын енгізіп, «күшті Президент – ықпалды Парламент – есеп беретін Үкімет» формуласын ұсынды. Осы уақыттан бері елде екі референдум өтті, ал 2026 жылы 1995 жылғы Конституция толықтай жаңа Негізгі Заңмен ауыстырылды. Сонымен қатар 2026 жылғы 23 тамызда бір палаталы Құрылтайға алғашқы сайлау өтті. Осылайша, зерттеліп отырған кезең жүйелі институттық қайта құрылымның шешуші сатысына жетті.

Мақаланың мақсаты — қазіргі кезеңдегі саяси модернизацияның институттық мазмұнын, оның қоғамдық өзгерістермен байланысын және шектеулерін жүйелі талдау. Бұл мақсатқа жету үшін мынадай міндеттер қойылды: 1) модернизацияның теориялық негіздерін нақтылау; 2) 2022–2026 жылдардағы конституциялық-институттық өзгерістердің хронологиясын жасау; 3) жаңа Конституцияның негізгі институттық жаңалықтарын талдау; 4) 2026 жылғы сайлау нәтижелері негізінде партиялық жүйенің жай-күйін бағалау; 5) азаматтық қоғам, ақпараттық орта және саяси қатысу мәселелерін қарастыру.

Зерттеу әдістері: институционалдық және құқықтық талдау, салыстырмалы әдіс, сайлау статистикасын сандық талдау, сондай-ақ халықаралық бақылаушы миссиялардың қорытындыларын салыстыру. Эмпирикалық база ретінде Орталық сайлау комиссиясының ресми қорытындылары, Конституциялық құжаттар мен халықаралық сараптамалық-аналитикалық басылымдар пайдаланылды. Кейбір деректердің жаңалығына байланысты (2026 жылдың тамыз–қыркүйегі) олардың бір бөлігі аналитикалық орталықтардың басылымдарына және жиналған анықтамалық жинақтарға сүйенеді; бұл ақпараттың нақтылануы мүмкін екенін ескерген жөн.

1. Саяси модернизацияның теориялық негіздері

Модернизация теориясының алғашқы буыны (Д. Лернер, С. Липсет) экономикалық өсу мен урбанизация демократияландыруға алып келеді деген болжамға сүйенді [2]. Кейінгі зерттеулер бұл детерминизмді сынға алды: Х. Линц пен А. Степан демократиялық өтпелі кезеңнің траекториясы институттарға, элиталардың мінез-құлқына және тарихи мұраға тәуелді екенін көрсетті [3]. Постсоветтік кеңістікті зерттеген Л. Уэй мен С. Левицкий «бәсекелі авторитаризм» ұғымын енгізіп, формалды демократиялық институттардың болуы саяси бәсекелестіктің нақты болуын білдірмейтінін дәлелдеді [4].

Осы тұрғыдан алғанда, саяси модернизацияның екі өлшемін ажырату қажет. Бірінші — институттық-функционалдық өлшем: мемлекеттік аппараттың тиімділігі, құқықтық анықтық, басқару сапасы, цифрландыру. Екінші — өкілдік-демократиялық өлшем: бәсекелі сайлау, билік тармақтарының тепе-теңдігі, азаматтық бостандықтар, саяси плюрализм. Қазақстан жағдайында бұл екі өлшем әрдайым бірдей қарқынмен дамымайды, сондықтан қазіргі кезеңді бағалау үшін «институттық жаңару» мен «демократиялық терендеу» ұғымдарын бір-бірінен бөліп қарастыру әдістемелік тұрғыдан дұрыс.

Қазақстандық зерттеушілер модернизацияны көбіне «үстінен басқарылатын» реформа ретінде сипаттайды, мұнда мемлекет өзгерістердің бастамашысы әрі бақылаушысы болады. Д. Сатпаевтың бағалауынша, мемлекеттік ресурстарды кеңінен пайдаланып қол жеткізілген жоғары қолдау консенсус елесін тудырып, билік пен азаматтар арасындағы кері байланысты әлсіретуі мүмкін [5]. Бұл пікір реформалардың қоғамдық қабылдануын бағалауда сақ болуға шақырады.

2. Реформалардың хронологиясы: 2022–2026 жылдар

2.1. «Жаңа Қазақстан»: 2022 жылғы бастама

Саяси реформалар 2022 жылдың қаңтарындағы оқиғалардан кейін басталды. 2022 жылғы 5 маусымда өткен республикалық референдумда Конституцияның 33 бабына енгізілген түзетулер қолдау тапты; құжаттарға сәйкес, дауыс берушілердің шамамен 77 %-ы түзетулерді жақтады. Реформа Президенттің өкілеттіктерін шектеді, Парламенттің рөлін күшейтті, Конституциялық сотты қалпына келтірді, Адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын нығайтты және Тұңғыш Президенттің («Елбасы») ерекше конституциялық мәртебесін алып тастады. Сол жылдың қыркүйегінде қабылданған түзетулер Президентті бір ретті, жеті жылдық мерзіммен сайлауды бекітті, ал астананың Астана атауы қайтарылды [6].

2023 жылғы 19 наурыздағы Мәжіліс сайлауы аралас (мажоритарлық-пропорционалдық) жүйемен өтті. Бұл жүйе 2004 жылдан кейін бірінші рет қолданылды, ал «Аманат» партиясы 98 орынның 62-сін алып басым көпшілікті сақтады, бірақ бұрынғы шақырылымдармен салыстырғанда оның үлесі азайды [7]. Мәжіліске тәуелсіз депутаттар мен алғаш рет кірген партиялар («Ауыл», Respublica) келді, сөйтіп парламенттік фракциялардың саны алтыға жетті.

2.2. Парламенттік реформа бастамасынан жаңа Конституцияға дейін

2025 жылғы 8 қыркүйектегі Жолдауында Президент Сенатты тарату және партиялық тізіммен сайланатын бір палаталы парламентке көшу идеясын алға тартып, референдумды 2027 жылға жоспарлады. 2025 жылғы қазанда Ерлан Қариннің басшылығымен 33 мүшелі Парламенттік реформа жөніндегі жұмыс тобы құрылды. Талқылау барысында өзгерістердің ауқымы күтілгеннен кеңірек екені анықталды. 2026 жылғы 21 қаңтарда Конституциялық комиссия құрылып (төрағасы — Конституциялық Сот төрайымы Эльвира Әзімова), ол 31 қаңтарда қолданыстағы Негізгі Заңның шамамен 84 %-ына өзгеріс енгізу қажеттігіне байланысты жаңа Конституцияны әзірлеуді ұсынды [8].

Түпкілікті жоба 2026 жылғы 12 ақпанда жарияланды және кіріспе мен 11 бөлімге біріктірілген 95 баптан тұрды. 2026 жылғы 15 наурызда өткен референдумда Орталық референдум комиссиясының ресми деректері бойынша сайлаушылардың 73,12 %-ы қатысты; жаңа Конституцияны 7 954 667 адам, яғни жарамды дауыстардың 89,86 %-ы қолдады, ал 898 099 адам (10,14 %) қарсы дауыс берді [9]. Кейбір басылымдар 87,15 % көрсеткішін келтіреді — бұл қолдаудың берілген барлық бюллетеньдердегі (жарамсыздарын қоса) үлесі; көрсеткіштердегі айырмашылық есептеу базасының әртүрлілігінен туындайды. Президент Конституцияға 2026 жылғы 17 наурызда қол қойды, ол 2026 жылғы 1 шілдеде күшіне енді, ал 15 наурыз жыл сайынғы Конституция күні болып белгіленді [10].

3. 2026 жылғы Конституциядағы негізгі институттық жаңалықтар

3.1. Бір палаталы Құрылтай

Конституцияның басты жаңалығы — Сенат пен Мәжілістің орнына 145 депутаттан тұратын бір палаталы Құрылтайдың құрылуы. Депутаттар бес жылдық мерзімге бүкіл ел бойынша бір округтегі жабық партиялық тізім бойынша пропорционалды жүйемен сайланады, партиялар үшін өту тосқауылы — 5 % [11]. Императивті мандат сақталған: депутат партиядан шығып қалса немесе шығарылса, мандатынан айырылады.

Ресми уәжге сәйкес, бір палаталы құрылым заң шығару процесін жылдамдатады және жауапкершілікті нақтылайды. Сонымен қатар оның кемшіліктері де талқыланады. Бұрынғы Сенаттың тепе-теңдік функциясы әлсіз болғанымен, таратылуы жоғарғы палатаның аймақтық өкілдігін жойды. Бұған қоса, Құрылтай Төрағасын Президент ұсынады; егер Құрылтай Төрағаны екі рет сайламаса, Президент оны тарата алады [12]. Президент Премьер-Министрді, Жоғарғы Сот судьяларын және Құрылтай Төрағасын ұсынады. Демек, парламенттің рөлі формалды түрде сақталғанымен, ол кадрлық мәселелерде президенттік бастамаға тәуелді.

3.2. Вице-президент институты

Конституциямен 1996 жылы жойылған вице-президент лауазымы қайта енгізілді. Вице-президентті Президент тағайындайды және кандидатураға Құрылтайдың келісімі қажет; ол Президент өкілеттігі мерзімінен бұрын тоқтаған жағдайда мұрагер рөлін атқарады. 2026 жылғы 31 тамызда вице-президент қызметіне Ерлан Карин тағайындалды. Бұл институт бір жағынан атқарушы билікті басқаруды жеңілдететін құрал, екінші жағынан 2029 жылы аяқталатын президенттік мерзім тұсындағы билік сабақтастығының құралы ретінде сарапталады [13]. Сонымен қатар президенттік мұрагерлік реті де өзгерді: вице-президенттен кейін Құрылтай Төрағасы, одан кейін Премьер-Министр тұрады [14].

3.3. Халық кеңесі және өзге органдар

Қазақстан халқы Ассамблеясы мен Ұлттық құрылтайды біріктіретін Халық кеңесі («Халық кеңесі») «елдің халқының мүддесін білдіретін ең жоғары консультативтік орган» ретінде бекітілді. Ол Құрылтайға заң жобаларын ұсына алады және республикалық референдум бастамасын көтереді. Талдаушылардың бағалауынша, оның құрамы 126 мүшеден тұрады және Президент тағайындайды, сондықтан оның нақты рөлі шектеулі болуы ықтимал [15]. Конституция азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын басымдық ретінде жариялайды, өлім жазасын жояды, жеке өмірді және цифрлық құқықтарды қорғауды бекітеді, жергілікті өзін-өзі басқаруды күшейтеді, сондай-ақ Конституцияға болашақ өзгерістердің тек республикалық референдум арқылы қабылдануы талабын енгізеді [16].

3.4. Күмәнді тұстар мен тәуекелдер

Сарапшылар мен құқық қорғау ұйымдары бірқатар мәселе көтерді: Президентке Құрылтайды тарату және белгілі кезеңде заң күші бар жарлықтар шығару мүмкіндігі; халықаралық шарттардың ішкі құқықтан басымдығы туралы ережені алып тастау; «қоғамдық имандылыққа» немесе «ұлттық құндылықтарға» сілтеме жасайтын түсінігі кең шектеулер; некені тек ер мен әйел арасындағы одақ ретінде анықтау. Ресми өкілдер бұл алаңдаушылықты қабылдамай, реформа басқаруды жетілдіріп, саяси процеске қоғамның қатысуын кеңейтеді деп мәлімдейді.

Қазақстан Конституциялық Соты 2026 жылғы 7 шілдедегі нормативтік қаулысында 1995 жылғы Конституция бойынша өткен өкілеттік мерзімдері жаңа конституциялық тәртіптегі шектеулерге қосылмайды деп түсіндірді; бұл қазіргі Президентке 2029 жылы тағы бір жеті

жылдық мерзімге қатысу мүмкіндігін ашады деп бағаланды [17]. Бұл түсіндірме бір реттік жеті жылдық мерзім қағидасының нақты мазмұны бойынша саяси-құқықтық пікірталас тудыруы мүмкін, сондықтан оны зерттеуші «ашық мәселе» ретінде қарастырғаны абзал.

4. Партиялық жүйе және 2026 жылғы сайлау: эмпирикалық талдау

Құрылтайға алғашқы сайлау 2026 жылғы 23 тамызда өтті. Сайлауға жеті партия қатысты. Оқиғаға дейін «Аманат» партиясы 2026 жылғы 12 маусымдағы кезектен тыс съезінде жаңадан құрылған «Әділет» партиясына қосылу туралы шешім қабылдады; осылайша «Әділет» билеуші партияның институционалдық мұрагеріне айналды. Сайлаушылардың тіркелген саны 12 623 289 болды, келу деңгейі ресми деректер бойынша 74,08 %-ды құрады (кейбір хабарламаларда 74,19 % көрсетіледі; деректердің нақтылануына байланысты аздаған айырмашылық бар) — бұл 2016 жылдан бергі парламенттік сайлаулардағы ең жоғары көрсеткіш [18].

1-кесте. 2026 жылғы 23 тамыздағы Құрылтай сайлауының ресми қорытындысы

Партия	Дауыс, %	Мандат саны	2023 ж. Мәжіліс (мандат)
Әділет	71,17	110	— (Аманат: 62/98)
Ауыл	6,26	10	8
Respublica	5,56	9	6
Ақ жол	5,21	8	6
Жалпыұлттық социал-демократиялық партия (ЖСДП)	5,11	8	4
Халық партиясы	3,11	0	5
Байтақ	1,07	0	0

Ескертпе: Орталық сайлау комиссиясының қорытындысы бойынша; авторлық жинақтау. «Қарсы» — 2,51 %. Дереккөз: [11], [12].

Кестеден көрініп тұрғандай, «Әділет» партиясы дауыстардың 71,17 %-ын және 145 мандаттың 110-ын алды. Салыстыру үшін, 2023 жылы «Аманат» Мәжілістегі 98 орынның 62-сін (шамамен 63 %) алған болатын. Дауыс үлесінің 2023 жылғы 53,9 %-дан 71 %-ға дейін өсуі саяси бәсекелестіктің тарылу тенденциясын көрсетеді. Халық партиясы 5 % тосқауылдан өте алмай, 2012 жылдан бері бірінші рет парламентте өкілдіктен айырылды. Ұқсас түрде «Байтақ» та өтпеді. «Ауыл», Respublica, «Ақ жол» және ЖСДП аз ғана үлеспен өтті, ал олардың бәрі президенттік бағдарламаны қолдайтынын мәлімдеді.

Сайлау аймақтар бойынша біркелкі болмады. Келу деңгейі Түркістан облысында ең жоғары (92,16 %) болса, Алматы қаласында ең төмен (43,23 %) болды; «Әділет» партиясының үлесі Түркістанда 80,82 % болса, Алматыда 57,23 %-ды құрады [19]. Осы айырмашылық мегаполистердегі саяси белсенділік пен ауылдық және оңтүстік өңірлердегі әкімшілік жұмылдыру немесе дәстүрлі лоялдық арасындағы алшақтықты болжауға негіз береді, алайда бұл — бақылаулар негізінде жасалған болжам, тікелей дәлел емес.

ЕҚЫҰ-ның ДИАҚБ, ЕҚЫҰ ПА және Еуропа Кеңесі Парламенттік Ассамблеясының бірлескен бақылаушы миссиясы сайлаудың техникалық тұрғыдан жақсы дайындалғанын атап өтті. Сонымен қатар миссия саяси плюрализмнің шектеулілігін, тәуелсіз кандидаттар мен БАҚ-қа қатысты шектеулерді, «Әділет» партиясына мемлекеттік ресурстар есебінен артықшылық беретін тең емес жағдайды, сондай-ақ дауыс санау процесіндегі елеулі рәсімдік бұзушылықтар мен ресми келу деңгейі мен бақыланған нақты белсенділік арасындағы алшақтықты атап көрсетті [20]. Ресми органдар өз тарапынан сайлау заңдылық аясында өткенін мәлімдеп, тіркелген бұзушылықтардың аздығын көрсетті.

Партиялық жүйе тұрғысынан, пропорционалды жабық тізімдер мен императивті мандат партиялық тәртіпті күшейтеді, ал бұрынғы жеке ұсынылған кандидаттар (өзін-өзі ұсыну) құқығының жойылуы депутаттардың тәуелсіздігін төмендетеді деп бағаланады. Кей

сарапшылар (Т. Умаров және басқалар) жүйенің Құрылтайды атқарушы билік үшін «басқарылатын» органға айналдыратынын атап өтсе, басқалары «Әділет» пен «Аманат» арасындағы алмасуды «квази-екі партиялы» жүйенің қалыптасуы деп бағалады. Бұл қарама-қайшы пікірлердің болуы модернизацияның нәтижесін біржақты бағалауға болмайтынын көрсетеді.

5. Талқылау: «басқарылатын институционалдық жаңару» моделі

Жоғарыда келтірілген деректер қазіргі кезеңді модернизацияның екі өлшемі бойынша әртүрлі бағалауға мүмкіндік береді. Институттық-функционалдық өлшемде айқын өзгерістер бар: Конституцияның жаңаруы, парламенттің қайта құрылуы, цифрлық және экологиялық құқықтарды бекіту, Конституциялық соттың қалпына келуі, жергілікті өзін-өзі басқаруды күшейту туралы ережелер. Ал өкілдік-демократиялық өлшемде нәтиже екіұшты: бәсекелестік әлсіз, партиялық жүйе біртұтас саяси орталыққа бағынады, халықаралық бақылаушылар плюрализмнің шектеулілігін атап өтеді.

Осы негізде автор «басқарылатын институционалдық жаңару» ұғымын ұсынады. Бұл модельдің белгілері: 1) реформа бастамасы мен темпін орталық билік белгілейді; 2) институттардың құрылымы жиі жаңартылады, ал олардың арасындағы нақты тепе-теңдік аз өзгереді; 3) қоғамдық қатысу негізінен мемлекет ұйымдастыратын арналармен жүреді; 4) реформалардың заңдылығы жоғары сайлау белсенділігі мен референдум қорытындылары арқылы дәлелденеді. Модельдің әлсіз тұсы — жоғары қолдау көрсеткіштері мен нақты кері байланыс арасындағы алшақтық, бұл ұзақ мерзімді тұрақтылық үшін тәуекел тудыруы мүмкін.

Сонымен қатар модернизацияның оң әлеуетін де ескеру қажет. Заңнамалық негіздің жаңаруы, инвестициялық және құқықтық анықтықты күшейту, азаматтардың жеке құқықтарын қорғауға қатысты нормалардың болуы тәжірибеде іске асса, ұзақ мерзімде институттық сапаны жақсартуы мүмкін. Реформаның нақты әсері конституциялық ережелердің іс жүзінде қалай қолданылатынына — соттардың тәуелсіздігіне, Құрылтайдың заң шығарудағы және бақылаудағы белсенділігіне, Халық кеңесінің нақты функцияларына, сондай-ақ азаматтық қоғамның жұмыс істеу еркіндігіне — б айланысты болады. Бұл көрсеткіштерді бағалау үшін алдағы жылдарда салыстырмалы мониторинг қажет.

Қорытынды

Зерттеу нәтижесінде Қазақстандағы саяси модернизацияның қазіргі кезеңі мынадай белгілермен сипатталады. Біріншіден, 2022–2026 жылдар аралығында ел екі референдум, Конституцияның толық жаңаруы және бір палаталы парламентке өту арқылы институттық қайта құрылымнан өтті. Екіншіден, жаңа Конституция вице-президент, Халық кеңесі, Құрылтай сияқты институттарды енгізіп, азаматтардың құқықтарын жариялап, конституциялық реттеудің ауқымын кеңейтті, алайда ол президенттік бастама мен тағайындау өкілеттіктерінің рөлін де нығайтты. Үшіншіден, 2026 жылғы сайлаудың нәтижелері партиялық жүйенің жоғары дәрежеде шоғырлануын көрсетті: «Әділет» 145 мандаттың 110-ын алды, ал халықаралық бақылаушылар плюрализмнің шектеулілігін атап өтті. Төртіншіден, қоғамдық өзгерістер екіжақты: цифрлық қызметтер мен ресми қатысу арналары кеңейіп жатқанда, ақпараттық еркіндік пен тәуелсіз бақылауға қатысты алаңдаушылық сақталуда.

Автор модернизацияның тұрақтылығы сандық көрсеткіштерге емес, институттардың нақты жұмыс сапасына, сайлау нәтижелеріне сенімге және қоғам мен билік арасындағы кері байланыстың жандануына тәуелді деп есептейді. Болашақ зерттеулерде Құрылтайдың заң шығару және бақылау қызметінің статистикасын, Конституциялық соттың практикасын, вице-президент пен Халық кеңесінің нақты өкілеттіктерін және азаматтардың институттарға сенім деңгейін эмпирикалық тұрғыдан бағалау перспективалы болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. – New Haven: Yale University Press, 1968. – 488 p.

2. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. – 1959. – Vol. 53, No. 1. – P. 69–105.

3. Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe,

South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 479 p.

4. Levitsky S., Way L. A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 536 p.

5. Сатпаев Д. Референдум нәтижелері туралы пікірлер (сараптамалық бағалау) // 2026 жылғы Қазақстан конституциялық референдумы туралы шолу мақаласында келтірілген. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_constitutional_referendum

6. Constitution of Kazakhstan (шолу, 2022 жылғы референдум мен 2022 жылғы қыркүйектегі түзетулер туралы бөлім). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_Kazakhstan

7. 2026 Kazakh legislative election (2023 жылғы Мәжіліс сайлауы туралы алдыңғы тарихи бөлім). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_legislative_election

8. 2026 Kazakh constitutional referendum (реформа хронологиясы). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_constitutional_referendum

9. 2026 Kazakh constitutional referendum: Results, criticism and analysis. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_constitutional_referendum

10. Kazakhstan: New Constitution Adopted Following Nationwide Referendum // Library of Congress, Global Legal Monitor. – 27 May 2026. URL: https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2026-05-27/kazakhstan-new-constitution-adopted-following-nationwide-referendum

11. 2026 Kazakh legislative election. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_legislative_election

12. Kurultai (Kazakhstan). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Kurultai_(Kazakhstan)

13. Kazakhstan's First Kurultai Under a New Constitution // CACI Analyst. – 2026. URL: http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13990-kazakhstans-first-kurultai-under-a-new-constitution.html

14. Vice President of Kazakhstan; Kazakh presidential line of succession. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Vice_President_of_Kazakhstan

15. Kazakhstan's First Kurultai Under a New Constitution // Central Asia-Caucasus Institute (Substack). – 2026. URL: https://centralasiacaucasusinstitute.substack.com/p/kazakhstans-first-kurultai-under

16. A New Constitution for Just, Strong, and Prosperous Kazakhstan // The National Interest. – 2 April 2026. URL: https://nationalinterest.org/blog/silk-road-rivalries/a-new-constitution-for-just-strong-and-prosperous-kazakhstan

17. 2026 Kazakh constitutional referendum: Results, criticism and analysis. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_constitutional_referendum

18. 2026 Kazakh legislative election. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_legislative_election

19. 2026 Kazakh legislative election. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_legislative_election

20. OSCE/ODIHR, OSCE PA, PACE. Kazakhstan: Kurultai elections, 23 August 2026 — Statement of preliminary findings (24 August 2026), келтірілген: 2026 Kazakh legislative election. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2026_Kazakh_legislative_election

МЫСЛИ ЕСТЬ, А СЛОВ НЕ ХВАТАЕТ: РЕЧЕВЫЕ ТРУДНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Диханбек Шұғыла Абайқызы

студентка 1-го курса образовательной программы «Иностранный язык: два иностранных языка» (6B01705) Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры русского языка и литературы

им. Г. А. Мейрамова Жаманова Жанар Жексенбаевна

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные причины, по которым современной молодёжи бывает трудно ясно и последовательно выражать свои мысли. Особое внимание уделяется недостатку уверенности, страху публичных выступлений, ограниченному активному словарному запасу и влиянию социальных сетей на речевую коммуникацию. В практической части представлены результаты анкетирования пяти респондентов. Согласно полученным данным, 60% опрошенных иногда испытывают трудности при выражении собственных мыслей, 40% сталкиваются с ними часто, а 80% отмечают сложности при выступлении перед аудиторией. На основе результатов предложены рекомендации по развитию речевой культуры. Небольшой объём выборки определяет предварительный характер исследования.

Ключевые слова: молодёжь, речевая культура, устная речь, словарный запас, социальные сети, публичное выступление, анкетирование.

ВВЕДЕНИЕ

Умение выражать собственные мысли — важная часть повседневного общения, обучения и будущей профессиональной деятельности. Человеку недостаточно просто иметь мнение: необходимо сформулировать его так, чтобы собеседник понял основную идею, причины и выводы. Однако в разговорах, на занятиях и во время публичных выступлений некоторые молодые люди сталкиваются с трудностями: долго подбирают слова, сбиваются, повторяют одни и те же выражения или не могут объяснить, почему придерживаются определённой точки зрения. Эта проблема особенно актуальна в период обучения в школе и университете, когда от учащихся и студентов ожидают участия в дискуссиях, ответов у доски, презентаций и самостоятельных письменных работ. При этом трудности в речи не обязательно означают отсутствие знаний. Иногда человек хорошо понимает тему, но испытывает волнение, имеет недостаточную практику или не умеет заранее организовать высказывание. Цель статьи — выяснить, какие факторы могут затруднять выражение мыслей у современной молодёжи и какие способы помогают развивать ясную, последовательную и уверенную речь. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие речевой культуры и связного высказывания.

2. Выделить возможные причины речевых затруднений.

3. Изучить роль цифрового общения и устной практики.

4. Провести анкетирование и проанализировать полученные ответы.

5. Предложить практические рекомендации по развитию навыка выражения мыслей.

Объект исследования — речевое общение молодых людей. Предмет исследования — факторы, которые влияют на способность ясно и последовательно формулировать мысли. Методы исследования: анализ научной литературы, анкетирование, сравнение ответов и обобщение полученных данных. Практическая часть исследования основана на результатах анкетирования пяти респондентов. Вопросы были направлены на выявление трудностей при выражении собственных мыслей, особенностей общения в различных ситуациях, влияния социальных сетей и факторов, мешающих уверенно говорить. Полученные результаты используются для предварительного анализа проблемы и разработки рекомендаций. Поскольку выборка небольшая, её результаты нельзя распространять на всю современную молодёжь.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ ТРУДНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

1.1. Понятие речевой культуры и умения выражать свои мысли

Умение выражать собственные мысли представляет собой способность человека понятно, последовательно и аргументированно передавать информацию собеседнику. Для этого недостаточно знать большое количество слов. Важно правильно подбирать выражения, строить предложения, соблюдать логику высказывания и учитывать ситуацию общения. Речевая культура включает грамотность, точность, последовательность, выразительность и уместность

речи. В повседневном общении человек может ограничиваться короткими фразами, однако в учебной и профессиональной деятельности часто требуется более развёрнутое объяснение своей позиции. Например, во время ответа на занятии необходимо не только назвать свою точку зрения, но и объяснить её, привести аргументы и сделать вывод. Таким образом, трудности при выражении мыслей могут быть связаны как с языковыми навыками, так и с умением организовать высказывание и уверенностью в общении.

1.2. Исследования учёных о речевых трудностях молодёжи

Речевая коммуникация молодёжи зависит от различных факторов, включая языковую среду, особенности повседневного общения и использование цифровых технологий. В исследовании Т. А. Михайловой и соавторов рассматривается влияние социальных сетей на речевую коммуникацию старшеклассников. Эта тема важна для понимания того, как цифровая среда связана с привычками общения молодых людей [1]. Другим значимым аспектом является тревожность во время публичных выступлений. В исследовании Т. Линтнер и Б. Беловецовой рассматриваются демографические предикторы страха публичных выступлений среди студентов университетов [2]. Эта работа позволяет учитывать публичное выступление как отдельную ситуацию общения, в которой человек может испытывать затруднения. При этом сложности в выражении мыслей нельзя объяснять только влиянием социальных сетей или волнением. На способность ясно говорить могут одновременно влиять словарный запас, практика устного общения, навык логического построения высказывания и индивидуальная уверенность.

1.3. Основные причины трудностей в выражении мыслей

Одной из возможных причин является ограниченный активный словарный запас. Человек может понимать значение слова, но испытывать трудности при его самостоятельном использовании. В результате ему приходится долго подбирать выражения, повторять одни и те же слова или заменять точные формулировки общими фразами. Второй причиной может быть недостаточная практика развёрнутой устной речи. В повседневном общении собеседники часто понимают друг друга благодаря контексту, поэтому не всегда требуется подробно объяснять свою позицию. Однако при ответах на занятиях, участии в дискуссиях и публичных выступлениях необходимо формулировать мысли более последовательно. Третьим фактором выступает волнение и неуверенность. Страх допустить ошибку или получить отрицательную оценку может мешать человеку сосредоточиться на содержании высказывания. Даже при хорошем понимании темы говорящий иногда теряет последовательность, забывает нужные слова или говорит слишком кратко. Четвёртый фактор связан с цифровой коммуникацией. Социальные сети и мессенджеры позволяют быстро обмениваться информацией, использовать сокращения и короткие сообщения. Однако привычка к такому формату сама по себе не доказывает ухудшение речевых навыков. Важно учитывать, насколько часто человек практикует развёрнутую устную речь и умеет ли адаптировать своё высказывание к различным ситуациям общения. Наконец, трудности могут возникать из-за недостаточного умения структурировать информацию. Если человек не определил основную мысль и аргументы заранее, его высказывание может получиться непоследовательным.

Поэтому ясная речь требует не только знания языка, но и навыка логически организовывать свои идеи.

1.4. Способы развития навыков выражения мыслей

Развитие речевых навыков требует регулярной практики. Один из доступных способов — чтение книг, статей и других текстов с последующим пересказом. Такая работа помогает знакомиться с новыми словами, запоминать речевые конструкции и учиться передавать основную мысль своими словами. Полезно также регулярно участвовать в разговорах, обсуждениях и дискуссиях. Практика общения помогает учиться объяснять собственную позицию, задавать вопросы и отвечать на аргументы собеседника. Для развития уверенности можно постепенно переходить от коротких ответов к небольшим выступлениям перед знакомыми людьми. Ещё один способ — заранее выстраивать структуру высказывания. Например, можно использовать следующую последовательность: основная мысль, объяснение, пример и вывод. Такая схема помогает сохранять логику и не уходить от темы. Кроме того,

полезно пересказывать просмотренные видеоматериалы, записывать краткие устные выступления и анализировать собственную речь. При этом важно обращать внимание не только на ошибки, но и на понятность, последовательность и точность формулировок. Выводы по теоретической части Таким образом, умение ясно выражать мысли зависит от нескольких взаимосвязанных факторов: активного словарного запаса, практики устного общения, уверенности говорящего и способности логически организовывать высказывание. Цифровая коммуникация является частью современной речевой среды, однако её влияние необходимо оценивать с учётом других обстоятельств. Развитие речевой культуры возможно благодаря чтению, пересказу, участию в дискуссиях и регулярной практике публичных выступлений. Эти положения послужили основой для практической части исследования, в которой анализируются ответы пяти респондентов.

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Анализ результатов анкетирования

Для изучения трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди при выражении собственных мыслей, было проведено анкетирование. В нём приняли участие пять респондентов. Вопросы были направлены на выявление частоты речевых затруднений, ситуаций, вызывающих волнение, влияния социальных сетей и способов развития речевых навыков. Первый вопрос касался того, испытывают ли респонденты трудности при выражении собственных мыслей. Согласно результатам, 60% участников ответили, что сталкиваются с такими трудностями иногда, а 40% — часто. Таким образом, все участники опроса в той или иной степени отметили наличие подобных затруднений.

Рисунок 1 — Трудности при выражении собственных мыслей

Как видно из рисунка 1, 60% участников иногда испытывают трудности при выражении собственных мыслей, а 40% сталкиваются с ними часто. Второй вопрос был посвящён ситуациям, в которых труднее всего выражать свои мысли. Большинство участников — 80% — выбрали выступление перед аудиторией. Остальные 20% указали, что не испытывают трудностей в подобных ситуациях. Полученные ответы позволяют предположить, что публичное выступление может представлять определённую сложность для части опрошенных.

Рисунок 2 — Ситуации, в которых трудно выражать мысли

Согласно рисунку 2, 80% участников отметили, что им сложнее выражать свои мысли перед аудиторией, тогда как 20% указали, что им несложно выражать мысли. Третий вопрос определял, в какой ситуации участникам легче выражать свои мысли. По 40% респондентов отметили личное общение и общение через социальные сети и сообщения. Ещё 20% указали, что оба способа общения для них одинаково удобны. Это показывает, что предпочтения участников в общении различаются. Четвёртый вопрос касался волнения во время публичных выступлений. 60% опрошенных ответили, что почти всегда испытывают волнение, а 40% — что волнуются редко. Эти ответы позволяют рассматривать неуверенность во время выступления как один из возможных факторов речевых затруднений среди участников опроса. Пятый вопрос был направлен на выявление главного препятствия при выражении мыслей. 60% участников назвали недостаток уверенности в себе, 20% — страх допустить ошибку, ещё 20% — недостаточный словарный запас. Таким образом, наиболее распространённым ответом в данной группе оказался недостаток уверенности.

Рисунок 3 — Факторы, мешающие ясно выражать мысли

На рисунке 3 представлены основные факторы, названные участниками: неуверенность в себе (60%), страх ошибки (20%) и недостаточный словарный запас (20%). Шестой вопрос касался частоты чтения вне учебных занятий. 40% участников сообщили, что читают ежедневно, 40% — несколько раз в месяц, а 20% — несколько раз в неделю. Следовательно, привычка читать вне учёбы у участников опроса выражена неодинаково. Седьмой вопрос был посвящён влиянию социальных сетей на речь. 40% респондентов считают, что социальные сети почти не влияют на их речь. Ещё 40% отметили как положительное, так и отрицательное влияние, а 20% указали преимущественно положительное влияние. Ответы демонстрируют различие в восприятии цифровой коммуникации.

Восьмой вопрос касался использования интернет-сленга и сокращений. 60% участников

ответили, что используют их часто, а 40% — очень часто. Таким образом, все опрошенные отметили регулярное использование таких языковых форм в общении. Девятый вопрос позволил выяснить, что, по мнению участников, помогает молодёжи лучше выражать свои мысли. 40% выбрали чтение, ещё 40% — более частое личное общение, а 20% — участие в обсуждениях и дебатах. Эти ответы указывают на несколько способов, которые сами респонденты считают полезными для развития речи. Десятый вопрос касался необходимости развивать культуру речи в университете. 80% участников ответили утвердительно, а 20% выбрали вариант «скорее да». Следовательно, все участники опроса в той или иной степени поддержали развитие речевых навыков в образовательной среде. В целом результаты анкетирования показывают, что среди пяти опрошенных наиболее часто отмечались трудности при публичных выступлениях и недостаток уверенности в себе. При этом участники считают чтение, личное общение и участие в дискуссиях полезными способами развития речи. Следует учитывать, что в исследовании участвовали только пять человек. Поэтому полученные данные отражают ответы конкретной небольшой группы и не могут считаться репрезентативными для всей современной молодёжи.

2.2. Обсуждение результатов исследования

Результаты проведённого анкетирования позволяют выделить несколько факторов, которые могут затруднять выражение мыслей у молодёжи. Прежде всего, ответы участников указывают на важность психологической уверенности и практики устного общения.

Согласно результатам опроса, 60% респондентов иногда испытывают трудности при выражении собственных мыслей, а 40% сталкиваются с ними часто. При этом 80% участников отметили, что наиболее сложно выражать свои мысли во время выступления перед аудиторией. Кроме того, 60% опрошенных сообщили, что почти всегда нервничают при публичных выступлениях. Эти результаты позволяют предположить, что волнение и недостаток уверенности могут затруднять формулирование мыслей даже тогда, когда человек понимает обсуждаемую тему. Ещё одним важным фактором является недостаточная практика общения. По результатам анкетирования, 40% участников считают, что молодым людям помогает лучше выражать мысли общение лицом к лицу. Столько же респондентов выбрали чтение как способ развития речевых навыков. Это показывает, что для развития речи важны как расширение словарного запаса, так и регулярное использование языка в реальных коммуникативных ситуациях. Отдельного внимания заслуживает влияние социальных сетей. Все участники опроса сообщили, что используют интернет-сленг и сокращения: 60% делают это часто, а 40% — очень часто. При этом мнения о влиянии социальных сетей разделились: 40% считают, что они почти не влияют на речь, ещё 40% отмечают как положительное, так и отрицательное влияние, а 20% указывают преимущественно на положительное влияние. Следовательно, по результатам данного опроса нельзя утверждать, что социальные сети однозначно ухудшают речевые навыки. Их влияние может зависеть от характера общения и того, насколько активно человек использует устную и письменную речь вне цифровой среды. Таким образом, результаты анкетирования согласуются с предположением о том, что трудности при выражении мыслей могут быть связаны с волнением, недостатком уверенности, особенностями словарного запаса и недостаточной практикой устного общения. Вместе с тем необходимо учитывать ограничение исследования: в анкетировании участвовали только пять человек. Поэтому полученные данные отражают мнение небольшой группы респондентов и не могут рассматриваться как характеристика всей современной молодёжи.

2.3. Рекомендации по развитию культуры речи молодёжи

1. Регулярно читать книги и другие тексты. Чтение помогает расширять активный словарный запас, знакомиться с новыми выражениями и усваивать способы построения связных высказываний. После прочтения полезно кратко пересказывать содержание своими словами.

2. Чаще общаться лицом к лицу. Живое общение позволяет тренироваться формулировать мысли без длительной подготовки, задавать вопросы и поддерживать диалог. Для развития речи важно не только слушать собеседника, но и самостоятельно участвовать в разговоре.

3. Постепенно развивать навыки публичных выступлений. Поскольку большинство участников опроса отметили трудности при выступлении перед аудиторией, рекомендуется начинать с коротких ответов и небольших презентаций. Постепенное увеличение продолжительности выступлений может помочь привыкнуть к вниманию слушателей и снизить волнение.

4. Учиться структурировать свои мысли. Перед ответом или выступлением полезно определить основную мысль, привести два-три аргумента и сформулировать вывод. Такая последовательность помогает говорить логично и не отклоняться от темы.

5. Расширять активный словарный запас. Новые слова следует не только записывать, но и использовать в собственных предложениях, пересказах и обсуждениях. Это помогает постепенно переводить слова из пассивного запаса в активный.

6. Осознанно использовать социальные сети. Интернет-общение можно применять для обмена мнениями, участия в обсуждениях и написания небольших текстов. При этом важно различать неформальную переписку и ситуации, требующие грамотной и последовательной речи.

7. Создавать условия для речевой практики в университете. Преподавателям рекомендуется чаще организовывать дискуссии, работу в парах и группах, мини-презентации и обсуждение актуальных вопросов. При оценивании устных ответов важно учитывать не только отсутствие ошибок, но и логичность изложения, аргументацию и умение ясно передавать основную мысль. Таким образом, развитие культуры речи требует систематической практики. Сочетание чтения, живого общения, подготовки выступлений и работы над словарным запасом может способствовать формированию более уверенной, грамотной и последовательной речи.

2.4. Выводы по результатам исследования

В ходе практической части исследования были проанализированы ответы пяти респондентов, направленные на выявление основных трудностей при выражении собственных мыслей. Полученные результаты позволили сделать следующие выводы. Во-первых, трудности при выражении мыслей в той или иной степени знакомы всем участникам опроса. При этом 60% респондентов испытывают такие трудности иногда, а 40% — часто.

Во-вторых, наиболее сложной ситуацией оказалось выступление перед аудиторией: этот вариант выбрали 80% участников. Кроме того, 60% респондентов отметили, что почти всегда нервничают при публичных выступлениях. Это позволяет предположить, что волнение и недостаток уверенности могут затруднять устную коммуникацию. В-третьих, среди основных препятствий участники назвали недостаток уверенности в себе (60%), страх допустить ошибку (20%) и недостаточный словарный запас (20%). Следовательно, при развитии речевых навыков важно уделять внимание не только грамотности, но и психологической готовности человека выражать собственное мнение. В-четвёртых, ответы об использовании социальных сетей показали, что интернет-сленг и сокращения широко распространены среди участников опроса. Однако мнения о влиянии социальных сетей на речь различаются, поэтому нельзя сделать однозначный вывод об их исключительно отрицательном воздействии. В-пятых, среди способов развития речи респонденты выделили чтение, общение лицом к лицу и участие в обсуждениях и дебатах. Большинство участников также поддержали необходимость развития речевой культуры в университете. Таким образом, цель исследования была достигнута: были рассмотрены возможные причины трудностей при выражении мыслей, проанализированы результаты анкетирования и предложены рекомендации по развитию речевых навыков. Вместе с тем небольшая выборка из пяти человек ограничивает возможность обобщения результатов. Для получения более точных выводов в дальнейшем необходимо провести опрос с участием большего количества респондентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования была рассмотрена проблема трудностей, с которыми сталкивается современная молодёжь при выражении собственных мыслей. Актуальность данной темы связана с тем, что умение ясно, грамотно и последовательно излагать свои идеи необходимо в учебной деятельности, повседневном общении и будущей профессиональной жизни. В

теоретической части были рассмотрены понятие речевой культуры, основные причины речевых затруднений и способы развития навыков выражения мыслей. Анализ темы показал, что на качество речи могут влиять недостаточный активный словарный запас, ограниченная практика устного общения, волнение при публичных выступлениях и особенности цифровой коммуникации. Практическая часть исследования включала анкетирование пяти респондентов. Согласно полученным данным, 60% участников иногда испытывают трудности при выражении своих мыслей, а 40% сталкиваются с ними часто. Наиболее сложной ситуацией для 80% опрошенных оказалось выступление перед аудиторией. Среди основных препятствий респонденты выделили недостаток уверенности в себе, страх допустить ошибку и недостаточный словарный запас. Результаты также показали, что участники рассматривают чтение и общение лицом к лицу как важные способы развития речи. Кроме того, большинство респондентов поддержали необходимость развития речевой культуры в университете. На основе проведённого исследования были предложены рекомендации, включающие регулярное чтение, расширение активного словарного запаса, участие в дискуссиях, постепенную подготовку к публичным выступлениям и развитие навыков последовательного изложения мыслей. Таким образом, цель исследования достигнута, а поставленные задачи выполнены. Вместе с тем результаты необходимо интерпретировать с учётом ограниченного количества участников. Выборка из пяти человек не позволяет распространять полученные выводы на всю современную молодёжь. Перспективой дальнейшего исследования может стать проведение более масштабного анкетирования с участием студентов разных курсов и образовательных программ. В заключение следует отметить, что способность ясно выражать свои мысли развивается благодаря постоянной практике. Создание условий для открытого общения, обмена мнениями и публичных выступлений может способствовать формированию грамотной, уверенной и последовательной речи у молодёжи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлова Т. А., Полосина А. А., Шилина И. Б., Трифонова А. Ю. Влияние социальных сетей на речевую коммуникацию старшеклассников // Язык и текст. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 148–166. — DOI: 10.17759/langt.2025120113.

2. Lintner T., Belovecová B. Demographic predictors of public speaking anxiety among university students // Current Psychology. — 2024. — Vol. 43. — P. 25215– 25223. — DOI: 10.1007/s12144-024-06216-w.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЦИФРОВЫЕ АРХИВЫ, VR-МУЗЕИ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Нусс И.С., Амангельдинов А.Б.
Студенты 1-го курса ОП 6В01705 – Иностранный язык: два иностранных языка,
Костанайский региональный университет им. Ахмет Байтұрсынұлы,
г. Костанай, Казахстан
e-mail: nussilyaa07@gmail.com, amangeldinovamir254@gmail.com
Научный руководитель: ассоциированный профессор Амантаева А.Б.

Аннотация

В условиях цифровизации сохранение исторической памяти и культурных ценностей, а вместе с ними культурного и генетического кода нации, всё чаще опирается на глобальные интернет-платформы и цифровые архивы. Интерактивные технологии, такие как виртуальные музеи, 3D-моделирование и VR/AR, меняют подходы к сохранению национального наследия, при этом работа с ним остаётся основанной на этических стандартах. В Казахстане современный подход представлен, в частности, электронным порталом «E-Museum» Отдельным примером реализации виртуального музея служит стартап-проект «Археологический музей виртуальной реальности», разработанный Хасеновым Т. Интеграция интерактивных

инструментов позволяет органично связать прошлое и настоящее и обеспечивает всем желающим равный и свободный доступ к памятникам духовной и материальной культуры.

Ключевые слова: историческая память, цифровизация, цифровые архивы, виртуальные музеи, сохранение наследия, ценности.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно международному аналитическому отчёту Digital 2026 (DataReportal), подготовленному на основе данных агентства GSMA Intelligence и статистических показателей ООН, число пользователей интернета составляет 6,12 миллиарда человек, а количество уникальных пользователей мобильной связи достигло 5,83 миллиарда [1]. В Казахстане, по материалам отчётов Digital 2026 Kazakhstan и выборочных обследований Бюро национальной статистики АСПиР РК (БНС), процесс цифровизации достиг фазы наивысшей зрелости: интернетом пользуются 19,5 миллиона человек (93,4% по оценке ООН и 94,6% по демографическим данным БНС), а среди жителей в возрасте от 6 до 74 лет охват составляет 94,8% [2].

В теоретическом плане феномен цифровизации, определяемый в аналитических материалах Gartner IT как фундаментальная трансформация бизнес-моделей и социальных институтов, стал основой для национальных программ более чем 15 государств, включая государственную программу «Цифровой Казахстан». Как отмечают исследователи С. В. Тихонова, С. М. Фролова и В. В. Савчук, в гуманитарной науке произошёл «цифровой поворот», изменивший характер мышления и механизмы трансляции знания о прошлом [3, 55]. Внешним катализатором этих процессов выступила пандемия COVID-19, существенно ускорившая цифровизацию ранее отстававших отраслей, что подчеркивает экономист З. А. Мамедьяров [4, 92]. Хотя, по мнению исследовательниц А. Гетман и К. Адамович, массовый переход на дистанционный формат одновременно обострил проблему цифрового разрыва и образовательного неравенства [5]. В постпандемийный период этот процесс совпал с бурным развитием платформ искусственного интеллекта и внедрением интерактивных технологий в сферу культуры и образования.

Цифровизация кардинально преобразует феномен исторической памяти. Социолог Дж. К. Смит указывает, что историческая память служит ключевой опорой коллективного сознания и формирует национальную идентичность населения [6, 895]. Теоретики медиа по-разному оценивают влияние цифровых сетей на этот процесс: так, Э. Хоскинс считает, что цифровая эпоха оторвала память от жесткой привязки к индивидуальной идентичности, сделав её общедоступной, тогда как А. Ассман подчеркивает избирательность памяти и выделяет два ключевых режима культурной памяти - «Канон» (активно транслируемое нормативное наследие) и «Архив» (пассивное хранилище реликвий) [7, 48]. Французский же историк П. Нора отмечал, что в современную эпоху «жажда помнить превращает каждого в историка самого себя» [7, 40].

На практическом уровне в Казахстане эти концепции воплощаются в проектах цифровизации культурного наследия. В 2025 году к 100-летию Героя Советского Союза Алии Молдагуловой в мемориальном музее Актобе была создана ожившая AI-голограмма и интерактивный виртуальный экскурсовод. На общенациональном уровне декабре 2025 года Министерство культуры и информации РК запускает единый веб-портал «E-Museum» и проект «Виртуальная сеть музеев Казахстана», объединяющие государственные фонды в единую базу с 3D-моделями артефактов. Тогда Министр культуры Аида Балаева, а также представители Национального музея РК П. Мусурманкул и А. Ибраева отметили, что оцифровка более 16 тысяч экспонатов основного фонда и создание виртуальных платформ обеспечивают открытый международный доступ к национальному достоянию страны [8].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном обществе сохранение исторического наследия служит важнейшей основой формирования общественной мысли и укрепления культурно-генетического кода. Как отмечает Дж. К. Смит, глубокое осмысление и уважение к историческому прошлому гарантируют непрерывность социокультурных традиций и ценностных ориентиров общества [6, 895]. В свою очередь, исследователи И. В. Грибан и О. Н. Грибан подчеркивают, что наступление так называемого

«цифрового поворота» кардинально изменило характер мышления и обмена знаниями, сделав сетевые площадки и медийные каналы главным пространством формирования образов прошлого [3, 55]. В этом контексте использование цифровых технологий стало ключевым способом защиты уязвимых первоисточников от физического износа и утраты, обеспечивая при этом всеобщий, демократичный доступ к культурному наследию. Таким образом, цифровая интеграция в современные мемориальные практики и музейное дело позволяет решать важные социокультурные задачи, делая историческую память живой, доступной и значимой для новых поколений.

Основная цель данной статьи заключается в системном анализе механизмов, методологических подходов и практических результатов сохранения исторической памяти и культурного наследия в цифровую эпоху. Исследование направлено на изучение того, как интерактивные технологии - цифровые архивы, 3D-моделирование, VR/AR-системы, виртуальные музеи и искусственный интеллект - влияют на развитие научно-исследовательской и педагогической деятельности, а также на расширение международного доступа к документальным свидетельствам прошлого. В работе проводится сравнительная оценка мировой практики, общенациональных проектов Казахстана (включая веб-портал «E-Museum») и прикладного регионального опыта Костанайской области в сфере создания цифровых музейных пространств и молодежных стартап-инициатив.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В условиях «цифрового поворота» сохранение культурного наследия базируется на глубокой трансформации традиционных институтов памяти. Согласно концепции Алейды Ассман, культурная память функционирует в двух режимах: пассивный «Архив» (хранилище реликвий) и активный «Канон» (нормативное наследие, формирующее идентичность) [7, 48]. В цифровую эпоху электронные архивы обеспечивают долгосрочную защиту уязвимых первоисточников от физического износа. В то же время интерактивные технологии выступают динамическим механизмом актуализации: они переводят оцифрованные артефакты из пассивного «Архива» в активный «Канон» общественного сознания [9, 46.1]. Как отмечал Э. Хоскинс, цифровая среда делает память общедоступной и «связующей», преодолевая географические и физические границы музейно-архивных институтов [10, 19].

Процесс медиатизации исторического сознания определяется специфическими свойствами цифровой среды, которые Умберто Эко охарактеризовал как «генеалогичность» (цепочка подражаний и визуальных шаблонов) и «беспамятность» (быстрое вытеснение истоков и смещение прошлого в область сиюминутных событий). В этих условиях происходит смещение фокуса с недосягаемого «героя эпохи» на «эвримена» (обычного человека), чья личная, семейная и локальная память признается самостоятельной социокультурной ценностью. Расширяя концепцию «мест памяти» П. Нора до частных биографий и цифровых сообществ, интеграция личных нарративов через оцифровку краеведческих и семейных архивов становится важным инструментом укрепления коллективной идентичности и сохранения национального культурно-генетического кода [7, 244].

Быстрое развитие информационных технологий создаёт фундаментальное препятствие для долговременной сохранности историко-культурного наследия, связанное с недолговечностью физических носителей и программной среды. М. Джонсон подчёркивает, что отсутствие системных стратегий цифрового консервирования неизбежно ведёт к безвозвратной утрате уникальных первичных источников. В свою очередь, Р. Браун указывает на регулярное моральное устаревание файловых форматов и износ накопителей, стимулирующие возникновение феномена «цифровой амнезии» [6, 896]. Из-за смены магнитных лент и гибких дисков на современные SSD-накопители оцифрованные архивы и музейные коллекции рискуют стать нечитаемыми уже через несколько десятилетий. Для нейтрализации данных рисков необходимо внедрить комплексную систему управления информацией. Она должна базироваться на регулярном обновлении форматов файлов, систематизации метаданных, переходе на открытые стандарты и обеспечении резервного копирования в облачных хранилищах.

Сохранение исторической памяти в виртуальном пространстве интегрировано не только с

техническими, но и с глубокими социокультурными и этико-правовыми вызовами. Согласно наблюдениям Н. Г. Федотовой, повсеместное внедрение цифровых технологий наделяет культурную память признаками ризомности и расчлененности, вследствие чего стираются традиционные ориентиры, а вероятность искажения и фальсификации исторических сведений возрастает [11, 1]. Простота редактирования и тиражирования цифровых материалов ставит под сомнение аутентичность исторических свидетельств, диктуя необходимость выработки единых критериев верификации источников и обеспечения кибербезопасности. Кроме того, публичная презентация цифровых архивов требует соблюдения баланса между обеспечением открытого доступа к национальному достоянию, защитой интеллектуальной собственности и соблюдением конфиденциальности персональных данных [9, 46.4].

В мировой практике сохранения и популяризации историко-культурного достояния ключевое место занимают иммерсивные цифровые инструменты - технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, 3D-моделирование и обучающие мультимедийные платформы. Применение трёхмерной визуализации и VR-реконструкций позволяет фиксировать текущее состояние хрупких археологических памятников, а также воссоздавать утраченные фрагменты архитектурных сооружений. Развитие оцифровки музейных коллекций обеспечивает международную доступность первоисточников и преодолевает географические барьеры для исследователей и учащихся.

На общенациональном уровне Республика Казахстан реализует масштабные государственные инициативы по цифровизации исторического наследия. Министерством культуры и информации РК на базе Национального музея РК запущены единый веб-портал «E-Museum» и проект «Виртуальная сеть музеев Казахстана», охватывающие 275 музеев страны и предоставляющие доступ к 3D-моделям более чем 16 тысяч экспонатов основного фонда. В мемориальном музее Алии Молдагуловой в г. Актобе к 100-летию героини была внедрена ожившая AI-голограмма и интерактивный виртуальный экскурсовод с поддержкой пяти языков [8]. Помимо данных проектов, в стране развиваются и другие региональные и тематические цифровые платформы: в частности, проект «Жетысу 360°» обеспечивает проведение сферических 3D-туров по мемориальным музеям Шокана Уалиханова, Жамбыла Жабаева, Акын Сары, Мукана Тулебаева, а также по уникальному Музею Почитания Матери [12]. Кроме того, осуществлена аэросъёмка и оцифровка таких сакральных и археологических объектов, как древнее городище Бозок, государственные музеи-заповедники «Ботай», «Есік», «Таңбалы», а также Военно-исторический музей Вооружённых сил РК [13].

Прикладной реализации цифровых технологий на локальном уровне способствует развивающийся опыт взаимодействия молодёжи, научных организации и музеев. Ярким примером выступает стартап-проект «Археологический музей виртуальной реальности», разработанный учащимся школы-лицея «Озат» Костанайской области Тимуром Хасеновым в 2025 году [14, 2]. Проект направлен на цифровую реконструкцию и визуализацию предметов материальной культуры, относящихся к Ботайской культуре и эпохе поздней бронзы, которые были обнаружены в ходе раскопок ключевых археологических памятников региона - Бестамак, Халвай и Каратомар (рисунки 1, 2).

Рисунок 1 – Расчистка археологической находки

(фото Т. Хасенова)

Рисунок 2 – Археологические раскопки на объекте
(фото Т. Хасенова)

Исследовательский этап работы начинался с изучения находок в Археологическом музее-лаборатории на базе Костанайского регионального университета им. Ахмет Байтұрсынұлы под научным консультированием кандидата исторических наук, доктора PhD Ирины Викторовны Шевниной (рисунки 3, 4).

Рисунок 3 – Изучение археологических находок в музее-лаборатории (фото Т. Хасенова)

Рисунок 4 – Анализ экспонатов исследовательской группой
(фото Т. Хасенова)

В дальнейшем автор проекта проводил фотограмметрическую оцифровку экспонатов в Костанайском областном историко-краеведческом музее, где с помощью специализированной программы 3D-сканирования Polycam трансформировал древние керамические сосуды и бронзовые артефакты в высокоточные 3D-модели (рисунки 5, 6).

Рисунок 5 – Оцифрованный керамический сосуд из могильника Бестамак (фото Т. Хасенова) Рисунок 6 – 3D-модель керамического сосуда из могильника Бестамак (фото Т. Хасенова)

Данный стартап усовершенствовал методические подходы к цифровой интерпретации предметов археологии, сделал изучение краеведения доступным и популярным среди молодёжи, а также стимулировал рост посещаемости физических музеев юными исследователями. Проект получил высокое практическое признание, став победителем конкурса стартап-идей Pizza Pitch Kostanay Hub в 2025 году.

Анализ современных практик оцифровки историко-культурного достояния Республики Казахстан позволяет провести сравнительный синтез масштабных государственных стратегий «сверху» и локальных молодёжно-исследовательских инициатив «снизу». Национальные проекты «E-Museum» и «Виртуальная сеть музеев Казахстана» объединяют 275 музеев страны на одной онлайн-платформе. Это позволяет установить общие стандарты учета экспонатов и открыть доступ к музейным коллекциям Казахстана для посетителей со всего мира. Формирование единой базы данных с 3D-моделями более чем 16 тысяч экспонатов основного фонда позволяет защитить информацию о ценных объектах страны и привести порядок учета в соответствие с законодательством. В то же время прикладной региональный опыт, представленный стартап-проектом «Археологический музей виртуальной реальности» учащегося школы-лицея «Озат» Т. Хасенова, демонстрирует высокий потенциал IT-инициатив. Разработка платформы на основе фотограмметрического 3D-сканирования и академического консультирования с ведущими археологами позволила оперативно оцифровать и виртуализировать уникальные артефакты Ботайской культуры и эпохи поздней бронзы с памятников Бестамак, Халвай и Каратомар.

Сравнительный анализ показывает, что государственные цифровые платформы гарантируют устойчивость, финансовое обеспечение и комплексный уход за национальным достоянием, однако часто сталкиваются со сложностями адаптации контента под запросы молодой аудитории. Напротив, региональные молодежные стартап-проекты обладают высокой технологической гибкостью, фокусируются на локальной краеведческой специфике и вовлекают молодежь в исследовательскую деятельность, стимулируя активную посещаемость музеев. Таким образом, взаимодействие государственных программ поддержки с региональными IT-стартапами создает эффективную, гибкую и устойчивую систему сохранения национального наследия.

На основе проведенного исследования и оценки технологических, социокультурных и правовых рисков сформулированы следующие рекомендации:

1. С целью преодоления угрозы «цифровой амнезии» и регулярного износа программно-аппаратных средств организациям культуры и государственным архивам необходимо внедрять единые стандарты хранения и форматирования данных.

2. Следует организовать регламентированные процедуры периодического переноса файлов на актуальные цифровые форматы, а также использовать многоуровневые системы облачного резервирования и хранения данных для гарантированного сохранения целостности оцифрованных источников.

3. В образовательный процесс средних школ и вузов Республики Казахстан в рамках преподавания дисциплин «История Казахстана», «Всемирная история» и краеведческих модулей рекомендуется систематически интегрировать VR-экскурсии, интерактивные 3D-

модели и виртуальные туры из базы портала «E-Museum» и региональных цифровых проектов. Использование иммерсивных технологий и игровых симуляций позволяет преодолеть пространственные барьеры, повысить познавательную мотивацию обучающихся, а также развивать навыки критического анализа первичных исторических свидетельств.

4. Предлагается инициировать создание сети специализированных региональных музейных IT-лабораторий при областных историко-краеведческих музеях и университетских центрах (по примеру практик г. Актобе и Костанайской области). Функционирование таких лабораторий позволит ускорить процесс оцифровки местных музейных экспонатов, активизирует привлечение квалифицированных IT-специалистов, обеспечит междисциплинарную подготовку музейных кадров и создаст условия для поддержки школьных и студенческих цифровых стартапов в сфере культурного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что цифровизация не заменяет собой физические музеи и архивные институты, а существенным образом обогащает их функционал и способы демонстрации экспонатов. Внедрение 3D-моделирования, виртуальных туров и оцифровки объектов материальной культуры выступает надёжным средством защиты физических артефактов и документов от естественного износа и повреждений. В то же время интерактивные технологии обеспечивают безграничный и демократичный доступ к национальному достоянию, преодолевают пространственные барьеры и связывают поколения, адаптируя мемориальные практики под особенности восприятия современной молодёжи.

Сопоставление мировой практики и опыта Республики Казахстан демонстрирует, что устойчивая система сохранения исторической памяти создаётся на основе интеграции государственных масштабных проектов и локальных IT-стартапов. Общенациональные платформы, такие как портал «E-Museum» и «Виртуальная сеть музеев Казахстана», формируют единую базовую инфраструктуру и открывают доступ к тысячам оцифрованных объектов культурного наследия. С другой стороны, региональные молодежные стартап-проекты, в частности «Археологический музей виртуальной реальности», предлагают доступные решения на стыке реальности и цифровых технологий и стимулируют реальный интерес к изучению краеведческих фондов.

Таким образом, долговременная сохранность культурно-генетического кода общества в цифровую эпоху требует комплексного подхода, сочетающего регулярный перенос данных на открытые форматы для предотвращения «цифровой амнезии» и соблюдение строгих стандартов исторической подлинности контента. Баланс между технологическими инновациями, профессиональной научной экспертизой и соблюдением правовых норм позволяет сделать историческую память открытой, живой и актуальной для будущих поколений.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТЕЙ

Авторы выражают признательность Хасенову Тимуру Кабидоллаевичу за предоставленный концепт и фотоматериалы стартап-проекта «Археологический музей виртуальной реальности», а также ассоциированному профессору Костанайского регионального университета им. Ахмет Байтұрсынұлы Амантаевой А.Б. за научное руководство и консультативную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Digital Around the World: Mid-Year Global Update Report // DataReportal – Global Digital Insights [Электронный ресурс] URL: https://datareportal.com/global-digital-overview (Дата обращения: 11.10.2026)

2. Еренчин Т. Сколько интернет-пользователей в Казахстане: аудитория, проникновение и динамика // Аналитический портал [Электронный ресурс] URL: https://duna.kz/research/kazakhstan/internet-polzovateli-2026 (Дата обращения: 11.10.2026)

3. Грибан И. В., Грибан О. Н. Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения // Сборник научных трудов ВГУ им. П. М. Машерова. — 2021. — С. 55–60.

4. Мамедьяров З. А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия

// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 92–108.

5. Адамович К. А., Гетман А.В. Цифровой разрыв: массовый переход на дистант во время пандемии усилил образовательное неравенство [Электронный ресурс] URL: https://ioe.hse.ru/news/913058849.html (Дата обращения: 11.10.2026)

6. Sousa R. R. A. de The preservation of historical memory in the digital age: challenges, opportunities and interactive technologies in teaching and research // Revista Inter-Ação. — 2023. — Vol. 48, n. 3 — P. 891–908

7. Макарова Н. П., Глебова, С. В. Культура памяти в цифровую эпоху: «герой эпохи», архив и канон. — 2024. — № 2(22). — С. 35–54

8. В цифровой формат переводят архивы и музейные фонды в РК // Телеканал «Хабар». — 18.02.2025 [Электронный ресурс] URL: https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/169689-v-tsifrovoj-format-perevodyat-arkhivy-i-muzejnye-fondy-v-rk (Дата обращения: 11.10.2026)

9. Старикова А. Д. Современные технологии как инструмент сохранения исторической памяти: виртуальные музеи и цифровые архивы — Томск: ТГУ, 2025. — С. 46.1–46.5 [Электронный ресурс] URL: https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/IP/2025/II_IP/pages/Articles/46.pdf (Дата обращения: 11.10.2026)

10. Hoskins A. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn // Parallax. — 2011. — Vol. 17, № 4. — P. 19–31.

11. Федотова Н. Г. Цифровые носители культурной памяти города: визуализация образов прошлого — 2025. — С. 37–41.

12. Жетысу 360° — виртуальный тур по достопримечательностям // Интерактивная карта Жетысу. — 2026 [Электронный ресурс] URL: http://zhetysu360.kz (Дата обращения: 11.10.2026)

13. Музеи, 3D Панорамы и виртуальные туры Казахстана // 3D Панорамы Казахстана. — 2026 [Электронный ресурс] URL: https://city3d.kz (Дата обращения: 11.10.2026)

14. Хасенов Т., Досанов Т. Археологический музей виртуальной реальности: стартап-проект / Т. Хасенов; рук. проекта Қайрғали Н. Қ. — Костанай: Школа-лицей «Озат», 2025 — С. 15

НЕДОВЕРИЕ К МИРУ И ЦЕННОСТНЫЙ СТРОЙ МОДЕРНА: ЗАПАД, РОССИЯ, КАЗАХСТАН ПО ШЕЛЕРУ

Попова Е.А.

Студент 3-го курса ОП 6В10117 – Педиатрия,

Казахский национальный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова,

г. Алматы, Казахстан

e-mail: ink79628@gmail.com

Научный руководитель: лектор кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных наук Колмаков А.В.

Аннотация. *В статье на основе аксиологии М. Шелера рассматривается связь доверия и недоверия с иерархией ценностей. Показано, что недоверие к миру, лежащее в основе ценностного строя модерна, вытесняет священное и подчиняет высшие ценности технике. Сопоставляя Шелера с концепцией космотехники Ю. Хуэя, автор различает переход к модерну на Западе, совершённый самими носителями культуры, и навязанный государством переход в России и Казахстане. Выдвигается гипотеза, что в Казахстане собственная космотехника остаётся «спящей», а ресурсом её восстановления может стать идея «Толық адам» Абая.*

Ключевые слова: *Шелер, доверие, недоверие, ordo amoris, модерн, космотехника, Казахстан.*

Введение

В казахстанской научной литературе по аксиологии Макса Шелера упоминают не часто, хотя его теория ценностей позволяет глубоко проанализировать аксиологическое состояние современного общества. Цель статьи – показать, как доверие и недоверие связаны с иерархией

ценностей у Шелера и что из этого следует для понимания ценностного состояния постсоветского общества, в частности Казахстана. Теоретическая рамка строится на сопоставлении Шелера с К.Э. Лёгструпом, М. Хайдеггером и М. Вебером и дополняется концепцией космотехники Ю. Хуэя, позволяющей учесть различие культурных путей освоения техники.

Научная новизна состоит в попытке применить шелеровский подход к обществу, где генезис недоверия как основы ценностных предпочтений отличается от европейского: переход к модерну здесь был навязан государством в рамках одного поколения, а не совершён самими носителями культуры. Актуальность статьи определяется противоречием во внутренней политике стран Евразии и других незападных стран между глобализацией и традиционализацией, то есть между унифицированной и уникальной системами ценностей. Теоретическая значимость работы – в расширении области применения шелеровской аксиологии на незападный материал; практическая – в обосновании того, что ценностную политику следует выстраивать на собственных культурных ресурсах (например, на идее «Толық адам» Абая), а не на предписанной идеологии. Суждения о нынешнем состоянии ценностей в Казахстане носят гипотетический характер и требуют эмпирической проверки.

1. Доверие как условие доступа к высшим ценностям

1.1. Определение и иерархия ценностей у М. Шелера

Шелер определяет ценности через любовь. Само отношение к определению ценностей у немецкого антрополога заслуживает особого внимания, поскольку он выделяет практическую, а не теоретическую сторону оценивания как ключевую для ее онтологии. Именно по этой причине как такого определения ценностей у Шелера в текстах нет. Он просто отказывается определять их, чтобы уйти от критикуемого им кантовского подхода. Известный философ-шелеровед Л.А. Чухина формулирует его подход к ценностям следующим образом: «Ценность, по Шелеру, это феномен, самообнаруживающийся в акте эмоциональной интуиции, феномен, которого нет вне направленности на него сознания. Философ решительно отвергает взгляд, будто ценность – это только общее понятие, значение или смысл. Напротив, ценность всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно вывести путем абстрагирования из общих свойств предметов и явлений и выразить в формах логического мышления» [1, с. 381].

Согласно Максу Шелеру, сущность ценности выражается в ее иерархии, которая постигается через интуитивный акт «предпочтения» [2, с. 305]. Последнее открывает человеку мир ценностей и кардинально отличается от выбора: если выбор представляет собой акт стремления к целям и благам, то предпочтение направлено на ценности как таковые и предшествует любому стремлению. В философской концепции Шелера ценностная иерархия подразделяется на четыре уровня: чувственные, витальные, духовные ценности и ценности святого (высшие) [2, с. 323–328].

«Относительное место ценности в иерархии определяется её сущностными признаками: ценность тем выше, чем она долговечнее, чем менее причастна экстенсивности и делимости, чем менее обоснована другими ценностями, чем глубже связанное с ней удовлетворение в чувстве и чем менее её переживание зависит от определённых сущностных носителей „чувствования“ и „предпочтения“» [2, с. 308].

Святое как высшая модальность ценностей даёт остальным ценностям символический смысл: они даны по отношению к нему как его символы. Само же святое открывается через «акт определённого вида любви» [2, с. 327], то есть личную любовь человека к священному, близость к которому обнаруживается в «реакциях» веры и неверия, в чувствах блаженства и отчаяния. Эти переживания не зависят от счастья и несчастья и служат мерой «близости» святого.

Существенно, что ценности святого, по Шелеру, всегда даны в личном: святое является не в вещах, а в том, что переживается как личностное бытие. Поэтому в сфере святого он выделяет самостоятельную «ценность личности» и связывает доступ к святому с личным актом любви. При этом личность понимается не как субстанция, предшествующая актам, а как конкретное единство актов, осуществляющееся в них. Из этого следует, что личная любовь к священному как акт предпочтения не вытекает из уже готовой личности, а участвует в её становлении.

Любовь при этом не «производит» ценности, а лишь открывает к ним доступ. Это объясняет, почему модальность святого не зависит от того, что в разные эпохи и у разных народов считалось «святым» (от фетишизма до чистого понятия Бога): это вопрос о совокупности благ, а не об априорной иерархии ценностей. Иерархия неизменна, тогда как «правила предпочтения» исторически вариативны. Человек, предпочитающий высшие ценности, обладает опытом иных благ, чем тот, кто этого не делает.

1.2. Первичное доверие и вера как осознанный выбор

Стоит отдельно остановиться на отношении «реакций» веры или неверия у Шелера с доверием или недоверием как первичными установками в любви как акте открытия ценностей.

Акт первичного предпочтения ценностей осуществляется как любовь или ненависть к миру. При этом ненависть рассматривается им как «смущение в строе любви» [2, с. 368], как реакция сердца на нарушенный порядок любви («ordo amoris»). То же самое мы находим и в анализе доверия у К.Э. Лёгструпа (см. сравнение с Шелером ниже). Фактически первичная априорная установка у человека только одна – любовь и доверие к миру. Недоверие, выраженное в ненависти, рассматривается как искажение этой установки, однако она остается продуктивной в личном и социальном аспекте. Если любовь проявляется в созерцательной и любящей самоотдаче, то ненависть – в безграничной потребности действовать, с тем, чтобы «овладеть» или «организовать» мир. По Шелеру именно из этой установки и вырастает техника модерна, о чем мы будем говорить в следующем подразделе.

Вера и неверие, проявляемые уже во вторичном акте реализации первичного предпочтения, обнаруживаются в обеих установках – и в любви, и в ненависти. Например, упоминаемые Шелером пуритане (с отсылкой к работам М. Вебера о кальвинистской этике как о родственном духу капитализма): их вера в договор, заключенный между Богом и человеком была абсолютной, но таким же абсолютным было недоверие к собственной, не прошедшей систематически-рационального контроля «природе» и всем ее побуждениям в самом человеке и к другому, если отношение с ним не приняло основанной на договоре формы закона [2, с. 330–331].

Далее в данном тексте «доверие» употребляется как межличностная форма той установки, которую Шелер описывает как «веру» по отношению к святому, т.е. как доверие любви первичного выбора.

В интерпретации Р. Стерна, Лёгструп считает доверие первичным по отношению к недоверию: недоверие есть лишь отсутствие доверия, «ущербная форма», и объяснения требует именно оно [3, с. 276, 284–285]. Эта первичность проявляется во времени (ребёнок доверяет полностью, осторожность приходит с опытом разочарования) и трансцендентально (без доверия невозможна речь, а значит, и усвоение знаний) [3, с. 277, 279–280].

Можно выделить три структурных совпадения у Лёгструпа и Шелера. Во-первых, данность: ценность не создаётся нами, а предшествует оценке и воле. Во-вторых, неделимость: «доверие с оговорками» превращается в расчёт, что соответствует утере неделимости высших ценностей в акте недоверия у Шелера. В-третьих, непригодность в качестве средства: поставленное на службу иной цели, доверие исчезает или становится своей противоположностью [3, с. 277, 289–291].

2. Модерн как эпоха ценностей, основанных на недоверии

2.1. Недоверие как отмена священного у М. Шелера

Шелер, анализируя установку Канта, выводит из неё более общую черту современного мышления: в основе современного мировоззрения лежит не самоотдача миру, а принципиальное недоверие и ненависть к нему, порождающие неограниченную потребность «овладеть» им или «организовать» его [2, с. 286].

Недоверие сужает ценностное поле до полезного и приятного, то есть до «низших» ценностей, которые по критерию делимости измеримы, накапливаемы и распределяемы, тогда как высшие, духовные и святые, неделимы [2, с. 312–313].

Когда высшие ценности перестают быть видимыми, акт предпочтения вытесняется выбором, то есть расчётом благ и средств: возникает «заблуждение предпочтения», при котором цель выбирается на основании более низкой ценности [2, с. 306]. Когда это происходит

в масштабе эпохи, средство занимает место цели, а действие, направленное на овладение миром, становится главным способом отношения к нему.

2.2. Техника модерна как забывание существа бытия у М. Хайдеггера

Структурную аналогию этому строю предпочтения даёт хайдеггеровское понятие постава, под которым он понимает технику модерна. Современная техника ставит перед природой «неслыханное требование быть поставщиком энергии» [4, с. 226], и всё, что так поставлено, становится «состоящим-в-наличии» [4, с. 227]: тем, что извлекается, перерабатывается, накапливается, распределяется и преобразуется [4, с. 227].

Это и есть мир, сведённый к делимому: исчислимому, разложимому на доли и обращаемому в запас, а цель производства понимается «в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах» [4, с. 226–227]. Сюда же относится человек, о чём говорит оборот «человеческий материал» [4, с. 228]. Такой мир формируется поставом, поскольку он не рассматривает существо бытия частью самого бытия: «*бытие в забывании его существа отворачивается от этого существа и тем самым оборачивается против истины своего существа*» [4, с. 255]. Бытие теряет свою сущность, поскольку техника предполагает мир таким, каким захочет его видеть человек (как ресурс, который можно использовать по своему усмотрению), а не таким, каково оно есть.

Подмена цели средством тоже находит у Хайдеггера точное выражение: постав раскрывает сокрытое бытие так, что управляет ими, и управление это стремится «всесторонне обеспечить само себя». Управление и обеспечение делаются «главными чертами производящего раскрытия» [4, с. 227], так что на всякое раскрытие ложится «печать управления, организации и обеспечения» [4, с. 233]. Установка «овладения» узнаётся и в желании «овладеть техникой» [4, с. 222], и в образе человека, «раскорячившегося до фигуры господина земли» [4, с. 233].

Опасность усугубляется тем, что она скрыта – постав отставляет в забвение существо не только бытия, но и свое собственное: создаётся впечатление, будто техника всего лишь инструмент в руках человека [4, с. 253], и потому утрата остаётся незамеченной.

Стоит подчеркнуть: различие между мыслителями состоит в природе источника и пути выхода. Для Шелера это перекос ценностного чувства (ordo amoris), который может быть исправлен возвращением к любви и доверию. Для Хайдеггера это судьба бытия: человек «никак не может занять то или иное отношение» к поставу, «поразмыслив» [4, с. 231], а технику «никогда не удастся взять под контроль просто волевым человеческим усилием» [4, с. 253]. Выход он видит в «повороте», при котором забвение «превращается в хранение бытия» [4, с. 256], и в мышлении, начинающемся с вопроса «Как начать думать?» [4, с. 254]. Таким образом, шелеровский анализ объясняет, какая установка лежит в основе Модерна, а хайдеггеровский показывает, как она становится структурой самой действительности, и вместе они дают двухуровневую картину: Шелер – ценностную, Хайдеггер – онтологическую.

2.3. Последствия вытеснения высших ценностей низшими

Вытеснение высших ценностей низшими имеет последствия на личном и глобальном уровнях:

1. Личный уровень. Практический гедонизм, по Шелеру, есть лишь «знак «неудовлетворённости» высшими ценностями»: чувственные радости удовлетворяют только на фоне глубокой удовлетворённости в «центральной» сфере жизни, а уровень стремления к удовольствию находится в обратном отношении к глубине удовлетворения [2, с. 316]. Там, где доступ к высшему закрыт, наслаждение превращается в безостановочный поиск, и личность, лишённая акта любви к священному, сводится к «человеческому материалу» [4, с. 228].

2. Глобальный уровень: утрата неделимости священного. Изначально святое неделимо: им можно обладать сообща, ничего не отнимая друг у друга. Поэтому высшие ценности объединяют, а низшие, делясь между носителями, порождают соперничество [2, с. 312–313].

Если эпоха строит отношение к миру на делимом, исчезает общее основание, и остаются распределение и борьба за него: за ресурсы, рынки, влияние. Священное же становится собственностью группы (нации, конфессии, идеологии) и делится на «наше» и «чужое», причем это разделение является неустранимым при рассмотрении любых ценностей, т.е. собственное

представление о священном принципиально рассматривается как одно из возможных, что и является эффектом утраты неделимости. Из общего основания оно превращается в предмет соперничества, то есть в одну из делимых ценностей.

Хайдеггер показывает, как эта логика приобретает планетарный масштаб. Постав превращает природу в «поставщика энергии» [4, с. 226], а производящее раскрытие стремится «всесторонне обеспечить само себя» [4, с. 227]. Ему нечего противопоставить, потому что нет ценности, способной задать предел. Опасность остаётся скрытой, поскольку техника по-прежнему кажется нейтральным инструментом [4, с. 253]. Как следствие: экологическое истощение и бесконечное наращивание производства. Недоверие при этом закрепляется институционально: гонка вооружений, тотальный контроль и цифровой надзор представляют собой попытки «обеспечить» себя в мире, которому не доверяют. У этих явлений есть и другие причины: структура международных отношений, экономика. Но шелеровская оптика объясняет, почему они воспринимаются как неизбежные.

Недоверие как базовая установка Модерна обретало специфические формы в зависимости от историко-культурного контекста. Рассмотрим особенности его формирования в западной, российской и казахстанской традициях.

3. Недоверие и космотехника: Запад, Россия, Казахстан

3.1. Общая структура и множество реализаций

Чтобы сравнивать пути недоверия, нужен язык, различающий общее и особенное. По Шелеру, структура ценностей и порядок любви (ordo amoris) принадлежат человеку как таковому: абсолют «необходимо есть у каждого», а конечное благо на его месте есть кумир [2, с. 357]. Множественны исторические символы и техники, в которых священное дано; разделяют только они, а не само священное [2, с. 312–313]. Техническая ценность производна от модальности, которой служит [2, с. 313, 322].

Хуэй, следуя А. Леруа-Гурану, признаёт, что техника как «расширение соматических функций и экстернализация памяти» антропологически универсальна, но «технические факты» различаются от культуры к культуре [5, с. 9, 33]. Он формулирует это как антиномию: техника универсальна и вместе с тем «всегда есть космотехника», то есть «слияние космического и морального порядка в технической деятельности» [5, с. 33–34].

Мы предлагаем соединить оба подхода (это наша интерпретация, а не положение авторов). Антропологическая тенденция к экстернализации органов и памяти универсальна, но её ценностный смысл определяется тем, какой модальности служит техника и соблюдён ли порядок любви. Априорна иерархия ценностей, а не техника; конкретная реализация, и форма техники, и способ исполнения или нарушения ordo amoris, исторически специфична.

3.2. Запад: переход, совершённый самими носителями

Шелер указывает историческую основу недоверия: это «пуритански-протестантская позиция принципиального недоверия к собственной, не прошедшей систематически-рационального контроля «природе»» и «принципиального недоверия человека к человеку – если это отношение не приняло основанной на договоре формы закона» [2, с. 330–331, прим. 19]. У Вебера эта установка выступает не утратой веры, а её следствием. Учение о предопределении породило «ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества» [6, с. 142]; доверие целиком перенеслось на Бога, а недоверие к человеку стало правилом [6, с. 144]. Ответом на тревогу о спасении стала «неутомимая деятельность в рамках своей профессии» [6, с. 149], а «плащ» заботы о мирском «превратился в стальной панцирь» [6, с. 206].

Для нас важны три черты. Переход совершили сами носители веры, и недоверие возникло как её требование. Он шёл веками, от богословия к этике и затем к хозяйству. И он получил собственный язык: в пуританской литературе недоверие к себе и ближнему есть добродетель. Вебер при этом не предлагает односторонней причинной схемы [6, с. 208], и речь идёт о протестантской ветви Запада.

3.3. Россия и Казахстан: переход, навязанный государством

Евразия не проходила через аскетический протестантизм: модернизация и недоверие пришли здесь как навязанные государством и сжатые во времени. Волкан и Цинтль сравнивают добровольную эмиграцию с разводом, а вынужденное изгнание со смертью [7, с. 44]; мы

переносим это различие на общество по аналогии.

Декрет СНК 1918 г. лишил религиозные организации прав юридического лица и собственности [8]. В терминах Шелера он затронул вещи и формы почитания [2, с. 328], но не акт любви, обращённый к святому [2, с. 327–328]; поэтому абсолют не исчез, а был замещён конечным благом, то есть кумиром [2, с. 357]. По нашей интерпретации, кумиром стал идеал коммунизма, а государство – техникой, ему служившей (для Шелера государство есть «техническая форма» жизненного сообщества, церковь – сообщества любви [2, с. 328]). В России государство заняло место церкви, в Казахстане – место уклада, державшегося на коллективной памяти, культе предков и почитаемых местах [9]. Модерн при этом навязал не капитализм, а социализм с коммунизмом на месте святого.

Главное отличие в том, что за одно поколение сменился носитель: крестьянин стал пролетарием, кочевник – оседлым колхозником, словно при миграции внутри собственной страны. Такой переход мы называем навязанным: он совершён не самими носителями и не получил собственного языка; травма здесь следствие такого перехода, а не его определение.

3.4. 1991 год и недоверие к государству

Распад СССР (21 декабря 1991 г. [10]) стал новым крушением уклада. А. Байер различает обманутое ожидание (reliance) и предательство доверия (trust) [11]; тот, кто вложил доверие в замещающий абсолют, пережил второе. Недоверие закрепилось не только к миру, но и к государству, которое как техника модерна само основано на недоверии к миру. Это согласуется с социологией доверия: принудительное доверие в автократии (патернализм, догматическая идеология) не порождает спонтанного доверия [12, с. 386–387], его место занимают заменители вроде закрытых сетей и коррупции [12, с. 356–360], а Россия «в определённой мере» названа среди обществ низкого доверия [12, с. 295].

4. Казахстан: восстановление доступа к святому

4.1. Смена носителя и синкретическое сознание

Особенность Казахстана в том, что был разрушен материальный носитель уклада. По Масанову, кочевание было не стадией развития, а единственной рациональной стратегией в аридной зоне (свыше 95 % территории получает менее 400 мм осадков), и насильственное оседание 1931/32 гг. привело к массовому голоду [13, с. 41–42]. Хозяйственная техника была слита с моралью: пиры, дары и законы гостеприимства перераспределяли скот [13, с. 123] – это космотехника в смысле Хуэя [5, с. 34]. Шайкемелев пишет, что переход нанёс сознанию «глубочайшую социально-психологическую травму»: за десятилетие «до основания разрушен привычный мир кочевого сознания» [14, с. 5–6]. С. Кэмерон отмечает, что политика была направлена на разрушение кочевого уклада как ключевого элемента казахской идентичности, но не народа [15]. Недоверие к власти старше советского: степняки питали «инстинктивное недоверие» к русскому начальству [14, с. 64].

Но мировоззрение не обязано разрушаться вместе с укладом. Сознание казахов синкретично: тенгрианство, шаманизм и ислам мирно сосуществуют [14, с. 60, 81] – это, по Шайкемелеву, симбиоз, а не синтез [14, с. 112]. Институты ислама «подверглись беспримерному давлению коммунистического атеизма» [14, с. 67]. Мы предполагаем (гипотеза, требующая исследования), что синкретичный носитель мог усвоить модерн как ещё один слой, не вытесняя прежних: доступ к святому сохранился в частном, семейном регистре, но закрыт публично – государственным контролем и навязанной формой модерна. Прецедентом может служить Абай, усвоивший русскую культуру до советского разрыва (см. 4.2).

Поэтому опросы плохо выявляют ценностное состояние: заявленное доверие может скрывать осторожность по отношению к государству. Нужны поведенческие индикаторы, например «заменители доверия» [12, с. 356–360]. Официальный дискурс о колониальном прошлом, вероятно, рассчитан на консолидацию, но возвращает к травме, а травма питает недоверие к государству как институту. Итак, по нашей гипотезе, порядок любви в Казахстане нарушен тем, что публичный доступ к святому закрыт, а собственная космотехника находится в спящем состоянии: подчинена, но не уничтожена.

4.2. «Толық адам» как ресурс, а не идеология

Толық адам Абая можно рассматривать как терапевтический ресурс (гипотеза): он

согласуется с государственной поддержкой традиции, выражает восстановление ordo amoris и даёт синкретической традиции опору для потребности в святом, не отвергая технику модерна. Но есть условие. Средство, предписанное сверху, воспроизводит ту форму, что причинила травму, и подпадает под признаки принудительного доверия через догматическую идеологию [12, с. 386–387] и «возвращения домой» [5, с. 249–253]. Поэтому государство может создавать условия доступа, но не предписывать содержание: носитель сам должен описать свой порядок любви.

Порядок предпочтения у Абая таков. В 17-м слове Сила, Разум и Сердце спорят о том, кто из них нужнее человеку [16, с. 45]. Разум говорит о себе: «Я определяю, что полезно и что пагубно для человека» [16, с. 46]; Сердце называет себя «царём жизни» и добавляет: «Я – справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие» [16, с. 46]. Наука решает спор так: «Пусть повелителем для всех будет Сердце», а если спорщики не смогут объединиться, предпочтение будет отдано «Сердцу – царю человеческой жизни» [16, с. 47–48]. Структурно это близко шелеровскому «ordre du cœur» [2, с. 282], без утверждения исторической связи. Сердце (жүрек) здесь – орган, которым переживаются ценности, а не само святое; разум (ақыл), определяющий «полезное» и «пагубное», – орган инструментального мышления, а не техника как таковая. В 38-м слове мир предстаёт проявлением любви создателя, на которую человек обязан отвечать взаимностью: «Разве не чувствуется во всём этом любовь создателя к человеку? И разве не долг человека отвечать на эту любовь взаимностью?» [16, с. 116]. Истина же неделима: «Если правда существует не для всех, а для какой-то части народа, то это не божья правда» [16, с. 121], что совпадает с шелеровским признаком высших ценностей [2, с. 312–313]. Технику Абай не отвергает: учёные, которые «научились ловить молнию» и «подчинили своему разуму силу огня и воды», по его словам, заслуживают признательности («мы обязаны им») [16, с. 124]. Но «чтобы знания и искусство принесли пользу народу, они должны быть подчинены вере, ибо вера требует от людей благодеяния» [16, с. 128]. Это подчинение техники (ақыл) порядку любви (жүрек) не воспроизводит пуританского недоверия.

Выражение «толық адам» («полный человек») Абай употребляет в 38-м слове; в использованном русском переводе ему соответствует «истинный мусульманин» [16, с. 118, 126], что нужно учитывать при ссылках. Таким человеком движут три качества – «знания, честность и сострадание» [16, с. 119]. Полнота определяется ориентацией на безграничное: вера «безгранична, и никто из смертных не в силах её познать до конца», а истинным мусульманином может называться лишь тот, кто «решительно и с полным сознанием вступил на этот путь» [16, с. 126]. Богатство при этом – средство, а не цель: «богатство должно служить развитию науки» [16, с. 128].

5. Заключение

Вытеснение священного не уничтожает его как априорную структуру, а подменяет кумирами; недоверие к миру не имеет единого пути. На Западе отход от порядка любви совершили сами носители веры, он шёл веками и получил язык и институты. В России и Казахстане он был навязан государством и произошёл за одно поколение со сменой носителя; крушение 1991 г. закрепило недоверие и к государству. Казахстан отличает уничтоженный носитель при сохранившемся, по нашей гипотезе, синкретическом мировоззрении: доступ к святому закрыт публично, но, вероятно, открыт в частном регистре, а собственная космотехника «спит». «Толық адам» Абая предлагает порядок, в котором техника подчинена святому, и может служить ресурсом восстановления, если государство создаёт условия, а не предписывает содержание. Выводы о нынешнем состоянии ценностей – гипотезы, требующие проверки поведенческими данными.

Список литературы

1. Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера: послесловие // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 377–396.

2. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; сост. и науч. ред. А. В. Денежкин. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

3. Stern R. ‘Trust is Basic’: Løgstrup on the Priority of Trust // The Philosophy of Trust / ed. by P. Faulkner, T. Simpson. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 272–294.

4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

5. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае: эссе о космотехнике / пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 320 с.

6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. (Протестантская этика и дух капитализма, пер. М. И. Левиной).

7. Волкан В. Д., Зинтл Э. Жизнь после утраты: психология горевания / пер. с англ. К. В. Куркиной. – 2-е изд., стереотип. – М.: Когито-Центр, 2014. – 160 с.

8. Советское законодательство о религии [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/sovetskoe-zakonodatel-stvo-o-religii-bd46c3 (Дата обращения 13.10.2026).

9. Privratsky B. G. Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. – Richmond: Curzon, 2001.

10. Алма-Атинская декларация о создании Содружества Независимых Государств от 21 декабря 1991 г. [Электронный ресурс] URL: http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2880 (Дата обращения 13.10.2026).

11. Baier A. Trust and Antitrust // Ethics. – 1986. – Vol. 96, No. 2. – P. 231–260.

12. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

13. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. – Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. – 320 с.

14. Шайкемелев М. С. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. – 2-е изд. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 230 с.

15. Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. – Ithaca: Cornell University Press, 2018.

16. Абай (Кунанбаев И.). Слова назидания / пер. с каз. С. Санбаева. – Алма-Ата: Жалын, 1982. – 160 с.

ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА «БАТА БЕРУ»: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ САКРАЛЬНОСТИ К ЦЕННОСТЯМ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Пятко М.Р.
Студентка 1-го курса ОП 6В07200 - Производство пищевых продуктов,
Факультет ветеринарии и агротехнологии,
Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана,
Уральск, Казахстан
milanapiatko@gmail.com
Научный руководитель: старший преподаватель Аймукашева Шынар Сайыновна

АННОТАЦИЯ

В данной исследовательской работе проведен этнокультурологический и аксиологический анализ казахской традиции «бата беру» в контексте смены культурных ценностей - от традиционного кочевого общества к современному цифровому пространству. Раскрываются сакральная природа, генезис и морально-этический потенциал института словесного благословения как важнейшей константы национального кода. На основе сравнительно-исторического метода и данных социологического среза среди молодежи проанализированы процессы трансформации форм бытования обряда и проблема формализации его смыслового содержания. Предложены практические пути популяризации традиционных ценностей в среде студенчества посредством цифровых медиа-инструментов.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В XXI веке глобализационные процессы и бурное развитие информационных технологий ставят перед гуманитарной наукой вызов сохранения культурно-генетического кода нашего этноса. В рамках концепции студенческого конкурса «ЦЕННОСТИ МИРА - МИР ЦЕННОСТЕЙ» принципиальное значение приобретает исследование институтов, выступающих мостом между духовным наследием прошлого и ценностными ориентациями современной молодежи.

Традиция «бата беру» у казахов - это не просто дань бытовому обряду, а спрессованный в словесной форме ценностный каркас кочевой цивилизации, регламентировавший нормы морали, преемственность поколений и социальную гармонию.

Выдающийся казахский ученый и просветитель Шокан Уалиханов в своих трудах подчеркивал, что духовные обычаи и мировоззрение степняков представляли собой цельную, глубоко осмысленную систему морально-этических регуляторов общественной жизни [1, с. 112]. Развивая эту мысль, Мухтар Ауэзов указывал, что жанр благопожелания (бата) служит «зеркалом поэтической души, мудрости и высокой философии казахского народа» [2, с. 45].

В условиях перехода к цифровому обществу возникает научно-практическая проблема: как сохранить сакральную глубину традиции «бата беру», когда внешние формы взаимодействия людей стремительно виртуализируются?

Цель исследования: Провести этно-культурологический анализ эволюции института «бата беру» от традиционной сакральности к современным формам бытования и определить механизмы его актуализации в системе ценностей цифрового общества.

Объект исследования: Традиционная культура Казахстана и институты вербальной трансляции ценностей.

Предмет исследования: Аксиологическая трансформация, генезис и способы функционирования обряда «бата беру» в условиях информационно-цифровой среды.

Гипотеза исследования: Традиция «бата беру» обладает высоким адаптивным потенциалом; при раскрытии ее этно-культурологического и психотерапевтического смысла через актуальные цифровые форматы она способна трансформироваться из угасающего ритуала в осознанный ценностный ориентир для современного молодого поколения.

Методы исследования: Сравнительно-исторический, этнографический и аксиологический анализ, метод культурологической интерпретации, социологический опрос (анкетирование).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ (АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ)

1. Генезис, сакральность и аксиология института «бата беру»

В традиционной кочевой культуре слово обладало сакральной, сакраментообразующей силой («Өнер алды - қызыл тіл»). Обряд «бата беру» (от арабского «баракат» - благодать, изобилие) представлял собой институционализированный акт вербального благословения, выступавший важнейшим элементом социализации личности.

Академик Алькей Хаканович Маргулан рассматривал «бата» как особый жанр казахского фольклора и поликультурный феномен, отмечая, что право произнесения благословения доверялось мудрецам (аксакалам), жырау и людям с безупречным авторитетом, так как считалось, что их напутствие формирует жизненную судьбу человека [3, с. 78].

Современный философ и антрополог Нурлыхан Альджанов в своих исследованиях указывает: «Бата беру в казахской традиции выполняло фундаментальную аксиологическую функцию: это был инструмент социальной адаптации, форма духовной защиты и психолого-педагогический наказ (аманат), задававший индивиду четкие нравственные ориентиры внутри социума» [4, с. 104].

В традиционной системе ценностей бытовали различные виды «бата» [6, с. 52]:

Ас батасы - благодарность за гостеприимство и пожелание достатка дому;

Жол батасы - напутствие перед важным начинанием или дальней дорогой («Жолың ашық болсын!»);

Нәрестеге бата - наречение и духовно-нравственное освящение жизненного пути ребенка;

Теріс бата - редчайший акт лишения благословения за тяжелейшие проступки против

рода, выступавший высшей формой морального осуждения.

2. Трансформация традиции в условиях цифрового общества

Переход к информационному обществу меняет способы коммуникации. Как отмечает российский культуролог Беслан Галимович Ашхотов, трансформация традиционной культуры в XXI веке естественна: меняется контекстное содержание и внешняя форма обряда, однако ценностное ядро сохраняет свой потенциал [7, с. 14]. Данные процессы подкрепляются и исследовательскими работами по эволюции казахских обрядов в условиях урбанизации [5, с. 33].

В рамках работы нами был проведен социологический опрос среди студентов 1-4 курсов ВУЗа и учащейся молодежи (выборка: 85 человек).

Ключевые результаты:

Аксиологическая значимость: 91% респондентов считают традицию «бата беру» важной частью своего национального кода и культуры.

Проблема восприятия (языковой барьер): Лишь 34% опрошенных отметили, что полностью понимают архаичные поэтические обороты и метафоры, используемые старшим поколением при произнесении «бата». 54% понимают лишь общий смысл, а 12% воспринимают обряд исключительно как формальный ритуал.

Цифровизация обряда: 68% молодых людей положительно относятся к получению «бата» через видеосвязь или мессенджеры от пожилых родственников, находящихся в других городах или странах, считая это современной формой сохранения связи поколений.

Таким образом, исследование выявило семантический разрыв: при высоком уважении к традиции молодежь сталкивается с трудностями считывания её глубоких культурных смыслов.

ПРАКТИЧЕСКАЯ / ПРОЕКТНАЯ ЧАСТЬ

В целях реконтекстуализации культурного феномена "бата беру" под специфику восприятия молодого поколения эпохи цифровизации разработан следующий комплекс прикладных решений:

Медиа-проект «Ценности бата в инфографике»: Создание серии цифровых просветительских карточек для социальных сетей с декодированием архаичных фольклорных терминов, пожеланий и философских смыслов классических бата.

Платформа/Telegram-бот «Этно-Бата»: Интерактивный справочник, содержащий аудиозаписи произнесения благопожеланий известными деятелями культуры, текст на казахском языке с пояснениями и аксиологическим комментарием.

Академические диалоги «Урбанизация и традиции»: Организация студенческих дискуссионных площадок для обсуждения роли духовного наследия в гармонизации общественных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ

Проведенный этно-культурологический анализ показывает, что институт «бата беру» не утратил своей актуальности в современном мире. Изменилась среда его бытования: сакральность, бытовавшая в условиях устно-поэтической кочевой традиции, сегодня находит новые каналы трансляции через цифровые коммуникации.

Традиция «бата беру» демонстрирует высокий адаптивный потенциал. Она выступает главным «кодом доброжелательности», гуманизма и уважения к человеку, что напрямую перекликается с идеалами конкурса «ЦЕННОСТИ МИРА - МИР ЦЕННОСТЕЙ». Осмысленное принятие этой традиции студенческой молодежью позволяет сохранить национально-культурную идентификацию в условиях глобализации мира.

Список литературы

1. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. - Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. - Т. 1. - 432 с.
2. Ауэзов М.О. Мысли разных лет. - Алма-Ата: Жазушы, 1961. - 224 с.

3. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. - Алма-Ата: Өнер, 1986. - 256 с.
4. Альджанов Н.К. Антропологические и этические аспекты казахской традиционной культуры. - Астана: ЕНУ, 2020. - 180 с.
5. Сарсамбекова А.С. и др. «Бата беру» в культуре казахов - традиции и новации // Вестник КазНУ. Серия востоковедения. - 2018. - № 2. - С. 30–38.
6. Калиев С., Оразаев М., Смайылова М. Қазақ халқының салт-дәстүрлері. - Алматы: Рауан, 1994. - 224 с.
7. Ашхотов Б.Г. О трансформации традиционной культуры в XXI веке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016. - № 11. - С. 12–18.

МОЛОДЕЖЬ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Сайдазова С.Р.
Студентка 2-го курса ОП 6В01708 – Преподаватель русского языка и русской литературы,
Южно-Казахстанский педагогический университет имени Өзбекәлі Жәнібекова,
г. Шымкент, Казахстан
e-mail: saydazovasitora05@icloud.com
Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Есимова А.Б.

Аннотация
В работе рассматривается, как современная молодежь относится к технологиям искусственного интеллекта и генеративным нейросетям. Материалом послужили данные анкетирования, которое автор провел среди 85 представителей молодежи Республики Казахстан. Социологический опрос проводился в сентябре 2026 года на платформе Google Form. Проанализировано, как часто и как регулярно обучающиеся используют ИИ-сервисы в быту, учебе и творчестве. Выявлены самые популярные нейросети, основные сценарии их применения и преимущества, благодаря которым они закрепляются в образовательном процессе. Отдельное внимание уделено этическим вопросам: академической честности, достоверности информации и сохранению критического мышления. В заключении обозначены перспективы и тенденции дальнейшего использования нейросетей в молодежной среде.
Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, молодежь, цифровизация, образовательный процесс, академическая честность, этика ИИ.
Аңдатпа
Бұл зерттеу жұмысында заманауи жастардың жасанды интеллект технологиялары мен генеративті нейрожелілерге деген кешенді қарым-қатынасы, автор жүргізген және Қазақстан жастарының 85 өкілі қатысқан сауалнама деректері негізінде қарастырылады. Білім алушылардың күнделікті, оқу және шығармашылық қызметінде ЖИ-сервистерін пайдалану жиілігі мен тұрақтылығы талданады. Жастар арасында ең танымал нейрожелілер, оларды қолданудың негізгі сценарийлері, сондай-ақ білім беру процесіне ықпалдастыруды ынталандыратын басты артықшылықтар анықталады. Жасанды интеллектпен өзара әрекеттесудің этикалық аспектілеріне, соның ішінде академиялық адалдық, ақпараттың шынайылығы және сыни ойлауды сақтау мәселелеріне ерекше назар аударылады. Қорытындыда жастар ортасында нейрожелілерді одан әрі пайдаланудың негізгі перспективалары мен тенденциялары белгіленеді.
Түйін сөздер: жасанды интеллект, нейрожелілер, жастар, цифрландыру, білім беру процесі, академиялық адалдық, ЖИ этикасы.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Еще несколько лет назад технологии искусственного интеллекта (ИИ) и генеративные нейросети были узкоспециальными инструментами, а сегодня они стали привычной частью цифровой среды. Активнее всех ими пользуется молодежь —

«digital natives»: нейросети вошли в учебу, общение и творчество. Поэтому важно понять, как сама молодежь воспринимает ИИ, для чего к нему обращается и с какими этическими проблемами сталкивается. Генеративные сервисы распространяются быстрее, чем появляются образовательные, правовые и этические нормы их использования. Для Казахстана тема актуальна и в связи с Концепцией развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы [1]. Она обозначила курс на цифровую трансформацию, но вопрос о готовности молодежи к осознанному и ответственному взаимодействию с ИИ остается открытым.

Степень изученности проблемы. Основы для описания цифрового поколения заложил М. Пренски, который ввел понятие «цифровых аборигенов» [2, 1]. Этические принципы ИИ систематизировали Л. Флориди и Дж. Каулз [3], а о рисках больших языковых моделей писали Э. Бендер, Т. Гебру и соавторы [4, 610]. Нормативную рамку задают Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ [5] и Руководство ЮНЕСКО по использованию генеративного ИИ в образовании и научных исследованиях [6]. Образовательные последствия цифровизации критически разбирают Н. Селвин [7] и Н. Карр [8]. При этом отношение молодежи к нейросетям, регулярность их использования и этические оценки изучены хуже.

Объект исследования — молодежь как ключевая группа пользователей цифровых технологий. **Предмет** — особенности восприятия, практики использования, предпочтения и этические оценки ИИ и генеративных нейросетей среди молодежи. **Цель** — выявить, как молодежь относится к ИИ: определить самые популярные сервисы, сферы их применения и главные преимущества, а также оценить, насколько молодые люди осознают этические риски и перспективы нейросетей.

ПЛАН НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

1. Изучить теоретические основы и современное состояние ИИ-сервисов, доступных молодой аудитории.
2. Проанализировать отношение молодежи к нейросетям и интенсивность их использования.
3. Определить наиболее востребованные нейросети и сценарии их применения.
4. Выделить главные преимущества ИИ с точки зрения молодежи и обозначить этические проблемы.
5. Сформулировать перспективы использования ИИ в молодежной среде.

Методы исследования. Работа носит теоретико-эмпирический характер. Использовались анализ и синтез научной литературы, нормативных документов и отчетов международных организаций, сравнительный и типологический методы. Эмпирическая база — собственный онлайн-опрос молодежи Республики Казахстан: 85 респондентов от школьников младше 15 лет до людей старше 25 лет, анкета из 13 вопросов закрытого типа, в том числе с множественным выбором (Приложение А).

Практическая значимость. Выводы могут пригодиться педагогам, методистам и разработчикам образовательных программ, когда они будут адаптировать учебный процесс к цифровизации и формировать этические нормы использования ИИ.

Структура работы. Работа состоит из введения, шести разделов, заключения, списка литературы и приложения. Результаты анкетирования приведены в подразделах 2.1, 3.1, 4.1 и 5.8 и в разделе 6.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ: ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ И ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Под искусственным интеллектом в широком смысле понимают технологии, с помощью которых компьютерные системы решают задачи, прежде считавшиеся делом человеческого мышления: распознают образы, понимают и создают текст, переводят, принимают решения. Современный этап связан с машинным обучением и архитектурой трансформера, предложенной в 2017 году [9]. Благодаря ей появились большие языковые модели (LLM), которые способны создавать связные и стилистически уместные тексты.

Языковая модель не «знает» фактов в человеческом смысле, а статистически предсказывает наиболее вероятное продолжение текста. Отсюда большинство рисков:

достоверную и вымышленную информацию модель выдает одинаково уверенно. Э. Бендер с соавторами назвали такие системы «стохастическим попугаем» — механизмом, воспроизводящим форму языка без доступа к смыслу [4, 617]. В массовый продукт чат-боты превратились в конце 2022 года, после чего отставание норм регулирования от темпов развития моделей стало особенно заметным [10].

Доступные молодежи ИИ-сервисы делятся на пять групп: универсальные диалоговые ассистенты; генераторы изображений; сервисы для аудио, музыки и видео; образовательные инструменты (решатели задач, тренажеры, языковые приложения); ИИ-функции, встроенные в привычные сервисы (переводчики, голосовые помощники, рекомендации). Последними молодежь пользуется постоянно, но часто не замечает, что имеет дело с ИИ.

Молодежь принято описывать через концепцию М. Пренски о «цифровых аборигенах» [2, 1], но ее нужно скорректировать: активное пользование устройствами не означает цифровой грамотности. Молодые пользователи свободно ориентируются в интерфейсах, но хуже оценивают достоверность источников и слабо понимают работу алгоритмов. С генеративным ИИ умение пользоваться опережает понимание, и именно это становится главным источником этических рисков (раздел 5).

Для Казахстана институциональный контекст задает Концепция развития ИИ на 2024–2029 годы, определяющая приоритеты в подготовке кадров, инфраструктуре и формировании доверенной цифровой среды [1]. Большие языковые модели при этом работают с казахским языком хуже, чем с английским и русским: обучающих данных на нем меньше.

Выводы по разделу 1. Генеративный ИИ работает на статистическом предсказании текста, а не на знании фактов. Доступные молодежи сервисы разнообразны, часть из них встроена в привычные приложения. Умение пользоваться устройствами не равно цифровой грамотности.

2 ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К НЕЙРОСЕТЯМ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Отношение молодежи к ИИ устойчиво амбивалентно: технологию принимают и используют, но опасаются за рынок труда, самостоятельное мышление и непрозрачность алгоритмов. Выделяются три типа отношения.

Инструментально-прагматический тип преобладает: нейросеть воспринимается как обычный инструмент, вроде калькулятора или поисковой системы. Об этике вспоминают, только когда появляются санкции со стороны преподавателя. **Технооптимистический** тип характерен для молодежи, ориентированной на ИТ-профессии: для нее ИИ — фактор конкурентоспособности. **Скептически-настороженный** тип объединяет тех, кто сознательно ограничивает использование нейросетей. Они боятся потерять навыки письма и мышления или принципиально относятся к академической честности. Нередко к этому типу относятся самые успевающие обучающиеся.

2.1 Результаты собственного анкетирования: отношение и частота использования. Выборка: женщины — 86%, мужчины — 14%. Школу окончили в Шымкенте 64%, в сельской местности — 14%, в районных центрах — 11%. По возрасту: до 15 лет — 3%, 15–17 лет — 21%, 18–21 год — 46%, 22–25 лет — 22%, старше 25 лет — 8%. Студенты вузов составили 58%, колледжей — 12%, школьники — 9%, магистранты и аспиранты — 10%, работающие и совмещающие учебу с работой — 11%.

К развитию технологий ИИ положительно или скорее положительно относятся 72% респондентов (34% и 38%), нейтрально или затруднились ответить — 18%, скорее отрицательно или отрицательно — 10% (7% и 3%). Ежедневно нейросетями пользуются 41% опрошенных, несколько раз в неделю — 33%, 1–2 раза в месяц — 14%, редко — 9%, никогда — 3%. Эти данные подтверждают преобладание инструментально-прагматического типа и амбивалентность отношения: использование ИИ стало привычным делом.

Выводы по разделу 2. Отношение молодежи к ИИ складывается из принятия и опасений; преобладает инструментально-прагматический тип. Высокая частота использования показывает, что нейросети перестали быть новинкой.

3 ВОСТРЕБОВАННЫЕ СЕРВИСЫ И СЦЕНАРИИ ПРИМЕНЕНИЯ

Выбор сервисов определяют бесплатный доступ к базовым функциям, качество работы с языком пользователя и наличие мобильного приложения, а не техническое превосходство модели.

Учебные сценарии преобладают: объяснение материала «своими словами», конспектирование, подбор аргументов и планов, перевод, помощь в решении задач и написании кода, проверка грамотности, черновики эссе. Отдельно выделяется использование ИИ вместо поисковой системы. Этот сценарий наиболее уязвим с точки зрения достоверности, потому что ответ приходит без списка источников. **Бытовые и организационные сценарии** — расписания, бюджет, резюме и деловая переписка. **Творческие сценарии** — изображения, музыка, видео, идеи для контента. Для многих именно они становятся первым знакомством с генеративными технологиями. **Коммуникативные сценарии** — изучение языков, подготовка к собеседованиям и обращение к ИИ как к собеседнику для обсуждения личных переживаний. Последнее поднимает собственные этические вопросы.

Качество генерации на казахском уступает русскому и английскому, поэтому обучающиеся казахских отделений получают текст худшего качества.

3.1 Результаты анкетирования: востребованные сервисы и сценарии применения. Среди используемых ИИ-сервисов (можно было выбрать несколько вариантов) лидируют текстовые нейросети — 87%. Далее идут генераторы изображений — 46%, встроенные ИИ-ассистенты — 39%, нейросети для работы с кодом — 21%, сервисы аудио и музыки — 18%, сервисы создания и монтажа видео — 14%. Не пользуются нейросетями 4% опрошенных. Чаще всего к ИИ обращаются за помощью в учебе — 79%. Затем следуют развлечение и общение — 47%, творчество и хобби — 41%, изучение иностранных языков и перевод — 36%, бытовые задачи — 33%, рабочие задачи — 24%. Это подтверждает преобладание учебных сценариев.

Выводы по разделу 3. Молодежь выбирает сервисы по доступности и качеству работы с ее языком. Самые востребованные — текстовые нейросети, самый распространенный сценарий — помощь в учебе. Наиболее уязвимо использование ИИ вместо поисковой системы.

4 ПРЕИМУЩЕСТВА ИИ С ПОЗИЦИИ МОЛОДЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Практики использования ИИ устойчивы, потому что молодые пользователи видят в нем ряд существенных преимуществ. Самое очевидное — экономия времени: задачи, на которые раньше уходили часы работы с источниками, решаются за минуты. Второе — персонализация объяснения: ИИ меняет уровень сложности и подбирает аналогии, позволяя учиться в индивидуальном темпе. Третье — психологическая доступность: можно задать вопрос, который неловко задавать преподавателю, что важно для тревожных обучающихся и тех, кому мешает языковой барьер. Наконец, ИИ снижает порог входа в новую предметную область.

4.1 Результаты анкетирования: воспринимаемые преимущества. Респонденты (множественный выбор) отметили экономию времени — 82%, быстрый поиск и структурирование информации — 61%, помощь в генерации идей — 49%, доступность 24/7 — 44%, повышение качества работы и учебы — 39%, автоматизацию рутины — 37%; существенных преимуществ не увидели 3%. Лидируют практические выгоды, а не качество обучения: молодежь пока видит в ИИ способ сделать задание быстрее, а не лучше разобраться в предмете.

Выводы по разделу 4. Преимущества ИИ с точки зрения молодежи — экономия времени, персонализация объяснения, психологическая доступность, снижение порога входа. Они доступны не всем: нужны интернет, устройство и умение критически работать с ответом.

5 ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ С ИИ

5.1 Академическая честность. Главный вопрос не в том, можно ли применять ИИ, а в том, где проходит граница между помощью и подлогом: проверка орфографии и план работы качественно отличаются от готового эссе, сданного под своим именем. Внятных правил нет, поэтому обучающийся проводит эту границу сам. Детекторы ИИ-текста часто ошибаются и чаще принимают за машинный текст работы тех, для кого язык написания неродной [11], что в Казахстане может привести к несправедливым обвинениям. Продуктивнее стратегия ЮНЕСКО: понятная политика с обязательным раскрытием факта использования ИИ и перестройка оценивания [6].

5.2 Достоверность информации и «галлюцинации» моделей. Языковая модель создает правдоподобный текст, а не проверенное знание. Для академической среды самая опасная ошибка — выдуманные библиографические ссылки: модель может сгенерировать несуществующую статью с реалистичными выходными данными. Если перенести такую ссылку в работу, это будет считаться недобросовестным цитированием. Поэтому любой факт, цифру и ссылку, полученные от нейросети, нужно проверять по первоисточнику.

5.3 Когнитивный аутсорсинг и критическое мышление. Исследования «эффекта Google» показали: если человек уверен, что информацию можно найти снаружи, он хуже запоминает содержание, но лучше запоминает путь к ней [12, 776]. Генеративный ИИ усиливает этот механизм: на внешний носитель передается уже не хранение сведений, а их обработка — формулирование мысли и построение аргумента. Н. Карр связывал такое делегирование с ухудшением способности к долгому сосредоточенному чтению [8]. Риск возникает, когда инструмент применяют там, где обучающийся должен сам освоить навык.

5.4 Персональные данные и приватность. Когда пользователь вводит в диалоговое окно неопубликованные работы, переписку или сведения о третьих лицах, он передает их на серверы коммерческой компании, нередко в другой юрисдикции. Большинство молодежи не читает пользовательские соглашения и не знает, что данные могут использоваться для дообучения моделей.

5.5 Авторское право и справедливость. Модели обучены на текстах и изображениях, созданных людьми, согласия которых, как правило, никто не спрашивал. Правовой статус сгенерированного результата в большинстве юрисдикций остается предметом споров. А для будущих работников креативных индустрий это вопрос стоимости их труда.

5.6 Алгоритмическая предвзятость и культурная репрезентация. Модель воспроизводит смещения, заложенные в обучающих данных [4, 613]. Данные в основном англоязычные, поэтому ответы о Казахстане и Центральной Азии чаще бывают поверхностными или искаженными. Студенты-гуманитарии рискуют принять чужую оптику за нейтральное знание. Рекомендация ЮНЕСКО называет культурное многообразие и недискриминацию базовыми принципами разработки ИИ [5].

5.7 Эмоциональное взаимодействие и подмена общения. С. Тёркл описывала парадокс цифровой эпохи: люди постоянно на связи, но им все более одиноко [13]. Ассистент всегда доступен и создает иллюзию понимания, но настоящей эмпатии и профессиональной помощи не дает. Риски запретами не устраняются: ограничения лишь заставляют скрывать использование ИИ. Продуктивнее формировать ИИ-грамотность и принцип человеческой субъектности, согласно которому решение и ответственность остаются за человеком [3].

5.8 Результаты анкетирования: осознание этических рисков. Больше всего респондентов (множественный выбор) беспокоят деградация навыков мышления и самостоятельного поиска информации — 58% и снижение честности в учебе — 52%. Далее идут утечка персональных данных — 46%, фейки и дипфейки — 41%, потеря рабочих мест — 34%, авторское право — 27%; не волнуют этические вопросы 6%. Лишь 22% считают использование нейросетей в учебных и научных работах полностью этичным, 51% допускают его только для поиска идей и структурирования, 18% видят в этом академическое мошенничество, 9% затруднились ответить. При этом 79% используют ИИ в учебных целях: многие понимают проблему, но продолжают пользоваться нейросетями, то есть этическая рефлексия отстает от практики.

Выводы по разделу 5. Этические проблемы затрагивают академическую честность, достоверность информации, критическое мышление, приватность, авторское право, предвзятость моделей и эмоциональную сферу. Запреты их не устраняют, важнее ИИ-грамотность и понятные правила.

6 ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Несколько тенденций выглядят устойчивыми. Первая — переход от универсальных ассистентов к специализированным и агентным системам. Вторая — интеграция ИИ в инфраструктуру образования (адаптивные траектории, обратная связь): применение ИИ из

личного выбора обучающегося переходит в область образовательной политики. Третья — изменение оценивания: письменная работа вне аудитории перестает быть надежным показателем компетентности, и оценивать будут также процесс — через устную защиту, работу с черновиками, проекты. Четвертая — новые компетенции: точный запрос, проверка сведений, этическая оценка своих действий. Для Казахстана важна и языковая локализация: развитие корпусов казахского языка — не только технологическая, но и культурная задача.

Дальнейшее развитие можно описать тремя сценариями. **Инерционный** предполагает, что разрыв между массовой практикой и отсутствием норм сохранится. **Деградационный** связан с массовым делегированием когнитивных операций и снижением исследовательских навыков. **Развивающий** предполагает целенаправленное формирование ИИ-грамотности, прозрачные правила и перестройку оценивания. Сам собой он не наступит, для этого нужны усилия образовательного сообщества.

Эмпирические данные уточняют эти тенденции. О влиянии ИИ на профессию 47% респондентов полагают, что он заменит часть рутинных задач, но не специалиста, 29% — что станет основным инструментом, 9% видят угрозу исчезновения профессии, 6% не ожидают влияния. На горизонте 5–10 лет 64% считают, что ИИ станет обыденной частью всех сфер жизни, 52% ожидают повышения уровня медицины, науки и образования, 41% прогнозируют рост государственного контроля, 33% — кризис на рынке труда.

Выводы по разделу 6. Перспективы связаны с агентными системами, интеграцией ИИ в образование, изменением оценивания и новыми компетенциями. Развивающий сценарий потребует осознанных усилий образовательного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во-первых, для молодежи генеративный ИИ стал повседневной инфраструктурой, что снижает барьеры освоения, но ослабляет критическую дистанцию. Во-вторых, отношение к нейросетям амбивалентно; выделены три типа: инструментально-прагматический (преобладает), технооптимистический и скептически-настороженный. В-третьих, выбор сервисов определяется доступностью и качеством работы с языком; преобладают учебные сценарии. В-четвертых, главные преимущества — экономия времени, персонализация объяснения и психологическая доступность. В-пятых, этическая рефлексия отстает от практики: наиболее остро стоят академическая честность, достоверность сведений и защита данных, а альтернативой запретам служит ИИ-грамотность и прозрачные правила. В-шестых, перспективы связаны с агентными системами, интеграцией ИИ в образование, изменением оценивания и языковой локализацией.

Результаты работы можно использовать при организации обучения. Во-первых, преподавателям стоит прямо говорить со студентами, где проходит граница между помощью ИИ и подлогом; правила с обязательным раскрытием факта использования нейросети понятнее запретов, что рекомендует и ЮНЕСКО. Во-вторых, нужно учить проверять информацию по первоисточникам, особенно ссылки и цифры от нейросети. В-третьих, формы оценивания придется менять: оценивать еще и процесс работы, например через устную защиту и работу с черновиками.

Тема остается открытой для дальнейшего изучения. Опрос охватил 85 человек, причем большинство из них — женщины и выпускники шымкентских школ, поэтому в следующих исследованиях стоит расширить выборку и сравнить ответы по регионам, возрасту и типу учебного заведения. Интересно было бы также посмотреть, как меняется отношение к нейросетям со временем, ведь технология развивается очень быстро, а нормы использования пока складываются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 г. № 592. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 20.09.2026).

2. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, No. 5. – P. 1–6.

3. Floridi L., Cowls J. A Unified Framework of Five Principles for AI in Society // Harvard Data

Science Review. – 2019. – Vol. 1, Iss. 1. – DOI: 10.1162/99608f92.8cd550d1.

4. Bender E.M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York: ACM, 2021. – P. 610–623.

5. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта: принята 23 ноября 2021 г. – Париж: ЮНЕСКО, 2022. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 20.09.2026).

6. Miao F., Holmes W. Guidance for generative AI in education and research. – Paris: UNESCO, 2023. – 44 p. – ISBN 978-92-3-100612-8. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693.

7. Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 160 p.

8. Карр Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. – СПб.: BestBusinessBooks, 2012. – 256 с.

9. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2017. – Vol. 30. – P. 5998–6008.

10. Maslej N. et al. The AI Index 2026 Annual Report. – Stanford, CA: Stanford Institute for Human-Centered AI, 2026. URL: https://hai.stanford.edu/aiindex/2026-ai-index-report (дата обращения: 20.09.2026).

11. Liang W., Yuksekgonul M., Mao Y., Wu E., Zou J. GPT detectors are biased against non-native English writers // Patterns. – 2023. – Vol. 4, No. 7. – Art. 100779.

12. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. – 2011. – Vol. 333, No. 6043. – P. 776–778.

13. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – New York: Basic Books, 2011. – 360 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета «Молодежь об искусственном интеллекте» (N = 85)

1. Укажите ваш пол: Варианты: мужской; женский.

2. Где вы окончили школу / иное учебное заведение? Варианты: в городе Шымкент; в областном центре (г. Туркестан); в районном центре (г. Сарыагаш, г. Жетысай, с. Аксукент и др.); в сельской местности; в другом регионе Казахстана или за рубежом.

3. Ваш возраст: Варианты: до 15 лет; 15–17 лет; 18–21 год; 22–25 лет; старше 25 лет.

4. Ваш основной род деятельности: Варианты: школьник; студент колледжа / техникума; студент вуза (бакалавриат / специалитет); студент вуза (магистратура / аспирантура); работаю; совмещаю учебу и работу.

5. Как вы в целом относитесь к развитию технологий ИИ? Варианты: положительно; скорее положительно; нейтрально / затрудняюсь ответить; скорее отрицательно; отрицательно.

6. Как часто вы используете нейросети / ИИ в повседневной жизни или учебе? Варианты: каждый день; несколько раз в неделю; 1–2 раза в месяц; редко; никогда не использовал(а).

7. Какие сервисы на базе нейросетей вы используете чаще всего? (Можно выбрать несколько вариантов.) Варианты: текстовые нейросети (ChatGPT, Claude, Gemini, YandexGPT, GigaChat и др.); генераторы изображений (Midjourney, DALL-E, Stable Diffusion, Шедеврум, Кандинский и др.); нейросети для работы с кодом (GitHub Copilot, Replit и др.); сервисы для аудио и музыки (Suno, Udio, Whisper и др.); нейросети для создания/монтажа видео (Runway, Sora, HeyGen и др.); встроенные ИИ-ассистенты в сервисах; не использую нейросети.

8. В каких ситуациях вы обращаетесь к ИИ чаще всего? (Можно выбрать несколько вариантов.) Варианты: помощь в учебе; рабочие задачи; творчество и хобби; бытовые задачи; развлечение и общение; изучение иностранных языков и перевод.

9. В чем, по вашему мнению, основные преимущества использования ИИ? (Можно выбрать несколько вариантов.) Варианты: экономия времени и ускорение выполнения задач; быстрый поиск и структурирование информации; помощь в генерации идей; автоматизация рутинных дел; доступность 24/7; повышение качества работы/учебы; не вижу существенных преимуществ.

10. Какие этические вопросы и риски, связанные с ИИ, волнуют вас больше всего? (Можно выбрать несколько вариантов.) Варианты: деградация навыков мышления, памяти и самостоятельного поиска информации; снижение честности в учебе; проблема авторского права; угроза потери рабочих мест; распространение фейков, дипфейков и дезинформации; утечка личных данных; этические вопросы ИИ меня не волнуют.

11. Считаете ли вы этичным использование нейросетей при выполнении учебных/научных работ? Варианты: да, полностью этично, это современный инструмент; да, но только для поиска идей и структурирования материала; нет, это форма академического мошенничества / списания; затрудняюсь ответить.

12. Как ИИ повлияет на вашу будущую профессию / карьеру? Варианты: станет основным инструментом, без которого невозможно работать; заменит часть рутинных задач, но не заменит специалиста; создаст угрозу полного исчезновения профессии; никак не повлияет; затрудняюсь ответить.

13. Каковы, на ваш взгляд, перспективы развития ИИ в ближайшие 5–10 лет? (Можно выбрать несколько вариантов.) Варианты: ИИ станет обыденной частью всех сфер жизни; значительно повысит уровень медицины, науки и образования; возрастет контроль за ИИ со стороны государств; приведет к кризису на рынке труда; развитие замедлится из-за технологических и этических ограничений.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОЛОДЁЖЬ: ЭТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС УДОБСТВА

Муксанова Д.Д., Сайнова Н.М.
Студенты 2-го курса ОП6В04105; ОП6В04108 – Философия и этика,
Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана,
г. Уральск, Казахстан
e-mail: muksanovadiara@gmail.com; neylya490@gmail.com
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Есенгалиева В. А.

«Дело не в том, чтобы просто жить, а в том, чтобы жить достойно».
Сократ

Аннотация

Работа посвящена этическому парадоксу удобства: искусственный интеллект избавляет молодого человека от рутины, но вместе с ней может отнять усилие, на основе которого формируется самостоятельность мышления и ответственность. Опираясь на идеи Сократа, Аристотеля, Фейербаха, Бодрийяра и Дж. Твенге, а также на суждения С. Хокинга, Б. Гейтса и Ш. Тёркл, авторы сопоставляют пользу и риски ИИ в учёбе и общении. Теоретические положения проверяются данными Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) и пилотным опросом студентов и магистрантов ЗКАТУ имени Жангир хана.

Введение

Два часа ночи, дедлайн утром. Раньше в такой час выручали библиотека и упрямство. Сегодня достаточно одного запроса — и через несколько секунд на экране появляется грамотный, готовый текст. Удобно, но именно в эти минуты возникает вопрос, которого не знали ни калькулятор, ни поисковик: если мысль, формулировка и вывод всё чаще приходят к человеку готовыми, что остаётся делать ему самому?

Актуальность темы определяется масштабом явления. По инициативе Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, в Послании народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» была подчеркнута стратегическая важность технологического суверенитета страны: *«Стремительное развитие искусственного интеллекта уже влияет на мировоззрение и поведение людей, особенно молодежи. Иной альтернативы нет, поскольку данный процесс кардинально меняет миропорядок и образ жизни всего человечества. Мы*

должны быть готовы к этому. Нужно действовать решительно, промедление чревато самыми тяжелыми последствиями». Этот стратегический курс уже находит практическое воплощение в государственных программах и инициативах.

Символом технологического прорыва стал новый город Alatau City, на территории Алматинской области, получивший специальный статус «территории опережающего развития». «Alatau City» позиционируется как первый полностью цифровизированный город и хаб для инновационных компаний: здесь создаются собственные правила для инвестиций, Smart City-решений, цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Практическим шагом стало и проведение в 2026 году в Астане крупнейшего в Центральной Азии хакатона по кибербезопасности KazHackStan 2026, собравшего около 10 000 участников — специалистов, студентов и школьников в IT-сфере. Хакатон — это соревнование, в рамках которого команды за ограниченное время разрабатывали прототип продукта, что делает его эффективным инструментом для быстрой генерации инноваций.

Технология входит в повседневность быстрее, чем формируются нормы обращения с ней, а это уже предмет этики.

Суть проблемы — в двойственности самого удобства: оно освобождает нас от лишнего, и тем же движением способно освободить от нужного. Так возникает **этический парадокс удобства**: технология, созданная, чтобы расширять возможности человека, при бездумном использовании ослабляет способности сомневаться, сравнивать, ошибаться, делать выводы и отвечать за них. Поэтому вопрос не в том, хорош или плох искусственный интеллект, а в том, где проходит граница между помощью и ущербом.

Цель работы — попытка раскрыть сущность этического парадокса удобства при использовании ИИ молодёжью и определить его связь с навыками быть самостоятельным, обладать критическим мышлением, общением и ответственностью. Задачи: 1) показать, как ИИ из инструмента превращается в среду, формирующую привычки; 2) проанализировать проблему через идеи выдающихся философов; 3) сопоставить теоретические положения с данными исследований Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) и результатами пилотного опроса студентов и магистрантов ЗКАТУ имени Жангир хана; 4) сформулировать практические выводы об ответственном использовании ИИ.

Объект исследования — ценностные ориентации молодёжи в условиях цифровизации; предмет — этический парадокс удобства при использовании ИИ в учебной, коммуникативной и повседневной деятельности. Новизна состоит в том, что ИИ рассматривается не только как инструмент, но и как среда, формирующая привычки. Главный вопрос, **что человек продолжает развивать сам, когда искусственный интеллект способен сделать многое за него?**

Теоретическая часть

1. Что такое «этический парадокс удобства» и почему он так называется

Слово «парадокс» буквально означает «вопреки общепринятому мнению» (греч. *para* — против, *doxa* — мнение). Общепринятое мнение о технологиях предельно просто: чем удобнее, тем лучше. Парадокс возникает там, где эта формула перестаёт работать: чем меньше усилий требует результат, тем меньше усилий вкладывается в его понимание — и тем труднее сохранить собственный навык. «Этический» — потому что речь не о том, эффективна ли технология (она эффективна), а о том, каким человек становится, пользуясь ею, и кто отвечает за результат. Наконец, в слове «удобство» скрыта главная опасность: от запрета или обмана человек защищается, а к удобству привыкает сам — добровольно и с благодарностью.

Стив Джобс называл компьютер «велосипедом для ума, инструментом, умножающим силу человека». Но велосипед едет лишь пока человек крутит педали, ИИ способен превратиться из велосипеда в такси: доехать удастся, а ваши умственные «мышцы» останутся нетренированными.

2. Две стороны одного удобства: польза и риски ИИ

Начнём с пользы. Американский предприниматель, один из основателей компании Microsoft, Билл Гейтс ставит появление ИИ в один ряд с микропроцессором, персональным компьютером и интернетом и полагает, что он изменит то, как люди работают, учатся и

общаются. Схема 1 сопоставляет то, что ИИ даёт молодому человеку, с тем, что он способен отнять.

Схема 1. Польза и риски ИИ для молодого пользователя (обобщение авторов)

Польза (что даёт ИИ)	Риски (что может отнять)	
Доступность. Сложная тема объясняется простыми словами в любое время	**Потеря навыка.** Школьники с доступом к GPT-4 решали тренировочные задачи на 48% лучше, но после отключения ИИ справлялись на 17% хуже тех, кто им не пользовался	
Экономия времени. Перевод, проверка ошибок и структурирование берут на себя рутину	**«Разгрузка» памяти.** Люди хуже запоминают то, что можно найти позже, — так называемый эффект Google	
Индивидуализация. Объяснение подстраивается под уровень и темп конкретного человека	**Иллюзия понимания.** Гладкий текст может содержать ошибки и создавать ощущение знания, которого нет	
Инклюзия. Поддержка людей с ограниченными возможностями; С. Хокинг общался с помощью системы на основе ИИ	**Академическая нечестность.** Качественный текст не отражает собственной работы студента	
Творчество. Идеи, черновики и варианты решений появляются за минуты	**Обеднение общения.** Диалог без человеческих сложностей обесценивает живое общение	

Британский физик-теоретик Стивен Хокинг в одном из интервью заявил, что «Примитивные формы искусственного интеллекта, которые у нас уже есть, оказались очень полезными. Но я думаю, что создание полноценного ИИ может положить конец человеческому роду.» Тревога Хокинга кажется далёкой в перспективе, но его мысль — «полезно, но опасно!» — совпадает со структурой нашего парадокса: польза и риск растут из одного корня.

3. Философская оптика: от Сократа до современности

Тревога перед «удобной» технологией существовала до появления компьютеров. В диалоге «Федр» древнегреческий философ Сократ пересказывает миф о египетском царе Тамусе, который предупреждает изобретателя письма, что оно вызовет забывчивость, люди перестанут упражнять память, полагаясь на внешние знаки, и получат лишь видимость мудрости, а не саму мудрость. Новизна ИИ в том, что вовне уходят уже и формулирование мысли, и аргументация, и выбор.

Аристотель отмечает, что нравственные добродетели рождаются не от природы, а от привычки: справедливыми мы становимся, совершая справедливые поступки. Это верно и для самостоятельности мышления: она требует ежедневной практики.

Немецкий философ Людвиг Фейербах описал отчуждение: человек выносит свои лучшие качества вовне, наделяет ими чужой образ, а затем подчиняется тому, что создал сам. Для ИИ это осторожная аналогия: алгоритм, обученный на человеческих текстах, легко воспринимается как «тот, кто знает лучше», хотя его знание — переработанное знание людей.

Жан Бодрийяр, французский исследователь современной культуры и технологической коммуникации, показал, что знаки и модели способны вытеснять реальность, порождая «симулякры» — правдоподобные копии без оригинала. Для ИИ это особенно значимо в общении: чат-бот может изобразить внимательного собеседника, но имитация диалога не равна отношению, в котором есть личная ответственность и риск быть непонятым. Учебный аналог симулякра — эссе, которое выглядит как итог размышления, хотя размышления не было. Теорию дополняет канадский исследователь М. Маклюэн, назвавший технологии «расширениями человека» и указавший на онемение продолжаемых ими функций.

4. Поколение экрана: Твенге, Тёркл и голоса современности

Известный американский психолог, профессор психологии Государственного университета Сан-Диего, в своей книге «iGen» (*«Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не*

готовым к жизни, и что это значит для всех остальных») показывает, что вместе со смартфоном изменились привычки молодых людей: меньше живых встреч, отсутствие социализации, больше времени наедине с экраном. Её выводы остаются предметом спора: по данным британских исследователей, связь между цифровыми технологиями и благополучием подростков статистически невелика. Переносить эти споры на ИИ напрямую нельзя, но как контекст они важны, потому что алгоритм теперь не просто предоставляет информацию, а выражает чувства, разговаривает, объясняет, формулирует.

Шерри Тёркл, профессор Массачусетского технологического института, вынесла суть проблемы в подзаголовок своей книги «Alone Together» («Одиночество вместе»): мы ждём всё больше от технологий и всё меньше — друг от друга. Сами создатели технологии признают принцип, что ИИ должен работать на людей — помогать им достигать собственных целей и расширять их возможности. Похожая точка зрения у ЮНЕСКО: в число главных навыков, которые должны освоить учащиеся, входит умение ставить человека в центр при работе с ИИ и соблюдать этические правила. Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод: единственный критерий — полезно то, что служит усилению целей человека, а не их подмене.

5. Где проходит граница: три вопроса автономии

Граница проходит не между человеком и машиной, а внутри способа взаимодействия. Пока человек сам ставит цель, проверяет результат и принимает решение – ИИ остаётся инструментом. Когда же человек перестаёт понимать – меняется распределение ответственности. Границу можно проверять тремя вопросами. **Понимание:** смогу ли я объяснить это без ИИ? **Проверка:** откуда это известно и сверил ли я это с другими источниками? **Авторство:** что в этом результате принадлежит мне? Если ответ на все три вопроса имеется, то удобство работает на человека; если нет — оно начинает работать вместо него.

Итак, это парадокс! Потому что противоречит формуле «легче — значит лучше», этический — потому что затрагивает самостоятельность и ответственность; парадокс *удобства* — потому что опасность исходит не от принуждения, а от привычки. *ИИ полезен не тогда, когда делает за человека как можно больше, а тогда, когда благодаря ему человек способен больше понимая, проверяя и выбирая самостоятельно.*

Практическая часть

1. Методология исследования

Практическая часть опирается на два источника эмпирических данных: общенациональную статистику по Казахстану и собственный пилотный опрос.

Анализ существующих данных. Согласно социологическому опросу КИСИ при Президенте РК, в 2025 году была выборка – 8000 респондентов от 18 лет из 17 областей и 3 городов республиканского значения. По данным опроса технологии ИИ используют 76,2% молодых казахстанцев в возрасте 18–29 лет, то есть примерно три человека из четырёх. Чаще всего они обращаются к ним для учёбы и саморазвития (48,7% молодых респондентов) и для работы с текстами (44,2%). Вместе с тем глубоко знакомы с тенденциями развития ИИ лишь 15,9% опрошенных, то есть примерно каждый шестой. Эти показатели измеряют разное: первый отражает практику, второй – знание. Именно поэтому их важно читать вместе: пользоваться ИИ научились заметно быстрее, чем разбираться в том, как он устроен и к чему может привести.

Молодёжь при этом заметно выделяется на общем фоне. Агентство Kazinform, ссылаясь на КИСИ при Президенте РК, сообщает: «Половина казахстанцев (51,1%) уже применяют технологии ИИ», в том числе такие сервисы, как ChatGPT, Google Gemini, Midjourney и другие. Но это среднее значение, а внутри него доля пользователей сильно зависит от возраста. Среди молодых людей 18–29 лет она составляет 76,2%, в группе 30–45 лет – 57,1%, среди 46–60-летних – 37,5%, а среди тех, кто старше 61 года, – 16,6%. Чем старше группа, тем реже в ней пользуются ИИ, и только молодёжь – та группа, где его используют примерно три человека из четырёх.

Различаются и цели: для людей старшего возраста ИИ нередко заменяет привычный

поисковик (40,8% респондентов старше 61 года). Заметны и социальные различия. ИИ чаще используют женщины (54,6%), чем мужчины (46,6%) и горожане (53,2%), чем сельские жители (47,9%), что во многом связано с более доступной цифровой инфраструктурой. Сильнее всего различаются группы по образованию: люди с высшим образованием пользуются ИИ в 1,7 раза чаще (64,2%), чем люди со средним образованием (37,7%).

Особенно важно, что ИИ приходит именно в те сферы, где от человека требуются самостоятельное мышление и умение работать со словом. Получается, что технология становится частью повседневных привычек раньше, чем у общества успевает сложиться культура её осознанного использования. Общенациональные данные показывают масштаб этого явления, но не отвечают на вопрос, как оно выглядит в студенческой среде. Чтобы увидеть это ближе, мы дополнили анализ собственным опросом студентов ЗКАТУ имени Жангир хана.

Собственный опрос. Для иллюстрации того, как парадокс проявляется локально, проведено пилотное анкетирование среди 104 студентов и магистрантов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета имени Жангир хана. Анкета включала 18 вопросов. Об использования ИИ, самостоятельности, академической честности, живом общении и этической осведомлённости, о влиянии ИИ на поведение и о предлагаемых правилах использования ИИ в вузе. Выборка носит пилотный характер и охватывает один региональный вуз.

2. Статистический анализ данных

Таблица 1. Данные опроса студентов и магистрантов ЗКАТУ им. Жангир хана (выборка – 104 человека)

№	Показатель	Основной результат	Дополнительно (для интерпретации)
1	Частота использования ИИ (вопрос 3)	58,7% — «Ежедневно»	31,7% — «Несколько раз в неделю» (суммарно 90,4% активных пользователей); 4,8% — «Редко»; 1,0% — «Не использую»
2	Цели использования ИИ (в.4, несколько ответов)	84,6% — «Учёба»	52,9% — «Творчество»; 32,7% — «Развлечения»; 28,8% — «Планирование времени»
3	Уровень доверия к информации ИИ (в.5)	59,6% — «3, среднее доверие»	31,7% — доверие выше среднего (4–5 баллов); 8,7% — низкое доверие (1–2 балла)
4	Обращение к ИИ без самостоятельной попытки решить задачу (в.6)	51,9% — «Иногда»	8,7% — «Да, часто»; 33,7% — «Редко»; 5,8% — «Никогда»
5	Изменение самостоятельности в учёбе после начала использования ИИ (в.7)	64,4% — «Не изменилась»	29,8% — «Улучшилась»; 5,8% — «Снизилась»
6	Отношение к сдаче ИИ-текста без указания источника (в.8)	42,3% — «Не уверен(а)»	34,6% считают нечестностью (11,5% «однозначно» + 23,1% «скорее да»); 14,4% — «скорее нет»; 8,7% — считают допустимым
7	Трудности в самостоятельном анализе информации после ИИ (в.9)	52,9% — «Нет, не замечаю»	32,7% — «Иногда замечаю»; 7,7% — «Да, заметно»; 6,7% — «Не задумывался(ась)»
8	Изменение живого общения после ИИ (в.10)	90,4% — «Не изменилось»	6,7% — «Стало больше»; 2,9% — уменьшилось
9	Предпочтение обсудить вопрос с ИИ, а не с человеком (в.11)	32,7% — «Иногда»	16,3% — «Да, часто» (суммарно 48,9% хотя бы иногда предпочитают ИИ); 26,0% — «Редко»; 25,0% — «Никогда»
10	Дискомфорт при недоступности ИИ (в.12)	76,0% — «Не испытываю»	19,2% — «Лёгкий дискомфорт»; 2,9% — «Сильный дискомфорт»; 1,9% — затруднились ответить
11	Проверка информации от ИИ через другие источники (в.13)	39,4% — «Иногда проверяю»	37,5% — «Часто»; 17,3% — «Всегда» (суммарно 54,8% регулярно проверяют); 5,8% — «Никогда»
12	Ответственность за последствия	42,3% — «Пользователь»	21,2% — «Разработчики»; 18,3% — «Никто

	использования ИИ (в.14)		не несёт ответственности»; 17,3% — «Все вместе»; 1,0% — «Государство»
13	Знакомство с этическими принципами ИИ (в.15)	53,8% — «Слышал(-а) поверхностно»	29,8% — «Не знаком(а)»; 16,3% — «Да, хорошо знаком(а)»
14	Оценка влияния ИИ на жизнь в целом (в.16)	38,5% — «Больше положительное»; 38,5% — «Нейтральное»	18,3% — «Исключительно положительное» (суммарно 56,8% — положительное); 4,8% — отрицательное

3. Анализ результатов

Данные (n = 104) позволяют увидеть в опросе не столько свершившееся ухудшение показателей, сколько ряд устойчивых паттернов и противоречий, в которых этический парадокс удобства проявляется на нынешнем этапе.

Паттерн 1 — почти всеобщая вовлечённость. 90,4% опрошенных используют ИИ ежедневно или несколько раз в неделю, и лишь **1,0%** не пользуются им вовсе. Доминирующей целью является учёба (84,6%), за ней следует творчество (52,9%), развлечения (32,7%) и планирование времени (28,8%). Данные показывают, что для опрошенных ИИ перестал быть отдельным инструментом. Он встроен в повседневную учебную практику и работает как среда, в которой выполняются задания, — что согласуется и с общенациональными данными КИСИ.

Противоречие 1 — использование без доверия. При почти всеобщей вовлечённости лишь **31,7%** опрошенных доверяют информации ИИ выше среднего, **59,6%** оценивают своё доверие как среднее, **8,7%** — как низкое. Можно предположить, что ИИ используют не столько из-за доверия, сколько из-за удобства. В этом разрыве между использованием и недоверием проявляется первая грань парадокса удобства: опасность исходит не от убеждённости в технологии, а от привычки к ней.

Паттерн 2 — приоритет ИИ перед собственной попыткой. 60,6% опрошенных обращаются к ИИ, не пытаясь сначала решить задачу самостоятельно (51,9% — «иногда», 8,7% — «да, часто»). Лишь **5,8%** никогда этого не делают. Эти данные показывают распространённость такой привычки, но не доказывают снижение самостоятельности. Однако с точки зрения Аристотеля, самостоятельность суждения развивается через практику. Поэтому, если человек регулярно поручает ИИ первый шаг в решении задачи, это может создавать риск ослабления навыка самостоятельного мышления в будущем.

Противоречие 2 — благополучные самооценки при заметных поведенческих индикаторах. Субъективная картина остаётся спокойной: **64,4%** не замечают ухудшения самостоятельности в учёбе (29,8% отмечают улучшение), **90,4%** не видят изменений в живом общении, **76,0%** не испытывают дискомфорта без ИИ, а 56,8% оценивают его влияние положительно. Однако 40,4% хотя бы иногда испытывают трудности с самостоятельным анализом информации, а 48,9% предпочитают хотя бы иногда обсуждать вопросы с ИИ, а не с человеком (25,0% — никогда).

Это противоречие перекликается с идеями канадского теоретика медиа Маршалла Маклюэна, изложенными в книге *«Понимание медиа: внешние расширения человека»* (1964): технологии не только облегчают задачи, но и меняют привычки мышления и общения. При этом опрос не доказывает, что ИИ уже снизил самостоятельность или качество общения.

Противоречие 3 — неопределённая академическая и этическая позиция. Лишь **34,6%** считают сдачу ИИ-текста без указания источника академической нечестностью, **42,3%** не уверены в своей позиции, а **23,1%** считают это допустимым. Ответственность на пользователя возлагают 42,3%, тогда как 18,3% считают, что никто не несёт ответственности. При этом **16,3%** хорошо знакомы с этическими принципами использования ИИ, а **29,8%** не знакомы с ними вовсе. Это указывает на возможный разрыв между использованием ИИ и пониманием этической ответственности за его применение.

Паттерн 3 — умеренная, но нерегулярная культура проверки. 54,8% опрошенных часто или всегда проверяют информацию от ИИ через другие источники, а **5,8%** не делают этого никогда. Это говорит о наличии критического подхода, однако **39,4%** проверяют информацию лишь «иногда», поэтому проверка пока не стала устойчивой привычкой.

Полученные тенденции и результаты в целом согласуются с более широкими

исследованиями С. Аскаркызы и А. Жунусбековой — авторы научного исследования, посвящённого использованию ИИ студентами казахстанских университетов. Они отмечают, что часть обучающихся осознаёт риски нарушения академической честности и снижения критического мышления при интенсивном использовании ИИ. Хотя в нашей выборке степень этой осознанности оказывается умеренной и неоднозначной.

Философская интерпретация. С точки зрения Фейербаха, отчуждение проявляется в том, что человек начинает воспринимать ИИ как более знающий, чем он сам. Бодрийяр помогает объяснить другой риск: учебная работа может лишь имитировать знания, не отражая реального понимания материала. Идеи Дж. Твенге и Ш. Тёркл позволяют рассмотреть влияние ИИ на общение: 48,9% опрошенных хотя бы иногда предпочитают обсуждать вопросы с ИИ, а не с человеком. Это перекликается с тревогой Тёркл: «мы ждём всё больше от технологий и всё меньше — друг от друга». Однако 90,4% не замечают изменений в живом общении.

Показателен рейтинг «20 до 20: лидеры нового поколения Казахстана», запущенный в августе 2026 года Digital Business и Yandex Qazaqstan. В него вошёл 41 молодой участник с достижениями в IT и ИИ. Например, Арлан Рахметжанов развивает AI-стартап Nozomio, а 15-летняя Аяулым Нуртай создала платформу JetiErtegi для генерации детских сказок. Эти примеры показывают, что казахстанская молодёжь не только использует ИИ, но и создаёт собственные технологии.

Однако важно понять, как молодые люди воспринимают его влияние на себя и ответственность за его использование. Это отражают ответы студентов на открытые вопросы анкеты.

На 17 вопрос: *«Опишите одну конкретную ситуацию, когда использование ИИ повлияло на ваше решение, мышление или поведение (как положительно, так и отрицательно). Напишите 1–3 предложения»* — один из респондентов пишет: *«Мне стало трудно думать и переваривать информацию, привыкла сразу спрашивать ИИ […] появилась зависимость к ИИ»*. При этом ИИ «экономит мне время, объясняет сложную инфу простыми словами». Этот ответ показывает противоречие между удобством ИИ и опасением потерять самостоятельность.

На 18 вопрос: *«Если бы у вас была возможность изменить одно правило использования ИИ в университете, что бы вы предложили и почему? Напишите 1–3 предложения»* — другой респондент отвечает: *«Я бы предложил заменить политику полного запрета ИИ на его прозрачное использование в качестве учебного соавтора с обязательным раскрытием списка запросов и критическим разбором полученных результатов»*. Такой подход предполагает не отказ от ИИ, а его открытое использование с обязательной проверкой и осмыслением полученных ответов.

Таким образом, ответы показывают две стороны парадокса удобства: риск чрезмерной зависимости от ИИ и возможность его ответственного использования.

Практические рекомендации

Предлагаемые меры согласуются с государственной политикой Казахстана: Закон «Об искусственном интеллекте» регулирует разработку и использование ИИ, а Цифровой кодекс закрепляет цифровые права граждан. Кроме того, в сентябре 2025 года было создано Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития РК для координации государственной политики в сфере ИИ и цифровизации.

С учётом результатов исследования предлагаем три меры: во-первых, включить в программы вузов занятия по этике ИИ с разбором реальных ситуаций; во-вторых, сохранить задания, требующие самостоятельного анализа и аргументации без помощи ИИ; в-третьих, развивать понимание академической честности через открытые обсуждения, а не только запреты.

Заключение

Теоретический анализ идей Сократа, Аристотеля, Фейербаха, Бодрийяра, Маклюэна, Твенге и Тёркл, а также исследование А. У. Нусиповой и Ж. Ж. Куанышбаевой показывают, что ИИ может влиять на самостоятельность мышления, ценности и социальное поведение молодёжи, поэтому важно не подменять собственные размышления готовыми ответами. Результаты пилотного опроса 104 студентов и магистрантов ЗКАТУ подтверждают

актуальность этой проблемы: несмотря на широкое использование ИИ, понимание этической ответственности остаётся неоднозначным, что подчёркивает необходимость его осознанного использования с сохранением критического мышления и академической честности.

Список литературы

Нормативные и официальные документы

1. Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 г. // NUR.KZ. — 2025. — 8 сентября. — URL: https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2283345-tokaev-poruchil-za-tri-goda-prevratit-kazakhstan-v-cifrovuyu-stranu/
2. Указ «О некоторых вопросах развития города Алатау» от 26 сентября 2025 года, которым Alatau City присвоен специальный статус «территории опережающего развития» : официальный сайт. — URL: https://alatau.city
3. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. Чаще всего казахстанцы обращаются к цифровым инструментам для учёбы и саморазвития : социологический опрос. — 2025. — URL: https://kisi.kz/ru/chashhe-vsego-kazahstanchy-obrashhajutsya-k-chifrovym-instrumentam-dlya-ucheby-i-samorazvitiya-sochopros-kisi/
4. Казахстанцы всё активнее обращаются к ChatGPT и Gemini — опрос КИСИ // Inform.kz. — 2025. — URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstantsi-vse-aktivnee-obrashayutsya-k-chatgpt-i-gemini-opros-kisi-000f7a
5. Государственная техническая служба. KazHackStan 2026 завершился в Астане: названы победители CyberKumbez и финалисты национального отбора на ICO 2027. — 2026. — URL: https://sts.kz/kz/news/c64847ec-4e91-4940-a309-536f7579ba4a

Литература на русском языке

6. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4.
7. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — М. : Кучково поле, 2007.
8. Нусипова А. У., Куанышбаева Ж. Ж. Роль искусственного интеллекта в формировании ценностей, социального поведения и политического сознания молодёжи // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Социологические и политические науки». — 2025. — № 1(89). — С. 133–146. — DOI: 10.51889/2959-6270.2025.89.1.008.
9. Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова // Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Мысль, 1993. — Т. 2.
10. Фейербах Л. Сущность христианства. — М. : Мысль, 1965.

Литература на иностранных языках

11. Altman S., Pachocki J. Built to benefit everyone: our plan // OpenAI. — 08.06.2026. — URL: https://openai.com/index/built-to-benefit-everyone-our-plan/ (date of access: 12.10.2026).
12. Askarkyzy S., Zhunusbekova A. Students' Perceptions of Artificial Intelligence Use in Higher Education and Its Impact on Academic Integrity // Pedagogy and Psychology. — 2024. — № 4(61). — DOI: 10.51889/2960-1649.2024.61.4.008.
13. Bastani H., Bastani O., Sungu A., Ge H., Kabakcı Ö., Mariman R. Generative AI without guardrails can harm learning: Evidence from high school mathematics // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2025. — Vol. 122, № 26. — e2422633122. — DOI: 10.1073/pnas.2422633122.
14. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1994.
15. Cellan-Jones R. Stephen Hawking warns artificial intelligence could end mankind // BBC News. — 02.12.2014. — URL: https://www.bbc.com/news/technology-30290540 (date of access: 12.10.2026).
16. Gates B. The Age of AI has begun // GatesNotes. — 21.03.2023. — URL: https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun (date of access: 12.10.2026).

17. Miao F., Shiohira K., Lao N. AI Competency Framework for Students. — Paris : UNESCO, 2024. — URL: https://www.unesco.org/en/articles/ai-competency-framework-students (date of access: 12.10.2026).
18. Orben A., Przybylski A. K. The association between adolescent well-being and digital technology use // Nature Human Behaviour. — 2019. — Vol. 3. — P. 173–182. — DOI: 10.1038/s41562-018-0506-1.
19. Popova M. Steve Jobs on Why Computers Are Like a Bicycle for the Mind (1990) [фильм Memory & Imagination, 1990] // The Marginalian. — 2011. — 21 December. — URL: https://www.themarginalian.org/2011/12/21/steve-jobs-bicycle-for-the-mind-1990/ (date of access: 12.10.2026).
20. Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. — 2011. — Vol. 333, № 6043. — P. 776–778. — DOI: 10.1126/science.1207745.
21. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. — New York : Basic Books, 2011.
22. Twenge J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood. — New York : Atria Books, 2017.

ЗАПРОС НА РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ В КАЗАХСТАНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Сатыбаев А.Б.
Студент 3-го курса ОП «6B03101 – Социология»,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Факультет философии и политологии,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: arsensatybaev0@gmail.com
Научный руководитель: доцент Кылышбаева Б.Н.

Аннотация

В статье представлен социологический анализ трансформации ценностных ориентаций казахстанской молодежи в контексте запроса на модернизацию института срочной воинской службы. На основе вторичного анализа количественных данных (Национальные доклады НИЦ «Молодежь», замеры Института общественной политики), материалов качественного глубинного интервью, контент-анализа петиций и правоприменительной практики рассматривается разрыв между мобилизационной моделью призыва и ценностями индивидуализации и безопасности [1, 2, 4]. Обосновывается ключевая роль Министерства обороны как фундаментального гаранта суверенитета Республики Казахстан, требующая преодоления ведомственного изоляционизма со стороны высшей школы и системной гуманизации армейской среды.

Ключевые слова: ценностные ориентации, срочная воинская служба, молодежь Казахстана, реформирование армии, национальная безопасность, человеческий капитал, профессиональная армия, гуманизация.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях геополитической нестабильности институт армии выступает базовым гарантом национального суверенитета, территориальной целостности и государственной независимости Республики Казахстан. Обороноспособность формирует фундаментальный

базис, обеспечивающий устойчивое функционирование науки, образования, экономики и гражданского общества. Вместе с тем современный этап развития казахстанского социума характеризуется глубоким социокультурным сдвигом: формируется поколение молодежи, чьи ценностные ориентиры расходятся с традиционной патерналистской практикой всеобщей воинской повинности [1, 4].

Если для предшествующих поколений срочная служба выступала нормативным этапом социализации и безусловным долгом перед государством, то современная молодежь оценивает армейский институт сквозь призму прагматизма, непрерывности образовательной траектории, автономии и ценности жизни [2].

Как отмечает исследователь аксиологических процессов Б. И. Карипбаев, казахстанское общество переживает «ценностное расслоение»: институты мобилизационного типа входят в системный диссонанс с индивидуализированными устремлениями молодежи, порождая объективную необходимость гуманитарной реконцептуализации общественных отношений [4]. Этот ценностный разрыв переводит проблему комплектования Вооруженных Сил из сугубо военно-организационной плоскости в разряд социокультурных противоречий.

Острую актуальность модернизации призывной системы придала трагедия в акватории Каспийского моря 24 сентября 2026 года, где в ходе учений погибли 14 военнослужащих срочной службы. Данный инцидент стал критическим триггером («focusing event»), разрушившим устоявшиеся представления о достаточной безопасности срочников в мирное время. Общественная реакция — от резонанса в медиапространстве до массовых электронных петиций с требованием отмены обязательного призыва и форсированного перехода на контрактную основу — зафиксировала острый кризис институционального доверия [9].

Государство столкнулось с двойным вызовом: необходимостью непрерывного поддержания обороноспособности страны при одновременном ответе на запрос общества на безопасность и гуманизацию институтов. Попытки стимулирования призывников социальными преференциями (проект «Срочник 2.0») обнажили межведомственную разобщенность между оборонным блоком и системой высшего образования, подтверждая потребность в комплексном социологическом исследовании.

Теоретический базис работы опирается на концепцию постматериалистических ценностей Р. Инглхарта [1] и теорию трансформации военных институтов Ч. Москоса [6]. Ценностные ориентации казахстанской молодежи изучены по материалам НИЦ «Молодежь» [2], а также трудам А. Т. Забировой [3] и Б. И. Карипбаева [4].

Объектом исследования выступает институт срочной воинской службы в современной Республике Казахстан.

Предметом исследования являются ценностные ориентации казахстанской молодежи как фактор формирования общественного запроса на реформирование срочной службы.

Цель исследования — на основе вторичного социологического анализа, эмпирических кейсов, глубинного интервью и гражданских инициатив выявить ценностные барьеры призыва и обосновать ключевые векторы модернизации института воинской службы в РК.

Задачи исследования:

1. Выявить доминирующие ценностные ориентации молодежи и определить факторы институционального недоверия к срочной службе.
2. Проанализировать общественный резонанс вокруг трагедии на Каспийском море 24 сентября 2026 года и аргументацию петиций за переход к контрактной армии.
3. Исследовать адаптивные практики студентов на военных кафедрах (дилемма подготовки сержантов и офицеров запаса в условиях изменения призывной практики).
4. Оценить социально-стратификационный эффект и межведомственные противоречия программы «Срочник 2.0».
5. Сформулировать прикладные рекомендации по модернизации и гуманизации воинской службы с сохранением приоритета национальной безопасности.

В качестве методов применены: вторичный анализ количественных массивов Национальных докладов НИЦ «Молодежь» (2022–2025 гг.) [2] и отчетов Института общественной политики [5], полуструктурированное глубинное биографическое интервью

(кейс бенефициара проекта «Срочник 2.0»), контент-анализ текста петиции на портале E-Petition.kz [9] и нормативных правовых актов [7, 8].

АНАЛИЗ

Анализ отношения молодежи к воинской службе требует обращения к трансформации ценностно-нормативной матрицы казахстанского общества. Согласно концепции Р. Инглхарта, социально-экономическая модернизация приводит к вытеснению материалистических ценностей выживания ценностями самовыражения, личной автономии и безопасности [1]. Применительно к казахстанским реалиям Б. И. Карипбаев подчеркивает, что формирование нового гуманитарного сознания неизбежно вступает в противоречие с бюрократически-принудительными формами социализации: молодое поколение ориентировано на признание личного достоинства и субъектности, отвергая архаичные формы давления [4].

Вторичный анализ репрезентативных данных Национальных докладов НИЦ «Молодежь» подтверждает выраженный ценностный сдвиг: в рейтинге приоритетов респондентов в возрасте 18–29 лет лидируют здоровье (82,4%), семья (78,1%), личная безопасность (69,5%) и получение образования (64,2%), тогда как абстрактное исполнение долга ценой персональных потерь разделяется явным меньшинством [2, с. 145]. Традиционная срочная служба противоречит этим установкам по трем базовым основаниям:

1. **Темпоральные издержки:** Годичный перерыв в образовании или профессиональной деятельности воспринимается призывником как невосполнимая утрата человеческого капитала в динамичной цифровой экономике.
2. **Армия как «тотальный институт»:** По классификации Э. Гоффмана, закрытые институты подавляют автономность индивида регламентацией и жесткой субординацией [10]. Опасения перед неуставными отношениями и психологической депривацией на протяжении десятилетий подпитывали практики пассивного уклонения.
3. **Асимметрия доверия:** По данным Института общественной политики, граждане высоко оценивают государственную важность ВС РК (более 70%), однако фиксируют выраженную тревожность относительно внутренней безопасности в гарнизонах [5, с. 34].

Накопленный латентный диссонанс перешел в открытую фазу под воздействием критического события. Трагедия 24 сентября 2026 года в акватории Каспийского моря, где во время учений погибли 14 военнослужащих срочной службы, исключила возможность списания рисков на «изолированный человеческий фактор». Гибель призывников в мирное время при выполнении сложных маневров показала институциональный разрыв между масштабом боевых задач и реальной квалификацией 18–20-летних солдат.

Реакцией общества стал запуск скоординированной электронной петиции за полную отмену обязательной срочной службы и переход на 100% контрактную основу [9]. Контент-анализ гражданских требований выявил ключевые ценностные ориентиры:

- **Приоритет жизни над мобилизационным ресурсом:** Отказ от восприятия призывника как «бесплатной рабочей силы»; суверенитет страны должен защищаться профессионалами на основе добровольного контракта.
- **Императив профессионализации:** Современные вооружения требуют устойчивых инженерных компетенций, не формируемых за 12 месяцев краткосрочной службы [6].
- **Запрос на прозрачность и гуманизацию:** Требование обязательного сплошного видеонаблюдения казарм с независимым внешним доступом и независимой экспертизы происшествий.

Трагедия 24 сентября 2026 года показала, что обороноспособность не может строиться на девальвации ценности человеческой жизни.

Столкновение призывных требований государства и ценностей автономии порождает среди студентов стратегии рационального маневрирования.

1. Феномен военных кафедр: дилемма «сержанты vs офицеры»

Военные кафедры долгое время выступали институциональным буфером, позволяющим совместить учебу с закрытием вопроса армейской службы. Однако разделение подготовки на

программы сержантов запаса (1 год) и офицеров (2 года) привело к селективному поведению.

Ранее офицеры запаса регулярно призывались на двухлетнюю службу по разнарядкам Правительства РК (медики, связисты, инженеры) [7], в то время как сержанты запаса призыву в мирное время практически не подлежали. Это вызвало устойчивую тенденцию: студенты осознанно отказывались от офицерского статуса в пользу сержантской программы ради экономии времени (1 год), двукратного снижения платы за обучение и гарантии иммунитета от казарменного призыва.

Однако дефицит личного состава привел к смене правоприменительной практики: органы военного управления начали призывать и сержантов запаса. Разрушение привычной схемы усилило институциональную тревожность студентов, показав исчерпанность полумер и необходимость прозрачного регулирования статуса выпускников военных кафедр.

2. Программа «Срочник 2.0»: конвертация службы и кейс-стади

Внедрение цифровой платформы «Срочник 2.0» [8], распределяющей гранты в вузы без ЕНТ по внутреннему рейтингу боевой подготовки, ознаменовало переход к политике мотивационного стимулирования. Для качественной верификации механизма автором в октябре 2026 года проведено глубинное интервью с бенефициаром программы — студентом 2-го курса факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби (Информант А., 21 год; служил в войсковой части в Алматинской области; обучается по ОП «Международные отношения»; курсант военной кафедры КазНУ по программе офицеров запаса).

Биографический нарратив демонстрирует рациональный обмен физической службы на образовательный статус:

«Я со школы мечтал поступить на международные отношения, стать дипломатом, родители тоже очень хотели этого статуса. На ЕНТ набрал 104 балла — результат приличный, но для международных отношений на общий конкурс этого было мало, там проходные 120+ баллов, а платное отделение семья бы не потянула. „Срочник 2.0“ стала осознанным шансом: я пошел служить под Алматой с установкой выбиться в топ рейтинга по боевой подготовке ради гранта. Когда программу только запустили, мне сначала предоставили внутренний ректорский грант от университета. Но затем, когда механизмы перевели на общенациональный уровень, меня перевели на полноценный государственный образовательный грант со стипендией и всеми академическими правами наравне с остальными студентами» (Информант А., муж., 21 год).

Дальнейшая траектория информанта раскрывает феномен синтеза гражданского образования и силовой карьеры:

«В части я увидел армию изнутри: условия вполне достойные, быт налажен. В итоге появилось искреннее уважение к военной службе. Сейчас я учусь на дипломата, но параллельно поступил на военную кафедру на офицера. Думаю после бакалавриата пойти на контракт в Вооруженные Силы или КНБ. Сочетание дипломатического образования и офицерского звания дает уникальный старт для карьеры военного атташе или офицера специальных служб. Год рядовым дал мне грант, а кафедра дает лейтенантские погоны» (Информант А., муж., 21 год).

Характеризуя сверстников, информант с иронией называет уклонистов «будущими пиджаками», но сквозь социологическую призму признает оправданность их фобий закрытостью казармы. Относительно петиций после событий 24 сентября 2026 года информант подчеркивает:

«Это страшная трагедия, ребят невероятно жалко. В армии есть проблемы безопасности, которые нужно срочно исправлять. Но я против отмены срочной службы: в наших геополитических реалиях Казахстану необходима сильная армия и обученный резерв. Срочная служба нужна, но она требует модернизации, высоких стандартов безопасности и развития таких мотивирующих программ, как „Срочник 2.0“» (Информант А., муж., 21 год).

Кейс показывает: программа доказала способность выступать социальным лифтом и переводить мотивированные кадры в сферу национальной безопасности. Однако данные мониторинга НИЦ «Молодежь» [2] свидетельствуют: проект эффективен в первую очередь для сельской молодежи и уязвимых групп, но не снимает фобий перед безопасностью у городского среднего класса. Следовательно, финансовые и образовательные стимулы не могут заменить

системной гуманизации армейской среды.

Анализ запроса молодежи выводит на макросоциологический уровень исследования государственной политики. Военный институт обеспечивает суверенный базис порядка: способность к защите рубежей гарантирует само существование политического пространства.

Для Казахстана обороноспособность — фундаментальное условие сохранения независимости и территориальной целостности. Без гарантированной безопасности функционирование науки, образования и экономики невозможно. В этом контексте Министерство обороны РК выступает ключевым институциональным актором стабильности.

Вместе с тем в процессе масштабирования программы «Срочник 2.0» возник институциональный диссонанс между МО РК и Министерством науки и высшего образования РК. Изначально проект держался на прямых соглашениях с вузами за счет внутренних ректорских ресурсов. Попытка перевести распределение мест в гарантированный государственный заказ натолкнулась на ведомственный изоляционизм: представители образовательного сектора ссылались на дефицит средств и необходимость зачисления строго по результатам ЕНТ.

Данная коллизия демонстрирует конфликт ведомственного эгоизма и **общегосударственных стратегических интересов**:

- МНВО РК оценивает процессы через отраслевые KPI: академические баллы и освоение бюджетных нормативов.
- МО РК решает общенациональную задачу: обеспечение обороноспособности социально защищенными и мотивированными гражданами.

Позиция, при которой армия вынуждена в одиночку изыскивать образовательные стимулы для солдат, деструктивна. Воинская служба связана с высокими рисками и ограничением прав. Гражданин, прошедший ее, обладает безусловным моральным правом на государственные преференции:

1. **Справедливая социальная компенсация:** Государство компенсирует потерянный год гражданской карьеры повышением образовательного статуса.
2. **Инвестиция в человеческий капитал:** В 2026 году демобилизованные срочники в КазНУ, ЕНУ и КазНАИУ выбрали IT, кибербезопасность и агроинженерию [8], возвращаясь в общество квалифицированными специалистами.

Обороноспособность требует межведомственной координации: армия обеспечивает условия для академического развития, а высшая школа гарантирует социальное будущее защитникам Отечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт срочной службы в Казахстане находится на этапе фундаментальной модернизации. Традиционная модель всеобщей повинности исчерпала ценностную легитимность среди молодежи, уступив приоритетам личной безопасности, автономии и раннего профессионального старта [1, 4].

Трагедия на Каспийском море 24 сентября 2026 года и гражданские петиции зафиксировали исчерпание лимита терпения к закрытости армейских институтов [9]. Студенчество приспосабливается к нормам через образовательные маневры (военные кафедры, проект «Срочник 2.0»). При этом обороноспособность государства остается приоритетом, требующим не стихийной ликвидации призыва, а его гуманизации и модернизации.

Практические рекомендации:

1. **Масштабирование образовательных квот проекта «Срочник 2.0» и снижение академических фильтров:** Хотя право на целевые госгранты законодательно закреплено, их объем (1,5–3 тыс. мест) покрывает менее 8% демобилизованных, превращая социальный лифт в узкую селекцию. Необходимо согласовать позиции МО РК и МНВО РК: поэтапно расширить квоту бюджетных мест со стипендией для всех отслуживших с отличием и снизить избыточные предметные тесты в частях, сделав главный акцент на воинской дисциплине и освоении

специальности.

2. **Функциональное разделение задач:** С учетом уроков катастрофы 24 сентября 2026 года на Каспийском море законодательно ограничить применение солдат срочной службы (независимо от срока выслуги) задачами территориальной обороны, тылового обеспечения и охраны объектов, полностью передав участие в учениях повышенного риска, боевых десантах и управлении сложной морской/авиационной техникой профессиональным контрактным частям.

3. **Модернизация военных кафедр:** Оптимизировать набор на военные кафедры в строгом соответствии с реальным госзаказом ВС РК. Для призываемых на 2 года офицеров и сержантов запаса ликвидировать фактор внезапности через раннее информирование о призыве на контракт. Модернизация программы обучения под современные требования военных конфликтов.

4. **Институциональная прозрачность казарменной среды:** Обеспечить казарменный фонд Вооруженных Сил системами сплошного видеонаблюдения с обязательным выводом резервных серверов хранения данных за пределы воинских частей и предоставлением постоянного доступа органам военной прокуратуры и Уполномоченному по правам человека в РК, а также ввести независимый психологический мониторинг личного состава.

5. **Профильная профессионализация срочной службы:** Интегрировать в годичный срок срочной службы программы сертифицированного обучения военно-учетным специальностям двойного назначения (операторы и техники БПЛА, специалисты по кибербезопасности, связисты, водители спецтехники), имеющим прямую ценность на гражданском рынке труда после демобилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Молодежь Казахстана – 2025: Национальный доклад / Под общ. ред. А. Т. Адиловой. – Астана: НИЦ «Молодежь», 2025. – 320 с.
3. Забирова А. Т. Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 118–126.
4. Karipbayev B. I., Zhakin S. M., Seifullina G. R. Kazakhstan’s Digitalization Format: Identity and Future // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29. – № 2. – С. 535–547.
5. Общественное мнение и вопросы институционального доверия в Республике Казахстан: Аналитический отчет. – Астана: Институт общественной политики партии «Amanat», 2024. – 88 с.
6. Москос Ч. От института к профессии: изменяющиеся основы военной службы // Социология армии. – М.: Воениздат, 2002. – С. 45–62.
7. О воинской службе и статусе военнослужащих: Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 года № 561-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000561 (дата обращения: 02.10.2026).
8. Официальные данные платформы «Срочник 2.0»: итоги распределения образовательных квот за 2024–2026 гг. [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Казахстан. – URL: https://gov.kz/memleket/entities/mod (дата обращения: 02.10.2026).
9. Электронная петиция «О переходе Вооруженных Сил Республики Казахстан на профессиональную контрактную основу и отмене обязательной срочной службы» [Электронный ресурс] // Официальный портал петиций E-Petition.kz. – 2026. – URL: https://epetition.kz (дата обращения: 02.10.2026).
10. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. – М.: Элементарные формы, 2019. – 464 с.

ЖАЛПЫАДАМЗАТТЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ӘСЕРІ

Серік Н.М
6В03104 – халықаралық қатынастар 2 курс студенті,
Нархоз университеті
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: nargiz.serik@narxoz.kz
ғылыми жетекші: аға оқытушы Каримсаков А.О

Аңдатпа:

Бұл мақалада жалпыадамзаттық құндылықтардың халықаралық қатынастарға әсері және қазіргі қақтығыстар себебі адамзаттық құндылықтар тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты жалпыадамзаттық құндылықтардың халықаралық қақтығыстардың туындауына және оны шешуге қалай әсер ететінін анықтау. Жұмыс барысында «мемлекеттік құндылықтар жалпыадамзаттық құндылықтың көрінісі ретінде халықаралық қақтығыстарға қалай әсер етеді: оларды тудырады ма, әлде оларды шешуге негіз болады ма?» деген сұрақ қарастырылды. Зерттеу барысында үш негізгі әдіс қолданылды. Салыстырмалы талдау жалпыадамзаттық және мемлекеттік құндылықтардың арақатынасын анықтау үшін қолданылды: бір жағынан, халықаралық құжаттарда бекітілген әмбебап қағидалар, екінші жағынан, әр мемлекеттің осы қағидаларды өз тарихы, мәдениеті және қауіпсіздік түсінігі арқылы қабылдауы салыстырылды. Когнитивтік карта әдісі Израиль премьер-министрі Биньямин Нетаньяхудың шешім қабылдау логикасын талдау үшін қолданылды: оның «күш — жалғыз тіл» деген сенімі, аумақтық тұтастық туралы көзқарасы, Палестина мемлекеттілігін «қауіп» ретінде қабылдауы және халықаралық қысымды елемеуі осы әдіс арқылы жүйеленді. Кейс-стади тәсілі Израиль–Палестина қақтығысын конструктивизм және Лебоудың мәдени теориясы тұрғысынан тереңдетіп талдау үшін қолданылды.Нәтижесінде мемлекеттік құндылықтардың жалпыадамзаттық құндылықтардың нақты көрінісі екені, ал олардың қақтығыстарға әсері мемлекеттік мүдделермен және саяси шешімдермен ұштасқан жағдайда ғана күшейетіні анықталды. Сонымен қатар жалпыадамзаттық құндылықтар қақтығыстарды бағалайтын моральдық өлшем ғана емес, оларды түсіндіретін және бейбіт жолмен реттеуге бағыт беретін нормативтік негіз болып табылады.

Қазіргі халықаралық қатынастар жүйесінде мемлекеттер арасындағы саяси, экономикалық әлуметтік және аумақтық қайшылықтар халықаралық қақтығыстардың туындауына себеп болып отыр. Алайда қақтығыстардың пайда болуын тек материалдық немесе саяси мүдделермен түсіндіру жеткіліксіз. Осыған байланысты халықаралық қақтығыстарды жалпыадамзаттық құндылықтар тұрғысынан қарастыру өзекті мәселе болып отыр.

Жалпыадамзаттық құндылықтарға бейбітшілік, әділеттілік, теңдік, өзара құрмет және толеранттық сияқты құндылықтар жатады. Олар мемлекеттер мен қоғамдар үшін ортақ мағынаға ие болғанымен, әртүрлі саяси және әлеуметтік жағдайларда олардың түсіндірілуі және жүзеге асуы әртүрлі болуы мүмкін. Бұл өз кезегінде мемлекеттер арасындағы қайшылықтың пайда болуына әсер етеді.

Осы тұрғыдан алғанда мемлекеттік құндылықтардың халықаралық қатынастардағы рөлін зерттеу маңызды. Мемлекеттер өздерінің сыртқы саяси ұстанымдарын егемендік, аумақтық тұтастық, қауіпсіздік, ұлттық бірегейлік және тарихи – мәдени ерекшеліктер сияқты ұғымдармен байланыстырады. Бұл құндылықтар жалпыадамзаттық құндылықтармен өзара байланысты болғанымен, олардың әртүрлі түсіндірілуі мемлекеттер арасындағы қайшылықтарды күшейтуі мүмкін. Сонымен бірге бейбітшілік, әділеттілік және диалог сияқты ортақ құндылықтар қақтығыстарды реттеуге негіз бола алады. сондықтан мемлекеттік құндылықтардың халықаралық қақтығыстардың туындауына және оларды реттеуде ықпалын қарастыру қазіргі халықаралық қатынастардың маңызды мәселесі болып отыр.

Ең алдымен жалпыадамзаттық құндылықтар ұғымының анықтамасынан бастаған жөн. Себебі бұл ұғымның мағынасын нақтыламайынша оның халықаралық дауларға әсерін түсіндіру

мүмкін емес. Қазақстандық академиялық еңбектерде бұл ұғым адамдарды нәсіліне, жынысына, дініне, байлық деңгейіне қарамастан біріктіретін құндылықтар ретінде түсіндіріледі. Оларға сүйіспеншілік, мейірімділік, абырой, ар – намыс, әділеттілік, патриотизм сияқты қасиеттерді жатқызады. Алайда бұл ұғым ғылымда ортақ ұғым емес. Осыған байланысты С.С.Оганесян өзінің «О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире» мақаласында жалпыадамзаттық құндылықтар ұғымының ғылымда бірдей анықтамасы жоқ екенін және оның мазмұны даулы екенін көрсетеді [1, 82]. Атап айтқанда, демократия, бостандық және адам құқықтары сияқты құндылықтардың жалпыға ортақ сипаты мен оларың тарихи – мәдени негіздері жөнінде әртүрлі көзқарастар кездеседі.

Бұл мәселенің халықаралық қатынастар үшін маңызы зор, себебі құндылықтардың мазмұнына қатысты айырмашылықтар мемлкеттердің саяси ұстанымдарына да әсер етуі мүмкін. Мемлекеттер жалпыадамзаттық құндылықтарды өздерінің тарихи тәжірбиесі, ұлттық мүдделері мен қауіпсіздік туралы түсініктер негізінде түсіндіреді. Алайда мұндай айырмашылықтар өздігінен халықаралық қақтығыстарға әкелмегенімен, мемлекеттік мүдделермен және саяси шешімдермен ұштасқан жағдайда мемлекеттер арасындағы қақтығыстарды күшейтетін факторлардың біріне айналу мүмкін. Осыған байланысты жалпыадамзаттық құндылықтардың мемлекеттік деңгейде қалай түсіндірілетіні және олардың мемлекеттік құндылықтармен байланысын қарастыру маңызды.

Келесі кезекте мемлекеттік құндылықтар ұғымымен оның жалпыадамзаттық құндылықтармен байланысын және бұл екеуі қай жағдайда қайшылыққа түсуі мүмкін екенін қарастырайық. Бұл мәселені түсіндіру үшін А.В.Блещик, Е.Г.Калинина, С.Е.Несмеянованың ғылыми мақаласына жүгінуге болады. «Мемлекеттің, қоғамның және жеке адамның өмірлік маңызды мүдделерін қамтамасыз ете отырып, нақты бір мемлекет ұлттық және мемлекеттік құндылықтарды мойындайды, олардың ішінен аумақты, егемен мемлекетті, тарихы мен мәдениеті бар халықты ерекшелейді» [2, 88]. Бұл тұжырымға сүйене отырып, мемлекеттік құндылықтарды мемлекеттің егемендігін, аумақтық тұтастығын, қауіпсіздігін және ұлттық бірегейлікті сақтауға бағытталған негізгі құндылықтар ретінде қарастыруға болады. Олар мемлекеттің ішкі және сыртқы саяси ұстанымдарын қалыптастыруға әсер етеді. Сонымен қатар мемлекеттік құндылықтар жалпыадамзаттық құндылықтардан бөлек қарастырылмайды, себебі мемлекет өз мүдделерін жүзеге асыру барысында бейбітшілік, әділеттілік, адам құқықтары мен халықаралық ынтымақтастық сияқты қағидаттарды ескеруі мүмкін.

Алайда мемлекеттік және жалпыадамзаттық құндылықтардың арақатынасы әрдайым біркелкі бола бермейді. Мысалы, мемлекет ұлттық қауіпсіздік пен егемендікті қорғауды негізге алса, халықаралық қауымдастық адам құқықтарын сақтау және гуманитарлық міндеттемелерді орындау мәселесіне басымдық беруі мүмкін. Мұндай жағдайда қайшылық мемлекеттің өз мүдделерін қалай түсіндіретініне, оларды жүзеге асыру үшін қандай саяси шешімдер қабылдайтынына байланысты туындайды. Дегенмен мемлекеттік мүдде мен жалпыадамзаттық құндылықтар міндетті түрде бір – біріне қарсы қойылмайды: олар өзара үйлескен жағдайда халықаралық ынтымақтастықты нығайтуға және дауларды бейбіт түрде шешуге негіз бола алады.

Жалпыадамзаттық құндылықтар халықаралық қатынастарда мемлекеттер мен қоғамдардың әрекеттерін бағалауға мүмкіндік беретін маңызды моральдық және нормативтік негіз болып табылады. Оларға адам өмірі мен қадір-қасиетін құрметтеу, бейбітшілік, бостандық, теңдік, әділеттілік, адам құқықтары, төзімділік және өзара құрмет жатады. Бұл құндылықтар Біріккен Ұлттар Ұйымы Жарғысының кіріспесінде және Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясында көрініс тапқан. Атап айтқанда, БҰҰ Жарғысының 1 бабында халықаралық бейбітшілікті сақтауды, мемлекеттер арасындағы теңдікті, халықтардың өзін-өзі анықтау құқығын және негізгі адам құқықтарын құрметтеуді халықаралық ынтымақтастықтың маңызды қағидалары ретінде бекітеді [3, 1 бап].

Алайда жалпыадамзаттық құндылықтардың халықаралық құжаттарда мойындалуы олардың мемлекеттер мен саяси көшбасшылар тарапынан бірдей түсіндіріліп, үнемі бірдей жүзеге асырылатынын білдірмейді. Көшбасшылар бейбітшілік, қауіпсіздік, бостандық немесе әділеттілік ұғымдарын өз мемлекетінің тарихи тәжірибесі, ұлттық бірегейлігі, саяси

идеологиясы және билік туралы түсініктері арқылы қабылдауы мүмкін. Мысалы, бір көшбасшы ұлттық қауіпсіздікті халықаралық ынтымақтастық пен келіссөздер арқылы нығайтуға басымдық берсе, екіншісі қауіпсіздікті әскери күшті арттырумен немесе көрші мемлекеттердің саяси таңдауына ықпал етумен байланыстыруы мүмкін. Осы айырмашылықтар мемлекеттік мүдделер арасындағы келіспеушілікті тереңдетіп, ортақ құндылықтарды жүзеге асыруға кедергі келтіруі ықтимал.

Бұл мәселені түсіндіру үшін халықаралық қатынастардағы конструктивизм теориясына жүгінуге болады. Конструктивизмнің көрнекті өкілі Александр Вендт өзінің «Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics» атты мақаласында халықаралық жүйедегі мемлекеттердің мінез-құлқын тек материалдық күш пен қауіпсіздік қажеттіліктері анықтамайтынын көрсетеді [4, 393-394]. Оның тұжырымдамасы бойынша, мемлекеттердің мүдделері мен бір-біріне деген көзқарастары әлеуметтік өзара әрекет, қалыптасқан нормалар және ортақ мағыналар арқылы қалыптасады. Яғни мемлекеттер басқа елді тек оның әскери әлеуетіне қарап бағаламайды; оның кім екені, қандай ниеті бар деп қабылданатыны және екі ел арасындағы тарихи тәжірибе де маңызды рөл атқарады.

Конструктивистік тұрғыдан алғанда, халықаралық қақтығыстардың туындауына тек нақты мүдделердің қайшылығы емес, сол мүдделердің саяси көшбасшылар тарапынан қалай түсіндірілетіні де ықпал етеді. Егер көшбасшы басқа мемлекетті тұрақты қауіп, тарихи қарсылас немесе өз еліне құрмет көрсетпейтін тарап ретінде сипаттаса, мұндай түсінік қоғамның сол мемлекетке деген көзқарасына және сыртқы саяси шешімдерге әсер етуі мүмкін. Керісінше, басқа мемлекетті заңды мүдделері бар тең тарап ретінде қабылдау диалог пен келісімге жол ашады. Осылайша, өзара сенім мен құрмет халықаралық қатынастардағы жай ғана моральдық ұстанымдар емес, қақтығыстың алдын алуға көмектесетін әлеуметтік және саяси факторлар ретінде қарастырылады.

Бұл тұжырымды Марта Финнемордың «National Interests in International Society» еңбегі де толықтырады. Ғалым мемлекеттердің мүдделері мен мақсаттары халықаралық қоғамдағы нормалар мен қалыптасқан түсініктерден тыс қалыптаспайтынын талдайды [5,1]. Оның көзқарасы бойынша, халықаралық нормалар мемлекеттердің қандай әрекеттерді орынды, заңды немесе беделді деп санайтынына ықпал ете алады. Осыдан жалпыадамзаттық құндылықтар мен саяси көшбасшылардың ұстанымдары арасындағы маңызды байланыс туындайды: адам құқықтары, бейбітшілік және әділеттілік қағидалары халықаралық ортада мойындалғанымен, олардың нақты саяси шешімдерге ықпалы көшбасшылардың сол нормаларды қалай қабылдайтынына және іс жүзінде қаншалықты сақтайтынына байланысты.

Саяси көшбасшылардың құндылықтары жалпыадамзаттық құндылықтармен кемінде үш жағдайда қайшылыққа түсуі мүмкін. Біріншіден, ұлттық қауіпсіздік ұғымы басқа мемлекеттің егемендігіне немесе халықтың өз саяси болашағын таңдау құқығына шектеу қоюды ақтау үшін қолданылғанда, қауіпсіздік пен өзін-өзі анықтау қағидалары арасында қайшылық пайда болады. Екіншіден, ұлттық мәртебе мен тарихи әділеттілікті қалпына келтіру идеялары басқа халықтың қадір-қасиетін, теңдігін немесе тәуелсіздігін төмендетуге пайдаланылғанда, ұлттық бірегейлікке қатысты түсініктер жалпыадамзаттық теңдік қағидасымен үйлеспей қалуы мүмкін. Үшіншіден, саяси мақсаттарға жету үшін әскери күш қолдануға басымдық беріліп, бейбіт тұрғындардың өмірі мен құқықтары екінші орынға ығыстырылса, мемлекеттік мүдде мен адам өмірін қорғау қағидасы арасында тікелей қайшылық туындайды.

Бұл жерде көшбасшының құндылықтарын оның жеке психологиясымен ғана түсіндіру жеткіліксіз. Конструктивизм назарды көшбасшының дүниетанымына қоса, оның пайдаланатын тарихи баяндауларына, ұлттық бірегейлік туралы түсініктеріне, қоғамда қалыптасқан нормаларға және басқа мемлекеттерді сипаттау тәсілдеріне аударады. Көшбасшылар қоғамдық түсініктерді өздері қалыптастыруы мүмкін, сонымен бірге бұрыннан бар тарихи жад пен қоғамдық нормалардың ықпалында болады. Сондықтан қақтығыстың алдын алу үшін тек келіссөз жүргізу жеткіліксіз болуы мүмкін: қарсы тарапты қабылдау тәсілдерін өзгерту, адам құқықтарын құрметтеуді нығайту және ортақ нормаларды мойындау да маңызды.

Осыған байланысты айқын мысал бола алатын Израиль - Палестина қақтығысы. Жетпіс жылдан астам уақытқа созылған, Таяу Шығыстағы тұрақтылыққа әсер ететін күрделі қақтығыс.

Бұл қақтығысты терең түсіну үшін ұлттық бірегейлікпен қатар, тарихи жадтың, қауіпсіздік туралы түсініктердің және саяси көшбасшылардың шешім қабылдау логикасының ықпалын зерттеу қажет.

Конструктивизм теориясы бойынша, мемлекеттердің мінез-құлқы тек материалдық күш пен қауіпсіздік қажеттіліктерімен анықталмайды. Александр Вендттің тұжырымдамасы бойынша, мемлекеттердің мүдделері мен бір-біріне деген көзқарастары әлеуметтік өзара әрекет, қалыптасқан нормалар және ортақ мағыналар арқылы қалыптасады [4, 391–425]. Бұл тұрғыдан алғанда, Израиль–Палестина қақтығысы - екі халықтың бір-бірін қабылдау тәсілдерінің, тарихи жадтарының және ұлттық бірегейліктерінің қақтығысы.

Джавадикучаксараи және оның әріптестерінің 2015 жылғы зерттеуі Израиль–Палестина қатынастарын конструктивизм тұрғысынан талдап, ұлттық бірегейлік пен әлеуметтік-саяси түсініктердің қақтығыстың қалыптасуы мен жалғасуына ықпалын қарастырған [6, 108]. Олардың тұжырымы бойынша, бұл қақтығысты түсіну үшін тек материалдық мүдделерді емес, тарихи қалыптасқан ұлттық көзқарастарды да зерттеу қажет.

Израиль қоғамының тарихи жадына еврей халқының ұзақ уақыт бойы қуғын-сүргінге ұшырауы, Холокост трагедиясы және қауіпсіз мемлекетке ие болу идеясы әсер етеді. Бұл тарихи тәжірибе Израильдің ұлттық бірегейлігі мен қауіпсіздікке қатысты көзқарастарын түсінуге көмектеседі. Палестиналықтардың ұлттық санасында жерінен айырылу тәжірибесі, босқындар мәселесі, оккупацияға қатысты түсініктер және тәуелсіз мемлекет құруға деген ұмтылыс маңызды орын алады. Осы тарихи тәжірибелер екі халықтың қауіпсіздік, әділеттілік және еркіндік туралы түсініктеріне әсер етеді. Бір тарап өз әрекетін қауіпсіздігін қамтамасыз ету қажеттілігімен түсіндірсе, екінші тарап оны өз құқықтарының шектелуі ретінде қабылдауы мүмкін. Мұндай қарама-қайшы түсініктер сенімсіздікті күшейтіп, келіссөздер жүргізуді қиындатады.

Ричард Нед Лебоудың «A Cultural Theory of International Relations» (2008) еңбегі осы қақтығысты тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Лебоу қорқыныш (fear), мәртебе мен абыройға ұмтылу (spirit), материалдық мүдделерге ұмтылу (appetite) және ақылға негізделген пайым (reason) сияқты төрт мотивациялық күшті қарастырады [7, 1–42]. Оның эмпирикалық деректері бойынша, 1648 жылдан бергі 94 соғыстың 62-сінде мәртебе басты немесе қосымша себеп болған.

Израиль қоғамындағы Холокост тарихи жады мен қазіргі қауіпсіздік қатерлері мемлекеттің қауіпсіздік мәселесіне ерекше мән беруін түсіндіретін факторлардың қатарына жатады. Иран, Хамас және Палестина мемлекеттілігі - бұл «өмір сүруге төнген қауіп» ретінде қабылданады. Палестиналықтар үшін қорқыныш - жерінен айырылу, босқындық және оккупация астарындағы күнделікті зорлық-зомбылық. Лебоу бойынша, қорқыныш басым болғанда, мемлекет «өзіне-өзі көмек» логикасына көшеді және күш қолдануға бейім болады.

Лебоу теориясының ең маңызды мотиві - рух. Израиль үшін «рух» - бұл еврей мемлекетінің мәртебесі, тарихи абыройы және халықаралық мойындалуы. Палестиналықтар үшін «рух» - тәуелсіз мемлекет ретінде мойындалу, өз жеріндегі қадір-қасиет және ұлттық абырой. Екі тарап үшін де мәртебе мен мойындалу - материалдық мүддеден де маңызды. Бұл - қақтығыстың неге шешілмейтінін түсіндіретін басты фактор. Израиль үшін «тәбет» - Батыс жағалаудағы қоныстарды кеңейту, аумақтық бақылау және су ресурстары. Палестиналықтар үшін «тәбет» - жер, баспана және экономикалық құқықтар. Бірақ Лебоу бойынша, тәбет - екінші ретті мотив, ол рухқа бағынышты. Израиль үшін «ақыл» - «уақыт біздің жағымызда» деген стратегиялық есеп: қоныстар кеңейген сайын, екі мемлекеттік шешім материалдық тұрғыдан мүмкін болмай қалады. Палестиналықтар үшін «ақыл» - дипломатиялық күрес, халықаралық құқықтық тетіктерді пайдалану. Бірақ Лебоу бойынша, ақыл рухты тежей алмайды - екі жақ та өз мәртебесінен бас тартпайды.

Израиль премьер-министрі Биньямин Нетаньяхудың когнитивтік картасын талдау - қақтығыстың неге шешілмейтінін түсінудің маңызды жолы. Роберт Аксерольдің «Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites» еңбегінде берілгендей, когнитивтік карта - бұл саяси тұлғаның әлемді қалай түсінетінін, қандай сенімдер мен қорқыныштарға негізделгенін және шешімдерді қалай қабылдайтынын көрсететін аналитикалық құрал [8,3]. Нетаньяхудың

когнитивтік картасының іргетасын бірнеше терең сенімдер құрайды. Біріншісі - «күш - жалғыз тіл» деген сенім. Екіншісі - аумақтық тұтастық туралы сенім. Нетаньяху үшін Батыс жағалау - басып алынған жер емес, тарихи Отанның ажырамас бөлігі. Ол 2026 жылдың тамызында: «Мен премьер-министр болып тұрғанда, Газада да, Иудея мен Самарияда да Иран басқаратын палестиналық мемлекет құрылмайды», - деп мәлімдеді.[9]

Нетаньяхудың когнитивтік картасындағы басты қауіптер - Иран, Хамас және халықаралық оқшаулану. Ол үшін Палестинаның өзін-өзі анықтау құқығы - тіпті «қауіп» ретінде қабылданады. 2025 жылдың қыркүйегінде БҰҰ Бас Ассамблеясында сөйлеген сөзінде ол Палестина мемлекетінің құрылуын Израиль үшін «ұлттық апат» деп атады.[10] Нетаньяхудың шешім қабылдау логикасы мына формуламен сипатталады: қауіпті анықтау - күш арқылы жауап беру - халықаралық қысымды елемеу - ішкі саяси пайданы максималдау. 2023 жылғы 7 қазаннан кейінгі Газадағы әскери операцияларда бұл логика айқын көрінді. Нетаньяху «Хамасты толық жою» мақсатын қойып, атыс-шабысты тоқтатуға қарсы тұрды. Лебоудың теориясы бойынша, Нетаньяхудың когнитивтік картасындағы басты мотив - рух. Ол үшін Израильдің мәртебесі, абыройы және мойындалуы - материалдық мүддеден де, қауіпсіздіктен де жоғары. Палестинаның өзін-өзі анықтау құқығы - ол үшін «қауіп» ретінде қабылданады, себебі ол Израильдің «еврей мемлекеті» ретіндегі мәртебесін жоққа шығарады.

2023 жылғы 7 қазанда Хамас бастаған Израильге қарсы шабуылдар мен кепілге адамдар алу оқиғалары, сондай-ақ Израильдің Газада жүргізген әскери операциялары қақтығыстың гуманитарлық салдарын күрт күшейтті. Бұл оқиғаларды талдағанда әр тараптың нақты әрекеттерін бөлек қарастыру қажет. Бейбіт тұрғындарға қасақана шабуыл жасауға және кепілге адамдар алуға жол берілмейді; сонымен бірге әскери операциялар кезінде бейбіт тұрғындарды қорғау, шабуыл жасағанда әскери және азаматтық нысандарды ажырату, сондай-ақ қолданылатын күштің мөлшерлестігін сақтау талаптары да міндетті. БҰҰ-ның гуманитарлық есептерінде Газадағы тұрғындардың баспана, таза су, санитария және медициналық көмекке қол жеткізу мәселелері күрделі болып отырғаны көрсетіледі [11]. Батыс жағалаудағы палестиналықтардың қоныс аударуы мен зорлық-зомбылыққа ұшырауы да маңызды гуманитарлық мәселелердің қатарында. Бұл жағдай жалпыадамзаттық құндылықтарды саяси мәлімдемелер деңгейінде ғана емес, нақты шешімдер мен әрекеттер арқылы жүзеге асыру қажеттігін көрсетеді. Егер көшбасшылар тек қарсыласу мен кек алу идеясын алға тартса, бейбіт келісімге келу қиындайды. Ал егер олар бейбіт тұрғындарды қорғау, қарсы тараптың құқықтарын мойындау және келіссөздерді жалғастыру қағидаларын қолдаса, өзара сенім орнатуға мүмкіндік пайда болады.

Палестиналықтардың ұлттық санасында жерінен айырылу тәжірибесі, босқындар мәселесі, оккупацияға қатысты түсініктер және тәуелсіз мемлекет

Саяси көшбасшылар қоғамның тарихи жадын, ұлттық мүдделерін және құндылықтарын қоғамдық пікірге жеткізетін маңызды тұлғалар болып табылады. Олардың сөйлеген сөздері, саяси шешімдері және қарсы тарап туралы қалыптастыратын бейнесі халықтың көзқарасына ықпал етеді. Сондықтан көшбасшылар құндылықтарды біріктіру құралы ретінде де, қоғамдар арасындағы бөлінуді күшейтетін құрал ретінде де пайдалана алады. Израиль - Палестина қақтығысында қауіпсіздік, ұлттық тәуелсіздік, тарихи әділеттілік және діни бірегейлік саяси пікірталастардың негізгі тақырыптарына айналған. Егер көшбасшылар қарсы тарапты тек қауіп ретінде көрсетіп, оның азаматтарының құқықтары мен мүдделерін мойындамаса, өзара сенімнің қалыптасуы қиындайды. Мұндай жағдайда қоғамда қарсы тарапқа деген қорқыныш пен өшпенділік күшеюі мүмкін. Сонымен қатар көшбасшылардың жауапкершілігі тек өз халқының мүдделерін қорғаумен шектелмейді. Олар бейбіт тұрғындардың өмірін қорғауға, гуманитарлық көмектің жеткізілуіне мүмкіндік беруге және халықаралық құқықты сақтауға міндетті. Қақтығыс жағдайында ұлттық қауіпсіздікке ұмтылу басқа халықтың өмірі мен қадір-қасиетін елемеуге негіз бола алмайды.

Бұл жағдай жалпыадамзаттық құндылықтарды саяси мәлімдемелер деңгейінде ғана емес, нақты шешімдер мен әрекеттер арқылы жүзеге асыру қажеттігін көрсетеді. Егер көшбасшылар тек қарсыласу мен кек алу идеясын алға тартса, бейбіт келісімге келу қиындайды. Ал егер олар бейбіт тұрғындарды қорғау, қарсы тараптың құқықтарын мойындау және келіссөздерді

жалғастыру қағидаларын қолдаса, өзара сенім орнатуға мүмкіндік пайда болады.

Израиль - Палестина қақтығысын шешуде жалпыадамзаттық құндылықтар ортақ негіз бола алады. Екі халықтың тарихи тәжірибесі мен саяси мақсаттары әртүрлі болғанымен, бейбіт өмір сүру, адам қадір-қасиеті және болашаққа деген үміт сияқты құндылықтар екі қоғам үшін де маңызды. Бейбітшілікке жету үшін, ең алдымен, бейбіт тұрғындардың өмірін қорғау және гуманитарлық көмектің кедергісіз жеткізілуін қамтамасыз ету қажет. Сонымен қатар Израиль азаматтарының қауіпсіздікке деген қажеттілігі мен палестиналықтардың өзін-өзі анықтау және еркін өмір сүру құқығы халықаралық құқық аясында қарастырылуы керек. Саяси көшбасшылар қарсы тараптың ұлттық болмысын жоққа шығармай, келіссөз жүргізуге дайын болуы қажет. Халықаралық ұйымдар адам құқықтары мен халықаралық гуманитарлық құқықтың сақталуын талап етіп, тұрақты саяси шешімге қолдау көрсетуі тиіс. Конструктивизм тұрғысынан алғанда, бейбітшілік тек саяси келісімге қол қоюмен шектелмейді. Ол тараптардың бір-бірін қабылдау тәсілін өзгертуін, қарсыласты мәңгілік жау ретінде көрсететін түсініктерден арылуын және өзара сенім қалыптастыруын да қажет етеді. Бұл үдеріс ұзақ уақыт алуы мүмкін, бірақ ұлттық бірегейлік пен қоғамдық көзқарастар өзгермейтін құбылыстар емес.

Бұл зерттеуде жалпыадамзаттық құндылықтардың халықаралық қатынастарға әсері конструктивизм теориясы және Лебоудың мәдени теориясы арқылы талданды. Жалпыадамзаттық құндылықтардың мазмұны ғылымда даулы болғанымен, олардың мемлекеттік деңгейде әртүрлі түсіндірілетіні анықталды. Менің ойымша, бұл - кездейсоқтық емес: әр мемлекет өзінің тарихы, мәдениеті және қауіпсіздік туралы түсінігі арқылы бір құндылықты өзінше қабылдайды. Сондықтан «жалпыадамзаттық» деген атауға қарамастан, олар іс жүзінде әмбебап емес.

Израиль - Палестина қақтығысын Лебоудың теориясымен талдау мынаны көрсетеді: бұл қақтығыс тек аумақ немесе қауіпсіздік үшін емес, ең алдымен мәртебе, абырой және мойындалу үшін жүргізіліп отыр. Екі тарап та өз «рухын» қорғауға тырысады, ал бұл келісімге келуді қиындатады. Нетаньяхудың когнитивтік картасы бұл тұжырымды растайды: ол үшін Палестинаның өзін-өзі анықтау құқығы - «қауіп» ретінде қабылданады, себебі ол Израильдің мәртебесін жоққа шығарады.

Осылайша, мемлекеттік құндылықтар - жалпыадамзаттық құндылықтардың нақты көрінісі. Олар үш жағдайда қайшылыққа түседі: ұлттық қауіпсіздік басқа мемлекеттің егемендігін шектеуге пайдаланылғанда; ұлттық мәртебе басқа халықтың қадір-қасиетін төмендетуге бағытталғанда; және әскери күш қолдану басымдыққа ие болып, бейбіт тұрғындардың өмірі екінші орынға ығыстырылғанда. Қорытындылай келе, жалпыадамзаттық құндылықтар қақтығыстарды бағалайтын моральдық өлшем ғана емес, оларды түсіндіретін нормативтік негіз де болып табылады. Қақтығыстарды бейбіт жолмен шешу үшін тек саяси келісімдер жеткіліксіз - тараптардың бір-бірін қабылдау тәсілін өзгертуі және өзара сенім қалыптастыруы қажет.

Қолданылған әдебиеттер:

1. Оганесян С. С. О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире // Ценности и смыслы. – 2019. – № 5 (63). – С. 82–94.

2. Bleshchik A. V., Kalinina E. G., Nesmeyanova S. E. Transformation of constitutional identity due to contemporary challenges // Law Enforcement Review. – 2021. – Vol. 5, No. 3. – P. 87–100.

3. United Nations. Charter of the United Nations. – San Francisco, 1945. – Article 1.

4. Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 391–425.

5. Finnemore M. National Interests in International Society. – Ithaca: Cornell University Press, 1996. – 154 p.

6. Javadikouchaksaraei M., Bustami M. R., Farouk A. F. A., Ramazaniandarzi A. A. Reinterpreting the Israeli-Palestinian Conflict: A Constructivism Theory of Understanding a Cross-Ethnic Phenomena // Asian Social Science. – 2015. – Vol. 11, No. 16. – P. 107–113.

7. Lebow R. N. A Cultural Theory of International Relations. – Cambridge: Cambridge

University Press, 2008. – 776 p.
8. Axelrod R. Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 422 p.
9. Netanyahu B. Press Conference, January 2026. – Jerusalem: Prime Minister's Office, 2026.
10. United Nations General Assembly. Speech by Prime Minister Benjamin Netanyahu. – New York, 2025. – 26 September.
11. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). Humanitarian Situation Report, 2 October 2026. – Gaza: OCHA oPt, 2026.

УСТОЙЧИВЫЙ ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК ЦЕННОСТНЫЙ МАРКЕР ИМИДЖА АСТАНЫ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ)

Темиртасова Д. К., Солотина В. Д., Копбаев А. К.
Студенты 3-го курса ОП 6B03101 - Социология,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан
Научный руководитель: доктор PhD Досанова Г. М.

Аннотация

В работе исследуется устойчивый внутренний туризм в рамках единой экосистемы Астаны и Акмолинской области. На основе триангуляции методов (9 глубинных интервью, медиа-анализ 84 источников и SWOT-анализ) выявлены ключевые барьеры развития: острая сезонность, «коридорная логистика», цифровая невидимость малых городов и экологическая нагрузка. Авторы обосновывают формирование единого межрегионального кластера, объединяющего MICE-туризм столицы с рекреационным потенциалом региона, а также внедрение цифровой навигации и автоматизированного экомониторинга

ВВЕДЕНИЕ

Развитие внутреннего туризма в Республике Казахстан выступает приоритетом государственной политики, закрепленным в нормативно-правовых актах [1, 2]. В условиях трансформации пространственной мобильности особое значение приобретает концептуализация туризма как ценностного маркер имиджа региона и инструмента пространственного развития. Столица Астана и Акмолинская область образуют уникальную социально-пространственную экосистему, комбинирующую урбанистический ландшафт и рекреационный потенциал (Бурабай, Зеренда).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления диспропорций между развитием мегаполиса и рекреационной периферией [3]. Проблема заключается в системном разрыве между продвижением региона в цифровом пространстве, оптикой экспертов и опытом жителей. Объект исследования — туристическая отрасль региона как единая система. Предмет — социальные механизмы и ценностные ориентации устойчивого туризма.

1. Методологический и теоретический базис исследования 1.1. Цель, гипотезы и концептуальная рамка

Цель исследования: комплексно изучить туризм Астаны и Акмолинской области, выявить барьеры и перспективы и предложить обоснованные рекомендации для формирования конкурентоспособного межрегионального туристического кластера.

Объект исследования: туристическая отрасль Астаны и Акмолинской области как единая социально-пространственная и экономическая система.

Предмет исследования: состояние, ресурсы роста и институциональные барьеры туризма, его восприятие местными жителями, экспертные оценки, а также репрезентация региона в цифровом медиапространстве и визуальных источниках.

Ключевые исследовательские вопросы:

1. Каково текущее состояние и институционально-структурные особенности туристической отрасли региона?

2. Какие виды туризма (деловой/MICE, событийный, экологический, культурно-познавательный, медицинский, внутренний) наиболее динамичны и перспективны для интеграции?

3. Какая пространственная, инфраструктурная и рекреационная база позволяет создать синергетический туристический продукт?

4. Какие институциональные, транспортно-логистические, социально-экономические и экологические барьеры сдерживают рост дестинации?

5. Совпадают ли оценки отрасли у профессиональных стейкхолдеров и местных жителей?

Исследовательские гипотезы:

1. Координационный дефицит: потенциал региона используется не полностью из-за межведомственной разобщенности и нехватки каналов взаимодействия между госорганами, бизнесом и жителями.

2. Тип привлекательности: Астана (урбанистически-деловой, MICE) и Акмолинская область (природно-рекреационный) привлекательны по-разному, что требует дифференцированных, но взаимодополняющих продуктов в рамках единого кластера.

3. Тревога жителей: местные жители амбивалентны: признают экономическую пользу туризма, но тревожатся из-за нагрузки на транспортную, коммунальную и экологическую инфраструктуру.

4. Доминирование медиа-образа: цифровой образ региона в соцсетях и UGC влияет на ожидания и выбор туристов сильнее офлайн-рекламы и институциональных материалов.

Концептуально-теоретическая рамка

1. Теория туристической привлекательности территории. Привлекательность формируется синтезом природных, историко-культурных, инфраструктурных и событийных аттракторов, и турист воспринимает территорию как целостный комплекс. Значение: обосновывает интеграцию ресурсов: Астана как ядро делового и событийного туризма, Акмолинская область (Щучинско-Боровская и Зерендинская зоны) как природно-рекреационная основа кластера. [1]

2. Теория локальной идентичности. Символический капитал территории складывается из культурно-исторических кодов, архитектурных доминант и коллективной памяти[2]. Значение: фиксирует разрыв между динамичным брендом Астаны (Байтерек) и фрагментарной идентичностью области, где штамп «казахстанская Швейцария» делает «невидимыми» малые города (Акколь, Степняк) и музейные объекты.

3. Концепция креативной экономики (Р. Флорида). Конкурентоспособность территории связана с привлечением человеческого капитала и туристов через креативные индустрии, фестивали, гастрономию и цифровой брендинг. Значение: показывает путь преодоления монофункциональности столичного туризма через арт-кластеры, ночные маршруты и молодежные события.

4. Теория индустрии впечатлений (Б. Пайн, Дж. Гилмор). Экономика смещается от стандартных услуг к продаже уникального эмоционального опыта. Значение: обосновывает переход от пассивного показа объектов к интерактивным и геймифицированным форматам (AR/VR, этно- и фототуры), востребованным у цифровых поколений.

Теоретический вывод: синтез концепций позволяет рассматривать туризм региона как социально-пространственную экосистему, устойчивую при балансе экономики впечатлений, сохранения природно-экологического капитала и комфортной среды для местных жителей.

1.2. Методика исследования

Эмпирическая часть сочетает качественные социологические и пространственно-аналитические методы:

1. Полуструктурированные интервью (n=9): 5 экспертных экс-директор Департамента макроэкономической политики АСПиР РК;основательница турагентства AOMI Travel; генеральный директор ТОО «Талисман»;, гид-экскурсовод; старший научный сотрудник Музея

С. Нурмагамбетова в г. Акколь) и 4 с местными жителями (Астана, Акколь, Щучинск).

2. Контент- и визуальный анализ (n=84) цифрового медиапространства за 2020-2026 гг.: YouTube - 18, TikTok - 24, Instagram - 25, онлайн-СМИ - 9, платформы отзывов - 12.

3. SWOT-анализ факторов внутренней и внешней среды туристической системы.

2. Социологический анализ: результаты интервью с экспертами и жителями

2.1. Экспертная оценка туристической отрасли

1. Текущее состояние и структура спроса

Эксперты фиксируют устойчивый рост интереса к туризму при институционально-структурном дисбалансе[3]. В Астане доминирует деловой и событийный туризм (MICE) с транзитными визитерами, слабо вовлеченными в культуру города.«Значительная часть потока связана с деловыми поездками... Классический турист, приезжающий ради знакомства с городом, пока составляет меньшую долю» (Эксперт 1 - экс-директор Департамента макроэкономической политики АСПиР РК).«Туризм есть, но он пока больше "на потенциале"... Иностранцы обычно более вовлеченные. Наши чаще просто проходят, смотрят и идут дальше» (Эксперт 4 - гид-экскурсовод).

Туристический бизнес (AOMI Travel, Talisman Company) отмечает смещение спроса к внутренним и семейным маршрутам и рост требований к сервису.«Наблюдается рост интереса к тематическим, историческим и экологическим турпродуктам... Увеличилась популярность индивидуальных и семейных туров, включая туры с гидом на нескольких языках» (Эксперт 3 - основательница турагентства AOMI Travel).

Маршруты AOMI Travel:Астана: «Ностальгия по Целинограду» (историко-ностальгический), «Огни ночного города» (визуально-эстетический), «Духовный мир» (паломнический).Акмолинская область: «Родина зовет» (сельско-этнографический), туры в Сандыктау и Зеренду (экологический/рекреационный), туры в КАРЛАГ / АЛЖИР (историко-мемориальный).

2. Сильные стороны и нераскрытый потенциал

Главное преимущество - синергия современной столицы (транспортная доступность, архитектура, безопасность, роль логистического хаба) и природных ареалов области.«Есть Астана как современный город... И есть Акмолинская область с природой, озерами, лесами. Это очень удобное сочетание» (Эксперт 2 - генеральный директор ТОО «Талисман»).

3. Системные барьеры

- Сезонность: летняя перегрузка инфраструктуры и зимний спад.

- Моноструктурность продукта: экскурсии замкнуты на 3-4 объектах (Байтерек, ЭКСПО, набережная, мечеть).

- Кадровый дефицит: мало гидов со знанием языков и навыками интерактивной подачи, слабая цифровая грамотность персонала.

- «Коридорная логистика»: транзит по автобану Астана - Бурабай вытесняет историко-культурные локации на периферию внимания.

«Все стремятся в Бурабай, пролетают мимо нашего Акколя по автобану... Наш музей - жемчужина, но пока это точечные визиты групп, а не массовый поток» (Эксперт 5 - старший научный сотрудник Музея С. Нурмагамбетова в г. Акколь).

4. Запросы бизнеса к государству и цифровизация

Бизнес и институции культуры ждут от государства навигационной и цифровой инфраструктуры, институциональной рекламы и грантов, а не только субсидий.«На главной трассе нужны огромные баннеры: город Акколь, музей Нурмагамбетова... Нужны сенсорные экраны, дополненная реальность... Властям Астаны и области стоит создать единый электронный гид» (Эксперт 5 - старший научный сотрудник Музея С. Нурмагамбетова в г. Акколь).

2.2. Восприятие туризма местными жителями

1. Амбивалентность восприятия и пространственное отчуждение

Жители двойственно относятся к туризму: признают его вклад в торговлю и доходы, но

испытывают инфраструктурный и социальный стресс.Транспорт: астанинцы страдают от перекрытия дорог во время форумов и марафонов; жители Щучинска и Акколя - от хаотичной парковки и пробок в выходные.

Отчуждение публичных пространств: ключевые локации столицы воспринимаются как зоны для туристов.«Байтерек и ЭКСПО уже больше для туристов. Мы туда почти не ходим» (Информант 1 - студентка, 22 года, Астана).

«В субботу-воскресенье по городу невозможно передвигаться. Тихий Щучинск на выходные превращается в хаотичный район столицы» (Информант 4 - житель г. Щучинск, 21 год).

2. Экономическое давление и деформация рынка жилья

- Джентрификация аренды: перевод жилья в посуточную аренду (район ЭКСПО, центр) вытесняет долгосрочных арендаторов и повышает цены.

- Сезонный рост цен в кафе, магазинах и такси.

«Много квартир сдают посуточно, из-за этого долгосрочная аренда дорожает. Особенно в центре и рядом с ЭКСПО» (Информант 2 - IT-специалист, 31 год, Астана).

«Таксисты в сезон цены выкручивают в космос. В выходные до Борового ценник растет в три раза» (Информант 4 -житель г. Щучинск, 21 год).

3. Экологический разрыв и «цифровой гражданский паноптикон»

Главная проблема жителей области - деградация лесных и прибрежных экосистем из-за низкой культуры «диких» отдыхающих.

«Состояние природы критичное. На лесных опушках в понедельник утром такие свалки остаются, что сердце кровью обливается» (Информант 4 - житель г. Щучинск, 21 год).

Социологическая находка: молодые резиденты предлагают распространить на природные зоны технологический контроль, то есть установить камеры фото- и видеофиксации типа «Сергек» с штрафами в 100 000 тенге.«На всех дорогах стоят сергеки, и все боятся нарушать. Почему нельзя поставить такие же системы в лесу или на берегах озер? Штрафанули бы одного-второго на сто тысяч за брошенную баклажку - сразу бы культура появилась» (Информант 4 - житель г. Щучинск, 21 год)

.2.3. Сравнительный анализ позиций экспертов и резидентов

Тема Эксперты Жители

Сезонность Ключевой барьер для окупаемости инвестиций, загрузки отелей и удержания кадров Социальный стресс: летом пробки, мусор, шум и рост цен; зимой спад подработок

Деловой туризм (MICE) Фундамент экономики Астаны, основной доход гостиничного и ресторанного сектора Нейтральный или раздражающий фактор (перекрытия магистралей, перегрузка транспорта)

Инфраструктура Дефицит профессионального сервиса, гидов, цифровой навигации и инвестиций Бытовые проблемы: нехватка туалетов и контейнеров, заторы, цены на такси

Пространственный фокус Продвижение, упаковка туров, маркетинг, цифровизация Комфорт проживания: сначала удобство для резидентов

Экология Долгосрочный репутационный и ресурсный риск Первостепенная проблема, требующая жестких административно-цифровых наказаний

3. Визуальный и контент-анализ медиапространства (84 источника)

3.1. Методология выборки и анализ ключевых визуальных образов

Эмпирическая база: 84 источника за 2020-2026 гг., найденные по запросам (#astana, #astanacity, #burabay, #боровое, #visitkz, #visitastana, «Астана влог», «Astana travel», «Боровое отдых», «Бурабай 2024») на YouTube (n=18), TikTok (n=24), Instagram (n=25), в онлайн-СМИ (n=9) и на платформах отзывов Booking, iRecommend, Otzovik, tonkosti.ru (n=12).

Образ 1 - Байтерек и футуристическая архитектура (91% упоминаний в видео о столице): визуальный якорь дестинации; в официальном дискурсе символ государственности и модернизации, в блогах «точка входа» в нарратив, в UGC фон для превращения присутствия в символический капитал[4].

Образ 2 - природа области: Бурабай и Зеренда (87% материалов об области): визуальный

код территории со штампом «казахстанская Швейцария»[5](скалы, сосны, озера); создает устойчивый поток, но делает невидимыми культурно-исторические и музейные локации.

Образ 3 - экологическая деградация (UGC): контрнарратив, который замалчивают институциональные СМИ, но массово показывает UGC (леса и берега, захламленные пластиком, отходами и кострищами), что обнажает разрыв между брендом и реальностью.

Образ 4 - дорога и трасса Астана - Бурабай: символ транспортной доступности; навигации к малым историческим городам в кадрах нет, что закрепляет «коридорную логистику», и область воспринимается как транзитный коридор.

Образ 5 - культурно-исторические объекты и музеи: «цифровая невидимость», так как фасады и экспозиции не адаптированы к клиповым трендам и выпадают из внимания блогеров и алгоритмов.

3.2. Дискурсы восприятия и особенности цифровых платформ

Дискурсы: модернизации («Город будущего») преобладает в Астане, где контрастируют степь и футуризм; нереализованного потенциала исходит от экспертов (системные барьеры); природного эскапизма идеализирует Бурабай и Зеренду; экологической угрозы формируется резидентами (мусор, загрязнение); социального дисбаланса выражает напряжение «туристы vs жители» (рост цен). Платформы: Instagram - эстетизация и «туризм ради кадра», глянцевая самопрезентация на фоне Байтерека и закатов; TikTok и YouTube - нарратив удивления и когнитивного диссонанса, особенно у иностранцев, не ожидавших увидеть футуристический мегаполис в степи; платформы отзывов - нефильтрованный опыт, где восторг соседствует с критикой нехватки туалетов, хаотичной логистики, мусора и цен.[6]

4. Комплексный SWOT-анализ туристической системы региона

Strengths (Сильные стороны) Weaknesses (Слабые стороны) Opportunities (Возможности) Threats (Угрозы)

1. Астана — деловой центр с развитой транспортной инфраструктурой и современной архитектурой. 1. Слабая координация государства, бизнеса и местных сообществ. 1. Государственно-частное партнёрство для развития инфраструктуры. 1. Конкуренция со стороны Алматы, Восточного Казахстана и Кыргызстана.

2. Природные ресурсы области: Бурабай, Зеренда, озёра и степи. 2. Недостаток дорог, мест размещения, качественного сервиса и навигации. 2. Развитие экологического, образовательного и паломнического туризма. 2. Экономическая нестабильность, валютные колебания и геополитические риски.

3. Потенциал делового, событийного, гастрономического и медицинского туризма. 3. Дефицит кадров, языковые барьеры и нехватка инвестиций. 3. Продвижение через соцсети, цифровые маршруты, QR-карты и AR. 3. Перегрузка инфраструктуры в сезон и деградация природных объектов.

4. Богатое этнокультурное наследие и государственная поддержка отрасли [7]. 4. Сезонность и ограниченное разнообразие туристических маршрутов. 4. Создание паспорта региона, фестивалей, арт-пространств и гастрономических маршрутов. 4. Изменение климата и ухудшение экологического состояния территории.

5. Развитие цифровых услуг и рост внутреннего туристического потока. 5. Слабая международная узнаваемость и вовлечённость местных жителей. 5. Привлечение туристов из Китая, стран Персидского залива и Центральной Азии. 5. Потеря локальной идентичности, слабая лояльность туристов и недостаточное продвижение.

6. Развитие креативной экономики и индустрии впечатлений.

4.1. Аналитическая интерпретация факторов SWOT

Устойчивое развитие региональной туристической системы возможно за счет перекрестной компенсации слабостей области ресурсами Астаны. Статус столицы как транспортного и MICE-хаба с качественным отельным фондом закрывает сервисный дефицит и сезонность области, а эколого-рекреационный потенциал области снимает замкнутость Астаны на деловых поездках, предлагая продукт для семейного и индивидуального туризма (S → O).

Связка W → O требует преодоления координационного дефицита и инфраструктурных пробелов малых городов через ГЧП и цифровые технологии. Креативная экономика (модель Р.

Флориды) и цифровизация музейных объектов (AR/VR-гиды, единое приложение) расширят городские туры и выведут Акколь и Степняк из «коридорной невидимости».

В связках S → T и W → T задача - снизить риски экологической деградации и социального отчуждения резидентов. Концепция развития туризма РК 2023-2029 гг. должна предусматривать автоматизированный эко-контроль в курортных зонах и вовлечение местных сообществ (гостевые дома, сувениры), чтобы сохранить локальную идентичность и избежать недовольства жителей.[8]

5. Итоговые выводы и рекомендации

5.1. Верификация гипотез

Все четыре гипотезы подтверждены:

1. Координационный дефицит: акиматы, туроператоры и культурные учреждения разобщены, малые города (Акколь) выпадают из турпотока.

2. Тип привлекательности: Астана - MICE и урбанистический центр, область - природно-рекреационный ареал; нужен единый продукт «город + природа».

3. Амбивалентность жителей: поддерживают туризм как доход, но страдают от пробок, дорогой аренды и замусоривания лесов.

4. Медиа-образ: по контент-анализу 84 источников выбор туристов определяет UGC в TikTok и Instagram.

Вывод: необходимо развивать единое межрегиональное управление туризмом, совершенствовать инфраструктуру, привлекать местное население и активнее использовать цифровые инструменты продвижения. Это позволит повысить туристическую привлекательность региона и обеспечить устойчивое развитие отрасли.

5.2. Рекомендации

Государство: межрегиональный координационный совет «Астана - Акмолинская область»; инфраструктура и навигация к малым городам; фотовидеофиксация экологических нарушений (штраф 100 000 тенге); единый электронный регион-гид.

Бизнес: пакетные туры «Астана + Бурабай/Зеренда» и авторские маршруты; зимние программы против сезонности; обучение персонала и гидов.

Местные сообщества: гостевые дома, ремесленные лавки, сувениры; общественные советы при акиматах; участие в краеведческих и экологических акциях.

Наука и образование: замеры рекреационной нагрузки (Бурабай, Зеренда, Коргалжын); подготовка гидов и MICE-менеджеров; студенческие AR/VR-стартапы по музеям малых городов.

6.Использованные источники:

1.Visit Astana — официальный туристический портал столицы [Электронный ресурс]:https://visitastana.kz/kz/

2. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2023–2029 годы [Электронный ресурс]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000262

3.Пайн Дж. и Гилмор Дж. The Experience Economy [Электронный ресурс]: https://books.yandex.kz/books/enHx3obs/read-online

4. К вопросу о перспективах развития туристской отрасли в Акмолинской области [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perspektivah-razvitiya-turistskoy-otrasli-v-akmolinskoy-oblasti/viewer

5.Флорида Р. The Rise of the Creative Class [Электронный ресурс]:https://twi.kz/FrPM

6. Онтология столицы Казахстана: квинтэссенция традиций и современности [Электронный ресурс]: https://twi.kz/qHj1b

7.Euronews. Astana: Don’t miss these must-see sights on Kazakhstan’s capital [Электронный ресурс]: https://twi.kz/PtZhv 8. Бюро национальной статистики РК[Электронный ресурс]:https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-tourism/

Политические ценности и электоральное поведение современной молодежи: отношение студентов ЮКУ им. М. Ауэзова к выборам депутатов Курултая 2026 года

Таджибаева А. К., Серик Т. М.
Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова,
Студенты 2-го курса ОП 6В03120 – Политология
Научный руководитель: Заведующая кафедрой «Международные отношения» Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова, PhD Таукебаева Эльмира Сериковна.
г. Шымкент, Казахстан

Статья рассматривает гражданские и политические ценности современной студенческой молодёжи, а также их связь с отношением к выборам, политическим партиям и общественно-политическому участию. Исследование основано на результатах анкетного опроса 82 студентов Южно-Казахстанского университета имени М. Ауэзова. В ходе исследования изучались интерес студентов к политическим событиям, оценка значимости участия в выборах, электоральное поведение, доверие к политическим партиям и представления о роли молодёжи в политической жизни страны. Полученные результаты позволяют выявить особенности гражданских установок студентов и определить основные противоречия между признанием значимости политического участия и практикой его реализации. Особое внимание уделяется гражданской ответственности, политическому представительству, открытости политических институтов и запросу молодёжи на решение актуальных социальных проблем. Результаты исследования могут быть использованы при разработке мер по повышению гражданской и политической грамотности молодёжи.

Гражданские ценности занимают важное место в системе общественных отношений, поскольку определяют представления человека о его правах, обязанностях и роли в жизни государства. К ним относятся гражданская ответственность, уважение к правам других людей, участие в общественной жизни, заинтересованность в развитии страны и возможность выражать собственную позицию по общественно значимым вопросам. Особое значение изучение гражданских ценностей приобретает применительно к молодёжи. Студенческий период является важным этапом формирования мировоззрения, общественных установок и представлений о политических институтах. В это время молодые люди определяют своё отношение к государству, выборам, политическим партиям и механизмам взаимодействия общества с властью.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения гражданских и политических ценностей современной студенческой молодёжи. Признание важности гражданского участия не всегда означает готовность реализовывать его на практике. Поэтому особый интерес представляет соотношение ценностных установок студентов и их реального электорального поведения. Выборы представляют собой один из основных механизмов участия граждан в политической жизни. Отношение молодёжи к выборам позволяет оценить не только её интерес к политике, но и представления о гражданской ответственности, значимости собственного голоса и возможности влиять на общественные процессы.

Цель исследования -выявить основные гражданские и политические установки студентов Южно-Казахстанского университета имени М. Ауэзова и определить особенности их отношения к выборам, политическим партиям и гражданскому участию.

1. Интерес студентов к общественно-политической жизни

Первым направлением исследования стало изучение интереса студентов к политическим событиям Казахстана. Полученные результаты показывают, что интерес опрошенных к политике преимущественно носит периодический характер.

Большинство респондентов — 78% — отметили, что иногда интересуются политическими событиями. Высокий уровень заинтересованности, выраженный ответом «очень интересуюсь», продемонстрировали 13,4% участников опроса. При этом 8,5% респондентов указали, что совсем не интересуются политикой.

Преобладание периодического интереса свидетельствует о том, что для значительной части опрошенных политическая информация не обязательно является предметом постоянного внимания. Интерес к ней может усиливаться в связи с важными общественными событиями, избирательными кампаниями и обсуждением социально значимых вопросов.

С точки зрения гражданских ценностей данный результат показывает, что интерес к общественной жизни присутствует у большинства опрошенных, однако его интенсивность различается. При этом периодический интерес к политике сам по себе не означает отсутствия гражданской позиции. Для более точной оценки гражданской вовлечённости необходимо учитывать также готовность студентов участвовать в общественных инициативах, выборах и обсуждении общественно значимых проблем. Интерес к политике можно рассматривать как один из возможных факторов формирования гражданской ответственности, однако его связь с реальным поведением требует отдельного анализа.

2. Отношение студентов к политическим партиям

Следующим направлением исследования стало изучение доверия студентов к политическим партиям Казахстана. Политические партии являются одним из механизмов представительства общественных интересов, поэтому отношение к ним позволяет оценить восприятие студентами существующих форм политического участия.

Результаты опроса выявили преобладание сдержанно-нейтральной позиции. Почти половина респондентов полностью доверяют и занимают 34,1% по отношению к политическим партиям. Нейтральную позицию в общей сложности заняли 31,7% участников опроса. Около 29,3% выразили недоверие, что является высоким показателем.Полученные данные показывают, что отношение студентов к политическим партиям неоднородно.

Наряду с респондентами, выражающими доверие, присутствуют участники, занимающие нейтральную или критическую позицию.

При изучении партийных предпочтений среди объединений, привлекающих внимание опрошенных, чаще всего назывались партии «Әділет» с 72,5% , “Ақ жол” с 10,1% и “Ауыл”, “НПК”.

Видя такие результаты не стоит поспешно предполагать , что упоминание партий автоматически рассматривается как подтверждение готовности проголосовать за нее. Для более точной интерпретации необходимо различать узнаваемость политической организации, интерес к её деятельности, доверие к ней и собственно электоральные предпочтения.

С точки зрения гражданских ценностей важным является не только наличие у студентов определённых партийных симпатий, но и способность осознанно оценивать деятельность политических организаций, сравнивать их программы и соотносить предлагаемые решения с общественными интересами.

Следовательно, повышение политической грамотности молодёжи должно включать развитие навыков критического анализа политической информации

3. Учитываются ли мнение молодежи?

Можно предположить по ответам , что молодёжь имеет определённые возможности влиять на политическую жизнь. Хоть и небольшая доля отрицательных ответов это позволяет предположить, что важно не только формальное участие молодёжи в политических процессах, но и то, насколько молодые люди видят реальные результаты учёта своих интересов.

Проведённое исследование позволило выявить основные особенности гражданских и политических установок студентов Южно-Казахстанского университета имени М. Ауэзова. Результаты анкетного опроса показали, что студенческая молодёжь проявляет интерес к общественно-политической жизни, однако степень заинтересованности и отношение к политическим институтам различаются.

Установлено, что большинство опрошенных студентов интересуется политическими событиями периодически, что свидетельствует о наличии интереса к общественной жизни при отсутствии постоянной вовлечённости у значительной части респондентов. Отношение к политическим партиям также характеризуется неоднородностью: наряду с доверием

присутствуют нейтральные и критические оценки. Это подчёркивает необходимость формирования у молодёжи навыков самостоятельного анализа деятельности политических организаций, их программ и предлагаемых решений. Результаты исследования также показали, что большинство респондентов положительно оценивает степень учёта мнения молодёжи в политической жизни. Вместе с тем наличие отрицательных ответов свидетельствует о том, что часть студентов сомневается в возможности влиять на принимаемые решения. Это позволяет обратить внимание на важность развития механизмов взаимодействия молодёжи с политическими институтами и расширения возможностей для выражения гражданской позиции.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что гражданские и политические ценности студентов формируются под влиянием их интереса к общественным событиям, отношения к политическим партиям и представлений о роли молодёжи в жизни государства. При этом признание значимости политического участия не следует отождествлять с готовностью активно участвовать в политических процессах. Для более полного понимания гражданской активности необходимо учитывать не только взгляды студентов, но и их реальные действия. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке образовательных мероприятий, направленных на повышение гражданской и политической грамотности молодёжи. Особое значение имеют развитие критического мышления, повышение информированности о деятельности политических институтов и создание условий для участия студентов в общественной жизни. При этом результаты опроса отражают мнения 82 студентов одного университета, поэтому их нельзя автоматически распространять на всю студенческую молодёжь Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нурбеков А. Ж. Политическая культура и электоральная активность молодежи в современном Казахстане // Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология. — 2022. — № 3 (81). — С. 112–121.

2. Смагулов К. Е. Электоральное поведение и формы гражданского участия студенческой молодежи Казахстана // Социологические исследования. — 2021. — № 4. — С. 88–96.

3. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2023» / Под ред. Научно-исследовательского центра «Молодежь». — Астана, 2023. — 216 с.

4. Zajonc R. B. Attitudinal Effects of Mere Exposure // Journal of Personality and Social Psychology. — 1968. — Vol. 9, No. 2. — P. 1–27.

5. Samuelson W., Zeckhauser R. Status Quo Bias in Decision Making // Journal of Risk and Uncertainty. — 1988. — Vol. 1. — P. 7–59.

ҚАЗАҚ ЖАСТАРЫНЫҢ СӨЙЛЕУ ТІЛІНДЕГІ КӨПТІЛДІЛІК ҚҰБЫЛЫСЫ: БІР СӨЙЛЕМДЕ БІРНЕШЕ ТІЛДІ ҚОЛДАНУ МӘСЕЛЕСІ

Турганбаева А.Ж, Қаби Ф.М, Ғаділбек Н.
2-курс студенттері ББ 6В03105
Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды Ұлттық Зерттеу университеті
қ.Қарағанды. Қазақстан
e-mails: aidoshturganbaeva@gmail.com, farizoch.kabi@gmail.com, Nuragadylbek@gmail.com
ғылыми жетекші: профессор Кенжеғали Ж.М

Қазіргі жаһандану дәуірінде көптілділік әлемдегі әртүрлі қоғамдардың әлеуметтік-тілдік болмысын айқындайтын құбылыс. Қазақстан да осындай көптілді ортаның бірі болып табылады: мұнда мемлекеттік тіл- қазақ тілімен қатар орыс тілі кеңінен қолданылады. Көптілділік көбінесе жастар ортасында кеңінен дамыған, студенттік ортада бір сөйлемде-қазақ,орыс, ағылшын тілінің қатар келуі, күнделікті үй жағдайында, қоғамдық ортада

коммуникация барысында екі тілдің араласып кетуі ел азаматтары үшін де қалыпты жағдайға айналды. Бұл құбылыс тіл білімінде код ауысуы (code-switching) және тілдік араласу ұғымдарымен сипат алады.

Осы код ауысуы құбылысы әлемдік социолингвистикада кеңінен зерттелген. Ян-Петтер Блом мен Джон Гумперц әңгіме жағдаяты мен тақырыбына байланысты жағдаяттық және метафоралық код ауысуын сипаттайды[1]. Шана попляк код ауысуының грамматикалық шектеулерін қарастырды[2]. Тілдік таңдаудың әлеуметтік заңдылықтарын Дж. Фишман зерттеді. Ол көптілді қоғамда тіл таңдау кездейсоқ емес, әңгіме тақырыбына, ортаға және әңгімелесушіге байланысты екенін көрсетіп, «тілдік домен» ұғымын енгізді [3]. Тілдік контакт теориясының негізін У. Вайнрайх қалады: ол екі тіл жүйесінің өзара әсерін сипаттап, интерференция ұғымын енгізді [4]. П. Ауэр код ауысуын сөйлеушінің әңгімені ұйымдастыру және мағына жасау тәсілі ретінде қарастырды, яғни ол тілді білмеудің белгісі емес [5]. Ж. Смағұлова тіл саясатының тілге көзқарас пен тіл қолдануға әсерін қарастырды [6]. Э.Д. Сүлейменова мен Н.Ж. Шаймерденова қазақ-орыс екі тілділігінің ерекшеліктерін сипаттады [7].Қазақстандық материалда бұл құбылыс соңғы жылдары белсенді зерттеле бастады. Ш.К.Жарқынбекова мен Черняевская В.Е қазақ-орыс код араластыруының күнделікті сөйлеу, интернеттегі қарым-қатынас және қазіргі қазақ фильмдері негізінде талдап, оны тілді нашар білудің белгісі емес, қарым-қатынаста мағынаны жеткізудің динамикалық ресурсы деп сипаттады және т.б ғалымдардың осы билингивизм, лингвистика, психолингвистика, әлеуметтік психология және социология салалары бойынша көптеген еңбектері бар [8].

Ал қазақ тілі мен орыс тілінің тұрақты жүйелі байланысына Қазақстан тәуелсіздікке жетпей тұрып сонау кеңестік билік орнаған кезеңнен, яғни XX ғ. басынан қалыптасты. Бұл мәселенің түп тамырына үнілетін болсақ , қазақ тілінің мемлекеттік және саяси тұрғыдан бұрмалануы мен ықпалы төмендеуі XVIII ғ. бірінші жартысында патшалық отарлау заманы кезінен көрініс тапты. Ал көптілділік құбылысы 1917 ж. Кеңес үкіметі орнауы кезенінен бастау алды. Мәселен, Қырғыз (Қазақ) АССР-інің 1920 жылы қазанда өткен I Құрылтайының декларациясында қазақ және басқа ұлт тілдеріне жете мән беру мәселесі талқыланып, нәтижесінде «ҚАССР-нің мемлекеттік мекемелерінде қазақ және орыс тілдерін қолдану тәртібі туралы» декреті қабылданды [9].

Кейінгі уақытта бұл мәселе бұдан бетер өрбіді, 1930-1950 жылдардағы ашаршылық, ұйымдастыру және тың игерудің қиын қыстау кезеңіндегі халықтың ұлттық құрамындағы өзгерістердің салдарынан , орыс тілінің мектептер мен мекемелердегі беделі жоғарылады. Міне дәл осы кезден бастап өзара тіл байланысы қалыптасты. Сондықтан қазіргі дәуірде қазақ тілі көбіне отбасы мен ауылдық ортада сақталуда , ал әр қазақтілді азамат орыс тілін екінші қолданысқа ие тіл ретінде қабылдайды. Осындай ұзақ уақыттық қостілділік қазақ тілі мен орыс тілінің сөйлеу барысындағы араласуына әкеліп соқты. Мемлекеттік тіл мәселесіндегі Елбасының үлкен қадамы 2006 жылдың 24 қазанында Астана қаласында өткен Қазақстан халқы Ассамблеясының XII сессиясында жасаған баяндамасы болды. Елбасының осы баяндамасында Үкіметке берген тапсырмаларын орындау мақсатында Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2006 жылғы 28 қазандағы № 1025 қаулысымен Мемлекеттік тіл саясатын одан әрі жетілдіру жөніндегі комиссия құрылды.Комиссияның негізгі міндеттері: мемлекеттік тілді кешенді және жүйелі дамыту мен енгізу, елде орыс тілін білудің жоғары деңгейін сақтап қалу, ағылшын тілін тереңірек және қарқынды үйрену жүйесін құру жөнінде ұсыныстар әзірлеу; мемлекеттік тіл саясатын және тілдік құрылысты іске асыру тетіктерін одан әрі жетілдіру болып табылады [9]. Міне сондықтанда біз қазақ жастары арасындағы коммуникацияда көптілділік құбылысын, оның айқындалуы мен қолдану себептерін теориялық тұрғыдан негіздеп , сауалнама арқылы оның жиілігін анықтап, қазақ тілінің қолданылуына бағалау және жастар арасында қазақ тілінің қолданыс аясын кеңейтуге бағытталған ұсыныстар әзірлеу және ғылыми тұрғыдан зерттеуді мақсат етеміз.

Қойылған мақсатқа жету үшін мынадай міндеттерді шешу көзделеді: (1) Көптілділік немес код ауысуы құбылысын зерттеу уақытында отандық немесе шетелдік ғылыми әдебиетін талдау; (2) Қазақ және орыс тілдік байланыстың тарихи негізін және үштілдік байланыстын жастар коммуникациясындағы өзара әркеттестігін қарастыру; (3) Эмпирикалық зерттеу

әдістемесін әзірлеу және оны өткізу арқылы эмпирикалық деректер жинау; (4) Жастардың код ауысуы құбылысын қолдану жиілігі мен негізгі себептерін анықтау; (5) Әлеуметтік қоғам , орта мен әлеуметтік желілердің көптілді сөйлеуге әсерін бағалау; (6) Көптілді коммуникацияның қазақ тілінің сөздік қорына және сөйлеу мәдениетіне ықтимал әсерін анықтап, зерттеу нәтижелері негізінде практикалық ұсынымдар әзірлеу.

Аталған міндеттерді шешу үшін зерттеу нысаны ретінде – қазақ жастарының коммуникациялық тілі алынды, ал оның ішінде зерттеу пәні- қазақ, орыс, ағылшын тілдерінің араласуы, код ауысуы мен тілдік интерференция құбылыстары. Қазақ жастарының сөйлеу тіліндегі код алмасу кездейсоқтық емес, ол жиі әлеуметтік-коммуникативтік факторларға байланысты қалыптасқан заңды үдеріс деп болжауға болады. Көбінесе жастар өз орталарында бейресми коммуникацияны қолданады сол себептен код ауысуы жиі кездеседі, ал ресми ортада тілдік таңдауын өзгертуге тура келеді себебі әр адамға өзіндік ыңғаймен жақындау қажеттілігі туады. Тағы бір болжамға келетін болсақ ол - әлеуметтік желілер көптілді сөйлеуді күшейтеді. Яғни қазіргі заманда әлеуметтік желілер кеңінен дамыған, әр азамат өзіне қажет ақпараттың бәрін бұқаралық ақпарат көздерінен ізденген жағдайда көбінесе орыс тіліндегі ақпарттарды игереді бұл да кодтық ауысудың бірден бір себебі және де жастардың шетелдік контентке еліктеуі де осы жағдайды тудырады.

Ең соңғы және нақты зерттеу болжамдарының бірі ол - қоғам арасындағы көптілділік құбылысқа үйреншіктік, көпшілік код алмасуды ыңғайлы деген сылтаумен жауып қоя салуы, кейбіріне қазақ тілінде жеткізу қиын болғандықтан, басқа тілдің сөздерің қолдануға тура келуі мүмкін. Осы факторларды сауалнама деректері негізінде жүйелі талдау объективті бағалауға мүмкіндік береді. Жұмыстың ғылыми жаңалығына келетін болсақ, бұл жерде жастардың көптілді сөйлеуі тек теория жүзінде емес, сауалнама арқылы жиналған нақты деректермен зерттеледі. Біз осы бір сауалнама арқылы, мыналарды анықтауға тырысамыз: жастардың бір сөйлемде көптілділікті қаншалықты жиі қолданатының; неліктен код ауысуды араластырады; қай ортада жиі қолданылады; ресми және бейресми ортада тіл таңдауы; әлеуметтік желілер мен шетелдік контенттің жастарға қалай ықпал ететінің.

Сонымен қатар көптілділіктің тарихи тамыры мен қазіргі жастардың коммуникациясындағы көріністері өзара байланысын сипаттайды. Зерттеудің теориялық маңыздылығы жұмыс нәтижесінде қазақ тілінің социолингвистикасы мен тілдік байланыс қағидасын жаңа деректермен толықтыруға, көптілділік пен код ауысу ұғымдарын қазақстандық материал негізінде нақтылауға мүмкін беретіндігімен сипатталады. Практикалық маңыздылығы өткізілген сауалнама нәтижелерін жоғарғы оқу орындарында социолингвистика, сөйлеу мәдениеті және көптілді білім беру мәселелері бойынша оқу процесінде пайдалануға, сонымен қатар қазіргі қоғамдағы жастар арасында қазақ тілің кеңінен қолдану аясында бағытталаған ұсыныстар әзірлеуге болатындығында.

Ендігі кезекте қазақ жастарының сөйлеу тіліндегі көптілділіктің ғылыми-теориялық негіздерін қарастырамыз. Қостілділік – белгілі әлеуметтік топтың (мемлекеттің) екі тілде сөйлеуі. Көптілділік – нақты коммуникативтік жағдайдың әсер етуімен белгілі бір әлеуметтік ортада, мемлекетте бірден үш я одан да көп тілде сөйлей білушілік [10, 27]. Яғни ғылыми әдебиеттерде екітілділік (билингвизм) және көптілділік (полилингвизм) ұғымдары жиі қатар жүреді. Жеке адамның көптілділігі және бүтіндей ұлт пен ұлыстың көптілділігі бар,ал ұлттық құрамы бірыңғай, бір ғана этнос мекендейтін мемлекетте көптілділік сирек кездеседі. Мысалы, Ресей Федерациясы, АҚШ, Үндістан, Нигерия, Қазақстан, т.б. Көптілділік жағдайында коммуникативті формалардың (тіл, диалект, говор, әлеуметтік және кәсіби жаргон, т.б.) қызметтік иерархиясы пайда болды: а) бір топ ішінде ғана қолданылатын тіл (отбасында); ә) топ аралық тіл («базар» тілі); б) облыс (ұлттық тілі); в) көп ұлтты аймақтағы тіл; г) жалпы мемлекеттік тіл (халықаралық тіл болуы мүмкін).

Н.Ә. Назарбаев 2008 жылғы «Жаңа әлемдегі Жаңа Қазақстан» атты Қазақстан халқына арнаған Жолдауында: «Қазақстан халқы бүкіл әлемде үш тілді пайдаланатын жоғары білімді ел ретінде танылуы тиіс. Бұлар: қазақ тілі – мемлекеттік тіл, орыс тілі – ұлтаралық қатынас тілі және ағылшын тілі – жаһандық экономикаға ойдағыдай кірігу тілі» деген болатын. Осыған орай ғылыми тұрғыдағы «көптілділік» ұғымы қоғамдық белсенділікке ие бола бастаған «Үш

тұғырлы тіл» идеясымен түсіндіріліп келеді[10,27]. Алайда социолингвистикалық еңбектерде «үш тұғырлы тіл» термині кездеспейді, ал «көптілділік» терминіне социолингвистика ғылымы тұрғысынан көптілділік, мультилингвизм, полилингвизм – нақтылы коммуникативтік жағдайдың әсер етуімен белгілі бір әлеуметтік ортада, мемлекетте бірден үш немесе одан да көп тілдердің қарым - қатынас құралы ретінде қызмет етуі деген анықтама беріледі.Ал В.П. Белянин полилингвизмнің екі түрін ажыратады: ұлттық (белгілі бір әлеуметтік қауымдастықта бірнеше тілдің қолданылуы) және жеке (жеке адамның бірнеше тілді қарым-қатынас жағдаятына қарай таңдап қолдануы).

Психолингвистикада бірінші тіл (Я1, ана тілі) және екінші тіл (Я2, кейін меңгерілген тіл) деп бөлінеді. Екінші тіл тілдік ортада басым болса, кейін бірінші тілді ығыстыруы мүмкін. Билингвизм екі түрге бөлінеді: 1.Табиғи (тұрмыстық) билингвизм. Ол тиісті тілдік ортада, яғни радио мен теледидар арқылы және еркін сөйлеу тәжірибесінде қалыптасады. Бұл кезде тілдік жүйенің ерекшелігі әрдайым саналана бермейді. 2.Жасанды (оқу) билингвизм. Екінші тіл оқу жағдайында арнайы әдістер мен жаттығулар арқылы және ерікті күш жұмсау арқылы меңгеріледі. Билингвизмнің типтері де жіктеу өлшеміне қарай ажыратылады.Меңгеру жасына қарай билингвизм ерте және кеш болып бөлінеді. Ерте билингвизм бала кезден екі тілді ортада өсуге байланысты (ата-аналардың әртүрлі тілде сөйлеуі немесе басқа елге көшу). Кеш билингвизмде екінші тіл бірінші тілді меңгергеннен кейін, есейген шақта үйреніледі.

Тілдік әрекеттің көлеміне қарай репродуктивті (қайта жаңғыртатын) және продуктивті (өнім беретін) билингвизм ажыратылады. Репродуктивті билингвизм шет тіліндегі мәтінді қабылдауды, айтып беруді, оқығанын немесе естігенін қайталауды қамтиды. Продуктивті билингвизмде адам шет тіліндегі мәтінді түсініп, жаңғыртып қана қоймай, өзі де жазбаша және ауызша сөз, сөз тіркесі мен сөйлем құрастыра алады.[11] Осы теориялық ұғымдар қазақ жастарының сөйлеу тіліндегі код ауысуын түсіндіруге негіз болады. Өйткені жастардың көпшілігі табиғи билингвизм жағдайында өседі және әртүрлі қарым-қатынас жағдаятында тілдерді таңдап қолданады. Демек қазіргі тіл білімінде көптілділік тілдердің өзара бір-біріне жай ғана ықпалы ғана емес, сонымен қатар тұлғаның коммуникациядағы көптілділікті тиімді қолдана білу қабілеті.

Зерттеудің келесі кезеңінде қазақ, орыс және ағылшын тілдерінің жастардың күнделікті сөйлеуіндегі өзара ықпалдастығын талдайтын боламыз. Қазақстанда қазақ тілі мемлекеттік тіл мәртебесіне ие, ал мемлекеттік ұйымдар мен жергілікті өзін-өзі басқару органдарында орыс тілі ресми түрде қазақ тілімен тең қолданылады. 2007 жылдан бастап іске асырылған «Тілдердің үш тұғырлылығы» мәдени жобасы ағылшын тілін де қоғамдық өмірге белсенді енгізуді көздеді. Нәтижесінде қазіргі қазақ жастары үш тілдік кеңістіктің тоғысында өмір сүреді: қазақ тілі олар үшін ұлттық мәдениет пен отбасылық қарым-қатынас тілі, орыс тілі қала ортасындағы, білім беру мен ақпарат саласындағы кең таралған тіл, ал ағылшын тілі жаһандық байланыс, интернет және цифрлық технологиялар тілі қызметін атқарады.

Күнделікті коммуникацияда тілдер бір-бірінен оқшау қолданылмайды, өзара ықпалдасып отырады. Ықпал грамматикалық құрылымда, сөздік қорда сонымен сөйлеу мәнерінде айқын көрініс табады.Қазақ тіліне орыс және ағылшын тілінің сөз тіркестері мен элементтері енгенімен, қазақ жастары басқа ұлт арасындағы коммуникацияда да қазақ тілінің сөз тіркестерін қолданысқа алады , демек, ықпалдың бағыты да екі жаққа әсер етеді. Бұл жағдай өз кезегінде бір сөйлемде бірнеше тілді қолданудың түрлері мен тілдік ерекшеліктері мәселесін талдауды талап етеді. Қазіргі қоғамдағы жастардың коммуникациясында код ауысуы жиі кездеседі, себебі олар күнделікті өмірде орыс,қазақ, ағылшын тілін араластырып қолданады.

Демек бір сөйлемде көптілділікті қолдану жаһандық кеңістікте өзіміз ойлағаннан да жиірек кездеседі.Бір сөйлемде немесе бір әңгіме шеңберінде бірнеше тілді қолдану құбылысы әдебиетте код ауысуы деп аталады. Ш. Попляк код ауысуын құрылымдық белгісіне қарай үш түрге бөлді: сөйлемаралық ауысу (бір сөйлем бір тілде, келесісі басқа тілде айтылады), сөйлемішілік ауысу (ауысу сөйлемнің ортасында болады) және таңбалауыш ауысу (басқа тілдегі қысқа қосымша сөз немесе тіркес қосылады) [2].

Осы жіктеуге сүйене отырып, код ауысуы жастардың бірнеше тілді қалай қолданатынын және олардың бір тілден екінші тілге қалай ауысатынын түсінуге мүмкіндік береді деп

ойлаймыз. Яғни жастардың сөйлеуінде тілдердің араласуы кездейсоқ құбылыс қана емес, олардың күнделікті қарым-қатынас жасау ерекшелігін көрсететін маңызды белгі болып табылады.

Жастардың сөйлеу тіліндегі көптілділік құбылысын түсіндіру үшін оны тек тілдік құрылым тұрғысынан емес, әлеуметтік және мәдени байланысын қарастыру қажет. Біріншіден, әлеуметтік-тарихи тұрғысынан қарастыратын болсақ кеңестік кезеңдегі орыс тілінің басымдығының салдарынан қазақ тілді адамның екі тілде сөйлеу дағдысын қалыптастырды; екіншіден, әлеуметтік-экономикалық тұрғыда қазақстандық жағдайда орыс және ағылшын тілдері мемлекеттік мекемелер, кәсіби ұйымдастықтар мен білім беру мүмкіндіктерімен байланыстырылғандықтан, жастар үшін құндылыққа ие болуы ықтимал; үшіншіден, мәдени себептер жаһандану және цифрлық коммуникация жағдайындағы тілдік өзгерістермен байланысты. Әлеуметтік желілер, әртірлі платформалар, музыка және ойын индустриясы жастарды күнделікті ағылшын және орыс тілді контентпен қамтып, соларға тән сөздер мен тіркестердің сөйлеуге енуіне жағдай жасайды және де осы контенттік тіркес-сөздер мен элементтер жастар арасында өзіндік тілдік белгі болып қалыптасуы да мүмкін; төртінші, тілдік-коммуникативтік себептер жастардың ойды жылдам, дәл және тезірек жеткізуге ұмтылуымен байланысты.

Кейбір ұғымдар, әсіресе техникалық, білім беру және цифрлық салаға қатысты терминдер, жастарға бір тілде түсінікті болса, екінші тілде баламасы жеткілікті қалыптаспағандықтан не сирек қолданылатындықтан, басқа тілмен алмастырып жеткізуге тырысады. Жастардың бір сөйлемде бірнеше тілді қолдануы олардың тілдік ортасына, өмір салтына және ақпаратты қабылдау ерекшеліктеріне байланысты. Әсіресе, әлеуметтік желілер мен цифрлық технологиялардың дамуы бұл құбылыстың кең таралуына ықпал етуде. Осыған байланысты код ауысуын жастардың өз ойын жеткізу тәсілі ретінде ғана емес, қоғамдағы тілдік өзгерістердің көрінісі ретінде де қарастыруға болады.

Қазақ жастарының көптілді сөйлеу тәжірибесінің эмпирикалық зерттеуіне келетін болсақ, осы ғылыми зерттеу барысында біздің бірден бір мақсатымыз ол-қазіргі таңдағы жастардың ойын және олардың пікірін айқын ету. Сондықтан осыған орай арнайы сауалнама жүргізу әдісін қолданған болатынбыз.

Сауалнаманың мақсаты – жастар қауымының арасында тілдердің араласып қолдануы қандай деңгейге дейін жеткенін бақылау және оның себеп салдарын анықтау. Бұл мәселе әлеуметтік және ұлттық санаға қандай әсер қалдырғанын зерттеу және осыған қатысты әлеуметтік факторларды бағалау. Сауалнама барысында жастардың қаншалықты өз ойларын еркін жеткізу арқылы мәселені сипаттап бере алатынын байқадық. Сауалнама жастардың тілдік таңдауын, көбіне қолданылатын орыс немесе қазақ және ағылшын тілдерінің қолдану жиілігін, бір сөйлемде әртүрлі тілдерді араластыруларын және тілдік таңдауларының себепетерін, олардың жас аралықтарымен қандай әлеуметтік мәртебеге ие екендері туралы мәліметтерін жинақтады. Сауалнама статистикалық нәтиженің көзіне айналды. Сауалнама барысында орын алған нәтижелерімен бөлісетін болсақ, жалпы сауалнамаға қатысқан респондент саны 86. Сауалнама жас ерекшеліктері, әлеуметтік мәртебе, тілдік қоры, күнделікті қолданысқа еңген тілі, кодтар ауыстырылып бірнеше тілді пайдаланып сөйлеу жиілігі және осы құбылыстың пайда болу себептері секілді сұрақтардан құралған.

Респонденттердің жас ерекшеліктерін зерттеу барысында 41 адамның (47,7%) 14–18 жас аралығында екені, ал 21 адамның (24,4%) 19–25 жаста екені және 24 адамның (27,9%) 26–35 жаста екені анықталды. Осылайша, сауалнамаға қатысушылардың басым бөлігі 14–25 жас аралығындағы адамдар болды. 26–35 жас аралығындағы респонденттердің қатысуы әртүрлі жас топтарының тәжірибесін қамтуға мүмкіндік берді.

Келесі қатысушылардың әлеуметтік мәртебесінің мәліметтерін қарастыратын болсақ, ең жоғары нәтиже көрсеткен топ ол студенттер болды. Олар 60,5% құрап, 52 студент қатысқанын көрсетеді. Ал жұмыс жасайтын қатысушылардың саны 17 және олар 19,8% құрады, Одан кейінгі 10 адам университет оқытушылары болды [13]. Олар 11,6% құрады. Ал соңғы және ең аз топ оқушылар болды. 7 адам, яғни 8,1% оқушы қатысқан. Респондеттердің ана тілі туралы жауаптарын талдайтын болсақ, 93,0% яғни 80 адам үшін қазақ тілі ана тілі болып есептеледі. Ал

6 адамның 7,0% орыс тілін ана тілі ретінде көрсеткені анықталды.

Күнделікті өмірде қай тілде көбірек сөйлейтіні туралы сұраққа 63 адам қазақ тілін таңдады және олар 73,3% құрады. Ал қалған 21 адам орыс тілін таңдап 24,4% құрады. Дәл солай осы қатысушылардың арасында бір қатсушы екі тілде бірдей сөйлейтінін көрсетті, ал келесі бір қатысушы ағылшын және араб тілдерін қолданатынын мәлімдеді. Негізгі көрсеткіштер арқылы қатысушылар арасында қазақ тілі приоритетті орын алатынын сипаттады. Сонымен қатар ана тілі мен күнделікті өмірде қолданатын код алмастыру құбылысы әрдайым бірдей деңгейде тұрмайтынына назар аудару қажет. Адамның ана тілі қазақ тілі болғанымен, оның жұмыс істеу, даму ортасының еркешеліктеріне және білім алу аумағына байланысты басқа тілде сөйлеулеріне тікелей әсер етеді, жиі қолданысқа еніп, үйреншікті құбылысқа айналып кетті.

Респонденттердің қазақ, орыс және ағылшын тілдерін меңгерін 33 адам анықталды. Бұл азамат саны негізгі 38,4 пайызын құрайды. Қазақ және орыс тілдерін білетіндер көрсеткіші 31,4% құрады, яғни ол 27 адам болып есептеледі. Қалған көрсеткіш бойынша 6 адам қазақ тілін ғана, 4 адам тек орыс тілін, ал 2 адам ағылшын тілін білетіні айқын болды. Сонымен қатар басқа қатысушылар француз, жапон, түрік, қытай, араб тілдерін білетінін көрсетті. Ол дегеніміз қатысушылардың сөздік қорында әр тілдің құрамынан белгілі бір білетін сөздер мөлшері бар және ыңайлы уақыт түскен жағдайда немесе бір тілдегі сөзді ұмыту жағдайы орын алса, субьект есіне түскен немесе басқа тілде есінде нақ қалған сөздерді қолдану ортасы пайда болады. Бұл жерде тілдік дағды, қарым-қатынас жағдайы және сөйлеушінің жеке таңдауы да маңызды рөл атқарады.

Сауалнамада тағы да бір орын алған маңызды сұрақтардың бірі ол - бір сөйлемде әртүрлі тілдерді қаншалықты жиі араластырып қолданатындары. Нәтижелер бойынша, 52,2% адам жиі араластырады, 30% кейде араластырады, ал 13,3% сирек қолданады, тағы 4,4% адам сонда төрт адам мүлде араластырмайды. Осы көрсеткішке сүйенетін болсақ қатысушылардың 82,2 пайызы жиі және кейде кодтық араластыру арқылы сөйлейді, ал сирек және мүлдем араластырмайтындардың көрсеткіші 17,7 пайызын қамтиды.

Бұндай көрсеткіш негізінен қорқынышты жағдай. Себебі бұл қатысушылардың көп бөлігі кодтық араластыруды қолдану арқылы тілдік нормаларын дұрыс қолдана алмай, сауатсыздық мәселесіне әкеліп соғады. Енді қатысушылардың ойынша не сбепетен бұндай мәселе қалыпты жағдайға айналып жатқанын тексерейік. Қатысушылардың ашық сұраққа берген жауаптарын талдау барысында бірнеше негізгі тақырып байқалды. Олардың ішінде сөйлеу ыңғайлылығы, ойды жылдам жеткізу, қалыптасқан әдет, әлеуметтік орта секілді сбепетер. Бірінші маңызды себеп — ойды ыңғайлы әрі жылдам жеткізу. Кейбір тұлғалар тілдерді араластыру өздеріне ыңғайлы екенін, осылайша қажетті ойын тезірек жеткізе алатынын жазған. Бұл жауаптар сөйлеушінің қарым-қатынас барысында ең қолайлы тілдік құралды таңдауға тырысатынын көрсетеді.

Егер белгілі бір сөз басқа тілде оңай еске түссе немесе сол тілдегі сөз ойды дәлірек білдірсе, адам оны сөйлеміне енгізуі мүмкін. Осындай жағдайларда адамдар үшін сөздерін ауыстырып сөйлеу қарым-қатынастарды жеңілдететін тәсіл болып көрінеді. Екінші себеп ретінде кейбір қатысушылар бірнеше тілді араластырып сөйлеуге үйреніп кеткенін немесе басқа тілдегі сөздердің өздігінен қосылып кететінін атап өткен. Бұл тілдік мінез-құлықтың күнделікті қарым-қатынас барысында қалыптасуы мүмкін екенін көрсетеді. Адам ұзақ уақыт бойы әртүрлі тілдерді қатарынан қолданатын ортада жүретін болса, оның сөйлеу мәдениетінде осы тілдердің элементтері жиі кездесуі ықтимал. Уақыт өте келе мұндай тәсіл арнайы ойлануды қажет етпейтін дағдыға айналып бастауы мүмін. Үшінші себеп — қоршаған ортаның әсері. Кейбір қатысушылардың отбасында ата-аналары әртүрлі тілде сөйлейді, достары немесе айналасындағы адамдар бірнеше тілді қолданады. Мысалы, отбасында қазақ және орыс тілдері қатар қолданылса немесе достар арасында екі тілде сөйлесу қалыпты жағдай болса, адам осы тілдерді өзінің күнделікті сөйлеуінде де біріктіруі мүмкін. Дәл осындай жағдайлар әлеуметтік ортаның тілдік мәселесін жаңғыртады. Алайда қоршаған ортаның нақты әсерін өлшеу үшін отбасы, достар және оқу немесе жұмыс ортасындағы тілдердің қолданылуын жеке-жеке зерттеу қажет. Төртінші себеп — сөздік қор мен аудармалар қиындықтары. Кейбір қатысушылар белгілі

бір сөзді еске түсіре алмай қалады немесе қажетті сөздің басқа тілдегі нұсқасын ғана біледі, сондықтан ұмытып немесе білмейтін сөздерін басқа тілдегі сөздермен ауыстыра береді.

Тағы да мәселе ретінде ол қазақ жерінде үйреншті жағдайға айналып бара жатқаны және адамдардың сондай сөз сқйлеу мәнеріне жол беруі және қалыпты жағдай ретінде қабылдауы. Бірақ бұндай жауаптар барлық қатысушылардың тілдік білімі жеткіліксіз екенін білдірмейді. Бірнеше тілді жақсы меңгерген адамдар да белгілі бір контексте басқа тілдің сөзін әдейі немесе автоматты түрде қолдануы мүмкін. Кейбір жауаптарда әзіл айту, әртүрлі адамдармен қарым-қатынас жасау, белгілі бір сөздің мағынасы мен контекске сәйкес келуі сияқты қосымша себептер кездеседі. Бұл тілдерді араластырудың әртүрлі коммуникативтік мақсатта қолданылуы мүмкін екенін көрсетеді.

Сонымен қатар кейбір ашық жауаптарда респонденттер тілдерді араластырмайтынын нақты жазған. Бұндай жауап барлық адамдардың тілдік әдеттері сәйкес келе бермейтінін көрсетеді. Оның жиілігі әр адамның тілдік ортасына, меңгерген тілдеріне және жеке сөйлеу ерекшеліктеріне байланысты. Сауалнаманың статистикалық нәтижелерін жинақтасақ, әртүрлі маңызды байланыстарды және мәселенің негізгі себептерімен таныстық. Осындай сауалнамалар қазіргі таңдағы жастар арасында қалыптасып жатқан жағдайлар мен, сана тұжырымдарын байқауға көмектесті. Тілдерді араластыру кейбір адамдар үшін күнделікті қарым-қатынастың қалыпты тәсілі болса, басқалары оны сирек қолданады немесе мүлде пайдаланбайды. Сондықтан бұл құбылысты бағалау кезінде оның қандай жағдайда, қандай мақсатта және қандай тілдер арасында орын алатынын ескеру маңызды.

Сонымен қатар сауалнама нәтижелерін байқап жан-жақты тілдерді меңгеру тек теріс әсер әкеледі деп мәлімдеуде дұрыс емес. Адамның жеке өсу мен әртүрлі мүмкіндіктерге қол жеткізу үшін, басқа елдердің мәдениетімен жақынырақ танысу үшін, лексикалық айырмашылықтарды байқау үшін. Әртүрлі географиялық аумақта орналасқан елдермен жақсы қарым-қатынастар орнату үшін өзіндік ерекше пайда әкеледі. Бірақ ол тілдерді керекті жағдайларда және тілдік нормаларын жүзеге асыру аймағында қолданып, сөйлемдерді дұрыс құру мәдениетін сақтап отырып қолданған жөн. Осылай, зерттеудің практикалық маңызы жастардың тілдік әдеттерін түсінумен қатар, олардың қарым-қатынас жағдайларында тілдерді саналы әрі орынды қолдану мәселесіне назар аударуы маңызды. Көптілді сөйлеудің қазақ тілінің қолданылуына әсері және оны дамыту жолдарын тереңірек қарастырайық.

Бүгінгі таңда жастар арасында бірнеше тілді қатар қолдану, күнделікті қарым-қатынаста сөздерді араластырып сөйлеу жай ғана дағдыға емес, әлеуметтік ортадағы қалыпты құбылысқа айналды. Бұл жағдай ана тіліміздің тазалығына, грамматикалық құрылымына және сөйлеу мәдениетіне өзіндік кері салқынын тигізіп отырғаны жасырын емес. Алайда бұл мәселені тек шектеу, тыйым салу немесе құр бос сын айту арқылы шешу мүмкін емес. Тілдің қолданыс аясын кеңейту үшін жастардың заманауи сұраныстарына жауап беретін нақты әрі тиімді дамыту жолдарын ұсынуымыз қажет.

Қазақ тілін дамытудың ең басты жолы – оны жастардың өмір салтына, қызығушылықтарына, оқу жүйесіне және цифрлық кеңістігіне табиғи түрде интеграциялау. Ең алдымен, интернет пен әлеуметтік желілердегі қазақ тілді контенттің сапасын арттыру және оны жан-жақты әртүрлендіру ауадай қажет. Бүгінгі студенттер мен оқушылар ақпаратты негізінен заманауи медиа платформалардан, Youtube, TikTok, Instagram желілерінен алатындықтан, IT, ғылым, бизнес, заманауи өнер, психология және мобилография бағытындағы сапалы әрі қызықты бейнероликтерді, подкасттар мен мақалаларды көбейту керек. Бұл ретте жастарға арналған ақпарат жеңіл, заманауи, эстетикалық тұрғыдан тартымды әрі түсінікті тілде жеткізілуі тиіс.

Сонымен қатар, цифрлық кеңістікті толыққанды қазақшалау мақсатында жасанды интеллект жүйелеріне, бағдарламалық қамтамасыз ету құралдарына, мобильді қосымшалар мен онлайн білім беру платформаларына қазақ тілін терең енгізуді жеделдету қажет. Жастар күнделікті қолданатын барлық цифрлық сервистерде қазақ тілі ыңғайлы әрі негізгі опция ретінде ұсынылса, бұл тілдің бәсекеге қабілеттілігін арттырады. Тілді дамытудың екінші маңызды бағыты – оқу орындары мен студенттік ортада табиғи тілдік ортаны қалыптастыру. Мектептерде, колледждерде және университеттерде студенттік ұйымдар жанынан пікірталас

клубтарын, кітап талқылау орталықтарын, IT-хабтар мен стартап жобалардың қазақша тілдік сессияларын жиі ұйымдастырған жөн. Бұл жастарға ешқандай қысымсыз, еркін түрде қазақша ой бөлісуге, өз пікірін дәлелдеуге және кәсіби сөздік қорын байытуға зор мүмкіндік береді. Бұдан бөлек, білім беру жүйесіндегі оқыту әдістемелерін де заман талабына сай түбегейлі жаңарту қажеттілігі туындап отыр.

Тілді үйретуде тек ереже жаттату сияқты ескірген әдістерден отырып, геймификация элементтерін, интерактивті тапсырмаларды, рөлдік ойындарды және практикалық жобаларды кеңінен қолданған абзал. Сондай-ақ, тілді білуді тек азаматтық міндет ретінде ғана емес, заманауи тұлғаның, бәсекеге қабілетті кәсіби маманның беделі мен мансаптық өсуінің маңызды тетігі ретінде насихаттау керек. Бұған қоса, жастар арасында қазақ тіліндегі кітаптарды, аударма әдебиеттерді, ғылыми-популярлық еңбектерді оқу мәдениетін қалыптастыру үшін заманауи буккроссинг акцияларын, оқырмандар клубын және подкаст түріндегі талқылауларды өту де айтарлықтай нәтиже береді. Сондықтан да,кешенді түрде жағдай жасау, цифрлық ресурстарды дамыту, оқыту әдістерін заманауиландыру және жастардың ішкі қызығушылығын арттыру арқылы қазақ тілін тек қарым-қатынас құралы емес, заманауи білімнің, ғылымның, бизнестің және инновацияның негізгі тіліне айналдыруға толық мүмкіндік бар.

Ғылыми жоба нәтижелерін шығаратын болсақ, жасаған жұмыс барысында танысқан зерттеушілердің бірі Шана Попляктың айтуынша, көптілді ортадағы код ауыстыру кездейсоқ емес, белгілі бір грамматикалық заңдылықтарға бағынады. Ян-Петтер Блом мен Джон Гамперс тілдік кодты таңдау әлеуметтік орта мен қарым-қатынас жағдайына байланысты екенін көрсетеді. Ал Ш.К. Жарқынбекова мен В.Е. Чернявская тілдердің араласуын төмен тілдік құзыреттің белгісі емес, сөйлеушінің саналы тілдік таңдауы ретінде қарастырады. Жарқынбекова жаһандану мен цифрлық ортаның әсерінен жастар сөйлеуінде қазақ, орыс және ағылшын тілдері элементтерінің қатар қолданылуы жиілегенін де атап өтеді.

Қазіргі қазақ жастары арасында бірнеше тілдің элементтерін бір сөйлемде араластырып қолдану жиі кездеседі. Бұған жаһандану, әлеуметтік желілер, шетелдік контент және көптілді ортаның ықпалы әсер етуде. Бұл құбылыс бастапқыда қарапайым сөйлеу әдеті ретінде көрінгенімен, болашақта тілдік сауаттылық пен сөйлеу мәдениетіне кері әсер етуі мүмкін. Бұл жерде көптілділіктің өзін теріс бағалау дұрыс емес. Бірнеше тілді білу – білім алу мен кәсіби дамуға мүмкіндік беретін артықшылық. Негізгі мәселе бірнеше тіл білуде емес, оларды жүйесіз және қажеттіліксіз араластырып қолдануда. Егер бұл үрдіске назар аударылмаса, жастардың сөздік қоры жұтаңдап, ойын бір тілде толық жеткізу қабілеті әлсірейді. Сондықтан басты мақсат – жастарды тек бір тілде сөйлеуге міндеттеу емес, қай тілде сөйлесе де, сол тілді таза, сауатты және орынды қолдану мәдениетін қалыптастыру. Бұл көптілділікке кедергі келтірмейді, керісінше, әр тілді саналы әрі сапалы меңгеруге мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Blom, J. P., & Gumperz J. (1972). Social meaing in linguistic structure: Code switching in Norway.407-434.

2. Poplack, S. Sometimes I'll Start a Sentence in Spanish y Termino en Español: Toward a Typology of Code-Switching // Linguistics. – 1980. – Vol. 18, No. 7–8. – P. 581–618. – DOI: https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.7-8.5

3. Fishman J.A. Who speaks what language to whom and when? // La Linguistique. – 1965. – Vol. 1, No. 2. – P. 67–88.

4. Weinreich U. Languages in Contact. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953.

5. Auer P. (ed.) Code-Switching in Conversation. – London: Routledge, 1998.

6. Smagulova J. Language Policies of Kazakhization and Their Influence on Language Attitudes and Use // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2008. – Vol. 11, No. 3–4. – P. 440–475.

7. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.Х. Языковая ситуация и языковое строительство в Республике Казахстан. – Алматы: Қазақ университеті, 2007.

8. Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кодов как ресурс коммуникативного взаимодействия // Вестник РУДН. Серия:

Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 468–482.
9. Жанаев А. Тәуелсіздік – мемлекеттік тіл тірегі. // [Электрондық ресурс]. – URL: https://e-history.kz/kz/history-of-kazakhstan/show/9041 (Қаралған күні: 13.10.2026).
10. Ордабекова Х.А. Тіл біліміне кіріспе: оқу құралы. – Қаскелең, 2016. – 160 б.
11. Нагапетян Р.С. (2012). Билингвизм в наше время. Наука и школа, (6), 146-148.
12.Турганбаева А.Ж, Қаби Ф.М, Ғаділбек Н. https://forms.gle/bHnshATkZ3fWooys7 (Жасалған күн: 12.10.26)

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕТИЦИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ЧТО И КАК ТРЕБУЕТ ОБЩЕСТВО?

Шәйділдә В.В.
Магистрант 1 курса ОП 7М03110 – Политология,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: 12012005venera@gmail.com
Научный руководитель: доцент Саитова Н.А.

Аннотация. В статье анализируется ценностное содержание петиций в Казахстане. Эмпирическую базу составили все 152 петиции, опубликованные на платформе e-Petition с апреля 2024 по сентябрь 2026 года. Полные тексты закодированы по теории базовых ценностей Ш. Шварца и соотнесены с осью «выживание – самовыражение» Р. Инглхарта. Установлено, что по содержанию требования преимущественно относятся к ценностям безопасности и выживания (62%), однако обосновываются языком универсализма – справедливости и прав.

Ключевые слова: петиции, ценности, теория Шварца, теория Инглхарта, гражданское участие, цифровая демократия, Казахстан.

О ценностях общества обычно судят по ответам на вопросы социологов. Человек в анкете сообщает, что для него важно, но это заявление ни к чему его не обязывает. Петиция устроена иначе. Гражданин (или инициативная группа) сам формулирует проблему, сам выбирает, чем обосновать требование, и сам решает, готов ли он поставить под ним свое имя. В петиции ценность выражена не в виде мнения, а в виде действия. Поэтому массив петиций можно рассматривать как особый источник знания о ценностях общества – источник, в котором ценности видны там, где они становятся требованиями к власти.

Для Казахстана такой источник появился недавно. Законом от 2 октября 2023 года Административный процедурно-процессуальный кодекс был дополнен главой 12-1 «Петиция» [1], а с апреля 2024 года работает официальная платформа e-Petition [2]. Механизм стал частью концепции «Слышащего государства», которая предполагает, что государство не только информирует граждан, но и учитывает их запросы [3]. За более чем два года функционирования на платформе опубликованы 152 петиции. Почти каждая из них содержит развернутый текст обоснования, число собранных подписей и ответ государственного органа.

Отечественные исследования уже рассматривали онлайн-петиции как проявление делиберативной демократии [4, 7], как новое средство политической коммуникации [5, 116] и с точки зрения правового языка петиционных текстов [6, 359]. Однако ценностное содержание петиций до сих пор не становилось предметом систематического анализа. Мы знаем, о каких темах пишут казахстанцы, но не знаем, какие ценности стоят за их требованиями и как эти ценности связаны с ответом государства.

Цель статьи – выявить ценностную структуру петиционных требований в Казахстане и определить, как она связана с поддержкой петиций и откликом государственных органов. Для этого решаются четыре задачи: 1) разработать кодификатор, позволяющий переводить тексты петиций в категории теории базовых ценностей Ш. Шварца; 2) закодировать весь массив опубликованных петиций; 3) соотнести полученный ценностный профиль с осью «выживание – самовыражение» Р. Инглхарта; 4) проверить, связаны ли ценности петиций с масштабом

мобилизации и результатом рассмотрения.

Новизна исследования состоит в трех моментах. Во-первых, предпринимается одна из первых попыток ценностного анализа всего массива опубликованных на официальной платформе петиций. Во-вторых, теории Шварца и Инглхарта, разработанные для анализа опросных данных, применяются к текстам гражданских требований. В-третьих, предлагается различать два измерения петиции: что требует общество и как оно это требует. Расхождение между ними, как будет показано ниже, составляет главный результат работы.

Постановка проблемы

В теории Ш. Шварца ценности понимаются как желаемые цели, которые выходят за рамки конкретных ситуаций и служат ориентирами при выборе и оценке действий [7, 4]. Шварц выделил десять базовых ценностей, которые встречаются во всех культурах: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, благожелательность, традиция, конформность и безопасность. Ценности различаются мотивацией, которую они выражают, и располагаются по кругу. Соседние ценности совместимы, противоположные конфликтуют. Круг образует две оси более высокого порядка: «открытость изменениям – сохранение» и «самопреодоление – самовозвышение» [8, 8].

Теория Р. Инглхарта отвечает на другой вопрос: как ценности общества меняются со временем. Она опирается на гипотезу дефицита, согласно которой люди выше всего ценят то, чего им не хватает, и гипотезу социализации, согласно которой ценности формируются в юности и меняются со сменой поколений [9, 22]. По мере роста материальной защищенности общества смещаются от ценностей выживания (экономическая и физическая безопасность) к ценностям самовыражения (свобода выбора, участие в принятии решений, экология, терпимость) [10, 25]. При этом во многих постсоветских обществах сдвиг к ценностям автономии и свободы выбора проявляется относительно слабо [11, 14].

Обе теории сформированы на материале массовых опросов. Однако ценности проявляются и в текстах, которые люди создают сами. Исследования ценностного лексикона показывают, что упоминания ценностей в архивных и публичных текстах устойчиво связаны с поведением их авторов [12, 483]. Петиция особенно удобна для такого анализа, потому что ее жанр требует обоснования: автор должен объяснить другим гражданам и государству, почему его требование заслуживает поддержки.

Здесь возникает проблема, которая определяет логику статьи. В петиции соединяются два слоя: предмет требования (снижение тарифа, облагораживание территории, отмена штрафа) и язык, на котором оно обосновывается. Ценности, стоящие за этими слоями, не обязательно совпадают. Если это так, то вопрос «чего хочет общество?» распадается на два: что оно требует и как оно требует.

Исходя из этого, мы проверяем три предположения. Первое: по предмету требований петиции будут преимущественно относиться к ценностям сохранения и выживания, что соответствует положению Казахстана на культурной карте. Второе: в обосновании петиций будет заметно представлен универсализм как язык справедливости и прав. Третье: ценностный язык петиции связан с ее поддержкой и результатом, то есть апелляция к правам и справедливости усиливает требование.

Данные и методология

Эмпирическую базу составили все петиции, опубликованные на платформе e-Petition с 6 апреля 2024 года по 30 сентября 2026 года, – 152 единицы. Это генеральная совокупность опубликованных петиций, поэтому выборка не формировалась. Полные тексты петиций собраны с платформы. Медианный объем текста петиции составляет около 2800 знаков. В 24 петициях текст полностью или частично написан на казахском языке; они кодировались по тем же правилам. Важно подчеркнуть ограничение, которое задано самой платформой: в открытом доступе находятся только петиции, прошедшие модерацию уполномоченного органа. Следовательно, полученный ценностный профиль характеризует не все гражданские требования, а только те, которые уже прошли административный фильтр.

Единицей анализа является полный текст петиции. Кодирование проводилось методом качественно-количественного контент-анализа по заранее разработанному кодификатору [13,

24]. Каждой петиции присваивались две ценности по Шварцу: основная, через которую автор главным образом обосновывает требование, и дополнительная, вторая по значимости. Дополнительная ценность могла отсутствовать. Использовалась классическая модель из десяти ценностей. Категории и их текстовые индикаторы приведены в таблице 1.

Таблица 1. Кодификатор ценностей (составлено автором на основе [8, 5–7])

Ценность Индикаторы в тексте петиции Пример из массива

Безопасность угроза жизни и здоровью, вода, тепло, дороги, доходы, цены и тарифы, пенсии реконструкция теплосетей в Актау

Универсализм справедливость, дискриминация, Конституция и права, равный доступ, природа и животные сохранение Рощи Баума

Самостоятельность право выбора, против запретов, учет мнения жителей легализация криптовалют

Достижение профессиональный статус, квалификация, эффективность признание квалификации медсестер

Благожелательность забота о своих детях, семье, близкой группе пособие по уходу за детьми с инвалидностью

Традиция традиционные ценности, религия, наследие регистрация объединения тенгрианцев

Конформность соблюдение правил, наказание нарушителей эвакуаторы против нарушителей парковки

Гедонизм комфорт, досуг, хобби разрешение ночной зимней рыбалки

Стимуляция, власть новизна и риск; статус и контроль в массиве не встретились

Инглхарт измерял ценности через ответы респондентов, поэтому его шкала не может быть перенесена на тексты напрямую. Мы использовали ее как аналитическую рамку и отнесли каждую петицию к одному из трех полюсов. К полюсу выживания относились требования, сосредоточенные на материальном обеспечении, физической безопасности, доходах, ценах и инфраструктуре. К полюсу самовыражения относились требования участия в решениях, свободы выбора образа жизни, прав как принципа, качества среды и гуманного отношения к животным. Смешанными считались петиции, в которых материальное требование обосновано преимущественно через права, участие или свободу. Эта категория позволяет уловить расхождение между предметом и языком требования.

Для надежности результатов кодирования была проведена дополнительная процедура. В полных текстах на русском и казахском языках подсчитывалась встречаемость лексических маркеров ценностного и правового языка (см. таблицу 3). Этот прием опирается на логику ценностных словарей [14, 885] и позволяет проверить, насколько выводы кодирования подтверждаются формальными признаками текста.

Результаты: что требует общество

Распределение основных ценностей оказалось сильно сконцентрированным (см. рисунок 1). Безопасность является основной ценностью в 62 петициях (40,8%), универсализм – в 50 (32,9%). Вместе они охватывают почти три четверти массива. Далее со значительным отрывом следуют самостоятельность (17), достижение (8), благожелательность (6), традиция (4), конформность (3) и гедонизм (1). Власть и стимуляция не встретились ни разу.

Рисунок 1. Ценности Шварца в петициях e-Petition (составлено автором)

Если учитывать и дополнительную ценность, картина становится еще показательнее. Безопасность присутствует в 95 петициях (62,5%), универсализм – в 91 (59,9%). Разрыв между ними почти исчезает. Самая частая комбинация – «безопасность + универсализм» в том или ином порядке – встречается в 49 петициях, то есть почти в каждой третьей.

На уровне осей высшего порядка (см. таблицу 2) преобладает сохранение (45,4%), за ним следует самопреодоление (36,8%). Открытость изменениям представлена слабо (11,8%), а самовозвышение почти отсутствует (5,3%). Петиции – это канал, через который граждане защищают стабильность и требуют справедливости, но почти никогда не добиваются личного статуса, влияния или новизны.

Таблица 2. Полюса высшего порядка по Шварцу и полюса по Инглхарту, N = 152 (составлено автором)

Полюс	Ценности	n	%
Оси Шварца (основная ценность)			
Сохранение	безопасность, конформность, традиция	69	45,4
Самопреодоление	универсализм, благожелательность	56	36,8
Открытость изменениям	самостоятельность, гедонизм	18	11,8
Самовозвышение	достижение, власть	8	5,3
Ось Инглхарта			
Выживание (материалистические требования)		94	61,8
Смешанные требования		29	19,1
Самовыражение (постматериалистические требования)		28	18,4
Не определяется		1	0,7

По оси Инглхарта почти две трети петиций относятся к полюсу выживания (см. таблицу 2), и первое предположение, таким образом, подтверждается. По предмету требований казахстанские петиции – это прежде всего требования материальной и физической защищенности: вода и тепло, тарифы и налоги, пенсии и пособия, безопасность дорог и жилья.

Ценности самовыражения распределены по тематикам неравномерно (см. рисунок 2). Чаще всего они встречаются в экологических петициях (шесть из девяти – самовыражение или смешанный тип), в петициях о государственно-правовой политике (17 из 32) и о местном управлении (15 из 34). Реже всего – в здравоохранении (одна из восьми) и в экономике и налогах (4 из 18).

Рисунок 2. Полюс по Инглхарту в разрезе тематик петиций, % (составлено автором; без одной неопределенной петиции)

Результаты: как требует общество

Главный результат исследования обнаруживается при сопоставлении предмета требования с ценностью его обоснования. Из 94 петиций полюса выживания 48 (51,1%) содержат универсализм в качестве основной или дополнительной ценности. Каждая вторая материальная петиция, таким образом, обосновывается через справедливость, равенство или права. Второе предположение подтверждается, причем в более сильной форме, чем ожидалось.

Лексический анализ подтверждает этот вывод независимо от кодирования (см. таблицу 3). Корень «справедлив» встречается в каждой четвертой петиции, Конституция упоминается в 20 петициях, права граждан, человека или ребенка – в 31. Хотя бы один маркер правового языка содержат 52 петиции (34,2%), в том числе 31 петиция полюса выживания.

Таблица 3. Лексические маркеры в полных текстах петиций, N = 152 (составлено автором)

Маркер (рус./каз.)	Число петиций	% от массива	Из них полюс выживания
дети, семья (балалар, отбасы)	68	44,7	47
здоровье (денсаулық)	47	30,9	32
безопасность (қауіпсіздік)	41	27,0	23
справедливость (әділдік)	37	24,3	25
права граждан, человека, ребенка (құқық)	31	20,4	15
Конституция (Ата заң)	20	13,2	8
дискриминация (кемсіту)	11	7,2	5
общественные слушания, мнение жителей	10	6,6	3
традиции (дәстүр)	5	3,3	3
Хотя бы один маркер правового языка	52	34,2	31

Типичный пример – петиция о снижении стоимости загранпаспортов. Ее предмет полностью материален: паспорт стоит 29 536 тг (на момент подачи петиции), и это тяжелая нагрузка для семей. Но первым аргументом в тексте названо «улучшение социальной справедливости». Петиция спортсменов с инвалидностью по зрению требует восстановить финансирование, но обосновывает это статьей 14 Конституции, Конвенцией ООН о правах

инвалидов и прямо называет ситуацию дискриминацией.

Отдельно стоит остановиться на семейных ценностях. Слова «дети» и «семья» встречаются почти в половине петиций (44,7%), что делает их самым частым ценностным маркером массива. Однако благожелательность как основная ценность выявлена лишь в шести петициях. Семья в казахстанских петициях выступает не столько целью требования, сколько его усилителем: аргумент о детях добавляется к требованиям о дорогах, тарифах, воде и безопасности, чтобы подчеркнуть их значимость. Семейные ценности служат универсальным ресурсом легитимации, понятным и гражданам, и государству.

Ценностный язык петиции значимо связан с ее политической чувствительностью. Смешанные петиции, в которых материальное требование обосновано через права, гораздо чаще имеют высокую чувствительность (45% против 18% у петиций полюса выживания). Постматериалистические петиции, напротив, чаще всего низкочувствительны: высокую чувствительность имеют лишь 7% из них, а низкую – 39%. Получается, что политизирует петицию не постматериалистический предмет требования, а перевод материального требования на язык прав. Когда граждане говорят о тарифах как о справедливости, а о штрафах как о нарушении Конституции, бытовой вопрос превращается в вопрос об отношениях гражданина и государства.

Ценности и отклик государства

Третье предположение о том, что ценностный язык усиливает требование, не подтвердилось. Масштаб мобилизации не различается ни между полюсами Инглхарта, ни между осями Шварца. Петиция в среднем собирает около 1,5% от установленного порога. Не имеет значения и наличие маркеров правового языка.

Более того, наблюдается обратная тенденция (см. таблицу 4). Из петиций, где основная ценность относится к самопреодолению, хотя бы какое-то влияние, от формирования повестки до решения, имели лишь 20,5%. Для петиций сохранения этот показатель составляет 35,3%, для открытости изменениям – 53,3%. Петиции самопреодоления, большинство которых основано на универсализме, оказываются наименее результативными, хотя именно они звучат наиболее убедительно с нормативной точки зрения.

Таблица 4. Ось Шварца и результативность петиций, n = 117 (составлено автором)

Ось (основная ценность)	Петиций с результатом	Имели влияние, n	Имели влияние, %
Открытость изменениям	15	8	53,3
Самовозвышение	6	3	50,0
Сохранение	51	18	35,3
Самопреодоление	44	9	20,5
Всего	117	38	32,5

Примечание: «имели влияние» – стадии от формирования повестки до принятия решения; 35 петиций из генеральной совокупности пока без ответа от госоргана или были отозваны, поэтому n = 117.

Порог подписей преодолели шесть петиций, и их ценностный состав показателен. Обе петиции безопасности (возвращение прежнего часового пояса и отмена утилизационного сбора) были отклонены. Обе универсалистские петиции (запрет чиновникам участвовать в азартных играх и возвращение Шымкентского водопровода в государственную собственность) завершились решением, как и петиция о запрете пропаганды ЛГБТ, обоснованная традиционными ценностями. Встречная петиция против национализации водопровода, построенная на аргументах надежности, также преодолела порог, но была отклонена.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют ответить на вопрос, вынесенный в название статьи. Что требует общество? Прежде всего защищенности: работающей инфраструктуры, посильных цен, здоровья, безопасности детей. Это соответствует логике гипотезы дефицита Инглхарта: граждане требуют того, чего им не хватает в повседневной жизни [9, 22]. Как общество требует? Все чаще на языке справедливости и прав. Петиция в Казахстане говорит о

материальном, но говорит об этом как о вопросе достоинства и равенства.

Мы предлагаем три интерпретации этого расхождения. Первая связана с жанром петиции. Петиция публична: чтобы собрать подписи, частная проблема должна быть представлена как общая. Универсализм выполняет здесь функцию, которую Болтански и Тевено описывали как перевод частного интереса в «порядок обоснования», признаваемый всеми участниками спора [15, 37]. Жители одного микрорайона не могут убедить незнакомых людей подписаться ради своей котельной, но могут убедить их подписаться ради справедливости. Язык прав, следовательно, является прежде всего языком публичной легитимации.

Вторая интерпретация связана с ценностным сдвигом. Требования выживания, высказанные на языке прав, указывают на переходное состояние общества. Предмет требований еще материален, но представление о том, на что гражданин имеет право, уже сформировано. Этот вывод перекликается с результатами общенационального исследования ценностей казахстанского общества. Его авторы зафиксировали, что казахстанцы, хотя и в нерезко выраженном соотношении, отдают предпочтение безопасности перед свободой, но при этом впервые в отечественных социологических исследованиях сторонники прав личности преобладают над сторонниками приоритета интересов общества (35% против 29%) [16, 102]. Там же подчеркивается, что Казахстан нельзя рассматривать как простой «пункт транзита» от ценностей выживания к ценностям самовыражения: ценностный дрейф идет в направлении модернизации, но нелинейно и противоречиво [16, 100]. Петиционный массив показывает ту же конфигурацию спустя несколько лет и в иной форме – не в ответах респондентов, а в требованиях к государству: предпочтение безопасности сохраняется в предмете требований, а ценность прав личности проявляется в языке их обоснования: граждане еще просят о хлебе, но уже говорят как носители прав.

Третья интерпретация объясняет, почему язык прав не дает результата. Для государственного органа петиция, построенная на универсализме, содержит не только просьбу, но и обвинение: если граждане называют ситуацию несправедливой или дискриминационной, удовлетворение требования означает признание ошибки. Требования безопасности и особенно требования открытости, напротив, позволяют государству действовать без такого признания: отремонтировать дорогу или разрешить ночную рыбалку проще, чем согласиться с тем, что закон был несправедлив. Вывод согласуется с зарубежными данными: анализ более 12 тысяч петиций Change.org показал, что петиции с сильной моральной составляющей реже достигают успеха [17, 1979].

Отдельного внимания заслуживает почти полное отсутствие ценностей самовозвышения: требования достижения связаны в основном с профессиональными сообществами медиков и метрологов, а требований власти и статуса нет вовсе. Петиция, по-видимому, воспринимается как моральный жанр, в котором говорить о собственной выгоде неуместно. Одновременно это может отражать социальный состав участников: онлайн-участие чаще используют более образованные и интегрированные группы [18, 487], для которых язык прав привычен.

Выводы

1. Ценностный профиль казахстанских петиций сосредоточен на безопасности (40,8% основных кодировок) и универсализме (32,9%), а самовозвышение почти отсутствует. По оси Инглхарта 61,8% петиций относятся к полюсу выживания; самовыражение проявляется прежде всего в городских и экологических требованиях на местном уровне.
2. Предмет и язык требования расходятся: каждая вторая материальная петиция обосновывается через справедливость и права, а семья служит самым частым аргументом (44,7% текстов), но редко целью требования.
3. Язык прав повышает политическую чувствительность петиции, но не увеличивает ни число подписей, ни вероятность результата: петиции самопреодоления результативны реже (20,5%), чем петиции сохранения (35,3%).

Казахстанское общество требует условий выживания, но говорит о них как общество, уже усвоившее язык прав. Разрыв между этим языком и откликом государства является, на наш взгляд, одной из ключевых проблем развития института петиций. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что ценностный анализ может дополнить

тематический учет петиций в государственных органах: рост доли смешанных петиций служит ранним сигналом политизации бытовых проблем, а ответ на петицию, обоснованную через справедливость, должен отвечать на этот аргумент по существу. Разработанный кодификатор воспроизводим и позволяет вести мониторинг без проведения опросов.

Список литературы

1. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (Дата обращения 10.10.2026).

2. ePetition: официальный сервис для подачи петиций [Электронный ресурс] URL: https://epetition.kz (Дата обращения 09.10.2026).

3. Токаев К.-Ж. Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана: Послание Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2019 года [Электронный ресурс] URL: https://primeminister.kz/ru/address/02092019 (Дата обращения 11.10.2026).

4. Абишев Г., Нечаева Е. Онлайн-петиции как фрейм делиберативной демократии в современном Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2023. – Т. 105, № 1. – С. 7–23.

5. Buzurtanova M., Polese A., Nassimova G. Online petitions as new means of political communication: a critical analysis of the UK case and its relevance for Kazakhstan // Вестник КазНУ. Серия философии, культурологии и политологии. – 2025. – № 1 (91). – С. 116–126.

6. Zhanzhigitov S. The language of online petitions: legal discourse in the context of civic engagement // Вестник Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – 2025. – № 3. – С. 359–375.

7. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.

8. Schwartz S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. – 2012. – Vol. 2, № 1. – 20 p.

9. Inglehart R. The silent revolution: changing values and political styles among Western publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 482 p.

10. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. – 2000. – Vol. 65, № 1. – P. 19–51.

11. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

12. Bardi A., Calogero R. M., Mullen B. A new archival approach to the study of values and value-behavior relations: validation of the value lexicon // Journal of Applied Psychology. – 2008. – Vol. 93, № 3. – P. 483–497.

13. Krippendorff K. Content analysis: an introduction to its methodology. – 4th ed. – Thousand Oaks: SAGE, 2018. – 472 p.

14. Ponizovskiy V., Ardag M., Grigoryan L., Boyd R., Dobewall H., Holtz P. Development and validation of the Personal Values Dictionary: a theory-driven tool for investigating references to basic human values in text // European Journal of Personality. – 2020. – Vol. 34, № 5. – P. 885–902.

15. Boltanski L., Thévenot L. On justification: economies of worth. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 400 p.

16. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / Г. Исмуханова, Д. Шарипова, Б. Туреханова [и др.]; науч. ред. Л. Гуревич, С. Каплан. – Алматы: DELUXE Printery, 2020. – 143 с.

17. Elnoshokaty A. S., Deng S., Kwak D.-H. Success factors of online petitions: evidence from Change.org // Proceedings of the 49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS). – Koloa, 2016. – P. 1979–1985.

18. Schlozman K. L., Verba S., Brady H. E. Weapon of the strong? Participatory inequality and the Internet // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, № 2. – P. 487–509.

МЕЖДУ ВЕРОЙ И СЕКУЛЯРНОСТЬЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ В XXI ВЕКЕ

Шипунова А. И., Новикова М. А.
Студентки 2-го курса ОП 6В0301 – Системы информационной безопасности,
Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова
г. Караганда, Казахстан
e-mail: alisasipunova8@gmail.com
e-mail: marianovikova29032000@gmail.com
Научный руководитель: PhD, старший научный сотрудник ДНиИ, старший преподаватель кафедры СГН Муканова А. К.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления и эмпирического анализа тех сложных процессов, которые происходят в сознании молодых казахстанцев. Казахстан представляет собой уникальное полиэтничное и поликонфессиональное пространство, где вопросы межкультурного диалога, веротерпимости и общественного согласия выступают стратегическим приоритетом государственного развития. Понимание того, как молодые люди воспринимают религию, с какими ценностными вызовами они сталкиваются и какие источники информации определяют их духовный выбор, имеет первостепенное значение для формирования эффективной образовательной и молодежной политики.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием богатой теоретической базы, сформированной трудами как классиков мировой философской мысли (Дж. Локк, И. Кант, Дж. Ст. Милль, М. Вебер, Э. Дюркгейм), так и современных зарубежных и казахстанских исследователей (Дж. Ролз, Ш. Муфф, С. Жижек, Э. Лаклау, Г. Маркузе, М. Уолцер, Ч. Тейлор, У. Кимлика, Дж. Грей, Н.Ж. Байтенова, З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова). Особое место в отечественном научном дискурсе занимают работы доктора философских наук, профессора Б.И. Карипбаева, чьи труды посвящены философско-методологическим аспектам религиоведения, анализу аксиологических установок молодежи и проблемам веротерпимости в современном Казахстане.

Цель работы состоит в комплексном философско-религиоведческом и социологическом исследовании трансформации религиозного сознания и национальной идентичности молодежи в XXI веке, выявлении ключевых факторов, влияющих на отдаление молодой генерации от институциональной веры, а также в концептуализации механизмов формирования толерантной мировоззренческой культуры в системе высшего образования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Обобщить и проанализировать философско-методологические концепции Б.И. Карипбаева и ведущих отечественных ученых в области религиоведения и теории культуры.

2. Раскрыть специфику трансформации религиозности в условиях культуры постмодерна, кризиса исторического прогрессизма и распространения религиозных симулякров (Ж. Бодрийяр, М. Фуко).

3. Провести сравнительный анализ результатов масштабных социологических исследований Б.И. Карипбаева (N=1200) и локального социологического среза (N=50), зафиксировав динамику религиозной самоидентификации, роль интернета, уровень доверия к священнослужителям и степень межконфессиональной толерантности.

4. Выявить и сопоставить внутреннюю логику и аргументацию верующего и неверующего типов мировоззрения в современной молодежной среде, определив точки их смысловой конвергенции.

5. Провести историко-философскую ретроспективу эволюции религиозности от традиционного общества к современному постсекулярному состоянию, раскрыв сущность

феномена «кризисной религиозности».

6. Обосновать практические пути совершенствования социогуманитарного образования в Казахстане с опорой на культурно-философское наследие Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердиева.

Объектом исследования выступает религиозное сознание и мировоззренческая культура студенческой молодежи Казахстана.

Предметом исследования являются трансформационные процессы, определяющие приоритеты, ценностные ориентации и формы религиозной самоидентификации молодежи в XXI веке.

Гипотеза исследования основывается на предположении о том, что в условиях социально-экономической стабильности, технологического комфорта и высокого уровня базовой безопасности наблюдается снижение вовлечённости части молодёжи в институциональные религиозные практики и авторитета духовенства, переходящее в форму индивидуализированной или секулярной идентичности; однако в ситуациях кризиса и экзистенциальной неопределенности проявляется феномен «кризисной религиозности», требующий от системы образования формирования зрелого, критического и толерантного мировоззрения.

Теоретико-методологические основы исследования религиозного сознания в трудах Б.И. Карипбаева

Эволюция от «научного атеизма» к академическому религиоведческому дискурсу

Исследование религиозной сферы в постсоветских государствах, и, в частности, в Казахстане, невозможно без понимания сложной исторической трансформации, которую прошла академическая наука. Как справедливо указывает профессор Б.И. Карипбаев, «исторически сложилось так, что религиоведение, в качестве научной дисциплины, в университеты на постсоветском пространстве пришло на смену так называемому «научному атеизму» [1, с.108].

Первостепенным фактором выступил острый дефицит квалифицированных кадров, обладающих глубокой междисциплинарной компетенцией. Как отмечает Б.И. Карипбаев, «ни в коем случае нельзя инкриминировать проблему недостаточной компетенции самим специалистам, поскольку до сих пор не налажена эффективная технология переподготовки, которая смогла бы в короткое время элиминировать из сознания специалистов годами внедряемые туда марксистские установки». В результате в учебных программах и научной литературе долгое время сохранялся скрытый инерционный шлейф марксистско-ленинского подхода к религии [1, с.108].

Проблема терминологической эклектики и поиски методологического каркаса

Второй важнейшей философско-методологической проблемой, поднятой Б.И. Карипбаевым, является чрезвычайная широта самого термина «религиоведение» [1, с. 110]. Чрезмерная объёмность понятийного поля создаёт реальную опасность подведения под общую рубрику совершенно разродных исследовательских направлений: социологии религии, психологии религии, истории религии, феноменологии религии, философии религии и антропологии.

Отсутствие единого, строго иерархизированного методологического каркаса часто приводит к конфликту притязаний отдельных дисциплин на преобладающую значимость. Это серьезно осложняет процедуру когеренции (согласования) различных исследовательских данных в унитарную, целостную концептуальную картину. Признавая за религиоведением статус комплексной, междисциплинарной отрасли знания, профессор Б.И. Карипбаев ставит принципиальный вопрос: является ли этот комплекс органичным и конгруэнтным, или же он рискует превратиться в недопустимую эклектику? Полноценный религиоведческий дискурс должен базироваться на строгом синергетическом объединении методологического потенциала философии, социологии, психологии и культурологии [1, с.111].

Преодоление позитивистских пережитков и религиозного прозелитизма

В своих работах Б.И. Карипбаев убедительно доказывает, что главной опасностью, дезорганизующей религиоведение как подлинно научное направление, являются две

противоположные, но одинаково деструктивные крайности [1, с.111].

Первая крайность - это наследие идеологизированного атеистического и жёсткого позитивистского подходов XIX века. Такой подход склонно третирующим образом определять религию как «исторически неполноценную, незрелую форму мировоззрения», которая якобы с течением времени должна неизбежно уступить место более совершенным, исключительно научным представлениям о мире. Ошибка данной установки заключается в том, что она имплицитно конструирует отношения непримиримой борьбы и конкуренции между наукой и религией.

Вторая крайность - это неуместная в светском образовательном учреждении пропаганда религиозного мировоззрения под видом его академического изучения (прозелитизм). В таких случаях сравнительное религиоведение подменяется демонстрацией «превосходства» одной конфессии над другими, что напрямую разрушает установки толерантности и веротерпимости.

Принцип комплементарности науки и религии

В качестве методологической альтернативы указанным крайностям Б.И. Карипбаев предлагает опираться на авторитетные историко-философские свидетельства, ориентирующие на оценку отношений науки и религии как взаимодополнительных или параллельных [1, с. 112].

Здесь уместно вспомнить классическую формулу Иммануила Канта: «Знания без веры - безнравственны» [4, с.94], а также знаменитый афоризм кардинала Бария, процитированный Г. Галилеем: «Библия рассказывает нам о том, как взойти на небеса, а не о том, как они устроены». Наука и религия отвечают на кардинально разные запросы человеческого духа: наука исследует физические механизмы мироздания (вопрос «как?»), тогда как религия и философия обращены к сфере смыслов, ценностей и этической ответственности (вопрос «зачем?»). Затяжная история конфронтации между ними должна уступить место диалогу перед лицом глобального духовно-нравственного кризиса XXI века.

Трансформация религиозности в эпоху постмодерна и глобального кризиса

Антропологическая катастрофа и кризис идеи исторического прогрессизма

Глубокие сдвиги в религиозном сознании современности разворачиваются на фоне кризиса фундаментальных установок эпохи Просвещения. Катастрофические события XX века и динамика XXI века дезавуировали оптимистическую веру в безусловный и непрерывный исторический прогресс. Как подчеркивал Карл Поппер, «уповать на исторические законы нелепо и вредно» [1, с.112]. Классические философские и политические системы оказались бессильными перед вопросом: сколько человеческих жизней можно считать приемлемой ценой за реализацию социальных утопий?

Гиперсемиотизация и религия как симулякр

Одним из наиболее болезненных измерений гуманитарного кризиса современной культуры является девальвация самой категории «ценностей». В культуре постмодерна возобладала конвенция считать любые духовные ценности лишь прагматически ориентированными, условными знаками, обеспечивающими удобство коммуникации.

Применяя концептуальный аппарат Ж. Бодрийяра, Б.И. Карипбаев подчеркивает, что в современном обществе происходит замещение подлинных ценностей симулякрами - знаками, не имеющими за собой никакой трансцендентной или реальной действительности. Процесс тотальной симуляции захватил и религиозную сферу: «Религия, как симулякр, является чуть ли не самой проблематичной темой современного религиоведения».

В условиях, когда экзегетика (глубокое толкование священных смыслов) уступает место поверхностной текстологии и внешнему потреблению символов, происходит радикальная десакрализация религии. Если религия превращается в симулякр, то все ее апелляции к высшему, трансцендентному началу обесцениваются. В результате современное религиозное сознание молодых людей часто становится аморфным, переменчивым, мозаичным и чрезвычайно подверженным внешним манипуляциям.

Новый тип религиозности и внеинституциональные искания

Как отмечает известный социолог религии Л.Н. Митрохин, в «обезбоженном» мире формируется новый тип религиозности, проявляющийся в появлении многочисленных нетрадиционных учений, растущем интересе к идеям космизма, эзотерике и архаическим

верованиям [6, с. 442].

Социологический анализ мировоззренческих установок казахстанской молодежи

Сопоставление масштабных исследований Б.И. Карипбаева и локального социологического среза

Для объективной оценки состояния религиозного сознания молодежи сопоставим данные двух социологических исследований:

1. Масштабный социологический опрос, проведенный исследовательско-гра грантовой группой под руководством Б.И. Карипбаева (Karagandy University). Выборка составила N=1200 учащихся старших классов, студентов колледжей и вузов в 7 регионах Казахстана (Алматы, Нур-Султан, Караганда, Кокшетау, Костанай, Шымкент, Талдыкорган; 41.8% обучение на русском, 58.2% - на казахском) [1,с.113].

2. Локальный социологический срез, проведенный среди студентов вуза (N=50), сфокусированный на детальном анализе ценностных установок и индивидуальной мотивации.

Динамика религиозной самоидентификации

В исследовании Б.И. Карипбаева (N=1200) на вопрос об отношении к религии варианты ответов распределились следующим образом [1, с.114]:

- «Я верующий, состою в общине и соблюдаю обычаи» - 19.8%;
- «Я верующий, но в религиозной жизни не участвую» - 57.4%.

Таким образом, почти 80% опрошенных декларируют веру в Бога. Однако Б.И. Карипбаев подчеркивает важнейший нюанс: «Одним из факторов, способствующих такой самооценке, является, безусловно, возникшая в последнее время мода на религию, религиозную атрибутику, религиозные обряды» [1, с. 115]. Молодёжь посещает храмы и мечети в дни праздников, выполняет внешние атрибуты, но сразу после этого возвращается к абсолютно светскому образу жизни. У молодых людей слабо дифференцированы понятия «вера», «религиозность» и «светскость».

В локальном опросе (N=50) при задействовании более дифференцированной шкалы (вопрос №1 анкеты) были получены следующие уточняющие данные:

Религиозная самоидентификация и конфессиональная принадлежность

При ответе на вопрос № 1 «Считаете ли Вы себя религиозным человеком?» ответы распределились следующим образом:

Категория самоидентификации Доля (%)

Количество

Считаю себя верующим, но не религиозным

34%

17 чел.

Я агностик (не отрицаю Бога, но считаю, что человек не может знать наверняка) 26%

13 чел.

Я атеист (полностью отрицаю существование Бога) 18% 9 чел.

Да, считаю себя религиозным человеком (соблюдаю обряды, молюсь, читаю литературу)

12%

6 чел.

Не считаю себя религиозным человеком

10% 5 чел.

Сравнение результатов подтверждает фундаментальную тенденцию: реально вовлеченными в институциональную обрядовую практику являются лишь от 12% до 19.8% молодежи. Значительная часть выбирает внеинституциональные формы веры либо идентифицирует себя с агностической или секулярной позицией (в сумме до 54%).

Влияние цифровой среды и интернет-натиска

Одним из самых тревожных выводов исследования Б.И. Карипбаева стало выявление источников информации, формирующих представления молодежи о мире. На вопрос «Можно ли сказать, что основную информацию о культуре, религии, в целом, обществе Вы узнаете из интернет-источников?» 63.5% участников опроса ответили утвердительно [1, с. 114].

Профессор Б.И. Карипбаев называет этот результат «приговором» традиционной системе образования: «Система образования не является ведущим, определяющим источником формирования представлений молодых людей о мире, об обществе, религии и культуре» [1, с. 114].

В локальном опросе (N=50) контакты с религиозным контентом в соцсетях (TikTok, Instagram, Telegram) зафиксированы на еще более высоком уровне: 28% сталкиваются с ним ежедневно, 44% - периодически (в сумме 72%). В интернете наряду с достоверными материалами может распространяться непроверенная и потенциально деструктивная информация.

Кризис институционального авторитета духовенства

Показательными являются данные вопроса № 5 («В случае возникновения религиозных вопросов, к кому Вы обратитесь в первую очередь?»):

- Ни к кому, решаю вопросы самостоятельно: 40%
- К родителям, близким родственникам: 24%
- К религиозной литературе / Интернету и соцсетям: 20%
- К священнослужителю (имаму, священнику): 8%
- К друзьям, однокурсникам: 8%

Всего 8% доверия к официальному духовенству при 40% самостоятельного поиска и 20% поиска в интернете ярко свидетельствуют о глубоком кризисе традиционных религиозных институтов. Священнослужители утрачивают роль главных авторитетов для молодого поколения.

Этнический фактор и проблема прозелитизма

В исследовании Б.И. Карипбаева изучался вопрос: «Влияет ли национальность на выбор той или иной религии?» [1,с.116]:

- 34.4% считают, что влияет (устойчивый стереотип: «казах - значит мусульманин, русский - православный, немец - католик»);
- 36.5% считают, что выбор религии абсолютно не зависит от этнической принадлежности.

Как отмечает Б.И. Карипбаев, в условиях глобализации и стирания границ этническая идентичность далеко не всегда требует конфессионального следования. Растет число случаев прозелитизма и межэтнического конфессионального перехода (русская молодежь в мечетях, казахская - в православных или протестантских общинах).

Угрозы религиозного экстремизма и риски рекрутирования

Особую опасность представляет деятельность нетрадиционных и экстремистских религиозных объединений. На вопрос «Сталкивались ли Вы со случаями рекрутирования (привлечения) Вас в религиозные организации и движения?» каждый пятый респондент (20%) в исследовании Б.И. Карипбаева ответил утвердительно [1, с. 117].

Вербовщики действуют намного тоньше, деликатнее и адресней, чем официальные структуры: они предлагают индивидуальное внимание, теплое общение, эмоциональную поддержку.

При оценке степени угрозы религиозного экстремизма [1, с.117]:

- Вызывает сильную тревогу - 38.8%;
- Вызывает некоторое беспокойство - 33.4%;
- Не беспокоит - 19.8% (почти каждый пятый).

Как подчеркивает Б.И. Карипбаев, в позиции «не беспокоит» кроется опасное наивное простодушие и отсутствие понимания реальности. Обычный бытовой конфликт (например, Кордайские события) может мгновенно приобрести этническую и религиозную окраску, чем спекулируют экстремисты.

Диалектика мировоззрений: взгляды верующего и неверующего молодого человека

Чтобы объективно отразить сложность религиозной ситуации в XXI веке, необходимо сопоставить аргументацию и внутреннюю логику двух основных мировоззренческих позиций, представленных в молодежной среде.

Взгляд верующего человека

Для верующего представителя современной молодежи религия выступает фундаментальным смыслообразующим каркасом. В условиях информационного хаоса, ценностной неопределенности и высокого темпа жизни вера предоставляет абсолютные нравственные ориентиры. Верующий молодой человек ищет в религии:

1. Экзистенциальную опору: осознание своего предназначения и уверенность в том, что человеческое существование не ограничено материальным миром.
2. Моральный компас: систему четких этических координат «что есть добро и зло», позволяющую противостоять конъюнктурным соблазнам потребительского общества.
3. Психологическое утешение: возможность преодоления тревожности, одиночества и страха перед неопределенностью через молитву и концепцию Божественного промысла.

Вместе с тем, верующий молодой человек XXI века существенно отличается от верующего прошлых эпох: он стремится совмещать религиозную практику с современным образованием, карьерными амбициями и использованием цифровых технологий.

Взгляд неверующего человека

Представители неверующей части молодежи строят свое мировоззрение на принципах рационализма, научного критицизма и индивидуальной автономии. В их аргументации религия предстает как исторически пройденный этап человеческого развития. Основные тезисы неверующего поколения заключаются в следующем:

1. Научная картина мира: объяснение природных и социальных процессов не требует привлечения сверхестественных сил; наука дает доказательные ответы на фундаментальные вопросы.
2. Автономия морали: морально-этические нормы являются результатом эволюции общества и социального договора, а не божественного откровения [4, с. 94]. Человек может быть глубоко нравственным и гуманным без веры в Бога.
3. Критика институтов: религия часто воспринимается неверующими как инструмент социального контроля, консервации устаревших догм и источника потенциальных межконфессиональных конфликтов.

Точка конвергенции

Несмотря на принципиальное различие исходных посылок, обе группы объединяет стремление к индивидуальной свободе выбора. И верующий, и неверующий молодой человек XXI века отвергают слепое навязывание догм. Однако интегральный вектор социокультурных процессов показывает, что общий уровень повседневной вовлеченности в религиозную жизнь неуклонно снижается, что ведёт к постепенному отдалению людей от Бога в их повседневном существовании.

Сравнительный анализ: религиозность в прошлом и настоящем

Для глубокого понимания причин отдаления молодежи от Бога необходим историко-философский ретроспективный анализ.

Религиозность в традиционном обществе (Прошлое)

В прошлые века религия пронизывала все сферы человеческой жизни. Она выполняла функции не только духовно-нравственного регулятора, но и институциональной основы государства, системы образования, права и медицины.

Главными факторами, поддерживавшими высокий уровень религиозности в прошлом, являлись:

- Высокая степень незащищенности человека: бессилие перед эпидемиями, голодом, стихийными бедствиями и войнами заставляло искать единственное спасение в высших силах.
- Тотальность общинного контроля: отход от религиозной традиции карался социальным отторжением, а порой и правовыми санкциями.
- Отсутствие альтернативных систем знания: религиозное объяснение мира было единственно доступным для большинства населения.

Трансформация религиозности в XXI веке (Настоящее)

В XXI веке ситуация кардинально изменилась. Научно-технический прогресс, развитие медицины, системы социального страхования и высокий уровень базовой безопасности создали иллюзию полного контроля человека над своей жизнью.

Критерий сравнения Традиционное общество (Прошлое) Общество XXI века (Настоящее)

Роль религии Тотальный социальный институт Частное дело индивида

Источник знаний Священные тексты и авторитет духовенства Наука, критическое мышление, интернет

Мотивация Страх перед карой, спасение души, выживание Поиск индивидуального смысла, психотерапия

Форма религиозности Коллективная, обрядовая, догматическая Индивидуализированная, выборочная

Уровень секуляризации Низкий Высокий

Феномен «кризисной религиозности» и пути реформирования образования

Парадокс «кризисной религиозности»

Однако процесс отдаления от Бога не является окончательным. В благополучные времена секуляризация растет, но во время масштабных кризисов, войн и катаклизмов научно-технический комфорт перестает спасать от экзистенциального страха. Возникает феномен «кризисной религиозности»: тем тяжелее испытания, тем сильнее человек ищет высшую опору.

Наследие Абая и Шакарима

Для предотвращения фанатизма и укрепления веротерпимости необходимо опираться на духовно-нравственное наследие великих казахских мыслителей. Абай Кунанбаев в «Словах назидания» [5,с.18] и Шакарим Кудайбердиев в концепции «Три истины» доказывали, что подлинная вера неотделима от просвещения, разума и милосердия. Незнание и духовная слепота - главная почва для фанатизма.

Пути реформирования образования

Как утверждал Клод Леви-Стросс, «XXI век будет гуманитарным или его не будет вообще». Для преодоления кризиса необходимо:

1. Усилить социогуманитарную и религиоведческую компоненту в вузах и школах.
2. Перейти от сухого академизма к диалоговым, креативным формам обучения.
3. Оснастить педагогов современными цифровыми инструментами для эффективной работы в интернет-среде.

Заключение

На основе проведённого исследования сформулированы следующие главные выводы:

1. Деинституционализация веры: Религиозное сознание молодежи XXI века переживает процесс деинституционализации: формальная принадлежность к конфессии сочетается с нерегулярным соблюдением обрядов или переходом к индивидуализированной верующей/секулярной идентичности.
2. Кризис авторитета духовенства: Социологические данные подтверждают кризис авторитета традиционного духовенства (лишь 8% обращаются к священнослужителям) и доминирование интернет-источников (63.5%) [1,с.114], что требует кардинального обновления научно-методической базы образования.
3. Влияние комфорта и кризисов: Повседневный технологический комфорт снижает уровень религиозной практики, однако в условиях социальных катаклизмов активизируется феномен «кризисной религиозности».
4. Роль образования: главным инструментом формирования веротерпимости и защиты молодежи от экстремизма является развитие фундаментального социогуманитарного образования, опирающегося на наследие Абая [5,с.18], Шакарима и современную религиоведческую методологию Б.И. Карипбаева.

Список литературы

1. Карипбаев Б. И. Философско-методологические аспекты религиоведения в контексте формирования мировоззренческой культуры казахстанской молодежи // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2020. – № 4(100). – С. 108–118.
2. Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия». – Астана: Министерство юстиции РК, 2019.

3. Локк Дж. Опыт веротерпимости // Соч. в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1667. – 668 с.
4. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. в 8 т. – Т. 4. – М.: Чоро, 1724-1804. – 172 с.
5. Кунанбаев А. Слова назидания. – Алматы: Жалын, 1979. – 32 с.
6. Митрохин Л. Н. Религия // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2001. – 442 с.

ВОСПРИЯТИЕ ФЕМИНИЗМА И КУЛЬТУРЫ НЕНАСИЛИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ

Шукаева А.М.
Студентка 2-го курса ОП 6B03105 – Политические Массовые Коммуникации,
Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан
e-mail: shukaevaaruzhan@gmail.com
Научный руководитель: тьютор Керимбаев Ержан

Аннотация. В исследовании рассматривается трансформация восприятия феминистских идей ненасилия в современном казахстанском социуме. Цель работы - выявить динамику общественных ценностей и институционализацию феминистской повестки на основе резонансного судебного процесса над Куандыком Бишимбаевым, дело Салтанат Нукеновой. Научная статья включает концептуальный анализ феминистской теории, метод case study, контент-анализ мединого мнения и социологический опрос молодежи. Доказано, что открытость и доступность к наблюдению процесса послужила ценностным триггером, выявляя проблему бытового насилия.

Ключевые слова: феминизм, культура ненасилиля, ценности, судебный процесс К. Бишимбаева, общественное мнение, Казахстан.

В условиях масштабных изменений общественно-политической жизни Республики Казахстан всё более важным становится вопрос пересмотра основных ценностей общества. С введением в действие новой конституции и провозглашением новых принципов, идеи и ценностей общества, одновременно требуются изменения и в общественном сознании, ведь сейчас доминируют более патриархальные взгляды и равнодушное отношение к насилию.

Особым катализатором дискуссии темы феминизма, в особенности о безопасности и ценностях человеческой жизни в Казахстане стал судебный процесс по делу убийстве Салтанат Нукеновой экс-министром национальной экономики Куандыком Бишимбаевым, дело которого придалось большой огласке и эмоциональному резонансу. Благодаря этому делу, была ускорена институционализация криминализации домашнего насилия, а также была разбита табуированность темы семейно-бытового насилия в обществе.

Данное исследование также тесно связано с основной тематикой конкурса «Ценности мира – мир ценностей». Мир - это не только отсутствие войн и конфликтов между странами. Он также начинается с того, как люди относятся друг к другу в повседневной жизни, в семье и в обществе. Уважение к достоинству каждого человека, право самостоятельно распоряжаться своим телом и равенство мужчин и женщин являются важными условиями для создания справедливого и гармоничного общества.

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть процесс принятия феминизма и ценностей культуры ненасилия в современном казахстанском обществе на примере дела К. Бишимбаева.

Феминистская теория на протяжении веков неоднократно подвергалась и подвергается критике и сомнению с различных сторон как извне, так и внутри самого феминизма. Наиболее важными «волнами» феминизма можно считать первой и второй, поскольку именно «первая волна» фокусировалась на базовых электоральных правах и открытому доступу к образованию,

а «вторая волна» подняла проблему в сфере частной жизни через популярный лозунг Кэрол Ханиш «Личное - это политическое» [1, с. 45], где авторка выдвинула основательные тезисы: проблема не в женщинах, а в системе; отказ от терапевтического подхода; индивидуального выхода нет.

Сейчас же, феминизм не ограничивается движением за равные права мужчин и женщин. В современной литературе феминизм анализирует власть, гендерные нормы, неравенство, институциональную дискриминацию и механизмы воспроизводства насилия. Да, права есть, но применимы ли они в силу различных обстоятельств?

В Казахстане же, формирование гендерного равенства проходило в условиях непростого взаимодействия трех социокультурных факторов:

1. Традиционный кочевой образ: исторически, казахская женщина могла иметь высокий статус и авторитет, принимая важные решения во внутренней политике.
2. Советского эмансипационного наследия: женщина рассматривалась как важная экономическая и строительная сила, по сути имея такие же права, как и у мужчины, однако быт и дети все же остались на женщине, что способствовало двойной нагрузке.
3. Постсоветский возврат к традициям: возрождение патриархальных моделей, навязывание семейных ролей, формирование экономической зависимости женщин и терпимость к домашнему деспотизму.

Термин «феминизм» долгое время подвергался навешиванию негативных социальных ярлыков, довольно часто интерпретируя его деструктивной «западной идеологией», цель которой являлась разрушение института традиционной семьи. Однако сейчас в Казахстане активно пересматривают данные стереотипы.

Весной 2024 года в Верховном Суде Республики Казахстан состоялся судебный процесс. Бывший государственный служащий Куандык Бишимбаев был обвинен в истязании и жестоком убийстве своей жены Салтанат Нукеновой. Данный судебный процесс был общедоступен: судебные заседания транслировались в реальном времени на официальных платформах Верховного суда и ведущих СМИ. Охват просмотров был свыше 100 миллионов и не только внутри страны, но и за ее пределами.

Опираясь на теорию "массовой самокоммуникации" М. Кастельса [2], можно утверждать, что прямая трансляция процесса дала шанс гражданам в альтернативную общественную повестку. В результате освещения процесса в медиа произошла деконструкция традиционных мифов о семейно-бытовом насилии.

Прежде всего, был развеян миф о «маргинальности» домашней тирании. Физическая жестокость, тотальный контроль и психологическое давление не были следствием неблагополучными слоями социума. Напротив, эти модели поведения воспроизводились внутри привилегированной, финансово и экономически обеспеченной семьи.

Также стоит учесть важный момент, а точнее перелом в разрушении виктимблейминга – практика обвинения самой жертвы. Во время судебного процесса, сторона защиты смещала фокус внимания на эмоциональные, бурные реакции или поступки погибшей вызвало волну отторжения у зрителей. В сознании утвердилась этическая норма: никакие обстоятельства или причины не могут быть оправданием или смягчением акта физической агрессии, ответственность полностью и всецело лежит на авторе насилия.

Наконец, уничтожение установки «ұят», показывает, что сокрытие актов агрессии ради сохранения семейной репутации и «полноты» семьи приводит к ужасным последствиям. Это позволило обществу отказаться от восприятия домашнего насилия как закрытого «внутрисемейного дела» и сделало нетерпимость к любым формам агрессии базовым общественным приоритетом.

После убийства Салтанат Нукеновой был проведены митинги на территории Казахстана и вне, освещая проблему семейно-бытового насилия. Популярные социальные медия также были заполнены постами с тегами #ЗаСалтанат #ВесьКазахстан, флешмоб который запустил общественный фонд «НеМолчи». Всего лишь за сутки, пользователи Instagram опубликовали более 200 постов с тегом #ЗаСалтанат, требуя справедливого наказания преступникам. [3]

Результатом медийного резонанса стало принятие в апреле 2024 года Закона РК «О

внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», неофициально названного «Законом Салтанат» [4]. Закон восстановил уголовную ответственность за нанесение побоев и легкого вреда здоровью без возможности «отвертеться» примерением сторон. Произошел крупный сдвиг в системе государственных ценностей, поставив безопасность женщины и физическую неприкосновенность личности выше, чем сохранение семьи с патриархальными устоями.

Для общей оценки глубины восприятия феминизма в Казахстане, было проведено микроисследование методом опроса среди молодежи высшего учебного заведения города Алматы. Было отобрано 25 человек в возрасте 18-19 лет. Цель опроса состоялся в выявлении отношении молодого поколения к гендерному равенству, судебному делу К. Бишимбаева и оценки популярности феминизма. Ниже представлены выявленные данные в ходе расследования:

1. Отношения к базовым понятиям и отношение к самому термину:

При ответе на вопрос, поддерживают ли существенные принципы феминизма, то есть равная оплата труда, защита от бытового насилия и неприкосновенности границ, многие, точнее 80%, ответили положительно. Однако на встречный вопрос «Относите ли вы себя к сторонникам феминизма?» удовлетворительно ответили только 50%. Это указывает на сохранения расхождения между признанием ценностей равенства и самоидентификацией с данным термином.

2. Влияние дела Бишимбаева на внутренние убеждения:

88% опросивших сказали, что открытый судебный процесс невольно заставил их задуматься о проблеме психологического давления и бытового насилия в отношениях.

65% подчеркнули, что именно после данного громкого дела, они пересмотрели понятие феминизма и его целей, относясь с большим пониманием и уважениям к казахстанским феминисткам.

Из микроисследования позволяет сделать вывод, что у казахстанской молодежи происходят фундаментальные сдвиги по отношению к феминизму, ведь обычно у более взрослого общества складывалась картинка агрессивной конфронтацией с термином феминизма. Молодое поколение не видит противоречии между феминизмом и институтом семьи; напротив, оно по-новому воспринимает семейные ценности, отмечая, что в них нет места насилию и проявлению какой-либо форме агрессии.

Таким образом, семья в смысле современного поколения перестает мыслиться как замкнутое иерархическое пространство, где власть удерживается через страх, финансовую зависимость или безусловное доминирование. На замену данной установке, где принято терпеть ради сохранения семьи, приходит взаимопонимание, общий комфорт, уважение и безопасности.

Показатель зазора между поддержкой базовых принципов (80%) и готовностью идентифицировать себя с движением (50%) раскрывает феномен неочевидного стремления людей к равенству, принимая стандарты равенства: равную оплату труда, телесную автономию и правовую защищенность. Однако ассоциироваться вокруг самого термина «феминизм» проявляет желание не каждый. Тем не менее, показатель в 65% положительно ответивших, изменив свое отношение к феминистским инициативам именно после дела с Бишимбаевым о стремительном сломе этого барьера.

Ключевым социокультурным итогом этих процессов является деконструкция концепта «ұят» (стыд). Если ранее было общепринято обвинять жертву и заставлять ее молчать, то публичный показ дела по убийству Салтанат Нукеновой перенаправил фокус на общественное осуждение социального табу и несмываемым позором обвиняемого, а точнее насилие и попытки его оправдания, а не просто заявление о совершенном преступлении.

Список литературы

[1] Ханиш К. Личное — это политическое // Феминистская теория и практика: хрестоматия. – СПб.: Алетейя, 2018. – С. 44–51.

[2] Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей

школы экономики, 2016.

[3] Жарбулова Н. «Бокал вина не дает права убивать». Казахстанки запустили флешмоб в защиту погибшей Салтанат Нукеновой // Kursiv Media

URL: https://kz.kursiv.media/2024-04-01/zhrb-salt-nuk-nemolchi/?utm_source=in_materials

[4] О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года № 72-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». – [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072 (дата обращения: 25.09.2026).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И ОБРАЗ «УСПЕШНОЙ ЖИЗНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Кабдулла Н.Б.

Студентка 3 курса ОП 6В03101 – Социология, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,

Г. Алматы, Казахстан

e-mail: kabdullanazira@gmail.com

Научный руководитель: доцент Кылышбаева Б.Н.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние социальных сетей на жизненные ориентиры современной молодежи и ее

представления об успешной жизни. Анализируются четыре исследования, посвященные социальному сравнению, самооценке и психологическому благополучию. Рассматривается, как демонстрация чужих достижений, внешности и образа жизни влияет на восприятие успеха. При этом социальные сети не обязательно меняют ценности

молодежи, но могут влиять на их значимость и оценку собственной жизни.

Ключевые слова: молодежь, цифровизация, социальные сети, ценности, социальное сравнение, успешная жизнь, самооценка, цифровая социализация.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация заметно изменила повседневную жизнь молодежи. Сегодня социальные сети используются не только для общения и получения информации. Они стали пространством, где человек ежедневно наблюдает за жизнью других людей, показывает собственные достижения и, осознанно или нет, сравнивает себя с окружающими.

Одна из особенностей цифровой среды заключается в том, что перед пользователем постоянно находится большое количество примеров того, как может выглядеть «успешная жизнь». В ленте можно увидеть публикации о карьерном

росте, высоком доходе, путешествиях, отношениях, образовании, внешности и саморазвитии. При этом чаще всего человек видит не всю жизнь другого пользователя, а только отдельные, наиболее удачные и привлекательные моменты. Из-за этого возникает естественное сравнение. Обычная повседневная жизнь человека может сопоставляться с лучшими моментами жизни других людей. Со временем это может влиять не только на оценку собственных достижений, но и на

само представление о том, что вообще считается успехом.

Актуальность данной темы связана с тем, что цифровые образы успеха сегодня постоянно присутствуют в жизни молодежи. Поэтому важно понять, как именно они влияют на жизненные ориентиры и какую роль в этом процессе играет социальное сравнение.

Объект исследования — ценностные ориентации молодежи в условиях цифровизации.

Предмет исследования — связь цифровых образов «успешной жизни» и социального сравнения с представлениями молодежи об успехе и жизненных ориентирах.

Цель исследования — определить, как социальное сравнение и распространенные в социальных сетях образы успешной жизни могут быть связаны с изменением представлений молодежи о значимых жизненных ценностях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности ценностей молодежи в условиях цифровизации.
2. Изучить особенности социального сравнения в цифровой среде и его влияние на представления об успешной жизни.
3. Проанализировать результаты опубликованных эмпирических исследований влияния социальных сетей и социального сравнения на молодежь.
4. Провести сравнительный анализ исследований для выявления общих закономерностей и различий в полученных результатах.
5. Разработать социологическую модель трансформации ценностей молодежи под влиянием цифровой среды и социального сравнения.
6. Определить практическую значимость исследования и возможности применения его результатов для формирования критического восприятия цифровых образов успеха.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ценности — это представления человека о том, что для него действительно важно в жизни, к чему стоит стремиться и что необходимо сохранять. Именно они во многом определяют жизненные цели, приоритеты и то, по каким критериям человек оценивает собственные достижения.

Ценностные ориентиры формируются под влиянием разных факторов: семьи, образования, культуры, друзей, социальной среды и средств коммуникации. Для молодежи этот процесс имеет особое значение, поскольку именно в этот период человек начинает серьезнее задумываться о профессии, образовании, отношениях, семье и своем будущем в целом.

С развитием цифровых технологий пространство социализации стало намного шире. Сегодня молодой человек взаимодействует не только с людьми из своего непосредственного окружения, но и постоянно находится внутри цифровых сообществ. Социальные сети в этом смысле становятся еще одним источником примеров, норм и представлений о том, как может выглядеть жизнь современного человека.

При этом нельзя сказать, что социальные сети создают совершенно новые ценности. Карьера, финансовое благополучие, образование, семья, привлекательная внешность и стремление к развитию были важны и раньше. Изменился прежде всего способ, которым все это стало демонстрироваться.

Например, карьерный рост сегодня можно увидеть в публикациях о новой должности, стажировке, профессиональной победе или запуске собственного бизнеса. Материальный достаток часто показывается через автомобили, жилье, брендовую одежду, рестораны и путешествия. Саморазвитие, в свою очередь, может демонстрироваться через спорт, чтение, обучение, курсы и получение новых навыков.

Постепенно из таких публикаций складывается довольно узнаваемый образ «успешной жизни». Чаще всего с ним связываются высокий доход и финансовая независимость, престижная работа, карьерный рост, привлекательная внешность, романтические отношения, активная социальная жизнь, путешествия, образование и постоянное развитие.

Однако то, что именно такие образы часто встречаются в социальных сетях, еще не означает, что каждый молодой человек воспринимает их как свои главные жизненные ценности. Для одного человека успех может быть связан с карьерой и доходом, для другого — с семьей, свободой, любимым делом или внутренним спокойствием.

Поэтому при рассмотрении этой темы важно разделять то, какой образ успеха чаще всего транслируется в социальных сетях, и то, что конкретный человек сам считает успешной и полноценной жизнью.

СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Теорию социального сравнения предложил Леон Фестингер в 1954 году. Ее основная идея заключается в том, что человеку важно понимать и оценивать собственные способности, взгляды и положение среди других людей. Когда для такой оценки нет четких и объективных критериев, человек начинает ориентироваться на окружающих и сравнивать себя с ними [1, 117–140].

Обычно выделяют два основных вида социального сравнения. Первый — восходящее сравнение. Оно возникает тогда, когда человек сравнивает себя с тем, кого считает более успешным, привлекательным или достигшим большего.

Второй вид — нисходящее сравнение. В этом случае человек, наоборот, сопоставляет себя с теми, чье положение кажется ему менее благоприятным.

С появлением социальных сетей возможностей для такого сравнения стало намного больше. Раньше человек в основном сравнивал себя с людьми из ближайшего окружения — друзьями, родственниками, однокурсниками или коллегами. Сейчас к этому списку добавились блогеры, известные люди и большое количество незнакомых пользователей, чью жизнь можно ежедневно наблюдать через социальные сети.

При этом важно учитывать, что человек видит в интернете далеко не всю жизнь другого пользователя. Обычно в социальных сетях публикуют наиболее интересные и удачные моменты. Например, можно увидеть фотографии из отпуска, но ничего не знать о финансовых трудностях человека. Можно увидеть сообщение о новой работе, но не знать, сколько собеседований до этого закончились отказом. Фотография счастливой пары также не показывает все сложности и конфликты, которые могут существовать в отношениях.

Получается определенное неравенство в сравнении: собственную жизнь человек знает со всеми ее обычными днями, проблемами и неудачами, а чужую чаще видит через самые привлекательные моменты. Именно поэтому сравнение в социальных сетях может сильнее влиять на восприятие собственных достижений и положения.

Однако само по себе сравнение не всегда приводит к негативным последствиям. Иногда чужой успех, наоборот, может стать мотивацией. Например, достижение знакомого в учебе или работе способно вызвать не только ощущение, что человек отстает, но и желание самому развиваться, получать новые навыки или ставить перед собой более высокие цели.

Поэтому влияние социального сравнения зависит не только от того, с кем человек себя сопоставляет, но и от того, как он воспринимает и объясняет увиденное.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из исследований, которое помогает лучше понять влияние социальных сетей на молодых людей, является работа J.-L. Wang, H.-Z. Wang, J. Gaskin и S. Hawk, опубликованная в 2017 году в журнале Frontiers in Psychology [2].

В исследовании приняли участие 696 пользователей социальных сетей в возрасте от 17 до 24 лет. Опрос проводился среди пользователей Qzone и WeChat. Авторы изучали, как пассивное использование социальных сетей связано с социальным сравнением, самооценкой и субъективным благополучием.

Под пассивным использованием в данном случае понимается ситуация, когда человек в основном просматривает публикации других пользователей, но сам практически не взаимодействует с контентом.

Результаты показали, что важную роль здесь играет восходящее социальное сравнение. Чем чаще человек наблюдает за жизнью других и сравнивает себя с теми, кого считает более успешными, тем сильнее это может быть связано с его самооценкой и субъективным благополучием. Также выяснилось, что люди, которые в целом склонны часто сравнивать себя с окружающими, сильнее реагируют на подобный контент.

Это можно представить на обычном примере. Студент заходит в социальную сеть и видит, что один знакомый получил стажировку, другой уехал учиться или путешествовать за границу, а третий уже нашел хорошую работу. Сам по себе просмотр таких публикаций еще ничего не меняет. Но если человек начинает постоянно сопоставлять свои достижения с достижениями других, может появиться ощущение: «Я пока не достиг того же уровня».

Если такое сравнение происходит регулярно, карьера, доход или путешествия постепенно могут становиться для человека более заметными показателями успешности.

Условно этот процесс можно представить следующим образом:

социальные сети → наблюдение за другими → восходящее сравнение → оценка самого себя → изменение самооценки и субъективного благополучия.

При этом авторы отмечают, что результаты исследования нельзя распространять абсолютно на всех пользователей социальных сетей. Кроме того, исследование показывает связь между явлениями, но не позволяет однозначно говорить о прямой причинной зависимости. Для этого потребовались бы дополнительные продольные или экспериментальные исследования.

Поэтому в рамках данной работы важно говорить именно о возможной связи между использованием социальных сетей, социальным сравнением и самооценкой, а не утверждать, что социальные сети одинаково влияют на ценности всех молодых людей.

Еще одно исследование, связанное с этой темой, принадлежит J. K. Lee и было опубликовано в журнале Current Psychology [3]. В нем автор рассматривал, как склонность к социальному сравнению связана с психологическим благополучием пользователей социальных сетей.

Исследование проводилось в Южной Корее. В онлайн-опросе приняли участие 236 человек. Средний возраст участников составил 25,8 года. При этом 78,8% респондентов находились в возрасте двадцати лет, а 71,6% были студентами университетов.

Помимо социального сравнения, автор также рассматривал самооценку и воспринимаемую социальную поддержку.

Результаты показали отрицательную связь между склонностью к социальному сравнению и психологическим благополучием. Важную роль в этой связи играла самооценка. Также была выявлена связь социальной поддержки и самооценки с общим психологическим состоянием участников.

Пример можно привести из обычной социальной жизни. Молодой человек регулярно видит фотографии знакомых с вечеринок, встреч, поездок и различных мероприятий. Со временем ему может начать казаться, что его собственная жизнь проходит менее активно и интересно.

В таком случае сравнение уже касается не только денег или профессиональных достижений. Оно затрагивает дружбу, отношения, количество общения, круг знакомых и насыщенность повседневной жизни.

Социальная сеть в результате становится местом, где человек периодически задает себе вопрос: «Насколько моя жизнь похожа на жизнь других людей и достаточно ли она хороша?»

Однако и здесь нельзя утверждать, что социальное сравнение обязательно приводит только к негативным последствиям. Реакция зависит от самого человека, его самооценки, отношения к увиденному и жизненной ситуации.

Исследование J. Taylor и G. Armes, опубликованное в 2024 году, посвящено социальному сравнению в Instagram [4]. В отличие от предыдущих работ, здесь использовался экспериментальный метод.

Участники сначала заполняли шкалы самооценки и оценки собственного тела, после чего просматривали разные изображения из Instagram. Контент был подобран таким образом, чтобы вызывать восходящее, нисходящее или нейтральное сравнение.

После просмотра изображений, вызывающих восходящее сравнение, участники в среднем хуже оценивали собственное тело. При нисходящем сравнении показатели самооценки и оценки тела, наоборот, повышались. В нейтральной группе заметных изменений обнаружено не было.

При этом общий уровень самооценки после восходящего сравнения статистически значимо не изменился.

Этот момент важен, потому что показывает: социальное сравнение может влиять не на человека в целом, а на отдельную сферу его самооценки.

Например, человек может быть полностью уверен в своих профессиональных навыках или

учебных достижениях, но после просмотра фотографий определенного типа начать хуже относиться к собственной внешности.

Получается, что образ успеха в социальных сетях состоит из разных элементов. Человек может отдельно сравнивать свою карьеру, внешность, отношения, уровень дохода, социальную активность и другие стороны жизни.

Таким образом, социальное сравнение в цифровой среде может происходить одновременно по нескольким направлениям, а его последствия зависят от того, какая именно сфера оказывается в центре внимания.

Ближе всего к теме ценностей подходит исследование N. V. Rozenberg

«Constructing Success: Value Orientations of Youth in the Era of Social Networks», опубликованное в 2026 году [5].

В нем приняли участие 426 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет. Автор изучала, как цифровые медиа связаны с представлениями молодежи об успехе и насколько ценности, которые часто демонстрируются в социальных сетях, совпадают с личными жизненными ориентирами молодых людей.

Результаты показали интересное расхождение.

82,4% участников отметили, что цифровые медиа действительно влияют на формирование новых ценностей.

При этом 69,5% респондентов назвали «карьеру и успех» одной из основных ценностей, которые активно транслируются цифровыми платформами.

Однако когда участники говорили уже о собственном понимании успешной жизни, результаты оказались другими. На первом месте находились самореализация и личное развитие — 32,2%. Карьерный рост набрал 16% и занял только четвертое место.

Для данной темы это особенно важно. Молодой человек может каждый день видеть публикации о высоких зарплатах, бизнесе, престижной работе и карьерных достижениях. Он понимает, что именно такой образ успеха очень заметен в социальных сетях. Но это еще не значит, что лично для него карьера становится главной жизненной целью.

Для одного человека успешная жизнь действительно может быть связана с высоким доходом и профессиональным статусом. Для другого важнее возможность заниматься любимым делом. Для третьего — семья, свободное время и спокойный образ жизни.

Поэтому цифровая среда скорее создает большое количество заметных примеров и моделей успешной жизни, чем полностью определяет ценности человека.

Она может влиять на то, с чем молодежь себя сравнивает и какие жизненные ориентиры становятся более заметными, но окончательное представление об успехе все равно остается индивидуальным.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассмотренные исследования отличаются по выборке, методам и отдельным направлениям анализа, однако вместе они позволяют увидеть общую картину влияния социального сравнения в цифровой среде.

В исследовании Wang et al. [2](2017) приняли участие 696 человек в возрасте от 17 до 24 лет. С помощью онлайн-опроса было установлено, что восходящее социальное сравнение и самооценка связаны с субъективным благополучием молодежи.

Lee[3] (2022) провел онлайн-опрос среди 236 участников из Южной Кореи. Результаты показали, что склонность к социальному сравнению связана с психологическим благополучием, при этом важную роль играет уровень самооценки человека.

В исследовании Taylor и Armes [4](2024) участники просматривали контент из Instagram. Эксперимент показал, что восходящее социальное сравнение может приводить к снижению оценки собственного тела.

В исследовании Rozenberg [5](2026) приняли участие 426 человек в возрасте от 18 до 30 лет. На основе социологического опроса было установлено, что

социальные сети активно демонстрируют карьерный образ успеха, однако представления молодежи о личном успехе остаются более разнообразными.

Если сопоставить результаты этих исследований, можно заметить несколько общих

моментов.

Прежде всего, социальные сети значительно увеличивают количество ситуаций, в которых человек может сравнивать себя с другими. Пользователь постоянно сталкивается с чужими достижениями, внешностью, отношениями, карьерой и образом жизни.

Особенно важным оказывается восходящее сравнение, то есть сравнение себя с людьми, которые кажутся более успешными. При этом последствия могут проявляться совершенно по-разному. В одном случае сравнение связано с самооценкой и психологическим благополучием, в другом — с отношением к собственной внешности. Оно также может влиять на то, какие признаки человек начинает воспринимать как показатели успешной жизни.

При этом результаты исследований показывают еще один важный момент: то, что какая-либо ценность постоянно демонстрируется в социальных сетях, не означает, что человек автоматически принимает ее как собственную.

Например, пользователь может постоянно видеть публикации о карьерном росте и высоком доходе и понимать, что именно такой образ жизни часто представляется как успешный. Однако лично для него на первом месте могут оставаться семья, любимая работа, спокойствие или возможность заниматься тем, что ему действительно интересно.

Поэтому трансформация ценностей в цифровой среде выглядит сложнее, чем простая замена старых ориентиров новыми. Социальные сети скорее делают одни ценности более заметными, чем другие, увеличивают количество поводов для сравнения и могут менять их значимость в глазах человека. Но окончательное отношение к этим ценностям во многом остается индивидуальным.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

На основе проведенного анализа можно представить процесс трансформации ценностей в цифровой среде в виде следующей последовательности:

цифровая среда → образы «успешной жизни» → наблюдение за другими → социальное сравнение → оценка собственного положения → переоценка отдельных сфер жизни → сохранение или изменение жизненных ориентиров.

Эту модель можно рассмотреть на примере карьерного успеха.

Предположим, молодой человек видит публикацию знакомого о новой престижной работе. Сначала он просто получает информацию о чужом достижении, но затем может начать сравнивать его со своей собственной ситуацией. Если возникает восходящее сравнение, человек может почувствовать, что сам пока отстает или достиг недостаточно многого.

Такая ситуация способна повлиять на дальнейшее поведение. Например, человек может начать больше внимания уделять профессиональному развитию, искать новые возможности, проходить обучение или пересматривать собственные карьерные цели.

Однако возможна и другая реакция. Сравнив себя с более успешным в карьерном плане человеком, молодой человек может, наоборот, понять, что такой образ жизни ему не близок. В этом случае он может сохранить прежние приоритеты и по-прежнему ставить выше семью, образование, творчество, личное развитие или другие сферы жизни.

Таким образом, цифровая среда предоставляет человеку определенные примеры и ориентиры, но не заставляет его обязательно принимать их как собственные.

Именно поэтому молодежь можно рассматривать не только как объект влияния социальных сетей, но и как активного участника этого процесса. Молодой человек способен самостоятельно оценивать увиденные образы, соглашаться с ними, отвергать их или переосмысливать в соответствии со своими личными ценностями и жизненным опытом.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.

Результаты данного исследования могут быть полезны в образовательной и молодежной работе, особенно при обсуждении влияния социальных сетей на восприятие себя и своих жизненных целей.

Одним из важных направлений здесь является развитие критического отношения к цифровому контенту. Молодому человеку важно понимать, что публикации в социальных сетях чаще всего показывают только отдельные моменты жизни и не дают полного представления о человеке и его реальной ситуации.

Например, фотография дорогого автомобиля может создавать впечатление высокого уровня жизни, но при этом ничего не говорить о кредитах, долгах или других финансовых обязательствах. Публикация из путешествия показывает красивый момент поездки, но не отражает остальные стороны жизни человека. То же самое относится и к отношениям: фотография счастливой пары еще не говорит о том, что в их отношениях нет трудностей или конфликтов.

Поэтому важно уметь различать две вещи: то, что часто демонстрируется в социальных сетях как признак успеха, и то, что действительно имеет значение лично для самого человека.

В образовательной среде эту тему можно обсуждать через вопросы для саморефлексии:

* Что лично для меня означает успешная жизнь?
* Какие признаки успеха я чаще всего замечаю в социальных сетях?
* Сравниваю ли я себя с другими пользователями?
* Какие цели действительно являются моими?
* Какие желания или цели могли появиться под влиянием окружающих?
* Какие стороны собственной жизни я сам не показываю в социальных сетях?

Такие вопросы могут помочь молодым людям внимательнее относиться к тому, как цифровая среда влияет на их ожидания, самооценку и жизненные ориентиры.

Отдельным направлением дальнейшего исследования может стать проведение собственного опроса среди молодежи Казахстана. В таком исследовании можно изучить, как часто молодые люди пользуются социальными сетями, насколько они склонны сравнивать себя с другими, что считают успешной жизнью и какое место в их системе ценностей занимают материальные и нематериальные ориентиры.

Это позволило бы лучше понять, как описанные процессы проявляются именно в казахстанском контексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было изучено влияние цифровой среды и социального сравнения на ценностные ориентиры молодежи и представления об успешной жизни. Установлено, что социальные сети усиливают значимость таких

ценностей, как карьера, материальное благополучие, внешность, образование и саморазвитие. Анализ и сравнение эмпирических исследований показали, что

социальное сравнение может снижать самооценку и удовлетворенность собой, но также мотивировать к развитию. На основе полученных результатов была

разработана социологическая модель: цифровая среда → образ успешной жизни

→ социальное сравнение → оценка себя → переосмысление ценностей.

Практическая значимость исследования заключается в развитии

медиаграмотности и критического восприятия контента социальных сетей. Таким образом, цифровая среда не формирует ценности с нуля, а влияет на их

значимость и восприятие собственных достижений молодежью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954. Vol. 7. No. 2. P. 117–140.

2. Wang J.-L., Wang H.-Z., Gaskin J., Hawk S. The Mediating Roles of Upward Social Comparison and Self-esteem and the Moderating Role of Social Comparison

Orientation in the Association between Social Networking Site Usage and Subjective Well-Being // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Article 771. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00771.

3. Lee J. K. The Effects of Social Comparison Orientation on Psychological Well-Being in Social Networking Sites: Serial Mediation of Perceived Social Support and Self-Esteem // Current Psychology. 2022. Vol. 41. No. 9. P. 6247–6259. DOI: 10.1007/s12144-

020-01114-3.

4. Taylor J., Armes G. Social Comparison on Instagram, and Its Relationship with Self-esteem and Body-esteem // Discover Psychology. 2024. Vol. 4. Article 126. DOI: 10.1007/s44202-024-00241-3.

5. Rozenberg N. V. Constructing Success: Value Orientations of Youth in the Era of Social Networks // Science. Society. State. 2026. Vol. 14. No. 2. P. 105–116. DOI: 10.21685/2307-9525-2026-14-2-9.

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Калыкова С.Б.
Студентка 4-го курса ОП 6B03104 - Международные отношения, Университет “Нархоз”
г. Алматы, Казахстан
e-mail: sabina.kalykova@narxoz.kz
Научный руководитель: доктор политических наук, профессор Андиржанова Г.А.

Исследование посвящено анализу глобальных экологических проблем в сфере гендерного неравенства как фактора международной безопасности. Рассматриваются структурные причины уязвимости различных гендерных групп в условиях экологической трансформации. Особое внимание уделяется аргументации, что экологическая деградация в странах Юго-Восточной Азии и Африки непропорционально увеличивает нагрузку на часть женского населения, создавая проблему доступа к базовым ресурсам. В работе обосновывается необходимость рассмотрения сферы экологического давления через призму социального конструкта и интеграции гендерного подхода в стратегиях экологической безопасности.

В условиях современной международной политики сфера экологического кризиса, а точнее негативное воздействие на окружающую среду приобретает беспрецедентные масштабы. Однако последствия изменения климата, деградации ресурсов и экологических катастроф представляют не только прямые международные проблемы, но и могут стать катализаторами вызовов в нетрадиционных сферах. Все чаще в международной научной повестке встречаются тезисы о том, что экологические вызовы не являются гендерно нейтральными. Люди, вне зависимости от пола сталкиваются с рядом экологических проблем, но именно половая принадлежность влияет на возникновение разных рисков. Женщины и мужчины обладают разным уровнем адаптивных возможностей, что делает вопрос гендерного неравенства все более актуальным даже в сфере экологической безопасности.

Экологические вызовы все больше и больше выступают как фактор социальных трансформаций с усугублением состояния окружающей среды. Несмотря на кажущуюся “гендерную нейтральность”, даже эта сфера на практике показывает неравномерные последствия экологического сектора. Статистические данные международных организации (UN, CCAC, WHO) подтверждают, что женщины наиболее подвержены рискам, связанными с климатическими изменениями, из-за ограниченного доступа к ресурсам, разным возможностям и уровнем безопасности. Как сказала Дэна Кроухолл-Дук, – “Изменение климата и загрязнение воздуха не являются гендерно-нейтральными”.[1, 2]

Традиционная политика безопасности долгое время игнорировала социальные аспекты в сфере экологии. Цель данной статьи - проанализировать взаимосвязь между экологической уязвимостью и гендерной нестабильностью, а также предложить некоторые подходы к решению экологического неравенства на международной арене.

Изменение климата - одна из тонких и наиважнейших проблем нашего времени, которая способствует нестабильности и угрозе жизни для наиболее уязвимых социальных групп. Понятие “гендерно чувствительного” подхода помогает понимать социальные, политические, культурные, экономические и другие сферы, учитывая призму дискриминации и неравенства.[2, 2] Именно это теория объясняет факторы риска женской безопасности в экологической политике.

Почему же женщины более склонны к последствиям окружающей среды? Еще с давней истории ясно, что женщины больше связаны с окружающей средой, чем мужчины. В то время как мужчины занимались исключительно добычей пропитания, женщины занимались

садоводством, собирательством, охотой и ремеслом. Несмотря на прошедшее количество времени, традиции остались: в современную эпоху женщины остаются защитницами экологии и больше вовлечены в процессы окружающей среды. В проведенном исследовании 2025 года среди избирателей США, выявило, что женщины значительно чаще голосуют за борьбу изменениям климата и экологическими проблемами. 62% голосующих за борьбу окружающей среды - женщины, когда остальные 37% - мужчины.[3, 2] Шведское исследование 2021 года в свою очередь показало, что мужчины являются источником большего выброса парниковых газов, увеличивая уровень распространения на 16%.[4, 2] Экологические последствия также в большей степени являются причинами миграции для женщин, чем для мужчин. Согласно данным ООН за 2018 год, 80% людей, мигрирующих по последствиям климатических изменений, составляют женщины.[5, 2] Эти небольшие

исследовательские данные показывают, что женщины более внедрены в окружающие нас экологические процессы.

Один из немаловажных факторов близкого взаимодействия женщин с экологией является трудовая сфера. Исследования FAO (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) в 2023 году подтверждает, что женщины производят 60-80% продуктов питания в большинстве развивающихся странах и являются ответственными за половину мирового производства продуктов питания.[6, 2] Засуха и водные катаклизмы приводят к увеличению последствий как и для самого сельского хозяйства, так и для здоровья женщин, работающих непосредственно “на земле”. Именно это обуславливается широким спектром рисков в ходе которых женщины могут сталкиваться с биологическими, социальными, экономическими и комбинированными последствиями.

Здоровье человека напрямую зависит от качества воздуха, питьевой воды, пищевых продуктов, условиях проживания и других сфер, зависящих от экологической обстановки на планете. Работа в сельской местности катастрофически влияет на здоровье женского населения, это может быть подтверждено влиянием биомасс, которые используются во время готовки пищи в Африканских регионах. Так, в районах Кении 92% женщин и 95% детей имели хронический кашель в течение года, а 31.5% отмечали хрипы [7, 3], в то время как в регионах Индии примерно 16.3% женщин старше 40 лет страдают COPD (Хроническая обструктивная болезнь легких). [8, 3] Климатические изменения также однозначно влияют на беременное положение женщины и ее ребенка. Загрязнение атмосферного воздуха во время беременности способствует преждевременным родам, среди 1540 родов 229 (15%) были преждевременными, данные показатели были выявлены в Уганде.[9, 3]

Экологические изменения в глобальных масштабах также способствуют социальным напряжениям женского населения. Именно женщины наиболее подвержены жизненному риску во время природных катастроф. Эти данные можно объяснить высоким уровнем безработных, в то время как мужчины находятся на работе, женщины нередко становятся свидетелями природных катастроф. Во время таких бедствий, вторая часть населения стараются защитить своих родных и близких, тем самым подвергая себя чрезвычайной опасности, что впоследствии становится для них летальным исходом. Примером таких бедствий является цунами, произошедший в Индонезии в 2004 году, где 77% всех пострадавших составили женщины и дети.[10, 3] Аналогичные тенденции прослеживаются в природно нестабильном регионе, где

неоднократно происходят случаи цунами и землетрясений - Бангладеш. К обучению женщин плаванию относятся скептически, что резко снижает шансы на выживания во время действий. Мало того, государственная политика устроена так, что женщины не могут самостоятельно покинуть дом, это также увеличивает процент пострадавших женщин от “не знания” надвигающейся катастрофы.[11, 3]

Также нельзя не отметить другую сторону медали природных катастроф - насилие. После глобальных бедствий, как правило, территория находиться в уязвимом состоянии, дома, центры и места укрытия часто разрушены. Именно во время таких катастроф женщины находятся в уязвимом состоянии, например, после урагана “Катрина” в районах штата Миссисипи наблюдался рост насилия с 33.6% до 45.2%, не говоря о чувстве незащищенности женщин и их детей во временных убежищах.[12, 3] Подобные случаи наблюдались в индийских штатах

Тамилнад (физическое насилие увеличилось на 61%, сексуальное насилие увеличилось на 232%) и Карнатак (увеличилось эмоциональное насилие на 122%).

Не уходя далеко от темы насилия, важно отметить, что женское население также сталкивается с подобными преступлениями из-за трудной доступности базовых физиологических потребностей. Такие случаи не редкость в штате Юнити Южного Судана, где в 2018 году за 4 месяца пострадали 175 женщин и детей, что примерно 1-2 преступления в день (иногда доходило до 5). Население подвергалось надругательствами во время походом за дровами, едой или водой. “Нас могут насиловать, если мы идем по главной дороге, нас могут износиловать, если мы пробираемся через заросли, это может случиться везде”, — сообщила одна из пострадавших.[13, 3-4] Данные случаи непосредственно связаны с острой нехваткой продовольствия, базовых природных ресурсов и деградацией среды обитания. Засуха, разрушение водной инфраструктуры и продовольственный кризис вынуждают женщин и детей регулярно покидать относительно безопасные населенные пункты и перемещаться на дальние расстояния в поисках еды, воды или топлива.

Повторяясь о теме домохозяйств и сельской местности, нельзя не отметить экономические вызовы, которые непосредственно зависят от экологической обстановки. Климатические засухи и наводнения влияют на качество и количество урожая в сельской местности, так по статистике FAO UN выяснилось, что тепловой стресс ежегодно увеличивает разрыв в доходах между домохозяйствами, возглавляемыми женщинами и мужчинами, примерно на 37 мрдл долл. США, а наводнения - еще на 16 млрд долл. [14, 4] Причинами такой колоссальной зависимости является ограниченный

доступ высококвалифицированной работе, то есть к технологиям, знаниям и финансовым услугам.

Учитывая увеличение актуальности проблемы гендерного неравенства в экологическом аспекте, многие международные акторы стали создавать механизмы по решению данных вызовов. Такие организации, как OSCE, UN, EU и др. выделяют возможности и рекомендуемые меры по решению данных вызовов. Среди ключевых институциональных механизмов можно выделить деятельность структур ООН - UN Women, UNDP, UNEP, которые внедряют принцип “гендерного мейнстриминга” в проекты по устойчивому развитию, адаптации к изменению климата и управлению природными ресурсами. Если рассматривать экономический сектор, немаловажную роль играют международные финансовые институты - World Bank, ADB, GEF и др., обеспечивающие финансирование программ, направленные на расширение участия женщин в природоохранительной деятельности, развитие “зеленой” экономики и повышение устойчивости уязвимых сообществ.

Также нельзя не отметить значимую роль Целей устойчивого развития, а точнее ЦУР 5 (гендерное равенство) и ЦУР 13 (борьба с изменением климата), которые закрепляют основополагающую роль гендерной политики и экологической повестки в качестве приоритетного направления устойчивого развития.

Экологические катастрофы и климатические изменения выступают катализатором существующего структурного неравенства. Женщины чаще подвержены риску в силу социально-культурным ограничений, ограниченного доступа к информации, образованию, навыкам выживания и экономическим ресурсам.

Таким образом, гендерное измерение экологических проблем не является вторичным или сопутствующим фактором, а представляет собой ключевой элемент устойчивого развития. Эффективное реагирование на климатические вызовы требует комплексного подхода, а точнее интеграции принципов гендерного мейнстриминга в экологическую политику и разработки программ, направленных на расширение экономических, социальных и политических возможностей женщин. Только при условии системного учета гендерной специфики возможно формирование справедливой и устойчивой модели гендерного развития.

Список литературы

1. Climate and Clean Air Coalition. Gender-responsive project in cooling [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.ccacoalition.org/ru/events/gender-responsive-

projects-cooling (Дата обращения: 07.02.26)

2. UN-REDD Programme. Глоссарий по гендерному равенству: Gender-sensitive approach [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: https://www.un-redd.org/glossary/gender-sensitive? cf_chl_tk=7sXYG6ejuvUlqcdfAgFw9YQ5BiRwavHk3u55f19MTPE-1790672413-1.0.1.1-urOPSsy.nAkGGKmZ2JKpxhyy6joOZbjIK5kIOgQdtYA (Дата обращения: 07.02.26)

3. Marrero Y. Conserve like a girl: The numbers behind the divide [Электронный ресурс] // Earth day. – 2025. – URL: https://www.earthday.org/conserve-like-a-girl/ (Дата обращения: 07.02.26)

4. Carrington D. Men cause more climate emissions than women, study finds [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2021. – URL: https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/21/men-cause-more-climate-emis sions-than-women-study-finds (Дата обращения: 07.02.26)

5. Halton M. Climate change 'impacts women more than men' [Электронный ресурс] // BBC News. — 2018. — URL: https://www.bbc.com/news/science-environment-43294221 (Дата обращения: 07.02.26)

6. Davies V. Women produce up to 80% of food in developing countries [Электронный ресурс] // Family Farming Knowledge Platform, Food and Agriculture Organization or United Nations. – 2023. – URL: https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/1634537 (Дата обращения: 07.02.26)

7. Dida G.O., Lutta P.O., Abuom P.O., Mestrovic T., Anyona D.N. Factors predisposing women and children to indoor air pollution in rural villages, Western Kenya // Archives of Public Health. – 2022. – Vol. 80. – Article 46. – URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s13690-022-00791-9 (Дата обращения: 07.02.26)

8. Mendonsa K. 16.3% women have COPD, highest in rural areas: Study Times of India [Электронный ресурс] // The Times of India. — 2025. — URL: https://timesofindia.indiatimes.com/city/mangaluru/16-3-women-have-copd-highest-in-rural-areas-study/articleshow/120939279.cms (Дата обращения: 07.02.26)

9. Uganda National Institute of Public Health. Effect of ambient air pollution during pregnancy on preterm births: time to event analysis in Kampala city, Uganda, October 2021-September 2022 [Электронный ресурс]. – 2023. — URL: https://uniph.go.ug/effect-of-ambient-air-pollution-during-pregnancy-on-preterm-birth s-time-to-event-analysis-in-kampala-city-uganda-october-2021-september-2022/ (Дата обращения: 08.02.26)

10. ООН волнует непропорционально высокое число женщин среди жертв стихийных бедствий [Электронный ресурс] // Новости ООН. – 2017. – URL: https://news.un.org/ru/story/2017/05/1305361 (Дата обращения: 08.02.26)

11. Глушкова М. Незаметная смерть: почему у женщин меньше шансов выжить во время войны, эпидемии и природных катаклизмов [Электронный ресурс] // Knife.media. – 2020. – URL: https://knife.media/invisible-women/ (Дата обращения: 08.02.26)

12. Почему женщины сильнее страдают от природных катастроф [Электронный ресурс] // Forbes Kazakhstan. –2023. – URL: https://forbes.kz/articles/pochemu_jenschinyi_indii_silnee_stradayut_ot_prirodnyih_k atastrof (Дата обращения: 08.02.26)

13. Сексуальное насилие в Южном Судане приобрело масштабы эпидемии [Электронный ресурс] // Новости ООН. – 2019. – URL: https://news.un.org/ru/story/2019/02/1349221 (Дата обращения: 08.02.26)

14. The Unjust Climate: Measuring the Impact of Climate Change on Rural Poor, Women and Youth [Электронный ресурс] // Food and Agriculture Organization of the United Nations. — 2024. — URL: https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/62b46527-6ddc-4b8b-9078-bc32c14978f5/content (Дата обращения: 10.02.26)

ДІНГЕ ҚАРСЫ КЕҢЕСТІК САЯСАТ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИСЛАМ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: САБАҚТАСТЫҚ ПЕН ПОСТКЕҢЕСТІК МӘСЕЛЕЛЕР

Қадыр А.Ғ., Дулат Н.Қ.
6В01601-Тарих және дінтану 4 курс студенттері, Ш.Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті,
Көкшетау қ., Қазақстан
e-mail: aaulymkadyrova7@gmail.com; nurgul.dulat02@mail.ru
Ғылыми жетекші: сеньор-лектор Абдрахманова С.А.

Аңдатпа: Мақалада дінге қарсы кеңестік саясаттың Қазақстандағы ислам діндарлығының өзгеруіне ықпалы және оның тәуелсіздік кезеңіндегі ықтимал салдарлары қарастырылады. Тарихи-салыстырмалы талдау мен Питер Бергер және Чарльз Тейлордың социологиялық тұжырымдамалары негізінде мұсылман дінбасыларының қуғын-сүргінге ұшырауы, діни білім алуға қойылған шектеулер және исламдық білімді ұрпақтан ұрпаққа жеткізу тетіктерінің өзгеруі зерттеледі. Мұсылмандық бірегейлік, діни білім және діни тәжірибе арасындағы айырмашылықтарға, сондай-ақ діни сауаттылықтың әлсіреуі адамның радикалды үгіт-насихатқа осал болуына ықпал етуі мүмкін деген мәселеге ерекше назар аударылады. Кеңестік мұра қазіргі діни үдерістерді өзгерткен тарихи факторлардың бірі ретінде қарастырылып, бүгінгі діни құбылыстардың барлығын тек осы фактор арқылы түсіндіруге болмайтыны тұжырымдалады.

Түйін сөздер: Қазақстан, ислам, дінге қарсы кеңестік саясат, діни сана, секулярлану, діни білім, ұрпақаралық сабақтастық, діни сауаттылық, радикалдану.

Дін тек сенімдер мен ғұрыптардың жиынтығы ғана емес, сонымен қатар мәдени жадының, адамгершілік ұстанымдардың және қоғамдық бірегейліктің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Қазақ қоғамында ислам діні ұзақ тарихи кезең бойы отбасылық дәстүрлермен, білім беру жүйесімен, мінез-құлық нормаларымен және рухани жауапкершілік туралы түсініктермен тығыз байланыста дамыды. Сондықтан діннің қоғамдық өмірдегі орнының өзгеруі жекелеген адамдардың діни сеніміне ғана емес, мәдени және діни тәжірибені ұрпақтан ұрпаққа жеткізу тәсілдеріне де әсер етті.

Кеңес өкіметінің орнауы мемлекет пен дін арасындағы қатынастарды елеулі түрде өзгертті. Марксизм-ленинизм идеологиясы материалистік дүниетанымға негізделді, ал ресми идеологиялық дискурста дін өткен дәуірдің сарқыншағы ретінде қарастырылды. Қазақстанда дінге қарсы саясат діни мекемелер қызметін шектеумен, атеистік насихатпен және мұсылман дінбасыларының бір бөлігін қуғын-сүргінге ұшыратумен қатар жүрді. Г. Алпыспаева мен Г. Жұманның архивтік құжаттарға негізделген зерттеуі кеңес өкіметінің мұсылмандық институттармен қарым-қатынасы мемлекеттік бақылаудың күшеюіне және дінге қарсы саясаттың қатаңдауына қарай қалай өзгергенін көрсетеді [1].

Алайда бұл үдерістердің тарихи салдары мешіттердің жабылуы мен діни қайраткерлердің қуғындалуымен ғана шектелмейді. Діни білімнің аға ұрпақтан кейінгі ұрпаққа берілу жағдайларының өзгеруі де маңызды мәселе болып табылады. Егер жүйелі діни білім алу шектеліп, діни институттардың ағартушылық қызметі әлсіресе, бұл кейінгі ұрпақтардың діни бірегейлігінің қалыптасуына ықпал етуі мүмкін.

Мақаланың мақсаты - кеңестік дінге қарсы саясаттың Қазақстандағы исламдық білімнің ұрпақаралық сабақтастығына ықпалын талдау және оның посткеңестік қоғамдағы діндарлық ерекшеліктерімен ықтимал байланысын қарастыру.

Зерттеудің әдіснамалық негізін тарихи-салыстырмалы талдау, ғылыми әдебиеттерді зерделеу және дін социологиясының тұжырымдамаларын қолдану құрайды. Мақала талдамалық сипатқа ие. Ұрпақтар арасындағы айырмашылықтар мен діни сауаттылыққа қатысты тұжырымдар архивтік материалдар, сұхбаттар және социологиялық зерттеулер арқылы қосымша тексеруді қажет етеді.

Кеңестік дінге қарсы саясат және діни сабақтастықтың өзгеруі

1917 жылғы революциядан кейінгі алғашқы жылдары кеңес өкіметінің мұсылмандық

институттарға қатысты саясаты біркелкі болған жоқ. Орталық Азияның кейбір аймақтарында кеңестік органдар мен мұсылман зиялыларының өкілдері арасында ынтымақтастықтың жекелеген түрлері де кездесті. Алайда кеңес билігі нығайған сайын, әсіресе 1920-жылдардың соңынан бастап, діни институттарға қысым күшейді. Кеңестік ислам тарихына арналған зерттеулер бұл өзгерістердің біртіндеп жүргенін және олардың идеологиялық бағыттың өзгеруімен қатар, мемлекеттік бақылаудың күшеюіне байланысты болғанын көрсетеді [2].

1920–1930 жылдары Қазақстандағы діни қызметке елеулі шектеулер қойылды. Мешіттер мен медреселер жабылып, діни білім алу мүмкіндіктері қысқарды, ал мұсылман дінбасылары қуғын-сүргінге ұшырады. Жаппай саяси қуғын-сүргін кезеңінде имамдар, молдалар және басқа да діни қайраткерлер кеңес өкіметіне қарсы әрекет жасады, ұлтшылдық танытты немесе контрреволюциялық ұйымдарға қатысты деген айыптармен қудаланды. Олардың көпшілігі тұтқындалып, лагерьлерге жіберілді немесе атылды.

Дінге қарсы саясат әкімшілік шаралармен ғана шектелмей, идеологиялық ықпал ету әдістерін де қамтыды. Баспасөз, білім беру жүйесі және қоғамдық ұйымдар арқылы атеистік дүниетаным насихатталды. Діни білім кеңестік білім беру жүйесіне қарсы қойылып, дәстүрлі діни институттарға адалдық кейде артта қалушылықтың белгісі ретінде көрсетілді. Соның салдарынан дін қоғамдық және ағартушылық қызметінің бұрынғы мүмкіндіктерінің бір бөлігінен айырылды.

Бұл саясаттың салдарын түсіну үшін мешіттер мен медреселердің тек құлшылық орындары болмағанын ескеру қажет. Олар діни мәтіндерді, ғұрыптарды, адамгершілік қағидаларын және ислам тарихын үйрететін маңызды орталықтар еді. Дінбасыларды қудалау және діни білімге шектеу қою осы білімді жеткізудің қалыптасқан арналарына нұқсан келтірді.

Сонымен бірге ислам қазақ қоғамының өмірінен толық жойылып кеткен жоқ. Ол отбасылық дәстүрлерде, жерлеу рәсімдерінде, діни мерекелерде және ата-бабаларды құрметтеу мәдениетінде сақталды. Кейбір отбасыларда үлкендер діни білімді кейінгі ұрпаққа жеткізуді жалғастырды. Ал басқа отбасыларда діни дәстүрлердің жекелеген элементтері ғана сақталып, уақыт өте келе олардың бастапқы мағынасы көмескіленуі мүмкін еді.

Осылайша, кеңестік саясат исламның өмір сүру жағдайларын өзгертіп, діни білім берудің кейбір институционалдық тетіктерін әлсіретті. Алайда оның салдары аймаққа, отбасылық тәжірибеге және бейресми діни білім көздерінің қолжетімділігіне қарай әртүрлі болды.

Діни бірегейлік пен секулярлану: теориялық тәсілдер

Бұл өзгерістерді талдау үшін Питер Бергердің «Қасиетті шымылдық» атты еңбегінде баяндалған тұжырымдамасы пайдалы. Бергер қоғамды адам әрекетінің нәтижесінде қалыптасып, уақыт өте келе объективті шындық сипатында қабылданатын әлеуметтік құбылыс ретінде қарастырады. Адам әлеуметтену үдерісінде қоғамдық институттар мен нормаларды меңгеріп, оларды табиғи әрі қалыпты құбылыстар ретінде қабылдай бастайды [3].

Бұл тәсіл Қазақстан тарихына қатысты қолданылғанда, кеңестік мектепті, ресми идеологияны және діни білімге қойылған шектеулерді діни түсініктердің берілуіне ықпал еткен факторлар ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Егер адам дін ресми білім беру жүйесінде іс жүзінде көрініс таппайтын, ал атеизм ғылыми дүниетаным ретінде насихатталатын ортада өссе, оның дінге қатынасы алдыңғы ұрпақтардың көзқарасынан өзгеше болуы мүмкін.

Сонымен қатар Бергердің теориясы мемлекеттік саясат адамның санасын толықтай анықтайды дегенді білдірмейді. Отбасылық тәрбие, жеке тәжірибе, әлеуметтік орта және бейресми діни білім беру түрлері ресми атеизм жағдайында да діни түсініктердің сақталуына немесе қайта қалыптасуына ықпал ете алады.

Чарльз Тейлордың «Зайырлы ғасыр» атты еңбегі мәселенің басқа қырын ашады. Ол тарихи өзгерістердің нәтижесінде сенім дүниені түсіндірудің жалғыз мүмкін тәсілі ретінде қабылданбай, дүниетанымның ықтимал нұсқаларының біріне айналу үдерісін зерттейді [4]. Кеңестік Қазақстан осы тұрғыдан ерекше жағдай болды, өйткені зайырлы дүниетанымның таралуы діни институттарды шектеумен және идеологиялық қысыммен қатар жүрді.

Осы теориялық тәсілдер діни бірегейлік пен діни сауаттылықтың арақатынасы туралы мәселе көтеруге мүмкіндік береді. Адам отбасылық шығу тегі мен мәдени ортасына байланысты өзін мұсылман деп санауы мүмкін, бірақ ислам ілімі туралы жүйелі білімі болмауы

ықтимал. Ал басқа адам исламды терең зерттегенімен, өзінің діни тиесілігін өзгеше білдіруі мүмкін.

Сондықтан діндарлықты бірнеше өлшемнен тұратын құбылыс ретінде қарастырған жөн. Оларға діни өзіндік сәйкестену, жеке сенім, діни білім, діни тәжірибе және діни өмірге қатысу жатады. Мұндай жіктеу кеңестік кезеңде өмір сүрген адамдардың барлығы сенімінен айырылды немесе мәдени мұсылмандық бірегейлік міндетті түрде бірдей діни білім деңгейін білдіреді деген сияқты қарапайым тұжырымдардан сақтайды.

Посткеңестік кезеңдегі исламның жаңғыруы және діни сауаттылық мәселесі Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін, 1991 жылдан бастап, діни дәстүрлердің дамуына жаңа мүмкіндіктер ашылды. Мешіттер ашуға, діни білім беруді ұйымдастыруға және ислам әдебиетін таратуға жағдай кеңейді. Ислам қоғамдық өмірдің маңызды бөлігі ретінде қайта көрініп, діни тиесілікті ашық

білдіру мүмкіндігі артты.

Алайда діни институттардың қайта қалыптасуы бұрынғы онжылдықтарда әлсіреген білім беру сабақтастығын автоматты түрде қалпына келтіре алмады. Діни кадрларды даярлау мәселесі посткеңестік дамудың маңызды бағыттарының біріне айналды. Ділшод Ачиловтың Қазақстандағы исламдық білім беру жүйесіне арналған зерттеуінде білім беру ресурстары мен жергілікті имамдарды даярлауға қатысты мәселелер қарастырылып, тұрақты исламдық білім беру жүйесін дамытудың маңызы көрсетіледі [5].

Халықаралық байланыстардың кеңеюі Қазақстан қоғамына исламдық ой-пікір мен діни білім берудің әртүрлі бағыттарымен танысуға мүмкіндік берді. Бұл дінді зерттеу мүмкіндіктерін арттырғанымен, оқытудың сапасына, дереккөздердің сенімділігіне және діни білім мен идеологиялық үгіт-насихатты ажырата білуге қойылатын талаптарды да күшейтті.

Сонымен бірге шетелдік діни ұстаздардың барлығын біліктілігі төмен немесе радикалды көзқараста болды деп бағалау дұрыс емес. Негізгі мәселе олардың шыққан елінде емес, білімінің сапасында, кәсіби даярлығында, уағыз мазмұнында және діни білім берудің ғылыми әрі қоғамдық жауапкершілік талаптарына сәйкестігінде.

Осы тұрғыдан алғанда, діни сауаттылық ерекше маңызға ие. Ол тек ғұрыптарды және діни ілімнің негізгі қағидаларын білумен шектелмейді. Діни мәтіндердің тарихи контекстін түсіну, ақпарат көздерінің сенімділігін тексеру, пікір мен нақты деректі ажырату, өшпенділікке немесе зорлық-зомбылыққа шақыратын тұжырымдарға сыни тұрғыдан қарау да діни сауаттылықтың құрамына кіреді.

Жүйелі діни білімнің жеткіліксіздігі манипуляцияны тануды қиындатуы мүмкін. Діни пікірлерді әртүрлі дереккөздермен салыстырып, олардың мәнмәтінін түсіну мүмкіндігі шектеулі адам өз түсінігін жалғыз дұрыс жол ретінде көрсететін топтардың ықпалына түсуі ықтимал. Дегенмен діни сауатсыздық радикалданудың жалғыз себебі емес. Оған әлеуметтік оқшаулану, жеке дағдарыстар, белгілі бір топқа тиесілі болуға ұмтылу, әділетсіздік сезімі, айналаның ықпалы және интернеттегі радикалды үгіт-насихат та әсер етуі мүмкін.

Сондай-ақ діндарлық пен экстремизмді бір-бірінен ажырату қажет. Исламды терең зерттеу, діни қағидаларды сақтау немесе өмір салтын өзгерту өздігінен радикалданудың белгісі болып саналмайды. Негізгі назар зорлық-зомбылықты ақтауға, діни өшпенділікті қоздыруға, мәжбүрлеуге және экстремистік әрекеттерді қолдауға аударылуы керек.

Демек, кеңестік мұра мен қазіргі радикалдану тәуекелдерінің арасындағы байланысты зерттеуді қажет ететін ғылыми болжам ретінде қарастырған жөн. Оны дәлелдеу үшін адамдардың діни білім алу жолдарын, сенімді ақпарат көздеріне қолжетімділігін және радикалды топтардың ықпалына түсу жағдайларын арнайы зерттеу қажет.

Ұрпақаралық жады және отбасындағы дінге көзқарас

Кеңестік тәжірибе дін туралы білімге ғана емес, оған деген эмоциялық қатынасқа да ықпал етуі мүмкін. Жастық және ересек өмірі кеңестік кезеңге тұспа-тұс келген адамдардың бір бөлігі үшін діни тәжірибе қоғамдық шектеулермен, теріс көзқараспен немесе сенімін ашық білдірудің ықтимал салдарына қатысты алаңдаушылықпен байланысты болды.

1991 жылдан кейін жағдай өзгергенімен, бұрынғы өмірлік тәжірибе бірден жойылған жоқ. Кейбір отбасыларда балалар мен немерелердің исламды белсенді түрде зерттей бастауы

алаңдаушылық тудыруы мүмкін еді. Ата-аналар діннің өзінен гөрі жақындарының мінез-құлқының күрт өзгеруінен, отбасылық жанжалдардан немесе белгісіз діни топтардың ықпалына түсуден қауіптенуі ықтимал.

Алайда мұндай алаңдаушылықты тек кеңестік өткенмен түсіндіруге болмайды. Оған қазіргі экстремистік ұйымдар туралы ақпарат, жеке бақылаулар және жаңа діни қозғалыстар жөніндегі мәліметтердің жеткіліксіздігі де әсер етуі мүмкін. Сонымен қатар аға ұрпақтың діни көзқарасы біркелкі емес: көптеген отбасылар кеңестік кезеңнің өзінде исламдық дәстүрлерді сақтап, балалардың діни білім алуына қолдау көрсеткен.

Ұрпақтар арасындағы айырмашылықтарды зерттеу үшін М. А. Подлеснаяның «Әлеуметтік өзгерістер жағдайындағы православиелік діндарлық» атты монографиясы әдіснамалық тұрғыдан пайдалы үлгі бола алады [6]. Автор кеңестік және посткеңестік ұрпақтарға жататын православие дінін ұстанушылардың өмір тарихтары арқылы әлеуметтік өзгерістер мен діни тәжірибенің қалыптасуы арасындағы байланысты зерттейді. Еңбек православие дініне арналғанымен, оның зерттеу тәсілін Қазақстандағы исламды зерттеуде де қолдануға болады. Алайда мұндай жағдайда тұжырымдар мұсылман отбасылары туралы дербес зерттеу материалдарымен негізделуі қажет.

Болашақ зерттеулердің перспективалы бағыты - кеңестік кезеңде өскен адамдардың, олардың балаларының және қазіргі жастардың өмір тарихтарын салыстыру. Сұхбаттар арқылы отбасында қандай діни білімнің берілгенін, тәуелсіздік алғаннан кейін қандай ақпарат көздерінің пайдаланылғанын және әртүрлі ұрпақ өкілдерінің діни білімге неліктен әртүрлі қарайтынын анықтауға болады.

Дінге қарсы кеңестік саясат Қазақстандағы ислам діндарлығының өзгеруіне ықпал еткен маңызды факторлардың бірі болды. Діни білімге қойылған шектеулер, дінбасылардың бір бөлігінің қуғын-сүргінге ұшырауы және мемлекеттік атеизмнің таралуы исламдық білімді ұрпақтан ұрпаққа жеткізу жағдайларын өзгертті. Сонымен бірге ислам отбасылық жадыда, салт-дәстүрлерде және мәдени бірегейлікте сақталып қалды. Сондықтан кеңестік саясаттың салдары бүкіл қоғамда бірдей болған жоқ.

Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін діни өмірдің дамуына жаңа мүмкіндіктер ашылды. Алайда мешіттер мен діни ұйымдардың қайта қалыптасуы бұрынғы білім сабақтастығын автоматты түрде қалпына келтіре алмады. Посткеңестік кезеңде сапалы діни білім беруді дамыту, жергілікті мамандарды даярлау және діни ақпарат көздерін сыни тұрғыдан бағалау дағдыларын қалыптастыру маңызды міндеттерге айналды.

Тарихи тәжірибе аға ұрпақтың жастардың діни өміріндегі өзгерістерге не себепті алаңдаушылықпен қарауы мүмкін екені туралы да мәселе көтереді. Дегенмен қазіргі діндарлықтың ерекшеліктері мен радикалдану тәуекелдерін түсіндіру үшін кеңестік мұрамен қатар отбасылық тәрбие, әлеуметтік орта, білім беру сапасы және жеке тәжірибе де ескерілуі қажет.

Осылайша, дінге қарсы кеңестік саясатты Қазақстандағы діни сабақтастықтың өзгеруіне ықпал еткен тарихи алғышарттардың бірі ретінде қарастырған жөн. Оны қазіргі мәселелердің жалғыз себебі деп түсіндіру дұрыс емес. Архивтік материалдарға, ұрпақтарды салыстыруға және өмір тарихтарын талдауға негізделген келешек зерттеулер тарихи жады мен діни білімнің қазіргі Қазақстан қоғамындағы ислам діндарлығына қалай ықпал ететінін тереңірек анықтауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Alpyspaeva G. A., Zhuman G. Islamic discourse in the state-confessional policy of the Soviet government in Kazakhstan (1920–1930s) // Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. Vol. 138, No. 1. P. 7–24. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7255-

2022-138-1-7-24.

2. Yemelianova G. M. Central Asia and Kazakhstan // Islamic Leadership and the State in Eurasia. London: Anthem Press, 2022.

P. 113–124.

3. Бергер П. Қасиетті шымылдық. Дін социологиясы теориясының элементтері / ағылшын тілінен ауд. Р. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
4. Taylor C. A Secular Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
5. Achilov D. Islamic Education in Central Asia: Evidence from Kazakhstan // Asia Policy. 2012. Vol. 14, No. 1. P. 79–106. DOI: https://doi.org/10.1353/asp.2012.0024.
6. Подлесная М. А. Әлеуметтік өзгерістер жағдайындағы православиелік діндарлық: кеңестік және посткеңестік ұрпақтарға жататын діндарлардың өмір тарихтарын социологиялық тұрғыдан зерделеу. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 498 б. DOI: https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023.

ЦЕННОСТИ МИРА - МИР ЦЕННОСТЕЙ: РОЛЬ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Мустафаева С.М., Мухамеджанова К.Т.
Студенты 2-го курса ОП 6В01603 – История, Кокшетауский университет имени Ш.Уалиханова,
г. Кокшетау, Казахстан
e-mail: mustafaevasavda@gmail.com muhamedzhanovakamila2@gmail.com
Научный руководитель: сеньор-лектор Абдрахманова С.А.

Аннотация: В статье рассматривается роль общечеловеческих ценностей в формировании мирного и гармоничного общества. Особое внимание уделено уважению, взаимопониманию, толерантности, исторической памяти и культурному многообразию. На примере Казахстана анализируются традиции взаимопомощи, межкультурное взаимодействие, значение образования и роль общественных институтов в укреплении согласия. Раскрывается мысль о том, что мир зависит не только от политической стабильности, но и от поступков людей и готовности решать конфликты мирным путем.

Мир - это одно из важнейших ценностей человеческого общества. С древних веков люди стремились к безопасности, стабильности и возможности свободно раскрывать свою культуру, сохранять традиции и передавать знания следующим поколениям. Однако, сейчас современный мир показывает нам, что сохранение мира зависит не только от деятельности государства, но и от деятельности каждого человека и от его нравственных принципов. Тема

«Ценности мира - мир ценностей» отражает связь двух важных понятий. Мир ценностей может представлять собой условие нормального развития общества, сохранения человеческой жизни и реализацию прав личности. С другой стороны, мир ценностей означает разнообразие культурных и духовных качеств человека, которые формируют его мировоззрение и отношение к окружающим. В современном обществе каждый человек отличается языком, религией, национальными традициями, убеждениями и жизненным опытом. Каждое из различий людей друг с другом может способствовать развитию общества, обмену знаниями и взаимному обогащению культур. Если у людей не будет взаимного уважения, то будет расти вероятность увеличения конфликтов и недопониманий. Сейчас вопрос о взаимопонимании, уважение и толерантности остро стоит перед молодежью, поскольку именно в процессе обучения и социализации формируются представления о справедливости, ответственности, человеческом достоинстве и общественном взаимодействии. Все что нас окружает влияет на наше мировоззрение: образование, культурная среда и СМИ оказывают значительное влияние на формирование ценностей.

Актуальность исследования заключается в необходимости понять каким образом человеческие ценности могут способствовать укреплению общественного согласия, уменьшению конфликтов и развитию культуры мирного сосуществования.

Цель исследования - определить значение общечеловеческих ценностей в формировании гармоничного общества и развитии культуры мира.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- Раскрыть понятие ценностей мира и определить их роль в жизни общества.

- Рассмотреть влияние культурного многообразия на общественные отношения.

- Проанализировать значение образования, исторической памяти и традиций Казахстана для формирования культуры мира.

- Определить роль молодежи в сохранении и распространении общечеловеческих ценностей.

Объект исследования - общественные отношения, связанные с формированием и сохранением культуры мира.

Предмет исследования - влияние общечеловеческих ценностей на поведение людей, межкультурное взаимодействие и общественное согласие.

Методы исследования: анализ научной литературы и международных документов, сравнительный метод, обобщение и системный подход, анонимное анкетирование.

Ценности представляют собой убеждения и представления о том, что человек и общества считают правильным, важным и значимым. Они влияют на поведение людей, определяют отношение в другим и помогают принимать решения в различных жизненных ситуациях. К общечеловеческим ценностям относятся жизнь, свобода, справедливость, уважение человеческого достоинства, взаимопомощь, ответственность и стремление к взаимопониманию. Несмотря на различия культур и исторических ценностей, эти пункты имеют большое значение для организации совместной жизни людей. Важным международным документом, закрепляющим представление о достоинстве и правах человека является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. В статье 1 говорится о равенстве всех людей в достоинстве и правах, а статья 2 закрепляет принцип недискриминации. Данные положение имеют как правовое, так и социальное значение. Они показывают, что принадлежность человека к определённой национальности, религии или культурной группе не должна служить основание для унижения, исключения из общественной жизни или ограничения основных прав человека. Мир в данном контексте должен пониматься не только как отсутствие вооружённых конфликтов, но и как безопасность, доверие между людьми, возможность свободно выражать свои взгляды и способность разрешать разногласия без насилия [1].

Например, конфликт между однокурсниками может возникнуть из - за различий во мнениях, культурных привычках или личных интересах. Если участники конфликта готовы выслушать друг друга, объяснить свою позицию и найти компромисс, конфликт может быть разрешён без вражды. Этот пример показывает, что культура мира начинается с повседневных отношений. Следовательно, общечеловеческие ценности приобретают реальное значение тогда, когда они проявляются не только в официальных документах, но и в реальных поступках людей.

Культурное многообразие является естественной особенностью человеческого общества. Оно проявляется в языках, традициях, религиозных представлениях, искусстве, образе жизни и исторической памяти различных народов. Различия между культурами расширяют возможности для обмена знаниями и опытом. Знакомство с другими традициями помогает человеку лучше понимать окружающий мир, развивать критическое мышление и пересматривать собственные стереотипы. В 2001 году ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, в которой культурное многообразие рассматривается как общее достижение человечества. Документ подчёркивает значение культурного плюрализма, диалога и уважения к культурной самобытности. Несмотря на это само по себе наличие разных культур не гарантирует мирного взаимодействия. Если люди воспринимают свои убеждения как единственно правильные и отказывают принимать другие точки зрения, то возникают условия для дискриминации и социальной напряжённости. Поэтому важным условием общественного согласия является толерантность, понимаемая как уважительное отношение к различиям и готовность к диалогу. При этом толерантность не означает необходимость соглашаться со всеми взглядами или отказываться от собственных убеждений. Она предлагает признание достоинства другого человека и отказ от насилия как способа решения разногласий. В условиях цифрового общества особое значение приобретает культура

общение в интернете и так называемый

«цифровой этикет». Социальные сети позволяют людям из разных уголков мира обмениваться знаниями и знакомиться с другими культурами, но одновременно создают условия для распространения оскорблений, дезинформации и предубеждений. Таким образом, формирование культуры мира требует развития не только нравственных качеств, но и навыков критического мышления, информационной грамотности и ответственности за своё общение [2].

Историческое развитие Казахстана связано с взаимодействием различных культур, хозяйственных укладов и общественных традиций. Территория Казахстана находилась на пересечении торговых маршрутов Евразии, в том числе в караванных путях Великого шёлкового пути, которые соединяли регионы Востока и Запада. Торговля способствовала распространению товаров, технологий, художественных традиций и знаний. Города Южного Казахстана и Жетысу, включая города Тараз и Отрар, были важными центрами экономической и культурной жизни. Исторические взаимоотношения между кочевым и оседлым населением показывают, что развитие региона во многом зависело от обмена и взаимодействия. Наряду с историческими контактами большое значение имели традиции повседневной взаимопомощи. Одним из примеров является обычай асар, предполагающий коллективную помощь семье или человеку при выполнении трудоёмкой работы или в выплачивании долга другому роду. Род, который помогал семье или одному человеку с тяжёлой работой, они объединяли усилия, чтобы построить жилище, выполнить хозяйственные задачи или поддержать тех, кто оказался в сложной ситуации. Ценность асара заключается в укреплении взаимного доверия и чувства ответственности перед окружающими. Оно показывает, что благополучие отдельного человека может зависеть от готовности общества к сотрудничеству. Важное место в казахской культуре занимает и гостеприимство. Оно имело практическое значение для людей, находившихся в долгом пути, а со временем стало устойчивой нравственной нормой. Гостеприимство выражает уважение к человеку независимо от обстоятельств его появления и способствует установлению доброжелательных отношений. Разумеется, исторические традиции не следует идеализировать, что в прошлом казахского общество существовало социальное неравенство и конфликты. Однако элементы культурного наследия сохраняют значение и сегодня, если они соответствуют принципам равноправия, взаимного уважения и человеческого достоинства. Поэтому, традиции взаимопомощи могут рассматриваться как историческая основа развития социальной ответственности и культуры сотрудничества в современном обществе [3].

После обретения независимости Казахстан столкнулся с необходимостью укрепления гражданского единства в условиях культурного и этнического многообразия населения. Важную роль в развитии межэтнического взаимодействия играет Ассамблея народа Казахстана, которая была создана 1 марта 1995 года. Деятельность Ассамблеи связана с развитием межнационального диалога, поддержкой этнокультурных объединений и сохранением культурных традиций различных этнических групп. Значение подобных институтов заключается в создании возможностей для взаимодействия представителей разных сообществ. Культурные мероприятия, образовательные проекты и общественные инициативы помогают знакомить всех людей с традициями друг друга и формировать пространство для сотрудничества. Вместе с тем межэтническое согласие не может основываться исключительно на проведении праздничных мероприятий или декларациях о дружбе. Это требует равных возможностей, соблюдения прав человека, доступности образования и культуры, а также эффективного предупреждения дискриминации. Конституция Республики Казахстан закрепляет равенство всех перед законом и судом. Статья 14 запрещает дискриминацию, в том числе по признакам происхождения, социального и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии и другим обстоятельствам. Значит, правовые нормы и общественные институты формируют основу, на которой может развиваться культура мирного сосуществования. При этом их эффективность зависит от того, насколько последовательно принципы равенства реализуются в нашей повседневной жизни. Для устойчивого согласия важно, чтобы каждый человек чувствовал себя полноправным участником общества, мог сохранять собственную культурную идентичность и одновременно участвовать в совместной жизни государства [4].

Историческая память нашего народа играет важную роль в нашем мире в формировании общественных ценностей. Она позволяет сохранять события о прошлом, передавать опыт предыдущих поколений и осмысливать последствия политических и социальных решений. История XX века показывает, что пренебрежение человеческой жизнью и интересами населения может приводить к долгосрочным трагическим последствиям. Одним из наиболее значимых примеров для Казахстана является история Семипалатинского ядерного полигона. Первое ядерное испытание на полигоне произошло 29 августа 1949 года. В течение последующих десятилетий испытания оказывали негативное воздействие на окружающую среду и здоровье населения ближайших областей от Семипалатинской области в КазССР. По инициативе Н.А.Нарзбаева полигон был закрыт 29 августа 1991 года. Ядерные испытания в Семипалатинском полигоне показывают, что последствия решений, принимаемых в интересах государства или военной безопасности, необходимо оценивать с учётом их гуманитарных и экологических последствий на простой народ. Сохранение памяти о Семипалатинском полигоне важно не только для изучения истории Казахстана, но и для формирования ответственности перед будущими поколениями. Оно напоминает о необходимости защищать человеческую жизнь, развивать международное сотрудничество и предотвращать повторение подобных трагедий. Историческая память может выполнять объединяющую функцию, если она направлена на понимание причин и последствий событий, уважение к пострадавшим и предупреждение новых конфликтов. События нашего прошлого показывает, что ответственное отношение к истории является одним из условий формирования гуманного общества, в котором ценность человеческой жизни признаётся независимо от национальности, происхождения и убеждений человека.

Образование формирует мировоззрения, нравственных ориентиров и социальных навыков человека с самого детства. Это не только обеспечивает передачу знаний, но и способствует развитию ответственности, способности к сотрудничеству и уважительного отношения к окружающим. В процессе обучения учащиеся и студенты знакомятся с историей разных народов, с их культурой, традициями и социальными проблемами. Это помогает расширять кругозор и понимать, что общество состоит из людей с различным жизненным опытом. Особенно важны методы обучения, предполагающие обсуждение, совместную работу и анализ различных точек зрения. Например, групповое исследование исторического события позволяет студентам распределять обязанности, сопоставлять источники и аргументировано представлять результаты. Такая работа развивает не только академические навыки, но и способность сотрудничать. Большое значение имеет также обучение разрешению конфликтов. Умение выслушивать собеседника, отделять факты от предположений и искать взаимоприемлемые решения помогает предотвращать недопонимание. Важную роль в развитии культуры мира играет преподаватель, то есть учитель. Его задача заключается не только в передаче информации, но и в создании образовательной среды, в которой уважаются достоинство учащихся, разнообразие мнений и право на аргументированное выражение собственной позиции. Таким образом, образование может выступать одним из главных инструментов формирования культуры мира, если знания сочетаются с развитием нравственной ответственности и социальных компетенций [3, 4].

Молодёжь, также является важной частью современного общества, поскольку именно молодые люди будут определять направления его дальнейшего развития. Их представления о мире, жизни, справедливости, ответственности и культурном взаимодействии влияют на общественную атмосферу и характер будущих социальных отношений. В современных условиях молодые люди получают значительную часть информации через социальные сети и цифровые платформы. Это открывает возможности для международного общения, участия в образовательных проектах и знакомства с культурой других стран. Однако цифровая среда также может способствовать распространению стереотипов и агрессивного общения. Поэтому молодёжи важно развивать критическое мышление, проверять достоверность информации и осознавать последствия собственных публикаций и комментариев. Практическими способами участия молодёжи в формировании культуры мира могут стать волонтёрство, межкультурные образовательные проекты, студенческие дискуссии, благотворительные инициативы и участие в

общественной жизни. Например, совместный проект студентов разных специальностей и культурных групп позволяет участникам сосредоточиться на общей задаче. Поэтому, молодёжь может выступать активным участником укрепления культуры мира, если получает возможности для образования, самореализации и общественного участия [1, 2].

Для изучения представлений молодёжи о мире, общечеловеческих ценностях и культурном многообразии было проведено анкетирование студентов. Цель опроса заключалась в выявлении отношения респондентов ктаким ценностям, как уважение, справедливость, толерантность, взаимопомощь и ответственность, а также в определении их мнения о роли образования и молодёжи в формировании культуры мира. В рамках исследования была разработана анкета, включающая 10 вопросов закрытого типа. Вопросы были направлены на изучение понимания понятия «мир», отношения к культурным различиям, способов разрешения конфликтов, опыта столкновения с проявлениями нетерпимости и оценки возможностей молодёжи влиять на общественное согласие. Анкетирование проводилось среди студентов на добровольной основе. Ответы участников рассматривались в обобщённом виде, без указания личных данных. Полученные результаты проанализированы с использованием количественного и качественного методов: подсчёта частоты ответов, определения процентных соотношений и интерпретации выявленных тенденций. Результаты исследования позволили определить, какие общечеловеческие ценности студенты считают наиболее значимыми для сохранения мира, как они оценивают культурное многообразие и какие меры считают эффективными для укрепления взаимопонимания в обществе.

Анализ результатов анкетирования

Результаты проведённого анкетирования позволили рассмотреть отношение студентов к общечеловеческим ценностям, культурному многообразию и роли молодёжи в формировании культуры мира. Полученные данные отражают представления респондентов о значении взаимоуважения, толерантности, справедливости и взаимопомощи в современном обществе. Особое значение результаты исследования имеют для понимания роли образования и личной ответственности в укреплении общественного согласия. Уважительное отношение к представителям других культур, готовность к диалогу и стремление разрешать разногласия мирным путём являются важными условиями гармоничного взаимодействия между людьми.

Таким образом, анкетирование дополняет теоретическую часть исследования практическими данными и позволяет рассматривать культуру мира не только как общественную ценность, но и как результат повседневного взаимодействия людей. Формирование гармоничного общества предполагает развитие уважения к человеческому достоинству, признание культурного многообразия и активное участие молодёжи в сохранении мира и общественного согласия.

Анализ научных и нормативных источников, а также исторических примеров позволяет выделить несколько условий, необходимых для формирования гармоничного общества. Во-первых, общечеловеческие ценности должны находить выражение в конкретном поведении человека. Уважение, справедливость и взаимопомощь приобретают общественное значение тогда, когда проявляются в семейных отношениях, образовательной среде, трудовой деятельности и общественном взаимодействии. Во-вторых, культурное многообразие нуждается в условиях для свободного развития. Сохранение языков, традиций и исторической памяти способствует укреплению идентичности, а межкультурный диалог позволяет преодолевать предрассудки. При этом уважение культурных различий должно сочетаться с соблюдением прав человека и принципа равенства. В-третьих, устойчивый мир требует взаимодействия нравственных норм и общественных институтов. Традиции взаимопомощи, правовые гарантии и образовательные инициативы дополняют друг друга, формируя условия для сотрудничества и предупреждения конфликтов. В-четвёртых, историческая память помогает обществу осознавать последствия насилия и безответственных решений. Опыт Семипалатинского полигона демонстрирует значение гуманитарной и экологической ответственности, а история культурного взаимоотношения на Великом шёлковом пути подчёркивает роль обмена знаниями. В-пятых, особое значение имеет участие молодёжи.

Развитие критического мышления, информационной грамотности, эмпатии и навыков конструктивного общения создаёт предпосылки для формирования более ответственного общества. При этом следует учитывать ограничение настоящего исследования: оно основано преимущественно на анализе научной литературы, международных документов и исторических примеров. Для количественной оценки влияния ценностей на поведение молодёжи необходимы дополнительные исследования, включающие социологические опросы, интервью и анализ образовательных практик. Следовательно, рассмотренные положения формируют основу для дальнейшего изучения взаимосвязи ценностей, общественного поведения и межкультурного взаимодействия.

Проведённое исследование показывает, что общечеловеческие ценности играют важную роль в формировании мирного и гармоничного общества. Уважение человеческого достоинства, справедливость, взаимопомощь, толерантность и ответственность способствуют укреплению доверия между людьми и созданию условий для совместного развития. Исторический опыт Казахстана демонстрирует значение культурного взаимодействия, традиций взаимопомощи и сохранения исторической ценности.

Список литературы:

1. Бондырева, С. К. Толерантность (введение в проблему) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М. : Издательство МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – 240 с.
2. Почебут, Л. Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности / Л. Г. Почебут. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. – 280 с.
3. Тен, Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю. П. Тен. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 324 с.
4. Дробижева, Л. М. Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Издательство Института социологии РАН, 2003. – 222 с.

ЖАСТАРДЫҢ ТАМАҚТАНУ ТӘРТІБІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ: ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙ, ӘЛЕУМЕТТІК ОРТА ЖӘНЕ ЖЕКЕ ТАҢДАУ

Орынбасарова Сымбат
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті 3-ші курс студенті 6В03101 - әлеуметтану,
Алматы қаласы, Қазақстан e-mail:
orynbasarovasymbat4@gmail.com
Ғылыми жетекші: доцент Кылышбаева Б. Н.

Аннотация

Мақалада жастардың тамақтану тәртібіне әсер ететін әлеуметтік-экономикалық, мәдени және цифрлық факторлар әлеуметтанулық тұрғыдан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – жастардың күнделікті тағам таңдауына экономикалық жағдайдың, әлеуметтік ортаның, уақыт тапшылығының және әлеуметтік

желілердің ықпалын анықтау. Теориялық негіз ретінде Пьер Бурдьенің габитус, әлеуметтік тәжірибе және экономикалық капитал туралы тұжырымдамалары, сондай-ақ денсаулықтың әлеуметтік детерминанттарына қатысты ғылыми көзқарастар пайдаланылады. Зерттеудің эмпирикалық бөлігін ұйымдастыру үшін сандық әдіс, құрылымдалған онлайн сауалнама және екінші реттік деректерді талдау ұсынылады. Негізгі назар

студенттердің қаржылық мүмкіндіктеріне, пайдалы тағамдардың қолжетімділігіне, оқу жүктемесіне, отбасы мен құрдастар ортасының ықпалына және цифрлық медианың тағам таңдауына әсеріне аударылады. Зерттеу жастардың тамақтану тәртібін тек жеке таңдау нәтижесі ретінде емес, әлеуметтік жағдайлармен өзара байланысты құбылыс ретінде түсіндіруге бағытталған.

Түйін сөздер: жастар, студенттер, тамақтану тәртібі, әлеуметтік детерминанттар, экономикалық жағдай, әлеуметтік орта, габитус, цифрлық медиа, дұрыс тамақтану.

Кіріспе

Қазіргі қоғамда жастардың денсаулығы мен өмір салтын зерттеу әлеуметтік ғылымдар үшін маңызды бағыттардың бірі болып табылады. Осы мәселелердің ішінде тамақтану тәртібі ерекше орын алады. Тамақтану адамның физиологиялық қажеттілігін

қанағаттандырумен шектелмейді, сонымен бірге оның өмір салтымен, әлеуметтік ортасымен, материалдық мүмкіндіктерімен және күнделікті әдеттерімен тығыз

байланысты. Әсіресе жоғары оқу орындарында білім алатын жастар үшін тамақтану тәртібі оқу кестесі, қаржылық жағдай, тұрғылықты жері және әлеуметтік белсенділігі

сияқты факторларға тәуелді болуы мүмкін.Студенттік кезең – адамның дербес өмір салты қалыптасатын, жеке шешім қабылдау қабілеті дамитын және әлеуметтік байланыстары кеңейетін маңызды кезең. Осы уақытта жастардың көпшілігі өз күн тәртібін өздері ұйымдастырып, тамақтану уақыты мен тағам түрін дербес таңдай бастайды. Алайда

олардың бұл таңдауына әрдайым толық еркіндік тән емес. Мысалы, студенттің пайдалы тағам тұтынуға деген ниеті болғанымен, оның қаржылық мүмкіндігі шектеулі болуы мүмкін. Сол сияқты сабақ кестесінің тығыздығы, жолға кететін уақыт немесе

асханалардағы тағамдардың бағасы дұрыс тамақтану әдеттерін тұрақты ұстануға кедергі келтіруі ықтимал.Жастардың тамақтану тәртібіне әсер ететін факторларды бірнеше бағытта қарастыруға болады. Біріншіден, экономикалық жағдай тағамның бағасы мен

сапасын таңдауға әсер етеді. Екіншіден, отбасы мен құрдастар ортасы адамның күнделікті тамақтану дағдыларының қалыптасуына қатысады. Үшіншіден, оқу жүктемесі мен уақыт тапшылығы тамақтану режимін өзгертуі мүмкін. Төртіншіден, әлеуметтік желілердегі

тағам жарнамалары, блогерлердің контенті және сыртқы келбетке қатысты әлеуметтік стандарттар жастардың тағамға деген көзқарасына ықпал етуі ықтимал.Осыған байланысты жастардың тамақтануын тек жеке жауапкершілік мәселесі ретінде қарастыру жеткіліксіз. Бұл құбылысты түсіну үшін жеке таңдау мен оны қалыптастыратын

әлеуметтік жағдайлардың өзара байланысын зерттеу қажет. Әлеуметтанулық тәсіл жастардың тамақтану әдеттерінің қандай жағдайда қалыптасатынын, экономикалық

мүмкіндіктердің қандай рөл атқаратынын және әлеуметтік ортаның жеке мінез-құлыққа қалай ықпал ететінін анықтауға мүмкіндік береді.

Зерттеу тақырыбымның өзектілігі жастардың тамақтану тәртібіне әсер ететін әлеуметтік факторларды анықтау қажеттілігімен түсіндіріледі. Қазіргі студенттердің өмірі оқу,

жұмыс, қоғамдық белсенділік және жеке міндеттермен қатар жүреді. Осындай жағдайда тамақтануды жоспарлау мен пайдалы тағамдарды тұрақты тұтыну әрдайым оңай бола бермейді.Біріншіден, студенттердің экономикалық жағдайы олардың тағам таңдау

мүмкіндіктерін айқындайтын факторлардың бірі болып табылады. Күнделікті

шығындарын шектеулі бюджетпен жоспарлайтын жастар өнімнің бағасына көбірек назар аударуы мүмкін. Егер пайдалы тағамдар студент үшін қолжетімсіз немесе қымбат болса, ол арзанырақ баламаларды таңдауы ықтимал.Екіншіден, уақыт тапшылығы тамақтану

тәртібінің өзгеруіне әсер етуі мүмкін. Сабақ кестесінің тығыздығы, емтиханға дайындық және қосымша жұмыс студенттердің тамақ дайындауға бөлетін уақытын қысқартады.

Мұндай жағдайда кейбір жастар дайын тағамдарды таңдауы немесе тамақтану уақытын өткізіп алуы мүмкін.Үшіншіден, әлеуметтік орта тамақтану дағдыларының

қалыптасуында маңызды рөл атқарады. Отбасындағы тамақтану мәдениеті, достардың таңдауы және бірге тамақтану тәжірибесі жастардың күнделікті әдеттеріне ықпал етуі мүмкін.Төртіншіден, цифрлық ортаның ықпалын ескеру қажет. Әлеуметтік желілерде тағам жарнамалары, фастфуд өнімдері және әртүрлі диеталар туралы ақпарат кең

таралған. Мұндай контент жастардың белгілі бір тағамдарға қызығушылығын арттыруы мүмкін. Дегенмен оның нақты әсерін сауалнама деректері арқылы тексеру қажет.Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының дұрыс тамақтану жөніндегі

материалдарында тағам сапасы мен қолжетімділігінің маңыздылығына назар аударылады

[1]. Қазақстандағы тамақтану ортасы жөніндегі ДДСҰ есебінде де тағам таңдауына әсер ететін ортаның ерекшеліктері қарастырылған [2]. Аталған деректер жастардың тамақтану мәселесін әлеуметтік жағдайлармен байланыстыра зерттеудің маңыздылығын көрсетеді.

Менің мақаламның мақсаты – жастардың тамақтану тәртібіне әсер ететін әлеуметтік-экономикалық, мәдени және цифрлық факторларды анықтау және олардың өзара

байланысын әлеуметтанулық тұрғыдан талдау.Осы мақсатқа жету үшін алдыма қойған бірнеше міндеттер белгіленді. Бірінші міндетім – жастардың тамақтану тәртібін

әлеуметтік мінез-құлықтың бір түрі ретінде теориялық тұрғыдан қарастыру. Екінші міндетім– студенттердің тағам таңдауына экономикалық жағдай мен азық-түлік бағасының ықпалын анықтау. Үшінші міндетім – уақыт тапшылығы мен оқу жүктемесінің тамақтану режимімен байланысын зерттеу. Төртінші міндетім – отбасы мен құрдастар

ортасының тамақтану дағдыларына әсерін талдау. Бесінші міндетім – әлеуметтік желілер мен цифрлық жарнаманың жастардың тағам таңдауына ықпалын қарастыру. Алтыншы міндетім – дұрыс тамақтану туралы білім мен күнделікті тамақтану тәжірибесінің арасындағы байланысты зерттеу. Соңғы міндет – студенттердің тамақтану жағдайын жақсартуға бағытталған ұсыныстар әзірлеу.

Менің зерттеу объектім– 18–25 жас аралығындағы жастардың өмір салты мен тамақтану тәртібі.

Менің зерттеу пәнім – жастардың тамақтану тәртібіне ықпал ететін экономикалық жағдай, әлеуметтік орта, уақыт ресурстары, мәдени дағдылар және цифрлық ақпараттық кеңістік.

Мақаламдағы зерттеудің негізгі сұрағы: жастардың тамақтану тәртібі жеке таңдауына көбірек байланысты ма, әлде әлеуметтік-экономикалық жағдайлар мен қоршаған ортаның ықпалымен қалыптаса ма?Осы негізгі сұрақты нақтылау үшін студенттердің қаржылық жағдайы олардың күнделікті тағам таңдауына қалай әсер ететіні, азық-түлік бағасының пайдалы тағамдарды тұтыну жиілігімен байланысы, оқу жүктемесі мен уақыт тапшылығының тамақтану режиміне ықпалы қарастырылады. Сонымен қатар отбасы мен құрдастар ортасының, әлеуметтік желілердегі тағам жарнамаларының және дұрыс тамақтану туралы білімнің күнделікті тәжірибемен байланысы зерттеледі.

Менің негізгі гипотезам бойынша, жастардың тамақтану тәртібі тек жеке қалаумен анықталмайды, оған экономикалық мүмкіндіктер, әлеуметтік орта, уақыт тапшылығы және цифрлық ақпараттық кеңістік те ықпал етеді.

Бірінші гипотеза бойынша, студенттердің қаржылық мүмкіндіктері шектеулі болған сайын, тағам таңдау кезінде өнімнің бағасына көбірек мән берілуі мүмкін. Екінші гипотеза оқу жүктемесі мен уақыт тапшылығы артқан сайын тез дайындалатын тағамдарды таңдау жиілігі артуы мүмкін деген болжамға негізделеді. Үшінші гипотеза әлеуметтік желілердегі тағам жарнамалары мен блогерлердің контентін көру жастардың тағам таңдауына ықпал етуі мүмкін екенін қарастырады. Төртінші гипотеза отбасы мен құрдастардың тамақтану әдеттері студенттердің күнделікті тағам таңдауымен байланысты болуы мүмкін деген болжамды қамтиды. Бесінші гипотеза дұрыс тамақтану туралы білімнің болуы пайдалы тағамдарды тұрақты тұтынуға өздігінен кепілдік бермейді, өйткені экономикалық жағдай мен тағамның қолжетімділігі де маңызды рөл атқарады деген тұжырымға негізделеді.Бұл гипотезалар зерттеу барысында тексерілуге тиіс. Нақты эмпирикалық деректер алынбайынша, оларды дәлелденген қорытынды ретінде көрсетуге болмайды.

Негізгі бөлім

Жастардың тамақтану тәртібін әлеуметтанулық тұрғыдан зерттеу үшін адамның күнделікті әрекеттері мен әлеуметтік ортасының арасындағы байланысты қарастыру қажет. Тамақ таңдау сырттай жеке шешім болып көрінгенімен, ол адамның отбасындағы тәжірибесімен, материалдық ресурстарымен, мәдени дағдыларымен және әлеуметтік байланыстарымен ұштасады.Зерттеудің теориялық негіздерінің бірі ретінде француз әлеуметтанушысы Пьер Бурдьенің габитус және экономикалық капитал туралы тұжырымдамаларын қолдануға болады. Бурдьенің пікірінше, адамның талғамы мен күнделікті тәжірибесі оның әлеуметтік жағдайы мен өмір бойы жинақтаған тәжірибесімен байланысты [3].

Габитус ұғымы адамның белгілі бір әлеуметтік ортада қалыптасқан дағдылары мен әрекет ету бейімділігін түсіндіреді. Бұл тұжырымдаманы жастардың тамақтану тәртібіне қолдансақ, адамның тағам таңдауына отбасында қалыптасқан әдеттер, өскен ортасы және экономикалық мүмкіндіктері әсер етуі ықтимал. Мысалы, үйінде тұрақты тамақ дайындау дәстүрі қалыптасқан студент пен көбіне дайын тағам сатып алып үйренген студенттің күнделікті тәжірибесі өзгеше болуы мүмкін. Мұндай айырмашылықтарды тек жеке қалаумен түсіндіру жеткіліксіз, өйткені олар әлеуметтік орта мен өмір сүру жағдайларымен де байланысты.Экономикалық капитал ұғымы да осы зерттеу үшін маңызды. Студенттің қаржылық ресурстары тағам таңдаудағы мүмкіндіктерін кеңейтуі немесе шектеуі ықтимал. Мысалы, пайдалы өнімдерді сатып алуға жеткілікті қаражаты бар студенттің таңдауы мен бюджеті шектеулі студенттің таңдауы бірдей болмауы мүмкін. Бұл жерде экономикалық жағдай тағамның сапасына қатысты көзқарасқа ғана емес, нақты таңдау мүмкіндігіне де ықпал етеді.

Сонымен бірге Бурдьенің теориясын қолдану экономикалық жағдайы ұқсас барлық студенттердің бірдей тамақтанатынын білдірмейді. Жеке талғам, денсаулыққа қатысты түсінік, өмір салты және әлеуметтік орта да маңызды. Сондықтан зерттеуде экономикалық факторлар басқа айнымалылармен бірге қарастырылады.Денсаулықтың әлеуметтік детерминанттары туралы көзқарастар да осы зерттеудің теориялық негізін толықтырады. Бұл бағыт адамның денсаулығы мен өмір салтына тек жеке шешімдер емес, оның өмір сүретін, білім алатын және еңбек ететін жағдайлары да әсер ететінін көрсетеді [4]. Осы тұрғыдан алғанда, жастардың тамақтану тәртібін түсіну үшін олардың әлеуметтік және экономикалық ортасын ескеру қажет.Әлеуметтік детерминанттар адамның денсаулығы мен өмір салтына ықпал ететін әлеуметтік, экономикалық және қоршаған орта жағдайларын білдіреді.

Жастардың тамақтану тәртібін зерттеу барысында мұндай факторларды бірнеше деңгейде қарастыруға болады.Бірінші деңгей – жеке және экономикалық жағдай. Бұл деңгейге студенттің табысы, тамаққа бөлетін бюджеті және азық-түлік бағасына қатысты мүмкіндіктері жатады. Қаржылық шектеулер кейбір өнімдерді тұрақты сатып алуды қиындатуы мүмкін. Екінші деңгей – отбасы мен әлеуметтік орта. Отбасы мүшелерінің тамақтану әдеттері мен достардың таңдауы жастардың күнделікті әрекеттеріне әсер етуі ықтимал. Бірге тамақтану, ортақ ас әзірлеу және белгілі бір тағам түрлерін таңдау әлеуметтік тәжірибенің бөлігі болып саналады.Үшінші деңгей – білім беру ортасы.

Университет асханаларының бағасы, орналасуы, жұмыс уақыты және ұсынылатын тағам түрлері студенттердің тамақтану мүмкіндіктерін анықтайды. Егер оқу орнында пайдалы әрі бағасы қолжетімді тағамдар болса, студенттерге өз таңдауын жүзеге асыру жеңілдеуі мүмкін.Төртінші деңгей – цифрлық ақпараттық орта. Әлеуметтік желілер мен жарнамалар тағам туралы түсініктерді қалыптастыруы мүмкін. Кейбір контент белгілі бір өнімдерді танымал етсе, басқа материалдар дұрыс тамақтану туралы ақпарат ұсынады. Сондықтан цифрлық ортаның ықпалын біржақты бағаламай, оның мазмұны мен тұтыну жиілігін зерттеу қажет.Осы факторлар өзара байланыста әрекет етуі мүмкін. Мысалы, студент пайдалы тағамдарды таңдауға ниетті болғанымен, қаржысы шектеулі және сабақ кестесі тығыз болса, өз ниетін күнделікті тәжірибеде жүзеге асыруы қиындауы ықтимал.

Сондықтан тамақтану тәртібін зерттегенде жеке таңдау мен оны іске асыруға мүмкіндік беретін әлеуметтік жағдайларды қатар қарастыру маңызды.Экономикалық жағдай жастардың тамақтану тәртібін зерттеудегі маңызды бағыттардың бірі болып табылады.

Студенттің күнделікті шығындарына көлік, байланыс, оқу материалдары, тұрғын үй және тамақ кіруі мүмкін. Осы шығындарды шектеулі бюджетпен жоспарлау тағам таңдауға әсер етуі ықтимал.Қаржылық мүмкіндігі шектеулі студент тағамның бағасын негізгі өлшем ретінде қарастыруы мүмкін. Бұл оның пайдалы тағамға қызығушылығы жоқ дегенді білдірмейді. Керісінше, ол пайдалы деп санайтын өнімдерді сатып алуға қаражаты жеткіліксіз болуы мүмкін. Осы себепті адамның тағам туралы білімі мен нақты таңдау мүмкіндігін ажыратып қарастыру қажет.Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының Қазақстандағы тамақтану ортасына арналған есебінде тағамның қолжетімділігі мен қоршаған ортаның ерекшеліктері мәселелері қарастырылады [2]. Бұл материал тағам таңдауды жеке адамның әрекетімен ғана шектемей, оның өмір сүретін ортасын да есепке алу қажеттігін көрсетеді.

Студенттердің экономикалық жағдайын зерттеу кезінде бірнеше көрсеткішті қарастыруға болады: тамаққа бөлінетін қаражат, өнім бағасының маңыздылығы, пайдалы тағамдардың қолжетімділігі және студенттің өзінің қаржылық жағдайына берген бағасы. Бұл көрсеткіштер арқылы экономикалық факторлар мен тамақтану әдеттері арасындағы ықтимал байланыстарды талдауға болады.Дегенмен қаржылық жағдайдың ықпалын зерттегенде студенттердің жеке талғамы мен уақыт мүмкіндіктерін де ескеру керек.

Бірдей бюджетке ие студенттердің тағам таңдауы әртүрлі болуы ықтимал. Сондықтан экономикалық факторды жалғыз себеп ретінде қарастыру ғылыми тұрғыдан дұрыс болмайды.Студенттердің күнделікті өмірінде уақыт ресурстарының маңызы зор.

Сабақтарға қатысу, тапсырмаларды орындау, емтихандарға дайындалу, жұмыс істеу және қоғамдық белсенділік уақытты тиімді бөлуді талап етеді. Егер күн тәртібі тығыз болса, тамақ дайындауға және тамақтану уақытын жоспарлауға мүмкіндік азаюы ықтимал.Уақыт тапшылығы студенттердің бірнеше түрлі әрекетіне әсер етуі мүмкін. Мысалы, кейбірі сабақ арасында тез дайындалатын тағамдарды таңдауы, кейбірі тамақтануды кейінге қалдыруы немесе ас ішу уақытын тұрақты сақтамауы мүмкін. Алайда бұл әрекеттер барлық студентке тән деп айтуға болмайды. Нақты жағдай студенттің күн тәртібіне, тұрғылықты жеріне, қаржылық мүмкіндіктеріне және тамақ дайындау дағдыларына байланысты болуы мүмкін.Оқу жүктемесі мен тамақтану тәртібінің байланысын зерттеу үшін студенттердің сабаққа жұмсайтын уақыты, жұмыс істейтін-істемейтіні, тамақ дайындауға бөлетін уақыты және тамақтану жиілігі туралы сұрақтар қоюға болады.Егер сауалнама нәтижесінде уақыт тапшылығы жоғары студенттер арасында тамақты өткізіп алу немесе дайын тағамдарды жиі таңдау байқалса, бұл екі көрсеткіштің арасында байланыс бар екенін көрсетуі мүмкін. Бірақ мұндай нәтиже уақыт тапшылығының міндетті түрде осы әрекеттерге себеп болғанын өздігінен дәлелдемейді.

Тамақтану әдеттері әлеуметтік ортада қалыптасады. Отбасында дайындалатын тағамдар, ортақ ас ішу тәртібі және бала кезден қалыптасқан дағдылар адамның кейінгі өміріндегі таңдауларымен байланысты болуы мүмкін.Студент университетке түскеннен кейін бұрынғы отбасылық ортасынан алыстап, жаңа әлеуметтік байланыстар қалыптастырады. Кейбірі жатақханада немесе пәтерде тұрып, өз тамағын өзі дайындайды. Басқалары отбасының көмегіне сүйенеді немесе достарымен бірге тамақтанады. Мұндай айырмашылықтар тамақтану тәртібінің өзгеруіне ықпал етуі ықтимал.Құрдастар ортасының әсері де маңызды.

Достармен бірге кафе немесе асханаға бару, ортақ тағамдарға тапсырыс беру және белгілі бір тағам түрлерін ұнату әлеуметтік қарым-қатынастың бөлігі болуы мүмкін. Осы жағдайда тағам таңдау тек аштықты қанағаттандыру емес, топпен бірге уақыт өткізу тәжірибесіне де айналады.

Зерттеу барысында әлеуметтік ортаның ықпалын анықтау үшін студенттерден отбасының тамақтану әдеттері олардың жеке таңдауына қаншалықты әсер ететінін, достарымен бірге болған кезде тағам таңдауы өзгеретін-өзгермейтінін сұрауға болады. Қазіргі жастар ақпараттың едәуір бөлігін әлеуметтік желілер арқылы алады. Бұл платформаларда тағам дайындау рецептері, мейрамханалар туралы пікірлер, фастфуд жарнамалары, дұрыс тамақтану жөніндегі кеңестер және сыртқы келбетке қатысты контент таралады.Цифрлық орта жастардың тағамға деген қызығушылығын арттыруы немесе белгілі бір өнімдерді байқап көруге ынталандыруы мүмкін. Сонымен қатар әлеуметтік желілер пайдалы тағам дайындау туралы ақпарат алуға және жаңа рецепттер үйренуге мүмкіндік береді.

Сондықтан оның ықпалын тек жағымды немесе жағымсыз деп біржақты бағалауға болмайды.Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының тағам маркетингіне арналған материалдары жарнама ортасын тамақтану мәселесін қарастыру кезінде ескерудің маңыздылығын көрсетеді [5]. Алайда нақты студенттердің тағам таңдауына әлеуметтік желілердің қаншалықты ықпал ететінін анықтау үшін арнайы эмпирикалық деректер қажет.Бұл бағытта әлеуметтік желілерді пайдалану жиілігі, тағам контентін көру деңгейі, жарнаманы байқау жиілігі және оның сатып алу ниетіне ықпалы туралы сұрақтар қарастырылады. Сонымен бірге әлеуметтік желілерден алынған ақпарат пен нақты тамақтану әдеттері бірдей болмауы мүмкін екенін ескеру қажет. Дұрыс тамақтану туралы білім адамның тағам таңдауына ықпал етуі мүмкін, алайда ақпараттан хабардар болу мен оны күнделікті өмірде іске асыру бірдей

құбылыс емес.

Студент пайдалы тағамның маңызын түсінгенімен, уақыт тапшылығы, қаржылық шектеулер немесе қолжетімді тағамдардың аздығы оның таңдауын өзгертуі мүмкін.Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының дұрыс тамақтану жөніндегі ұсынымдарында әртүрлі тағам топтарын тұтынудың және теңгерімді тамақтанудың маңыздылығы көрсетілген [1]. Дегенмен осы ұсынымдарды орындау адамның жеке білімімен қатар оның тұрмыс жағдайларына да байланысты болуы ықтимал.Осы тұрғыдан зерттеу барысында студенттердің дұрыс тамақтану туралы білімін және күнделікті тамақтану тәжірибесін бөлек қарастыру маңызды. Мысалы, респонденттен пайдалы тағам туралы ақпаратты қаншалықты білетінімен қатар, жемістер мен көкөністерді қаншалықты жиі тұтынатыны сұралуы мүмкін. Кейін осы жауаптар салыстырылып, білім мен мінез-құлық арасындағы ықтимал байланыс талданады. Мұндай тәсіл жастардың тамақтану мәселесін тек ақпараттың жетіспеушілігімен түсіндіруден сақтайды. Егер студенттердұрыс тамақтану туралы жеткілікті білсе де, пайдалы өнімдерді сирек тұтынса, онда экономикалық жағдай, уақыт тапшылығы немесе тағамның қолжетімділігі сияқты басқа факторларды да қарастыру қажет болады.

Зерттеудің әдіснамалық негізін жастардың тамақтану тәртібін әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторлармен байланыстыра қарастыру құрайды. Зерттеу сандық тәсілге негізделіп, негізгі ақпарат жинау әдісі ретінде құрылымдалған онлайн сауалнама ұсынылады.Зерттеудің мақсатына сәйкес көлденең зерттеу дизайны қолданылады. Бұл тәсіл белгілі бір уақыт кезеңінде студенттердің тамақтану тәртібі мен оған ықпал етуі мүмкін факторлар туралы деректер жинауға мүмкіндік береді.

Зерттеудің негізгі эмпирикалық әдісі – сауалнама. Қосымша әдіс ретінде ғылыми әдебиеттер мен екінші реттік деректерді талдау қарастырылады. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымының материалдары жастардың тамақтану мәселесін кеңірек әлеуметтік және қоғамдық денсаулық контексінде түсіндіру үшін пайдаланылады.Зерттеуге 18–25 жас аралығындағы 50–100 жоғары оқу орны студентін қатыстыру жоспарланады. Іріктеу қолжетімділікке негізделген тәсіл арқылы жүзеге асырылуы мүмкін. Сауалнама онлайн форматта таратылады. Қатысушылардың жасы, оқу курсы және жұмыс істейтін- істемейтіні сияқты әлеуметтік-демографиялық көрсеткіштер ескеріледі.Сауалнама бірнеше мазмұндық бағытты қамтиды. Бірінші бөлімде респонденттердің әлеуметтік-демографиялық сипаттамалары анықталады. Екінші бөлімде тамақтану тәртібі, соның ішінде таңғы ас ішу жиілігі, жемістер мен көкөністерді тұтыну және тез дайындалатын тағамдарды таңдау мәселелері қарастырылады. Үшінші бөлімде тамаққа бөлінетін бюджет, өнім бағасына мән беру және пайдалы тағамдардың қолжетімділігі зерттеледі.

Төртінші бөлім уақыт тапшылығы мен оқу жүктемесіне арналады. Соңғы бөлімдерде отбасы мен құрдастар ортасының және әлеуметтік желілердің ықпалы қарастырылады.Сауалнама нәтижелері электрондық кестеге енгізіліп, жауаптардың жиілігі мен пайыздық үлесі есептеледі. Кейін экономикалық жағдай, уақыт тапшылығы, әлеуметтік орта және тамақтану көрсеткіштері арасындағы байланыстар талданады. Егер іріктеме көлемі мен деректердің сипаты мүмкіндік берсе, айнымалылар арасындағы статистикалық байланыстарды тексеруге болады.Зерттеуде алынған нәтижелер гипотезаларды бағалау үшін пайдаланылады. Мысалы, қаржылық жағдайын жеткіліксіз деп бағалаған студенттердің тағам бағасына қаншалықты мән беретіні басқа респонденттердің жауаптарымен салыстырылуы мүмкін. Сол сияқты уақыт тапшылығының деңгейі мен дайын тағамдарды таңдау жиілігі арасындағы байланыс қарастырылады.Зерттеудің іріктемесі қолжетімділікке негізделетіндіктен, алынған нәтижелерді барлық Қазақстан жастарына жалпылауға болмайды. Сонымен қатар сауалнама белгілі бір кезеңдегі жағдайды сипаттайтындықтан, анықталған байланыстарды бірден себеп-салдарлық қатынас ретінде түсіндіруге болмайды.Зерттеу ерікті қатысу қағидасына негізделеді. Сауалнама басталғанға дейін қатысушыларға зерттеудің мақсаты мен алынған мәліметтердің қандай мақсатта қолданылатыны түсіндіріледі.

Респонденттерге кез келген уақытта қатысудан бас тарту мүмкіндігі беріледі.Жеке тұлғаны анықтайтын ақпаратты жинау қажеттілігі болмаса, мұндай мәліметтер сауалнамаға енгізілмейді. Жиналған деректер оқу және ғылыми мақсатта пайдаланылады.

Нәтижелер жеке қатысушыларды анықтауға мүмкіндік бермейтін жинақталған түрде ұсынылады.Зерттеу нәтижесінде жастардың тамақтану тәртібіне ықпал етуі мүмкін негізгі әлеуметтік факторларды анықтау көзделеді. Қаржылық мүмкіндіктер, уақыт тапшылығы, отбасы мен құрдастар ортасы және әлеуметтік желілердің рөлі туралы эмпирикалық мәліметтер жинау жоспарланады.Сонымен қатар дұрыс тамақтану туралы білімнің күнделікті тағам таңдауымен байланысы қарастырылады. Алынған нәтижелер студенттердің тамақтану әдеттерін түсінуге және университет жағдайында пайдалы тағамдардың қолжетімділігін жақсартуға бағытталған ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік беруі мүмкін.Бұл бөлімдегі тұжырымдар күтілетін нәтижелерді білдіреді. Нақты қорытындылар сауалнама жүргізіліп, жиналған деректер талданғаннан кейін ғана жасалады.

Қорытынды

Жастардың тамақтану тәртібі жеке таңдау, экономикалық мүмкіндіктер, әлеуметтік орта және күнделікті өмір жағдайларының өзара байланысы арқылы қалыптасатын күрделі әлеуметтік құбылыс болып табылады. Студенттердің тағам таңдауын тек олардың жеке жауапкершілігімен немесе дұрыс тамақтану туралы білім деңгейімен түсіндіру жеткіліксіз. Себебі адамның күнделікті тамақтану әдеттеріне тағам өнімдерінің бағасы мен қолжетімділігі, қаржылық жағдайы, оқу жүктемесі, уақыт ресурстары, отбасылық тәрбие, құрдастар ортасы және цифрлық ақпараттық кеңістік сияқты көптеген факторлар ықпал етуі мүмкін. Осы тұрғыдан алғанда, жастардың тамақтану тәртібін зерттеу олардың жеке мінез-құлқын ғана емес, сонымен қатар студенттік өмірдің әлеуметтік-экономикалық ерекшеліктерін де түсінуге мүмкіндік береді.

Зерттеу тақырыбының өзектілігі қазіргі студенттердің күнделікті өмірінде дұрыс тамақтануды ұйымдастыру мәселесінің маңызды орын алуымен байланысты. Жоғары оқу орнында білім алу кезеңі жастардың дербес шешім қабылдау дағдылары қалыптасатын, өмір салты мен күнделікті әдеттері өзгеретін маңызды кезең болып саналады. Бұл уақытта студенттер оқу мен демалысты үйлестіруге, жеке бюджетін жоспарлауға және тамақтануға қажетті уақытты тиімді пайдалануға тырысады. Алайда қаржылық шектеулер, сабақ кестесінің тығыздығы және дайын тағамдардың қолжетімділігі кейбір студенттердің тамақтану тәртібіне әсер етуі ықтимал. Сондықтан студенттердің тамақтану әдеттерін әлеуметтік жағдайлармен байланыстыра қарастыру жастардың өмір сапасына қатысты мәселелерді тереңірек түсінуге жағдай жасайды.Жастардың тамақтану тәртібін теориялық тұрғыдан түсіндіруде француз әлеуметтанушысы Пьер Бурдьенің габитус және экономикалық капитал тұжырымдамаларының маңызы зор.

Габитус ұғымы адамның отбасында, әлеуметтік ортасында және күнделікті өмір тәжірибесінде қалыптасатын тұрақты бейімділіктері мен әрекет ету тәсілдерін түсіндіреді. Осыған сәйкес, адамның тағамға қатысты таңдауы мен тамақтану әдеттері оның бұрынғы әлеуметтік тәжірибесімен, отбасында қалыптасқан дағдыларымен және қоршаған ортасымен байланысты болуы мүмкін. Ал экономикалық капитал тұжырымдамасы адамның материалдық ресурстарының оның күнделікті мүмкіндіктеріне ықпалын түсіндіруге көмектеседі. Мысалы, студенттің қаржылық жағдайы оның сатып алатын тағам түріне, тамақтану орнын таңдауына және күнделікті рационын жоспарлауына әсер етуі мүмкін. Осылайша, Бурдьенің теориялық көзқарастары жастардың тамақтану тәртібін жеке талғаммен қатар әлеуметтік тәжірибе мен материалдық мүмкіндіктер тұрғысынан талдаудың қажеттілігін көрсетеді.

Ұсынылған зерттеу дизайны студенттердің тамақтану тәртібіне ықпал етуі мүмкін әлеуметтік және экономикалық факторларды сандық әдістер арқылы зерттеуге бағытталған.

Құрылымдалған сауалнама жүргізу арқылы студенттердің қаржылық жағдайы, тамақтану жиілігі, тағам таңдау ерекшеліктері, уақыт тапшылығы, әлеуметтік ортаның ықпалы және әлеуметтік желілерден алынатын ақпарат туралы мәліметтер жинау жоспарланады.

Алынған деректерді жүйелеу және статистикалық талдау зерттеудің негізгі сұрақтарына жауап беруге, зерттеу гипотезаларын тексеруге және түрлі факторлар арасындағы ықтимал байланыстарды анықтауға мүмкіндік береді. Бұл ретте зерттеу нәтижелерін түсіндіру кезінде студенттердің жеке ерекшеліктері мен өмір сүру жағдайларын да ескеру қажет.Зерттеудің маңызды бағыттарының бірі студенттердің қаржылық мүмкіндіктері мен тамақтану тәртібі

арасындағы байланысты анықтау болып келеді.. Студенттік кезеңде жеке бюджеттің шектеулі болуы азық-түлік сатып алу кезінде шешуші факторлардың біріне айналуы мүмкін. Мұндай жағдайда тағамның құнарлылығы мен сапасынан бұрын оның бағасы мен қолжетімділігіне басымдық берілуі ықтимал.

Сонымен қатар сабақ кестесінің тығыздығы мен уақыт тапшылығы студенттердің үйде тамақ дайындауына немесе тұрақты уақытта тамақтануына кедергі келтіруі мүмкін. Осы себепті жастар арасында дұрыс тамақтануды қолдау тек ақпараттық түсіндіру жұмыстарымен шектелмеуі керек. Бұл бағытта студенттердің нақты әлеуметтік-экономикалық жағдайларын ескеретін кешенді тәсіл қажет.Әлеуметтік ортаның ықпалын зерттеу де маңызды болып табылады.

Отбасы мүшелерінің тамақтану әдеттері, достардың таңдауы және бірге тамақтану тәжірибесі жастардың тағамға деген көзқарасының қалыптасуына әсер етуі мүмкін. Бұған қоса, әлеуметтік желілер мен цифрлық платформалар тағам туралы ақпарат алудың, тамақтану үрдістерімен танысудың және белгілі бір тағам түрлеріне қызығушылық қалыптастырудың маңызды арналарына айналды. Дегенмен цифрлық кеңістіктегі ақпараттың барлығы бірдей ғылыми негізделген немесе сенімді бола бермейді. Сондықтан жастардың ақпаратты сыни тұрғыдан бағалау қабілетін дамыту және дұрыс тамақтану туралы тексерілген мәліметтердің қолжетімділігін арттыру маңызды міндеттердің бірі болып саналады.

Зерттеу нәтижелері студенттердің тамақтану жағдайын жақсартуға бағытталған практикалық ұсыныстар әзірлеуге негіз бола алады. Атап айтқанда, жоғары оқу орындарында бағасы қолжетімді әрі құнарлы тағамдардың болуын қамтамасыз ету, студенттердің сабақ кестесіне сәйкес тамақтануға қолайлы жағдай жасау және дұрыс тамақтану туралы сенімді ақпаратты кеңінен тарату мәселелеріне назар аударған жөн.

Сонымен қатар студенттерге жеке бюджетті жоспарлау, азық-түлік шығындарын тиімді бөлу және күнделікті тамақтану тәртібін ұйымдастыру бойынша ақпараттық қолдау көрсетуге болады. Мұндай шаралар жастардың өз денсаулығына жауапкершілікпен қарауына және күнделікті өмір салтын саналы түрде ұйымдастыруына ықпал етуі мүмкін.Зерттеу нәтижелерін тәжірибеде қолдану кезінде олардың әдіснамалық шектеулерін де ескеру қажет. Егер деректер тек сауалнама арқылы жиналса, алынған жауаптар респонденттердің жеке пікірлері мен өз тәжірибесін бағалауына негізделеді. Сондықтан сауалнама нәтижелері студенттердің тамақтану тәртібінің барлық қырын толық сипаттамауы мүмкін. Бұдан бөлек, белгілі бір топтағы студенттер арасында жүргізілген зерттеудің қорытындыларын барлық жастарға бірдей тарату үшін іріктеменің көлемі мен құрамын, сондай-ақ зерттеу жүргізілген ортаның ерекшеліктерін ескеру қажет. Болашақ зерттеулерде әртүрлі әлеуметтік-экономикалық топтарға жататын студенттердің тамақтану әдеттерін салыстыру, олардың күнделікті тәжірибесін тереңірек зерделеу және уақыт өте келе өзгерістерді бақылау зерттеу тақырыбын жан-жақты түсінуге мүмкіндік береді.Осылайша, жастардың тамақтану тәртібін әлеуметтанулық тұрғыдан зерттеу жеке мінез-құлық пен әлеуметтік жағдайлардың өзара байланысын анықтауға бағытталған маңызды ғылыми міндет болып табылады. Бұл мәселені зерттеу барысында экономикалық капитал, әлеуметтік орта, отбасылық тәжірибе, уақыт ресурстары және цифрлық ақпараттық кеңістік сияқты факторларды кешенді түрде қарастыру қажет. Пьер Бурдьенің теориялық тұжырымдамалары осы факторлардың студенттердің күнделікті өмір салтымен байланысын түсіндіруге мүмкіндік береді. Ал сандық зерттеу әдістері олардың ықпалын эмпирикалық деректер негізінде бағалауға жағдай жасайды.

Қорытындылай келе, студенттердің тамақтану тәртібін жақсарту тек жеке адамның жауапкершілігіне байланысты мәселе емес, сонымен қатар білім беру ұйымдарының, әлеуметтік ортаның және жалпы қоғамның қатысуын қажет ететін бағыт болып саналады. Жастардың дұрыс тамақтануына қолайлы жағдай жасау, сапалы тағамның қолжетімділігін арттыру және сенімді ақпаратпен қамтамасыз ету олардың өмір сапасын жақсартуға бағытталған маңызды қадамдар болып табылады. Дегенмен мұндай шараларды әзірлеу мен жүзеге асыру нақты эмпирикалық зерттеу нәтижелеріне сүйенуі тиіс. Сондықтан жастардың тамақтану тәртібін әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторлармен байланыстыра зерттеу студенттердің қажеттіліктерін тереңірек түсінуге және ғылыми негізделген практикалық

ұсыныстар жасауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. World Health Organization. Healthy Diet. World Health Organization. URL: https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet

2. World Health Organization Regional Office for Europe. Better Nutrition in Kazakhstan. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/346277/WHO-EURO-2019-3604-43363-60830-eng.pdf

3. Bourdieu, P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Translated by R. Nice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.

4. World Health Organization. Determinants of Health. World Health Organization. URL: https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/determinants-of-health

5. World Health Organization Regional Office for Europe. Food Marketing and Children in Kazakhstan. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. URL: https://www.who.int/kazakhstan/publications/i/item/WHO-EURO-2019-3602-43361-60826

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА: ОТ ОСОЗНАННОСТИ К ПРАКТИКЕ РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА ОТХОДОВ

Өмірзақ А.Б., Бек Д.В., Жумагалиева С.Ш .
студенты 3 курса Специальности 6В03101 – Социология НАО «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева»
Кафедра социологии
Научный руководитель: Досанова Г.М.
Астана, Казахстан

АННОТАЦИЯ

В исследовании анализируется проблема перехода от экологической осознанности граждан к устойчивой практике раздельного сбора отходов

(РСО) в городской среде. На основе социологических подходов и результатов опроса жителей Астаны выявлены ключевые барьеры экологического

поведения (инфраструктурные, информационные, институциональные). Разработана авторская комплексная модель «5И» (Информированность,

Инфраструктура, Индивидуальная мотивация, Институциональное доверие, Интеграция в привычку). В качестве прикладного решения представлен проект «Eco-City», включающий механизм пилотной апробации и систему критериев оценки эффективности.

Ключевые слова: экологическое поведение, устойчивое развитие, раздельный сбор отходов, модель «5И», экологические ценности, проект

«Eco-City».

ВВЕДЕНИЕ

1.1. Актуальность исследования. Современный город — это сложная социально-экологическая система, устойчивость которой зависит от повседневного поведения жителей и объёмов образующихся бытовых отходов. Раздельный сбор отходов (РСО) выступает инструментом рационального использования ресурсов, однако его эффективность

сдерживается разрывом между экологической осознанностью и реальными действиями. Человек может положительно относиться к защите природы, но не сортировать мусор из-за неудобной инфраструктуры, нехватки знаний, сомнений в переработке или несформированных привычек. Актуальность работы заключается в поиске комплексных решений, объединяющих просвещение, инфраструктуру и мотивацию.

1.2. Постановка проблемы. Главное противоречие заключается в том, что информированность и признание важности экологии не гарантируют участия в РСО. Формирование экологического поведения требует преодоления инфраструктурных барьеров,

дефицита доверия к мусороперерабатывающей системе и отсутствия устойчивых бытовых привычек.

Исследовательский вопрос: почему экологическая осознанность не всегда переходит в регулярное ответственное поведение и какие условия обеспечивают этот переход?

1.3. Цель и задачи исследования.

Цель: выявить основные факторы, влияющие на переход населения от экологической осознанности к практике раздельного сбора отходов, и разработать авторскую прикладную модель стимулирования экологически ответственного поведения в городской среде.

Задачи:

• Рассмотреть теоретические подходы к пониманию экологического поведения и его роли в устойчивом развитии города.

• Раскрыть взаимосвязь экологической осознанности, намерений человека и его повседневных действий.

• Изучить результаты ранее проведённого опроса по вопросам экологического поведения и раздельного сбора отходов.

• Выявить основные барьеры, затрудняющие участие населения в сортировке отходов.

• Систематизировать факторы экологического поведения и разработать авторскую модель «5И» перехода от осознанности к действию.

• Сформировать прикладной проект «Eco-City» с дорожной картой реализации и системой KPI.

1.4. Объект и предмет исследования.

• Объект: экологическое поведение населения в условиях современной городской среды.

• Предмет: механизмы, условия и факторы трансформации

экологической осознанности в регулярные практики раздельного сбора отходов.

1.5. Гипотеза исследования. Регулярное участие населения в раздельном

сборе отходов зависит не только от уровня экологической осведомлённости, но и от доступности инфраструктуры, наличия мотивации, доверия к дальнейшей переработке и формирования повседневной привычки.

Комплексное воздействие на данные факторы потенциально более

эффективно, чем применение отдельных информационных мероприятий без создания условий для практического действия.

1.6. Научная новизна. Состоит в авторской систематизации факторов экологического поведения в единую модель «5И», а также в разработке адаптивного механизма («Eco-City») перевода теоретических ценностей устойчивого развития в практику конкретного городского квартала/ЖК.

1.7. Выборка: Эмпирическую базу исследования составили результаты массового анкетного опроса 322 жителей города Астаны, а также 5 экспертных интервью с эко активистами, эко тренерами, волонтерами и соорганизаторами экологической дармарки, участникками эко хаба

Методология исследования: анкетный опрос жителей Астаны- для выявление уровня экологической осознанности и основные барьеры сортировки отходов; экспертное интервью- дополняет результаты

профессиональной оценкой существующих проблем и возможных решений; сравнительный анализ- для сопоставления экологических установок и

фактических практик респондентов; моделирование — для разработки авторской модели стимулирования экологического поведения;

1.8. Практическая значимость. Практическая значимость работы

заключается в возможности использования предложенных рекомендаций при разработке городских экологических инициатив, информационных кампаний и мероприятий по развитию раздельного сбора отходов. Результаты работы могут быть использованы акиматами, управляющими компаниями (ОСИ/КСК), экологическими НПО и ВУЗами для проектирования программ РСО, информационных кампаний и развития системы обращения с ТКО.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

2.1. Экологическое поведение как фактор устойчивого развития города

Устойчивое развитие современного мегаполиса определяется

эффективностью обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) и степенью вовлечения населения в ресурсосбережение. Экологическое

поведение горожан выступает базовым драйвером снижения антропогенной нагрузки на городские экосистемы. На практике экологическое поведение не является исключительно следствием личной моральной ответственности индивида. Оно системно детерминировано качеством городской среды, логистикой сбора вторсырья и уровнем институционального доверия.

Как отмечает ряд экспертов в ходе интервью, устойчивое экологическое поведение формируется на стыке личных установок и внешних условий среды. Раздельный сбор отходов (РСО) должен рассматриваться как элемент единой городской цепи ресурс оборота: от домохозяйства до перерабатывающего предприятия. Устойчивая практика возникает тогда, когда личная готовность человека подкрепляется доступной инфраструктурой, понятными правилами и прозрачностью всей цепочки обращения с отходами.

2.2. Теоретические подходы к объяснению экологического поведения

В научной литературе разрыв между экологической осознанностью и реальными действиями объясняется через ключевые теоретические концепции:

Теория запланированного поведения Айзека Айзена. Согласно данному подходу, намерение человека совершить экологическое действие определяется его личным отношением к нему, господствующими социальными нормами и воспринимаемым поведенческим контролем (оценкой собственных ресурсов и барьеров). Применительно к РСО это означает, что даже при глубоком понимании пользы переработки человек отказывается от сортировки, если у него нет места для хранения сырья в квартире или отсутствуют знания о правилах маркировки пластика и бумаги. Мета-анализ эмпирических исследований подтверждает тесную связь между нормами, контролем и реальными практиками, однако сила этой связи критически зависит от локального контекста. [1]

Концепция повседневных социальных практик.

В рамках этого подхода поведение рассматривается не как изолированный разовый выбор индивида, а как элемент устоявшейся повседневной рутины, жестко встроенный в материально-бытовую среду. Как отмечает

Анализ высказывании показывает конфликт между экологическими намерениями и автоматизмом быта: если мусорное ведро единое, контейнеры находятся далеко, а правила запутанны, то уставший после работы человек машинально выбрасывает всё в общий мусорный бак. Иными словами, неустроенная бытовая рутина неизбежно побеждает любые благие экологические намерения, если система не помогает человеку совершать правильный выбор автоматически. [2]

Институционально-мотивационный подход. Данный подход доказывает, что долгосрочная устойчивость экологического поведения невозможна на чистом энтузиазме — она требует комбинации материальных и нематериальных стимулов, прозрачной информации и высокого доверия к организаторам процесса. Как отмечают казахстанские эксперты и волонтеры в сфере обращения с ТКО, острейшим барьером выступает дефицит институционального доверия:

Экспертное мнение подтверждает, что любые усилия по просвещению населения будут заблокированы, если городская инфраструктура и операторы не обеспечат абсолютную прозрачность дальнейшей переработки сырья. [3]

Сопоставление теорий и высказывание экспертов доказывает: призывы к экологической ответственности без создания материальных и организационных условий неэффективны.

3. ЭМПЕРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

3.1. Методология исследования

Исследование опирается на смешанную методологию. Количественный этап реализован через анкетный опрос 322 жителей Астаны для оценки уровня эко-осознанности и выявления

барьеров сортировки. Качественный этап включает 5 полуструктурированных интервью с экспертами (эко-тренерами, волонтерами ТКО, организаторами «Дармарки» и участниками эко-хаба) для глубинного анализа институциональных проблем.

Интервью проводились офлайн и онлайн с последующей транскрипцией.

Участие в опросе и интервью было добровольным и анонимным. Ключевыми ограничениями работы выступают географическая привязка к Астане и риск проявления социально одобряемых ответов при самооценке экологического поведения.

3.2. Сравнительный анализ барьеров РСО по данным анкетного опроса и экспертных интервью

Для выявления реальной картины в Астане сопоставим данные проведенного анкетного опроса жителей города с экспертными оценками ведущих экологов и волонтеров. Сравнительный анализ позволяет выделить четыре ключевых блока барьеров:

Блок барьеров Данные анкетного опроса жителей

Астаны Экспертная оценка (интервью) Синтезирова нный вывод

Инфраструктурн ый 66,2%

респондентов указали на отсутствие контейнеро в РСО в шаговой доступност и как на главный сдерживаю щий фактор. “Отсутствие контейнеров во дворах и колоссальную удаленность редких пунктов приема.”

отмечают Э1(эко тренер) и Э4(волонтер в сфере обращения с ТКО) “ ” Физическая

недоступность инфраструкту ры — барьер №1, блокирующий 70%

потенциально й активности населения.

Информационны й 49,8% опрошенных респондент ов испытываю т дефицит понятных инструкций и инфографик и по правилам сортировки фракций.

Фрагментарность эко-просвещения и запутанность правил маркировки “сильный информационный барьер: люди банально не знают, что можно сдавать, куда и как правильно”- Э2(соорганизатор «Дармарка Астана, эко-тренер фонда “EN Social”)», эко тренер)

Необходима стандартизиро ванная, наглядная визуальная коммуникация (памятки, единый язык маркировки).

Институциональн ое доверие 52,3% респондентов не уверены, что отсортирова нные отходы действитель но доходят Проблема «общего мусоровоза» и закрытости информации как ключевой фактор разрушения мотивации. “«Отдельно — вопрос доверия и

прозрачности. Ситуации, когда люди

Без прозрачной отчетности операторов и видео фиксации процессов доверие граждан до переработки сортируют, а потом видят, что всё вывозят в один мусоровоз, очень сильно дискредитировали саму идею.” -Э3 (Участник эко-хаба, волонтер, эко активистка)

восстановить невозможно.

Социально- 58,2% Финансовое Мотивационн экономический готовы благополучие и базовые программы сортировать экономические должны при

потребности человека сочетать наличии напрямую определяют

материальные стимулов, его готовность стимулы но заботиться

об экологии (бонусы, эко- отмечают “Влияние уровня акции) с приоритет

благосостояния: при развитием базовых высоких кредитных локальных

жизненных нагрузках экология комьюнити.

потребносте отходит на второй

третий план.” - Э1(эко тренер)

Сопоставление количественных результатов анкетного опроса с данными экспертных интервью подтверждает, что экологическое поведение в Астане находится на переходном этапе. Экологическая осознанность горожан высока, но она блокируется институциональными и инфраструктурными разрывами. Переход к регулярным практикам раздельного сбора возможен лишь через синергетическое объединение информирования, удобной инфраструктуры, гибкой мотивации, абсолютной прозрачности и интеграции эко-привычек в повседневную жизнь горожан — что и лежит в основе разрабатываемой авторской модели «5И».

4. АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ «5И»: ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОСОЗНАННОСТИ К УСТОЙЧИВОЙ ПРАКТИКЕ

4.1. Обоснование разработки модели

Результаты исследования показывают, что переход от экологической осознанности к регулярному раздельному сбору отходов (РСО) зависит от комплекса взаимосвязанных факторов: уровня информированности, доступности инфраструктуры, мотивации, институционального доверия и формирования устойчивых привычек.

Выявленный разрыв между экологическими установками и реальным поведением доказывает, что изолированные меры не дают устойчивого эффекта. Информационные кампании повышают осведомленность, но не решают проблему отсутствия контейнеров; установка баков не гарантирует доверия к переработке; а финансовые стимулы привлекают участников лишь при условии понятных правил. Для преодоления этих барьеров разработана авторская аналитическая модель «5И», объединяющая пять направлений:

1. Информированность — знание правил и эко-значения РСО.
2. Инфраструктура — физическая доступность и удобство сортировки.
3. Индивидуальная мотивация — личные, социальные и экономические стимулы.
4. Институциональное доверие — уверенность в прозрачности и результативности переработки.
5. Интеграция в привычку — превращение сортировки в автоматический элемент быта.

Модель системно увязывает выявленные проблемы с практическими мерами, а ее эффективность подлежит проверке в рамках проектной апробации.

4.2. Компоненты модели «5И» и комплекс мер

Первый компонент — Информированность («Сортировать просто»): Аналитическое обоснование: Данные анкетного исследование показывают амбивалентный характер проблемы: 69,6% респондентов декларируют

осведомленность о правилах РСО, но 40,1% испытывают практические трудности из-за отсутствия наглядных инструкций. Экспертные интервью подкрепляют этот вывод точными фактами, отсутствие понятных ориентиров усложняют процесс сортировки:

- противоречивость информации запутывают людей еще больше:

Таким образом, для устранения информационного барьера требуется не просто абстрактная пропаганда экологии, а внедрение стандартизированной визуальной навигации и доступных пошаговых инструкций непосредственно в местах первичного накопления отходов.

Второй компонент — Инфраструктура («Сортировать удобно»)

Аналитическое обоснование: Результаты анкетного исследование

фиксируют значительный инфраструктурный разрыв: 66,2% респондентов называют главным барьером физическое отсутствие специализированных контейнеров в шаговой доступности, при этом 84,4% выражают готовность начать сортировку при условии их установки непосредственно во дворе жилого дома. Экспертные интервью также подтверждают этот вывод точными фактами, дефицит элементов городской среды и пространственная удаленность точек сбора делают процесс труднодоступным: а неравномерность размещения по районам создает дополнительные барьеры:

Таким образом, решение инфраструктурной проблемы требует переформатирования городской системы РСО и обязательной установки контейнеров в шаговой доступности к местам проживания граждан.

Третий компонент — Индивидуальная мотивация («Участвовать выгодно и интересно»):

Аналитическое обоснование: Полученные результаты в ходе анкетирование показывает высокую востребованность стимулов: 93,2% опрошенных поддерживают внедрение материальных поощрений, однако экономическая мотивация рассматривается ими не как изолированный фактор, а как дополнение к удобной инфраструктуре и информированности. На основании экспертных интервью , финансовое вовлечение и ощутимая выгода выступают мощным драйвером формирования новых привычек:

прямая материальная отдача или видимый результат от сдачи вторсырья формируют устойчивый интерес населения:

Таким образом, стимулирование участия населения требует комбинации мгновенных экономических выплат (кэшбек, бонусы) с коллективной выгодой для жителей (благоустройство придомовых территорий)

Четвертый компонент — Институциональное доверие («Знать, куда направляются отходы»):

Аналитическое обоснование: Выявлен высокий уровень скептицизма: 52,3% жителей не верят в реальную переработку отходов. Одновременно 57% подтверждают, что прослеживаемость дальнейшей переработки выступила бы прямым стимулом к участию в сортировке.

Экспертные интервью подкрепляют этот вывод , отсутствие прозрачности и закрытость системы разрушают первичную мотивацию граждан:

а внедрение публичной отчетности и наглядных механизмов отслеживания выступает ключевым условием восстановления доверия.

Таким образом, формирование институционального доверия требует перехода от закрытой модели вывоза отходов к полной информационной открытости через цифровой трекинг, публичные отчеты операторов и медийную демонстрацию переработки.

Пятый компонент — Интеграция в повседневную привычку («Экопривычка каждый день»):

Аналитическое обоснование: Практика показывает, что разовые экологические акции не способны сформировать устойчивое поведение без глубокой интеграции эко-действий в привычную бытовую рутину горожан:

63,3% респондентов готовы начать сортировку отходов под влиянием примера близких и коллег (а ещё 24,9% допускают такую возможность), что подтверждает необходимость превращения РСО в естественный элемент повседневного взаимодействия. Проведенное экспертное интервью демонстрирует, формирование устойчивой нормы требует закрепления правильного поведения на уровне семьи, учебных заведений и рабочих коллективов:

Таким образом, переход к устойчивому РСО требует трансформации разовых инициатив в постоянные бытовые сценарии, подкрепляемые социальным окружением и легкой встраиваемостью в ежедневный распорядок дня.

4.3. Взаимодействие компонентов модели «5И»

Элементы авторской модели «5I» образуют неделимую систему, где успех инициативы зависит от баланса всех составляющих. Отдельные меры не приносят пользы: инфраструктура бессильна без наглядных инструкций, а стимулы не работают без доверия общества. Только комплексное воздействие порождает совместный симулирующий эффект эффект, переводя осведомленность в постоянную привычку. Данный подход служит надежной методологической базой для городских экопрограмм и требует проверки в рамках пилотного запуска.

5. ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «Eco-City»: ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ «5И» ДЛЯ РАЗВИТИЯ РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА ОТХОДОВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

5.1. Обоснование проекта, его цель и задачи

Высокая экологическая осознанность жителей Астаны блокируется инфраструктурными барьерами, дефицитом понятных инструкций и сомнениями в переработке. Проект «Eco-City» — прикладная пилотная инициатива на базе авторской модели «5И», направленная на апробацию комплексного подхода перед его масштабированием на весь мегаполис. Цель: перевести жителей от декларативной осознанности к регулярной практике раздельного сбора отходов (РСО).

Задачи: выбрать пилотный ЖК, провести стартовый аудит, развернуть визуальную навигацию, модернизировать контейнерные площадки, запустить экономические и социальные стимулы, обеспечить прозрачность вывоза, сформировать бытовые привычки и зафиксировать KPI.

5.2. Реализация

Реализация проекта строится на пяти направлениях: «Информированность» обеспечивает

размещение стандартизированной инфографики с 3D-иконками

«Можно/Нельзя» на баках и в чатах ЖК; «Инфраструктура» внедряет брендированные контейнеры для основных фракций в шаговой доступности;

«Мотивация» запускает механизм «Эко-бонус дома», направляя выручку от сдачи вторсырья на озеленение двора и проведение соседских «Дармарок»;

«Институциональное доверие» гарантирует ежемесячные отчеты операторов и QR-коды на контейнерах с видеозаписями переработки; «Интеграция» дает бытовые гиды по обустройству кухонного пространства под сортировку, превращая эко-поведение в повседневную норму.

5.8. Ожидаемые результаты, перспективы

Ожидаемые результаты: Комплексная реализация модели «5И» в рамках проекта «Eco-City» позволит преодолеть разрыв между экологическим сознанием и практикой, увеличить объемы качественного вторичного сырья, вовлечь не менее 50–60% жителей пилотного жилого комплекса в регулярный раздельный сбор и сформировать устойчивую модель локального эко-управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование рассматривало механизмы перехода от экологическойосознанности граждан к устойчивым практикам раздельного сбора отходов (РСО) в городской среде. Эмпирическая база (опрос 322 жителей Астаны и 5 экспертных интервью) позволила выявить ключевые барьеры и выполнить все задачи. Основная гипотеза исследования полностью подтвердилась: регулярное участие населения в РСО определяется не только уровнем эко-просвещения, но и наличием доступной инфраструктуры, гибкой мотивации, доверия к переработке и бытовой привычки. Изолированные информационные акции доказали свою неэффективность без создания удобных условий. Разработанная авторская модель «5И» системно объединяет эти драйверы, а концептуальная идея проекта «Eco-City» демонстрирует алгоритм ее практического применения — от навигации и придомовых контейнеров до эко-бонусов и прозрачной отчетности.

Результаты работы доказывают необходимость формирования новой культуры ресурсосбережения и дают практический инструментарий для акиматов, управляющих компаний (ОСИ/КСК) и НПО при развитии городских систем обращения с отходами.

Рекомендации:

• Развитие инфраструктуры и логистики: Провести пространственный аудит придомовых территорий и установить брендированные контейнеры в шаговой доступности. Обеспечить строгий эксплуатационный контроль, прозрачные графики вывоза и внедрить автоматизированные фандоматы в местах массового скопления людей.

• Информирование и визуальная навигация: Разместить стандартизированную инфографику («Можно/Нельзя») на контейнерных площадках и интегрировать цифровые эко-модули в официальные чаты жилых комплексов. Систематически разбирать типичные ошибки сортировки для устранения бытовых заблуждений.

• Экономическое и социальное стимулирование: Внедрить программу «Эко-бонус дома», направляя выручку от сдачи дворового вторсырья на озеленение и благоустройство придомовых территорий. Регулярно проводить дворовые «Дармарки» и запускать мобильные эко-шаттлы по графику.

• Укрепление институционального доверия: Обеспечить прозрачность работы мусоровывозящих компаний через публикацию ежемесячных отчетов о переработке в чатах ЖК и размещение QR-кодов на контейнерах со ссылками на видео экскурсии с заводов.

• Интеграция в бытовую рутину: Распространять понятные гиды по компактной организации кухонного пространства под вторсырьё и поддерживать инициативные группы жильцов для превращения РСО в повседневную общественную норму.

Список использованных источников

1. Семечкин Н. Теория планируемого поведения [Электронный ресурс]: https://studme.org/226358/psihologiya/teoriya_planiruemogo_povedeniya

2. Якимова Е. В. Концепция социальных практик Э. Шоу и социологический анализ повседневности [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiyai-sotsialnyh-praktik-v-sotsiologii
3. Дементьев В. В. Институциональное доверие и особенности коллективного поведения [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-doverie-i-kollektivnoe-povedenie

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950 гг.)

Равиль М.Қ.
Магистрант 1-го курса ОП 7М01601 – История
Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова,
г. Актобе, Казахстан
e-mail: ravil.zarina@bk.ru
Научный руководитель: к.и.н., доцент Бегимбаева Ж.С.

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации структуры международных отношений в послевоенный период (1945-1950 гг.). Анализируются последствия Второй мировой войны для ведущих европейских государств, а также причины и механизмы формирования биполярной Ялтинско-Потсдамской системы во главе с США и СССР. Особое внимание уделяется институционализации нового мирового порядка (создание ООН, Бреттон-Вудс) и этапам военно-политического раскола Европы, завершившегося образованием блока НАТО и началом Холодной войны.

Поражение нацистской Германии во Второй мировой войне в 1945 году привело к тому, что прежний баланс сил в Европе коренным образом изменился. Ведущие европейские колониальные империи, потерявшие за годы войны значительную часть национального богатства, населения и инфраструктуры, утратили экономическую мощь и политическую волю для поддержания прежней гегемонии на международной арене.

На ключевые позиции в мировой политике вышли две новые сверхдержавы – США и СССР, занявшие освободившееся место ведущих мировых центров силы. Истоки противостояния этих государств восходили ещё к 1917 году, однако в послевоенный период их соперничество приобрело принципиально иной масштаб, базируясь не только на геополитической конкуренции, но и на бескомпромиссном столкновении двух противоположных общественно-политических и экономических систем.

Вторая мировая война стала крупнейшим вооружённым конфликтом в истории человечества, оказавшим глубокое воздействие как на участвовавшие в ней государства, так и на систему международных отношений в целом. Масштабные человеческие жертвы, разрушение традиционных институтов и кардинальный передел сфер влияния сформировали принципиально новые условия для глобального порядка.

Актуальность темы. После распада СССР в 1991 году на смену Ялтинско-Потсдамской системе пришел однополярный мир во главе с США, однако сегодня мы видим, как эта система рушится и на её месте постепенно складывается новый многополярный порядок. В условиях сегодняшней нестабильности и появления новых центров силы важно вспомнить, как всё строили раньше. Разбор того, как создавалась Ялтинско-Потсдамская система и почему союзники так быстро разошлись по враждующим блокам, помогает лучше понять, как трансформируется мировая политика сегодня и как держится баланс сил.

Цель работы – разобраться, как формировалась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, оценить, как Вторая мировая война ударила по экономике и политике ведущих держав, и понять, что в итоге привело к расколу мира на блоки и началу Холодной войны.

Вторая мировая война в общей сложности продолжалась 6 лет (2194 дня). В войне участвовала 61 страна с общей численностью населения около 1,7 миллиарда человек. [1]

Вторая мировая война стала крупнейшим вооружённым конфликтом в истории человечества и оказала масштабное воздействие не только на участвовавшие в ней государства, но и на систему международных отношений в целом.

Наиболее очевидным последствием Второй мировой войны стали колоссальные человеческие потери. Война унесла 26,6 миллиона человек граждан Советского Союза, Германия с европейскими союзниками потеряла от 8 до 13 миллионов человек, Соединённые Штаты в войне потеряли около 300 тысяч человек, Великобритания – около 400 тысяч, Франция – около 635 тысяч человек, и это не считая потерь остальных участников войны по всему земному шару [2, 312]. В общей сложности в войне погибло более 55 миллионов человек, около 100 миллионов были ранены, а на европейские страны из числа погибших пришлось около 40 миллионов человек. [1], [3]

Таким образом, основные потери пришлись на европейский континент, что существенно повлияло на демографическую и экономическую ситуацию в регионе в первые послевоенные годы.

Экономики стран Оси – Германии, Италии и Японии – по окончании войны были полностью обрушены. Германия была почти полностью разрушена, крупные города по всей стране, в том числе столица, лежали в руинах, на улицах царили бедность и голод, люди обживали подвалы и развалины. [4]

Германия официально с 5 июня 1945 года находилась под полным контролем союзной администрации. По итогам проведённой с 16 июля по 2 августа 1945 года Потсдамской конференции «Большой тройки» было принято решение об осуществлении денацификации, демонополизации, демилитаризации и демократизации Германии. Это предполагало разукрупнение крупных промышленных объединений, ликвидацию промышленности, способной производить военную продукцию, и полное разоружение, и демилитаризацию страны. [5, 40]

Особенно тяжёлым было положение Германии, которая не только понесла значительные экономические потери, но и оказалась полностью перестроена в политическом и территориальном отношении. По итогам Потсдамской конференции были установлены новые границы Германии: Восточная Пруссия была передана Советскому Союзу, территория от Одера и Западной Нейсе – Польше, Судетская область возвращалась Чехословакии, а Австрия восстанавливала суверенитет. Все немцы, проживавшие в данных областях, подлежали депортации обратно в Германию. [6, 270]

Кроме того, на Потсдамской конференции было согласовано разделение Германии и Берлина на четыре оккупационные зоны стран-союзников (СССР, США, Великобритания и Франция), а в Берлине была представлена комиссия с представительством всех четырёх союзных стран. Причём советской стороне отводилось 40% территории и 30% населения страны. [6, 270]

Впоследствии, 7 сентября 1949 года, на основе западных зон оккупации была создана Федеративная Республика Германия (ФРГ). А уже 7 октября того же года была провозглашена Германская Демократическая Республика (ГДР). [5, 607-608]

Война также нанесла ущерб странам-союзникам. Великобритания, например, лишилась 2/3 торгового флота, на ведение войны было израсходовано 25 млрд ф. ст., в результате чего государственный долг вырос с 7,1 млрд ф. ст. в 1938 г. до 21 млрд ф. ст. в 1945 году. [3, 206]

Несмотря на подъём промышленного производства на 6% в год в первые послевоенные годы, в стране продолжал существовать дефицит базового сырья, а карточки на продукты питания, бензин и предметы первой необходимости сохранялись до 1954 года. Американские кредиторы добились свободного обмена долларов на фунты стерлингов, что за короткое время привело к сокращению золотых и долларовых резервов Великобритании на сумму 25 млрд ф. ст. Страна находилась в остром экономическом кризисе, а «План Маршалла», к которому решила присоединиться страна и получить 2 млрд 331 млн долларов, фактически усилил финансовую зависимость от США. [3, 211]

5 июня 1947 года государственный секретарь США Дж. Маршалл, выступая в Гарвардском университете, изложил программу предоставления экономической помощи европейским странам. Эта программа получила название

«План Маршалла» и преследовала не только экономические, но и внешнеполитические цели, в том числе стремление США сдержать распространение коммунизма и укрепить собственную сферу влияния в Европе. Помимо этого, программа позволяла решить некоторые внутренние экономические проблемы США, в частности расширить рынки сбыта американских товаров, которые испытывали трудности с реализацией на внутреннем рынке. [7, 250]

Ослабление Великобритании проявилось в потере возможности сохранения колониальной системы. В колониях после войны и благодаря антиколониальной позиции Советского Союза и Соединённых Штатов усилились национально-освободительные движения в Азии и Африке [3, 218]. Всё это ограничило возможность Великобритании сохранить прежнюю роль ведущей мировой державы.

Франция, находившаяся под нацистской оккупацией большую часть войны, должна была выплачивать огромные оккупационные платежи в размере 400 млн франков ежедневно. К моменту окончания войны объём промышленного производства страны упал до 38% от довоенного уровня, а в сельском хозяйстве – до 60%. Французские капиталовложения за границей сократились на 40-50%. [8, 346-361]

Ущерб, нанесённый войной стране, был соразмерен 1440 млрд довоенных франков. Было разрушено более 50 тысяч промышленных предприятий, уничтожены электростанции, шахты, судостроительные верфи, 80% нефтеперерабатывающих мощностей, уничтожен почти весь военный и торговый флот страны. Инфляция также не обошла страну стороной: в 1945 году объём денежной массы в шесть раз превышал показатели 1938 года. [9]

Франция в июне 1948 года стала участником «Плана Маршалла», в рамках которого начала получать колоссальную помощь от США. С 1948 по 1951 год США предоставили Франции вооружение, оборудование, продовольствие и кредиты на сумму почти 2,5 млрд долларов. Французское правительство обязано было предоставлять всю информацию о своей экономике Соединённым Штатам в соответствии с соглашением об экономическом сотрудничестве с США. Французская экономика фактически стала должником США. [9]

Таким образом, Франция, несмотря на принадлежность к числу держав-победительниц, вышла из войны, значительно ослабленной экономически и политически. К концу Второй мировой войны США стали полноценной сверхдержавой как по экономическим, так и по военным показателям. Соединённые Штаты были среди стран, практически не понесших ущерба от военных действий: основные территории государства не были ими затронуты. Напротив, США стали одним из главных выгодоприобретателей этого конфликта.

Соединённые Штаты смогли увеличить производственный потенциал страны за счёт гигантского спроса на военную технику, боеприпасы и вооружение, поставляемые в Европу. Помимо вооружения, США поставляли странам – членам антигитлеровской коалиции стратегическое сырьё, продовольствие и другие ценные материалы. Кроме прямых продаж вооружения и сырья, Соединённые Штаты предоставляли помощь в рамках программы

«Ленд-лиз». Общая сумма поставок оценивается примерно в 46,7 млрд долларов. [9]

За годы войны американская промышленность поставила 300 тысяч самолётов, 87 тысяч танков, 383 тысячи артиллерийских орудий и многое другое. Военные заказы стали мощным стимулом ускоренного развития промышленности. [9]

Так, с 1939 по 1945 год производство электроэнергии выросло на 74%, выплавка стали – на 50%, а добыча нефти – на 35%. [9]

Война также стимулировала аграрный сектор страны за счёт государственных заказов на нужды армии. Общий объём сельскохозяйственного производства за годы войны вырос на 40%. [9]

Объём американского экспорта в 1944 году вырос до 14 млрд долларов, что значительно превышало довоенные показатели. Удельный вес американского экспорта вырос с 14,2% в 1937 году до 40% в 1945 году. К концу войны в США было сосредоточено около двух третей

мировых запасов золота, а по условиям Бреттон-Вудской системы, принятой в 1944 году на международной конференции союзных стран, доллар занял центральное место в международной валютной системе. [9] Кроме того, ситуация коренным образом отличалась от довоенной тем, что США обладали монополией на ядерное оружие, которое они уже успели применить 6 и 9 августа 1945 года в Хиросиме и Нагасаки. [5, 594]

Таким образом, к середине 1940-х годов Соединённые Штаты Америки стали одной из наиболее могущественных стран мира, значительно укрепив свои позиции по сравнению с европейскими державами, понёсшими колоссальные потери в войне.

Советский Союз понёс материальный ущерб на своей территории в размере 679 млрд рублей. На территории страны было разрушено 1710 городов и посёлков городского типа, 70 тысяч сёл и деревень, уничтожено около 32 тысяч промышленных предприятий и 65 тысяч километров железных дорог. [1]

Но несмотря на колоссальные разрушения и человеческие жертвы, понесённые в результате войны, Советский Союз вышел из неё политически более сильным. Его международный авторитет и влияние выросли.

По итогам войны за СССР были окончательно закреплены территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также присоединены Закарпатская Украина, область Петсамо и Кёнигсбергская область, на востоке – Южный Сахалин и Курильские острова [5, 633]. После окончания войны советские войска также находились в странах Восточной, Центральной и Северной Европы, в Маньчжурии, Корее и Иране [5, 600]. По американским данным, Красная армия на пике могла насчитывать около 16 миллионов человек. [3, 13]

Советское военное присутствие в Восточной Европе и усиление влияния коммунистических партий способствовали расширению советской сферы влияния в регионе. Важным этапом этого процесса стал коммунистический переворот в Чехословакии в феврале 1948 года. К этому времени к советской сфере влияния относились Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия и Польша, тогда как Югославия занимала особое положение [5, 601-602]. Если до Второй мировой войны Советский Союз имел дипломатические отношения только с 26 государствами, то к концу войны – уже с 52. [3, 14]

Таким образом, несмотря на колоссальные материальные разрушения и человеческие потери, понесённые в годы Второй мировой войны, Советский Союз значительно укрепил свои позиции на международной арене. Победа над нацистской Германией, возросший военный авторитет и расширение влияния в Восточной Европе позволили СССР стать одной из ведущих мировых держав.

Завершение Второй мировой войны привело к формированию новой системы международных отношений, получившей название Ялтинско-Потсдамской. Её основы были заложены на конференциях руководителей СССР, США и Великобритании в Ялте в феврале 1945 года и Потсдаме в июле – августе 1945 года. Главной задачей держав-победительниц стало определение принципов послевоенного устройства Европы. [10, 11]

Ялтинско-Потсдамская система базировалась на новом соотношении сил, сложившемся в результате Второй мировой войны. Окончание войны и поражение Германии создали условия для становления двух сверхдержав: Соединённых Штатов и Советского Союза. Именно определяющее влияние США и СССР на формирование послевоенного мира обусловило биполярный характер этой системы. [10, 12]

Биполярность Ялтинско-Потсдамской системы обеспечивала определённую стабильность: два полюса уравновешивали друг друга, поддерживая баланс сил в мире. Кроме того, контроль сверхдержав над своими союзниками в определённой степени позволял регулировать возникающие международные конфликты. Однако соперничество между США и СССР также приводило к локальным войнам и международным кризисам. [10, 15]

В связи с этим возникла необходимость создания международной организации, главной целью которой стало бы поддержание мира и безопасности, а также предотвращение новых крупных военных конфликтов.

Накануне окончания войны в Европе, 25 апреля 1945 года, открылась конференция в Сан-

Франциско, проходившая до 26 июня. В ней приняли участие представители 50 государств, которые занимались разработкой Устава Организации Объединённых Наций. Примечательно, что в этой конференции участвовали представители Украинской и Белорусской ССР [7, 233]. На конференции был принят Устав ООН, подписанный 26 июня 1945 года. СССР наряду с США, Великобританией, Францией и Китаем стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. [2, 291], [5, 45]

В Уставе ООН, являющемся одним из основных документов международного права, были закреплены принципы международных отношений: суверенное равенство государств, самоопределение народов, мирное разрешение международных споров и отказ от угрозы силой или её применения. Главной целью организации стало поддержание международного мира и безопасности. Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 года, после чего организация официально начала свою деятельность. [2, 291-292]

Особым политическим органом ООН, берущим на себя основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, стал Совет Безопасности ООН. [7, 235]

Исключительное значение для СССР и США имело постоянное членство в Совете Безопасности ООН, предоставлявшее им право вето при принятии решений по вопросам, не относящимся к процедурным. Это позволяло Советскому Союзу и Соединённым Штатам участвовать в принятии важнейших международных решений и защищать свои внешнеполитические интересы. Таким образом, создание ООН стало одним из механизмов закрепления нового соотношения сил, сложившегося после Второй мировой войны. [5, 96]

Как уже было сказано выше, в 1944 году в курортном городке Бреттон-Вудс прошла международная конференция с участием 44 союзных стран, посвящённая вопросам международных финансов. Главной целью конференции разработка новой мировой валютной системы. Ключевым принципом принятой системы стало установление валютных паритетов стран-участниц на основе золотого содержания их валют или их курса по отношению к доллару. Помимо этого, система предполагала использование доллара наряду с золотом в качестве международной резервной валюты, а также при международных платежах и расчётах. [9], [11] На Бреттон-Вудской конференции были созданы и новые международные валютно-кредитные организации: Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Стоит отметить, что Соединённые Штаты обладали значительным влиянием на эти организации благодаря своему экономическому положению и крупной доле в их капитале. [9] В рамках Бреттон-Вудской системы доллар был привязан к золоту по установленному курсу 35 долларов за тройскую унцию. Валюты других стран в свою очередь поддерживали фиксированный курс по отношению к доллару. Это позволяло облегчить международные расчёты и сделать валютные отношения между странами более стабильными. В результате доллар занял центральное место в мировой финансовой системе, что укрепило экономические позиции

Соединённых Штатов в послевоенный период. [11]

Важным этапом оформления биполярной системы и углубления раскола Европы стало создание военно-политических блоков под эгидой США. Первым шагом в этом направлении выступило совещание представителей США, Великобритании и Франции в феврале 1948 года, за которым последовало подписание 17 марта 1948 года в Брюсселе Брюссельского пакта (основы Западного союза) сроком на 50 лет. В него вошли Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, взявшие на себя обязательства по коллективной обороне и поддержанию «экономической устойчивости». [7, 251]

Формирование нового альянса сопровождалось острой дипломатической борьбой вокруг международно-правовых норм. Вашингтон объяснял курс на создание военных баз и блоков необходимостью «взаимной самозащиты» и реакцией на установление недемократических режимов в Восточной Европе, а также на события февраля 1948 года в Чехословакии. В свою очередь советская сторона и ряд исследователей указывали, что формальные ссылки на принципы коллективной безопасности Устава ООН лишь прикрывали военно-политическую сущность договора, фактически нарушая основные принципы этой международной организации и направляя внешнеполитический курс на установление американского

господства. Попытки СССР инициировать переговоры по разоружению и ликвидации иностранных военных баз также были отклонены Вашингтоном. [7, 251-252]

Логическим завершением этого процесса стало официальное провозглашение Североатлантического союза. 14 января 1949 года Государственный департамент США опубликовал заявление «Строим мир. Коллективная безопасность в Североатлантическом регионе», а уже 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан договор о создании НАТО. В первоначальный состав организации вошли 12 государств: США, Великобритания, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Нидерланды, Португалия, Дания, Норвегия, Исландия и Люксембург. Создание НАТО окончательно закрепило военно-политическое присутствие США в Западной Европе и оформило институциональные рамки противостояния двух блоков в холодной войне. [7, 253]

Возвращаясь к двум основным полюсам новой системы международных отношений — СССР и США, стоит отметить, что предпосылки будущей холодной войны берут своё начало в 1917 году. Октябрьская революция, Гражданская война в России и иностранная интервенция привели к возникновению противоречий, которые в дальнейшем способствовали формированию конфронтации между двумя державами. Важно заметить, что две сверхдержавы ещё в самом начале своего становления пытались преобразовать действующую систему и построить новую, лучшую, и в этом заключается их главное сходство. Отличались лишь идеи: либерализм и коммунизм. Действительно, помимо конкуренции за экономические, политические и территориальные интересы, отличительной чертой холодной войны стала борьба идей. [12, 20]

После Второй мировой войны каждая из сторон, исходя из собственных идеологических представлений, полагала, что нацизм не был искоренён до конца. Каждая из них видела в другой продолжателя дела нацизма. СССР рассматривал фашизм как логическое следствие капитализма, а Соединённые Штаты в свою очередь видели в СССР тоталитарный режим, несущий опасность свободному миру. Более того, каждая из сторон считала свою модель общественного устройства конечным этапом развития истории и была уверена в неизбежности своей победы. [12, 32]

Однако «холодной» эту войну делало нежелание прямой военной конфронтации, ведь обе стороны не были заинтересованы в новых завоевательных походах. На это влияла не только идеология, но и страх перед повторением катастрофы Второй мировой войны, а также осознание того, что следующий конфликт такого масштаба с применением ядерного оружия может стать последним в истории человечества. [12, 32]

Холодную войну, как идеологический конфликт можно охарактеризовать четырьмя особенностями:

1. Конкуренция за привлечение новых сторонников той или иной экономической и социальной системы. Причем, что Советский Союз не брезговали сотрудничать с буржуазными или военными режимами, что Соединенные Штаты поддерживали диктаторов и картели.
2. Очаг конфликта претерпевал географические сдвиги из одного региона в другой. Холодная война разделила Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку.
3. Экономический и технологический прогресс стал ключевым инструментом ведения Холодной войны
4. Холодная война строилась вокруг стереотипов, представлений о враге, давно укоренившихся в противоборствующих идеологий. [12, 33-34]

Ходят споры, о том, кто начал все-таки Холодную войн. Уильям О. Дуглас, Верховный судья США с 1939 по 1975 годы, заявлял, что речь Сталина в феврале 1946 года, где была заявлена готовность СССР к будущем конфликтам. [12, 35]

Точной даты начала Холодной войны нет, и среди историков до сих пор идут споры по этому вопросу. Одним из важных событий стала отправка Дж. Ф. Кеннаном «длинной телеграммы» из Москвы 22 февраля 1946 года, в которой он изложил своё видение советской внешней политики. Позже, 5 марта 1946 года, Уинстон Черчилль выступил с Фултонской речью, в которой заявил о разделении Европы «железным занавесом» [12, 35-36]. Ещё одним важным этапом стало провозглашение доктрины Трумэна 12 марта 1947 года, направленной на

сдерживание распространения коммунизма. [13]

Таким образом, 1946–1947 годы можно считать периодом, когда противоречия между СССР и США переросли в открытое политическое противостояние.

Таким образом, победа Антигитлеровской коалиции и завершение Второй мировой войны привели к кардинальной трансформации всей системы международных отношений. Традиционные европейские державы, такие как Великобритания и Франция, оказались ослаблены, огромными человеческими и материальными потерями, и утратили способность удерживать мировую гегемонию и сохранять колониальные империи. На смену многополярному мироустройству пришла биполярная Ялтинско-Потсдамская система, центрами которой стали две сверхдержавы – США и СССР.

Список литературы

1) Купцов В.П. Итоги Второй мировой войны // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2005. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-vtoroy-mirovoy-voyny (дата обращения: 4 октября 2026 г.).

2) Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – 352 с. – (Тема)

3) Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века: Учеб. пособие. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472с.

4) Шульце Хаген Краткая история Германии / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 256 с.: илл. – (Национальная история)

5) Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12т. Т. 12. Итоги и уроки войны. – М.: Кучково поле, 2015. – 864 с., 24л. ил., ил.

6) Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведения: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2001. – Ч.2: 1945-2000. – 336 с.

7) Протопопов А. С., Козьменко В. М., Шпаковская М. А. История международных отношений и внешней политики России (1648-2010): Учебник для студентов вузов / Под ред. А. С. Протопопова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 384 с.

8) Арзаканян, М. Ц. История Франции: учебник для вузов / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. – 2-е изд., испр. – М. : Дрофа, 2007. – 474, [6] с. : ил., карт.

9) Тимошина, Т.М. Экономическая история зарубежных стран: учебн. пособие для вузов. – М.: Юстицинформ, 2004. – 495 с. – URL: https://artip.ru/book/base/B3335/B3335Content.php (дата обращения: 12.10.2026)

10) История международных отношений: В трех томах: Учебник / Под общ. ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – М.: Аспект Пресс, 2012. Т.III: Ялтинско-Потсдамская система / Ю. А. Дубина, Б. Ф. Мартынова, М. М. Нариский, Т. В. Юрьева. – 2012. – 552 с.

11) Алтыев, Н. Крах мировой валютной системы и создание Бреттон-Вудской системы / Н. Алтыев // Ceteris Paribus. – 2022. – № 11. – С. 57–59. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krah-mirovoy-valyutnoy-sistemy-i-sozdanie-bretton-vudskoy-sistemy (дата обращения: 12.10.2026).

12) The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1: Origins / Ed. by M. P. Leffler, O. A. Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 564 p. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-history-of-the-cold-war/9315599B1FEC3B58E606CEBEFEDE175F (дата обращения: 12.10.2026).

13) Пожарский, М.С. Доктрина «сдерживания» коммунизма в годы холодной войны: её эволюция в процессе общественно-политических и академических дискуссий в США : дисс... магистра истории: 46.04.01 – Томск, 2017. – 99 с. – URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/ Download/vital:4429/SOURCE01 (дата обращения: 12.10.2026).

«ЗЕЛЁНЫЙ ПОЯС И ПУТЬ» И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРТАЛ» В КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ КНР И ЕС К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Сабиржан З.С.
Студентка 4-го курса ОП 6B03104 - Международные отношения Университет Нархоз
г. Алматы, Казахстан
e-mail: zere.sabirzhan@narxoz.kz
Научный руководитель: профессор Андиржанова Г.А.

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу подходов Китайской Народной Республики и Европейского союза к устойчивому развитию в Казахстане в рамках «Зелёного пояса и пути» и «Глобального портала». Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью КНР и ЕС в зелёном переходе Казахстана и различиями в продвигаемых ими механизмах устойчивого развития. На основе анализа стратегических документов и реализуемых проектов выявлено, что китайский подход преимущественно ориентирован на развитие зелёной инфраструктуры и расширение мощностей возобновляемой энергетики, тогда как европейский подход сочетает инвестиционные и институциональные инструменты, экологические стандарты и развитие сотрудничества в сфере критически важных сырьевых материалов. Результаты исследования показывают потенциал взаимодополняемости двух подходов в зелёном переходе Казахстана.

Повестка устойчивого развития всё активнее включается в международные инвестиционные и инфраструктурные стратегии КНР и ЕС. В Китае устойчивое направление инициативы «Пояс и путь» получило системное оформление в 2017 г. С принятием «Руководства по продвижению „Зелёного пояса и пути“» (Guidance on Promoting Green Belt and Road) и «Плана сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в рамках инициативы „Пояс и путь“» (The Belt and Road Ecological and Environmental Cooperation Plan) [1; 2]. Европейский союз, в свою очередь, в 2021 г. Представил стратегию «Глобальный портал», ориентированную на развитие устойчивой инфраструктуры и расширение глобальной взаимосвязанности [3].

Несмотря на значительное количество исследований китайской инициативы

«Пояс и путь» и европейской стратегии «Глобальный портал», существенная часть научной литературы сосредоточена на вопросах геоэкономической конкуренции, инфраструктурной взаимосвязанности и внешнеполитических интересов КНР и ЕС. Вместе с тем сравнительно меньше внимания уделено сопоставлению продвигаемых ими нормативных подходов к устойчивому развитию и особенностей их практической реализации в конкретных странах. В связи с этим исследовательский вопрос статьи формулируется следующим образом: как различаются подходы КНР и ЕС к устойчивому развитию в рамках

«Зелёного пояса и пути» и «Глобального портала» и какие возможности и риски их реализация создаёт для зелёного перехода Казахстана?

Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, контент-анализ стратегических документов и метод кейс-стади. Сравнение инициатив КНР и ЕС будет проводиться по трем критериям: различиям в нормативных подходах к устойчивому развитию, экологическим приоритетам и механизмам их реализации, а также распределению социально-экономических выгод и издержек. На основе этих критериев сопоставляются заявленные принципы «Зелёного пояса и пути» и «Глобального портала» и их практическая реализация в Казахстане.

Различия в нормативных подходах к устойчивому развитию. Хотя КНР и ЕС опираются на общую международную повестку устойчивого развития и Цели устойчивого развития ООН, содержание этой категории в их стратегических документах раскрывается через несколько различающиеся нормативные ориентиры. В «Руководстве по продвижению „Зелёного пояса и пути“» продвижение зелёного направления инициативы определяется как

«внутренняя необходимость распространения философии экологической цивилизации и

достижения устойчивого развития» [1]. Таким образом, достижение устойчивого развития непосредственно связывается с концепцией экологической цивилизации, которая предполагает сочетание экономической модернизации с экологической защитой. В рамках такого подхода экологические цели рассматриваются не отдельно от экономического роста, а как часть трансформации самой модели развития.

В стратегии «Глобальный портал» устойчивое развитие также связано с инфраструктурой и экономическим развитием, однако получает более выраженное социальное и институциональное измерение. Подход ЕС основывается на шести принципах: демократических ценностях и высоких стандартах; надлежащем управлении и прозрачности; равноправном партнёрстве; «зелёном» и чистом развитии; безопасности; привлечении инвестиций частного сектора. Документ также указывает на необходимость выбора «инвестиций, устойчивых для местного населения, местной окружающей среды и местной экономики» [3].

Экологические приоритеты и механизмы их реализации. Одним из показательных примеров реализации экологического направления инициативы

«Пояс и путь» в Казахстане является Жанатасская ветровая электростанция мощностью 100 МВт. Основным владельцем проектной компании выступила китайская China Power International Holding. Вместе с тем структура финансирования проекта была многосторонней, наряду с китайскими структурами в ней участвовали Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Industrial and Commercial Bank of China и Зелёный климатический фонд. По оценке ЕБРР, эксплуатация станции позволяет предотвращать около 262 тыс. тонн выбросов CO_2 ежегодно [4].

Более того, в 2026 г. Казахстан ратифицировал межправительственное соглашение с КНР о реализации трёх проектов ВИЭ общей мощностью 1,8 ГВт и стоимостью около 2,2 млрд долл. США. Документ предусматривает строительство двух ветровых электростанций совокупной мощностью 1,5 ГВт и солнечной электростанции мощностью 300 МВт в Павлодарской, Карагандинской и Туркестанской областях, а также внедрение систем накопления энергии. Ожидается, что совокупная годовая выработка превысит 5,7 млрд кВт·ч, а сокращение выбросов CO_2 может достигнуть 4,5 млн тонн в год [5]. Заявленный масштаб этих проектов является существенным и потенциально способен заметно увеличить объем низкоуглеродной генерации.

Европейский подход, в свою очередь, сочетает инфраструктурное финансирование с институциональными и регуляторными инструментами. Одним из примеров является рамочное кредитное соглашение между Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) и Банком развития Казахстана на сумму 200 млн евро в рамках «Глобального портала». Финансирование предназначено для проектов устойчивой транспортной инфраструктуры и возобновляемой энергетики [6].

Наряду с инфраструктурным финансированием европейский подход включает институциональный компонент. Одним из его примеров в рамках

«Глобального портала» стала программа «Устойчивые энергетические связи в Центральной Азии» с бюджетом 6,8 млн евро, реализованная в 2022–2026 гг. в пяти государствах Центральной Азии, включая Казахстан [7]. В рамках этого проекта оказывалась экспертная поддержка Министерству энергетики РК при разработке проекта закона «О развитии альтернативной энергетики», призванного расширить действующее регулирование, основанное на Законе «О поддержке использования возобновляемых источников энергии». В частности, были подготовлены концепция нового закона, предложения по регулированию систем накопления электроэнергии и более десяти аналитических материалов для Министерства энергетики.

Ещё одним направлением взаимодействия в рамках инициативы

«Глобальный портал» стал Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству в области цепочек создания стоимости устойчивого сырья, аккумуляторных батарей и «зеленого» водорода, подписанный в 2022 г. [8]. Партнёрство распространяет экологическую составляющую за пределы производства электроэнергии на более широкие

производственные цепочки. Оно предусматривает модернизацию добычи и переработки сырья, внедрение устойчивых технологий и высоких экологических, социальных и управленческих стандартов, декарбонизацию цепочек критически важных сырьевых материалов и переработку промышленных минеральных отходов.

Таким образом, китайская модель преимущественно ориентирована на инфраструктурные инвестиции и развитие ВИЭ, тогда как европейская сочетает инвестиционные и нормативные инструменты, уделяя особое внимание устойчивой добыче критически важных минералов, необходимых для собственного зелёного перехода. Вместе с тем, совместное участие китайских и европейских финансовых институтов в отдельных казахстанских проектах, включая Жанатасскую ВЭС, демонстрирует возможность конвергенции инструментов обеих моделей на уровне практической реализации.

Распределение социально-экономических выгод и издержек. В официальных документах экологического направления инициативы «Пояс и путь» 2017 г., зелёное развитие связывается с принципами равенства, взаимной выгоды, совместных консультаций, совместного развития и распределения результатов сотрудничества [1; 2]. Показательным примером является завод SANY Renewable Energy в Шу, предназначенный для производства гондол, ступиц, башен и других компонентов ветровых электростанций непосредственно в Казахстане. Реализация проекта предусматривает создание около 300 рабочих мест, а производственная мощность предприятия рассчитана на выпуск оборудования для строительства до 2 ГВт ветровых мощностей в год [9]. Тем самым китайское сотрудничество потенциально способствует не только расширению генерации ВИЭ, но и формированию местных производственных компетенций и добавленной стоимости.

Вместе с тем строительство зелёной инфраструктуры само по себе не гарантирует равномерного распределения социально-экономических выгод. Это показывает исследование У. Цзэна, основанное на полевой работе в Жанатасе и его окрестностях. По данным автора, на пике строительства Жанатасской ВЭС проект обеспечивал более 500 рабочих мест для местных работников [10, 528].

Однако после завершения строительного этапа потребность в рабочей силе резко сократилась, на стадии эксплуатации на объекте работало около 20 человек, из которых примерно 10 являлись жителями Жанатаса [10, 522].

В европейском подходе социальное-экономическое измерение устойчивого развития в большей степени связано с развитием человеческого капитала, инклюзивностью и созданием местной добавленной стоимости. Акцент на локальной добавленной стоимости получил более явное выражение на первом саммите ЕС–Центральная Азия в Самарканде в апреле 2025 г. Говоря о критически важных сырьевых материалах, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен отметила: «Эти сырьевые ресурсы – источник жизненной силы для глобальной экономики будущего. Но в то же время они манят глобальных игроков, некоторые из которых заинтересованы только в эксплуатации и добыче. У Европы другое предложение. Мы также хотим быть вашими партнерами в развитии местной промышленности. Добавленная стоимость должна быть локальной.» [11].

В рамках реализации «Глобального портала» социальные аспекты энергетического перехода учитывались и в программе «Устойчивые энергетические связи в Центральной Азии». К целевым группам данной программы относились женщины, молодёжь, малообеспеченные и маргинализированные группы населения, а отдельное направление работы было посвящено интеграции гендерных аспектов в энергетическую политику и расширению участия женщин в энергетическом секторе [7].

Следовательно, китайская модель в большей степени связывает социально-экономические эффекты зелёного перехода с созданием рабочих мест, производственной локализацией и развитием промышленных компетенций, тогда как европейская сильнее акцентирует развитие навыков, инклюзивность и сохранение местной добавленной стоимости.

Возможности и риски для Казахстана. Подводя итог, для зелёного перехода Казахстана реализация «Зелёного пояса и пути» и «Глобального портала» создаёт несколько взаимосвязанных возможностей. Сотрудничество с КНР и ЕС способствует расширению

низкоуглеродной энергетической инфраструктуры Казахстана и привлечению крупных инвестиций в сектор ВИЭ. Одновременно зелёное сотрудничество постепенно выходит за рамки непосредственного строительства электростанций и создаёт предпосылки для формирования локальных производственных цепочек. Показательным примером является проект SANY Renewable Energy в Жамбылской области. В данном случае привлечение китайских инвестиций может способствовать не только увеличению энергетических мощностей, но и локализации производства, трансферу технологий и развитию национальных компетенций в секторе возобновляемой энергетики. Европейское направление, в свою очередь, позволяет расширить содержание зелёного перехода за пределы энергетической генерации. Стратегическое партнёрство Казахстана и ЕС охватывает критическое сырьё, аккумуляторные технологии и возобновляемый водород, а также предусматривает развитие устойчивых цепочек создания стоимости. Данное партнёрство потенциально способствует расширению участия Казахстана в переработке критически важных сырьевых материалов, освоении новых технологий и формировании производств с более высокой добавленной стоимостью, что соответствует национальным приоритетам зелёного перехода.

Вместе с тем расширение сотрудничества в рамках этих двух инициатив сопровождается рядом рисков, которые могут ограничить долгосрочный эффект внешних зелёных инвестиций. Один из рисков связан с сохранением технологической и инвестиционной зависимости от внешних партнёров. Китайские проекты позволяют Казахстану быстро привлекать капитал, оборудование и производственные технологии, а создание завода SANY по выпуску компонентов для ветроэнергетики свидетельствует о постепенном переходе к локализации производства. Однако наличие производственной площадки ещё не означает автоматического формирования полноценной национальной технологической цепочки. Если ключевые технологии, оборудование и компетенции продолжают контролироваться зарубежными компаниями, Казахстан может оставаться преимущественно рынком реализации иностранных технологических решений. В случае китайского направления дополнительное значение имеет качество национального экологического регулирования. Экологическое управление в рамках «Зелёного пояса и пути» в значительной степени опирается на добровольные корпоративные механизмы и законодательство принимающего государства. Следовательно, экологические результаты проектов непосредственно зависят от способности страны-партнёра устанавливать и обеспечивать соблюдение собственных экологических норм [1; 2].

В рамках «Глобального портала», в свою очередь, Казахстан рассматривается как важный партнёр для диверсификации поставок критического сырья, необходимого для европейского зелёного и цифрового перехода. При этом официальные документы «Глобального портала» предусматривают развитие не только добычи, но также переработки, устойчивых технологий и профессиональных компетенций. Следовательно, ключевой вопрос для Казахстана заключается в том, удастся ли реализовать именно эту часть партнёрства. Если экспорт сырья будет расширяться быстрее, чем внутренние перерабатывающие мощности, зелёный переход ЕС может усиливать спрос на казахстанские ресурсы, не обеспечивая сопоставимого технологического развития самого Казахстана.

Вывод. Проведённый анализ показывает, что подходы КНР и ЕС к устойчивому развитию в Казахстане, несмотря на различия в приоритетах и механизмах реализации, обладают потенциалом взаимодополняемости. Китайские инвестиции в зелёную инфраструктуру могут способствовать расширению низкоуглеродной генерации, тогда как сотрудничество с ЕС открывает возможности для совершенствования институциональных механизмов, развития перерабатывающей промышленности и внедрения экологических стандартов. Вместе с тем реализация этих возможностей зависит от способности Казахстана согласовывать внешние инициативы с собственными приоритетами декарбонизации, технологического развития и справедливого распределения социально-экономических выгод.

Список литературы

1. Guidance on Promoting Green Belt and Road [Электронный ресурс] URL:https://english.mee.gov.cn/Resources/Policies/policies/Frameworkp1/201

706/t20170628_416864.shtml (Дата обращения: 30.09.2026).
2. The Belt and Road Ecological and Environmental Cooperation Plan [Электронный ресурс] URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/Plans/Plans/201706/t20170628_416869.s html (дата обращения: 25.09.2026).
3. The Global Gateway: Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=celex:52021JC0030 (дата обращения: 30.09.2026).
4. Konstantiov P. Kazakhstan forges ahead with Renewable Energy [Электронный ресурс] URL: https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2020/kazakhstan-forges-ahead-with-renewable-energy.html (дата обращения: 27.09.2026).
5. Казахстан и Китай реализуют три проекта ВИЭ на 2,2 млрд долларов [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/1150170?lang =ru (дата обращения: 30.09.2026).
6. ЕС и Казахстан продвигают стратегию «Global Gateway», достигнув ключевых соглашений [Электронный ресурс] / URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/eu-and-kazakhstan-advance-global-gateway-strategy-key-agreements_en?s=222 (дата обращения: 30.09.2026).
7. 4-ое заседание Руководящего комитета проекта [Электронный ресурс] URL: https://secca.eu/ru/event/4th-psc-meeting/ (дата обращения: 30.09.2026).
8. COP27: European Union concludes a strategic partnership with Kazakhstan on raw materials, batteries and renewable hydrogen [Электронный ресурс] URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/cop27-european-union-concludes-strategic-partnership-kazakhstan-raw-materials-batteries-and-0_en?s=222 (дата обращения: 30.09.2026).
9. В Жамбылской области стартовало строительство завода компонентов для ВЭС [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/zhambyl/press/news/details/893624?lan g=ru (дата обращения: 30.09.2026).
10. Zeng W. Green Energy and State Power: The Case of Zhanatas Wind Power Project in Kazakhstan // Development and Change. — 2025. — № 3. — С. 510–538.
11. Tidey A. Глава Еврокомиссии на саммите в Самарканде: "Мы готовы помогать в развитии местной промышленности" [Электронный ресурс] URL: https://ru.euronews.com/2025/04/04/unlike-others-were-reliable-eu-tells-central-asia-as-it-seeks-greater-access-to-rare (дата обращения: 20.09.2026).

МЕЖДУ ДОСТОИНСТВОМ И БЕЗОПАСНОСТЬЮ: ЦЕННОСТНЫЕ РАМКИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В КАЗАХСТАНСКОМ МЕДИА

Семенова Ю. Е.
Студент 4-го курса ОП 6В11405 – Социальная работа, Евразийский национальный университет им. Л. Н Гумилева, г. Астана, Казахстан
e-mail: uliasemenova90909@gmail.com
Научный руководитель: к. с. н. Мухамбетова К. А.

Аннотация

Исследование рассматривает медиафрейминг наркозависимости как способ трансляции ценностей в современных новостных СМИ. Опираясь на теорию фрейминга Entman, автор исходит из того, что медиа конструируют реальность, предлагая обществу интерпретацию проблемы, ее причин и решений. За образами «жертвы» (health frame) и «агрессора» (crime

frame) стоят разные ценностные системы: сострадание и забота против наказания и безопасности. Работа опирается на труды McGinty, Taylor, Lindsay и Vuolo. Смешанный дизайн сочетает в себе частотный анализ, word2vec и косинусное сходство с качественным анализом текстов. Работа демонстрирует как криминализация прежде всего адресована веществу, а образ человека деперсонализируется.

Введение

Проблема употребления психоактивных веществ уже несколько десятилетий остается значимой темой новостной повестки. Для значительной части аудитории медиа являются одним из основных источников представлений о людях с наркотической зависимостью, причинах зависимости и способах общественного реагирования на нее. Поэтому медиатексты не только информируют о событиях, но и участвуют в конструировании социальных образов, границ допустимого сочувствия и представлений об ответственности.

Теория фрейминга исходит из того, что медиа, отбирая и акцентируя отдельные аспекты события, задают определение проблемы, объясняют причины, распределяют ответственность и делают одни способы решения более очевидными, чем другие [1, 52]. В дискурсе о наркотической зависимости особенно заметна конкуренция медицинско-гуманистической логики, связывающей зависимость с лечением, уязвимостью и правом на помощь, и криминализирующей логики, акцентирующей угрозу, вину и контроль. Наряду с ними устойчиво воспроизводятся милитаризированная метафора «борьбы» и «войны с наркотиками».

В настоящей работе медиарепрезентация зависимости рассматривается как пространство конкуренции ценностей. Медико-гуманистическая рамка актуализирует человеческое достоинство, сострадание, право на лечение и социальное восстановление; криминализирующая и милитаризированная рамки – безопасность, порядок и защиту общества от угрозы. Эти ценности не являются взаимоисключающими, однако способы их иерархизации и медиа влияют на то, воспринимаются ли человек с зависимостью прежде всего как субъект помощи и реабилитации либо как элемент опасного социального контекста.

Исследовательская проблема заключается в том, каким образом язык новостных публикаций распределяют внимание между человеком, веществом и угрозой и какие ценностные рамки при этом становятся доминирующими. Особый интерес представляет не только прямая стигматизация, но и деперсонализация – ситуация, при которой в публичном нарративе подробно представлена «борьба с наркотиками», тогда как опыт, голос и социальная субъектность самого человека оказываются на периферии.

Исследования McGinty и соавторов показывают устойчивость противопоставления криминального и медицинского фреймов в освещении наркотической зависимости [2, 405–411]. Taylor исследовала медиафрейминга употребления наркотиков как образа некоего «аутсайдера» [3, 369-387]; Lindsay и Vuolo в свою очередь, выявили историческую изменчивость между криминализацией и наркопотреблением [4, 376-403]. Исследования языка новостей демонстрируют, что терминология со стигматизирующей лексикой способна воспроизводить социальную дистанцию [5, 110–114], тогда как корпусные исследования подтверждают устойчивость метафор фреймов криминализации, здоровья и «войны» в цифровом корпусе о зависимости [6,6-10].

Цель исследования – выявить доминирующие ценностные фреймы репрезентации наркотической зависимости в казахстанском медиадискурсе и определить, каким образом в них соотносятся образы человека, вещества, помощи и общественной угрозы.

Задачи исследования:

1– систематизировать теоретические подходы к анализу медиафрейминга зависимости и стигмы;

2– операционализировать медикализирующий, криминализирующий и милитаризованный фреймы на лексическом уровне;

3– провести корпусный количественный анализ частотности и семантической близости выделенных категорий;

4– интерпретировать результаты через соотношение ценностей человеческого

достоинства, помощи, общественной безопасности и контроля, обозначив ограничения исследования.

Теоретические основания исследования

Теория фрейминга (Framing Theory)

Базовой теоретической рамкой исследования выступает теория фрейминга Robert Entman, согласно которой медиа делают отдельные аспекты воспринимаемой реальности более заметными и тем самым задают определение проблемы, причинную интерпретацию, моральную оценку и предпочтительное решение [1, 52]. Применительно к наркотической зависимости это означает, что криминализирующее описание делает логичными меры контроля и наказания, тогда как медицинско-гуманистическое – лечение, реабилитацию и снижение стигмы. Поэтому выбор фрейма является одновременно способом описания социальной проблемы и способом ценностной расстановки приоритетов.

Фрейминг зависимости и стигма

Концепция стигмы Erving Goffman позволяет объяснить, как социально дискредитирующий признак может вытеснять другие характеристики личности и становиться доминирующим основанием ее восприятия [7, 4–5]. В медиадискурсе это проявляется в сведении человека к категории «наркоман», «преступник» или «угроза». Экспериментальные и контент-аналитические исследования показывают, что язык описания зависимости влияет на социальную дистанцию, готовность поддерживать лечение и отношение к людям с расстройствами, связанными с употреблением веществ [5, 110–114; 8, 733–85]. Современный обзор исследований медиа репрезентаций зависимости также фиксирует устойчивое присутствие образов опасности, криминальности и нестабильности наряду с более редкими образами лечения и восстановления [9, 125–141].

Дизайн исследования

Исследовательские вопросы:

ИВ1: Какие из аналитически выделенных рамок – медицинско-гуманистическая, криминализирующая или милитаризованная – количественно преобладают в исследуемом корпусе?

ИВ2: Как различаются семантические связи лексики, обозначающей наркотические вещества, с выделенными рамками?

ИВ3: Как выявленная конфигурация фреймов соотносится с ценностным напряжением между человеческим достоинством и правом на помощь, с одной стороны, и общественной безопасностью и контролем – с другой?

Исследование выполнено как корпусное контент-исследование новостных медиатекстов с применением частотного анализа, методов дистрибутивной семантики и интерпретативного анализа. Количественный компонент используется для оценки представленности и семантической близости лексических категорий, а интерпретация результатов – для выявления ценностной логики, стоящей за их сочетанием.

Формирование выборки

Для анализа использован массив «Посты новостного содержания в казахстанском сегменте Telegram». Целевой поиск проводился по ключевым словам «наркозависимый», «наркоман», «употребление», «передозировка»,

«нарколог», «реабилитация» и их синонимам в электронном архиве 653 170 новостных постов за 2015–2026 гг. После фильтрации и лемматизации с использованием UDpipe итоговый корпус составил 5891 публикацию.

Единица анализа и операционализация переменных

Единицей анализа выступила отдельная публикация. Корпус был описан через три аналитические рамки, представленные группами лексический якоре: X1 – криминализация/стигма, X2 – здоровье/уязвимость, X3 – милитаризованный дискурс

(«война/борьба»). Отдельно использовались тематические якоря Y1, номинирующие человека и зависимость, и Y2, номинирующие наркотические вещества. Анализ строился на частотности категориальной лексики и семантической близости опорных векторов.

В рамках теории фрейминга оценочная лексика рассматривается как индикатор того, каким образом медиатекст определяет проблему и распределяет моральную ответственность. Поэтому в группы X включались не только процедурно-тематические слова, но и лексемы с выраженной оценочной функцией. При систематизации категорий учитывалось исследование цифрового дискурса о зависимости, выявившее подходы корпусной лингвистики и анализа метафор [6,6–10].

Группа Y включает лексику, называющую объект исследования без заранее заготовленной оценочной рамки: Y1 – человек/зависимости, Y2 – наименование

наркотика (вещество). Данная категория используется как точки сравнения, относительно которых оценивается распределение близости к интерпретативным рамкам (X1 – X3).

Группа X включает лексику, задающую индикатор фрейма: X1 – криминализация/стигма, X2 – медикализация/уязвимость, X3 – милитаризованная рамка «борьбы». При этом часть лексики данной категории, например «наркоторговец», «сбыт», «задержан», относится непосредственно к контексту оборота наркотиков. Поэтому далее, вектор интерпретируется как индикатор криминализирующего поля медиадискурса, а не прямого измерения стигматизации.

Сопоставление семантической близости Y1 и Y2 с X1-X3 позволяет проверить, какие интерпретационные поля оказываются ближе к фигуре человека и какие – к наркотическим веществам. Тем самым анализ смещается от простой частоты упоминаний к вопросу о структуре медиарепрезентации.

Таблица 1. Лексический словарь (frame)

Y1 (человек)	наркозависимость, употребляемый, зависимость, потребитель
Y2 (наркотики)	марихуана, конопля, каннабис, мефедрон, синтетика, синтетический, опиаты
X1 (криминал/ стигма)	преступник, злоумышленник, нарушитель, наркоторговец, барыга, опасный, виновный, осуждённый, распространитель, отравитель, наказан, виновен, задержан, разыскивается, криминальный, теневой, подпольный
X2 (здоровье/ уязвимость)	больной, страдающий, зависимый, жертва, несчастный, нуждающийся, помощи, пострадавший, уязвимый, беспомощный, обездоленный, беду, оступившийся, лечени-, искалечен-, судьба, разрушен

Оба вектора Y1 и Y2 используются как тематические точки отсчета. Вместе с тем операционализация рамок требует осторожной интерпретации: X2 объединяет медицинскую лексику с лексикой уязвимости и сострадания и потому обозначает медицинско-гуманистическое поле, а не буквальный «фрейм жертвы»; X1 включает как стигматизирующие характеристики, так и лексику правоохранительной процедуры.

Для воспроизводимой количественной проверки распределения рамок был применен метод дистрибутивной семантики – векторные представления слова (word embeddings). Он позволяет оценить семантическую близость тематических якорей Y1/Y2 к интерпретативным категориям X1/X2/X3 в корпусе и тем самым дополнить частотный анализ измерением структуры лексических связей.

Результаты

Для разведывательной визуализации семантического пространства векторные представления документов и опорных лексических категорий были спроецированы на

плоскость первых двух главных компонент (PC1 = 12,26%, PC2 = 8,94%; совокупно 21,2% дисперсии). Референтный якорь темы зависимости был представлен двумя векторами – Y1 (лексика, номинирующая человека/зависимость) и Y2 (лексика, номинирующая вещество) – в сопоставлении с X1 (криминализирующее поле), с X2 (здоровье/уязвимость) и X3 (милитаризованная рамка). Выделение X3 опирается на корпусные исследования метафор зависимости, где «война» и «борьба» выступают устойчивыми способами организации дискурса [6, 6–10].

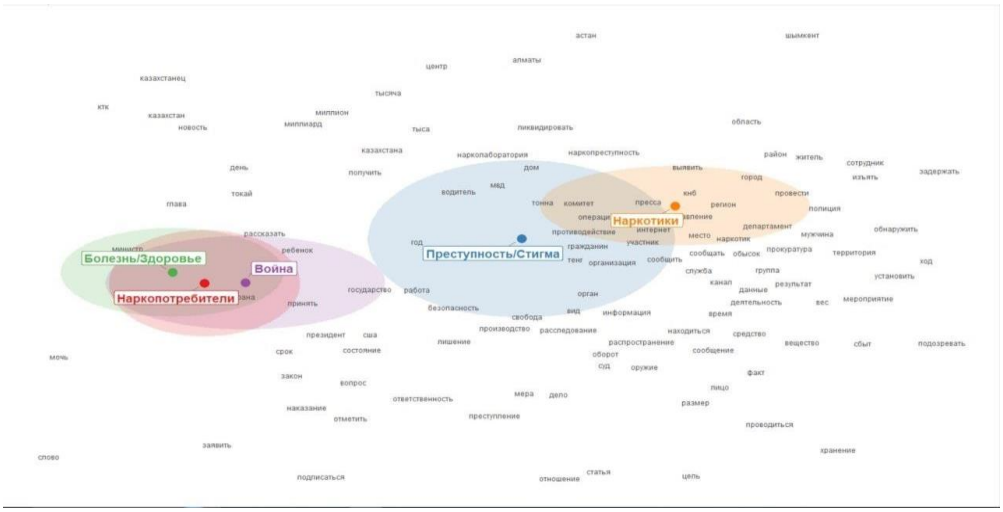

Рисунок 1. Результаты семантического анализа в виде PCA

На проекции Y1, X2 и X3 образуют плотную, слабо разделенную группу, тогда как Y2 и X1 смещены в отдельную, частично пересекающуюся с ней область (Рисунок 1). В окружении первой группы преобладает лексика политико-административного регистра (министр, президент, глава, государство, ответственность, наказание, срок), а не собственно медицинская лексика сострадания. В окружении второй группы концентрируется лексика правоохранительной процедуры и масштаба оборота (полиция, прокуратура, изъять, задержать, оборот, сбыт, тонна).

Совместная объяснённая дисперсия PC1-PC2 составляет лишь 21,2% что заметно ниже, чем в предварительной версии анализа с неразделенным якорем Y (44,09%). Такое расхождение между версиями демонстрирует чувствительность визуализации и самих данных к способу операционализации референтного якоря. По этой причине PCA – проекция в данном исследовании рассматривается иллюстративно, как разведочный материал, нуждающийся в подтверждении количественными методами.

Среднее число слов каждой категории на одно сообщение показано на Рисунке 2. Лексика категорий «Война» (0,22), «Преступность/Стигма» (0,20) и «Наркотики»/Y2 (0,20) встречается в среднем в четыре раза чаще, чем лексика категорий «Здоровье/Медицина» (0,05) и «Наркопотребители»/Y1 (0,05).

По результатам количественного индикатора исследования, преимущественная часть в корпусе состоит из криминализирующей и милитаризованной лексики; лексика здоровья/уязвимости в свою очередь, остается вторичным. Одновременно с этим, вектор, номинирующий человека (Y1), встречается нечасто. В соотношении с остальными векторами это указывает на преобладание языка стигмы, контроля и угрозы, а также на сравнительно слабую представленность самого человека как субъекта лечения и восстановления.

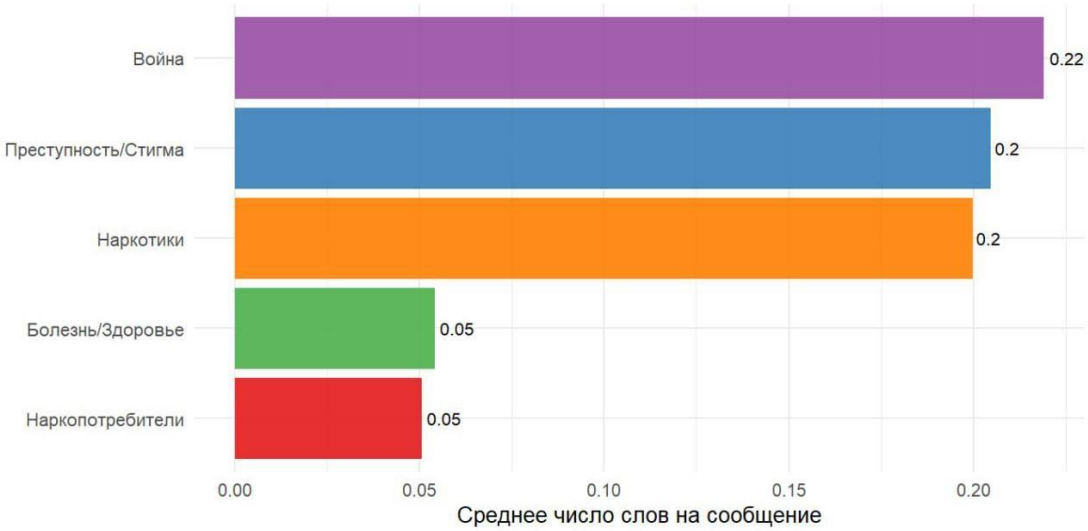

Рисунок 2. Среднее число употреблений seed-слов группы в одном сообщении.

Для доказательства взаимного расположения категорий, наблюдающийся на PCA–проекции, была рассчитана матрица косинусного сходства между пятью опорными векторами в исходном пространстве embedding (Рисунок 3).

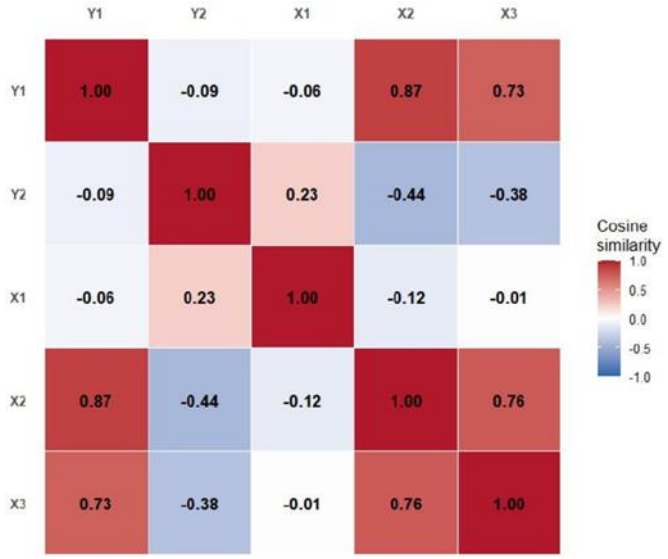

Рисунок 3. Матрица косинусного сходства между векторами

Матрица косинусного сходства конкретизирует наблюдения PCA. Наиболее высокий результат демонстрирует семантическую близость Y1 к X2 (0,8694) и X3 (0,7340), но почти не связан с X1 (-0,06). В свою очередь, Y2 имеет слабую семантическую связь с X1 и отрицательную с X2 (-0,4438) и X3 (-0,3802). В заключении, криминализирующее поле в корпусе семантически ближе к веществу, тогда как лексика, обозначающая человека, ближе к медикализированному и милитаризированному фреймам.

Сильное семантическое сходство между X2 и X3 (0,7650) иллюстрирует их частную близость, однако не должна трактоваться равно ценностным установкам; косинусное сходство фиксирует структуру употребления, но не положительную или отрицательную нравственную оценку.

Дискуссия

Центральный результат исследования состоит в асимметрии медийных рамок. Частотный анализ показывает примерно четырехкратное преобладание криминализирующей и милитаризованной лексики над лексикой здоровья/уязвимости (0,20–0,22 против 0,05 слова на

сообщение). Это в целом согласуется с исследованиями, показывающими устойчивость криминального фрейма и образов опасности в медиарепрезентациях зависимости [2, 405–411; 4, 376–403; 126–141]. Вместе с тем ценностное значение этого результата не сводится к простой оппозиции «наказание – лечение»: корпус показывает, что сама фигура человека занимает в дискурсе заметно меньше места, чем язык вещества, угрозы и борьбы.

Разделение референтного якоря на Y1 (человек/зависимость) Y2 (вещество) выявляет важную особенность. Криминализирующее поле семантически связано прежде всего с веществом и контекстом его оборота, тогда как Y1 значительно ближе к медицинско-гуманистической рамке. Это позволяет осторожно говорить о деперсонализированной конфигурации медиадискурса: «война» ведется прежде всего с наркотиками как угрозой, а человек с зависимостью нередко остается на периферии повествования. Такая конфигурация может снижать прямую криминализацию конкретного человека, но одновременно ослабляет его субъектность – его собственный опыт, потребность в помощи и возможность восстановления оказываются менее заметными.

Интерпретируя результаты, необходимо учитывать ограничения операционализации. Во-первых, X1 включает лексику правоохранительного и наркоторгового контекста, поэтому ее высокая частотность не может автоматически трактоваться как прямая стигматизация человека с зависимостью. Во-вторых, X2 объединяет медицинскую и виктимизирующую/сострадательную лексику, а семантическая близость X2 и X3 отражает совместное употребление слов, не тождество ценностных установок. Наконец, корпус ограничен русскоязычными новостными Telegram-каналами и не представляет весь и не представляет весь медиаландшафт Казахстана. Эти ограничения не отменяют выявленной закономерности: публичный язык значительно чаще организован вокруг угрозы, контроля и «борьбы», чем вокруг индивидуального опыта лечения и социального восстановления.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что русскоязычный новостной Telegram-дискурс о наркотической зависимости в Казахстане существенно сильнее насыщен криминализирующей и милитаризованной лексикой, чем лексикой здоровья, помощи и уязвимости. При этом криминальное поле семантически теснее связано с веществом и оборотом наркотиков, тогда как номинации человека/зависимости ближе к медицинско-гуманистической рамке. Это позволяет рассматривать деперсонализацию как самостоятельный результат исследования: человек не столько последовательно изображается «агрессором», сколько оказывается менее заметным на фоне дискурса угрозы, контроля и борьбы.

В ценностном измерении выявленная конфигурация отражает напряжение между двумя общественно значимыми логиками – безопасностью и контролем, с одной стороны, человеческим достоинством, правом на помощь и социальное восстановление – с другой. Гуманизация медиадискурса не предполагает отказа от ценности общественной безопасности; ее смысл состоит в том, чтобы безопасность не достигалась за счет исчезновения из публичного поля человека как субъекта прав, лечения и реабилитации. Именно баланс этих ценностей определяет, становится ли медиаописание зависимости механизмом стигматизации и исключения или ресурсом более инклюзивного общественного отношения.

Список литературы

1. Entman, R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, № 4. – P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

2. McGinty, E. E., Kennedy-Hendricks, A., Baller, J., Niederdeppe, J., Gollust, S. E., & Barry, C. L. Criminal Activity or Treatable Health Condition? News Media Framing of Opioid Analgesic Abuse in the United States, 1998–2012 // Psychiatric Services. – 2016. – Vol. 67, № 4. – P. 405–411.

3. Taylor, S. Outside the Outsiders: Media Representations of Drug Use // Probation Journal. – 2008. – Vol. 55, № 4. – P. 369–387. DOI: 10.1177/0264550508096493.

4. Lindsay, T., & Vuolo, M. Criminalized or Medicalized? Race, News Media, and Drug

Epidemics in the United States, 1988–2018 // Criminology. – 2021. – Vol. 59, № 3. – P. 376–403.
5. McGinty, E. E., Stone, E. M., Kennedy-Hendricks, A., & Barry, C. L. Stigmatizing Language in News Media Coverage of the Opioid Epidemic: Implications for Public Health // Preventive Medicine. – 2019. – Vol. 124. – P. 110–114. DOI: 10.1016/j.ypmed.2019.03.018.
6. Jaafar, E. A. Drug Addiction Awareness Discourse on Social Media: A Corpus Linguistic Study in the Context of Sustainable Development Goals // Journal of Lifestyle and SDGs Review. – 2025. – Vol. 5, № 3. – e05445. DOI: 10.47172/2965-730X.SDGsReview.v5.n03.pe05445.
7. Goffman, E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.
8. McGinty, E. E., Goldman, H. H., Pescosolido, B. A., & Barry, C. L. Portraying Mental Illness and Drug Addiction as Treatable Health Conditions: Effects of a Randomized Experiment on Stigma and Discrimination // Social Science & Medicine. – 2015. – Vol. 126. – P. 73–85. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.12.010.
9. Bosworth, K. T., et al. Analysing Media Portrayals of People with Substance Use Disorder and Addiction: A Scoping Review // Cultures of Science. – 2024. – Vol. 7, № 2 (Suppl.). – P. 126–141. DOI: 10.1177/20966083241313264.

ҰЛЫ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ АШЫЛУЛАРДЫҢ ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ: ЕУРОПАНЫҢ ҚҰЛДЫРАУЫНЫҢ ЭКСПАНСИЯЛЫҚ ПРОЦЕССТЕРГЕ ӘСЕРІ (XIV-XV ғғ.)

Сайфулла М.М
7М01601-Тарих 1 курс магистранты,
Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті,
Ақтөбе қ., Қазақстан
e-mail: madina.saifolla@mail.ru
Ғылыми жетекші: Бегимбаева Жибек Сагинбаевна - тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор

АННОТАЦИЯ

Бұл мақала Ұлы географиялық ашылулардың Еуропаның күшеюінен емес, керісінше, оның терең құрылымдық әлсіздігінен туындағаны туралы тұжырымды қайта қарастырады. 2019-2024 жылдар аралығындағы жаңа ғылыми зерттеулерге сүйене отырып, Кейінгі орта ғасырлардығы дағдарыстың, Қара өлім індетінің, Осман империясына байланысты сауда мәселесінің және “әлсіз империялар” тұжырымының еуропалық державалардың неліктен кенеттен мұхиттарға бет бұрғаны туралы түсінікті қалай өзгертетіні қарастырылады.

Менің негізгі тұжырымым бойынша, XIV-XV ғасырлардағы дағдарыс теңіз асып, жаңа аумақтарды игеруді Еуропа үшін мәжбүрлі қажеттілікке айналдырған қысымды қалыптастырды. Ал технологиялық жетістіктер мен саяси отарландыру осы мақсатқа жетуге мүмкіндік берген құралдар болып табылды. Сонымен қатар, Еуропаның тарихи артықшылығына негіздерлген дәстүрлі көзқарасты көлемді түрде қайта қарау қажет деп есептеймін.

КІРІСПЕ

Неліктен еуропалықтар XV ғасырда батысқа қарай теңіз арқылы сапарға шықты? Көптеген оқулықтарда бұл сұраққа қарапайым түрде жауап беріледі: өйткені олардың бұл сапарды жүзеге асыруға мүмкіндіктері болды. Еуропа күшейіп, білімін молайтып әрі толықтырып, мұхиттарды кесіп өтуге қажетті технологияларды дамытты. Колумб, Васко да Гама, Магеллан сияқты тұлғалар прогрестің қаһармандары және жаңа дәуірдің ізашарлары сияқты сипатталады.

Алайда бұл қалыптасқан көзқараста бір мәселе бар. Алғашқы мұхиттық экспедицияларды Еуропаның ең бай әрі қуатты мемлекеттері емес, сол кезеңдегі еуропалық экономиканың шеткі аймағында орналасқан Португалия мен Испания ұйымдастырды. XV ғасырдың басында

Португалия халқының өсімі баяу, ресурстары шектеулі шағын корольдік болды. Ал Испания ұзақ әрі қатыгез Реконкиста үдерісін енді ғана аяқтап, қаржылық қиындықтарға тап болған еді. Ендеше, мұндай мемлекеттер неліктен мұхит арқылы саяхаттаудың орасан зор тәуекеліне барды?

Осы қайшылықтар мені 2001 жылы қытайлық ғалымдар Мяо Си мен Ван Хун ұсынған гиптоезаға назар аударуға итермеледі [1] . Олардың тұжырымы қалыптасқан көзқарасқа қарама қайшы келеді: географиялық ашылулар Еуропаның күш-қуатының белгісі емес, оның артта қалуы мен құлдырауының көрінісі болды. Еуропа теңізге өрлеу кезеңін бастан өткергіндіктен емес, тығырықтан шығудың жолын іздегендіктен бет бұрды.

Бұл мақала аталған гипотезаны қазіргі ғылыми зерттеулер негізінде тексеруді мақсат етеді. XIV ғасырда Еуропада қандай өзгерістер болғаны, Осман империясының жаулап алулары сауда қатынастарына қандай әсерін тигізгені және еуропалық экспансияның сипаты туралы жаңа зерттеулерде қандай тұжырымдар жасалғаны қарастырылады. Мақаланың мақсаты-жоғарыда айтылған гипотезаны жаңа тарихи деректер негізінде бағалау, сондай-ақ оның қай тұстарын түзету қажет екенін анықтау.

ТАРИХИ ЖАҒДАЙ: ЕУРОПАДА НЕ БОЛЫП ЖАТТЫ?

Еуропалықтардың неліктен батысқа қарай теңіз саяхатына шыққанын түсіну үшін алдымен сол кезеңдегі Еуропаның жағдайын қарастыруымыз қажет. Бұл кезеңдегі тарихи көрініс Еуропаның қуатты әрі гүлденген қоғам болғанын көрсете бермейді.

Еуропадағы XIV ғасыр көбіне “Кейінгі орта ғасырлардағы дағдарыс” кезеңі деп аталады. Бұл уақыт ашаршылықпен, індеттермен, соғыстармен және әлеуметтік толқулармен сипатталады. 1347-1351 жылдар аралығында таралған “Қара өлім” індеті Еуропа тарихындағы халық санына ең ауыр соққы болған апаттардың бірі еді. Зерттеушілердің бағалауы әртүрлі болғанымен, Еуропа халқының шамамен үштен бірінің жартысына дейінгі бөлігі қаза тапты. Қалалар босап, егістік жерлер қараусыз қалды, ал еңбек ресурстары күрт азайды.

Джедваб, Джонсон және Кояма (2022) жүргізген қазіргі экономикалық зерттеулер оба індетінің сыртқы экзогенездік соққы болғанын растайды [2] . Яғни, бұл құбылыс Еуропа экономикасының ішкі дамуынан туындаған жоқ, оған сырттан әсер еткен апат болды. Қысқа мерзімде жұмысшылардың тапшылығы мәселесінен жалақы өсті. Алайда ұзақ мерзімді салдары аймақтарға байланысты сәйкесінше әртүрлі болды : кейбір өңірлер қалпына келсе, басқалар бұрынғы деңгейіне қайта жете алмады. Жалпы алғанда, бұл кезең экономикалық өсуден гөрі құлдырау мен қысқару үрдісімен сипатталады.

Еуропаның ақша жүйесі де қиындықтарға тап болды. Сауда қатынастарының өсуін қамтамасыз етуге қажетті алтын мен күміс жеткіліксіз еді. Монеталар тапшы болды, несие жүйесі тұрақсыз жұмыс істеді, ал көпестер алыс қашықтықтағы сауда операцияларын қаржыландыруда қиындықтарға кезікті. Фридрих Энгельстің еңбектерімен байланысты “алтынға деген құштарлық” ұғымы еуропалық билеушілерлің басты мақсаттарының біріне айналды.

Осылайша, Ұлы географиялық ашылулар қарсаңындағы Еуропаны сенімді түрде дамып, кеңейіп келе жатырған өркениет ретінде ғана қарастыруға болмайтынын аңғарамыз. Керісінше, ол ауыр апаттарды бастан өткеріп, қалпына келуге тырысқан сонымен қатар қиын жағдайдан шығудың жолын іздеген қоғам болды.

Дәл осы тарихи жағдайда Еуропаның “артта қалуы мен құлдырауы” туралы гипотезаның мәні айқынырақ көріне бастайды.

ОСМАН МӘСЕЛЕСІ

Дәстүрлі тарихи көзқарас бойынша, 1453 жылы Константинопольді Осман империясының жаулап алуы Еуропаның Азиямен сауда байланыстарын үзді. Дәмдеуіштер, жібек және басқа да қымбат тауарлар Еуропа нарықтарына бұрынғыдай жете алмады. Осман билігі христиан көпестеріне дұшпандық танытты деген пікірлер қалыптасты. Сондықтан еуропалықтар Шығысқа апаратын теңіз жолын табуға мәжбүр болды деп түсіндіріледі.

Бұл тұжырым ұзақ уақыт бойы қайталанып келгендіктен, оған өте сирек күмән келтірілді. Алайда қазіргі зерттеулер бұл түсініктің тым қарапайым екенін көрсетеді.

Халим Генчоглу (2024) Осман империясы Еуропаның сауда жолдарын толығымен жауып

тастады деген пікірдің тарихи деректермен жеткілікті дәрежеде дәлелденбегенін айтады [3] . Түрік мұрағаттарындағы құжаттар Батыс Еуропа көпестерінің Жерорта теңізіндегі порттарды пайдалануды жалғастырғанын көрсетеді. Осман билігінің мақсаты еуропалық сауданы тоқтату емес, одан салық алу болды. Ал саудаға толық тосқауыл қойылды деген түсінік еуропалық державаларға орталық экспансиясын ақтауға сылтау болуға мүмкіндік берді. Егер османдықтар жау ретінде көрсетілсе, онда еуропалықтардың жаулап алушылық әрекеттерін қажетті қорғаныс шарасы ретінде ұсынуға болатын еді.

Бірақ, бұл жаңаша көзқарас Осман империясының тарихи рөлін толығымен жоққа шығармайды. Константинопольдің құлауы саяси жағдайды өзгерткені рас. Дегенмен, “саудаға тосқауыл қою” туралы түсінік нақты экономикалық жағдайды сипаттаумен қатар, саяси-идеологиялық құрал ретінде де қолданылған болуы мүмкін. Осы тұрғыда алғанда, Еуропаның Атлант мұхитына бет бұруын тек Осман империясының әрекеттеріне жауап ретінде түсіндіру жеткіліксіз. Бұл үдеріс Осман жаулап алуларынан бұрын басталған және Еуропаның терең құрылымдық дағдарысымен байланысты болған кең ауқымды тарихи өзгерістердің бір бөлігі еді.

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚЫСЫМ: АЛТЫН ТАПШЫЛЫҒЫ ЖӘНЕ ЖАҢА НАРЫҚТАРДЫ ІЗДЕУ

Енді экономикалық жағдайға қайта оралайық.Бағалы металдардың тапшылығы XV ғасырда ғана пайда болған мәселе емес, алайда осы кезеңде ол ерекше шиеленісе түсті. Еуропаның өнеркәсібі мен саудасы дамып жатқанымен, экономикалық жүйенің тұрақты жұмыс істеуіне қажетті ақша жеткіліксіз болды. Көпестерге монеталар, монархтарға мемлекеттік кірістер, ал шіркеуге қайырымдылық қаражаттары қажет еді. Сондықтан қоғамның әртүрлі топтары байлықтың жаңа көздерін іздеуге мүдделі болды.

Дәл осы жерде “алтынға деген құштарлық” ұғымының маңызы артады. Жаңа сауда жолдарын іздеуге тек танымға деген қызығушылық немесе саяхатқа құмарлық себеп болған жоқ. Бұл қажеттіліктерден туындаған әрекет еді. Португалия мен Испания қауіпті экспедицияларды қаржыландыруға дайын болды, ал оған себеп болған олардың басқа мүмкіндіктерінің шектеулілігі болды. Жерорта теңізі арқылы өтетін дәстүрлі сауда жолдарын Венеция мени Генуя бақылап, дәмдеуіштер саудасына үмтемдік етті. Бұл қалалардың көпестері жоғары баға белгілеп, саудаға монополиялық бақылау орнатты.

Қазіргі тарихи зерттеулер көрсеткендей, Португалияның экспансиясы XIV ғасырдағы дағдарыс кезеңінде басталды. Қара өлім індетінен кейін ел халқының саны айтарлықтай өспеді, сондықтан экспансияға демографиялық қысым негізгі себеп болған жоқ. Басты сипат экономикалық сипатта еді: Португалия Венецияның сауда монополиясын айналып өтіп, Африка алтыны мен Азия дәмдеуіштеріне тікелей қол жеткізуды көздеді.

XX ғасырда Салазар режимінің үгіт-насихаты бұл үдерісті “Теңіз асып кеңею” атты қаһармандық тарих ретінде көрсетіп, оны португал ұлттық бірегейлігінің негізін құрайтын тарихи аңызға айналдырды. Алайда кейінгі тарихшылар бұл түсіндіруден біртіндеп алшақтай бастады. Алғашқы теңіз экспедициялары салтанатты әрі даңқты діни жорық емес, Еуропаның шетінде орналасқан кедей корольдіктің қиын жағдайдан шығу үшін жасаған тәукелді қадамы болды. Осылайша, Ұлы географиялық ашылуларды тек батыл саяхатшылардың жетістігі ретінде қарау жеткіліксіз. Олардың артында жаңа байлық көздерін табуға, саудадағы бәсекелестікті жеңуге және экономикалық қиындықтардан шығуға деген ұмтылыс жатты [4] .

“ӘЛСІЗ ИМПЕРИЯЛАР” ТҰЖЫРЫМЫ

Егер Еуропа дағдарысты бастан өткерсе, онда ол әлемнің соншалықты үлкен бөлігін қалай жаулап алды? Бұл сұраққа жауап беруде Дж.К.Шарманның 2019 жылы жарық көрген Empires of the Weak (“Әлсіздердің империялары”) атты еңбегінің маңызы зор [5] .

Шарманның пікірінше, Еуропаның әскери басымдығына негізделген дәстүрлі түсіндіру көбіне тарихи миф болып табылады. “Әскери революция” тұжырымы бойынша, еуропалық әскерлер мен флоттар соншалықты дамығандықтан, кез келген қарсыласын жеңе алатын деңгейге жетті. Алайда Шарман тарихи оқиғалардың бұлай өрбімегендігін көрсетеді. Ерте жаңа дәуірдегі еуропалық экспансияның нәтижелері көбіне кездейсоқ жағдайларға, жергілікті одақтарға және байырғы мемлекеттердің ішкі әлсіздігіне байланысты болды.

Еуропалық державалар орасан зор аумақтарды тек әскери күшінің басымдығы арқасында жаулап алған жоқ. Олар жергілікті билеушілер арасындағы алауыздықты пайдаланып, жергілікті элиталармен одақ құрды және, ең бастысы, империялық басқару міндеттерінің едәуір бөлігін жеке компаниялар мен жергілікті делдалдарға тапсырды. Мысалы, Ост-Үнді компаниясы мемлекеттік мекеме емес, өз әскері мен дипломатиялық байланыстары бар жеке коммерциялық ұйым болды.

Бұл тұжырым Еуропаның "артта қалуы" туралы гипотезаны белгілі бір дәрежеде қолдайды. Егер еуропалық экспансияның негізгі қозғаушы күші әскери басымдық болмаған болса, онда оның нәтижелерін басқа факторлар арқылы да түсіндіру қажет. Оладың қатарында тығырықтан шығуға ұмтылу, қалыптасқан жағдайды өз пайдасына пайдалану және өзгермелі жағдайларға бейімделу сияқты факторлар бар. Осы тұрғыдан алғанда, Еуропаның кейбір мемлекеттері әлемді тек күшті болғаннан жаулап алды деу жеткіліксіз. Олардың жетістіктеріне жергілікті саяси қайшылықтарды пайдалану, одақтастар табу және әртүрлі басқару тәсілдерін қолдану да ықпал етті. Дегенмен, бұл факторлар Еуропаның экономикалық және әскери артықшылықтарын толығымен жоққа шығармайды, керісінше, оның жаһандық экспансиясының күрделі сипатын көрсетеді.

ТЕХНОЛОГИЯЛАР МЕН САЯСАТ

Технологиялар мен саяси орталықтандырудың рөлін нақты түсіну маңызды. Компас, астролябия және каравелла сол кезеңдегі нақты технологиялық жаңалықтар болды. Ал 1492 жылдан кейін Испанияның бірігуі экспедицияларды қаржыландыруға қабілетті орталықтандырылған монархияның қалыптасуына ықпал етті.

Алайда олар Ұлы географиялық ашылулардың негізгі себебі болған жоқ. Кемелерді технологиялардың өзі теңізге шығармайды, оны адамдар жүзеге асырады. Сол сияқты, саяси орталықтандыру да экспедицияларды өздігінен ұйымдастырмайды, мұндай әрекеттерге көбіне қосымша табыс көзін іздеу қажеттілігі түрткі болады. XV ғасырдағы технологиялық және саяси өзгерістер теңіз саяхаттарын жүзеге асыруға мүмкіндік берген жағдайлар еді. Олар саяхатты мүмкін етті, бірақ міндетті қажеттілікке айналдырған жоқ. Ал мұндай қажеттілікті қалыптастырған фактор - дағдарыс болды.

Бұл айырмашылықтың маңызы ерекше. Егер Ұлы географиялық ашылулардың басты себебі технологиялық жетістіктер болды десек, онда біз тарихи дамуды үздіксіз прогресс ретінде түсіндіретін дәстүрлі көзқарасқа қайта ораламыз. Ал егер олардың пайда болуын дағдарыспен байланыстырсақ, онда тарихты басқаша түсіндіруге мүмкіндік ашылады. Бұл жағдайда Еуропаның күші емес, оның әлсіздігі мен экономикалық қиындықтары негізгі түсіндіруші фактор ретінде қарастырылады.

ГИПОТЕЗАНЫ БАҒАЛАУ

Еуропаның "артты қалуы мен құлдыруы" туралы гипотеза маңызды түсіндірулер ұсынғанымен оның даулы тұстары да бар.

Гипотезаның негізгі тұстары:

Біріншіден, бұл гипотеза неліктен мұхитттық экспансияның алғашқы бастамашылары ретінде Еуропаның шеткі аймақтарында орналасқан, салыстырмалы түрде кедей Португалия мен Испанияның алға шыққанын түсіндіруге көмектеседі. Егер географиялық ашылулардың басты себебі экономикалық және әскери күш қуат болса, онда Венеция мен Генуя сияқты бай сауда орталықтары жетекші рөл атқарады деп күтуге болар еді. Алайда алғашқы мұхиттық экспансияда олар шешуші орын алған жоқ.

Екіншіден, бұл гипотеза Қара өлім індеті мен Кейінгі орта ғасырлардағы дағдарыс туралы қазіргі эмпирикалық зерттеуллермен белгілі бір дәрежеде үйлеседі. Демографиялық және экономикалық деректер Еуропаның кейбір аймақтарында халық саны мен өндірістің қысқарғанын көрсетеді. Бұл жағдай Еуропаның біркелі өркендеп, дамымағанын дәлелдейді [2] .

Үшіншіден, гипотеза Шарманың "әлсіз империялар" тұжырымымен де үндеседі. Егер Еуропаның жаһандық экспансиясын тек әскери басымдықпен түсіндіру жеткіліксіз болса, онда экономикалық қысым, саяси бәсекелестік және жаңа ресурстарды іздеу сияқты факторлардың рөдін тереңірек қарастыру қажет [5] .

Гипотезаның әлсіз тұстары:

Біріншіден, бұл көзқарас мұхиттық саяхаттарды жүзеге асыруға мүмкіндік берген жинақталған географиялық білім мен тәжірбиенің маңызын төмендетуі мүмкін. Еуропалық теңізшілер Колумбтың сапарынан бірнеше ғасыр бұрын Атлант мұхитын зерттей бастаған. Демек, Ұлы географиялық ашылулар аяқ асты пайда болған жоқ.

Екіншіден, гипотеза Еуропаның ішкі даму үдерістеріне жеткілікті назар аудармайды. Қалалардың өсуі, қолөнер өндірісінің дамуы және саудамен айналысатын буржуазияның қалыптасуы да маңызды рөл атқарды. Бұл өзгерістер еуропалық мемлекеттерің алыс қашықтықтағы сауда экспансияны ұйымдастыру мүмкіндіктерін арттырды.

Үшіншіден, бұл гипотеза тарихи дамуды алдын ала белгіленген, сөзсіз нәтиже ретінде қарау қауіпін тудырады. Егер дағдарыс теңіз асып кеңеюді міндетті түрде қажет етсе, онда неліктен Еуропаның кейбір мемлекеттері экспансияға белсенді қатысып, басқалары мұндай жолды таңдамады? Сондықтан гипотеза мемлекеттер арасындағы айырмашылықтарды да түсіндіруі керек.

ҚОРЫТЫНДЫ

Ұлы георграфиялық ашылуларды тек прогрестің жеңісі ретінде қарау дұрыс емес. Бұл тарихи үрдіс Еуропадағы демографиялық, экономикалық, сауда және геосаяси дағдарыстардың нәтиежесінде туындады. Еуропа батысқа өзінің күш-қуатының арқасында емес, сол кезеңдегі қиындықтарды еңсеру және олардан шығудың жолдарын іздеу қажеттілігіне байланысты бет алды.

Бұл тұжырым Ұлы географиялық ашылулар туралы дәстүрлі көзқарасты толығымен жоққа шығармайды. Теңізде жүзу технологиясының дамуы, саяси орталықтандыру және жинақталған білім де маңызды рөл атқарды. Алайда олар экспансияның негізгі себертері емес, оны жүзеге асыруға мүмкіндік берген құралдар болды. Басты себептердің бірі - кейінгі орта ғасырлардағы Еуропаның құрылымдық әлсіздігі.

Алдағы зерттеулер Еуропаның әртүрлі аймақтары дағдарысқа қалай жауап бергенін және неліктен кейбір мемлекеттер теңіз, мұхит асып кеңею жолдарын таңдаса, басқалары бұл бағытта әрекет етпегендігін анықтауға бағытталуы мүмкін. Мұндай зерттеулер Ұлы географиялық ашылуларды біржақты прогресс немесе құлдырау тұрғысынан бағаламай, осы күрделі тарихи үдерістің себептері мен ерекшеліктерін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Практикалық маңызы. Зерттеу нәтижелерін университеттерде орта ғасырлар тарихын, халықаралық қатынастар мен экономикалық тарихты оқыту барысында, сондай-ақ Еуропа экспансиясының себептерін зерттеуге арналған болашақ ғылыми жұмыстарда пайдалануға болады.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Miao Si, Wan Hong. The Historical Causes of the Great Geographical Discoveries: Europe’s Backwardness and Decline // Journal of Huanggang Normal University. 2001. No. 4. P. 64–69. (In Chinese).
2. Jedwab R., Johnson N. D., Koyama M. The Economic Impact of the Black Death // Journal of Economic Literature. 2022. Vol. 60, No. 1. P. 132–178. DOI: 10.1257/jel.20201639. URL: https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.20201639
3. Gençoğlu H. Did the Turks Obstruct the Sea Route to the East? // IOL. 2024. September 6. URL: https://lgapp1.iol.co.za/capeargus/opinion/did-the-turks-obstruct-the-sea-route-t o-the-east-0f776c71-9168-4bcc-93e5-30f34bc880e9
4. Polónia A. Iconoclasm versus Apologetics: How the Salazar Regime Dealt with Portuguese Overseas Expansion // European Review. 2022. Vol. 30, No. S1. P. S65–S76. DOI: 10.1017/S1062798722000342. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/european-review/article/iconoclasm-v ersus-apologetics-how-the-salazar-regime-dealt-with-portuguese-overseas-expa nsion/C9863737AE22D2ADEA5104C56AE50736
5. Sharman J. C. Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2019. xii, 196 p.

6. Lü Zhao. Decline Theory, Transformation Theory, and Crisis Response Theory: The Evolution of Interpretative Models of the “Late Medieval Crisis” // World History. 2023. No. 4. URL: http://iwh.cssn.cn/xsyj/xscg/lw/202512/t20251214_5958629.shtml (In Chinese).
7. Campbell B. M. S. Recession: The Inhibiting Environment and Latin Christendom’s Late-Medieval Demographic and Economic Contraction // The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 332–394.

Центральная Азия и новый суверенитет в эпоху ИИ (на примере Казахстана и Туркменистана)

Тян Д.Д.
Студентка 4-го курса ОП 6D03104 - Международные отношения, e-mail: darina.tyan@narxoz.kz
Кондратенко А.В. Студентка 3-го курса ОП 6D03104 - Международные отношения, e-mail: angelina.kondratenko@narxoz.kz
Университет Нархоз, Алматы, Казахстан
Научный руководитель:доктор политических наук, профессор Андиржанова Г.А.

Аннотация:
Современный суверенитет стран Центральной Азии основывается на верховенстве власти внутри границ и её независимости от внешнего вмешательства, но в XXI веке этот принцип сталкивается с необходимостью адаптации к стремительному развитию технологий и росту влияния искусственного интеллекта (ИИ), который, выступая в качестве ключевого инструмента, способен трансформировать системы государственного управления, безопасности и саму природу власти.

Введение

Стремительное развитие искусственного интеллекта создает предпосылки для фундаментального пересмотра сущности суверенитета в перспективе следующих ста лет, тогда как физические границы государств остаются вне прямого воздействия данных технологических трансформаций. Суверенитет все в большей степени определяется не территориальным контролем, а способностью государства управлять цифровыми потоками данных, алгоритмами и технологической инфраструктурой. Для государств Центральной Азии, обретших суверенитет после распада СССР, вызовы, связанные с развитием искусственного интеллекта, носят особенно критичный характер. Расположенный на пересечении интересов крупных держав, регион сталкивается с риском формирования технологической зависимости от внешних акторов, включая Россию, Китай и страны Запада. В этих условиях будущее суверенитета Центральной Азии определяется не только национальными стратегиями отдельных государств, но и степенью региональной асимметрии в освоении технологий ИИ.

В данной статье данная асимметрия рассматривается на примере двух контрастных национальных моделей — Казахстана и Туркменистана, которые отражают крайние подходы к цифровой трансформации. На основе их сопоставления формулируются выводы о возможных сценариях будущего суверенитета Центральной Азии в целом.

Основная часть

Текущая ситуация в регионе демонстрирует глубокий цифровой разрыв. На одном полюсе находится Казахстан, системно выстраивающий экосистему ИИ, на другом — Туркменистан, сохраняющий закрытость и жесткую государственную централизацию [1].

Государство демонстрирует впечатляющую динамику и на данный момент занимает 60-е место в глобальном индексе готовности правительств к внедрению искусственного интеллекта. Этот показатель является лучшим результатом в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа,

что официально закрепляет за страной статус регионального технологического лидера.

Основным драйвером такого успеха стал сектор государственных услуг, где уровень цифровизации и готовности инфраструктуры оценивается крайне высоко — в 73.59 балла из 100 возможных.

Темп развития Казахстана можно охарактеризовать как высоко интенсивный: за короткий промежуток времени страна совершила значительный рывок, поднявшись в мировом рейтинге сразу на 16 позиций. На фоне соседних государств Казахстан является явным фаворитом — для сравнения, Узбекистан находится на 62-м месте, Азербайджан на 70-м, а Кыргызстан располагается на 116-й строчке. Такая интенсивность обусловлена развитием электронного правительства и созданием мощной технической базы, включая запуск национального суперкомпьютера. В то время как многие страны региона только начинают формировать нормативную базу, Казахстан уже перешел к фазе практического масштабирования ИИ-технологий в экономике, что позволяет оценивать его развитие как опережающее и стратегически выверенное.[2]

Последнее место среди стран Центральной Азии в упомянутом выше отчете (Government AI Readiness Index 2025 от Oxford Insights) занимает Туркменистан. Он находится на 166-м месте из 195 возможных. Показатели свидетельствуют о начальном этапе развития ИИ, облачных технологий и системы "электронного правительства" в государстве.

Например, по данным UN E-Government Development Index, в 2024 г. индекс электронного участия государства (отражающий степень вовлеченности граждан в процессы государственного управления посредством цифровых технологий) был равен 0.0411, что является достаточно низким показателем, из-за чего страна заняла 189 место из 193.[3]

Согласно данным UNDP, у Туркменистана низкие показатели по цифровым навыкам, доступу к цифровым услугам и внедрению платформ, что дополнительно свидетельствует о невысокой цифровой активности в стране в сравнении с другими.[4]

В открытых источниках и международных аналитических отчётах отсутствует информация о частных продуктах национального происхождения, ориентированных на применение или развитие ИИ.

Использование указанных технологий остается минимальным, что позволяет отнести Туркменистан к числу стран с наиболее низким уровнем готовности к внедрению ИИ в сравнении с другими государствами региона.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что искусственный интеллект становится для стран Центральной Азии не просто инструментом технологической модернизации, но и фундаментальным вызовом для их национального суверенитета. С одной стороны, формирование собственных ИИ-экосистем в критически важных сферах — от сельского хозяйства до транзитной логистики

— открывает путь к укреплению коллективной устойчивости региона и снижению зависимости от внешних центров силы. Усиление межгосударственного сотрудничества через создание общих платформ данных и согласованных стандартов регулирования способно превратить ИИ в ключевой элемент суверенного развития в глобальной цифровой системе..

Эпоха искусственного интеллекта формирует новое понимание суверенитета, в котором решающую роль играют данные, цифровая инфраструктура и технологическая самостоятельность. Для стран Центральной Азии, включая Казахстан и Туркменистан, ИИ становится не только инструментом модернизации, но и фактором национальной безопасности и политической устойчивости.

Казахстан делает ставку на цифровое развитие как элемент государственного суверенитета. Национальные программы цифровизации, внедрение ИИ в государственные сервисы, финансы и образование направлены на снижение бюрократии и повышение эффективности управления. При этом ключевой вызов заключается в зависимости от зарубежных технологических решений и необходимости развивать собственные кадры, научные центры и экосистему данных.

Туркменистан, напротив, демонстрирует более закрытую модель цифрового развития, где приоритет отдается контролю над информационными потоками и сохранению политической стабильности. Использование ИИ и цифровых технологий здесь потенциально может усилить государственный контроль и автономию, однако ограниченная интеграция в глобальные технологические цепочки может сдерживать инновационный потенциал.

Новый суверенитет в эпоху ИИ в Центральной Азии проявляется по-разному. Казахстан стремится встроиться в глобальную цифровую экономику, балансируя между открытостью и технологической независимостью, тогда как Туркменистан делает акцент на цифровом контроле и изоляции. В обоих случаях способность управлять ИИ становится ключевым фактором реального суверенитета в XXI веке.

Список литературы

1. Oxford Insights Government AI (https://arxiv.org/abs/2503.20833)
2. Digital Democracy and the Digital PublicSphere (https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781003331087/digital-democracy-digital-public-sphere-christian-fuchs)
3. UN E-GovernmentDevelopment Index (https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data/Country-Information/id/177-Turkmenistan?utm_source)
4. UNDP (https://digitaldevelopmentcompass.undp.org/country/TKM?utm_source)

Ғылыми электрондық басылым

ҚҰНДЫЛЫҚТАР ӘЛЕМІ – ӘЛЕМНІҢ ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті қаржыландыратын «Қазақстандағы жоғары білім берудің гуманитарлық қырлары: реформалау перспективалары» гранттық жобасын іске асыру шеңберінде гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелеріне арналған студенттердің республикалық ғылыми жұмыстар байқауының

МАТЕРИАЛДАРЫ

2026 жылғы 30 қазан

Научное электронное издание

ЦЕННОСТИ МИРА – МИР ЦЕННОСТЕЙ

МАТЕРИАЛЫ

Республиканского конкурса научных студенческих работ по проблемам гуманитаристики, проводимого в рамках реализации грантового проекта «Гуманитарные ракурсы высшего образования в Казахстане: перспективы реформирования», финансируемого Комитетом Науки МНВО РК

30 октября 2026 г.

Мақаланың мазмұнына авторлар жауапты

За содержание статьи ответственность несут авторы